2020 №3

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

3

2020

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2020

3 (13)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302

Периодическое издание

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

Главный редактор

Научный руководитель Института востоковедения РАН, академик РАН
В. В. Наумкин

Редакционная коллегия

В. П. Андросов	И. Д. Звягельская
А. В. Акимов	Т. А. Карасова
Л. Б. Алаев	Е. А. Катасонова
Ю. Г. Александров	А. И. Кобзев
А. К. Аликберов	В. А. Кузнецов
В. М. Алпатов	Ю. В. Любимов
С. Э. Бабкин	Н. М. Мамедова
А. Г. Белова	Д. В. Микульский
В. Я. Белокреницкий	Д. В. Мосяков
С. А. Бурлак	В. Н. Настич
Е. Ю. Ванина	К. В. Орлова
Д. Д. Васильев	С. А. Панарин
А. В. Воронцов	Н. И. Пригарина
А. В. Демченко	Н. Г. Романова (<i>зам. гл. редактора</i>)
А. С. Десницкий	А. В. Сарабьев
А. Ю. Другов	В. Н. Саутов
А. С. Железняков	З. М. Шаляпина
А. О. Захаров	Т. А. Шаумян

Редакция

Д. В. Дубровская (*ответственный секретарь*)
С. Е. Малых (*научный редактор*)

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – С. В. Ветухов; макет и верстка – С. Е. Малых

На обложке: Горы Манден и деревня Сиби округа Кати,
Мали, январь 2020 г. (*фото П. А. Куценкова*)

**RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES**

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2020

3 (13)

Published quarterly

Founded in February, 2018

**Moscow
IOS RAS**

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies,
Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Editor-in-Chief

Academic Supervisor of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Vitaly V. Naumkin

Editorial Board

V. P. Androsov	N. M. Mamedova
A. V. Akimov	D. V. Mikulskiy
L. B. Alaev	D. V. Mosyakov
Y. G. Aleksandrov	V. N. Nastich
A. K. Alikberov	K. V. Orlova
V. M. Alpatov	S. A. Panarin
S. E. Babkin	N. I. Prigarina
V. Y. Belokrenitsky	N. G. Romanova (<i>deputy ed.-in-chief</i>)
A. G. Belova	A. V. Sarabyev
S. A. Burlak	V. N. Sautov
A. V. Demchenko	Z. M. Shalyapina
A. S. Desnitskiy	T. L. Shaumyan
A. Y. Drugov	E. Y. Vanina
T. A. Karasova	D. D. Vasilyev
E. L. Katasonova	A. V. Vorontsov
A. I. Kobzev	A. O. Zakharov
V. A. Kuznetsov	A. S. Zheleznyakov
Y. V. Lyubimov	I. D. Zvyagelskaya

Editorial Group

Dinara V. Dubrovskaya (*Executive Editor*)
Svetlana E. Malykh (*Scholarly Editor*)

Вестник Института востоковедения РАН. № 3 (13). — М.: ИВ РАН, 2020. — 360 с.

ISSN 2618-7302

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.

Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

© ФГБУН ИВ РАН, 2020

© Редакция журнала «Вестник Института
востоковедения РАН» (составитель), 2020

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)

07.00.06 Археология

07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования

07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)

10.01.08 Теория литературы, текстология

10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

23.00.00 Политические науки

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки

23.00.02 Политические институты, процессы и технологии

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика

23.00.06 Конфликтология

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	11
-------------	----

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Ванюкова Д. В., Куценков П. А.</i> Экспедиция в Мали в 2020 г.	12
---	----

ДИСКУССИЯ

<i>Драч Г. В., Кириллов А. А.</i> Проблематика истории Востока и современность: размышления о книге Л. Б. Алаева	29
--	----

ЕГИПТОЛОГИЯ

<i>Орехов Р. А.</i> Роль царя Пепи I в становлении будущей столицы египетского государства — Мемфиса	40
--	----

ДРЕВНИЙ НЕКРОПОЛЬ ГИЗЫ: СТРАНИЦЫ ПОЗДНЕЙ ИСТОРИИ

<i>Гончаров Е. Ю., Малых С. Е.</i> Исламские монеты из Восточной Гизы (Египет)	57
--	----

<i>Лебедев М. А.</i> Дж. Б. Кавилья и начало археологического изучения скальных гробниц восточной окраины Гизы	63
--	----

<i>Малых С. Е.</i> Керамические трубки-оттоманки из Гизы: к истории табакокурения на Востоке	77
--	----

ТЮРКСКИЙ МИР ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

<i>Тишин В. В.</i> К имени «короля тюрков» в «Хронике Фредегара»	90
--	----

<i>Тимохин Д. М.</i> Описание судьбы городов Хорасана и Мавераннахра в годы монгольского нашествия в арабо-персидских географических сочинениях	100
---	-----

<i>Сибгатуллина А. Т.</i> Турецкий контингент в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Часть I	113
---	-----

ВОСТОЧНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ

<i>Герасимова М. П.</i> Макото — исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев	126
--	-----

<i>Грачёв М. В.</i> Ритуал «тякуда-но мапуригото» в японской судебной системе эпохи Хэйан	139
---	-----

<i>Ванина Е. Ю.</i> Чужеземная прислуга в индийском княжестве Бхопал (XIX — начало XX вв.)	151
--	-----

ORIENT ET OCCIDENT

<i>Дубровская Д. В.</i> Английские денсты и «шараваджизм»: от интеллектуального ландшафта к ландшафтному парку	164
--	-----

<i>Никольская К. Д.</i> У истоков европейской индологии: письмо Бартоломеуса Цигенбальга об Индии	171
---	-----

<i>Молодяков В. Э.</i> «Письма юнги Жана» — источник по истории Тайваня во время франко-китайской войны 1884–1885 гг.	181
---	-----

<i>Сидорова С. Е.</i> Ост-Индские и другие доки в Лондоне: имперская архитектура, колониальная торговля и постколониальная память	190
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ	
<i>Федорченко А. В., Маськова И. В.</i> Израилеведение в Институте востоковедения РАН: страницы истории (конец 1950-х — 1990-е гг.)	206
ФАЛЕРИСТИКА ВОСТОКА	
<i>Захаров А. О.</i> Священная звезда — военный орден Индонезии	217
ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ	
<i>Полхов С. А.</i> О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток IX (перевод и комментарий)	229
<i>Бочковская А. В.</i> Балбир Мадхонури. С чистого листа: зарубки в детской памяти (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»)	249
ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ	
ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНФЛИКТОЛОГИЯ	
<i>Ахмедов В. М.</i> Сирийский кризис: история и современная политическая ситуация	265
<i>Дербенев А. С.</i> Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности	273
<i>Носенко Т. В.</i> Израильская историография о советской политике в ближневосточных войнах	286
ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА СТРАН АЗИИ И АФРИКИ В XXI ВЕКЕ	
<i>Авдаков И. Ю.</i> Транспорт Японии в океане экономических и природных потрясений	298
<i>Бизяев А. И., Марьясис Д. А.</i> К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие Израиля	304
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	
LINGUAE ORIENTALES	
<i>Погибенко Т. Г.</i> Никобарские языки и древнекхмерский: формы зависимой предикации	317
<i>Воронина А. А.</i> Комиксы как источник экстралингвистической информации, необходимой для формирования фоновых знаний у русскоязычных студентов при обучении их корейскому языку	333
<i>Шеремет В. В.</i> О некоторых особенностях передачи экспериментивно-автореперентного состояния в арабском языке (на корпусном материале)	345
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	
IN MEMORIAM	
<i>Алаев А. Б.</i> Вспоминая щедрого человека. Памяти Анатолия Акимовича Куценкова (14.01.1929–01.08.2020)	354
<i>Кузнецова-Фетисова М. Е.</i> Памяти Станислава Иосифовича (Роберта) Кучеры (05.05.1928–28.07.2020)	357

CONTENTS

Editorial	11
HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY	
FIELD STUDIES	
<i>Vaniukova D. V., Kutsenkov P. A.</i> Expedition to Mali, 2020	12
DISCUSSION	
<i>Drach G. V., Kirillov A. A.</i> Problems of the Oriental History and Modernity: Reflections on Leonid B. Alaev's Book	29
EGYPTOLOGY	
<i>Orekhov R. A.</i> King Pepi's Role in Forming Memphis, the Future Capital of Egypt	40
ANCIENT NECROPOLIS OF GIZA: PAGES OF LATE HISTORY	
<i>Goncharov E. Yu., Malykh S. E.</i> Islamic Coins from Eastern Giza (Egypt)	57
<i>Lebedev M. A.</i> G. B. Caviglia and the Beginning of the Archaeological Study of Rock-Cut Tombs of the Eastern Escarpment of Giza	63
<i>Malykh S. E.</i> Ceramic Pipes-Ottomans from Giza: On the History of Tobacco Smoking in the Orient	77
TURKIC WORLD YESTERDAY AND TODAY	
<i>Tishin V. V.</i> To the Name of the "King of Türks" in the Chronicle of Fredegar	90
<i>Timokhin D. M.</i> Description of Khorasan and Transoxiana Cities' Lot during the Mongol Invasion in the Arab-Persian Geographical Texts	100
<i>Sibgatullina A. T.</i> Turkish Contingent at the Communist University of Workers of the East. Part I	113
ORIENTAL MENTALITY	
<i>Gerasimova M. P.</i> Makoto as the Initial Principle of the Ethical and Aesthetic Beliefs of the Japanese	126
<i>Grachyov M. V.</i> The Chakuda no Matsurigoto Ritual of Heian Japan Judiciary	139
<i>Vanina E. Yu.</i> Foreigner Servants in an Indian Princely State Bhopal (19 th — Early 20 th Centuries)	151
ORIENT ET OCCIDENT	
<i>Dubrovskaya D. V.</i> British Deists and "Sharavadvism": From Intellectual Landscape to the Landscape Park	164
<i>Nikolskaia X. D.</i> The Origins of European Indology: Bartholomeus Ziegenbalg's Letter on India	171
<i>Molodiakov V. E.</i> "Letters of Sea Cadet Jean" As a Source on Taiwan History during Sino-French War of 1884–1885	181
<i>Sidorova S. E.</i> East Indian and Other Docks in London: Imperial Architecture, Colonial Trade and Postcolonial Memory	190

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES	
<i>Fedorchenko A. V., Maslyukova I. V.</i> Israeli Studies in the Institute of Oriental Studies RAS: Pages of History (from the End of 1950's till the 1990's)	206
PHALERISTICA ORIENTALIA	
<i>Zakharov A. O.</i> The Military Award of Indonesia Bintang Sakti — The Sacred Star	217
TRANSLATIONS AND COMMENTARIES	
<i>Polkbov S. A.</i> Ōta Gyuichi. «Shincho-ko-ki», Book IX (Commented Translation into Russian)	229
<i>Bochkovskaya A. V.</i> Balbir Madhopuri. Kore kāgaz kī gahrī likhat / Inscriptions on a Tender Mind (A Chapter from Chāṅgiā rukh / Against the Night)	249
HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES	
POLITICAL CONFLICT STUDIES	
<i>Akhmedov V. M.</i> The Syrian Crisis: History and Current Politics	265
<i>Derbenev A. S.</i> Saudi Arabia at the Top of Political Turbulence	273
<i>Nosenko T. V.</i> Israeli Historiography on Soviet Politics in the Middle Eastern Wars	286
ECONOMY AND POLITICS OF ASIAN AND AFRICAN COUNTRIES IN THE 21ST CENTURY	
<i>Avdakov I. Yu.</i> Japanese Transport in the Ocean of Economic and Natural Shocks	298
<i>Bizyaev A. I., Maryasis D. A.</i> On the Issue of COVID-19 Influence on the Israeli Socio-Economic Development	304
PHILOLOGICAL STUDIES	
LINGVAE ORIENTALES	
<i>Pogibenko T. G.</i> Nicobarese languages and Old Khmer: forms of dependent predication	317
<i>Voronina L. A.</i> Manhwa as a Source of the Extralinguistic Information for Background Knowledge Formation while Teaching Korean to Russian-Speaking Students	333
<i>Sheremet V. V.</i> On Some Features of Transmission of Experientive Self-Reference State in the Arabic Language (On the Base of Corpora Material)	345
ACADEMIC EVENTS	
IN MEMORIAM	
<i>Alaev L. B.</i> Remembering a Generous Man. In Memoriam Anatoly A. Kutsenkov (January 14, 1929 — August 01, 2020)	354
<i>Kuznetsova-Fetisova M. E.</i> To the Memory of Stanislav I. (Robert) Kuczera (May 05, 1928 — July 28, 2020)	357

ОТ РЕДАКЦИИ

Третий выпуск «Вестника Института востоковедения РАН» за 2020 г. предлагает ученому читателю богатый осенний урожай — результат плодотворного полугодового затворничества и вдумчивой работы с накопленными источниками, литературой, архивными материалами и материальными объектами.

Мы с гордостью представляем новую уникальную рубрику, посвященную редко освещаемым в науке пластам монументального древнеегипетского памятника — некрополя Гизы. Вы обнаружите, что в скальных гробницах рядом с пирамидами в позапрошлом веке жили европейские туристы, курили турецкий табак, теряли японские ордена и расплачивались звонкой арабской монетой.

В уже полюболюбившихся традиционных рубриках — трагические истории турецких студентов в коммунистической Москве и грузинских служанок в Бхопале, рыночные барабаны и оковы японских узников, таинственный «шараваджи» английских регулярных парков, корейские комиксы как педагогический инструмент, Священная звезда Индонезии, эпистолярный протестантского пастора и французского юнги и картины ушедшей в прошлое колониальной империи на фоне обнесенного мрачными стенами города в городе — лондонских доков.

Переводы с японского и хинди предлагают два вида ценных источников — средневековый и современный, а анализ развития событий в Сирии и влияния пандемии COVID-19 на экономику Израиля демонстрирует острую актуальность изысканий ученых ИВ РАН.

Мы рады приветствовать в номере гостей из ИСАА МГУ, ГАУГН, Крымского и Южного федеральных университетов и приглашаем коллег к продолжению дискуссии о важнейших теоретических проблемах востоковедения вслед за основополагающими трудами Леонида Борисовича Алаева.

Этим летом Институт потерял двух столпов востоковедения — великого китаевода Станислава Иосифовича Кучеру и индолога, дипломата и второго главного редактора журнала «Восток / Oriens» Анатолия Акимовича Куценкова — друга «Вестника» и его постоянного автора. Скорбя об этих потерях, мы выражаем соболезнования близким и друзьям наших коллег. Однако научная жизнь продолжается, о чем свидетельствует очередной красочный материал Петра Анатольевича Куценкова из Мали и избрание Институту нового директора — Аликбера Калабековича Аликберова, с чем редакция «Вестника» от души его поздравляет!

Нас ждет не менее плодотворное завершение года, а пока — keep calm and write to the *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*!

*Редакция «Вестника Института востоковедения РАН»:
Д. В. Дубровская и С. Е. Малых*

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-12-28

ЭКСПЕДИЦИЯ В МАЛИ В 2020 г.

© 2020

Д. В. Ванюкова, П. А. Куценков*

Научно-исследовательская экспедиция Института востоковедения РАН работает в Мали с 2015 г. С 2017 г. в ней принимают участие сотрудники Государственного музея Востока. Задачей экспедиции является изучение трансформации традиционной культуры догонов в условиях глобализации, а также сбор этнографической информации (быт, нравы, особенности традиционного социального и политического устройства); сбор устных исторических преданий; изучение истории, бытования, а также трансформации художественной традиции в деревнях Страны догонов в современных условиях; сбор предметов этнографии и искусства для пополнения коллекции африканского собрания МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург) и Государственного музея Востока (Москва). План работы экспедиции в январе 2020 г. включал дополнительные пункты, а именно, изучение функционирования антикварного рынка в Мали («пути» вещей из деревень в города, что немаловажно для атрибуции произведений традиционного искусства). География наших исследований была существенно расширена на регионы Сикассо и Куликоро в Мали, а также на город Бобо-Диуласо и его окрестности в Буркина-Фасо, что связано с изучением миграций на Нагорье Бандиагара. Кроме того, в план работы экспедиции входила организация фотовыставки в музее деревни Энде и некоторые образовательные проекты. К сожалению, после массовых убийств в марте 2019 г. в деревне Огоссогу-Пёль, где погибло больше 170 человек, события в Стране догонов начали развиваться по наихудшему сценарию: непрекращающиеся после этого провокации возродили старую вражду между скотоводами-пёль (фульбе) и земледельцами-догонами. Пока что эта вражда и взаимное недоверие еще не переросли в полномасштабный этнический конфликт, но, к сожалению, такое развитие событий представляется ныне вполне вероятным.

Ключевые слова: Мали, догоны, фульбе, миграции, кризис.

Для цитирования: Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Экспедиция в Мали в 2020 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 12–28. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-12-28

* Петр Анатольевич КУЦЕНКОВ, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; pkutsenkov@gmail.com

Petr A. KUTSENKOV, PhD (History of Art), DSc (Culturology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; pkutsenkov@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4288-6167

Дарья Владимировна ВАНЮКОВА, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва; darya-29@yandex.ru

Darya V. VANYUKOVA, PhD (History of Art), Research Fellow, The State Museum of Oriental Art, Moscow; darya-29@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-3208-9324

EXPEDITION TO MALI, 2020

Daria V. Vaniukova, Pyotr A. Kutsenkov

The research expedition of the Institute of Oriental studies of the Russian Academy of Sciences has been working in Mali since 2015. Since 2017, it has been attended by employees of the State Museum of the East. The task of the expedition is to study the transformation of traditional Dogon culture in the context of globalization, as well as to collect ethnographic information (life, customs, features of the traditional social and political structure); to collect oral historical legends; to study the history, existence, and transformation of artistic tradition in the villages of the Dogon Country in modern conditions; collecting items of Ethnography and art to add to the collection of the African collection of the Peter the Great Museum (Kunstkamera, Saint Petersburg) and the State Museum of Oriental Arts (Moscow). The plan of the expedition in January 2020 included additional items, namely, the study of the functioning of the antique market in Mali (the “path” of things from villages to cities, which is important for attributing works of traditional art). The geography of our research was significantly expanded to the regions of Sikasso and Koulikoro in Mali, as well as to the city of Bobo-Dioulasso and its surroundings in Burkina Faso, which is related to the study of migrations to the Bandiagara Highlands. In addition, the plan of the expedition included organization of a photo exhibition in the Museum of the village of Endé and some educational projects. Unfortunately, after the mass murder in March 2019 in the village of Ogossogou-Pel, where more than one hundred and seventy people were killed, events in the Dogon Country began to develop in the worst-case scenario: The incessant provocations after that revived the old feud between the Pel (Fulbe) pastoralists and the Dogon farmers. So far, this hostility and mutual distrust has not yet developed into a full-scale ethnic conflict, but, unfortunately, such a development now seems quite likely.

Keywords: Mali, Dogon, Fulani, migration, crisis.

For citation: Vaniukova D. V., Kutsenkov P. A. Expedition to Mali, 2020. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 12–28. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-12-28

Научно-исследовательская экспедиция Института востоковедения РАН под руководством П. А. Куценкова работает в Мали с 2015 г., с 2017 г. в ней принимают участие сотрудники Государственного музея Востока. В 2020 г. в ней участвовал А. В. Улитин, специалист по экспозиционной и выставочной деятельности Государственного музея Востока.

Задачей экспедиции является изучение трансформации традиционной культуры догонов в условиях глобализации, сбор этнографической информации (быт, нравы, особенности традиционного социального и политического устройства); сбор устных исторических преданий; изучение истории, бытования, а также трансформации художественной традиции в деревнях Страны догонов в современных условиях; сбор предметов этнографии и искусства для пополнения коллекции африканского собрания МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург) и Государственного музея Востока (Москва). План работы экспедиции в январе 2020 г. включал дополнительные пункты, а именно: изучение функционирования антикварного рынка в Мали («пути» вещей из деревень в города, что немаловажно для атрибуции произведений традиционного искусства). География наших исследований была существенно расширена на регионы Сикассо и Куликоро в Мали, а также на город Бобо-Диулассо и его окрестности в Буркина-Фасо, что связано с изучением миграций на Нагорье Бандиagara. Кроме того, в план работы экспедиции входила организация фотовыставки в музее деревни Энде и некоторые образовательные проекты.

Однако по причине резкого обострения положения в Мали, на этот раз все пошло не по плану, хотя важно отметить, что при отъезде в Африку не было никаких признаков подобного развития событий. Так, в анкете, заполнение которой необходимо для получения малийской визы, следует указывать те населенные пункты и / или регионы, которые намерен посетить въезжающий в страну иностранец. Все участники экспедиции указали в анкетах регион Мопти, Страну догонов и деревню Энде (базу малийской экспедиции ИВ РАН), но никаких препятствий при получении малийских виз в конце декабря 2019 г. не возникло.

В первой половине дня 5 января 2020 г. экспедиция беспрепятственно пересекла границу Мали с Буркина-Фасо, где не без пользы провела три дня, и вечером 7 января прибыла в город Севаре в регионе Мопти Республики Мали. Следует подчеркнуть, что при въезде в город нас остановили на блокпосте и, после рутинной проверки документов, мы беспрепятственно поехали дальше. Жандармы блокпоста, знакомые с нами по поездке 2019 г., очень дружелюбно поприветствовали экспедицию и пожелали ей счастливого пути. Вечером в Севаре в отель явился представитель местной службы безопасности, проинформировал нас об опасности нападения и об общей обстановке в регионе. Он еще раз уточнил, какие населенные пункты мы намерены посетить, и также пожелал нам счастливого пути.

Утром 8 января мы выехали из Севаре, но вскоре были задержаны на блокпосте Гундака, на границе округов Севаре и Бандиагара региона Мопти (на границе Страны догонов) и под охраной доставлены в расположение V легиона жандармерии Республики Мали в городе Севаре, где подверглись многочасовому допросу. Основанием для нашего задержания, как вполне откровенно говорили сами военные, явилось то, что зафиксированы случаи проникновения в Мали и другие страны Сахеля пришедших с территории Сирии и Ливии наемников-террористов с российскими и белорусскими паспортами (таким образом, подтверждается мнение, что нестабильность в Мали обусловлена внешним фактором). На следующий день, 9 января, нас переправили в город Сегу, на базу IV легиона, где изъяли паспорта и уже ночью доставили в столицу Республики Мали, в расположение легиона Бамако, продержав там всю ночь. Утром 10 января последовали новые допросы, целью которых было установить, не являются ли участники экспедиции ИВ РАН пособниками джихадистов. Наконец, в середине дня 10 января, после высокопрофессионального вмешательства генерального консула РФ в Республике Мали Виталия Сергеевича Болдырева, участники экспедиции были отпущены.

30 января 2020 г. Указом президента Республики Мали No 2020-0034/Р-Р было объявлено о начале Операции МАЛИКО, направленной на восстановление контроля государства в Регионах Гао, Кидадь, Тимбукту, Таудени, Менака, Мопти и Сегу. Однако, судя по нашим приключениям, на самом деле это произошло за три недели до официального объявления.

Наше положение в этой ситуации было двойственным — к российским гражданам в Мали отношение исключительно хорошее (в отличие от французов), и оно оставалось таковым все то время, что мы находились под стражей. Вполне вероятно, что наше задержание стало результатом служебного рвения жандармов Севаре: после их рапорта в Сегу и Бамако там оставалось только «отрабатывать вопрос». Судя по тому, что ни нас, ни наш багаж, ни машину не обыскивали; нас оставили

ночевать в жандармерии в кабинетах сотрудников (наедине со всеми документами) и были предельно доброжелательны, серьезных подозрений мы все-таки не вызвали. Примечательно, что уверовать в нашу непричастность к любым преступным группам жандармам помог каталог выставки «Пленники Сириуса: путешествие в Страну догонов», изданный в 2019 г. (и написанный на русском языке), который мы везли в подарок малийским друзьям.

К сожалению, после начала операции МАЛИКО положение в регионе Мопти только ухудшилось. Если летом и осенью 2019 г. регистрировалось примерно одно нападение на деревню в неделю, то к январю 2020 г. стало происходить по два-три нападения в неделю, а к началу апреля — иной раз и по два нападения за день. И здесь хотелось бы обратить внимание на то, насколько различаются подходы военных и местного ополчения: с одной стороны, ощущение имитации бурной деятельности, а с другой очень точные, «прицельные» действия местного населения, чьи блокпосты располагаются именно в тех пунктах, где они серьезно затрудняют передвижения террористов. Этому способствует высокий уровень самоорганизации местного населения и наличие традиционных механизмов урегулирования конфликтов через личные связи, в том числе родственные и по шуточному родству (*сананкуйя*). Очень эффективно используются современные информационные технологии: благодаря социальным сетям, все население Страны догонов моментально оповещается о террористических нападениях, о заявлениях тех или иных лидеров и о действиях правительства. К сожалению, последнее оценивает такую сплоченность как признак сепаратистских настроений, что до недавнего времени (см. ниже) совершенно не соответствовало действительности: за все шесть лет поездок в Мали мы не встретили ни одного догона, бамбара, бозо, фульбе или сенуфо, кто не был бы горячим патриотом Республики Мали.

К сожалению, после массовых убийств в марте 2019 г. в деревне Огоссогу-Пёль, где погибло больше 170 человек, события в Стране догонов начали развиваться по наихудшему сценарию: непрекращающиеся после этого провокации возродили старую вражду между скотоводами-пёль (фульбе) и земледельцами-догонами. Пока что эта вражда и взаимное недоверие еще не переросли в полномасштабный этнический конфликт, но, к сожалению, такое развитие событий представляется вполне вероятным¹.

Имея возможность непрерывно наблюдать в течение трех дней действия малийских военных, мы смогли сделать некоторые выводы о состоянии вооруженных сил. К сожалению, выводы эти весьма пессимистичны. Малийские военнослужащие, очень преданные своим семьям и свято чтущие старших по званию, совершенно не соответствуют требованиям жесткой воинской дисциплины. Так, полное обмундирование сочетается со шлепанцами на ногах; будучи при полном вооружении большинство солдат (в том числе, находящихся на постах) расслаблены и безмятежны, а

¹ С первой половины XX в. догоны начали продвигаться вглубь долины Сено, лежащей к югу от Нагорья и традиционно бывшей территорией, где преобладало фульбское население. Как отметил В. ван Беек, еще при французах деревни на окраине Страны догонов «колонизировали плато и равнины, и дочерние деревни создавались быстрыми темпами. На карте Страны догонов 1956 г. видно, что значительное число деревень называется *Anakana* или *Anakila*, что означает “Новая деревня”. Другие названия были образованы при помощи суффикса *donyi*, что означает “нижний”, т. е. “верхняя”, материнская деревня располагается на Нагорье» [Beek, 2005, p. 65]. Разумеется, экспансия догонов на этническую территорию фульбе порождала и порождает межэтническую напряженность.

дуло автомата, воткнутое в песок — обычное дело; и в Севаре, и в Бамако по территории базы жандармерии снуют множество торговцев и торговок, которых никто не досматривает; через территорию военной части беспрепятственно проезжают автомобили и мотоциклы. В Севаре приверженец традиционных верований раздавал защитные амулеты солдатам, а весьма ушлого вида догон из окрестностей Севаре предлагал желающим массаж с маслом карите, попутно рассказывая о его волшебных целительных свойствах, или сыграть с ним в местную настольную игру вроде нардов (разумеется, на деньги). Он был представлен нам как переводчик с английского языка, однако ни одного слова в потоке его британской речи распознать было невозможно. Тем не менее П. А. Куценкову были навязаны его «услуги»; автора статьи принудили заплатить переводчику 2000 франков КФА, что примерно соответствует 200 рублям; любопытно, что, когда П. А. Куценков, согласно малийским обычаям, затеял по поводу этой суммы ожесточенный торг, его французский стал удивительным образом полностью понятен всем участникам диалога. В Бамако поставленный охранять нас сотрудник жандармерии, на вопрос Д. В. Ванюковой *«Если ты нас охраняешь, почему на тебе спортивный костюм и шлепанцы и где твоё оружие?»* немедленно ответил, что отделение хорошо укреплено и любезно показал расположение всех огневых точек по периметру территории. Как уже говорилось выше, нас оставили ночевать прямо в кабинетах сотрудников, между груд лежавших на столах служебных документов, которые никто не потрудился убрать в сейф.

Бросается также в глаза отсутствие координации между министерствами. Наш проводник Бокари Гиндо, тесно связанный с Министерством культуры и туризма, рассказывал, что главной задачей там является привлечение максимального количества туристов в страну, и все планы строятся с учетом активного посещения туристами Мали. Это никак не коррелирует с происходящими событиями — в жандармерии от нас требовали какого-то специального разрешения от Министерства культуры и туризма на посещение региона Мопти, хотя малийское законодательство таких разрешений не предусматривает, и в Министерстве культуры и туризма о них никто ничего не знает.

В результате, правительство Республики Мали становится все менее популярным. Так, 5 апреля было опубликовано «Правительственное коммюнике о неоднократных смертоносных нападениях в округах Бандиagara и Банкасс», хотя нападения происходили и происходят практически по всему региону Мопти. Коммюнике, как всегда, не содержало ничего, кроме общих фраз. Если раньше после подобных нападений правительство просто критиковали за бездейственность, то теперь в комментариях под публикацией на малийском новостном сайте *Malijet* можно видеть и более радикальные суждения: *«Я считаю, что это правительство должно быть привлечено к ответственности за преступление против человечности... Догонь никогда не простят вас за то, что вы сделали»; «Своей трусостью и двуличием вы потворствуете террористам»*². Еще тревожнее выглядят комментарии в социальных сетях, где многие (но не все) пользователи-малийцы высказываются в пользу требования полной независимости для Страны догонов.

Иными словами, создается впечатление, что к апрелю 2020 г., когда писалась эта

² Communiqué du gouvernement suite aux attaques meurtrières répétées dans les cercles de Bandiagara et Bankass (05.04.2020). *Malijet*. 06.04.2020. URL: <http://malijet.com/communiqués-de-presse/241241-communiqué-du-gouvernement-suite-aux-attaques-meurtrières-repete.html> (дата обращения 22.04.2020).

статья, социальная, политическая и экономическая напряженность в Мали достигла высшей точки, и возможно любое развитие событий, вплоть до государственного переворота.

Несмотря на все эти происшествия, сезон 2020 г. получился продуктивным, и нам, к собственному удивлению, удалось выполнить большинство поставленных задач.

БУРКИНА-ФАСО

Целью нашего пребывания в Буркина-Фасо было завязывание контактов, необходимых для сбора этнографической информации в будущем: дело в том, что при первом контакте жители деревень в Мали и Буркина-Фасо никогда не бывают откровенны, на вопросы отвечают уклончиво и не испытывают особой радости по поводу визита «тубабу». Несмотря на краткость пребывания в этой стране (5–7 января 2020 г.), нам удалось такие контакты завязать в городе Бобо-Диуласо. Этот город с окрестностями населен двумя народами — бобо и сенуфо, и оба явно связаны с догонами. Так, бобо называются в числе народов, составлявших население Нагорья Бандиagara до прибытия туда переселенцев из Страны манде.

Большого внимания заслуживают два музея городе Бобо-Диуласо (впрочем, как и все провинциальные музеи в Африке). Первый из них, коммунальный музей Согосира Санон расположен в самом центре Бобо-Диуласо. Он был открыт в марте 1990 г. как центр сохранения культурного наследия трех крупнейших этносов запада Буркина-Фасо, бобо, фульбе и сенуфо, и его деятельность — результат их совместных усилий. В трех небольших залах музея представлены предметы быта и произведения традиционного искусства этих народов, а также предметы городской культуры Бобо-Диуласо и связанные с ней фотоматериалы. Постоянная экспозиция предваряется пространством для сменных выставок, где в момент нашего визита были представлены работы участников конкурса современного искусства: город Бобо-Диуласо является важнейшим центром современной культуры в стране³. Представленные на конкурс предметы искусства — как живопись, так и скульптура — отличаются высоким качеством исполнения и яркой декоративностью и обращаются, в основном, к теме исторического наследия Буркина-Фасо и различным аспектам традиционной культуры, в том числе, к межэтническим взаимоотношениям. На территории музея располагаются реконструкции традиционного сооружения в технике земляной архитектуры и травяной

³ Отвечая на просьбу показать нам место, где мы можем познакомиться с местной культурой и посмотреть на предметы искусства, проводник в Бобо-Диуласо привел нас в центр современного искусства. Его владелец и автор всех представленных там произведений работает литейщиком, создавая интерьерные вещи на основе традиционных образов. Кроме того, ему принадлежат ready-made объекты, для которых используются пластиковые отходы — канистры, шлепанцы, бутылки. Из них он делает по преимуществу зооморфные и антропоморфные маски, точно находя наиболее выразительные способы использования исходных вещей. Здесь же нам удалось увидеть несколько крупных объектов, сваренных из металлических отходов. Нужно отметить, что идея создания объектов искусства из отходов производственной деятельности человека необычайно популярна среди художников многих стран Африки. Она позволяет обращаться к актуальной проблеме «перепользования» ресурсов и утилизации пластиковых и прочих отходов в художественной среде, и предлагает дешевое сырье в среде изготовителей сувенирной продукции. Так, в Дженне (Республика Мали) популярны браслеты, сплетенные на травяном каркасе из распущенных на тонкие полоски разноцветных пластиковых мешков. Кроме того, подобные вещи, предложенные на продажу, пользуются неизменно высоким спросом среди европейцев.

хижины фульбе с восстановленным интерьером. Кроме того, к зданию музея примыкает парковая зона, где также представлены чрезвычайно интересные объекты искусства — деревянная скульптура на основе природных форм (корней, причудливо изогнутых веток), «прорастающая» среди естественного паркового пейзажа, а также хаотично разбросанные по парку то здесь, то там предметы традиционной культуры — ступка, калейбаса, выполненное в традиционном стиле изображение предка. Эффект обращения к жизни природы и теме «духов леса» усиливается благодаря естественному «старению» деревянной скульптуры на воздухе и разрушительной деятельности термитов — творения человеческих рук постепенно стареют, разрушаются и поглощаются вездесущей растительностью, буквально растворяются в природном окружении. В парке располагается также водоем, где живут сомы, тотемные рыбы бобо, и таким образом, музейное пространство в известном смысле раскрывается как культовый центр бобо.

Еще один музей — Центр культуры сенуфо им. Рене Фурнье. Такой же центр есть в городе Сикассо⁴ в Мали (илл. 1). Последний проводит полевые исследования, собирая коллекции произведений традиционного искусства и памятники устной традиции, а отделение в Бобо-Диуласо по преимуществу занимается переводом результатов исследований на французский язык и публикацией их в виде буклетов.

Илл. 1. Центр культуры сенуфо в городе Сикассо, республика Мали (фото П. А. Куценкова)

Центры роднит многоцелевая направленность. В музейном пространстве представлены основные аспекты традиционной культуры: предметы, связанные с

⁴ Этническая территория сенуфо простирается от Сикассо в Мали до Бобо-Диуласо в Буркина-Фасо, а на запад — до региона Корхого в Кот д'Ивуар. Существуют планы открытия такого же центра и в Корхого, однако они столкнулись с административными препятствиями.

сельскохозяйственной деятельностью, ткачество, культовые объекты⁵. Примечательна история, связанная с Центром сенуфо в Бобо-Диуласо и подтверждающая наши наблюдения относительно тех мотивов, которыми руководствуются носители культуры, желающие расстаться с ритуальными предметами. Подбирая артефакты для музейных коллекций, мы каждый раз спрашиваем продавца — что побуждает его отдать нам такой объект, ведь его ценность измеряется не только художественными качествами или возрастом. Наиболее частая причина — переход семьи в ислам и невозможность, в связи с этим, хранить дома предметы, связанные с традиционной религией или магией. Казалось бы, такие вещи можно просто уничтожить. Однако сотрудники центра сенуфо, например, подробно рассказали нам о том, как в коллекции музея появился один охотничий «фетиш»: несколько лет назад в музей пришел человек, мусульманин, в семье которого этот предмет хранился. Он не мог, по понятным причинам, держать этот объект в доме, однако и уничтожить его он не мог: «фетиш», хозяин которого уже умер, явно обладал большой силой, и его уничтожение могло навлечь на семью неприятности. Поэтому его новый владелец решил отдать его в музей, причем именно отдать, не взяв денег⁶. Небезынтересно, между прочим, что об аналогичном случае П. А. Куценкову рассказывал выдающийся советский и российский африканист В. Р. Арсеньев (1948–2010).

Помимо собственно экспозиционно-выставочной деятельности Центры культуры сенуфо обладают уникальными коллекциями аудиозаписей устных исторических преданий деревень сенуфо, сказок, песен и т. д. Сбор, начатый еще на кассетных носителях, в настоящее время оцифровывается и постепенно издается в виде буклетов. Таким образом, как и догоны, сенуфо, прекрасно понимая уязвимость устной культуры перед вызовами современного информационного общества, инициируют фиксацию наследия устной традиции.

Во многом сохранению традиционных ценностей способствует и тот факт, что как Центр сенуфо Бобо-Диуласо, так и Центр сенуфо Сикассо являются не просто музеями и исследовательскими базами, но и местом, где проводятся свадьбы и прочие значимые для сенуфо этих городов события: центры фактически представляют собой те самые «места силы», которыми являются деревни для своих уроженцев, в той или иной мере оторванных от традиции в условиях городского общества.

Очень интересным стало посещение деревни Коро, которая находится всего в 13 км к востоку от Бобо-Диуласо, рядом с дорогой на Уагадугу. Первоначально предполагалось, что там удастся обнаружить следы миграций догонов и теллем, поскольку деревня представляет собой характерное для догонов, теллем и ногом

⁵ Обращает на себя внимание, что фотосъемка запрещена в залах, где расположены культовые объекты (возможно, в связи с тем, что именно эти вещи пользуются повышенным вниманием со стороны европейцев, и таким образом сотрудники пытаются защитить вверенные им предметы от «несанкционированных» публикаций и соблюсти право первой публикации для своих соотечественников).

⁶ Да и возможности выкупить вещь у владельца у центра очень ограничены. Еще меньше они у государственных музеев: так, сотрудник музея города Сикассо сказал нам, что для них нет проблемы в том, чтобы пополнять музейный фонд новыми предметами традиционной культуры — несмотря на устоявшееся среди европейцев мнение о том, что в деревнях не осталось старой скульптуры. Единственная проблема — чрезвычайно скудное финансирование, ведь количество желающих подарить семейные реликвии в музей исчисляется буквально единицами.

поселение на скалах. Однако при посещении деревни выяснилось, что ей чуть больше ста лет, и никакого отношения к миграциям теллем она не имеет. Тем не менее посещение этой деревни оказалось весьма полезным для понимания специфики западноафриканского ислама. Формально все население деревни — мусульмане; но мечети в Коро нам обнаружить так и не удалось. Ее отсутствие компенсировалось огромным количеством алтарей и фетишей, причем на все случаи жизни (*цветная вклейка, фото 1–2*): от алтаря для путешественников до алтаря близнецов (рождение близнецов чревато различными сложностями мистического характера, и для того чтобы от них избавиться, надо постоянно приносить жертвы. Традиционная пивоварня также не оставляет никаких сомнений отношении рвения жителей Коро в следовании нормам шариа).

МИГРАЦИИ ДОГОНОВ

В январе 2020 г. в районе города Кангаба и деревни Сиби (регион Куликоро) участники экспедиции ИВ РАН зафиксировали любопытное явление, доказывающее, что догоны по-прежнему тесно связаны со Страной манде. Выяснилось, что часть тиге Йалкуе (*Yalcouye, Yalkouye*), известная как «Суфи адама», т. е. суфии, стали возвращаться на свою историческую родину, покинутую во времена Самори Туре, т. е., скорее всего, в 1870-е гг. Причиной их ухода с Нагорья Бандиагара является угроза со стороны джихадистов (с их точки зрения, суфии даже хуже христиан).

Илл. 2. Закусочная Yan Kadi («Здесь вкусно»), город Бамако, республика Мали
(фото П. А. Куценкова)

Йалкуе мигрировали на запад Республики Мали уже давно: так, в Бамако существует их большая община, занимающая заметное место в среднем и малом бизнесе; совсем рядом с отелем Сегере в Бамако, где мы жили, находится

принадлежащая догонам-Йалкуе закусочная под названием *Yan Kadi*, что означает «Здесь вкусно» (илл. 2) и, надо заметить, полностью соответствует действительности. Именно постоянное посещение этого заведения позволило П. А. Куценкову пообщаться с представителями семьи Йалкуе в неформальной обстановке и прояснить некоторые детали обратной миграции догонов на их историческую родину, в горы Манден (илл. 3). Туда переселяются именно Суфи адама, причем, этот процесс сопровождается рядом обязательных действий. Так, переселенцы должны заручиться не только разрешением вождя той деревни, в которой они намерены поселиться (в нашем случае это деревня Джулафундо (илл. 4)), но и местных охотников — традиционной элиты, по-прежнему имеющей очень большое влияние. Однако не было случаев, чтобы им было отказано. Память о том, когда они покинули свою историческую родину, сохраняется в тех деревнях, откуда они вышли. Их возвращение не вызывает возражений со стороны местного мандингского населения, так как воспринимается как исполнение известного пророчества о том, что догоны рано или поздно вернутся в Страну манде: их наделяют землей и всеми традиционными гражданскими правами. Таким образом, можно сделать вывод, что миграции догонов никогда не прекращались, как не прерывалась и не прерывается связь между ними и их исторической родиной.

Дополнительно, были получены сведения о времени исхода теллем из района между деревнями Илери и Тилери — сами жители этих деревень датируют его не XVI, а XVII в. Экспедиция приобрела несколько скульптур теллем и ногом из этого региона. Если радиоуглеродный анализ подтвердит эту дату, то это будет лишним свидетельством точности устных исторических деревенских преданий.

Илл. 3. Горы Манден и деревня Сиби округа Кати, республика Мали (фото П. А. Куценкова)

Илл. 4. Вождь деревни Джулафундо. Бугуни, республика Мали (фото П. А. Куценкова)

ИСКУССТВО И АНТИКВАРНЫЙ РЫНОК

Интересные наблюдения были сделаны в сфере изобразительного искусства, причем касаются они не только самих артефактов, но также специфики функционирования антикварного рынка в Мали.

Посещение региона Куликоро, где находится Страна манден и город Бугуни в регионе Сикассо, позволило нам познакомиться с местными художественными традициями, которые сильно отличаются от догонских, но, в то же время, имеют с ними и много общего: там, как и у догонов, каждая деревня обладает совершенно неповторимым стилем, а все скульптуры и маски имеют авторов, имена которых прекрасно известны местному населению. Рискнем даже утверждать, что стилистические различия между искусством отдельных догонских деревень могут быть столь же отчетливыми, как разница между стилями изобразительного искусства догонских и бамбарских деревень.

При посещении деревень в окрестностях Бугуни нам удалось обнаружить доселе неизвестный тип масок Чивара. Обычно эти маски представляют собой наголовники, а маски-личины были известны только в регионе Кай. Оказалось, что в Бугуни тоже бытуют маски-личины Чивара (цветная вклейка, фото 3), но стилистически они имеют мало общего с масками аналогичного типа из Кая. В деревне Сиратого, расположенной неподалеку от города Бугуни, нас также ждала неожиданность в виде масок Сиги (дикий буйвол, одна из масок общества Коре (илл. 5)), которые в стилистическом отношении гораздо ближе к искусству бобо, чем к «классическим» образцам традиционного

искусства бамбара (особенно это относится к яркой полихромии). С этими масками связана очередная «лукавая» история, характеризующая взаимоотношения малийцев с исламом.

Город Бугуни с окрестностями считается в Мали рассадником колдовства и черной магии: при упоминании его в разговоре любой малиец не преминет заметить, что жители Бугуни — люди чрезвычайно опасные, и общаться с ними надо с большой осторожностью, тем более что они с удовольствием поддерживают свою жутковатую репутацию всеми доступными средствами. Так, рядом с деревней Сиратого есть скала, называемая Сигифин («Чёрное место») (*цветная вклейка, фото 5*), где приносят жертвы местному *джинна* («духу»), исполняющему все желания. По словам местных жителей, недавно из Бамако приезжал очень крупный военный, принесший на Сигифин жертву, дабы оградить себя от всех опасностей (интересно, что это случилось незадолго до начала операции МАЛИКО — см. выше). Когда П. А. Куценков спросил местного имама, как он относится к такой практике, тот ответил, что он тут ни при чем — ведь не он же приносит жертвы! Между прочим, его роль в соблюдении норм шариата также выглядит, мягко говоря, сомнительно: когда мы въехали в деревню, первым, на что мы обратили внимание, стал устойчивый дух масла карите, основного «экспортного» деревенского продукта, и традиционного пива, доло. Под деревом рядом с деревенской мечетью сидела группа пожилых мужчин, явно находящихся в легком подпитии, причем, в числе присутствовавших были замечены местный вождь и имам. Они-то, в ответ на вопрос, есть ли в деревне маски, ответили на него утвердительно. Один из присутствовавших ушел и вернулся с двумя масками и мальчиком лет 10–11, который эти маски поочередно надевал (*цветная вклейка, фото 4*). На наш вопрос, почему маску носит ребенок, вождь ответил, что в масках танцуют только дети. Таким образом, языческие обычаи в деревне живы, но соблюдение их возложено на детей. Иными словами, взрослые в деревне Сиратого, формально обращенные в ислам, снимают с себя ответственность за соблюдение языческих обрядов, но они продолжают исполняться!

Вместе с тем, некоторые наблюдения свидетельствуют о том, что отдельные типы декоративно-прикладного искусства имеют региональное распространение. Это относится к дверным засовам, которые в районе Бугуни имеют ярко выраженную региональную специфику (*илл. 6*) и мало похожи на засовы из региона Мопти — там они явно находятся под влиянием искусства догонов, и подчас бывает трудно отличить антропоморфные засовы бамбара от догонских.

Поскольку до Нагорья Бандиагара нам в этот раз добраться не удалось, мы были вынуждены всерьез заняться изучением антикварного рынка в Бамако. Мы и ранее приобретали вещи на Центральном рынке, причем, знакомые нам торговцы (братья Дианне) уже хорошо знакомы с нашими требованиями и стали предоставлять по максимально полную информацию о времени и месте изготовления интересующих нас вещей и, по возможности, об авторстве. Теперь наши сведения о том, как этот рынок функционирует, существенно расширились, хотя многое еще нуждается в уточнениях.

Торговцы антиквариатом делятся на две группы: те, кто относится к первой, лично объезжают деревни, имеют хорошие связи с местным населением и обычно имеют полную информацию о продаваемых ими предметах традиционного искусства; торговцы второй группы действуют через своих агентов в деревнях, и обычно не так

хорошо осведомлены о своем товаре. Впрочем, этот недостаток легко поправим: как только они узнавали о том, что нас интересуют самые подробные сведения о приобретаемых нами артефактах, то немедленно связывались со своими агентами в деревнях и получали все необходимые сведения — в Мали сотовая связь теперь есть повсеместно. Часто, но не всегда, особенно тесно торговцы связаны не просто со своей этнической группой, но со своей и окрестными деревнями. Особняком стоят мелкие посредники, сами не владеющие предметами, но берущие их у крупных торговцев антиквариатом «на реализацию», в основном они ходят по отелям и предлагают вещи постояльцам. Характерной чертой такой «приотельной» торговли является то, что большинство предлагаемых вещей будут относительно современными (но, следует отметить справедливости ради, всегда хорошего качества), информация об этих вещах будет минимальной, а цены обязательно будут многократно завышенными. Однако, ум торговца, а равно и посредника весьма гибок, поэтому на третье-пятое появление торгующий при отеле Сомине Доло стал приходить, вооруженный сведениями о предметах, а цены заметно поползли вниз.

Илл. 5. Маска Сиги
из деревни Кола, Бугуни,
республика Мали
(фото П. А. Куценкова)

Илл. 6. Дверной засов, деревня Сиратого, Бугуни,
республика Мали (фото П. А. Куценкова)

Очень большой интерес представляет знакомство с современной догонской графикой — тем видом искусства, который в Тропической Африке был неизвестен до конца 1950-х гг. Мы имели возможность ознакомиться с частной коллекцией работ самодеятельного догонского художника Алайе Ато (родился ок. 1967 г. в деревне Йендума Ато). Он пользуется достаточно широкой известностью среди специалистов, однако, широкой публике известен мало. Сюжеты его выполненных цветными фломастерами графических листов — сцены жертвоприношений, традиционного суда, демоны (*джинна*) и ангелы (*малака*) (цветная вклейка, фото 6–7). Несмотря на то, что, по

выражению Эрика Жолли «было бы абсурдом рассматривать его произведения как этнологический документ» [Binet, Jolly, Pataux, 1999, p. 9], образы графики Алайе Ато помогают понять, какими догоны видят бесчисленных *джинна*, населяющих их традиционный мир. Эти духи никогда не изображаются в традиционной скульптуре, и эти картины остаются единственной возможностью заглянуть в самые потаенные уголки догонского воображения. Примечательно, что *джинна* всегда появляются во время традиционного жертвоприношения, и это не только свидетельство отношения мусульманина к подобным «запретным» для него практикам, но точно показанный механизм того, каково, собственно, действие «фетиша» или жертвы: ритуальный объект ценен не сам по себе, а именно как вместилище сверхъестественной силы, как посредник, позволяющий ей появиться в нашем мире. Что касается устрашающего вида *джинна*, то, опять же, это объясняется не столько праведным отвращением мусульманина к подобным существам, сколько хорошо известного на материале традиционных культур представления о том, что сверхъестественное существо обладает внешностью, невозможной в обычной реальности, поскольку оно к ней не принадлежит.

ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ 2015–2020 гг.

Поскольку из-за резкого обострения обстановки в Мали и пандемии коронавируса никакие поездки в эту страну будут невозможны, по крайней мере, в 2021 г., у нас есть возможность подвести итоги шестилетней работы экспедиции ИВ РАН в этой стране.

Главный ее итог — окончательная уверенность в том, что ставшие «классическими» труды французской этнологической школы весьма сомнительны. Какого бы аспекта культуры и истории догонов мы ни касались, тут же выяснялось, что содержащиеся в трудах М. Гриоля, Ж. Дитерлен и других представителей французской школы в лучшем случае, сильно искажают этнографическую реальность, а в худшем — вовсе не соответствуют действительности. Поясним это на примере изобразительного искусства: в историографии искусства догонов читатель не сможет найти ни одного каталога, где бы указывалось авторство скульптур; крайне редко называются деревни, откуда происходят произведения традиционного искусства. Следует отметить, что на эти недостатки указывали и другие исследователи, в частности, Надин Мартинез [Martinez, 2017], однако ее небольшая брошюра, посвященная этой проблеме, опять-таки, является скорее плодом теоретических рассуждений, чем скрупулезной фактографией.

Еще одним очень важным результатом наших шестилетних исследований стало формирование коллекций искусства Мали в Государственном музее Востока (Москва) и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге. Важно также отметить, что в состав этих коллекций входят и современные произведения, и старая скульптура, в том числе, ногом и теллем — предшественников догонов. Что касается современных вещей, то нередко на фото и видео зафиксирован весь процесс их изготовления. Старые же вещи должны быть датированы по AMS ^{14}C (сейчас эта работа, проводимая совместно с Институтом географии РАН, приостановилась из-за пандемии), и это принципиально новый этап работы с произведениями африканского искусства в России. Дело в том, что датировка предметов искусства по AMS ^{14}C не является невозможной технически — при наличии

разрешительных документов министерства культуры РФ и надежном обосновании необходимости подобного вмешательства в памятник (забор образцов) это не вызывает особых затруднений. Однако в подавляющем большинстве случаев такая процедура не дает ничего, кроме установления абсолютной датировки предмета (хотя и это важно). В случае же с предметами, поступающими в музей с Нагорья Бандиагара, ситуация уникальная: установление датировки предметов, контекст создания и бытования которых нам более или менее точно известен, дает широкие возможности для дальнейших исследований и верификации уже известных фактов о культуре догонов.

Нами были также получены интереснейшие данные по устным историческим преданиям не только отдельных деревень, но и кварталов этих деревень. Именно они позволяют нам утверждать, что современное население Нагорья Бандиагара формировалось из множества групп самого разного происхождения, миграции групп догонов по Нагорью и за пределы собственно Страны догонов продолжается, а представление о полном единообразии культуры и происхождении догонов не соответствуют действительности.

За время работы в Мали нами снято около 50 тыс. фотоснимков и более ста часов видеозаписей, которые являются надежными документами, характеризующими и традиционную, и современную культуру Нагорья Бандиагара и всей Республики Мали.

Наконец, по результатам работы экспедиции было опубликовано более тридцати статей (список см. ниже), и сделано несколько докладов на международных и всероссийских конференциях, а также на семинарах ИВ РАН, Государственного музея Востока и Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого.

ПУБЛИКАЦИИ ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕДИЦИЙ В МАЛИ 2015–2019 гг.

- Куценков П. А. Ислам и традиционная культура догонов (Мали). Опыт полевого исследования. *Исламоведение*. 2015. Т. 6, № 4. С. 89–104.
- Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Чегодаев М. А. Раннединастический Египет и Тропическая Африка: мнимые связи. Ч. I. *Искусствознание*. 2015. № 3–4. С. 114–138.
- Куценков П. А., Лаврентьева Н. В., Чегодаев М. А. Раннединастический Египет и Тропическая Африка: мнимые связи. Ч. II. *Искусствознание*. 2016. № 1–2. С. 116–153.
- Куценков П. А., Семенова В. Н. Дверные засовы догонов в реальном и музейном контексте. *Радловский сборник: Научные исследования и музейные проекты МАЭ РАН в 2015 г.* Отв. ред. Ю. К. Чистов. СПб., 2016. С. 162–169.
- Куценков П. А. Мусульманская архитектура региона Моити (Республика Мали). *Исламоведение*. 2016. Т. 7, № 3. С. 53–68.
- Куценков П. А. Традиционная архитектура Мали (Дженне, Сегу, Моити, Страна догонов). *Aegyptiaca Rossica* (Вып. 4). Под ред. М. А. Чегодаева, Н. В. Лаврентьевой. М., 2016. С. 165–202.
- Куценков П. А. Опыт сбора коллекции в стране догонов (Республика Мали, 2015–2016 гг.). *Кunstкамера: коллекции и хранители. Памяти Зои Леонидовны Пугач*. Отв. ред. и сост. В. Н. Семёнова. СПб., 2016. С. 34–46.
- Куценков П. А. Полевые исследования в Стране догонов. *Восток (Oriens)*. 2016. № 6. С. 170–180.
- Межкоммунальный договор № 001. Пер. и комм. П. А. Куценкова. *История Африки: люди и судьбы*. Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль, 2016. С. 98.
- Описание деревни Семари, составленное ее вождем Буренма Гандеба. Пер. и комм. П. А. Куценкова. *История Африки: люди и судьбы*. Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль, 2016. С. 99–110.

- Куценков П. А. Искусство и архитектуры догонов как исторический источник. *Африканский сборник* – 2017. Отв. ред. А. Ю. Желтов. СПб., 2017. С. 252–268.
- Куценков П. А. Французская этнология и догоны. *Восточные чтения. Религии, культуры, литературы. Международная конференция*. Отв. ред. А. С. Балаховская, Н. В. Захарова, В. А. Иванова, Н. С. Фролова. М., 2017. С. 161–166.
- Куценков П. А. Пиктограммы догонов (Мали). *Художественная культура*. 2017. № 3 (21). URL: <http://sias.ru/publications/magazines/kultura/2017-3-21/sotsialnaya-filosofiya-i-sotsiologiya/5261.html> (дата обращения 22.04.2020).
- Куценков П. А. История г. Дженне (Мали) и традиционная политическая культура. *Восток (Oriens)*. 2017. № 6. С. 76–87.
- Завьялова О. Ю., Куценков П. А. Социализация детей у народов манден (Гвинея, Мали) и догон (Мали). *Мое африканское детство: дети Африки в контексте культурной антропологии*. Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль, 2018. С. 140–155.
- Куценков П. А. Догонь: дети, традиционная культура и ислам. *Мое африканское детство: дети Африки в контексте культурной антропологии*. Отв. ред. Т. М. Гавристова. Ярославль, 2018. С. 155–158.
- Куценков П. А. Война на севере Мали и ислам в Стране догонов. Заметки очевидца. *Исламоведение*. 2018. Т. 9, № 2. С. 5–14.
- Куценков П. А., Ванюкова Д. В., Лаврентьева Н. В., Семенова В. Н. Экспедиция в Страну догонов (Республика Мали, регион Мопти). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 42–52.
- Куценков П. А. Вожди, шуточное родство и государство в Республике Мали. *Восток (Oriens)*. 2018. № 4. С. 88–101.
- Куценков П. А. Догонь: культура и ее образ в массовом сознании. *Историческая психология и социология истории*. 2018. Т. 11, № 1. С. 119–132.
- Kutsenkov P. A. The Oral History of Dogon Villages and Migrations' to Dogon Plateau. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2018. 10.3. Pp. 330–339.
- Завьялова О. Ю., Куценков П. А. Тубабу и ислам (фестивальные заметки). *Труды Института востоковедения РАН*. Вып. 9. *Национальная культура в транснациональном пространстве*. Отв. ред. Ю. В. Любимов. М., 2018. С. 54–67.
- Куценков П. А. Экспедиции в Мали 2015–2017 гг. *Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее: к 200-летию основания*. Авт.-сост. Д. В. Дубровская, отв. ред. В. В. Наумкин. М., 2018. С. 229–232.
- Завьялова О. Ю., Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде и общедогонское историческое предание. *Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы. V Межд. научн. конф.* Отв. ред. Е. М. Дьяконова, Н. В. Захарова, В. А. Иванова, Н. С. Фролова. М., 2018. С. 65–69.
- Ванюкова Д. В., Куценков П. А. *Пленники Сириуса. Путешествие в Страну догонов. Каталог выставки*. М., 2019.
- Куценков П. А. Скульптура малийской деревни Энде и проблема существования деревенских и индивидуальных стилей в традиционном искусстве догонов. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 1. С. 69–83.
- Куценков П. А., Ванюкова Д. В., Лаврентьева Н. В. Экспедиция в Республику Мали (Страна догонов, регион Мопти) в январе 2019 г. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2. С. 25–38.
- Куценков П. А. Устные традиции деревни Энде (Страна догонов). *Восток (Oriens)*. 2019. № 4. С. 51–59.
- Ванюкова Д. В., Куценков П. А. Две выставки искусства догонов (Республика Мали) в Государственном музее Востока. *Вестник Института востоковедения РАН*. № 3. С. 304–313.

- Куценков П. А. Туризм и традиционное искусство догонов в начале XXI века. *Фольклор в культуре повседневности*. Отв. ред. Т. Н. Суханова. М., 2019. С. 320–336.
- Куценков П. А. Новые данные о традиционном изобразительном искусстве догонов на материале полевых исследований 2015–2019 гг. *Кunstkamera*. 2019. № 4 (6). С. 35–42.
- Ванюкова Д. В. Сейду Жюстен Гиндо: антиквар, коллекционер, хранитель. *Сборник Музея антропологии и этнографии РАН* (в печати).
- Ванюкова Д. В. Образ европейца в искусстве догонов. Тезисы доклада на II международной конференции «Проблемы изучения восточных коллекций». Государственный музей Востока 2–3.03.2020 г. Тезисы. *Государственный музей Востока*. URL: <https://www.orientmuseum.ru/visit/konferencii/index.php> (дата обращения 22.04.2020).

Литература / References

- Beek W. van. The Dogon Heartland: Rural Transportations on the Bandiagara Escarpment. de Bruijn M., van Dijk H., Kaag M., van Til K. (eds.). *Sabelian Pathways. Climate and Society in Central and South Mali. African Studies Centre Research Report* 78. Leiden, 2005. Pp. 40–70.
- Binet J., Jolly E., Pataux B. Alaye Atô, dessinateur dogon. *Cahiers L'Association pour la défense et l'illustration des arts d'Afrique et d'Océanie*. 1999. 14.
- Martinez N. *Des œuvres d'art Dogon ou Tellem? Regard sur l'exposition «Dogon» Quai Branly, 2011*. Paris, 2017.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Communiqué du gouvernement suite aux attaques meurtrières répétées dans les cercles de Bandiagara et Bankass (05.04.2020). *Malijet*. 06.04.2020. URL: <http://malijet.com/communiques-de-presse/241241-communique-du-gouvernement-suite-aux-attaques-meurtrieres-repete.html> (дата обращения 22.04.2020).

Фото 1. Алтарь близнецов в деревне Коро рядом с городом Бобо-Диуласо, республика Буркина-Фасо
(фото П. А. Куценкова)

Фото 2. Алтарь в деревне Коро рядом с городом Бобо-Диуласо, республика Буркина-Фасо
(фото П. А. Куценкова)

Фото 3. Маска Чивара из деревни Кола, Бугуни, республика Мали (фото П. А. Куценкова)

Фото 4. Маска Сиги из деревни Сиратого, Бугуни, республика Мали (фото П. А. Куценкова)

Фото 5. Скала Сигифин. Деревня Сиратого, Бугуни, республика Мали (фото П. А. Куценкова)

Фото 6. Алаїе Ато. Сцена жертвоприношения (фото П. А. Куценкова)

Фото 7. Алаїе Ато. Джинна (фото П. А. Куценкова)

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-29-39

ПРОБЛЕМАТИКА ИСТОРИИ ВОСТОКА И СОВРЕМЕННОСТЬ: РАЗМЫШЛЕНИЯ О КНИГЕ А. Б. АЛАЕВА

© 2020

Г. В. Драч, А. А. Кириллов*

Статья продолжает обсуждение книги А. Б. Алаева «Проблематика истории Востока» (М., 2019). Обращение к истории Востока позволяет автору рецензируемой монографии воссоздать широкую картину мирового исторического развития, включая современное состояние восточного мира, а также экстраполировать полученные результаты на осмысление России. Авторы статьи сосредотачивают внимание на основной проблеме, которая, по их мнению, формирует пространство дискуссии. Это вопрос о соотношении исторического знания и метатеории. В статье концентрируется внимание на дискуссионных вопросах, связанных с предпринятой в книге критикой марксистского и цивилизационного подходов. Дилемма Восток–Запад и проблема исторических особенностей западного пути развития при этом становятся центральными. На их фоне делается возможным обращение Алаева к истории колониализма и обоснование ряда выводов в отношении современной России. Преобразование востоковедения в основание всемирной истории, избавленной от европоцентризма, опирается на огромный конкретно-исторический материал. А. Б. Алаев преодолевает догматизм формационных построений, что и позволяет ему поставить на историческую почву фактов рассмотрение марксистской теории исторического процесса. Однако, по мнению авторов статьи, провозглашенное Алаевым преодоление европоцентризма, свойственного марксизму и его современным адептам, и реформаторам, не состоялось. Перехода с марксистских позиций монолинейного исторического развития на позиции Валлерстайна, мир-системного анализа, для этого явно недостаточно. В целом же исследование А. Б. Алаева отличается несомненной основательностью в рассмотрении поставленных вопросов и их умелой аргументацией, что создает предпосылки для разворачивания дальнейших плодотворных дискуссий.

Ключевые слова: востоковедение, всемирная история, Восток, Запад, Россия, сельская община, формационный подход, цивилизационный подход, феодализм, капитализм.

Для цитирования: Драч Г. В., Кириллов А. А. Проблематика истории востока и современность: размышления о книге А. Б. Алаева. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 29–39. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-29-39

* Геннадий Владимирович ДРАЧ, доктор философских наук, профессор кафедры теории культуры, этики и эстетики, научный руководитель Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; gendrach@mail.ru

Gennady V. DRACH, DSc (Philosophy), Professor, Academic Director of the Southern Federal University, Rostov-on-Don; gendrach@mail.ru

ORCID ID 0000-0002-1112-4928

Андрей Александрович КИРИЛЛОВ, кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета, Ростов-на-Дону; kirillov66@mail.ru

Andrey A. KIRILLOV, PhD (Philosophy), Assistant Professor, Southern Federal University, Rostov-on-Don; kirillov66@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-5886-3595

PROBLEMS OF THE ORIENTAL HISTORY AND MODERNITY: REFLECTIONS ON LEONID B. ALAEV'S BOOK

Gennady V. Drach, Andrey A. Kirillov

The article continues to discuss Prof. Leonid B. Alaev's book *Problems of the Oriental History* (Moscow, 2019). Turning to the Oriental history, the author of the monograph creates a broad picture of the world's historical development, including the Eastern world's current state, and extrapolates his observations on Russia. The authors focus on the main problem, which, in their opinion, provokes a discussion. This is a question about the correlation between the historical knowledge and metatheory. The article focuses on controversial issues arising from Leonid Alaev's critique of the Marxist and civilizational approaches. The East–West dilemma and the problem of the Western path of development become central. Against this background, it becomes possible for Leonid Alaev to turn to the history of colonialism and ground a few conclusions about the modern Russia. The author relies on a lot of historical facts and transforms the Oriental studies into a foundation for the world history freed from Eurocentrism. Leonid Alaev overcomes dogmatism of the Marxist approach to human history as a progression through a series of stages and considers the Marxist theory of the historical process from the viewpoint of historical facts. However, the authors consider that Eurocentrism, which is characteristic of Marxism and its modern adherents and reformers, shows resilience, contrary to Prof. Alaev's conclusions. Transition from the Marxist idea of monolinear historical development to Wallerstein's position, the world-system analysis, is clearly not enough to overcome it. In general, Leonid Alaev's research is characterized by undeniable thoroughness and puts forward reasoned arguments, providing basis for further fruitful discussions.

Keywords: Oriental studies, world history, East, West, Russia, rural community, formational approach, civilizational approach, feudalism, capitalism.

For citation: Drach G. V., Kirillov A. A. Problems of the Oriental History and Modernity: Reflections on Leonid B. Alaev's Book. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 29–39. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-29-39

Трудно, сложно и совсем непросто решать дисциплинарные проблемы научной отрасли исследования, особенно когда такой отраслью выступает многообразное и сложноорганизованное пространства знания под условным наименованием «востоковедение». Поэтому автор книги «Проблематика истории Востока», уважаемый профессор-индолог Леонид Борисович Алаев выстроил ее текстуальную поверхность таким образом, чтобы проблемное поле «истории Востока» совпадало с определенной сюжетной линией выявления «трудных мест» и «эпистемологических препятствий», лежавших на пути построения научной адекватности и достоверности [Алаев, 2019]. Лейтмотивом книги выступает позиция широкой горизонтальной критики, позицию, которую сам для себя избирает автор и в которой на протяжении всего повествования он чувствует себя очень комфортно, что не удивительно, ведь уважаемый профессор делит всех коллег на две «касты» — «...на тех, кто измышляет теории, и тех, кто их употребляет в работе. Первые — это, собственно говоря, не историки, а историсофы... *Практикующие историки (чернорабочие истории)* могли им возражать и испытывать необходимость при помощи конкретного исторического материала разрушать их конструкции» [Алаев, 2019, с. 8].

Исходя из этой пропозиции, существуют собственно-историки (практикующие) и собственно-историсофы (измышляющие), и отношения между ними выстраиваются

достаточно пикантные, если не сказать курьезные: «Мы готовы *использовать* теории, выработанные кем-то *великим*, но мы готовы и указать многомудрым историософам на то, что они слабо знают исторический материал» [Алаев, 2019, с. 8]. Сразу возникает вопрос — зачем использовать такие странные теории, авторов которых уважаемый профессор иронично называет «великими» и «многомудрыми», а их оппонентам присваивает немного уничижительное, но не лишнее внутренней гордости прозвище «чернорабочих»? Эпистемологический отрицательный статус таких «многомудрых теорий» определяется хлесткой и наверняка справедливой характеристикой — слабым знанием исторического материала. Завершает диспозицию авторского видения поля проблематики истории Востока, на котором сталкиваются мнения «чернорабочих историков» и «многомудрых историософов», животрепещущий для каждого интеллигентного человека образ магазинного прилавка, полки которого завалены «просроченными продуктами», на которых наблюдается отсутствие продуктов «свежих». «История восточных стран как дисциплина страдает как от широкомасштабных обобщений, базирующихся на знаниях, бытовавших в начале XIX века, которые хочется назвать просроченными продуктами, так и от недостатка знаний в собственном смысле слова, недостатке *свежих продуктов*» [Алаев, 2019, с. 8–9].

Правда, остается нераскрытой дисциплинарная тайна «магазинного дефицита» в отечественном востоковедении, кто виноват в недостатке «свежих продуктов», — наверное, «многомудрые историософы», ведь по логике уважаемого автора они не позаботились о том, чтобы завести «свежие продукты» в «магазин» востоковедения, и в самом деле, не могут же в этом быть обвинены простые честные и трудолюбивые «чернорабочие историки», которые ходят в магазин «просто за продуктами»... а может не все так просто, и эти «свежие продукты» должны были быть возделаны «на полях» самими «чернорабочими историками», но тогда от чего в них чувствуется дефицит?

Ответ кроется в формулировке, которой автор снабжает актуализацию заявленной темы — «Господствующие или распространенные в каждый данный момент теории истории не обладают абсолютной истинностью и испытывают влияние: других наук, моды, политического момента» [Алаев, 2019, с. 9]. Выражаясь более определенно, у автора книги имеются большие сомнения в прочности теоретической базы у отечественных историков Востока и виноваты в этом все сразу — и «многомудрые историософы», которые торопятся конструировать теории, и «Священное писание», которого твердо придерживаются носители марксистского и аналогичных ему «просроченных мнений», и вредные привычки самих историков «смешивать истину с мифом» на основании необходимости «додумывать», и устаревшие каноны «школьного и институтского» знания, все то, что находится в актуальном противоречии с конгломератом фактологий, которыми располагают ученые-практики, работающие с многочисленными эмпирическими рядами, ограниченные релятивностью получаемых выводов, но работающие добросовестно и, следовательно, имеющие право на то, чтобы их мнение приобретало корректный научный статус «...мнения — это золотой фонд науки, это единственное, чем мы располагаем как коллектив ученых» [Алаев, 2019, с. 10].

Если уйти от линейного воспроизведения структуры монографического текста, а точно выявить сюжеты, подводящие к «трудным местам» уважаемого автора, то можно выделить три большие метанарратива, которые профессор Алаев последовательно и

много лет подряд в своих публикациях ставит под сомнение и даже превращает в регулярный объект прицельной критики:

- марксистский взгляд на историю Востока (формационный подход), а зачастую, как уточняет сам автор, советский марксизм в его догматическом воплощении. В таком виде, по мнению профессора-индолога, он сегодня предстает исключительно как устарелое историософское и политэкономическое учение, свидетельствующее о его изначальной неприменимости для научного рассмотрения истории стран за пределами Западной Европы¹;

- цивилизационный подход во всех его возможных формах воплощения — стадильной, культурологической и структурной, основная проблема использования данного подхода становится очевидной, по мнению профессора Алаева, в тех случаях, когда выявляется спорный характер основных апелляций к сущностям, которые нельзя исследовать обычными научными методами, расплывчатыми и неверифицируемыми — «духовность», «этос», «ментальность», «устойчивость известного типа духовности», «таинственность подтекста», «особого цивилизационного архетипа»². Вывод однозначен и прямолинеен — «...не может быть цивилизационной теории, потому что цивилизационная сущность не поддается определению» [Алаев, 2019, с. 101];

- теория общины³, в этом случае ставится под сомнение исходный «архаичный» социальный статус общины, формы ее самоорганизации, считает ученый-индолог, возникают и развиваются не столько в «доклассовой» изначальной древности, а под влиянием конкретных исторических форм интенсивного давления на общинников со стороны государства и социальных верхов⁴.

Особое внимание уделяется критике марксистской философии, и эта критика весьма обширна и последовательна в своей литературной форме воплощения, а вот в содержательной стороне она выглядит весьма поверхностной и неглубокой, так допускаются, вполне сознательно, неверные аналогии об объективном и как будто бы «материальном» характере форм общественного бытия [Алаев, 2019, с. 44]. Тут же ставится вопрос о невозможности различения бытия и сознания в феномене социальной пропаганды и совершенно не упоминается о том, что сознание может носить иллюзорный характер [Алаев, 2019, с. 44]. Философское понятие материального (объективного) трактуется сознательно упрощенно и представляется в русле бытового толкования понятием материального (относящегося к выгоде) и тут же это приписывается классикам марксизма [Алаев, 2019, с. 45]. Формулируется искусственный вопрос о «подсознании и факторах его определяющих», утверждается, «что великие немецкие философы, включая Маркса, об этом ничего не знали» (само по себе высказывание очень спорное и поверхностное) и выставляется как аргумент непонятно против кого [Алаев, 2019, с. 45]. Материалистическое понимание истории К. Маркса

¹ Этому вопросу в 2018 г. были посвящены две работы Л. Б. Алаева: «Основные ошибки Маркса как политэконома» [Алаев, 2018а] и «Марксизм и востоковедение» [Алаев, 2018б].

² Название статьи Л. Б. Алаева 2008 г. говорит само за себя: «Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России» [Алаев, 2008].

³ Взгляды Л. Б. Алаева вызвали живую реакцию Е. Б. Рашковского в статье «Социальный миф и развитие. (Размышления над книгой Л. Б. Алаева о сельской общине)» [Рашковский, 2018].

⁴ В этой связи стоит упомянуть еще одну работу Л. Б. Алаева: «Сельская община: “Роман, вставленный в историю”. Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе» [Алаев, 2016].

приравнено к панлогизму Г. В. Ф. Гегеля [Алаев, 2019, с. 46]. К. Марксу приписывается полное непонимание природы умственного труда, как будто у него не было работы «О производительном и непроизводительном труде»⁵ и других опубликованных содержательных исследований, где труд врача, писателя, учителя, ученого и даже работников транспорта рассматривается как производительный, и таких примеров можно набрать на целый отдельный обзор.

Однако общий литературный уровень критики становится вполне очевиден, когда в деле опровержения марксистской доктрины автор прибегает к помощи известного советского актера и автора-исполнителя популярных песен В. С. Высоцкого, священного текста Махабхараты и новозаветного Евангелия от Иоанна и все это в одном абзаце — «В. С. Высоцкий в одной из песен устами шофера дал классическое определение труда, квинтэссенцию политической экономии:

*Я вышел ростом и лицом —
Спасибо матери с отцом;
С людьми в ладу — не понукал, не помыкал;
Спины не гнул — прямым ходил,
И в ус не дул, и жил как жил,
И голове своей руками помогал...*

А наши политэкономы все еще спорят, как же понимать производительные силы...

Значение мышления для практики люди понимали еще в глубокой древности. В «Махабхарате» говорится: «Мысль в этом моя утвердилась, и мысль моя вылилась в слово. А слово да выльется в дело! Мысль слову и делу основа» (Махабхарата, III.281.23). В этом контексте получает дополнительное звучание знаменитый пассаж из Евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и слово было Бог» (Иоанн, 1. 1) [Алаев, 2019, с. 48–49]. Комбинация религиозно-поэтических аргументов уважаемого профессора-индолога выглядит весьма экзотичной, даже учитывая фактор пресловутой постмодернистской иронии, даже понимая то, что такой уровень объяснения вряд ли способен быть применим в научной дискуссии.

Почему так происходит, почему уважаемый ученый-индолог уделяет так много времени и места тому, что он сам называет «размыканием объятий марксизма», ведь в свое время это не мешало ему спокойно и плодотворно рассуждать об «укладно-формационной принадлежности, специфике и эволюции афро-азиатских обществ»⁶. «Объятия марксизма» не мешали автору книги ставить вопрос о проблематике феодальной формации, о теоретических вопросах развития феодализма, о необходимости расширения спектра мнений, существующих в изучении докапиталистических обществ Азии и Африки, теоретических подходов и интерпретаций, совершенно в той же эвристической тональности, что им делается и в рассматриваемой «проблемной» монографии 2019 г., даже позиции, которые отстаивает автор сегодня, не претерпели содержательного изменения — «Многие общества Востока окажутся ближе к модели феодализма, чем историографически породившие эту модель страны Запада» [Алаев, 1987, с. 78–90].

⁵ Это один из центральных вопросов, если не центральный, теории прибавочной стоимости.

⁶ Этому вопросу посвящены, в частности, статьи Л. Б. Алаева «К типологии феодализма на Востоке» и «Формационные черты феодализма и Востоку» [Алаев, 1977] и [Алаев, 1987].

Ответ кроется в том, что в рассматриваемой научной монографии, посвященной проблемам изучения истории Востока, мы можем столкнуться не столько с «проблемами истории Востока», сколько с систематизированными и анатомированными проблемами развернувшейся полемики вокруг методологических подходов и теоретических ориентиров в изучении истории, которая имела место в последние 30–35 лет⁷ и сохраняет для автора книги свою актуальность до настоящего времени. И эта полемика имеет ярко выраженный авторский характер, характер острого открытого диалога, ориентированного на выявление слабых сторон у конкретных оппонентов. Возможно, этим объясняется решительное неприятие, которое автор проявляет к представителям «цивилизационного подхода», отказывая им в возможности формирования теоретического взгляда, оставляя лишь беллетристическую перспективу для «обмена мнениями на страницах газет и журналов». Возможно, этим объясняется и достаточное количество содержательных нестыковок, которые встречаются у автора научной монографии. Где автору выгодно подчеркнуть значение экономических показателей — он утверждает их непреходящую фундаментальную ценность для исторического исследования: «Разъясню, что для историка изучение количественных показателей крайне важно, изменения ВВП и ВВП на душу населения дают историку *твердь*, а не мнения и впечатления. В нарративной истории ничего нельзя *отвергнуть*, потому что ничего нельзя *доказать*. А экономика доказывает многое...» [Алаев, 2019, с. 53].

А если это вдруг идет вразрез с исследовательскими замыслами, мотивами и установками, то мы получаем совсем другую ориентировку: «...Я попытаюсь показать, что теоретическая база, на которой стоит большинство отечественных историков Востока, расплылась и не служит прочным фундаментом. Нужно срочно пересматривать наше отношение к культуре, психологии, духовному миру, ну и начинать убеждать, что экономика определяет не все!» [Алаев, 2019, с. 9]. И если внимательно вчитываться в каждый параграф, в каждый раздел научной монографии, то подобных пассажей мы найдем предостаточно. И это происходит от того, что автор выделил одну немаловажную цель, к которой он не всегда плавно, как это уже можно было заметить, но все же движется — продемонстрировать несостоятельность всех теоретических подходов в отечественном востоковедении и в особенности «советской догматической версии марксизма»: «Капитализм, античеловеческую сущность которого он разоблачил и крах которого он предрек, оказался долгоживущим строем, и если за последние сто лет в значительной степени переродился, то не через революции, а путем, если можно так выразиться, *самоусовершенствования*» [Алаев, 2019, с. 74].

Что такое «самоусовершенствование капитализма» автор научной монографии не спешит объяснять современным читателям (но об этом можно кое-что очень интересное узнать в конце книги, если ее дочитать), при этом не забывая применять не совсем корректный прием — утверждение, согласно которому с марксизмом надо вести не научную полемику, а исключительно политическую борьбу: «С такими взглядами нужно вести борьбу, но политическими, а не научными методами. Социальный опыт —

⁷ Здесь можно было бы назвать уже целый ряд работ Л. Б. Алаева: «Две новейшие концепции истории востока и мира» (2012); «Всеобщая история от Леонида Сергеевича. Рец. на: Л. С. Васильев. Всеобщая история. В 6 тт. Т. 1. Древний Восток и античность. Т. 2. Восток и Запад в средние века» (2007); «Размышления о прогрессе. Назаретян versus Коротаев» (1999); «Б. С. Ерасов формация или цивилизация?» (1990).

критерий истины по Марксу и Ленину, дал на эти вопросы, как мне кажется, однозначные ответы, и если некоторые люди закрывают глаза на этот опыт, их вряд ли можно переубедить посредством научных аргументов. Спорить в этой плоскости просто не интересно...» [Алаев, 2019, с. 75]. Вот так (ссылаясь на К. Маркса и В. И. Ленина, предложено ликвидировать их же теоретические позиции): себе мы можем позволить формировать любую критическую позицию, какую нам выгодно и удобно (это тот самый «комфорт позиции», о котором говорилось в начале), но в ответ ничего слышать не желаем и будем переводить разговор в плоскость политической борьбы с вашими взглядами. Не по этой ли причине в 9 параграфе 2 главы «Современные защитники марксизма» мы не встретим ни одного имени современного ученого-марксиста или философа-марксиста, кроме И. В. Сталина, да и то в связи с упоминанием еще довоенной его работы?

Что в такой ситуации остается делать дезориентированным отечественным историкам-востоковедам и другим специалистам-историкам, не желающим оказаться в одной компании со Сталиным? Разумеется, перейти в лагерь его «противников», а по-простому, принять без лишних разбирательств и сомнений картину социальной реальности в том виде, как ее представляют сторонники посткапиталистической теории и мир-системного анализа, и тогда основной вопрос востоковедения будет звучать немного странно для востоковеда (т. к. европоцентризм марксистской теории автор усилено критиковал), но это уже законы жанра: «Как получилось, что повсюду наступил этап *Мир-империй* (в духе концепции И. Валлерстайна), но потом этот этап надолго «застрял» в Азии, а в Европе начала создаваться *Мир-экономика* (тоже по И. Валлерстайну) — это как раз и непонятно» [Алаев, 2019, с. 265]. Чтобы ответить на этот жанровый вопрос, уважаемому автору предстоит в оставшейся части научной монографии разрешить себе использовать слово «цивилизация» и даже в особых случаях элементы «цивилизационного подхода», раскрыть тайну Запада как немного загадочного «Возрождения XII века»⁸. При этом автору приходится легализовать через констатацию «уровня фрустрации или степени авантюризма того или иного этноса» пресловутую Гумилевскую пассионарность, что, разумеется, не входило в начальные планы: «...Запад превосходил Восток в качестве людского материала — отсюда и оружие, и каравеллы. Появился новый сорт людей — инициативных, авантюрных (*adventurer* — это тогда была положительная характеристика). Конечно, одновременно возросла престижность богатства, возникла погоня за ним, но появился и рос также и интерес ко всему новому» [Алаев, 2019, с. 330].

Приходится выступить апологетом капитализма («капитализм — путь к благосостоянию») и начисто отвергнуть империализм как явление, стать на защиту колониализма, а неоколониализм признать ненаучной марксистской выдумкой и предложить видеть в европейском колониализме невинное и нейтральное «движение», «...всего лишь один из эпизодов движений народов, направление которых имело тенденцию меняться на противоположное» [Алаев, 2019, с. 335]. Что касается России, то ей авторитетно предлагается стать в своем развитии на индийский путь прогрессивного колониального и постколониального строительства мир-системной периферии, не даром же И. Валлерстайном была написана соответствующая статья [Валлерстайн, 2006,

⁸ См. в этой связи работу Кристофера Брука «Возрождение XII века» [Брук, 1992].

с. 3–8]. Разумеется, отказаться от «особого российского пути исторического развития» (потому что все евразийцы скрытно симпатизировали большевикам-марксистам) и уже совсем в духе чаадаевского далекого позапрошлого века деконструировать фактор православного вероисповедания в России: «Российское православие — это, конечно, явная особенность. Но что из этого следует. Это хорошо или плохо? Это православие как-то помогает русским жить? Пожалуй, ясно, что оно отделяет русских от других народов. Что в этом хорошего?» [Алаев, 2019, с. 234]. И далее: «...хорошо бы в контексте уровня развития беспристрастно (если это возможно) разобраться с православием: является ли оно закостенелым пережитком Средневековья или более-менее соответствует уровням, достигнутым страной в экономике, политике, культуре и т. п.» [Алаев, 2019, с. 257]. И все это делается для того, чтобы на страницах научной монографии, ставящей методологические проблемы дисциплинарной сферы знания, в итоге провозгласить сакраментальную руководящую истину вполне определенной политико-идеологической установки: «Это значит только то, что надежды человечества, в том числе и надежды России, связаны с успехами Западного мира» [Алаев, 2019, с. 373]. В шутку это сказано или всерьез?

Мы учитываем, что книга Л. Б. Алаева — это не просто еще один труд по востоковедческой тематике. Исходное положение автора состоит в том, что без Востока нет всемирной истории. То, что продолжает называться «всеобщей историей» — и здесь автор прав — представляет собой скорее историю Европы или Западного мира. Восток же может и должен играть роль призмы, через которую формируется общий взгляд на современные мировые реалии, в том числе и применительно к России. Востоковедческая история немыслима без постановки общемировых проблем. Весьма значимо заявление автора: «Я продолжаю верить, что востоковеды обладают некими знаниями о процессах модернизации и демократизации, которых не имеет больше никто, и которые могут серьезно помочь при анализе российской ситуации» [Алаев, 2019, с. 482]. Такого рода «востокоцентричность» связана у автора не столько с изменением исторической роли стран Востока (прежде всего Индии и Китая), сколько с необходимостью «избавиться от объятий» марксистской теории, ранее единой для всех гуманитарных наук, поскольку без этого невозможно построение и самостоятельной исторической теории.

Восток в этом случае — это некоторый теоретический конструкт, делающий возможным самосознание Запада, который в своем высокомерии не замечал его самобытности и самодостаточности (упреки Эдварда Саида Л. Б. Алаев считает справедливыми). Рассмотрение всемирной истории через призму Востока должно было бы позволить преодолеть европоцентризм, восстановить связь времен и вернуть России самосознание и самоопределение. Но, как нам кажется, обвиняя Маркса в европоцентризме и панлогизме, Л. Б. Алаев в результате сам создает его наиболее радикальную версию. Общая формула современного восточного человека: «...живет как бы в двух мирах: сохраняет традиционное сознание, и при этом вынужден жить и работать в современном мире, к тому же — готов воспользоваться всеми благами, которые ему предлагает современная технология» [Алаев, 2019, с. 26] не содержит европоцентризма, но противоречит созданной автором картине мировой системы. В условиях трансплантации экспериментальной науки Запада в инокультурную среду (единство науки и технологий, как и положение о науке как о непосредственной

производительной силе, не стоит оспаривать, как это делает автор) страны Востока, как и Россия, которая далеко продвинулась на этом пути, могут не повторять тернистый путь культурного развития Европы.

Надо отметить, что обсуждаемая работа А. Б. Алаева уже привлекла к себе научное внимание, читается с интересом и вызывает дискуссии⁹. Его обобщающий труд опирается на огромный научный материал, иногда превышающий человеческие возможности. Отсюда двоякая сложность, перед которой был поставлен автор: критика фактически любой теоретической модели, претендующей на универсальность; и второе — обращение к специальным вопросам, которые могут стать предметом отдельного рассмотрения. И эту сложность Леонид Борисович понимает, с юмором воспринимая возможное окончательное решение (в том числе и собственное) ряда глобальных проблем. «История учит жизни», она не исчезает в прошлом, а воспроизводится в настоящем. В то же время история — это «политика, опрокинутая в прошлое». Алаев видит эти крайности. Один из авторов упомянутой рецензии — В. П. Макаренко максимально радикализирует ситуацию: «...методологический выбор исследователя переплетен с политическим. Пространство этого выбора сводится к альтернативе «предельная ангажированность — максимальное дистанцирование» [Макаренко, 2019, с. 12]. Далее он предлагает развернутую программу политических действий, рекомендуя собственные статьи и наработки. Но это уже звучит как политический манифест, мобилирующий своих сторонников, а вовсе не как научная дискуссия. А ведь в самой формулировке статьи — «Неполиткорректная наука — востоковедение: уроки Леонида Борисовича Алаева», уже содержится сценарий понимания творческой эволюции авторской мысли уважаемого профессора-индолога. Суть ее заключается в том, что ростовские авторы, участники обсуждения научной монографии, сконцентрировали внимание на эффектах критической ретроспективы и теоретических претензий А. Б. Алаева (эту сторону дела достаточно обстоятельно затронул профессор А. В. Лубский), а вот вопрос теоретического образа нынешней «неполиткорректной» науки востоковедения был немного упущен. И это «небольшое упущение» вполне понятно, ведь оно призвано сгладить и прикрыть в рассуждениях ростовских ученых-полемистов вполне очевидные вещи — та картина социальной реальности, которую нам изображает уважаемый Леонид Борисович с помощью особого «востоковедческого багажа знания», — не что иное, как самая что ни на есть политкорректная картина, списанная с лучших полотен Иммануила Валлерстайна и Джованни Арриги, которые, как известно, находили однозначную связь возможных политических сдвигов в отдельных странах с радикальными воздействиями мировой экономики. И отрицать это очевидное сходство совсем непросто: «Предлагаю исходить из того, что мир движется к единому постиндустриальному (или посткапиталистическому) обществу. Это может дать критерий оценки *прогрессивности* или *реакционности* тех или иных событий, шагов, мер и т. п., к чему мы так привыкли [Алаев, 2019, с. 373].

Какова же эпистемологическая ценность критики марксистской методологической позиции (да и всех остальных) автором книги, если он сам с легкостью и стремительностью готов принимать концептуальные схемы мир-

⁹ Обсуждение книги А. Б. Алаева состоялось в 2019 г. в Ростове-на-Дону. См.: [Вольчик и др., 2019].

системного анализа, только потому, что они родом из Йельского университета, университета в Бингемтоне, Колумбийского университета, и потому, что на дворе XXI век? Как тут не вспомнить рассуждения уважаемого автора в начале монографии об «измышляющих историософах» и «чернорабочих» — практикующих историках. Работает ли метафора «магазина с продуктами» или просто визуализирует «постколониальную» управляемость научной деятельности в отдельно взятом дисциплинарном секторе? Особенно это удивляет на фоне того, что уже не является тайной, — внутренней связи мир-системного анализа, на который накладывается обзорный эскиз «больших длительностей» (эклетиически описательный и интерпретативный схематизм), со многими идеями хорошо разработанными и давно известными не только по трудам К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, но и Л. Троцкого.

Впрочем, нашим ростовским ученым коллегам уважаемый Леонид Борисович преподносит неплохой урок по части производства поспешных и удобных выводов в области «политической и неполитической корректности» науки. Делает это он в самом начале своей книги: «Господствующие или распространенные в каждый данный момент теории истории не обладают абсолютной истинностью и испытывают влияние: других наук, моды, политического момента. Ничего плохого в этом нет хотя бы потому, что это неизбежно. Плохо, когда историки и история становятся слугами политического деятеля, режима или вненаучной идеи» [Алаев, 2019, с. 9]. Вопреки энтузиазму некоторых наших доморожденных политологов, которые нашли, по их мнению, окончательный ответ сразу на все вопросы обществознания, книга Л. Б. Алаева инициирует дальнейшее научное обсуждение ряда актуальных и сложных теоретических проблем.

Литература / References

- Алаев Л. Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича. *Восток (Oriens)*. 2009. № 2. С. 209–220 [Alaev L. B. General History from Leonid Sergeevich. *Vostok (Oriens)*. 2009. 2. Pp. 209–220 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Две новейшие концепции истории Востока и мира (О. Е. Непомнин versus Л. С. Васильев). *Сравнительная политика*. 2012. № 1. С. 67–82 [Alaev L. B. Two Latest Concepts of the History of the East and the World (O. E. Nepomnin versus L. S. Vasiliev). *Sravnitel'naya Politika*. 2012. 1. Pp. 67–82 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. К типологии феодализма на Востоке. *Народы Азии и Африки*. 1977. № 4. С. 67–79 [Alaev L. B. To the Typology of Feudalism in the East. *Narody Azii i Afriki*. 1977. 4. Pp. 67–79 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Марксизм и востоковедение. *Восток (Oriens)*. 2018б. № 4. С. 162–170 [Alaev L. B. Marxism and Oriental Studies. *Vostok (Oriens)*. 2018б. 4. Pp. 162–170 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Основные ошибки Маркса как политэконома. *Новейшая история Центральной Азии: проблемы теории и методологии*. М., 2018а. С. 31–41 [Alaev L. B. Basic Errors of Marx as a Political Economist. *Modern History of Central Asia: Problems of Theory and Methodology*, Moscow, 2018а. Pp. 31–41 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. *Проблематика истории Востока*. М., 2019 [Alaev L. B. *Issues of the History of the Orient*. Moscow, 2019 (in Russian)].

- Алаев Л. Б. Размышления о прогрессе. Назаретян versus Коротаев. *Общественные науки и современность*. 1999. № 4. С. 126–127 [Alaev L. B. Reflections on Progress. Nazaretian versus Korotaev. *Social Sciences and Modernity*. 1999. 4. Pp. 126–127 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. М., 2016 [Alaev L. B. *Rural Community: “A Novel Inserted into History”. Critical Analysis of Theories of the Community, Historical Evidence of Its Development and Role in a Stratified Society*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Смутная теория и спорная практика: о новейших цивилизационных подходах к Востоку и к России. *Историческая психология и социология истории*. 2008. № 2. С. 87–112 [Alaev L. B. Vague Theory and Controversial Practice: On the Latest Civilizational Approaches to the East and Russia. *Historical Psychology and Sociology of History*. 2008. 2. Pp. 87–112 (in Russian)].
- Алаев Л. Б., Ерасов Б. С. Формация или цивилизация? *Народы Азии и Африки*. 1990. № 3. С. 46–56 [Alaev L. B., Erasov B. S. Formation or Civilization? *Narody Azii i Afriki*. 1990. No. 3. Pp. 46–56 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Формационные черты феодализма и Восток. *Народы Азии и Африки*. 1987. № 3. С. 78–90 [Alaev L. B. Formational Features of Feudalism and the Orient. *Narody Azii i Afriki*. 1987. 3. Pp. 78–90 (in Russian)].
- Брук К. Возрождение XII века. *Богословие в культуре Средневековья — Антология*. Киев, 1992 [Brooke Ch. The Renaissance of the 12th century. *Theology in the culture of the middle Ages. Anthology*. Kiev, 1992 (in Russian)].
- Валлерстайн И. Существует ли в действительности Индия? *Логос*. 2006. № 5. С. 3–8 [Wallerstein I. Does India really Exist? *Logos*. 2006. 5. Pp. 3–8 (in Russian)].
- Вольчик В. В., Лубский А. В., Макаренко В. П., Петров М. А. Неполиткорректная наука — востоковедение: уроки Леонида Борисовича Алаева. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 4. С. 12–24 [Volchik V. V., Lubsky A. V., Makarenko V. P., Petrov M. A. Oriental Studies as Politically Incorrect Science: Lessons of Leonid B. Alaev. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019. 4. Pp. 12–24 (in Russian)].
- Маркс К. Теории прибавочной стоимости. Ч. 1. Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. Т. 26. Ч. I. М., 1962. С. 396–423 [Marx K. Theory of Surplus Value. Part 1. Marx K., Engels F. *Written works*. 2nd ed. Vol. 26. Part I. Moscow, 1962. Pp. 396–423 (in Russian)].
- Рапковский Е. Б. Социальный миф и развитие (Размышления над книгой Л. Б. Алаева о сельской общине). *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 4. С. 103–108. [Rashkovsky E. B. The Myth of Social Development (Reflections on the Book by L. B. Alayev about the Rural Community). *World Economy and International Relations*. 2018. 62.4. Pp. 103–108 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-40-56

РОЛЬ ЦАРЯ ПЕПИ I В СТАНОВЛЕНИИ БУДУЩЕЙ СТОЛИЦЫ ЕГИПЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА — МЕМФИСА

© 2020

Р. А. Орехов*

В египтологии считается почти устоявшимся фактом, что Мемфис являлся столицей египетского государства чуть ли не с самых древнейших времен истории, а его богами-покровителями были Птах и его супруга Сехмет. Оспаривая данный тезис, автор предлагаемого исследования пытается выяснить, почему именно припирамидный город Пепи I Меннефер стал ассоциироваться с будущим столичным центром Египта. Главный вывод работы состоит в том, что, возводя собственный пирамидный комплекс, Пепи I мог включить в него культовый центр города Хабес, где почитались богиня Бастет и тесно связанный с ее культом верховный жрец бога Ра Имхотеп. Соратник царя Джосера Имхотеп прославился в египетской истории как жрец-заклинатель, укротивший огненную силу Сириуса, олицетворявшуюся Бастет, и вернувший в страну обильные паводки. В ознаменование этого события в Египте были учреждены новогодние торжества и введен первый солнечный календарь. Поэтому гробница Имхотепа стала культовым местом, игравшим важную роль при разрешении ситуаций, от которых зависела жизнедеятельность и функционирование египетского государства. Во второй половине Древнего царства происходит стремительное сокращение нильских паводков, усиливается засуха, из-за чего, в свою очередь, сокращаются площади посевных площадей припирамидных городов. Соответственно, в данной ситуации возрастает роль культового центра Хабес и личности Имхотепа. Присоединяя этот центр, Пепи I обезопасил владения собственного припирамидного города от негативного воздействия богини Бастет. Так как Меннефер стал преемником данного культового центра, это и предопределило в исторической перспективе его столичные функции.

Ключевые слова: Мемфис, Бубастис, Пепи I, культ Бастет, Хабес, Имхотеп.

Для цитирования: Орехов Р. А. Роль царя Пепи I в становлении будущей столицы египетского государства — Мемфиса. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 40–56. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-40-56

KING PEPI'S ROLE IN FORMING MEMPHIS, THE FUTURE CAPITAL OF EGYPT

Roman A. Orekhov

There is a common point of view in Egyptology that Memphis was a state capital since the earliest times and that its protecting gods were Ptah and his spouse Sekhmet. Arguing this concept,

* Роман Александрович ОРЕХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра египтологических исследований РАН, Москва; radamant67@mail.ru

Roman A. OREKHOV, PhD (History), Research Fellow, Center for Egyptological Studies RAS, Moscow; radamant67@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-3840-3529

the author tries to find the reason why a pyramid city of Pepi I — Mennefer — became a core of the future capital. The main conclusion is following: Constructing his pyramid complex, Pepi I probably included into it a cult center of Habes where Bastet and Imhotep, a high priest of Ra, were worshiped. Imhotep, a companion of the king Djoser, was known as a priest and charmer who tamed the fiery forces of Sirius associated with Bastet, after which the great drought was over. To commemorate this, New Year celebration and the first sun calendar were established. Imhotep's tomb became an important cult place, where ceremonies important for surviving of the Egyptian state were conducted. In the second half of the Old Kingdom period the Nile started to flood much less, which led to the decline of agriculture. Thus, the role of the cult center of Habes and Imhotep grew greatly. By including Habes, Pepi protected the dominion of his pyramid city from negative influence of Bastet and decreased flooding. The fact that Mennefer was a successor of the aforementioned cult center determined its capital functions in future.

Keywords: Memphis, Bubastis, Pepi I, cult of Bastet, Habes, Imhotep.

For citation: Orekhov R. A. King Pepi's Role in Forming Memphis, the Future Capital of Egypt. *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020. No. 3. Pp. 40–56. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-40-56

*Моим друзьям и коллегам по археологическому сезону на городище
Мемфис (Ком-Туман), в марте–апреле 2020 г. посвящается*

В египтологии существует целый ряд клише, которые рассматриваются учеными как нечто устоявшееся и поэтому не требующее серьезных обоснований и доказательств. Одно из них заключается в том, что город

Мемфис (Μέμφις, *Mn-nfr*) являлся столицей египетского государства чуть ли не с самых древнейших времен истории [Kaiser, 1959; Wilkinson, 2001, p. 339, 360; Köhler, 2008, p. 535], при этом его главными богами всегда были Птах и его супруга Сехмет [Kees, 1977, S. 80; Белова, 2017, с. 21–22].

Однако если мы присмотримся к этим положениям более пристрасно, то поймем, что перед нами ошибочное суждение, в котором реалии более позднего времени переносятся на более ранние. Например, исходя из названия города, мы будем вынуждены признать, что он появился не ранее начала VI династии, так как являлся

припирамидным поселением царя Пепи I — *Mn-nfr Pjprj* [Hannig, 2003, S. 1555], и, следовательно, мог выполнять столичные функции только в правление этого царя. Далее, абсолютное доминирование в царской идеологии Древнего царства культа солнечного бога Ра и гелиопольских представлений в целом заставляет усомниться и в том, что роль Птаха (равно как и Сехмет) была на тот момент в столичной резиденции преобладающей. Достаточно сказать, что ни на одном памятнике Пепи I эти божества не упоминаются вовсе¹.

Поэтому наличие данных клише не позволяет приблизиться к ответу на, казалось бы, очевидные вопросы. Например, почему именно припирамидный город

¹ За весь период Древнего царства Птах упоминается на царских памятниках только дважды, в летописи Палермского камня как получатель незначительных земельных пожалований со стороны царя [Leitz, 2002 (III), S. 170]. В двух случаях документы упоминают его храм [Urk. I, 249,6]. Сехмет как самостоятельное божество единожды упоминается в «Текстах пирамид» (Pyr. 2206c), см. более подробно: [Leitz, 2002 (VI), S. 557–558]. Очевидно, что роль этих божеств в государственной идеологии того времени была незначительна. Вместе с тем, Птах был необычайно популярен среди чиновничьего сословия и мастеров [Begelsbacher-Fischer, 1981, S. 126, 147–150].

Пепи I стал ассоциироваться с будущим столичным центром, т. е. в чем конкретно могла состоять роль этого царя в формировании этого города? Или, как получилось, что гелиопольский культ Ра был вытеснен в мемфисской резиденции достаточно второстепенными культами Птаха и Сехмет, которые при этом составили супружескую пару? Выяснению этих обстоятельств и будет посвящена данная статья.

В 1905 г. гидроинженеры Г. Нунтович-Бей и А. Клиnger, руководившие прокладкой канала рядом с деревней Шинбаб в окрестностях Дахшпура (илл. 1), обнаружили необычную плиту с египетскими надписями — знаменитый указ Пепи I властям припирамидного города Снофру. Документ освобождал жителей города от ряда государственных работ и защищал их от притеснений со стороны царских чиновников [Borchardt, 1905]. Однако значение указа этим не исчерпывалось. Так, в одном из его пунктов говорилось буквально следующее:

jw wDn Hm.j wpwt Sa nb xft wDtn wD wpwt n njwt Hrjw jptn

«Приказал мое величество распределить всякую часть (пахотной) земли согласно документу о межевании² для этого города при двух пирамидах» [Urk. I, 212, 14]. И далее: *jm.k Hm rdjw Aht nb wabt nb Xrjt nb n rmt nb xmsjw m njwt Hrj k.t wpw-r rmt xmsjw m njwt Hrjw jptn*

«Не давай же ты (обращение к верховному сановнику, т. е. непосредственному адресату указа) какую-либо пашню, какую-либо жертву, какой-либо доход людям всяким, оседлым в другом пирамидном поселении, кроме людей, оседлых в этом пирамидном поселении³ (т. е. в городе при двух пирамидах Снофру)» [Urk. I, 213, 16].

Учитывая, что документ был вырезан на камне и, вероятно, находился в одном из пирамидных храмов (?), можно допустить, что эти права даровались жителям города Снофру навечно. Из пунктов указа в частности следовало, что Пепи I не просто освобождал город Снофру от повинностей, но закреплял за ним близлежащие угодья. Из этого косвенно вытекало и то, что подобные угодья закреплялись и за другими пирамидными поселениями. Поэтому в целом указ свидетельствовал о факте распределения земли за пирамидными городами, на которых трудилось прикрепленное к ним трудовое население. Общий смысл этих мероприятий сводился к тому, чтобы обеспечить каждой пирамиде надлежащий культ, создать его экономическую основу. А обеспечить это могли только угодья, расположенные рядом с пирамидным комплексом. Поэтому особенность мемфисского некрополя состояла в том, что он растянулся вдоль западной поймы на расстояние более семидесяти километров (илл. 1). Это позволяло экономически осваивать прибрежную полосу силами поселенцев каждого пирамидного комплекса [Савельева, 1992, с. 88].

Тем не менее, несмотря на столь значительный разброс, пространственная теснота особенно ощущалась в районе исторического Мемфиса, а точнее Саккары (илл. 1), где сконцентрировано значительное количество пирамид царей V–VI династий, включая пирамиду Пепи I, его преемников Меренра и Пепи II. Поэтому нехватка земли могла провоцировать попытки ее захвата со стороны обитателей других близлежащих

² Буквально, *xft wDtn* «согласно тому, что предписал (т. е. документ)» [Edel, 1955, §665].

³ Скорее всего, рядом с двумя пирамидами находился один город, а не два [Савельева, 1992, с. 40], в

котором и почитался культ Снофру, о чем свидетельствует написание знаков , буквально, — «Город этих двух пирамид». Поэтому можно предположить, что множественное число указательного местоимения «эти» (*jptn*) относится собирательно только к двум пирамидам (*Hrjw*), а не к двум городам.

городов. По этой причине необходимость в подобном рода указах была также крайне необходима.

Помимо пространственной тесноты здесь присутствовал и другой фактор. Вторая половина Древнего царства знаменовалась стремительным сокращением нильских паводков, что приводило к заметному сокращению прибрежных угодий⁴. Поэтому помимо закрепления границ за каждым поселением, это обстоятельство способствовало выдвиганию на первый план особой категории трудового населения.

Если мы рассмотрим в положения указа, то поймем, что Пепи I освобождает не просто штаты жрецов, а именно трудовую категорию *xntj-S* (*хентише*), т. е. работников, отвечающих за гидротехническую сферу (в более узком значении — садовников) [Hannig, 2003, S. 959–961]⁵. Их буквальное название — «те, кто перед озером/садом». Они должны не только подводить воду под посевы и огороды, но и снабжать водой дворцовые и пирамидные хозяйства в целом, ухаживать за посадками и собирать урожай.

О том, что царская резиденция в правление преемников Пепи I уже столкнулась с проблемой нехватки земельных ресурсов, свидетельствует гробничная надпись номарха Сабни:

rDjt.n(j) Hat 24 sIAt m tA mHw-Smaw m xntj-S n Mn-anx-Nfr-ka-Ra

«Было дано мне 24 сот пахотной земли в Верхнем и Нижнем Египте в (должности) *хентише* пирамиды “Устойчив жизнью Неферкара” (т. е. пирамиды царя Пепи II)» [Urk. I, 140, 9–11].

Надпись определенно свидетельствует, что Пепи II приписывает к своей пирамиде владения в Верхнем и Нижнем Египте и таким образом расширяет материальную основу своего будущего культа. Очевидно, что в обязанность Сабни входило делать поставки продуктов не просто в столицу, а именно в припирамидное

Илл. 1. План расположения пирамидных комплексов Древнего царства вдоль русла Нила (составлена автором на основе Google Maps)

⁴ Геофизические исследования показали, что в период позднего Древнего царства территория некрополя Северной Саккары и Абусира уже была частично засыпана песком из Западной пустыни [Jeffreys, Giddy, 1992, p. 7]. См. также: [Alexanian et al., 2012, p. 132; Alexanian, Arnold, 2016, p. 3].

⁵ Поэтому не случайно, что указ Пепи I имеет своими адресатами, помимо верховного сановника, ряд других государственных лиц, включая «начальника дворцовых хентише» Уну [Urk. I, 209].

хозяйство Пепи II⁶. Таким образом, мы видим, как цари в эпоху VI династии могли выходить из затруднительного положения, наращивая экономический потенциал своих храмовых хозяйств за счет других областей.

Однако очевидно, если город Пепи I впоследствии стал столицей Египта, то его экономическая основа должна была быть очень солидной и сосредоточенной именно в районе исторического Мемфиса⁷. Вот, что пишет по этому поводу признанный знаток Древнего царства Ю. Я. Перепелкин: «...Город при пирамиде не был большим городом, столицей, разрастающейся с каждым новым царствованием. По мере того как поднимались все новые и новые пирамиды, у их подножия возникали все новые и новые припирамидные города. Поэтому некоторые «распорядители города» прибавляли к своему званию наименование той пирамиды, при которой подведомственный им «город» находился. В дни величания припирамидного города, т. е. в царствование строителя данной пирамиды, город являлся местом сосредоточения правительства. Верховный сановник Сенеджемиб имел “дом собственный свой” в городе “Добро (царю) Исеси” [Urk. I, 64–65]. Подле пирамиды и ее поминальных храмов вырастало кладбище придворных и управленческих сановников, громадный каменный город мертвых. Для сооружения всего этого и отделки резными изображениями и надписями, для изготовления изваяний и прочих погребальных принадлежностей поблизости развивалось сложное и большое кладбищенское производство, не говоря уже о промышленности, обслуживающей житейские нужды двора и вельмож. Однако всего лишь один припирамидный город — именно расположенный у пирамиды царя Мерира Пепи I и прозванный по ней “Остается и в добром состоянии Пепи” — вырос действительно в большой город, позднейший Менфе (т. е. Мемфис. — Р. О.)» [Перепелкин, 1988, с. 126–127].

Для обоснования данного тезиса ученый по-своему интерпретировал уникальный жреческий титул времени VI династии

(*jmj-ra Mn-nfr Pjppj wpt šaA njwt-mr*) — «распорядитель поручений (т. е. работ) пирамиды или города при ней “Остается и в добром состоянии Пепи” по расширению города (досл. “деланию большим”) при пирамиде» [Clédât, 1910, р. 40–42; Перепелкин, 1988, р. 127]. Если наблюдение Ю. Я. Перепелкина верно, то мы видим, что Пепи I действительно проводил серьезные работы по расширению территории своего города в районе собственного пирамидного комплекса. Однако в чем могли заключаться эти мероприятия? К сожалению, источники рассматриваемого периода об этом ничего не сообщают. Тем не менее они позволяют сделать ряд интересных наблюдений идеологического характера.

Пепи I поставил целью не просто снабдить собственную пирамиду солидным экономическим потенциалом, но и желал обезопасить ее культовое пространство от пагубного влияния сил, которые могли ей серьезно повредить. В тексты его пирамиды впервые вносится необычное изречение⁸, направленное против ряда богов — Осириса,

⁶ К пирамиде Пепи II также были приписаны продовольственные усадьбы, так называемые «дома-шны», которые, как установил О. Д. Берлев, располагались в Верхнем Египте [Шэхаб Эль-Дин, 1993, с. 297–300].

⁷ Под историческим Мемфисом подразумевается руинированное городище, расположенное на ряде талей/комов, находящихся между современными деревнями Мит-Рахина, Эзбет Габри, Азизия и селением Бедрашейн на расстоянии около 24 км к югу от центра Каира.

⁸ Примечательно, что этих формул нет в «Текстах пирамид» Унаса, Тети и Пепи II.

Исиды, Хора, Нефтиды, Сета и ряда других (Pyr. 1264–1279). Его смысл сводится к тому, что если некий бог N приблизится к пирамиде «своим недобрым/злым приходом» (*m jw.t.f jtw Dwt*), пирамида не раскроет для него своих врат, а само божество, после угроз и проклятий, будет отослано в заболоченные места Дельты. В этом смысле показателен пример богини Исиды. Ее «злой приход» вынуждает царя не просто отправить богиню в некие «Дома Ману» (*prw Manw*) или в город Хеджебет (*@Dbt*), а сопроводить этот уход угрозами, — в последнем месте она будет буквально «бита» (*bw Hjt.t jm*) (Pyr. 1272 c–d). Что заставило царя так радикально поступить с данными богами, а особенно с Исидой? Например, издатель текстов пирамиды Унаса А. Пьянков во введении к монографии полагает, что подобное происходит, потому что данные божества олицетворяют собой те изменения, которые постепенно происходят с царем до того момента, когда он окончательно сольется с солнцем, т. е. богом Ра [Piankoff, 1969, p. 8].

Данное наблюдение не лишено оснований, но нельзя исключить и то, что этим шагом царь действительно пытается магическим способом оградиться от пагубного влияния этих божеств на собственную пирамиду. Однако не в буквальном смысле как архитектурного сооружения, а как ее нормального функционирования, т. е. места отправления поминального культа, который обеспечивается жертвенными поставками, возможными только при условии достаточных разливов Нила. Другими словами, если паводки во второй половине Древнего царства начинают сокращаться, то Пепи I постарается обезопасить собственные угодья, составляющие с пирамидой неразрывное целое.

В этой связи я упомянул богиню Исиду отнюдь не случайно. С ее именем в Дельте связано достаточно много культовых центров. Эти места как раз и упоминаются в вышеупомянутом пирамидном изречении — Буто, Недит, Анепет, Нечеру (известный по римскому периоду как *Iseum* или *Isidis oppidum*, совр. Бехбет эль-Хагар), Хеджебет и др. Но главное, все эти центры так или иначе связаны с богами осирического цикла мифов [Bergman, 1970, S. 13, 29].

Заметим, что осирический миф не существует сам по себе, а является составной частью более объемной и системной гелиопольской доктрины во главе с солнечным богом Ра. Вся логика космогенеза, согласно Гелиополю, состоит в том, что его поступательные стадии приводят к трагическим последствиям и нарушают порядок в мироздании. Так, мы знаем, что Осирис был убит братом Сетом в Недит. Затем Сет преследует и ранит Исиду, беременную Хором. Исида скрывается с Хором в Буто. Возмужав, Хор мстит Сету, отрывая у него тестикулы. Сет ранит Хора в глаз и т. д. В конечном счете вся эта борьба ввергает вселенную в хаос. Поэтому задача царя состоит не просто в том, чтобы убрать этих богов подальше от своей пирамиды и ритуально от них защититься, но и привести мироздание к некоей точке равновесия, т. е. замирить враждующих богов (Pyr. 1264). Следовательно, необходимо обстоятельно разобраться именно в том, что нового привнес Пепи I в эту ритуальную практику.

Здесь мы сразу сталкиваемся с рядом трудностей. Несмотря на то что некоторые из упомянутых названий связаны с реальными религиозными центрами, большинство из них мифологичны или просто табуированы, и по этим причинам не поддаются четкой идентификации [Zibelius, 1978, S. 54, 81, 132, 176; Helck, 1986, S. 421]. Однако в случае Исиды все же присутствует одно исключение. Как установил шведский ученый Я. Бергман, с культом богини на протяжении длительного периода истории был связан

крупнейший религиозный центр Дельты Бубастис, при этом культ Исиды в Бубастисе, в отличие от других городов, был абсолютно доминирующим [Bergman, 1970]. Причина этого, как установил Я. Бергман, состояла в том, что Исида почиталась там в виде собственного проявления (*ba*), т. е. звезды Сириус — Баст (*Bast*, буквально — «Душа Исида») или Бастет (*Bast.t*⁹ — «Та, что принадлежит Душе Исида» / «Та, что принадлежит (городу) Баст») ¹⁰, и там же справлялись всенародные торжества, связанные с празднованием Нового года ¹¹. В связи с этим присмотримся к культу Исида-Бастет более внимательно.

Прежде всего, наличие культа Бастет подтверждается многочисленными источниками Раннего и Древнего царств [Leitz, 2002(II), S. 739; Hannig, 2003, S. 1590]. При этом сразу можно обнаружить удивительную вещь — культ богини в Бубастисе впервые фиксируется в правление Пепи I [Habashi, 1957; Lange, 2016, p. 315]. Этот факт был установлен в ходе раскопок Л. Хабаша в начале 1940-х гг., когда ученый проводил полномасштабные раскопки в Телль-Басте. Л. Хабаш обнаружил там единственное упоминание, сохранившееся от Древнего царства, — это была часовня Пепи I. Археолог полагает, что храмового строительства, связанного с другими царями Древнего царства, там, вероятнее всего, никогда не было [Habashi, 1957, p. 39–40]. На воротах часовни были изображены царь Пепи I и две богини — Хатхор, владычица Дендеры, и Бастет, без указания центра ее почитания. Рядом с Хатхор находился бог изобилия Хапи, символизирующий нильский паводок, рядом с Бастет — бог Иунмутеф ¹² (илл. 2).

⁹ В данном случае в ж. р. ед. ч. относительное прилагательное получает окончание не *-jt*, а *-t* [Edel, 1955, §342].

¹⁰ В имени обыгрываются два понятия, Душа Исида, т. е. Сириус и название города. *Bast* (греч. Βούβαστις или Βούβαστος), первоначально часть Гелиопольского, а впоследствии столица Бубастийского 18-го нома Нижнего Египта. От эпохи Древнего царства сохранился вариант написания названия данного центра — с помощью знаков [Lange, 2016, p. 310–311]. Данное написание имени Бастет сближает ее с богиней Исидой. Название центра может быть истолковано в таком случае как «город души Исида»

[Bergman, 1970, S. 31]. Заметим, что написание названия города через знаки восходит к древнейшим памятникам Абидоса (рубеж IV–III тыс. до н. э.). См.: [Dreyer, 1998, S. 124–126, 139, Abb. 78, Taf. 31].

¹¹ Как хорошо известно, именно гелиакальный восход звезды Сириус являлся провозвестником начала празднования новогодних торжеств. Геродот, посетивший город во времена персидского господства, был свидетелем многолюдных пышных празднеств, справлявшихся в честь богини в ее культовом центре в Дельте (Hdt. II, 59–60). См. также: [Quack, 2013, S. 76–79]. Он упоминает, в частности, праздничную флотилию из кораблей паломников, которые по ходу движения посещали разные города, а затем все вместе собирались в Бубастисе. Основу этих мистерий составляли древние сказания о богине-оке, которая всюду уничтожала людей, восставших против Ра, и была остановлена только хитростью бога Тота (Гермес древних греков), разлившего хмельной напиток (Hdt. II, 138) [Hornung, 1997]. Геродот также сообщает, что на празднике в честь богини выпивалось огромное количество вина (Hdt. II, 60; см. также: [Perpillou-Thomas, 1993, p. 209–210]). Вероятно, смысл новогодних торжеств сводился к тому, что богиню ритуально умиротворяли, в результате чего ее почитатели получали возможность избавиться от неких табу в повседневной жизни. Эта необычайная вседозволенность проявлялась не только в пьянстве и ругательствах, но и в экстравагантном поведении женщин, которые шумели, издевались над женщинами из других городов и задирали подола своей одежды (Hdt. II, 60); см. также: [Quack, 2013, S. 76].

¹² В египетской религиозной традиции бог Иунмутеф (буквально, «столп/опора своей матери») выполняет жреческие функции. Наиболее заметна его роль как заботливого сына, который отправляет заупокойный культ своего отца. Поэтому не случайно, что в этой роли он уподобляется Хору, сыну Осириса, который оживляет тело убитого Сетом отца. Следовательно, в данной сцене его появление вполне ожидаемо. Вероятно, в данном случае Иунмутеф сопровождает свою мать Исиду-Бастет в ее храм.

Что могло символизировать данное изображение? А. Хабаша обратил внимание в этой связи на тот факт, что в поздних текстах Дендеры Бастет именуется «владычицей южного Бубастиса» (*Bast-Smat*), т. е. самой Дендеры, города, который всегда находился под покровительством Хатхор [Habashi, 1957, p. 42; Leitz, 2002(II), S. 739]. К этому можно добавить, что обе богини соседствуют друг с другом в культовом пространстве пирамидного комплекса [Begelsbacher-Fischer, 1981, S. 37–38]. Наконец, на одной из печатей времени царя Шепсескафа мы видим двуединую богиню Хатхор-Бастет в виде женщины с львиной мордой и солнечным диском (?) на голове [Begelsbacher-Fischer, 1981, S. 69 (5); Lange, 2016, p. 314]. Возникает закономерный вопрос, какое отношение к Бубастису имеет богиня Хатхор, и далее, если культ в Бубастисе впервые фиксируется при Пепи I, то где он мог возникнуть первоначально?

Илл. 2. Рельеф на воротах часовни Пепи I в Бубастисе (по: [Habashi, 1957, p. 15, fig. 2])

Илл. 3. Сосуд с картушем царя Хетепсехеми (II династия) (по: [Lacau, Lauer, 1959, № 53, 57])

Культ Бастет получил наибольшее распространение в районе Саккары и Гизы, а также, с большой долей вероятности, в районе Дахшура, т. е. всей зоны мемфисского некрополя [Lange, 2016, p. 310–313]. При этом изначально он был локализован в пространстве пирамиды Джосера в Саккаре. Джосер, как известно, построил свой комплекс на месте гробниц своих предшественников, царей II династии Нинечера и Хетепсехеми. В этой связи заслуживают упоминания несколько чаш, фрагменты которых были найдены в пространстве его пирамиды [Ласау, Лавер, 1959, № 53, 57–58, 63–66]. Если верить надписям, то все они относятся к началу II династии (илл. 3). На них изображена Бастет в виде женщины с львиной мордой и посохом-*уас*. Можно предположить, что данные сосуды служили цели символического подношения Бастет ритуального напитка.

В поминальном храме царя V династии Сахура в Абусире царь представлен подносящим Бастет чашу с некими продолговатыми зернами красно-коричневого цвета — «подношение мему для Бастет» (*jfj.t mmj n Bastt*) [Borchardt, 1913, Bl. 35]. Богиня носит эпитеты «госпожа Анх-тауи, повелительница города Хабес» (илл. 4). Издатель памятника Л. Борхардт полагал, что речь в данном случае идет о хлебных злаках (“Getreideart”) [Borchardt, 1913, S. 49]¹³. А. Чвик считает, что имеется в виду разновидность суданского сорго (семена красно-бурого цвета), произрастающего в диком виде в южных областях долины Нила [Ćwiek, 2003, p. 166]. Это наблюдение представляется интересным. Сорго — исконно африканская культура, с помощью которой жители Судана варят знаменитое пиво красноватого оттенка.

Илл. 4. Царь Сахура подносит Бастет чашу с зернами. Прорисовка рельефа из храма Сахура в Абусире (по: [Borchardt, 1913, Bl. 35])

Илл. 5. Фрагмент рельефа из храма Ниусерра в Абусире, изображающий Бастет (по: [Ćwiek, 2003, fig. 42])

¹³ Большой Берлинский словарь определяет *mmj* как «сорт плодов красно-коричневого цвета» [Wb. II, S. 58]. Примечательно, что подобные плоды в более поздних ритуалах подносились и для Хатхор [Wb. II, Beleg. 88].

Чаша с красными зернами вызывает невольные ассоциации с минералом красного цвета (*djdf*), который Ра приказал перемолоть и приготовить из него пиво [Hornung, 1997, S. 56]. Охмелевшая богиня Хатхор-Сехмет, согласно мифу, опьянела и уснула, прекратив тем самым истребление людей. Таким образом, бог Ра пошел на своеобразную хитрость, заставив богиню перепутать красный цвет напитка с кровью. Следовательно, мы можем предполагать в данном подношении символическое умиротворение Бастет зернами или плодами красного цвета, из которых, вероятно, готовили ритуальный напиток. Соответственно, сам рельеф являлся частью изобразительной программы Нового года.

Еще одно изображение богини-львицы происходит из поминального комплекса царя Ниусерра в Абусире (илл. 5). Сопроводительная надпись сообщает:

Dd mdw rDj.n n.k Ddt nbt [BAst.t] nbt anx [%xmt ^smt.t Wsrt] šxa.t bAw.s nbt #Abs

«Говорить слова: дает тебе (т. е. царю) крепость всякую [Бастет], владычица жизни, [Сехмет], Шесемтет, [Усерет], та, которая позволяет восходить своим душам/проявлениям, повелительница Хабес» [Borchardt 1907, S. 94, Abb. 72]¹⁴.

В данной ситуации мы наблюдаем уже не просто Бастет, а триединую грозную богиню, что подчеркивают ее эпитеты, «Сильная», «Могучая», «Малахитовая»¹⁵. Особый интерес представляет ее эпитет *сх.т бау.с*, т. е. «Та, которая позволяет восходить своим проявлениям». Трактую надпись, Г. Кеес сближает образы Бастет и Нут, полагая, что речь идет также о звездных проявлениях [Kees, 1980, S. 147]. Учитывая, что Сириус — главная звезда небосвода, управляющая ходом светил, а Бастет — богиня, с ней отождествляемая, подобная символическая трактовка представляется правомерной. Но нельзя исключить и того, что под проявлениями следует понимать именно ее формы/качества, т. е. те, которые и перечислены в надписи, — Сехмет-Усерет-Шесемтет. Таким образом, богиня Бастет проявляет себя в трех образах, в которых может явить свою сущность. Это может объяснить и ее появление в сцене врат часовни Пепи I вместе с Хатхор. Следовательно, богиня может существовать как в доброй, так и в более грозной форме. В последнем случае задача царя состоит в ее умиротворении, что предположительно можно наблюдать на рельефах из храмов Сахура и Ниусерра, а также на изображениях на древних чашах из пирамиды Джосера. Получается, что ритуалы умиротворения Бастет достаточно древние и восходят к эпохе Раннего царства.

Интерес представляет то обстоятельство, что обе надписи помещают центр культа богини не в Бубастис, а в некий город Хабес (*#Abs*) . Надпись в храме Сахура также уточняет, что Хабес находился в районе Анх-тауи (букв. «жизнь обеих земель»). Среди множества трактовок данного топонима [Белова, 2017], наиболее убедительной представляется гипотеза К. Зете и А. Бадави, опирающаяся на данные по Анх-тауи, засвидетельствованные от времени Нового царства. Смысл ее состоит в том, что под термином следует понимать место, где располагались зерновые амбары, снабжавшие хлебом город Мемфис [Badawi, 1947, p. 5–6]. Применительно к более древним реалиям, когда подобные амбары снабжали не город Мемфис, а все

¹⁴ Восстановление надписи принадлежит К. Зете [Borchardt, 1907, S. 94].

¹⁵ Возможно, здесь присутствует намек на небесную роль богини, которая ассоциируется с цветом звездного неба [Begelsbacher-Fischer, 1981, S. 38–39].

припирамидные города, расположенные вдоль западного берега Нила, можно допустить, что это и была пойма западного берега, засевавшаяся в момент спада воды. Другими словами, это тот земельный фонд, что Пепи I распределял между припирамидными городами и который составлял основу их экономики. При этом центр культа Бастет находился в городе Хабес.

Местоположение данного центра для исследователей представляется такой же загадкой, как и всех центров почитания Исида. Но любопытно иное. После V династии мы уже не встретим упоминания об этом городе в исторических хрониках [Hoenes, 1976, S. 169–170]¹⁶. В этой связи можно предположить, что уже в эпоху Древнего царства этот культовый центр был поглощен разраставшимися припирамидными городами в районе современной Саккары. Возникает закономерный вопрос, а не сыграл ли именно в этом роль Пепи I?

В одном тексте Среднего царства, так называемом «Пророчестве Неферти», главный герой, уроженец Гелнопольского нома Неферти, являлся *nj-sw Bast m wbn.s* — букв. «тем, кто принадлежит “Душе Исида” в ее восхождении» или «...в ее восходе» [Golénischeff, 1913, l.17]. А. Е. Демидчик первым обратил внимание, что текст этого пророчества представляет на самом деле древнейшее астрологическое свидетельство, когда жрец Бастет по наблюдению первого восхода Сириуса делал прогноз о развитии страны на текущий год [Демидчик, 2005]. Несмотря на то что в случае с Неферти этот прогноз был крайне негативным, согласно тексту, Нил буквально «становился супней Египта, и реку можно было перейти пешком (*nj jj.(t) jtrw Sw.(w) nw Kmt Dajj tw mw Hr rdwj*)» [Golénischeff 1913, l.26–27], мы знаем, что именно Сириус в Египте с древнейших времен являлся провозвестником грядущего наводнения. Но тогда получается, что в одном случае этот восход был благоприятным, а в другом — неблагоприятным. Не об этом ли говорится в изобразительной программе часовни Пепи I? Благоприятный восход звезды, олицетворяемый Хатхор, сулил стране изобилие и процветание, что символизировал тучный бог Нила Хапи. Неблагоприятный, олицетворяемый Бастет, проявлялся в низких паводках, нужде, болезнях и войнах. Поэтому бог Иунмутеф старался увести богиню подальше от людей, в Дельту. В одном случае богиня была желанна, в другом от нее старались просто избавиться¹⁷.

¹⁶ Единственное исключение — знаменитые «Гимны днадемам» [Ertman, 1911, l.5,1]. Однако данный текст достаточно древний, хотя и записан в эпоху Среднего царства.

¹⁷ Заметим, что этой цели мог соответствовать не только Бубастис, но и любой другой город Дельты. «Тексты пирамид» как раз и показывают, что главная задача Пепи I состояла в том, чтобы последствия, вызванные действиями богини, не угрожали тем местам, от которых зависела экономическая жизнь государства. А этому как нельзя лучше соответствовали заболоченные пространства Дельты. Например, несмотря на то что Исеум был известен еще из «Текстов пирамид» (Руг. 1268), храм Исида в этом месте был заложен только в Третьем Переходном периоде и, вероятно, окончательно завершён при Птолемеи II Филадельфе [Favard-Meeks, 1996]. Следовательно, до этого времени Исеум не являлся значительным культовым центром. Таким же периферийным центром почитания богини Бастет было леонтопольское святилище, которое упоминается в «Иудейских древностях» Иосифа Флавия (Joseph. Ant. Jud. XIII. 3.1). Ко времени Птолемея оно было уже заброшено, поэтому священник Хония в письме к Птолемею VI Филометору и его супруге Клеопатре II просит разрешения построить на месте развалин святилища иудейский храм. При этом Хония конкретизирует в письме, что в храме когда-то почиталась Βούβαστις ἀγρία, т. е. «дикая Бубастис». Следовательно, богиня могла изгоняться практически в любое место, не представлявшее для людей и их деятельности большой опасности.

В своей монографии о Телль-Басте А. Хабаша сделал очень важное наблюдение, обратив внимание, что в списке номов Белой часовни Сенусерта I в Карнаке обе богини, Исида и Бастет, изображены как насельницы Гелиопольского нома «Непобедимый властитель» (илл. 6). Ученый сделал из этого совершенно логичный вывод — Бубастийский ном Нижнего Египта в эпоху Пепи I еще не существовал, а отпочковался от Гелиопольского гораздо позднее, уже после времени правления Сенусерта I. Следовательно, изначально Бастет почиталась не в отдельном номе, а в том, центром которого был Гелиополь, город бога Ра, а ее почитание, соответственно, входило в гелиопольский круг мифов. Замечательная догадка А. Хабаша позволяет прояснить многие запутанные моменты в культе Исиды-Бастет.

Илл. 6. Изображение Гелиопольского нома в списке Белой часовни Сенусерта I в Карнаке (по: [Habachi, 1957, p. 1])

Если мы вспомним про культы Гелиополя, то увидим, что там почитался не только бог-демиург Ра-Атум, но и все боги солярного круга — Атум, Шу, Тefнут, Геб, Нут, Осирис, Исида, Сет, Нефтида. При этом совокупно они именовались как Великая девятка или... «Души Гелиополя» (*Baw-Jwnw*) [Sethe, Schäfer, Borchardt, 1976, S. 51, Nr. 3; Савельева, 1992, с. 24]. Написание города Бубастис традиционно делалось одним набором иероглифов — птица *ba* и трон Исиды. Следовательно, Исида-Бастет почиталась изначально не просто в Бубастисе, а в Гелиополе и Гелиопольском номе, в сообществе богов Великой девятки.

Если культы таких центров, как Дендера, Хабес, расположенного в Анх-тауи, и Бубастиса были своеобразными филиалами культа Гелиополя — культа, абсолютно доминировавшего в эпоху Древнего царства, то получается, что Пепи I выбрал Гелиопольский ном, и, соответственно, Бубастис для сооружения собственной часовни не случайно. Новогодние торжества могли начинаться в Дендере (в надписи часовни Пепи I как раз и упоминалась «Хатхор — владычица Дендере»), а затем постепенно переходить в Бубастис. Поэтому оба города могли участвовать в программе новогодних торжеств. В чем же в таком случае состояла особенность культа города Хабес?

Учитывая, что богиня была тесно связана с солярным культом и с Сириусом, возможно, к популярности ее культа в резиденции была причастна личность Имхотепа, главного архитектора Джосера и одновременно верховного жреца Гелиополя [Wildung, 1977, S. 7, § 1]. Если верить древней легенде, сохраненной Элианом (Suidae II. 616),

Имхотеп был первым жрецом, который победил огненную силу Сириуса, привел в Египет обильное половодье и ввел первый солнечный календарь, в основу которого положил первое гелиакальное восхождение Сириуса. В ознаменование заслуг Имхотепа рядом с его могилой был установлен храм, в котором горел огонь, при помощи которого жрецы побеждали различные болезни [Берлев, 1999]. Несмотря на то что эта легенда очень поздняя, у нас есть все основания полагать, что храм Имхотепа действительно существовал. Главный источник, позволяющий установить его локализацию, — демотический архив мемфисского жреца Хора и ряд других текстов. Этот культовый центр носил необычное название — «Вершина Анх-тауи» (*thnj.t anx-tAwj*) [De Meulenaere, 1960, p. 104–106; Ray, 1976, p. 150–151; Wildung, 1977, S. 34, 48, §13, §23]. Как следует из текстов архива, «храм вершины» был тесно связан с культами богов нома Белые стены — Бастет, Анубиса, Осириса и Имхотепа [Ray, 1976, p. 151]. Особенно интересен в этой связи эпитет Имхотепа — «создание того, кто южнее своей стены (т. е. сын бога Птаха), (тот, кто) на (храмовой) вершине, господин Анх-тауи в Мемфисе» (*qma rsnfy tA thn nb anx-tAwj n Mn-nfr*) [Ray, 1976, p. 67].

Заслуживает внимания и надпись на знаменитом пьедестале статуи жреца Петубастиса из Британского музея, которая определенно указывает на связь гробницы Имхотепа и «храма вершины». Об умершем Имхотепе здесь сказано буквально следующее: «Дано слиться его ба (т. е. душе) с его трупом и упокоиться в великом Техен, некрополе, любимом его сердцем» [Панов, 2015, с. 364]. Ключевая фраза в данном предложении — *Htp m thn(t) wrt sIAw mr jb.f*. Словарь предлагает к слову *sIAw* следующие значения: «подземный коридор», «коридор царской гробницы», «проход в потусторонний мир», а также «рампа» или «дорога восхождения» [Hannig, 1995, S. 784]. Если исходить из того, что слово *thn(t)* подразумевает сам храм, то слово *sIAw*

определенно свидетельствует о связи храма и гробницы, что и подтверждается поздним текстом Элиана. По предположению британских археологов, локализация «храма вершины» возможна на территории Бубастейона, с восточной стороны от пирамиды Джосера [Smith, Andrews, Davies, 2011, fig. A; Ray, 1976, p. 152–153, fig. 3–4].

В титулатуре видного представителя XXVII династии Яхмеса подчеркивается, что он был не только жрецом Бастет, владычицы Анх-тауи, не только жрецом богов

Белых стен и богов «храма вершины» (*tA dhn.t*) в Анх-тауи, но и (чтимым)

пред Птахом и Сотис, солнечным оком , а также жрецом Джосера и Имхотепа [Wildung, 1969, S. 79–83, Dok.XVI.120; 1977, S. 33–34]. То, что этот человек был одновременно служителем Имхотепа и Джосера, Бастет и Сотис в Анх-тауи, свидетельствует в пользу того, что он также, подобно Имхотепу, мог являться заклинателем и предсказателем по восходу Сириуса. В таком случае, не являлся ли в эпоху Древнего царства именно «храм вершины» главной святыней культового центра Хабес, т. е. того места, рядом с которым располагался припирамидный город Пепи I Меннефер? Если при Джосере произошло ключевое событие, вернувшее в страну долгожданные паводки, возможно, именно при этом царе закладываются основы празднования Нового года. Если восход звезды был неблагоприятным, то богиня

проводилась из Дендеры именно в Хабес, где ее магически умиротворяли в храме Имхотепа.

Если во второй половине Древнего царства количество паводков начинает сокращаться, то, соответственно, заметно возрастает роль и статус культового центра Бастет в Анх-тауи. Поэтому, чтобы обезопасить владения собственного припирамидного города, Пепи I включил в него в качестве составной части город Хабес, где почиталась не просто грозная львица, а именно тот, кто впервые смог ее усмирить, т. е. Имхотеп. Ведь Имхотеп не просто умиротворил богиню, но вернул благодатные паводки, т. е. устранил последствия пагубного воздействия Бастет на людей. Таким образом, храм Хабес защищал город Пепи I и его уголья. При этом статус Бубастиса как главного центра новогодних торжеств будет закреплён сооружением часовни Пепи I.

Нам остается ответить еще на один вопрос. Если город Пепи I Меннефер стал преемником культового центра богини Бастет, то почему впоследствии он начал ассоциироваться преимущественно с богиней Сехмет? Имхотеп прославился в египетской истории не просто как первый жрец, умиротворивший огненный восход Сириуса и вернувший в Египет паводок, но и как человек, исцеливший моровые болезни. Мы хорошо знаем, что Бастет, помимо прочего, могла наводить чумную болезнь [Leitz, 1994, S. 134–135]. За заслуги во врачевании греки отождествили Имхотепа с Асклепием.

В основе врачебного искусства лежал простой принцип: богиня, наславшая болезнь, могла от нее и избавить. Тонкость состояла в следующем. Никто не мог умолить Бастет вернуть паводок, а вот исцелить болезнь было возможно. Поэтому в эпоху Древнего царства начинает возрастать роль одной из форм Бастет — Сехмет, покровительницы врачей и врачебного искусства в целом¹⁸. Уже в царствование Сахура придворным лекарем был некто Ниянхсехмет (это имя переводится как «Подательница жизни — Сехмет», буквально, «от Сехмет — жизнь»), носивший титул «великий врачеванием» (*wr-swmi*) [Urk. I, 38, 7]. При этом очевидно, что все врачи возводили свой род к Имхотепу, который первый умиротворил богиню. Начиная со Среднего царства, в Египте появляются сочинения по врачебному искусству, где главная роль в исцелении человека принадлежала именно жрецам Сехмет [Ebbel, 1937, 99/1–103/20]. Вердикт врача мог быть тройным — «эту болезнь вылечу я», «с этой болезнью я буду бороться», «эта болезнь неизлечима». Получается, что если Бастет символизировала собой все негативное, а точнее, необратимое, то врачебное искусство могло носить положительный обратимый характер. А так как оно ко всему прочему было еще и ремеслом, это вводило его в компетенцию бога Птаха, в Древнем царстве — бога-покровителя мастеров и ремесленников. Не здесь ли была заложена основа будущего союза Птаха, его сына Имхотепа и Сехмет? Но тогда получается, что роль Птаха, равно как и Сехмет в формировании Мемфиса, носила явно вторичный характер.

В конце концов, мы вправе поставить вопрос более радикально. Не являлся ли Хабес, центр культа Бастет и Имхотепа, столицей нома Белые стены? Напомним в этой связи, что в науке вплоть до сегодняшнего дня господствует теория К. Зете, впервые предположившего, что столицей нома Белые Стены был одноименный город [Sethe,

¹⁸ Здесь можно предположить, что Сехмет олицетворяла собой именно последствия негативного воздействия Бастет на людей, например, чуму, лихорадку, жар, т. е. всю симптоматику болезней.

1905] (в данном случае ученый исходил из аналогии с Фиванским номом и его столицей). Заметим, что источников, подтверждающих эту теорию, по сути нет [Hannig 2003, S. 1547: 40870].

Гипотеза, высказанная в данной статье, объясняет причину, почему именно Меннефер стал главным столичным центром Египта, так как являлся преемником культа, укорененного в государственной гелиопольской идеологии. Таким образом, Пепи I, основав, а также экономически и ритуально поддержав свой припирамидный комплекс, мог сыграть одну из ключевых ролей в появлении будущей столицы Египта.

Литература / References

- Белова Г. А. Жизнь Общих Земель. *Культура Египта и стран Средиземноморья в древности и Средневековье*, 2017. № 2. С. 9–24 [Belova G. A. Life of the Two Lands. *Egyptian and Mediterranean Culture in Ancient and Medieval Times*. 2017. No. 2. Pp. 9–24 (in Russian)].
- Берлев О. Д. Два периода Сотиса между годом 18 царя Сену, или Тосортроса, и годом 2 фараона Антонина Пия. *Древний Египет: язык, культура, сознание*. Под ред. О. И. Павловой. М., 1999. С. 42–62 [Berlev O. D. Precisely Two Sothic Periods Between Year 18 of King Senw / Tosorthros and 2 of Pharaoh Antoninus Pius. *Ancient Egypt: Language-Culture-Consciousness*. O. I. Pavlova (ed.). Moscow, 1999. Pp. 42–62 (in Russian)].
- Демидчик А. Е. Древнейшее астрологическое пророчество. *Вестник Новосибирского государственного университета*. 2005. Вып. 4.3. С. 5–13 [Demidchik A. E. The Oldest Astrological Prophecy. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta*. 2005. 4.3. Pp. 5–13 (in Russian)].
- Панов М. В. *Источники по истории жреческих семей Мемфиса и Летополя в Поздний период*. Т. 3. Ч. 1: Исследование и перевод. Новосибирск, 2015 [Panov M. V. *Documents on the History of the Priestly Families from Memphis and Letopolis in the Late Period*. Novosibirsk, 2015 (in Russian)].
- Перепелкин Ю. Я. *Хозяйство староегипетских вельмож*. М., 1988 [Perepelkin Yu. Ya. *Economy of Old Egyptian Nobles*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Савельева Т. Н. *Храмовые хозяйства Египта времени Древнего царства: III–VIII династии*. М., 1992 [Savelieva T. N. *Temple Economies of Egypt in the Old Kingdom (III–VIII Dynasties)*. Moscow, 1992 (in Russian)].
- Alexanian N., Bebermeier W., Blaschta D., Ramisch A. The Pyramid Complexes and Ancient Landscape of Dahshur/Egypt. *eTopoi. Journal for Ancient Studies*. 2012. No. 3. Pp. 131–133.
- Badawi A. *Memphis als zweite Landeshauptstadt im Neuen Reich*. Le Caire, 1947.
- Begelsbacher-Fischer B. L. *Untersuchungen zur Götterwelt des Alten Reiches. Im Spiegel der Privatgräber der IV. und V. Dynastie*. Göttingen, 1981.
- Bergman J. *Isis-Seele und Osiris-Ei. Zwei ägyptologische Studien zu Diodorus Siculus I 27, 4–5*. Uppsala, Stockholm, 1970.
- Borchardt L. Ein Königserlass aus Dahschur. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1905. 42. S. 1–11.
- Borchardt L. *Das Grabdenkmal des Königs Ne-user-Re'*. Leipzig, 1907.
- Borchardt L. *Das Grabdenkmal des Königs Sabure'*. Bd. I: *Die Wandbilder*. Leipzig, 1913.
- Clédat J. Deux Monuments Nouveaux de Tell el-Maskhoutah. *Recueil de travaux relatives à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes*. 1910. XXXII. Pp. 40–42.
- Ćwiek A. *Relief Decoration in the Royal Funerary Complexes of the Old Kingdom. Studies in the development, scene content and iconography*. Warsaw, 2003.
- Dreyer G. *Umm el-Qaab I. Das prädynastische Königsgrab U-j und seine frühen Schriftzeugnisse*. *Archäologische Veröffentlichungen* 86. Mainz, 1998.

- Ebbell B. *The papyrus Ebers*. Copenhagen, 1937.
- Edel E. *Altägyptische Grammatik I*. Roma, 1955.
- Erman A. *Hymnen an das Diadem der Pharaonen: aus einem Papyrus der Sammlung Golenischeff*. Berlin, 1911.
- Favard-Meeks C. *Le temple de Behbeit el-Hagara: Essai de reconstitution et d'interprétation*. Hamburg, 1996.
- Golenischeff W. *Les papyrus hiéatiques no. 1115, 1116A et 1116B de l'Ermitage Impérial à St.-Petersbourg*. Saint Petersburg, 1913.
- Habachi L. *Tell Basta*. Le Caire, 1957.
- Hannig R. *Die Sprache der Pharaonen. Großes Handwörterbuch Ägyptisch-Deutsch (2800–950 v. Chr.)*. (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 64). Mainz am Rhein, 1995.
- Hannig R. *Ägyptisches Wörterbuch I. Altes Reich und Erste Zwischenzeit*. (Kulturgeschichte der Antiken Welt. Band 98). Mainz am Rhein, 2003.
- Helck W. Topographisierung von Begriffen und Gegenständen in den Pyramidentexten. *Hommages à François Daumas*. Montpellier, 1986. Pp. 421–425.
- Hoenes S. E. *Untersuchungen zu Wesen und Kult der Göttin Sachmet*. Bonn, 1976.
- Hornung E. *Der ägyptische Mythos von der Himmelskub. Eine Ätiologie des Unvollkommenen*. Göttingen, 1997.
- Kaiser W. Einige Bemerkungen zur ägyptischen Frühzeit. *Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde*. 1959. 84. Pp. 119–132.
- Kees H. *Das Alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde*. Berlin, 1977.
- Kees H. *Der Götterglaube im alten Ägypten*. Berlin, 1980.
- Köhler C. The Interaction between and the Roles of Upper and Lower Egypt in the Formation of the Egyptian State. Another Review. Midant-Reynes B., Tristant Y. (eds.). *Egypt at its origins 2. Proceedings of the International Conference "Origin of the State. Predynastic and Early Dynastic Egypt"*, Toulouse (France), 5th–8th September 2005. (*Orientalia Lovaniensia Analecta*). Leuven, 2008. Pp. 513–540.
- Lacau P., Lauer J.-Ph. *La Pyramide À Degrés. T. IV. Inscriptions Gravées sur le Vases*. Le Caire, 1959.
- Lange E. The Lioness Goddess in the Old Kingdom Nile Delta: A Study in Local Cult Topography. Lippert S., Schentuleit M., Stadler M. (eds.). *Festschrift für Günter Vittmann zum 29. Februar 2016*. Montpellier, 2016. Pp. 301–323.
- Leitz Ch. Tagewählerei. *Das Buch Hat nHH pH.wj Dt und verwandte Texte. Textband*. Wiesbaden, 1994.
- Leitz Ch. *Lexikon der ägyptischen Götter und Götterbezeichnungen*. (*Orientalia Lovaniensia Analecta* 112). Bd. 1–8. Leuven, Paris, Dudley, 2002.
- De Meulenaere H. Les monuments du culte des rois Nectanébo. *Chronique d'Égypte*. 1960. 35 (69). Pp. 92–107.
- Perpillou-Thomas F. *Fêtes d'Égypte Ptolémaïque et Romaine d'après la documentation papyrologique grecque*. (*Studia Hellenistica* 31). Lovanii, 1993.
- Pyr. — Sethe K. *Die altägyptischen Pyramidentexte. Nach den Papierabdrücken und Photographien des Berliner Museums*. Bd. I–III. Hildesheim, Zürich, New York, 1987.
- Quack J. Fr. Quelques apports récents des études démotiques à la compréhension du livre II d'Hérodote. Hérodote et l'Égypte CMO 51. *Maison de l'Orient et la Méditerranée*. Pp. 63–88. Lyon, 2013.
- Ray J. *The archive of Hor*. London, 1976.
- Sethe K. *Menes und Gründung von Memphis. Untersuchungen zur Geschichte und Altertumskunde Ägyptens III*. Leipzig, 1905.
- Sethe K., Schäfer H., Borchardt L. Ein Bruchstück altägyptischer Annalen. Sethe K. (Hrsg.). *Leipziger und Berliner Akademieschriften (1902–1934)*. Bd. XI. Zentralantiquariat der Deutschen Demokratischen Republik. Leipzig, 1976.
- Smith H. S., Andrews C. A. R., Davies S. *The Sacred Animal Necropolis at North Saqqara. The Mother of Apis Inscriptions*. Vol. II: *Commentaries and Plates*. London, 2011.
- Urk. I — Sethe K. *Urkunden des Alten Reiches*. Erster Band. Leipzig, 1933.

- Zibelius K. *Ägyptische Siedlungen nach Texten des Alten Reiches. Beibefte zum Tübinger Atlas des Vorderen Orients. Reihe B, Geisteswissenschaften № 19.* Wiesbaden, 1978.
- Wb. — Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache.* Bd. I–V. Leipzig, 1929–1931.
- Wildung D. *Die Rolle ägyptischer Könige im Bewusstsein ihrer Nachwelt: Posthume Quellen über die Könige der ersten vier Dynastien.* (Münchner ägyptologische Studien 17). Berlin, 1969.
- Wildung D. *Imhotep und Amenhotep: Gottverdung im alten Ägypten.* (Münchner ägyptologische Studien 36). München, 1977.
- Wilkinson T. *Early Dynastic Egypt.* London, 2001.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Alexanian N., Arnold F. *The Complex of the Bent Pyramid as a Landscape Design Project.*
URL: https://www.academia.edu/30540635/The_complex_of_the_Bent_Pyramid_as_a_landscape_design_project (дата обращения 07.08.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-57-62

ИСЛАМСКИЕ МОНЕТЫ ИЗ ВОСТОЧНОЙ ГИЗЫ (ЕГИПЕТ)

© 2020

Е. Ю. Гончаров, С. Е. Малых*

Статья посвящена атрибуции одной золотой и двух медных монет, обнаруженных Российской археологической экспедицией ИВ РАН в древнеегипетском некрополе Гизы. Монеты происходят из перемешанных слоев заполнения погребальных шахт гробниц, вырубленных во второй половине III тыс. до н. э., и по характеру находки относятся к этапам разрушения древних захоронений, происходивших на протяжении средневековья, нового и новейшего времени. Одна из монет является мамлюкским фельсом и датируется первой половиной XIV в. н. э., две других относятся к 1830-м гг. — периоду Османского владычества в Египте, и атрибутированы как золотой *бучук хайрие* и его медная имитация, вероятно, фальшивка. Монеты редки для древнего некрополя и в основном ограничены экземплярами XIX–XX вв. В целом, учитывая многочисленные находки других предметов — фрагментов керамической, фарфоровой и стеклянной посуды, металлических изделий, стеклянных и медных украшений, можно говорить об активном характере человеческой деятельности на древнеегипетском кладбище во II тыс. н. э. Египтяне и европейские путешественники использовали древние скальные гробницы как места постоянных обиталищ или временных стоянок, оставляя после себя материальные следы своего пребывания.

Ключевые слова: Египет, Гиза, нумизматика, мамлюки, османы, Российская археологическая экспедиция ИВ РАН в Гизе.

Для цитирования: Гончаров Е. Ю., Малых С. Е. Исламские монеты из Восточной Гизы (Египет). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 57–62. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-57-62

ISLAMIC COINS FROM EASTERN GIZA (EGYPT)

Evgeny Yu. Goncharov, Svetlana E. Malykh

The article focuses on the attribution of one gold and two copper coins discovered by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS in the ancient Egyptian necropolis of Giza. Coins come from mixed fillings of the burial shafts of the Ancient Egyptian rock-cut tombs of the second half of the 3rd millennium B.C. According to the archaeological context, the coins belong to the stages of the destruction of ancient burials that took place during

* Евгений Юрьевич ГОНЧАРОВ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lowvolga@gmail.com

Evgeny Yu. GONCHAROV, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lowvolga@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3006-1774

Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

the Middle Ages and Modern times. One of the coins is a Mamluk *fals* dating back to the first half of the 14th century A.D., the other two belong to the 1830s — the Ottoman period in Egypt, and are attributed as gold a *buchuk bayriye* and its copper imitation. Coins are rare for the ancient necropolis and are mainly limited to specimens of the 19th–20th centuries. In general, taking into account the numerous finds of other objects — fragments of ceramic, porcelain and glass utensils, metal ware, glass and copper decorations, we can talk about the dynamic nature of human activity in the ancient Egyptian cemetery in the 2nd millennium A.D. Egyptians and European travelers used the ancient rock-cut tombs as permanent habitats or temporary sites, leaving material traces of their stay.

Keywords: Egypt, Giza, numismatics, Mamluks, Ottomans, Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS at Giza.

For citation: Goncharov E. Yu., Malykh S. E. Islamic Coins from Eastern Giza (Egypt). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 57–62. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-57-62

Работы Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (Египет) сконцентрированы на исследовании древнеегипетского некрополя времени III тыс. до н. э. Однако этот памятник является многослойным, а находки включают как оригинальные захоронения эпохи Древнего царства, так и вторичные погребальные и жилые комплексы I тыс. до н. э. — II тыс. н. э., а также многочисленные следы древних и сравнительно современных (XIX в.) грабежей.

Несмотря на обилие поздних находок, представляющих собой черепки керамики средневекового и нового времени, осколки стеклянных и фарфоровых сосудов, обломки стеклянных браслетов и разрозненные бусины, металлические орудия и сосуды, монеты в восточной части Гизы мы обнаруживаем сравнительно редко. За 24 сезона полевых исследований было найдено всего 12 монет: четыре античных (в том числе медная майорина императора Констанция II (324–361 гг. н. э.) [Kormysheva et al., 2018, p. 171, fig. 35, pl. CXVI], медный мамлюкский фельс первой половины XIV в., золотая и медная османские монеты первой половины XIX в. и в целом синхронная им серебряная четверть рупии 1840 г. Ост-индской компании с профилем британской королевы Викторини, 20 франков 1950–1954 гг. Четвертой республики из медно-алюминиевого сплава, 5 миллимов 1924 г. египетского короля Фуада медно-никелевого сплава и 5 латунных египетских миллимов 1973 г.¹ Все они происходят из перемешанных слоев, заполнявших помещения скальных гробниц или прилегающие к ним территории, и не имеют четкого археологического контекста, однако само их присутствие свидетельствует о неоднократном посещении людьми этой части древнего некрополя.

В данной небольшой статье речь пойдет о трех монетах — мамлюкской и двух османских, найденных Российской экспедицией в Гизе.

¹ Определение трех последних монет по: [Standard Catalog of World Coins, 2019, KM# 333, KM# A432, KM# 917].

ОПИСАНИЕ И АТРИБУЦИЯ МОНЕТ

1. Фельс династии Мамлюков (*илл. 1.1*), султан ан-Насир Насир ад-дин Мухаммад I, 3-е правление (709–741 гг. х. = 1310–1341 гг. н. э.). Медь.

Л.с.: видна только часть мусульманского Символа веры: بالهدى [...] محمد رسول [...] [...]

О.с.: от круговой легенды с титулом и именем султана частично видно только السلطان *ас-султан*, в центральном круге имя محمد *Мухаммад*.

Вес 2,26 г, размеры 1,7 x 1,4 см.

Полевой шифр 15/58-4/m1. Условия находки: скальная гробница GE 58, шахта 4, слой 3, глубина -75 см.

В каталоге мамлюкских монет П. Балага фельсы близкого по оформлению типа указаны как не имеющие обозначения монетного двора. В более новом каталоге мамлюкских фельсов А. Койфмана некоторые из них опознаны как чеканенные в городе Хама (Сирия). Данный тип фельсов также не имеет даты чеканки, она определяется всем периодом третьего правления султана Мухаммада I. Судя по потертости найденного экземпляра, он находился в обращении длительное время, поэтому определить время его выпадения в культурный слой точнее, чем в пределах XIV в., не представляется возможным.

Аналогичные фельсы опубликованы в [Balog, 1964, p. 152, № 230] и [Koifman, 2012, p. 41, № 230B]. В мамлюкском Египте, как и на всем мусульманском Востоке, медные фельсы были самыми мелкими денежными единицами с низкой покупательной способностью. Выше них были серебряные дирхамы (и их фракции) и золотые динары.

Активный оборот денег и товаров приводил к перемещению монет из регионов их выпуска в другие районы государства, поэтому даже фельсы, а не только дирхамы и динары, чеканенные в Каире, находят в сирийских областях Мамлюкского султаната, а монеты, выпущенные там, встречаются в Египте.

Илл. 1. Исламские монеты из Восточной Гизы
(фото С. Е. Малых, С. В. Малых)

2. Бучук хайрийе (1/2 хайрийе) (илл. 1.2) османского султана Махмуда II (1223–1255 гг. х.=1808–1839 гг.). 23-й год правления, т. е. 1830/31 г., чекан Мисра (Египет). Золото².

Л.с.: в центре, в круге, тугра султана Махмуда II, в трех овальных картушах, с верхнего влево, سلطان / سلاطين / زمان, *Султан Султанов эпохи*. Между картушами три декоративные веточки.

О.с.: в центре, в круге, в четыре строки указание места и даты чеканки ٢٣ / ضرب في / مصر / ١٢٢٣, т. е. 23 (год правления), *Чеканен в Мисре 1223* (год начала

правления); в трех овальных картушах, с верхнего влево, محمود/خان/عازي, т. е. *Махмуд хан победоносный*.

Гурт зубчатый.

Вес неизвестен, диаметр 1,66 см, толщина 0,03–0,05 см. Проба 875°.

Полевой шифр 19/19-11/m1. Условия находки: скальная гробница GE 19, шахта 11, слой 4, глубина -150 см.

Согласно «Стандартному каталогу монет мира 1801–1900 гг.», вес таких монет находится в диапазоне 0,70–0,80 г [Standard Catalog of World Coins, 2015, p. 292, KM#195].

Аналогичные монеты опубликованы в [Pere, 1968, S. 246, N. 780]. *Бучук хайрийе* — половина хайрийе³ — является 1/2 основного номинала золотых османских монет, собирательно называвшихся *зефи махбуб*, то есть «любимое золото». В Египте монеты половинного номинала этого типа чеканились с 1828 по 1836 гг. При Махмуде II там также выпускались *алтыны* — *зефи махбуб* и совсем мелкие золотые монеты в 1/4 основного номинала.

3. Фальшивый бучук хайрийе (1/2 хайрийе) (илл. 1.3) османского султана Махмуда II (1223–1255 гг. х.=1808–1839 гг.). Медь, слабые следы позолоты.

Оформление и легенды аналогичны монете № 2, год правления не виден.

Вес неизвестен, диаметр 1,71 см, толщина 0,03 см, сохранность плохая, металл сильно корродирован.

Гурт зубчатый.

Полевой шифр 19/19-11/m2. Условия находки: скальная гробница GE 19, шахта 11, слой 1, глубина -10-60 см.

С краю в монете пробито отверстие инструментом типа ножа, по-видимому, таким образом она была выведена («погашена») из обращения как фальшивая, т. к. оригинальная должна быть из золота.

² Авторы приносят благодарность к.и.н. В. Н. Настичу (ИВ РАН) за помощь в описании этой монеты.

³ *Хайрийе* — название монет с указанным выше весом. Предшествовавшие им золотые монеты весом 1,15–1,20 г, так же 1/2 *зефи махбуб*, назывались *нисфийя*.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Одна из рассмотренных в статье монет — медный фельс — была отчеканена в первой половине XIV в. при ан-Насире Мухаммаде I, девятом султана Египта, происходившем из мамлюков-бахритов и трижды восходившем на престол. Примечательно, что других материальных свидетельств посещения людьми восточной Гизы пока не найдено: редкая керамика датируется либо периодом правления Фатимидов (909–1169) и Айюбидов (1169–1252) [Малых, 2018, с. 174], либо интервалом от XVIII до начала XX вв., в последнем случае включая достаточно репрезентативную коллекцию фрагментов курительных трубок-оттоманок, в том числе привозных [Малых, 2020]. Однако имеющиеся письменные свидетельства сообщают об интересе к пирамидам Гизы и окружавшим их частным гробницам со стороны охотников за сокровищами и арабских путешественников во времена Салах ад-Дина (1169–1193)⁴. Подробные сведения о посещении пирамид и гробниц Гизы и добытых там древностях содержатся в книге арабского ученого и врача ‘Абд ал-Латифа ал-Багдади, посетившего Египет в самом начале XIII в. [Абд ал-Латиф ал-Багдади, 2013, с. 111–181]. Большинство же подобных визитов были, вероятно, достаточно краткими и практически не оставили вещественных следов.

Иначе дело обстоит с предметами XIX в., встреченными в верхних перемешанных слоях, заполнявших помещения скальных гробниц восточной Гизы: их количество и разнообразие (от уже упомянутых курительных трубок, флаконов из-под китайской черной туши и фарфоровых палитр до медных позолоченных запонок, обломков стеклянных браслетов, аптечных пузырьков и бутылок из-под виски) свидетельствует об активном посещении этой территории и местными жителями, и европейскими путешественниками. Последние использовали скальные гробницы восточной Гизы как места ночевки, а некоторые из них были преобразованы в своеобразные постоянные дворы⁵. Соответственно, верхняя часть заполнения шахты 11, где был обнаружен фальшивый *бучук хайрийе*, фактически представляла собой мусорный слой, типичный для поселений и включавший не только поломанные или утерянные предметы, но и отдельные кости мелкого рогатого скота со следами разделки. Слой ниже, где залегал золотой *бучук хайрийе*, имел несколько иной характер: наряду с поздним материалом XIX в. здесь присутствовали многочисленные фрагменты мумифицированных человеческих тел, обрывки льняных бинтов со следами бальзамирующих веществ, египетская керамика I тыс. до н. э. и амулет-*джед* из халцедона. По-видимому, этот слой сформировался в результате деятельности грабителей или ранних европейских туристов, которые в поисках мумий обследовали древний некрополь и потрошили останки умерших, чтобы извлечь из них ценности — украшения, амулеты, изображения богов или их священных животных. О таком своеобразном промысле, процветавшем в Гизе и других древних памятниках, сообщали путешественники XIX в. [Лебедев, Малых, 2020]. Вероятно, золотая монета была утеряна одним из тех, кто занимался обыском мумий.

Несмотря на редкость обнаружения мамлюкских и османских монет в некрополе

⁴ Подробнее см.: [Лебедев, 2020а, с. 150].

⁵ Об «отелях», устроенных в скальных гробницах восточной Гизы, а также об их постоялых, в частности, Говарде Вайсе, Джованни Кавилье, Несторе Л’Оте, Огюсте Мариетте, см.: [Лебедев, 2018, с. 59–63; 2020а, с. 157; 2020б; Лебедев, Малых, 2020; Ветохов, Лебедев, Малых, 2020, с. 123–126].

Гиза, их находки являются выразительными следами определенных событий, происходивших в средние века и новейшее время на древнеегипетском кладбище.

Литература / References

- ‘Абд ал-Латиф ал-Багдади. *Описание Египта начала XIII века. Книга уведомления и рассмотрения дел виденных и событий засвидетельствованных на земле Египта*. М., 2013 [‘Abd al-Latîf al-Baghdadî. *Description of Egypt at the beginning of the XIII century. Book of the notification and consideration of cases seen and events witnessed in the land of Egypt*. Moscow, 2013 (in Russian)].
- Ветохов С. В., Лебедев М. А., Малых С. Е. Жизнь у подножия пирамид: из истории одной древнеегипетской гробницы в восточной Гизе. *Древние памятники, культуры и прогресс. А caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores. Сборник, посвященный Д. В. Рукавишникову*. М., 2020. С. 116–127 [Vetokhov S.V., Lebedev M.A., Malykh S. E. Life at the Foot of the Pyramids: From the History of an Ancient Egyptian Tomb in Eastern Giza. *Ancient monuments, cultures and progress. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores. Collection dedicated to D. V. Rukavishnikov*. Moscow, 2020. Pp. 116–127 (in Russian)].
- Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних путешественников (XII–XVIII вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020а. №2. С. 146–159 [Lebedev M. A. “Grottos”, “Catacombs”, and “Caves”: Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12th–18th Centuries). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020а. 2. Pp. 146–159 (in Russian)].
- Лебедев М. А. Дж. Б. Кавилья и начало археологического изучения скальных гробниц восточной окраины Гизы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020б. № 3. С. 63–76 [Lebedev M. A. G. B. Caviglia and the Beginning of the Archaeological Study of Rock-Cut Tombs of the Eastern Escarpment of Giza. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020б. 3. Pp. 63–76 (in Russian)].
- Лебедев М. А. Франко-тосканская экспедиция в Гизе (Египет): новые данные. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 53–64 [Lebedev M. A. Franco-Tuscan Expedition in Giza: New Evidence. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. 3. Pp. 53–64 (in Russian)].
- Лебедев М. А., Малых С. Е. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе. *Восточный курьер*. 2020. № 1–2. С. 99–108 [Lebedev M. A., Malykh S. E. The Source of Mysteries: The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza. *Vostochny Kurier*. 2020. 1–2. Pp. 99–108 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамика Гизы как индикатор хронологической многослойности археологического памятника Египта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. №2. С. 164–178 [Malykh S. E. Giza Pottery as an Indicator of the Chronological Multilayeredness of the Egyptian Archaeological Site. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. 2. Pp. 164–178 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамические трубки-оттоманки из Гизы: к истории табакокурения на Востоке. *Вестник Института востоковедения РАН*, 2020, №3. С. 77–89 [Malykh S. E. Ceramic Pipes-Ottomans from Giza: On the History of Tobacco Smoking in the Orient. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 77–89 (in Russian)].
- Balog P. *The coinage of the Mamlūk Sultans of Egypt and Syria*. New York, 1964.
- Koifman A. *Fulus of the Mamluk Sultans of Egypt and Syria*. Maaltot, 2012.
- Pere N. *Osmanlılarda Madenî Paralar*. Yapı ve Kredi Bankasının Osmanlı Madenî Paraları Koleksiyonu. İstanbul, 1968 (in Turkish).
- Standard Catalog of World Coins, 1801–1900*. Krause C. L., Mishler C. (eds.). Krause Publications. 8th ed. Iola, 2015.
- Standard Catalog of World Coins, 1901–2000*. Thomas M., Schmidt T. L. (eds.). Krause Publications. 47th ed. Iola, 2019.

ДЖ. Б. КАВИЛЬЯ И НАЧАЛО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СКАЛЬНЫХ ГРОБНИЦ ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЫ ГИЗЫ

© 2020

М. А. Лебедев*

Статья является продолжением цикла публикаций о ранних исследователях, внесших свой вклад в изучение восточной окраины некрополя Гизы. Ее героем является итальянский антиквар Джованни Баттиста Кавилья — автор первых задокументированных работ по расчистке скальных гробниц на территории современной российской концессии у пирамид. В работе делается вывод, что итальянскому исследователю были доступны многие гробничные комплексы как на юге, так и на севере того участка некрополя, где сегодня работают специалисты из Института востоковедения РАН. Свидетельства современников показывают, что Дж. Б. Кавилья не только раскапывал древние гробницы, но также жил в одном из скальных комплексов и использовал скальные часовни как склады для своих находок. В 1835 г. британский офицер Говард Вайс, нанявший Дж. Б. Кавилью для раскопок в Гизе, выстроил на восточной окраине некрополя крупный лагерь. В статье впервые устанавливается месторасположение этого лагеря вблизи гробниц Перинеджу, Ченти I, Ченти II и Хуфухотепа, а также рассматривается его судьба: после окончания британских раскопок в 1837 г. лагерь был переоборудован в первый отель у пирамид. Письменные данные и изобразительные материалы из работ исследователей первой половины XIX в. находят подтверждение в материалах современных раскопок российских специалистов в Гизе. Несмотря на исчезновение лагеря Г. Вайса, культурный слой, сохранившийся в скальных гробницах и при входах в них, содержит многочисленные находки и комплексы, которые могут быть отнесены к XVIII–XIX вв. Тщательное изучение деятельности и полевых практик ранних исследователей эпохи антикварианнизма помогает лучше понимать общую стратиграфию памятников Гизы и точнее интерпретировать археологические свидетельства, полученные современными специалистами у подножия пирамид.

Ключевые слова: Древний Египет, Гиза, археология, история египтологии, скальные гробницы, Кавилья, Солт, Вайс.

Для цитирования: Лебедев М. А. Дж. Б. Кавилья и начало археологического изучения скальных гробниц восточной окраины Гизы. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 3. С. 63–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-63-76

* Максим Александрович ЛЕБЕДЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maximlebedev@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

G. B. CAVIGLIA AND THE BEGINNING OF THE ARCHAEOLOGICAL STUDY OF ROCK-CUT TOMBS OF THE EASTERN ESCARPMENT OF GIZA

Maksim A. Lebedev

The paper continues a series of publications dealing with early explorers who contributed to the study of the eastern escarpment of the Giza Necropolis. Its protagonist is the Italian antiquarian Giovanni Battista Caviglia, the author of the first documented archaeological works in rock-cut tombs on the territory of the modern-day Russian concession at the pyramids. The paper argues that the Italian researcher had access to many burial complexes both in the southern and in the northern parts of the necropolis area currently studied by specialists from the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. Contemporary reports demonstrate that Caviglia not only excavated ancient tombs, but also lived in one of the rock-cut complexes and used rock-cut chapels as storerooms for his finds. In 1835, the British officer Howard Vyse, who hired Caviglia for his excavations at Giza, built a large camp at the eastern escarpment of the necropolis. The author locates the camp in front of the tombs of Perinendju, Tjenty I, Tjenty II, and Khufuhotep and examines its fate: After the end of British excavations in 1837, the camp was converted into the first hotel at the foot of the pyramids. Narrative and visual materials presented in works of explorers of the first half of the 19th century correspond neatly with the material culture artifacts retrieved in Giza during contemporary Russian excavations. Despite the disappearance of the camp built by Vyse, the occupation layer preserved in the rock-cut tombs contains numerous finds and complexes that can be dated to the 18th–19th centuries. A thorough study of the activities and field practices of early explorers in the age of antiquarianism contributes to the better understanding of the general stratigraphy of the Giza Necropolis and works toward more accurate interpretation of the archaeological evidence obtained by contemporary specialists at the foot of the pyramids.

Keywords: Ancient Egypt, Giza, archaeology, history of Egyptology, rock-cut tombs, Caviglia, Salt, Vyse.

For citation: Lebedev M. A. G. B. Caviglia and the Beginning of the Archaeological Study of Rock-Cut Tombs of the Eastern Escarpment of Giza. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 63–76. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-63-76

Настоящая статья является продолжением цикла публикаций [Лебедев, 2018а; 2020] о первых исследователях скальных гробниц восточной окраины Гизы, которые изучает сегодня археологическая экспедиция Института востоковедения РАН (илл. 1–2)¹. Ранние путешественники и египтологи сохранили ценнейшие письменные и изобразительные свидетельства о состоянии изучаемых российскими специалистами памятников в XVIII–XIX вв., а их масштабные, но — по современным меркам — весьма бессистемные раскопки значительно усложнили локальную стратиграфию. Без учета изменений, привнесенных в ландшафты и стратиграфические последовательности Восточной Гизы ранними раскопками, современные исследователи будут неизменно сталкиваться с трудноразрешимыми проблемами, которые повышают риск появления неверных или необоснованных интерпретаций.

¹ Руководитель экспедиции — Э. Е. Кормышева.

Илл. 1. Восточное плато Гизы (план А. В. Флорова, Н. Мельникова, С. В. Ветехова)

Илл. 2. Южный участок российской концессии в Гизе (план С. В. Ветехова)

В недавней статье нами был предложен краткий обзор наиболее ранних свидетельств о скальных гробницах Гизы [Лебедев, 2020]. В нем, в частности, делается вывод о том, что хотя в эпоху Нового времени скальные гробницы восточной окраины некрополя активно раскапывались местными жителями с целью грабежа, они, тем не менее, мало привлекали внимание европейских и арабских путешественников XVII–XVIII вв., которым были известны преимущественно скальные комплексы близ пирамиды Хафра. С первыми научными раскопками в Гизе, начавшимися вскоре после египетского похода Наполеона, ситуация, однако, быстро изменилась. Вряд ли можно назвать хотя бы одного крупного исследователя Гизы XIX в., который не использовал древние гробницы на восточной окраине плато под жилье или подсобные помещения. Мы предполагаем, что описанные изменения произошли в связи с различиями в потребностях, которые испытывали участники краткосрочных вояжей и долгосрочных археологических проектов. Первым археологам приходилось устраиваться в Гизе надолго и привязывать быт к существующей местной инфраструктуре, которая была наиболее развита именно к востоку от некрополя. Там находились ближайшие поселения, из которых на плато поставлялись провизия, расходные материалы и рабочая сила, имелись оборудованные источники пресной воды и т. п. [Лебедев, 2020, с. 157]. Устраивая лагеря на восточной окраине Гизы, первые египтологи естественным образом заинтересовались местными памятникам. Это привело к первым раскопкам в этой части некрополя, а также появлению архитектурных планов и копий рельефов из некоторых скальных гробниц. Так начиналась долгая история археологического изучения восточного плато Гизы, продолжающаяся по сей день.

Дж. Б. Кавилья: АНТИКВАР И МИСТИК У ПОДНОЖИЯ ПИРАМИД

Первым знаменитым европейским любителем древностей, поселившемся на восточной окраине Гизы и начавшим там археологические исследования, стал итальянский египтолог Джованни Баттиста Кавилья (1770–1845) (*илл. 3*). Он родился в Генуе и как многие выходцы из этого города был моряком. В качестве капитана торгового флота он много ходил по Средиземному морю, во время путешествий увлекся поиском древностей и последние 30 лет своей жизни посвятил антиквариантству.

Дж. Б. Кавилья прибыл в Гизу в 1816 г. и поселился в одной из скальных гробниц на восточной окраине некрополя. Дом Кавилья в древней гробнице был широко известен среди европейских путешественников первой трети XIX в., многие из которых находили там приют. Один из них, британский поданный Джон Карне, сохранил следующее описание этого жилища: «По длинной и петляющей тропе мы спустились к продолговатой и невысокой вырубленной в скале камере, которая прежде была гробницей. Здесь мистер Кавилья, его немецкий помощник мистер Спинетте и я уселись на пол и поужинали вареной птицей, (запивая ее) нильской водой. Будучи очень утомленными, они вскоре оставили меня отдыхать. Один из арабов установил небольшую лампу (в углубление) в стене этой древней обители. Бросившись на свою кровать из жесткого тростника, я попытался заснуть. Однако новизна моего положения и мысли о том, что я наконец-то нахожусь в том самом месте, которое так давно и ярко представлял в своем воображении, долго не давали мне сомкнуть глаза. Наутро,

на восходе, мы пили кофе у одного из естественных окон этой пещеры, выходявших на долину» [Carne, 1826, p. 98–99].

За годы жизни в Гизе Дж. Б. Кавилья обустроил свое жилище. При входе в гробницу была вставлена дверь, появились стеклянные окна, воду исследователь брал из устроенного рядом колодца². Как мы отмечали прежде [Лебедев, 2018а, с. 60], долгое время считалось, что этот памятник утерян или разрушен [Thompson, 2015, p. 146]. Однако, сравнивая копии рельефов из «гробницы Кавилья» и из гробниц на территории современной российской концессии в Гизе, нам удалось установить, что известный исследователь некрополя занимал часовню III тыс. до н. э. LG 80 / GE 24 (илл. 1–2) [Лебедев, 2018а, с. 60], которая готовилась для погребения царского мастера маникюра Ипи, но так и не была завершена [Kormysheva et al., 2018, p. 193–209].

При этом гробница Ипи составляла лишь основу скального комплекса, в котором поселился Дж. Б. Кавилья. По воспоминаниям британского консула Генри Солта, спонсировавшего раскопки исследователя, в жилище итальянского капитана были две комнаты [Manley, Rée, 2001, p. 101]. Вероятно, Дж. Б. Кавилья облюбовал в действительности сразу несколько скальных часовен: первая комната состояла, очевидно, из гробницы LG 80 / GE 24, а вторая — из часовни GE 56 или соединенных вместе часовен GE 56 и GE 57 [Kormysheva et al., 2018, p. 210–212, fig. 83]. Причины выбора именно этой группы скальных гробниц становятся очевидны, если обратиться к неопубликованной акварели Франсуа-Шарля Сесия (1766–1840), одного из участников Египетского похода Наполеона (илл. 4). На ней хорошо видны входы в несколько скальных гробниц в южной части известнякового обрыва. Это и есть проходы в часовни LG 80 / GE 24, GE 56 и GE 57. Остальные скальные комплексы к северу, которые впоследствии станут известны исследователям, судя по этому изображению, в начале

Илл. 3. Дж. Б. Кавилья в 1827 г.
(по: [Usick, Manley, 2007, p. iv])

² Вполне возможно, что Кавилья сам озаботился рытьем этого колодца [Lane, 2000, p. 163]. Судя по свидетельству ранних исследователей, местные жители использовали его, но совершенно не следили за его состоянием. Колодец неоднократно расчищали по приказу других египтологов, в частности, Джона Гардинера Уилкинсона (1797–1875) и Говарда Вайса (1784–1853). Его же, вероятно, в 1840-х–1850-х гг. использовали К. Р. Лепснус и, возможно, О. Мариетт. Изображение этого колодца и сведения о его расчистке можно найти в работе Г. Вайса [Vyse, 1840, p. 210–211]. Колодец указан на некоторых ранних картах Гизы [Perring, 1839].

XIX в. были еще засыпаны песком. Дж. Б. Кавилья, таким образом, выбрал самое доступное и удобное на тот момент место для жизни.

Итальянский исследователь являлся весьма своеобразным человеком. Он был очень религиозен и склонен к мистицизму, интересовался эзотерикой, астрологией и магией. Раскопки в Гизе он вел с надеждой на то, что сможет обнаружить сокрытые знания погибшей цивилизации или тайные подземные ходы, которые должны были, по его мнению, вести от великих пирамид к древнему Мемфису или другим памятникам [Carne, 1826, p. 100; Manley, Réé, 2001, p. 100; Usick, Manley, 2007, p. 3]. Благодаря финансовой и административной поддержке Г. Солта, итальянский исследователь работал в пирамиде Хуфу, раскапывал частные гробницы у подножия пирамид и предпринял расчистку Сфинкса, обнаружив у его лап знаменитую «Стелу сна» царя Тутмоса IV, а к востоку — храм. Раскопки в скальных гробницах восточной Гизы Дж. Б. Кавилья проводил лишь время от времени и, вероятно, в основном в поисках ценных артефактов, мумий или рельефов. Еще одной причиной работ в этой части некрополя было стремление приспособить удобные скальные часовни под хозяйственные нужды или склады для хранения находок.

Илл. 4. Вид на восточную Гизу во времена Египетского похода Наполеона.

Франсуа-Шарль Сесиль. Национальная Библиотека Франции

(по: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b53096718q> (дата обращения 08.09.2020))

В точности неизвестно, в скольких гробницах на территории современной российской концессии побывал Дж. Б. Кавилья. Однако ясно, что он посещал многие из тех, при входе в которые сохранились изображения или надписи. Не исключено, что часть из них или даже большинство он расчистил. Г. Солт, воспоминания которого

сохранили основную информацию о ранних раскопках Дж. Б. Кавилья в Гизе, так описал современное ему состояние гробниц восточной окраины некрополя: «Сильно разрушенные катакомбы, однако над входами в большинство из них (есть) иероглифы» [Usick, Manley, 2007, p. 15, no. O]. «Те из них, что все еще не занесены песком, весьма многочисленны, не имеют общих размеров и вырублены одна над другой, что было весьма удобно, учитывая естественную поверхность скалы. Поврежденные рельефы и фрагменты статуй в стенных нишах свидетельствуют, что прежде эти катакомбы очень почитали; значительная их часть имеет линии из иероглифов, вырезанные над входами, возможно, для украшения» [Usick, Manley, 2007, p. 64].

К сожалению, раскопки в частных гробницах не привлекали большого внимания Г. Солта, интересовавшегося преимущественно работами Кавилья близ Сфинкса и в пирамиде Хуфу. Тем не менее нам известно, что в начале долгого пребывания в Гизе итальянский антиквар проводил исследования к югу от процессионной дороги Хуфу, где он расчистил часовню Каемнофрета (LG 63) (*илл. 1*). Г. Солт описал ее как «катакомбу с интересной скульптурой» [Usick, Manley, 2007, p. 15, no. 62]. Там исследователи скопировали несколько хорошо узнаваемых сцен [Usick, Manley, 2007, p. 26 (sketch 9), 34 (sketch 27), 35 (sketch 28), 74].

Весьма вероятно, что Дж. Б. Кавилья неоднократно посещал гробницу жреца Хафраанха (LG 75 / G 7948) (*илл. 2*), известную европейским исследователям по крайней мере с первой четверти XIX в. [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2010, p. 9]. Также можно весьма уверенно говорить о том, что уже в первые годы своих раскопок в Гизе Кавилья заинтересовался скальными гробницами, расположенными к северу от своего жилья, в районе часовни Ченти I (GE 11). Исследование этого участка растянулось на долгие годы. Гробница самого Ченти I была расчищена уже по крайней мере к 1825 г., когда там, судя по описанию, остановился путешественник Эдвард Уильям Лэйн. В своих воспоминаниях он живописал открывшуюся его взору картину — свидетельство недавних раскопок: «На склоне перед этими пристанищами мертвых были разбросаны многочисленные кости и тряпки от мумий; перед входами в некоторые из гротов сваленные в кучи лежали отдельные части тел и целые тела, лишенные покровов; кожа их была довольно темной. Я отметил, что некоторые черепа были необычно толстыми. Грот, выбранный мной для себя, отличался от других тем, что слева от входа имелись три небольшие отверстия, служившие окнами. Внутри он был примерно 8 футов в ширину, вдвое больше в длину и был разделен современной стеной на две комнаты. Рельефы, которые его украшали, были почти полностью уничтожены. Когда я очутился в нем в первый раз, он показался мне довольно мрачным. Но после того как пол был подметен, в дальней комнате уложены циновка, ковер и матрас, когда была зажжена свеча, раскурена трубка и на деревянных колышках, вбитых в трещины в стенах, развешено оружие, я благодушно огляделся и остался вполне доволен... Перед входом в мое жилище была уютная терраса, где, находясь в тени скалы, я сидел каждый вечер (а дело было под Рождество) с трубкой и кофе и наслаждался теплым воздухом и приятным видом на долину и столицу» [Lane, 2000, p. 162–163]. В одной из соседних гробниц — возможно, в безымянной гробнице GE 17 или часовне Ченти II (LG 77 / GE 12) — находился склад с находками Кавилья, который охранял вместе со своей семьей египтянин по имени Али (подрабатывавший также водоносом) [Lane, 2000, p. 163]. В 1828 г. в этой же группе гробниц по

приглашению Кавилья поселились, по всей видимости, отдельные участники Франко-тосканской экспедиции под руководством Ж.-Ф. Шампольона и И. Розеллини [Лебедев, 2018].

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ЛАГЕРЬ, ПРЕВРАЩЕННЫЙ В ОТЕЛЬ

В 1835 г. Кавилью, которому в то время было уже 65 лет, нанял для раскопок в Гизе британский офицер Ричард Уильям Говард Вайс (1784–1853). Это сотрудничество продолжалось два года и закончилось разрывом. Вайса интересовали великие пирамиды, новые открытия в которых сулили амбициозному британцу широкую славу³, в то время как итальянский исследователь стремился направить средства своего покровителя на изучение частных погребальных комплексов («ям с мумиями») [Vyse, 1840, p. 141–142]. Тем не менее на первых порах Вайс тщательно прислушивался к более опытному коллеге. Например, очевидно, что именно по совету Кавилья британский офицер разбил лагерь чуть севернее «гробницы Кавилья», приспособив под него часовни Перинеджу (GE 19), Ченти I (GE 11), Ченти II (LG 77 / GE 12) и Хуфухотепа (LG 76 / GE 15) (илл. 1–2, 5). Локализация этого лагеря стала возможной благодаря сопоставлению его изображений, о которых речь пойдет ниже, с планами некрополя времен Г. Вайса и К. Р. Лепсиуса.

Илл. 5. Вид на лагерь Г. Вайса с северо-востока (по: [Vyse, 1840])

³ Г. Вайс прославился своей радикальной методикой раскопок. Подрывая известняк с помощью пороховых зарядов, ему удалось обнаружить разгрузочные камеры в пирамиде Хуфу. В них были найдены многочисленные древние надписи, сделанные красной охрой, в том числе картуш с именем самого Хуфу. Вайс работал не только в Великой пирамиде, но также в пирамидах Хафра, Менкаура, в южной Гизе, где тоже были сделаны важные открытия. В частности, люди Вайса были первыми исследователями, проникшими в погребальную камеру пирамиды Менкаура.

Хотя еще в начале работы в Гизе Кавилья, судя по всему, проводил в этом районе спорадические раскопки, соратник Вайса и главный инженер экспедиции Джон Перринг (1813–1869) свидетельствовал, что к середине 1830-х гг. значительная часть склона на юге современной российской концессии была занесена песком, и британцам пришлось провести серьезные работы, чтобы сформировать из этого песка и щебня платформу для лагеря. Поверхность платформы покрыли утрамбованной землей. В восточной части площадки располагались палатки, а за палатками находились уже названные скальные гробницы, в которых исследователи устроили дополнительные спальные места, кухни, а также другие хозяйственные помещения [Perring, 1839, p. 7]. Имевшиеся гробницы европейцы расчистили от песка и сделали там своеобразный ремонт: в часовнях были устроены глинобитные полы, стены покрыты белой штукатуркой [Vyse, 1840, p. 214]. Остатки этой штукатурки сохранились по сей день. Судя по рисунку, опубликованному Дж. Перрингом, в северной части лагеря находился загон для свиней (илл. 6). С юга и севера лагерь был обнесен невысокой каменной стеной, с востока он был ограничен легкой изгородью. В гробницах за пределами лагеря жил местный обслуживающий персонал: столяры, кузнецы, слуги. По ночам европейцев охраняли нанятые арабы со сторожевыми псами. Последние отпугивали гиен, которые, по словам Вайса, нередко показывались вблизи палаток.

Илл. 6. Лагерь Г. Вайса в Гизе (по: [Perring, 1839, pl. XV, fig. 1])

Новый лагерь оказался настолько удобным, что Кавилья, похоже, тоже туда переселился. Лорд Л. Линдсей, побывавший в Гизе в разгар британских раскопок, так описал увиденное: «Он (Дж. Б. Кавилья. — М. А.) огородил для себя небольшую цитадель; помещения состоят из гробниц, вырубленных в скале, на которой выстроены пирамиды... Ты не представляешь, как мы там удобно разместились. Скала изрыта

гробницами, но эта (гробница) вычищена, устлана циновками, имеет стеклянные окна и т. д., и т. п. Кажется, что Кавилья чувствует себя вполне комфортно в своем маленьком замке. Арабы очень уважают его: он царь всех раскопок, прекрасно осознает свою славу и наслаждается ею — и пусть так будет как можно дольше! Ему сейчас 66 лет, но он по-прежнему здоров, активен и бодр. Он ненавидит Каир, говорит, что шум и суета отвлекают его, и он вполне счастлив здесь, с пирамидами, своей мистикой и своей Библией» [Lindsay, 1858, p. 101, 105].

По свидетельству Дж. Перринга, после завершения в 1837 г. экспедиции Г. Вайса лагерь не забросили, продолжая использовать его в качестве постоянного двора. Это был первый отель у пирамид, где бывали многие именитые путешественники, в частности, два французских художника — Фредерик Гупиль-Феске (1817–1878) и Орас Верне (1789–1863). В ноябре 1839 г. они прибыли в страну на Ниле, чтобы испытать техническую новинку — дагерротип. Гупиль-Феске и Верне стали авторами первых фотографий, сделанных в Африке. На одном из их дагерротипов оказался запечатлен бывший лагерь Вайса, расположенный напротив раскапываемых сегодня российскими специалистами гробниц: пирамида Хуфу, обрыв восточного плато, обнесенная стеной площадка, к ней ведет каменная лестница; за оградой в юго-восточном углу стоит палатка (илл. 7). Гупиль-Феске оставил подробное описание снимка. Из него мы узнаем, что дагерротип был сделан 20 ноября 1839 г. К сожалению, сама пластина, похоже, утрачена, и изображение известно сегодня лишь по акватинте [Lerebours, 1842]. Тем не менее гравюра сохранила много интересных деталей. Например, становится ясно, что в конце 1830-х гг. восточная стена гробницы Персенеба (LG 78 / GE 20–22), разрушенная еще в древности, была, судя по всему, восстановлена из кирпичей или каменных блоков⁴. К гробнице вела удобная каменная лестница. Неудивительно, что менее чем через 20 лет благоустроенную часовню Персенеба облюбовал для жизни один из самых известных египтологов — Огюст Мариетт [Mariette, 1889, p. 537].

По словам Ф. Гупиля-Феске, отель на территории будущей российской концессии содержал англичанин по фамилии Хилл. Он был инженером на египетской службе, активно помогавшим Вайсу во время раскопок [Vyse, 1840, p. 259, 265, 285–286], а затем стал отельером в Каире. На выбор путешественников Хилл предлагал палатку или спальные места в оштукатуренных гробницах, в которых были установлены деревянные двери. В некоторых гробницах имелись оборудованные кухни. В период разлива Нила путешественники могли высаживаться с лодки почти у подножия лестницы, ведущей к постоялому двору.

Конструкции бывшего археологического лагеря просуществовали по меньшей мере до экспедиции К. Р. Лепсиуса, которая работала в Гизе в 1842–1843 гг. На подготовленном прусскими исследователями плане некрополя платформа напротив гробниц Перинеджу, Ченти I, Ченти II и Хуфухотепа и строения на ней хорошо видны [Lepsius, 1849, Bl. 14]. Дальнейшая судьба бывшего лагеря нам неизвестна.

⁴ В 2014–2015 гг. при раскопках в шахте 1 соседней гробницы GE 58 археологами экспедиции ИВ РАН были найдены необычные для древних контекстов обожженные кирпичи [Kormysheva et al., 2018, p. 164–165, pl. LXXXII]. Не исключено, что они происходили как раз из стен, восстановленных в XIX в.

Илл. 7. Вид на отель на месте бывшего лагеря Г. Вайса 20 ноября 1839 г. Акватинта с лагерьотипа Ф. Гупиль-Феске и О. Верне (по: [Lerebours, 1842])

ВОЗМОЖНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА РАБОТ ПЕРВЫХ ЕГИПТОЛОГОВ НА ВОСТОЧНОЙ ОКРАИНЕ ГИЗЫ

Лагерь Г. Вайса значительно изменил ландшафт восточной окраины Гизы. Однако к началу XX в. его насыпная платформа полностью исчезла, обнажив нижний ярус скальных гробниц под часовнями Перинеджу, Ченти I, Ченти II и Хуфухотепа⁵. Поскольку никаких значительных раскопок в этом районе Гизы до исследований Российской археологической экспедиции ИВ РАН (илл. 8) не проводилось, можно предположить, что песок и щебень из платформы, а также каменные блоки из стен лагеря пошли на строительство быстро разраставшейся во второй половине XIX — начале XX вв. деревни Назлет эль-Самман.

Несмотря на исчезновение платформы от лагеря Вайса, культурный слой, сохранившийся в скальных гробницах и при входах в них, содержит многочисленные находки (фрагменты украшений, курительные трубки, упаковочные материалы, стекло и керамику, остатки растений и кости животных) и комплексы (печи, кострища, хозяйственные сбросы), которые могут быть отнесены к XVIII–XIX вв. [Kormysheva et al., 2015; Kormysheva et al., 2018; Лебедев, 2018б, Малых, 2018; 2020]. Часть из них вполне может быть связана с деятельностью Кавилья, участников Франко-тоscanской экспедиции, Вайса или их коллег и современников. К сожалению, большинство таких

⁵ См. фотографии HUMFA_A7613_NS и HUMFA_A7614P_ann_NS из архива Дж. Э. Райзнера (*The Giza Archives*. URL: <http://www.gizapyramids.org> (дата обращения 08.09.2020)).

находок происходит из потревоженных и смешанных верхних контекстов, так как в XX в. во многих названных скальных гробницах продолжали жить люди⁶, а печи и кострища порой трудно точно датировать. Тем не менее некоторые комплексы и находки хорошо коррелируют с изложенной выше картиной, восстановленной по письменным и изобразительным источникам. Так, в 2019 г. в гробнице царского ювелира Перинеджу (GE 19) в верхней части шахты 11 экспедицией ИВ РАН был обнаружен слой темной супеси, насыщенный человеческими костями от мумифицированных тел. Судя по всему, это был сброс из фрагментов мумий I тыс. до н. э., сделанный грабителями или ранними исследователями. Датировать его позволяет небольшая золотая монета, отчеканенная в 1830/31 г. во время правления египетского султана Махмуда II [Лебедев, Малых, 2020, с. 101–104; Гончаров, Малых, 2020, с. 59]. Эта дата соответствует времени активности в Гизе Дж. Б. Кавилья и Г. Вайса. Сверху слой с костями был перекрыт более поздним хозяйственным сбросом с остатками растений и костями животных, который мог относиться к периоду жизни в этой части некрополя европейцев (в слое были найдены фрагменты английского фарфора и французский деревянный гребень). Другими возможными свидетельствами активности первых египтологов или их современников на территории российской концессии могут быть остатки штукатурки, деревянные колья и гвозди, найденные во многих гробницах, следы прокалов от костров у входа в гробницу Ченти I (GE 11), фрагмент бумаги со списком продуктов на итальянском языке, обнаруженный в погребальной камере 2А гробницы Персенеба (LG 78 / GE 20–22), а также тоннели, прорубленные в западном направлении из погребальной камеры 1А гробницы Хуфухотепа (LG 76 / GE 15) и погребальной камеры 1А гробницы Ченти I (GE 11). О последних следует сказать отдельно. Два тоннеля, вырытые в мягком глинистом слое, были явно сделаны грабителями или ранними археологами, методы работы которых сложно порой различить [Ветохов, Лебедев, Малых, 2020, с. 122–123, 127]. Хотя тоннели, вероятно, были прорыты в одно и то же время, точно датировать их сложно. Такие подземные ходы продолжают делать даже современные грабители, живущие в соседней деревне Назлет эль-Самман. Однако в нижней части шахты 1 гробницы Ченти I были обнаружены фрагменты поливных чаш XV–XVIII вв., которые задают для обнаруженных тоннелей *terminus post quem*. Вполне может быть, что их рыли местные грабители, стремившиеся попасть в погребальные камеры крупных мастаб, расположенных к западу от гробниц Ченти I и Хуфухотепа. Однако нельзя исключать и того, что тоннели являются свидетельством одной из многочисленных попыток Кавилья или какого-то его современника обнаружить тайные ходы или камеры под плато Гизы.

Приведенные письменные, изобразительные и археологические данные свидетельствуют о том, что история восточной окраины некрополя у подножия Великих пирамид самым тесным образом связана с историей становления египтологии как науки. Причем глубину и значение этой связи еще только предстоит оценить. Данное обстоятельство подчеркивает необходимость самого бережного и скрупулезного

⁶ Особое сожаление вызывает тот факт, что слои XIX в. были практически полностью уничтожены в гробнице Ипи (LG 80 / GE 24). После Кавилья и вплоть до 1930-х или даже 1950-х гг. там продолжали жить люди. Первым из них был, вероятно, водонос Ибрагим, о котором сообщает К. Р. Лепсиус [Kormysheva et al., 2018, p. 194].

отношения во время раскопок не только к оригинальным древним слоям, но и к контекстам, отложившимся в последние несколько столетий. Это не только долг историка, но и долг египтолога перед своими выдающимися предшественниками. Одновременно тщательное изучение деятельности и полевых практик ранних исследователей эпохи антикварианизма помогает лучше понять общую стратиграфию памятников Гизы и точнее интерпретировать материалы, полученные в ходе современных археологических работ.

Илл. 8. Раскопки экспедиции ИВ РАН на месте бывшего лагеря Г. Вайса в 2014 г. (металлическая дверь закрывает вход в гробницу Ченти I) (фото автора)

Литература / References

- Ветохов С. В., Лебедев М. А., Малых С. Е. Жизнь у подножия пирамид: из истории одной древнеегипетской гробницы в восточной Гизе. *Древние памятники, культуры и прогресс. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores. Сборник, посвященный Д. В. Рукавишникову*. М., 2020. С. 116–127 [Vetokhov S.V., Lebedev M.A., Malykh S. E. Life at the Foot of the Pyramids: From the History of an Ancient Egyptian Tomb in Eastern Giza. *Ancient monuments, cultures and progress. A caelo usque ad centrum. A potentia ad actum. Ad honores. Collection dedicated to D. V. Rukavishnikov*. Moscow, 2020. Pp. 116–127 (in Russian)].
- Гончаров Е. Ю., Малых С. Е. Исламские монеты из Восточной Гизы (Египет). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 57–62 [Malykh S. E., Goncharov E. Yu. Islamic Coins from Eastern Giza (Egypt). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 57–62 (in Russian)].
- Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних путешественников (XII–XVIII вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 146–159 [Lebedev M. A. “Grottos”, “Catacombs”, and “Caves”: Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12th–18th Centuries). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 2. Pp. 146–159 (in Russian)].

- Лебедев М. А. Стратиграфия шахт эпохи Древнего царства как источник по истории восточной окраины древнеегипетского некрополя Гиза. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018б. № 6. С. 86–99 [Lebedev M. A. Stratigraphy of Old Kingdom Shafts as a Source for the History of the Eastern Edge of the Ancient Egyptian Giza Necropolis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018b. 6. Pp. 86–89 (in Russian)].
- Лебедев М. А. Франко-тосканская экспедиция в Гизе (Египет): новые данные. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. № 3. С. 53–64 [Lebedev M. A. Franco-Tuscan Expedition in Giza: New Evidence. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018a. 6. Pp. 53–64 (in Russian)].
- Лебедев М. А., Малых С. Е. Источник загадок: необычная история одной древнеегипетской погребальной шахты в Гизе. *Восточный курьер*. 2020. № 1–2. С. 99–108 [Lebedev M. A., Malykh S. E. The Source of Mysteries: The Unusual History of an Ancient Egyptian Burial Shaft in Giza. *Vostochny Kurier*. 2020. 1–2. Pp. 99–108 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамика Гизы как индикатор хронологической многослойности археологического памятника Египта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 2. С. 164–178 [Malykh S. E. Giza Pottery as an Indicator of the Chronological Multilayeredness of the Egyptian Archaeological Site. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. 2. Pp. 164–178 (in Russian)].
- Малых С. Е. Керамические трубки-оттоманки из Гизы: к истории табакокурения на Востоке. *Вестник Института востоковедения РАН*, 2020, №3. С. 77–89 [Malykh S. E. Ceramic Pipes-Ottomans from Giza: On the History of Tobacco Smoking in the Orient. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 77–89 (in Russian)].
- Carne J. *Letters from the East*. London, 1826.
- Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis I. The Tomb of Khafraankh*. Moscow, 2010.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufubotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.
- Lane E.W. *Description of Egypt*. Cairo, 2000.
- Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Könige von Preußen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition*. Abt. I. Bd. I. Berlin, 1849.
- Lerebours N.-M.-P. *Excursions daguerriennes. Vues et monuments les plus remarquables du globe*. Vol. I. Paris, 1842.
- Lindsay L. *Letters on Egypt, Edom and the Holy Land*. London, 1858.
- Manley D., Rée P. *Henry Salt: Artist, Traveller, Diplomat, Egyptologist*. London, 2001.
- Mariette A. *Les Mastaba de l'Ancien Empire*. Paris, 1889.
- Perring J.E. *The Pyramids of Gizeh, from Actual Survey and Admeasurement*. Part I. *The Great Pyramid*. London, 1839.
- Thompson J. *Wonderful Things: A History of Egyptology*. Vol. 1: *From Antiquity to 1881*. Cairo, New York, 2015.
- Usick P., Manley D. *The Sphinx Revealed: A Forgotten Record of Pioneering Excavations*. London, 2007.
- Vyse H. *Operations Carried on at the Pyramids of Gizeh in 1837: With an Account of a Voyage into Upper Egypt and an Appendix*. Vol. I. London, 1840.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- The Giza Archives*. URL: <http://www.gizapyramids.org> (дата обращения 08.09.2020).
- Bibliothèque nationale de France*. URL: <http://www.gallica.bnf.fr> (дата обращения 08.09.2020).

КЕРАМИЧЕСКИЕ ТРУБКИ-ОТТОМАНКИ ИЗ ГИЗЫ: К ИСТОРИИ ТАБАКОКУРЕНИЯ НА ВОСТОКЕ

© 2020

С. Е. Малых*

В статье анализируются 13 фрагментированных керамических курительных трубок-оттоманок, найденных на восточной оконечности Восточного плато древнеегипетского некрополя Гиза Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН. Предметы конца XVII — начала XX вв. обнаружены в ходе исследований скальных гробниц второй половины III тыс. до н. э. и территории вокруг них. Они свидетельствуют об активном человеческом присутствии в древнем некрополе в эпоху Нового времени и демонстрируют распространение табакокурения в Египте, первым из провинций Османской империи столкнувшимся с табаком в конце XVI в. при посредничестве европейцев. Морфологически трубки из Гизы можно разделить на три типа по форме чашки — лилевидный, округло-цилиндрический и нарциссовидный. Округло-цилиндрическая трубка атрибутирована как продукция гончарных мастерских Каира, функционировавших в районе Цитадели Салах ад-Дина в 1730–1780 гг. Другие предметы демонстрируют глину и способ отделки внешней поверхности, более характерный для мастерских Верхнего Египта, располагавшихся в Асьюте и Асуане; по форме часть из них относится к ранним типам конца XVII — начала XVIII вв., другие — к поздним вариантам XIX — начала XX вв. Один фрагмент принадлежит привезенной из Стамбула трубке и относится к так называемому «стилю Топхане», для которого свойственна ярко-красная глина и золочение или серебрение. Эти элитные предметы производились стамбульскими мастерами с конца XVIII в. до 1929 г.; найденная в Гизе трубка может быть датирована интервалом от 1860-х до 1900-х гг.

Ключевые слова: Египет, Гиза, Османская империя, «стиль Топхане», гончарное производство, табакокурение на Востоке.

Для цитирования: Малых С. Е. Керамические трубки-оттоманки из Гизы: к истории табакокурения на Востоке. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 77–89. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-77-89

CERAMIC PIPES-OTTOMANS FROM GIZA: ON THE HISTORY OF TOBACCO SMOKING IN THE ORIENT

Svetlana E. Malykh

The article analyzes 13 fragmented ceramic smoking pipes found at the eastern edge of the Eastern Field of the ancient Egyptian Giza Necropolis by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies RAS. The objects of the late 17th — early 20th centuries were discovered

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

during the exploration of the rock-cut tombs of the second half of the Third millennium B.C. and the adjacent area. They testify to the human activity in the ancient necropolis in the Modern Period and demonstrate the spread of tobacco smoking in Egypt, the first of the Ottoman provinces to encounter tobacco at the end of the 16th century through the mediation of Europeans. Morphologically, the pipes from Giza can be divided into three types in the shape of a cup — lily-shaped, round-cylindrical and daffodil-shaped. The round-cylindrical pipe is attributed as the products of Cairo pottery workshops situated near the Salah ad-Din Citadel in 1730–1780. Other objects demonstrate clay and the method of decorating characteristic of the workshops of Upper Egypt, located in Asyut and Aswan; some of them relate to the early types of the late 17th — early 18th centuries, others — to the late versions of the 19th — early 20th centuries. One fragment belongs to a pipe brought from Istanbul, and refers to the so-called “Tophane style”, which is characterized by bright red clay and gilding or silvering. This elite ware were produced by Istanbul craftsmen since the end of the 18th century until 1929; the pipe found in Giza can be dated to the interval from the 1860s to the 1900s.

Keywords: Egypt, Giza, the Ottoman Empire, “Tophane style”, pottery, tobacco smoking in the Orient.

For citation: Malykh S. E. Ceramic Pipes-Ottomans from Giza: On the History of Tobacco Smoking in the Orient. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 77–89. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-77-89

В ходе археологических исследований на восточной оконечности Восточного плато Гизы (Египет), проводимых Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН с 1996 г., собрана коллекция фрагментов керамических трубок-оттоманок (*илл. 1*), или как их еще называют, турецких трубок. Последнее название не очень удачно, т. к. заставляет видеть в этих предметах привозные изделия, что на самом деле часто неверно.

История табакокурения в Старом Свете начинается с конца XVI в., что было инициировано открытием Американского континента и последующего постепенного проникновения различных растительных культур, в том числе табака, в Европу. Практику курения табака португальцы, англичане и голландцы привнесли на Восток и в Африку [Robinson, 1985, p. 150–151; Clist, 2018, p. 315–317; Danys, Wyżgół, 2018, p. 200]. По сведениям арабского хрониста аль-Исхаки¹, табак появился в Египте между 1601 и 1603 гг., хотя в настоящее время эта дата ставится под сомнение исследователями в связи с обнаружением курительных трубок в ранних слоях крепости эль-Кусейр, основанной в 1571 г. на берегу Красного моря [Le Quesne, 2007, p. 173; Bavay, 2010, p. 26, note 4]. Видимо, Египет первым из провинций Османской империи столкнулся с этим продуктом, в интервале от 1599 до 1605 г. достигшим Стамбула [Robinson, 1985, p. 151; François, 2012, p. 487]. Табакокурение быстро распространилось по Османской империи (*цветная вклейка, фото 8–9*), и запрет на него в 1612 г. ввел султан Ахмед I (1590–1617) при поддержке религиозных деятелей Мекки. В 1633 г. султан Мурад IV (1612–1640) назначил смертную казнь за курение, что было спровоцировано крупными пожарами, опустошившими пятую часть Стамбула. Однако уже в 1646 г. употребление табака было официально разрешено [François, 2012, p. 487]. С этого времени резко возрастает число мастерских, специализировавшихся на изготовлении керамических курительных трубок. Как логично предположила Р. Робинсон, судя по стремительному распространению

¹ Имя Al-Ichakee приводит английский путешественник-востоковед Э. У. Лэйн (1801–1876) [Lane, 1860, p. 331; Лэйн, 1982, с. 271].

табакокурения во всех слоях османского общества, каждое поселение должно было располагать как минимум одной мастерской по производству трубок [Robinson, 1985, p. 153]. Крупные ремесленные центры располагались в Стамбуле, Дамаске, Каире [Pradines, 2004, p. 281–284; François, 2012, p. 489–490]. Кроме того, в Египте трубки производили в Асьюте, Кене и Асуане [Fairholt, 1862, p. 174–175; Bava, 2010, p. 28–30], что сопряжено с местами залегания качественных огнеупорных глин, пригодных для изготовления устройств, постоянно подвергающихся нагреву.

Английский гравёр и антиквар Фредерик У. Фэрхолт (1814–1866), вместе с лордом Лондесборо дважды посетивший Египет в начале 1860-х гг., в своем руководстве для путешественников по Нилу отмечал, что невозможно представить себе восточного человека без трубки, и привел персидскую пословицу: «Кофе без табака — что мясо без соли» [Fairholt, 1862, p. 21–22].

Прототипами османских керамических трубок послужили курительные трубки из Англии и Голландии, которые представляли собой единый небольшой предмет из беложгущейся (каолиновой) глины [Robinson, 1985, p. 153, fig. 1 (верх); François, 2012, p. 488]. Однако довольно скоро на Востоке разработали собственную конструкцию, которая стремительно завоевала популярность не только на территории Османской империи, но и за ее пределами, в том числе на причерноморских территориях (включая Крымское ханство²) и в России, где особенно после русско-турецких войн второй половины XVIII в., наряду с использованием привозных курительных приспособлений, распространилось изготовление местных имитаций турецких трубок [Розенфельдт, 1968, с. 56–57, табл. 19; Волков, Новикова, 1996, с. 135].

Курительные трубки-оттоманки состояли из керамической чашки-*lüle* (включавшей собственно чашку для табака и втулку), деревянного (до 1,5 м) стержня-*şubuk*, вставлявшегося во втулку, и мундштука. Стержень мог вытачиваться из липы, вишни, ореха или жасминового, розового дерева и украшаться шелковыми, золотыми и серебряными нитями, обертываться муслином. Мундштуки, по описанию европейских путешественников, чаще всего были янтарными, реже из полудрагоценных камней или коралла, могли быть украшены эмалью [Robinson, 1985, p. 153–156, fig. 1; Simpson, 1990, p. 7; Bava, 2010, p. 26], хотя во всех случаях речь идет о курительных трубках представителей элиты, например, египетского паши³. Понятно, что рядовое население, также быстро воспринявшее курение табака, довольствовалось более дешевыми вариантами трубок, в том числе теми, где чубук мог быть сделан из тростника⁴ или бамбука и не имел отдельного мундштука (*цветная вклейка, фото 9*).

² Подробнее см.: [Зайцев, 2011].

³ Описание изысканной и дорогой трубки, мундштук которой украшен алмазами, а чашка из красной глины с позолотой, дает Ф. У. Фэрхолт, повествуя о приеме у Фалила-паши, губернатора Кены [Fairholt, 1862, p. 225–226]. Также, рассказывая об Александрии, он упоминает уличные мастерские, где один мастер вытачивает из жасминового или вишневого дерева стержни-чубуки, другой просверливает в них отверстия, третий имеет дело с янтарными мундштуками, четвертый продает керамические трубки из Сиута (Асьюта) и Стамбула, а пятый торгует табаком [Fairholt, 1862, p. 19–20].

⁴ Тростниковые стержни-чубуки, как и керамические трубки местного и египетского производства (в том числе каирского), обнаружены в Старой Донголе в Судане [Danys, Wyżół, 2018, p. 195, 202, fig. 16.5:B].

Илл. 1. Керамические курительные трубки-оттоманки из восточной Гизы
(рис. И. В. Рукавишниковой и автора, фото С. В. Малых и автора)

Фото к статье С. Е. Малых

«Керамические трубки-оттоманки из Гизы: к истории табакокурения на Востоке»

Фото 8. Юноша в хаммаме.

Первая половина XVIII в., Стамбул.

Бумага, акварель. 17 × 9 см

© The Metropolitan Museum of Art.

Accession Number: 2019.172 (по: URL:

<https://www.metmuseum.org/art/collection/search/823142?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=2019.172∓offset=0&rpp=80&pos=1>

(дата обращения 26.06.2020))

Фото 9. Ж.-Ж. А. Леконт дю Нун «Торговец в Каире».

1870. Дерево, масло. 29,8 × 22,2 см

© The Metropolitan Museum of Art. Accession Number: 2015.506.2

(по: URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/441367?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=2015.506.2&offset=0&rpp=80&pos=1> (дата обращения 26.06.2020))

Фото 10. Курительные трубки «стиля Топхане» нарциссовидной формы. Стамбул, 1860-е — 1900-е гг.

(по: [Наап, 2004, fig. 2, 8, 11–12])

КУРИТЕЛЬНЫЕ ТРУБКИ ИЗ ГИЗЫ

На данный момент коллекция курительных трубок из восточной Гизы насчитывает 13 предметов, отличающихся по форме и отделке поверхности; все предметы со следами копоти и нагара внутри. Они происходят либо из перемешанного заполнения древних скальных гробниц, вырубленных во второй половине III тыс. до н. э., либо из верхнего слоя, засыпавшего сами гробницы.

Трубки, найденные в Гизе, по форме чашки можно разделить на три группы — лилиевидные, округло-цилиндрические и нарциссовидные.

Трубки с лилиевидной чашкой

Эта группа наиболее репрезентативная и включает пять экземпляров (*табл. 1, илл. 1*). Трубка 05/65/c1 [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 323, fig. 127.1] отличается тонкостью изготовления; чашка богато декорирована с использованием ромбовидного штампа, зубчатого колесика, которым была прокатана полоса в нижней трети тулова, и острого предмета — с помощью него были выполнены насечки-фестоны в верхней части тулова и бороздки на донце. Остальные четыре предмета имеют более простой декор-штамп (как у 12/37/c1), прокаты зубчатым колесиком (08/12-5/c1 [Kormysheva et al., 2015, p. 45, pl. L], 12/37/c1), либо вовсе оставлены без украшения (08/III/1). Точных аналогий по форме и вариантам отделки не найдено, однако трубки, схожие по глине, обнаружены в Старом Каире [Monchamp, 2018, p. 271–272, fig. 20.18], в поздних слоях царского некрополя в Абу Роаше [Pichot, Marchand, 2017, p. 280, fig. 20], а также в гробнице TT 29 в Фивах. Л. Баве отмечает, что коричневый цвет теста, иногда присутствие в нем слюды, а также серая или почти черная сердцевина скола черепка (это же наблюдается у гизехских трубок), свидетельствуют об аллювиальном происхождении глины; в то же время положительная реакция на соляную кислоту указывает на наличие в ней карбонатов, т. е. примесей мергельной глины. Соответственно, трубки сделаны из смеси аллювиальной и мергельной глины, что является характерным приемом гончаров Асуана [Bavay, 2010, p. 33–34]. В то же время описание глины трубок, найденных в мастерской у Баб эль-Махрук в Старом Каире, несколько иное — тесто преимущественно светлого цвета (бежевого, розового или оранжевого) [Pradines, 2004, p. 283–284, 290–291]. Таким образом, обнаруженные в Гизе лилиевидные курительные трубки более похожи на найденные в Фиванском некрополе и имеющие верхнеегипетское происхождение, хотя и до сих пор точно неопределенное — из Асьюта, Кены, Асуана или другого производственного центра [Bavay, 2010, p. 43].

Форма декора в виде фестонов в нижней части трубки 05/65/c1 находит параллели у трубок позднего XVII — раннего XVIII вв., выявленных при раскопках афинской Агоры [Robinson, 1985, p. 194, pl. 61 (A6)].

Небольшая трубка 08/III/1 имеет бежевую поверхность. В аналогичном случае Р. Робинсон, а вслед за ней В. Франсуа высказали предположение, что подобные изделия могли имитировать светлоглиняные европейские трубки, и датировать их следует XVII — ранним XVIII вв. [Robinson, 1985, p. 153; François, 2012, p. 490]. Проще декорированные трубки 12/37/c1 и 12/38/c1 скорее характерны для XIX в., тогда как тип гладких лилиевидных трубок, украшенных только по килю (донцу) чашки (как 08/12-5/c1), бытовал во второй половине XIX — начале XX вв.: аналогичные трубки

найжены в хорошо датированных слоях афинской Агоры и Керамика, а также Коринфа [Robinson, 1985, p. 166, 190–191, 199–200, pl. 58–59 (C119, C120), 63–64 (A30, A37)].

Табл. 1. Керамические трубки с лилиевидной чашкой из восточной Гизы

<i>Полевой номер</i>	<i>Спецификация</i>	<i>Особенности глины и отделки внешней поверхности</i>	<i>Особенности отделки внешней поверхности</i>	<i>Место находки</i>
05/65/с1	Трубки курительной чашка; диаметр венчика 3,7 см; высота 4,4 см; толщина стенок 0,2–0,5 см	аллювиальная тонкая плотная коричневая глина без видимых включений	лощение снаружи; штампованный орнамент по всей внешней поверхности	Участок II, у входа в сооружение 65, отметки залегания 33,80–34,00 м, перемешанный слой
12/37/с1	Трубки курительной венчик чашки; диаметр венчика 4,0 см	мергельная тонкая плотная серо-коричневая глина без видимых включений	коричневый лощенный ангоб внутри и снаружи; штампованный орнамент снаружи под венчиком	Участок III, шахта GE 37, верхняя часть заполнения
12/38/с1	Трубки курительной венчик чашки; диаметр венчика 3,8 см	аллювиальная тонкая плотная серо-коричневая глина без видимых включений	коричневый лощенный ангоб внутри и снаружи; штампованный орнамент снаружи в средней части тулова	Участок III, шахта GE 38, верхняя часть заполнения
08/12-5/с1	Трубки курительной чашка; диаметр венчика 3,2 см, высота 4,4 см	аллювиальная тонкая плотная темно-коричневая глина без видимых включений	лощение снаружи; штампованный орнамент по килю	Участок III, гробница GE 12, шахта 5, заполнение, отметка залегания 31,91 м
08/III/1	Трубки курительной венчик чашки; диаметр венчика 2,4 см	аллювиальная тонкая плотная темно-коричневая глина с небольшим количеством слюды	бежевое выглаживание снаружи	Участок III, верхний перемешанный слой

Трубки с округло-цилиндрической чашкой

К этой группе отнесен один предмет (08/12-5/с2, табл. 2, илл. 1), найденный в нижней части заполнения шахты 5 в скальной гробнице Ченти II (LG 77/GE 12) [Kormysheva et al., 2015, p. 45, pl. I]. Он, единственный из всех, отличается грубой оранжевато-коричневой глиной и белым покрытием внешней поверхности, что находит параллели у керамических трубок, найденных при раскопках Старого Каира [Monchamp,

2017, p. 17, fig. 12.3; 2018, p. 271–272, fig. 20.7–8; 2019, p. 144, fig. 13.1–2], в том числе в мастерской у Баб эль-Махрук (недалеко от Цитадели Салах ад-Дина), датированной 1730–1780 гг. [Pradines, 2004, p. 284, fig. 8a, b]. С большой долей вероятности трубку 08/12-5/с2 можно атрибутировать как изделие каирских мастерских указанного периода.

Посредственное качество курительных трубок из мастерской у Баб эль-Махрук указывает, что они предназначались для местного рынка. Естественно, эта мастерская не была единственной в Каире: основные производители группировались севернее — в районе под названием Чубукийя («место, где изготавливают чубуки»), рядом с Сук эль-Наххасин («базаром медников»), находившемся в знаменитом районе Хан эль-Халили. Список торговых корпораций, составленный в 1801 г., свидетельствует, что в то время Каире было не менее пяти гильдий производителей курительных трубок [Pradines, 2004, p. 284, Вавау, 2010, p. 28]. С увеличением табакокурения в XIX в. число мастерских могло еще более возрасти.

Табл. 2. Керамические трубки с округло-цилиндрической чашкой из восточной Гизы

Полевой номер	Спецификация	Особенности глины и отделки внешней поверхности	Особенности отделки внешней поверхности	Место находки
08/12-5/с2	Трубки курительной чашка; диаметр венчика 2,4 см, диаметр втулки 2,0 см, высота 4,6 см	мергельная (?) средне-тонкая плотная оранжевато-коричневая глина	белый ангоб снаружи	Участок III, гробница GE 12, шахта 5, нижняя часть заполнения, отметка залегания 31,30 м

Трубки с нарциссовидной чашкой

Трубки, у которых чашка имеет дисковидное донце, мы решили обозначить как нарциссовидная форма из-за сходства с цветком нарцисса и по аналогии именованием лилиевидной формы. В отличие от последней, такую трубку с уплощенным дисковидным донцем можно было опереть о плоскую поверхность, а не держать все время в руках. Многочисленные изображения курильщиков (например, каирского торговца на картине Ж.-Ж. А. Леконта дю Нуи⁵ (цветная вклейка, фото 9) и гаремных женщин⁶) демонстрируют способ применения таких трубок с уплощенным донцем: человек мог сидеть и курить трубку на длинном чубуке, поставив ее на пол или на тарелку (илл. 2).

К этой группе отнесено три предмета (табл. 3, илл. 1), все они весьма примечательны. Трубка 11/26/с1 имеет необычную форму донца — на коническом поддоне. Аналогии ей пока отыскать не удалось, однако небольшой размер предмета и наличие черного лощеного ангоба снаружи — характерные признаки курительных

⁵ Jean Lecomte du Nouÿ. A Merchant in Cairo (1870). *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*. URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/441367?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=2015.506.2&offset=0&rpp=80&pos=1> (дата обращения 26.06.2020).

⁶ См. подборку иллюстраций у [Robinson, 1985, pl. 37, 41–43].

трубок конца XVII — начала XVIII вв. из Сарахане (Турция) [Hayes, 1980, p. 5–8; Robinson, 1985, p. 194, pl. 61 (A2)]. В то же время текстура глины скорее заставляет атрибутировать трубку 11/26/c1 как изделие египетских мастеров, видимо, имитировавших турецкую продукцию.

Табл. 3. Керамические трубки с нарциссовидной чашкой из восточной Гизы

<i>Полевой номер</i>	<i>Спецификация</i>	<i>Особенности глины и отделки внешней поверхности</i>	<i>Особенности отделки внешней поверхности</i>	<i>Место находки</i>
07/20/c1, 16/22-2/c1	Трубки курительной чашка (два фрагмента); диаметр венчика 4,0 см, высота 3,1 см, толщина стенок 0,3–0,4 см	аллювиальная тонкая плотная коричневая глина без видимых включений	темно-красный лак снаружи; штампованный орнамент в нижней части снаружи	Участок III, гробница GE 20–22, засыпка часовни GE 20 (отметка залегания 37,25 м); погребальная камера 2А, слой 4, отметка залегания 34,90–35,50 м
19/19А/1	Трубки курительной коническая втулка чашки; диаметр 2,9 см, толщина стенок 0,4–0,6 см	тонкая плотная красная (7.5R5/6) глина без видимых включений	красный ангоб и лощение снаружи; три полосы штампованного орнамента снаружи; золочение по краю втулки и по третьей полосе орнамента-штампа	Участок III, гробница GE 19, часовня 19А, входная зона, верхний перемешанный слой
11/26/c1	Трубки курительной донце чашки; диаметр донца 3,1 см, толщина стенок 0,2–0,3 см	мергельная тонкая плотная темно-бежевая глина без видимых включений	черный лощеный ангоб снаружи	Участок III, шахта 26, средняя часть заполнения, отметка залегания 29,02–29,82 м

Трубка 19/19А/1, найденная в засыпке культового помещения гробницы Перинеджу (GE 19) в 2019 г., является привозным изделием. Несмотря на то, что от нее сохранилась лишь втулка конической формы, на краях виден переход в тулово с дисковидным донцем, что является основанием ее отнесения к нарциссовидному типу. Фрагмент предмета примечателен своей яркой красной тонкой глиной, а также наличием сетчатого вдавленного орнамента, но главное – позолотой по краю втулки и по одной из полос узора. Красная глина тонкой текстуры, золочение или серебрение отдельных частей предмета – характерные признаки продукции гончарных мастерских стамбульского района Топхане, специализировавшихся с конца XVIII в. на изготовлении курительных принадлежностей (трубок (*Tophane lüle*) и кальянных чаш), чайной и кофейной посуды [Bakla, 1993; Tan, Bursa, 2014, p. 322]. В период расцвета —

в первой половине XIX вв. — гильдия Топхане насчитывала до 60 трубочных мастеров, каждый из которых имел свое клеймо, а те, что снабжали своей продукцией османскую верхушку, использовали для маркировки имперские знаки-*тузфы* [Наан, 2004, р. 79–87]. Клеймо могло ставиться как на боковую часть втулки, так и на чашку; втулка трубки из Гизы не имеет клейма, видимо, оно было на несохранившейся чашке.

В литературе в основном сообщают, что керамические позолоченные или посеребренные курительные трубки и посуда Топхане предназначались для османской элиты [Faroghi, 2016, р. 194]. Хотя вряд ли стамбульские мастера были полностью нацелены на представителей высшего слоя населения Османской империи: среди изделий «стиля Топхане» есть действительно отличающиеся высочайшей тонкостью работы и отделкой трубки, принадлежавшие высокопоставленным лицам (например, трубка, приписываемая Али-паше Янинскому⁷ [Robinson, 1985, р. 166, pl. 44c, 45]), так и несколько более скромные предметы, которые могли найти спрос у среднего класса турок-османов или быть вывезены торговцами в другие части Османской империи, например, в Египет: Фредерик У. Фэрхолт, посетивший эту страну в начале 1860-х гг., упоминал, что в лавках Александрии можно было купить стамбульские курительные трубки, наряду с египетскими, произведенными в Асьюте [Fairholt, 1862, р. 19–20].

Форма втулки, как у 19/19А/1 из Гизы, является, по мнению Р. Робинсон, поздней вариацией, возникшей в последних десятилетиях XIX в. и использовавшейся в начале XX в. [Robinson, 1985, р. 189 (C106)]. Близкие по форме и стилю декора трубки из Топхане датированы 1860-ми — 1900-ми гг. [Наан, 2004, р. 83–84, fig. 2, 8, 11–12] (*цветная вклейка, фото 10*), что определяет датировку гизехского предмета. Верхняя дата бытования изделий «стиля Топхане» ограничена 1929 г. — именно тогда закрыл свою лавку последний мастер Топхане. Причиной упадка индустрии керамических трубок послужило распространение курения сигар и сигарет во время Первой мировой войны, что сказалось и на восточных, и на европейских производителях: в 1926 г. прекратила существование основная часть французских гончарных мастерских (кроме Бонно, процветавшей до 1955 г.) [Robinson, 1985, р. 194].

От трубки 07/20/c1, 16/22-2/c1 было обнаружено два фрагмента: в 2007 г. при расчистке культового помещения гробницы Персенеба (LG 78 / GE 20–22) была найдена основная часть трубки; спустя 9 лет, в 2016 г. при археологическом изучении заполнения погребальной камеры 2А, предназначавшейся для Персенеба, выявлен фрагмент венчика [Kormysheva et al., 2018, р. 53, fig. 34, pl. CIX]. К сожалению, соединить фрагменты не удалось: в революцию 2011 г. все находки, сделанные ранее и хранившиеся в одном из помещений скальной гробницы Хафраанха, были украдены. Аналогичные по форме трубки, найденные в Коринфе, Р. Робинсон датировала поздним XIX — ранним XX вв. [Robinson, 1985, р. 189, pl. 57 (C107, C108)].

Возможно, трубка 07/20/c1, 16/22-2/c1 — египетская имитация Топхане, сделанная в Асьюте: красная лощеная поверхность трубки и декор-штамп указывают на это, в то время как глина отличается от турецкой. Ф. У. Фэрхолт, воочию видевший асьютскую керамику в начале 1860-х гг., отмечал сходство этой гончарной продукции со стамбульскими изделиями, и отличие было в том, что для первых характерна красная

⁷ Р. Робинсон подвергает сомнению этот факт, исходя из того, что Али-паша из Янины умер в 1822 г., а форма приписываемой ему трубки-оттоманки, находящейся в коллекции Военного музея в Афинах, характерна для позднего XIX в. [Robinson, 1985, р. 166, pl. 44c, 45].

глина более глубокого оттенка и отсутствие золочения. Также Ф. У. Фэрхолт привел рисунок одного необычного типа асьютских курительных трубок, чья крупная нарциссовидная чашка была дополнена с боков подвижными колесиками, соединенными стержнем. Это новшество автор объясняет следующим образом: «чубуки имели длину от четырех до шести футов (примерно 1,2–1,8 м. — С.М.), и господа толкали трубку к слуге, который заменял табак, тогда как курильщики продолжали сидеть на диване» [Fairholt, 1862, p. 174–175].

Трубки неопределенного типа

От четырех курительных трубок, найденных в восточной Гизе, сохранились лишь втулки (*табл. 4, илл. 1*) — т. е. та часть чашки, куда вставлялся чубук, поэтому форму чашки определить не представляется возможным. Обычно на втулку наносилось клеймо мастера, однако у всех предметов оно отсутствует — видимо, до нас не дошли части с клеймом.

Табл. 4. Керамические трубки неопределенного типа из восточной Гизы

Полевой номер	Спецификация	Особенности глины и отделки внешней поверхности	Особенности отделки внешней поверхности	Место находки
14/III/c1	Трубки курительной втулка, диаметр 1,3–2,2 см	аллювиальная тонкая плотная светло-коричневая глина	красный ангоб, лощение снаружи; пштампованный орнамент	Участок III, верхний перемешанный слой
12/40/c1	Трубки курительной втулка; диаметр 3,3 см, толщина стенок 0,2–0,55 см	аллювиальная тонкая плотная коричневая глина без видимых включений	красный лак внутри и снаружи; пштампованный орнамент снаружи	Участок III, комплекс GE 40, верхний перемешанный слой, отметка залегания 38,75–38,80 м
11/IV/c1	Трубки курительной втулка, длина 5,8 см, диаметр 1,8–2,0 см	аллювиальная тонкая плотная черная глина без видимых включений	бордовый ангоб, лощение снаружи; пштампованный и насечный орнамент снаружи	Участок IV, верхний перемешанный слой
11/IV/c2	Трубки курительной втулка; диаметр не определен	аллювиальная тонкая плотная черная глина без видимых включений	бордовый лощеный ангоб снаружи; пштампованный орнамент снаружи в нижней части	Участок IV, верхний перемешанный слой

Втулка 14/III/c1 имеет шарообразное утолщение, украшенное S-образным и точечным пштампованными мотивами; по краям утолщения идет цепь углублений, нанесенных зубчатым колесиком. Близкие аналоги происходят из Коринфа и Митилены и датированы XVII в. [Robinson, 1985, p. 171, pl. 47 (C2); Humphrey, 1990, p. 3,

fig. 1]. Втулки с шарообразными утолщениями могли быть у чашек как округло-цилиндрической, так и лилиевидной формы (см., например: [Robinson, 1985, pl. 47; Bava, 2010, p. 34, 36 (cat. 1); François, 2012, p. 505, pl. 6 (9–10)]). Характер глины свидетельствует о египетском происхождении данного предмета.

От втулки 12/40/c1 сохранился лишь совсем небольшой фрагмент, позволяющий оценить способ изготовления (оттиск в матрице), глину и отделку – покрытие красным лаком по рельефному декору в виде зубцов [Kormysheva et al., 2018, p. 138, fig. 36, pl. CXII]. Найденные в Фиванском некрополе аналоги датированы второй половиной XIX в. [Bava, 2010, p. 42–43, fig. 4]; в основном втулки такой формы были у чашек округло-цилиндрической формы. Трубка, несомненно, египетского производства, возможно, асьютского.

Втулка 11/IV/c1 цилиндрическая, ее средняя часть украшена насечками, ограниченными цепью углублений, нанесенных зубчатым колесиком. Она была обнаружена неподалеку от фрагмента втулки 11/IV/c2, изготовленной из похожей глины. Вероятно, оба предмета происходят из одной мастерской и могут быть датированы по достаточно простому декору и форме XIX в. Текстура глины близка гизским трубкам лилиевидной формы, что может указывать на один производственный центр в Верхнем Египте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, обнаруженные в восточной Гизе фрагменты курительных трубок относятся как к ранним типам XVII в., так и более поздним вариантам XVIII — начала XX вв., наглядно демонстрируя распространение табакокурения в Османском Египте. Основная часть анализируемых предметов египетского происхождения, однако лишь один из них, похоже, был сделан в мастерских Каира, а другие — в Верхнем Египте (например, в Асьюте, Кене или Асуане). Одна трубка является привозной и атрибутирована как продукция стамбульских гончарных мастерских Топхане 1860-х — 1900-х гг.

Кому принадлежали трубки, найденные на обрыве плато Гиза, внутри древних гробниц или рядом с ними?

THE LATE MR. E. W. LANE.
FROM A DRAWING TAKEN AFTER HIS SECOND VISIT TO EGYPT.

Илл. 2. Гравюра Р. Д. Лэйна с изображением его брата Э. У. Лэйна, воспроизведенная в газете *The Illustrated London News*, 69, 2 сентября 1876 г., p. 213 (по: Edward William Lane, 1801–1876: Biographical Sketch. *Library of Congress*. URL: <https://loc.gov/item/ihass.200155942> (дата обращения 23.06.2020))

Были ли это местные жители, обитавшие в скальных гробницах или неподалеку, прислуживавшие европейским путешественникам или промышлявшие грабежами в древнем некрополе? Или это были сами европейские путешественники? Пока ответить на этот вопрос затруднительно. Однако Эдвард Уильям Лэйн, неоднократно посещавший Египет в интервале между 1825 и 1849 гг., в один из своих визитов в Гизу поселился в некой скальной гробнице (которую он именовал «гротом»), расположенной на участке, ныне входящем в зону российской концессии, видимо, в гробнице Ченти I [Лебедев, 2020, с. 69]. Английский путешественник и востоковед сообщает: «Перед входом в мое жилище была уютная терраса, на которой, находясь в тени скалы, я сидел каждый вечер (а дело было под Рождество) с трубкой и кофе и наслаждался теплым воздухом и приятным видом на долину и столицу»⁸. Брат Эдварда Лэйна Ричард Джеймс Лэйн, английский гравер и литограф, на одном из своих произведений изобразил его во время второго посещения Египта, с трубкой-оттоманкой на длинном фигурном, украшенном кистями, чубуке (илл. 2).

Литература / References

- Волков И. В., Новикова Г. А. Красноглиняные «турецкие» курительные трубки в собрании Музея истории города Москвы. *Археологические памятники Москвы и Подмосковья*. М., 1996. С. 134–152 [Volkov I. V., Novikova G. A. Red-clay “Turkish” smoking pipes in the collection of the Museum of the History of Moscow. *Archaeological Monuments of Moscow and Moscow Region*. Moscow, 1996. Pp. 134–152 (in Russian)].
- Зайцев И. В. Табак и курение в Крыму (XVII–XVIII вв.). *История и современность*. 2011. № 2. С. 13–33 [Zaitsev I. V. Tobacco and Smoking in Crimea (XVII–XVIII centuries). *History and Modernity*. 2011. 2. Pp. 13–33 (in Russian)].
- Лебедев М. А. Дж. Б. Кавилья и начало археологического изучения скальных гробниц восточной окраины Гизы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 63–76 [Lebedev M. A. G. B. Caviglia and the Beginning of the Archaeological Study of Rock-Cut Tombs of the Eastern Escarpment of Giza. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 63–76 (in Russian)].
- Лэйн Э. У. *Нравы и обычаи египтян в первой половине XIX в.* М., 1982 [Lane E. W. *Manners and Customs of the Egyptians in the First Half of the 19th Century*. Moscow, 1982 (in Russian)].
- Розенфельд Р. Л. *Московское керамическое производство XII–XVIII вв.* М., 1968 [Rosenfeldt R. L. *Moscow Ceramic Production of the XII–XVIII Centuries*. Moscow, 1968 (in Russian)].
- Bakla E. *Tophane lüleçiliği. The pipe-making industry of Tophane*. Istanbul, 1993.
- Bavay L. Fumer comme un Turc. Les pipes ottomanes provenant de la TT 29 à Cheikh Abd el-Gourna. Warmenbol E., Angenot V. (eds.). *Thèbes aux 101 portes: mélanges à la mémoire de Roland Tefnin (Monumenta Aegyptiaca 12)*. Turnhout, 2010. Pp. 25–46.
- Clist B. Les pipes en terre cuite et en Pierre. Clist B., de Maret P., Bostoen K. (eds.). *Une archéologie des provinces septentrionales du royaume Kongo*. Oxford, 2018. Pp. 297–327.
- Danys K., Wyżgol M. Smoking pipes from Old Dongola. Godlewski W., Dzierzbicka D., Łajtar A. (eds.). *Dongola 2015–2016. Fieldwork, conservation and site management. (PCMA Excavation Series 5)*. Warsaw, 2018. Pp. 47–66.
- Fairholt F. W. *Up the Nile and Home Again. A Handbook for Travellers and a Travel-book for the Library*. London, 1862.
- Faroqhi S. *A Cultural History of the Ottomans: The Imperial Elite and its Artefacts*. London, 2016.

⁸ [Lane, 2000, p. 162–163, Лебедев, 2020, с. 69]. Автор благодарит М. А. Лебедеву за указание на этот момент жизни Э. У. Лэйна и описание его пребывания в Гизе.

- François V. Objets du quotidien à Damas à l'époque ottomane. *Bulletin D'études Orientales*. 2012. 61. Pp. 475–506.
- Haan de A. R. 19th century clay chibouks made in Tophane. *The pipe year book*. 2004. Pp. 79–90.
- Hayes J. W. Turkish clay pipes: a provisional typology. Davey P. (ed.). *The Archaeology of the Clay Tobacco Pipe*. Vol. IV. (BAR International Series 92). London, 1980. Pp. 3–10.
- Humphrey J. W. The Turkish Clay Smoking Pipes of Mytilene. *Society for Clay Pipe Research Newsletter*. 1990. 26. Pp. 2–9.
- Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow, 2012.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufubotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.
- Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.
- Lane E. W. *An Account of the Manners and Customs of the Modern Egyptians. Written in Egypt during the years 1833–43*. London, 1860.
- Lane E. W. *Description of Egypt*. Cairo, 2000.
- Le Quesne Ch. *Quseir. An Ottoman and Napoleonic Fortress on the Red Sea Coast of Egypt*. (ARCE Conservation Series 2). Le Caire, 2007.
- Monchamp J. Assemblages céramiques d'époque médiévale de Burg al-Zafar, murailles du Caire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. 27. Pp. 5–30.
- Monchamp J. Céramiques médiévales et ottomanes du Mashtal. Murailles du Caire. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2018. 28. Pp. 253–295.
- Monchamp J. Mobilier médiéval et ottoman de Bab al-Gedid (Murailles du Caire). *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2019. 29. Pp. 133–162.
- Pichot V., Marchand S. Le complexe funéraire royal d'Abou Rawash après l'Ancien Empire. Forges et tessons d'époque romaine. *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017. 27. Pp. 251–287.
- Pradines S. Note préliminaire sur un atelier de pipes ottomanes à l'est du Caire. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 2004. 7. Pp. 281–291.
- Robinson R. C. W. Tobacco pipes of Corinth and of the Athenian Agora. *Hesperia*. 1985. 54.1. Pp. 149–203.
- Simpson St. J. A Brief Introduction to Ottoman Clay Pipes. *Society for Clay Pipe Research Newsletter*. 1990. 27. Pp. 6–10.
- Tan A. Ö., Bursa N. Turkish Coffee: *arte and factum*, Paraphernalia of a Ritual from Ember to Cup. McWilliams M. (ed.). *Food and Material Culture: Proceedings of the Oxford Symposium on Food and Cookery 2013*. Totnes, 2014. Pp. 314–324.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- A Youth in a Hammam Smoking a Pipe (first half of 18th century). *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*.
URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/823142?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=2019.172&offset=0&rpp=80&pos=1>
(дата обращения 26.06.2020).
- Edward William Lane, 1801–1876: Biographical Sketch. *Library of Congress*.
URL: <https://loc.gov/item/ihis.200155942> (дата обращения 23.06.2020).
- Jean Lecomte du Nouÿ. A Merchant in Cairo (1870). *The Metropolitan Museum of Art. The MetCollection*.
URL: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/441367?searchField=All&sortBy=Relevance&ft=2015.506.2&offset=0&rpp=80&pos=1>
(дата обращения 26.06.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-90-99

К ИМЕНИ «КОРОЛЯ ТЮРКОВ» В «ХРОНИКЕ ФРЕДЕГАРА»

© 2020

В. В. Тишин*

В работе рассматривается дискуссия о возможности идентификации приводимого в этногонической легенде, помещенной во франкском компилятивном источнике середины VII в., известном как «Хроника Фредегара», имени «короля» (*rex*) тюрков (*Turci*), встречающегося в формах *Torguotus* и *Torcoth* с именем упомянутого у Менандра Протектора под 576 г. тюркского принца Τούρζαθος. Основное внимание в статье уделено обсуждению выдвинутой К. Бэквизом гипотезы о возможности реконструировать здесь форму **Türkwaɟ*, будто бы отражающей отстаиваемую названным исследователем реконструкцию звучания этнонима, передаваемого в китайских источниках написанием *ту-цзюэ* (突厥). Автор предлагает другое решение этого вопроса. Вслед за Й. Марквартом объяснение имени Τούρζαθος, реконструируемого большинством исследователей как **Türk šad*, подразумевает сопоставление с известным в древнетюркской ономастике и этнонимике наименованием *ду-лу* (都陸), *до-лу* (咄陸), *до-лю* (咄六) и также *ду-лю* (都六), предположительно отражающие исходное **türük*. Возможность такого сопоставления допустима фонетически, кроме того, она косвенно подтверждается тем, что зарегистрированное в китайских источниках в качестве элемента титулов западно-тюркских каганов сочетание *ду-лу* (都陸) или *до-лу* (咄陸) может найти параллель с согдийской легендой на известном экземпляре монет западно-тюркского кагана, содержащей элемент *twrk* в его титуле. Выдвигаемая аргументация продолжает развитие гипотезы Маркварта, предполагая, что китайские источники отразили два варианта транскрипции этнонима **türük* ~ **türk*, одна из которых как раз скрывается за сочетаниями *ду-лу* 都陸, *до-лу* 咄陸, *до-лю* 咄六, *ду-лю* 都六, другая, известная в передаче *ту-цзюэ* 突厥, отражает, скорее всего монголоязычную, как предположил еще П. Пельо, форму **türküt*.

Ключевые слова: древние тюрки, Западный Тюркский каганат, Фредегар, фонетическая реконструкция, историография.

Для цитирования: Тишин В. В. К имени «короля тюрков» в «Хронике Фредегара». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 90–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-90-99

TO THE NAME OF THE “KING OF TÜRK” IN THE *CHRONICLE OF FREDEGAR*

V. V. Tishin

The paper looks into the discussion on identifying the ethnogonic legend, placed in the Frankish compilation source of the middle of the 7th century, known as the “Chronicle of Fredegar”,

* Владимир Владимирович ТИШИН, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tihij-511@mail.ru

Vladimir V. TISHIN, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tihij-511@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7344-0996

of the name of the “king” (rex) of the Turks (Turci), found in the forms *Torquatus* and *Torcoth*, with the name of the Turkic prince Τούρξαθος, mentioned at Menander the Protector under the year 576. The main focus is on the hypothesis put forward by K. Bekwiz on the possibility of reconstruction the form **Türkwař*, reflecting the reconstruction of the ethnonym’s sound by the named researcher, transmitted in Chinese sources through *tu-jue* (突厥). The author offers another solution to this issue. According to J. Marquart, the explanation of the name Τούρξαθος, reconstructed by most researchers as **Türk šad*, implies comparison with the word *du-lu* (都 陸), *do-lu* (咄 陸), *do-lu* (咄 六), known in ancient Türkic onomastics and ethnonymy, as well as *du-lu* (都 六), presumably reflecting the original **türük*. The possibility of such a comparison is phonetically permissible; in addition, it is indirectly confirmed by the fact that the combination *du-lu* (都 陸) or *do-lu* (咄 陸), registered in Chinese sources as an element of Western Turkic khagans’ titles, can be paralleled with the Sogdian legend on a known specimen of coins of the Western Turkic khagan containing the element *twrk* in its title. The argumentation follows the development of Marquart’s hypothesis, suggesting that the Chinese sources reflected two versions of the ethnonym **türük* ~ **türk* transliteration, one of which is just hidden behind the combinations *du-lu* (都 陸), *do-lu* (咄 陸), *do-lu* (咄 六), *du-lu* (都 六), while another, known in the form of *tu-jue* (突厥), most likely reflects the Mongolian, as P. Peliot suggested, form **türkiit*.

Keywords: early Turks, Western Turkic Qaghanate, Fredegar, phonetic reconstruction, historiography.

For citation: Tishin V. V. To the Name of the “King of Türks” in the Chronicle of Fredegar. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020. 3. Pp. 90–99. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-90-99

В так называемой «Хронике Фредегара», компилятивном источнике VII в., условно приписываемом полуполюгендарному франкскому летописцу, в этногоническом предании о происхождении франков фигурирует имя некоего «короля» *Torquatus* (падежн. *Torquoto*), давшее имя тюркам (*Turci*) (Chr., II, 6: *Electum a se utique regem nomen Torquoto, per quod gens Turquorum nomen accepit*), которых автор этой части хроники помещает «на берегу реки Дунай, между Океаном и Фракией» (*super litore Danuviae fluminis inter Oceanum et Traciam*). В другом месте (Chr., III, 2) это имя упомянуто как *Torcoth* (*electum a se Torcoth nomen regem, per quem ibique vocati sunt Turchi*), а его народ также связывается с берегом Дуная (*que super litore Danuvii remanserat*) [Beckwith, 2006/2007, p. 6; MacMaster, 2014, p. 4–5, notes 13, 16]¹.

Использовавший этот источник автор XI в. Эмуан из Флёри в своем сочинении «История франков» (*Historia Francorum*), или «Деяния королей франков» (*Gesta regum Francorum*) (I, 2), фактически повторяет этот сюжет и, связывая тюрков и франков в качестве потомков троянцев, первых называет *Torchbi*, от имени короля *Torchotus* (*Et una quidem natio Torchorum, a Torchoto rege*); этот народ, т. е. потомки троянцев, согласно источнику, изгнал алан из Меотидских болот (*quae Alanos... ...a Meotidis expulit paludibus*) (цит. по: [Del Zotto, 2015, p. 62, note 28]).

По «Хронике Фредегара», данные которой Й. Маркварт сопоставил с ситуацией на 576 г., тюрки сменили алан у Боспора Киммерийского, а авары на берегах Дуная рассматривались как их ответвление [Marquart, 1905, S. 252, Anm. 3]. Именно Маркварт предложил связывать эпоним тюрков, упоминаемый в «Хронике Фредегара», с именем упомянутого под 576 г. у византийского автора конца VI в., Менандра Протектора (Men. Fr., 43), «одного из тюркских правителей» (εἰς τὸν παρὰ τοῦρκοις ἡγεμόνων),

¹ Цитаты даны по указанным работам.

Турксаф (Τούρξαθος) или Турксанф (Τούρξανθος)², которое большинство исследователей в общем реконструирует как **Türk šad* [Moravcsik, 1983, S. 328]³.

Уже первый редактор издания «Хроники Фредегара» Бруно Круш предположил в 1882 г., что этот сюжет сам по себе восходит к упоминанию римского консула Манлия Торквата (*Manlius Torquatus*) в «Хронике» преподобного Иеронима (см.: [Eckhardt, 1967, S. 423; Meserve, 2008, p. 50, 276, note 115]). Впоследствии Н. Вагнер предложил сопоставить *Torquatus* или *Torcoth* с именем *Турксанф*, связав, соответственно, упоминаемый у Фредегара сюжет с политической ситуацией в Восточной Европе на 576 г., разве что упомянутых *Turci* он отождествил с болгарскими племенами [Wagner, 1984, S. 407–410]. Впоследствии Ю. Эвиг (который не упоминает статьи Н. Вагнера), сначала также отождествив упомянутых *Turci* с «протоболгарами» [Ewig, 1999, S. 7–8], аналогично соотнес приводимое в «Хронике Фредегара» имя *Torquatus/Turquotus* (resp. *Torcoth/Torchoth*) с именем *Турксанф* [Ewig, 1999, S. 27, 28]. М. Мезёрв, не отвергая предложенного сопоставления имен, отметила, что болгары никогда не называли себя тюрками [Meserve, 2008, p. 50]⁴. Между тем, ни Н. Вагнер, ни Ю. Эвиг не привели никакого филологического обоснования для сопоставления упомянутых имен.

Такого рода аргумент попытался предложить К. Бэквиз. На основе сопоставления сведений византийских и латинских источников он восстанавливает здесь исходное **Türkwaθ* [Beckwith, 2006/2007, p. 7, note 17], привлекая в том числе и те формы, которые даны в упомянутых латинских источниках. Однако сам он руководствовался иными соображениями, стремясь найти дополнительное обоснование для предложенной им ранее реконструкции звучания известного в среднекитайской передаче этнонима *тү-цзюэ* (突厥) как **türk-wač* ‘Rulers of the Türk’, ‘the Türk Rulers’, ‘lord(s) of the Türk’ < **türk* + **βač* (*wač* ~ *vač*, также **b/pat* ~ **b/pač* ~ *βač* ‘ruler, lord’) [Beckwith, 2005, p. 13–17].

Здесь существуют следующие проблемы. Как установлено Д. Моравчиком, ср.-греч. /ξ/ отражал в передаче тюркских имен сочетания /ks/ ~ /qs/, /kš/ ~ /qš/, /chš/ (= /χš/) [Moravcsik, 1983, S. 34], ср.-греч. /θ/ передавал оригинальное /th/ (= /t/) или /f/ [Moravcsik, 1983, S. 33]. Как отмечает К. Бэквиз, конечный диграф *-th* в латинском тексте может отражать ср.-греч. *-θ* (= *-th*), при этом последний никогда не использовался для передачи древнетюркского *-d* [Beckwith, 2006/2007, p. 7, note 16].

Как также специально отметил К. Бэквиз, во всех трех случаях имя короля тюрков (*Torquot*-, *Turquot*- и *Torcoth*) употреблено с полушироким /o/ во втором слоге [Beckwith, 2006/2007, p. 6]. Исследователь рассматривает использование для написания передачи *-s*- знака ξ [ks] как ошибку писца, о которой будто бы франки знали, и

² О вторичности и искусственности формы Τούρξανθος см.: [Beckwith, 2006/2007, p. 7, note 15]. В частности, здесь идет речь о некоей «эллинизации» имени, следуя аналогии более привычной для греков основы ξανθ-, ср. ξανθος ‘yellow’ [Beckwith, 2006/2007, p. 7, note 17].

³ Сам Й. Маркварт изначально предположительно транскрибировал его как *Türgäš-šad* [Marquart, 1898, S. 188; Hirth, 1899, S. 69, Anm. 1], затем — **Turuq-šad* [Marquart, 1914, S. 71–72, Anm. 4; Markwart, 1938, S. 149, Anm. 1], потом — *Türk-šad* [Markwart, 1929, S. 81].

⁴ Указанная работа наиболее полно рассматривает мотив о троянском происхождении тюрков в средневековых европейских источниках, а также содержит обширную библиографию. Из новых работ см. также: [Прудников, 2019, с. 211–219].

предлагает исправить форму у Менандра на *Τούρκωθ[ος] (= *Tourkoath* [turkwaθ]), передающую оригинальное **Türkwaθ* [Beckwith, 2006/2007, p. 7].

Таким, образом, для К. Беквиза получается еще один аргумент, что *my-чзюэ* (突厥) (ср.-кит. диал. **türkwač*) является “a transcription of the foreign form **Türkwač* (= **Türkac* [tyrkac]) ~ **Türkwač* (= **Türkac* [tyrkac]) ‘ruler of the Türk’, in which the second element -*wac* represents Gāndhārī Prakrit *wati* (*vati*) ~ *wat* ~ *wac* (from Old Indic *pati*) ‘ruler, lord’, a compounding element in a number of early East Asian and Central Eurasian names and titles, where it appears as **bač* ~ **vač* ~ **bač* (etc.) ‘ruler’” [Beckwith, 2006/2007, p. 8].

Среди других аргументов К. Беквиза — отсутствие где-либо еще в источниках формы **Türk-šad* и, по его мнению, сама бессмысленность такого наименования [Beckwith, 2006/2007, p. 7].

В латинских текстах постклассического и средневекового периода диграфы /ch/ и /th/, как и в классический период, использовались в том числе при передаче соответственно греческих /chi/ и /t^h/, но не обозначали ффрикативных звуков, о чем говорит использование в аналогичных случаях вместо диграфов графем /c/ и /t/ [Stotz, 1996, S. 167–175; Seiler, 2015, p. 106]. Диграф /qu/ в постклассических и средневековых текстах передавал именно звук [k], что отражено в спорадической его замене на /c/ [Stotz, 1996, S. 144–147].

Соответственно, *Torquotus* у Фредегара может рассматриваться как вариант, заимствованный, вероятно, из греческого первоисточника, *Torcoth* — как адаптированный вариант. Впрочем, К. Беквиз допустил возможность правомерности гипотезы Б. Круша о вероятном влиянии римского имени *Torquatus* на орфографическую форму имени «короля тюрков» [Beckwith, 2006/2007, p. 7–8, note 14]. Соответственно, гипотетически восстанавливаемая форма изначального слова — **torkot* / **turkot*, что полностью соответствует ср.-греч. Τούρκοθ[ος].

Как отметил еще Ю. Эвиг, обосновывавший появление данных о тюрках в «Хронике Фредегара» и вообще у франков через византийское посредство, это должно было случиться не ранее 578/581 гг., времени, когда зарегистрированы два франкских посольства в Константинополь и когда от тюрков возвратилось посольство мечника Валентина, но не позже 642/660 гг., времени составления окончательной редакции «Хроники Фредегара» [Ewig, 1999, S. 28].

С. Полгар, суммируя изыскания предшественников, отмечает в этом случае следующее:

«Это значит, что территорией расселения этих тюрков является Подунавье и земли к востоку от нее. Но здесь есть противоречие. Тюрки никогда не покоряли среднее или нижнее Подунавье. Имеются две возможные интерпретации: 1) “Хроника Фредегара” отразила тот момент, когда власть тюрков почти распространилась на нижний Дунай. Эта ситуация наблюдается в 584 и 585 гг. 2) Другая возможная интерпретация может быть связана с претензиями тюрков на имперскую власть. Согласно их точке зрения, авары в Подунавье были их рабами, которые сбежали от них. Вероятно, посланцы тюрков распространяли этот взгляд повсюду, например, в Константинополе. Посланцы франкского короля Дагобера могли встретить тюрков в Константинополе. Часть информации позже была деформирована в Бургундии, возможно, самими хронистами. Это не было важно, поскольку цель автора состояла в

том, чтобы составить историю происхождения франков. Тем не менее, имя тюрков попало в западную литературу и позже укоренилось в ней» [Polgár, 2011, p. 105]⁵.

Т. МакМастер, также разделяя точку зрения, что данные о тюрках проникли к франкам через византийцев, полагает, что это произошло во время правления императора Гераклия (610–641), но не позже 630 г. (вероятнее всего — в 20-е гг. VII в.), и связывает с участием тюрков в сасанидско-византийских войнах на стороне Византии [MacMaster, 2014, p. 5–7].

Поскольку сама предлагаемая К. Бэквизом реконструкция звучания кит. *тү-цзюэ* (突厥) является гипотетической, не будучи отмечена в каких-либо в источниках в том виде, какой предлагается исследователем, то и сама попытка соотнести в привязке к ней имя тюркского принца *Τοῦρζαθος*, приводимое у Менандра, и имя «короля тюрков» у Фредегара *Torquotus*, *Torvoth*, ослаблена самим фактом допущения корректировки в греческом тексте⁶.

Когда Й. Маркварт впервые заговорил о сопоставлении данных «Хроники Фредегара» со сведениями Менандра, он сначала вскользь высказался о том, что форма *Torvoth* или *Torquotus* отражает китайскую транскрипцию наименования **turkut* – **tut-kut* [Marquart, 1905, S. 252, Anm. 3]. Уточнение последовало в другой работе, где он сопоставил это имя с наименованием одного из двух западно-тюркских племенных объединений, известным как *ду-лу* (都陸) [*< *ta-liok*] или *до-лу* (咄陸), *до-лю* (咄六) (*< *tut-liok*), а также с именем в одной из генеалогических легенд тюрков *Нэ-ду-лу* (訥都陸) (** < Nut Ta-liok*)⁷, передающее выражение **On Türk*; эта же транскрипция отражена в «Хронике Фредегара», существуя наравне с *тү-цзюэ* (突厥) [*< *türküü*], формой множественного числа [Marquart, 1914, S. 71–72, Anm. 4]. Эта реконструкция наименований западно-тюркской конфедерации была впоследствии поддержана таким крупным специалистом по китайской исторической фонетике, как Э. Дж. Пуллиблэнк, указавшим здесь на форму **türük* [Pulleyblank, 1965, p. 125]. Еще ранее на передачу посредством *до-лу* (咄陸), *ду-лу* (都陸) формы **türük* указал Цэнь Чжун-мянь [Цэнь Чжун-мянь, 1958(1), с. 109, прим. 1].

Имя легендарного предка тюрков *Нэ-ду-лю* (訥都六) («Чжоу шу»; 周書, «Гун дзянь»; 通典, «Тай-пин хуань-юй цзи»; 太平寰宇記), *На-ду-лю* (納都六) («Бэй ши»; 北史 и «Цэ-фу юань-гуй»; 冊府元龜), *Нэ-ду-лу* (訥都陸) («Синь Тан шу»; 新唐書) употребляется также в сокращенной форме *ду-лю* (都六) [Цэнь Чжун-мянь, 1958(2), с. 499, 517, 528, 577,

⁵ “That is the territory of the settlement of these Turks is the Danube region and the land east of it. But there is a contradiction. The Turks never conquered the middle or lower Danube region. There are two possible interpretations: 1) The Fredegar chronicle has preserved that moment, when the Turkic power almost extended to the lower Danube. This situation can be observed in 584 and 585. 2) The other possible interpretation can be connected with the approach of the Turks of the imperial power. By their idea the Avars in the Danube region were their slaves, who escaped from them. Probably the envoys of the Turks spreaded these view abroad, for example in Constantinople. The Frank envoys of king Dagobert could meet Turks in Constantinople. The pieces of information later were deformed in Burgundia, perhaps by the chroniclers themselves. It was not important because the aim of the author was to compile the story of the origin of the Franks. Nevertheless, the name of the Turks got into the western literature and later rooted into it”.

⁶ Пользуясь случаем, выражаем признательность К. Бэквизу за присланные им цитируемые здесь его статьи, ранее нам недоступные.

⁷ Ср.: *No(t)-tu-lu(k)* [Parker, 1899, p. 120, 126, note 18].

964; Sinor, 1982, p. 227], позже этот элемент неоднократно фигурирует в личной ономастике и титулатуре. Отец А-ши-на Сы-мо (阿史那思摩) носил титул *До-лю* (咄六) *шад* [Цэнь Чжун-мянь, 1958(2), с. 619], аналогично *Ду-лю* (都六) именовался сын Да-тоу (達頭) кагана [Цэнь Чжун-мянь, 1958(1), с. 108, 121]. Ср. титул *Ду-лу* (都陸) / *До-лу* (咄陸) *каган* у западных тюрков [Chavannes, 1903, p. 370, 371 (Index); Ögel, 1957, s. 112]⁸.

Реконструкция всех вариантов звучания, по Э. Дж. Пуллиблэнку [Pulleyblank, 1991, p. 35, 81, 198, 201]⁹:

ду-лю (都六) [пиньин. *dū-liù*] < ран. ср.-кит. **tɔ-lumk*, позд. ср.-кит. **tuǎ-limk*;

до-лу (咄陸) [пиньин. *duō-lù*] < ран. ср.-кит. **[təɭ]-lumk*, позд. ср.-кит. **[tuɭ]-limk*;

ду-лу (都陸) [пиньин. *dū-lù*] < ран. ср.-кит. **tɔ-lumk*, позд. ср.-кит. **tuǎ-limk*;

до-лю (咄六) [пиньин. *duō-liù*] < ран. ср.-кит. **[təɭ]-lumk*, позд. ср.-кит. **[tuɭ]-limk*.

Все реконструкции не могут выглядеть однозначными¹⁰: иероглиф *ду* (都) зарегистрирован для передачи древнетюркских слов как с велярным, так и палатальным вокализмом [Kasai Yukiyo, 2012, S. 132, Tab. III.3; Kasai Yukiyo, 2014, p. 85, Tab. III.2], *ду* (咄) — с велярным и нулевым гласным [Kasai Yukiyo, 2012, S. 139, Tab. III.13; Kasai Yukiyo, 2014, p. 92, Tab. III.3], *лу* (陸) — только с палатальным, *лю* (六) — только с нулевым гласным [Kasai Yukiyo, 2012, S. 136, Tab. III.11; Kasai Yukiyo, 2014, p. 93, Tab. III.13].

Известен тип западно-тюркских монет из Канка-тепе (Чачский оазис) с изображением лица на аверсе, а на реверсе — лировидной тамги, идентичной тамге на монетах с легендой *βγυ twm φγωv x'γ'n* ('монета Тон джабгу кагана'), также с круговой согдийской легендой, для которой предполагались чтения *'sk prn twrk* [ɣ] (*γ'n pny* (М. Исхаков) или *'βr' (?) twrk* [ɣ] (*γ'n pny* (Г. Бабаяров) [Бабаяров, 2007, с. 16, № 19; Babayar, 2007, s. 71, № 38], последнее из которых принято П. Б. Лурье. В настоящее Г. Бабаяров читает здесь *pny 'krt twrk x'γ'n* [Babayar, 2014]. Между тем, П. Б. Лурье, читая *'βr' (?) twrk* [x] (*γ'n pny*), предлагает отождествление с титулом *Shaboluo Keban* (沙鉢略可汗) [651–656], т. е. А-ши-на Хэ-лу (阿史那賀魯) [Lurje, 2010, p. 111–112]. Хотя его титул *Шабол-ло* 沙鉢略 (**Ышбара*) *каган* не известен из китайских источников с приставкой *ду-лу* (都陸) / *до-лу* (咄陸), думается, надежное чтение здесь слова *twrk* можно использовать для косвенного подтверждения оригинального звучания этих сочетаний.

Если это предположение верно, следует думать, что эта форма сосуществовала с другим наименованием, в китайских источниках отразившимся как *ту-цзюэ* (突厥), что передает оригинальное **türkid ~ *türküt*, отражая, как считается, вариант этнонима, переданный через язык монгольского типа (с аффиксом множественности +*U*) [Pelliot, 1915; Franke, 1937, Bd. III, S. 310] или согдийский язык (с аффиксом

⁸ Д. Синор осторожно отнесся к возможности таких сопоставлений [Sinor, 1982, p. 228].

⁹ Иероглифа *до* (咄) у Э. Дж. Пуллиблэнка нет, здесь восстанавливается логически.

¹⁰ Голландский синолог Г. Шлегель, опиравшийся на амойский диалект китайского языка, реконструировал *до-лю* (咄六) как *Tuluk* [Schlegel, 1896a, S. 111, 112]. Другой авторитетный специалист в китайской исторической фонетике, британский синолог Э. Х. Паркер передает наименование западно-тюркской конфедерации как *Turuk* [Parker, 1897, p. 25]. Немецкий специалист Ф. Хирт звучания *ду-лу* (都陸), *до-лю* (咄六), базируясь на кантонском диалекте, восстанавливал как < **Tu-luk* < *Turk* [Hirth, 1899, S. 68–69].

множественности +t) [Harmatta, 1972, p. 272–273; Kasai Yukiyo, 2012, S. 111–116; Kasai Yukiyo, 2014, p. 102–110]. Согдийский аффикс +t, однако, не предполагает наличия какого-либо разделительного гласного, почему, следуя гипотезе Й. Харматты, приходится предполагать исходное **turky* (или **turken*)¹¹.

Соответственно, личное имя **Türk šad* получает свое логическое объяснение.

В скандинавской мифологической традиции местные боги выводятся из Трои (*Tyrjóa*), аналогом обозначения которой является Тиркланд (*Tyrkland*) [MacMaster, 2014, p. 9; Del Zotto, 2015, p. 62]. Впервые последнее наименование упоминает Ари Торгильссон в «Книге об исландцах» (*Íslendingabók*, 1122–1133 гг.), возводя происхождение династии Инглингов к «Ингви, королю тюрков» (*Yngvi Tyrkjakonungr*). Примечательно, что в анонимном тексте «Истории Норвегии» (*Historia Norvegiae*), где дан более расширенный опус о династах, сведения о которых также взяты из утраченной скальдической песни «Перечень Инглингов» (*Ynglingatal*), написанной в IX в. Тьодольфом из Хвинира, нет подобного упоминания. Это позволяет думать, что священник Ари мог получить эти сведения из франкской традиции, прямо или опосредованно [Del Zotto, 2015, p. 62].

Творивший в первой половине XIII в. скальд Снорри Стурлуссон, также использовавший поэму «Перечень Инглингов» (*Ynglingatal*), передает в прологе к циклу «Младшая Эдда» версию традиции связи тюрков (*Tyrkjar*) с троянцами, вероятно, независимую напрямую от латинских источников [MacMaster, 2010, p. 9; Del Zotto, 2015, p. 63–64], где впервые упоминает с связи с тюрками-троянцами (*Tyrkjar*) *Æsir*, — наименования группы скандинавских богов, к которым принадлежал Один и его потомство, — называя их «людьми из Азии» (*Ásiamanna*) [MacMaster, 2014, p. 7–9]. Вероятно, эта привязка вызвана внешним созвучием основ, обусловившей происхождение народной этимологии слова *Æsir* [Del Zotto, 2015, p. 63]. Др.-сканд. *Æsir* (ед. ч. *Áss*) имеет германскую этимологию, будучи отражен в названии германской руны /a/ (**Ansuz*) и связан, по Якобу Гримму, с норв. *áss* ‘pole’ (‘ось’) и лат. *asser* [Del Zotto, 2015, p. 57–58]. Соответственно, сомнительна и связь слова *Æsir* с **ās-*, этнонимом, сочетающегося в источниках с упоминанием алан [Алемань, 2003, с. 35–36]. В любом случае, происхождение *Æsir* также Снорри Стурлуссоном связывается с тюрками-троянцами, вероятно, не только на основе мнимой этимологии, но и на том основании, что на той территории, где должна была располагаться Троя, в современную ему эпоху действительно жил народ, именуемый *тюрками* [MacMaster, 2010, p. 10]. По некоторому предположению, ассоциация названия *тюрков*, едва ли известного в изначальном значении скандинавам, и *троянцев* возникла посредством соотнесения названия первых с этнонимом *Teucri*, упоминавшимся у некоторых античных авторов в отношении населения Трои [Del Zotto, 2015, p. 63–64].

Подобный пример фальшивых этимологий предстает в другом скандинавском источнике. Географический трактат, фигурирующий в историографии под названием «Описание мира и священное знание» (*Heimshýsing ok helgífræði*), помещенный в сборнике XIV в., составленном Хауком Эрлендссоном и известном как «Книга Хаука» (*Hauksbóke*),

¹¹ Й. Харматта предположил, что китайская транскрипция передает форму множественного числа этнонима, воспринятую через согдийцев: < **türkit* < **turkȳt*, при этом сам этноним *turky* он рассматривал как образование на иранской основе при помощи суффикса *-aka-* [Harmatta, 1972, p. 273 (ср.: [Harmatta, 1962, S. 149])].

содержит отражение точки зрения писавшего в испанском вестготском королевстве Исидора Севильского (ок. 560–636), изложенной им в «Этимологиях» (*Etymologiae sive Origines*). «Описание мира...» говорит о том, что тюрки происходили от Тираса (*Tiras*), сына Иафета, сына Ноя, и переселились в Швецию из Фракии (*A tracia bygdì fyst Tiras sonr Iafeths Noasonar. fra bonum er komen fiod su er Tyrkir heita. þat er oc mioc margra manna mal at þui er fornar bækir visa til at af þui lande bygdist Suifiod...*) [Pritsak, 1981, p. 540; Прицак, 2007, с. 549–550; Del Zotto, 2015, p. 63, note 29]. Сам же Исидор (II.2.32, 89) говорит здесь о происхождении от Тираса фракийцев, пытаясь спекулировать с их этнонимом (*Thraces, Tiraces*) (ср.: [Pritsak, 1981, p. 525; Прицак, 2007, с. 540]).

Попытки возвести к троянцам происхождение скандинавской династии Инглингов, а позже, в XIII в., и скандинавских богов, вероятно, так или иначе, связаны с необходимостью обоснования суверенитета Инглингов, сохранявших на тот момент власть в Норвегии [Del Zotto, 2015, p. 64].

Т. МакМастер объясняет возникновение этой традиции общей популярностью в молодой христианской Европе мотива переселения предков народа на новую землю, предполагающего и наличие богатого славного прошлого, подобно древним израильтянам или древним римлянам, почему для эксплуатации весьма подошел миф о потомках троянцев; в случае со скандинавами XIII в. это имело гораздо большее значение, поскольку в большинстве классических источников Скандинавия фигурировала как отправная точка миграций народов, а теперь сами скандинавы получили возможность обрести идеологическое равенство с теми же римлянами, или франками (после Фредегара) [MacMaster, 2010, p. 11–12].

Соответственно, имя тюрков в форме **türük ~ *türk*, оказавшееся через византийское посредство во франкской историографической традиции, а затем, вероятно, через нее и в скандинавской, обрело известное значение в этногонимических мифах, в общем-то, случайно — во многом благодаря возможности искажения орфографией его фонетического облика и последующих контаминаций с формально сопоставимыми этнонимами и личными именами.

Литература / References

- Алемань А. *Аланы в древних и средневековых письменных источниках*. М., 2003 [Alemany A. *Sources on the Alans: A Critical Compilation*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Бабаяров Г. *Древнетюркские монеты Чачского оазиса (VI–VIII вв. н.э.)*. Ташкент, 2007 [Babayarov G. *Old Turkic coins of Chach oasis (6th–8th centuries A.D.)*. Tashkent, 2007 (in Russian)].
- Прицак О. *Походження Русі. Т. 1. Стародавні скандинавські джерела (крім ісландських саг)*. Київ, 1997 [Pritsak O. *The Origin of Rus'. Vol. 1. Old Scandinavian Sources (other than the Sagas)*. Kyiv, 1997 (in Ukrainian)].
- Прудников В. В. *Deus adiuvā! Норманнские рыцари в Анатолии XI–XII вв.* М., 2019 [Prudnikov V. V. *Deus adiuvā! Norman knights in Anatolia in 11th–12th centuries A.D.* Moscow, 2019 (in Russian)].
- Babayar G. *Köktürk Kağanlığı Sikkeleri Kataloğu. The Catalogue of the Coins of Turkic Qaghanate*. Ankara, 2007 (in Turkish and English).
- Babayar G. *Batı Köktürk Kağanlığı Sikkelerinde Görülen “Türk-Kağan” Tabiri Üzerine. VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi: 30 Eylül — 04 Ekim 2013, İstanbul: bildiri kitabı*. Yayına haz.: M. Özkan, E. Doğan. İstanbul, 2014. S. 75–93 [Babayar G. On the Term “Türk Qaghan” in

- the Western Köktürk Qaghanate Coins. *VIII. Milletlerarası Türkoloji Kongresi: 30 Eylül – 04 Ekim 2013, İstanbul: bildiri kitabı*. Ed. M. Özkan, E. Doğan. İstanbul, 2014. Pp. 75–93 (in Turkish)].
- Beckwith C. I. The Chinese names of Tibetans, Tabghatch, and Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2005. T. 14. P. 5–20.
- Beckwith C. I. The Frankish Name of the King of the Turks. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 2006–2007. T. 15. P. 5–12.
- Chavannes É. *Documents sur les Tou-kiue (Turcs) Occidentaux*. IV. Paris, 1903.
- Del Zotto C. [Ch. 3] From Asia to Scandinavia: The Myth of the Norse Gods Æsir. Fernandes A. R., Serra J. P., Fonseca R. C. (eds.). *The Power of Form: Recycling Myths*. Cambridge, 2015. P. 57–66.
- Eckhardt A. La légende de l'origine troyenne des Turcs. *Körösi Csoma Archivum*. II. köt. 1926–1932. Leiden, 1967. Pp. 422–423.
- Ewig E. Trojamythos und fränkische Frühgeschichte. Geuenich D. (Hrsg.). *Die Franken und die Alemannen bis zur "Schlacht bei Zülpich" (496/97)*. Berlin, New York, 1998. S. 1–30.
- Franke O. *Geschichte des chinesischen Reiches: eine Darstellung seiner Entstehung, seines Wesens und seiner Entwicklung bis zur neuesten Zeit*. III. Band: *Anmerkungen, Ergänzungen und Berichtigungen zu Band I und II. Sach- und Namen-verzeichnis*. IX. Berlin, Leipzig, 1937.
- Harmatta J. Byzantinoturcica. *Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1962. T. X. Fasc. 1–3. S. 131–150.
- Harmatta J. Irano-Turcica. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1972. T. XXV. *LIVDOVICO LIGETI SEPTVAGENARIO HOC VOLVMEN DAMVS DICAMVS DEDICAMVS*. P. 263–273.
- Hirth F. Nachworte zur Inschrift des Tonjukuk. Beiträge zur Geschichte der Ost-Türken im 7. und 8. Jahrhundert nach chinesischen Quellen. Radloff W. *Die alttürkischen Inschriften der Mongolei. Zweite Folge*. Saint Petersburg, 1899. S. 1–140.
- Kasai Yukiyo. Die alttürkischen Wörter aus Natur und Gesellschaft in chinesischen Quellen (6. und 9. Jh.). Der Ausgangsterminus der chinesischen Transkription *tū jué* 突厥. Heuer B., Kellner-Heinkele B., Schönig C. (Hrsg.). *"Die Wunder der Schöpfung". Mensch und Natur in der türkischsprachigen Welt*. Würzburg, 2012. S. 81–141.
- Kasai Yukiyo. The Chinese Phonetic Transcriptions of Old Turkish Words in the Chinese Sources from 6th–9th Century: Focused on the Original Word Transcribed as *tū jué* 突厥. 内陸アジア言語の研究 [Nairiku ajia gengo no kenkyū]. *Studies on the Inner Asian languages*. 2014. Vol. XXIX. Pp. 57–135.
- Lurje P. B. *Personal Names in Sogdian Texts (Iranisches Personennamenbuch. Bd. II. Mitteliranische Personennamen. Fasc. 8)*. Wien, 2010.
- MacMaster T. J. The Origin of the Origins: Trojans, Turks and the Birth of the Myth of Trojan Origins in the Medieval World. *Atlantide*. 2014. Vol. 2. Pp. 1–12.
- Markwart J. Kultur- und sprachgeschichtliche Analekten. *Ungarische Jahrbücher*. 1929. Bd. IX. H. 1. S. 68–103.
- Markwart J. *Weibrot und Arang untersuchungen zur mythischen und geschichtlichen landeskunde von Ostiran*. Leiden, 1938.
- Marquart J. Historische Glossen zu den alttürkischen Inschriften. *Wiener Zeitschrift für die Kunde des Morgenlandes*. 1898. 12. S. 157–200.
- Marquart J. Untersuchungen zur geschichte von Eran II. *Philologus: Zeitschrift für das klassische Altertum, Supplementband*. 1905. Supplementband X. Hf. 1. S. 1–258.
- Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. Bang W., Marquart J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin, 1914. S. 25–238.
- Meserve M. *Empires of Islam in Renaissance Historical Thought*. Cambridge, 2008.
- Moravcsik Gy. *Byzantinoturcica*. Bd. II. *Sprachreste der Turkvolker in den byzantinischen Quellen*. 3. unv. Aufl. XXV. Leiden, 1983.

- Ögel B. Doğu Göktürkleri hakkında vesikalar ve notlar. *Belleten*. 1957. Cilt: XXI. Sayı: 81. S. 81–137 [Ögel B. Documents and Notes on Eastern Gökturks. *Belleten*. 1957. Cilt: XXI. Sayı: 81. S. 81–137 (in Turkish)].
- Parker E. H. Inscriptions de l'Orkhon; Deshifrées par Vilh. Thomsen, Professor de Philologie comparée à l'Université de Copenhague. *Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society*. 1897. 31. Pp. 1–39.
- Parker E. H. The Early Turks (From the CHOU SHU). *The China Review, or notes & queries on the Far East*. 1899. 24.3. Pp. 120–130.
- Pelliot P. L'Origine de T'ou-kiue, nom chinois des Turcs. *T'oung Pao*. 1915. Vol. XVI. Pp. 687–689.
- Polgár Sz. The Ethnonyms Turci, Turchi in the Medieval (western) European Latin Sources. *Chronica: Annual of the Institute of History University of Szeged*. 2011. Vol. 11. Pp. 104–112.
- Pritsak O. *The Origin of Rus'*. Vol. 1. *Old Scandinavian Sources other than the Sagas*. Cambridge, 1981.
- Pulleyblank E.G. The Chinese name for the Turks. *Journal of the American Oriental Society*. 1965. 85.2. Pp. 121–125.
- Schlegel G. *Die chinesische Inschrift auf dem uigurischen Denkmal in Kara Balgassun*. XV. Helsingfors, 1896.
- Seiler A. Writing the Germanic languages: the early history of the digraphs <th>, <ch> and <uu>. Conti A., Da Rold O., Shaw Ph. (eds.). *Writing Europe, 500–1450: Texts and Contexts*. Cambridge, 2015. Pp. 101–121.
- Sinor D. The Legendary Origin of the Türks. Žygas E. V., Voorheis P. (eds.). *Folklorica: Festschrift for Felix J. Oinas*. Bloomington, 1982. Pp. 223–257.
- Stotz P. *Handbuch zur lateinischen Sprache des Mittelalters*. Bd. III: *Lautehre*. XX. München, 1996.
- Wagner N. Die Torci bei Fredegar. *Beiträge zur Namenforschung*. 1984. 19. S. 402–410.
- Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. *Си ту-цзюэ ши-ляо. Бу-цзюэ цзи као-чжэн* 西突厥史料补阙及考证. Пекин [北京], 1958(1) [Cén Zhòngmiǎn. *Xī tūjué shǐliào bǔ quē jí kǎozhèng*. Beijing, 1958(1) (in Chinese)].
- Цэнь Чжун-мянь 岑仲勉. *Ту-цзюэ цзи ши* 突厥集史. Пекин [北京], 1958(2) [Cén Zhòngmiǎn. *Tūjué jí shǐ*. Beijing, 1958(2) (in Chinese)].

ОПИСАНИЕ СУДЬБЫ ГОРОДОВ ХОРАСАНА И МАВЕРАННАХРА В ГОДЫ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ В АРАБО-ПЕРСИДСКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ СОЧИНЕНИЯХ

© 2020

Д. М. Тимохин*

Монголо-хорезмийская война 1219–1221 гг. по праву считается важной вехой в истории стран Среднего Востока, а ее последствия во многом заметны и в последующей судьбе соседних регионов. Едва ли не главный удар монгольской армии пришелся по землям Хорасана и Мавераннахра, где множество больших и малых городов сполна испытали все ужасы вторжения армии Чингиз-хана. Судьба этих населенных пунктов и их жителей достаточно давно стали объектом исследовательского внимания, однако до сих пор ученые реконструируют эти события, опираясь, преимущественно, на арабо-персидские исторические сочинения XIII в., а также на более поздние памятники. В рамках данной статьи мы хотели бы обратить внимание арабо-персидские географические сочинения эпохи монгольского нашествия и господства на Среднем Востоке. Такого рода тексты сравнительно мало привлекались исследователями для выстраивания картины монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. и тем более для анализа того, что стало с городами Хорасана и Мавераннахра и их жителями после вторжения монгольских завоевателей. В данном исследовании нами не ставится в качестве цели анализ всего многообразия арабо-персидских географических сочинений этого времени, а будут приведены лишь отдельные примеры для того, чтобы продемонстрировать каким информационным потенциалом обладают данные памятники по интересующей нас проблематике. Отчасти нам хотелось бы вновь обратиться к проблеме того, как складывалась судьба жителей городов, которые оказались захвачены монголами в ходе войны с Хорезмом, однако в большей степени хотелось бы вновь привлечь внимание специалистов к отдельным арабо-персидским географическим сочинениям, способным дополнить сведения собственно исторических текстов, как наиболее ранних, так и принадлежащих к числу памятников придворной монгольской историографии. Статья призвана стимулировать исследовательский интерес как к отдельным сочинениям, приведенным в этой работе, так и в целом к арабо-персидским географическим сочинениям.

Ключевые слова: арабо-персидские географические сочинения, Хорезм, монголы, Хорасан, Мавераннахр, Чингисхан.

Для цитирования: Тимохин Д. М. Описание судьбы городов Хорасана и Мавераннахра в годы монгольского нашествия в арабо-персидских географических сочинениях. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 100–112. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-100-112

* Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9093-5269

DESCRIPTION OF KHORASAN AND TRANSOXIANA CITIES' LOT DURING THE MONGOL INVASION IN THE ARAB-PERSIAN GEOGRAPHICAL TEXTS

Dmitriy M. Timokhin

The Mongol-Khorezm war of 1219–1221 is widely considered an important milestone in the history of the Middle East, and its consequences are largely noticeable in the subsequent fate of neighboring regions. Almost the main blow from the Mongol invasion fell on the lands of Khorasan and Transoxiana, where many large and small cities fully experienced all the horrors of Genghis Khan's army advance. The fate of these localities and their inhabitants has long been the object of researchers' attention, but scientists are still reconstructing those events, relying mainly on the Arab-Persian historical writings of the 13th century, as well as some later written monuments. In this article, we would like to draw attention to the Arab-Persian geographical texts of the Mongol invasion era and domination in the Middle East. Such texts were relatively little used by researchers to build a picture of the Mongol-Khorezm war of 1219–1221 and especially for the analysis of what became of the cities of Khorasan and Transoxiana and their inhabitants after the invasion of the Mongol conquerors. In this study, we do not aim to analyze the entire variety of Arab-Persian geographical works of the time, but provide only individual examples in order to demonstrate the informational potential of those sources. In part, we would like to return to the problem of the fate of the inhabitants of the cities captured by the Mongols during the war with Khorezm, but more importantly, to draw attention to certain Arab-Persian geographical texts, supplementing the information of the actual historical texts, both the earliest and belonging to the corpus of the Mongol court historiography. The author hopes to stimulate research interest both to the individual works cited in this publication, and in General in Arab-Persian geographical texts.

Keywords: Arab-Persian geographical texts, Khorezm, Mongols, Khorasan, Transoxiana, Genghis Khan.

For citation: Timokhin D. M. Description of Khorasan and Transoxiana Cities' Lot during the Mongol Invasion in the Arab-Persian Geographical Texts. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 100–112. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-100-112

Монгольское завоевание государства хорезмшахов из династии Ануштегинидов не только имеет богатую историографию (прежде всего, благодаря исторической значимости данного события), но и нашло отражение в многочисленных, преимущественно арабо-персидских, источниках. Начиная с классических исследований XIX — начала XX вв., можно наблюдать любопытную традицию, складывающуюся в рамках различных исторических школ¹. Речь идет о преимущественном использовании для реконструкции событий монгольского завоевания Хорезмийской державы именно арабо-персидских исторических сочинений. В то же время географическим сочинениям и схожим с ними по цели создания памятникам в рамках такого рода исследований уделялось гораздо меньше внимания. С одной стороны, это объясняется тем фактом, что подобного рода средневековые сочинения в действительности обладают гораздо меньшим

¹ Существенным исключением в данном случае следует признать лишь классическое исследование В. В. Бартольда, где была максимально задействован весь корпус арабо-персидских источников, включая географические и историко-географические сочинения. См.: [Бартольд, 1963].

информационным потенциалом в отношении монгольского вторжения и его последствий для Ирана и Центральной Азии. С другой стороны, даже в составе такого рода исторических источников можно отыскать ценнейшие сведения по указанной выше проблематике, которые могут, в частности, отсутствовать в рамках собственно исторических трудов той же эпохи. В рамках статьи мы не ставим перед собой цель рассмотреть абсолютно все географические арабо-персидские источники, содержащие информацию о монгольском нашествии. Нам лишь хотелось на примере нескольких арабо-персидских памятников продемонстрировать, какой объем информации по данной проблематике, какого рода сведения могут содержать данные исторические источники. Несомненно, наше исследование не может носить характер окончательного, однако, надеемся, что оно привлечет научный интерес к продолжению работы в данном направлении.

В качестве первого примера исторического источника, содержащего информацию о монгольском завоевании Хорезмийской державы, следует привести географическое сочинение «Му‘джам ал-булдан» («Словарь стран») [Йакут ал-Хамави, 1988; Материалы по истории туркмен, 1939; Йакут ал-Хамави, 1985, с. 101–161; Barbier de Meynard, 1970] Шихаб ад-Дина Абу Абдаллаха Йакута ибн Абдуллаха ал-Хамави (1178/1179–1229), известного ученого и путешественника. На момент начала монголо-хорезмийской войны он жил в Мерве и вынужден был бежать от монгольской угрозы из пределов хорезмийской державы. Биография автора достаточно хорошо известна и подробно описана исследователями как XIX, так и XX вв. (см., например: [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 35–36; Barbier de Meynard, 1970, р. I–XXI]), в связи с чем хотелось бы остановиться на особенностях самого «Му‘джам ал-булдан». «Словарь Якута является сочинением компилятивным, но для нас он во многих случаях имеет значение первоисточника, так как большинство использованных в нем сочинений до нас не дошло» [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 36]. Из наиболее значимых источников сочинения Йакута ал-Хамави следует отметить труд автора XI в. ‘Абд ал-Керима ибн Мухаммада ибн Мансура ас-Сам‘ани «Китаб ал-Ансаб» («Книга нисб») (см.: [Камалидинов, 1993]), к которому автор обращался особенно часто, а также более ранние сочинения ал-Балазури, Ибн Хишам, Ибн Фадлана и Абу Дулефа. Помимо опоры на письменные памятники автор также прибегал к использованию информации, базирующейся на собственных наблюдениях и рассказах других путешественников [Материалы по истории туркмен, 1939, с. 36].

В самом сочинении «Му‘джам ал-булдан» хотелось бы обратить внимание прежде всего на описание судьбы города Мерва, в котором долгое время жил Йакут ал-Хамави в годы монгольского нашествия. «Именно так было, когда я покидал Мерв в 616 г. х (1219 г.); город, находившийся в составе весьма процветающего государства. Его две огромные мечети, одна из которых принадлежала Шафиитам и другая Ханафитам, были объединены общей оградой. Спустя три года, когда я вернулся в этот город, я обнаружил там болезнь, которую называл бы червем Медины, она свирепствует здесь с большим ожесточением каждый год, и сложно избежать наносимого ею ущерба². Если бы не нашествие Татар и бедствий, которые стали результатом этого, я хотел бы окончить свою жизнь в Мерве, настолько соблазнительна для меня мягкость,

² Имеется в виду, по всей видимости, «дракункулез» или «ришта», то есть гельминтоз, вызываемая круглыми червями *Dracunculus medinensis*. — Д. Т.

доброжелательность, учтивость его жителей, и привлекательны те богатства, которые содержатся в различных книгах, преимущественно религиозных» [Barbier de Meynard, 1970, р. 529–530]. Как видно из описания, судьба Мерва представляется автору печальной, однако достаточных подробностей о его участии и судьбе его жителей в труде Йакута ал-Хамави не приводится. Однако качественно иная картина в этом историческом источнике наблюдается при описании судьбы Нишапура в годы монгольского нашествия.

«Новый город Нишапур, впоследствии имевший разнообразную судьбу, был самым цветущим, самым богатым, и самым густонаселенным на земле; в то время его называли вратами Востока и местом встречи всех караванов. Так продолжалось до 618 г. х. В это время, эти орды безбожных Тюрков, называемых татарами, пришедшие из земель, расположенных за Амударьей, вторглись в Хорасан и соседние регионы. Мухаммад, сын Текеша, сын ал-Арслана, правитель Хорезма, который правил всем Востоком вплоть до Хамадана, с их приближением бежал и затем, претерпев множество жестоких лишений и подвергаясь преследованиям, рассказ о которых потребует слишком много времени, умер беглецом в Табаристане. Почти все Хорасанцы и соседние жители также бежали в Нишапур, поскольку он был укреплен с весьма большими стараниями. Армия неверных Тюрков появилась, наконец, перед его стенами, и их ожидало здесь энергичное сопротивление. Их глава, приблизившись днем к укреплениям, был убит стрелой, которую послал один из жителей Нишапура. Тюрки, придя в ужас, оседлали лошадей и отправились в великой спешке к своему правителю, именуемому Чингиз-ханом. Он сам во главе всех своих войск двинулся к Нишапуру, поскольку военачальник, которого убили, был супругом его дочери. Город был атакован с яростью. Утверждают, что некий человек из семьи Али (алид. — *Д. Т.*), который должен был охранять одни из ворот, вступил в секретные переговоры с Тюрками о том, чтобы впустить их в город, в обмен на обещание назначить его правителем; они пообещали, но, когда вошли в Нишапур, они убили этого предателя и его компаньонов. Другие утверждают, что Тюрки взяли приступом город с помощью осадных орудий и овладели им силой. Жадные до крови и богатств, они сровняли с землей различные кварталы, убивая всех, кого смогли найти без различия возраста и пола; затем они разрушили город и стерли его с лица земли. Они подвергли той же участи небольшие соседние города и раскапывали землю (после этого. — *Д. Т.*), чтобы извлечь сокровища, которые там были погребены. Мне говорили, что они не оставили ни одной стены стоящей. Некоторые люди говорили также, что войска, вернувшиеся к правителю Хорезма³, захватили эти богатства, которые не достались алчности Тюрков» [Barbier de Meynard, 1970, р. 579; Материалы по истории туркмен, 1939, с. 437–438].

Безусловно, данный отрывок из труда Йакута ал-Хамави лишь отчасти перекликается с данными других арабо-персидских источников. В более раннем труде Ибн ал-Асира мы находим следующий рассказ о судьбе Нишапура. «Затем неверные направились в Нишапур и осаждали его пять дней. В нем находилось соединение достойных исламских воинов, но они не смогли противостоять татарам, и те захватили город, выгнали его жителей в степь, перебили их, угнали в неволю жен и подвергли пыткам тех, у кого они подозревали наличие денег, как они это сделали в Мерве. Они

³ Речь идет о хорезмшахе Джалал ад-Дине Манкбурны. — *Д. Т.*

пробыли в нем пятнадцать дней, обыскивая и разрушая жилища в поисках денег. Когда они перебили жителей Мерва, им сказали, что многие из убитых на самом деле оказались невинными и спаслись, уйдя в страну ислама. Поэтому они приказали [отрубить] головы жителям Нишапура, дабы никто из них не уцелел» [ал-Асир, 2006, с. 363]. Однако гораздо ближе описание Йакута ал-Хамави к тексту другого раннего автора, персидского историка ан-Насави. «Когда они (татары) приблизились, то остановились восточнее [города] в деревне Нушджан, где было много деревьев и [имелась] в изобилии вода, [и находились здесь], пока не восполнили нехватку в осадных орудиях: защитных стенах (матарис), подвижных башнях (даббаба), катапультах (манджаник) и таранах (джамалунат). Они доставили [эти орудия] к нему (Нишапуру) и в тот же день установили двести катапульт с полным оснащением и стреляли из них. Через три дня они овладели им и причинили ему то же, что и остальным городам. Он стал таким же, как и другие, и по нему прошел поток, его охватило крутом несчастье, и оплакивали его день и ночь. Затем они (татары) приказали пленным сравнять его лопатами, пока земля не стала ровной, без комьев и камней, и всадник, играя в мяч, не мог бы споткнуться. Большая часть жителей города погибла под землей, так как они до этого устроили себе подвалы и подземные ходы, полагая, что там смогут удержаться» [ан-Насави, 1973, с. 99]. Персидский историк также сообщает о сокровищах жителей Нишапура, оставшихся под землей; «откапывание кладов отдавалось на откуп за три тысячи динаров в год. Чаще всего откупщик брал на себя уплату такой суммы, и в один день добывал ее, ибо деньги были засыпаны в ямах вместе с владельцами» [ан-Насави, 1973, с. 99].

В более поздних памятниках, например, у Джувейни, отсутствует эпизод, связанный с поисками сокровищ погибших жителей Нишапура, однако присутствуют сведения о том, что город сровняли с землей, однако без указания на то, что многие жители погибли под землей. Лишь в одном случае персидский историк упоминает подземный ход, но это касалось судьбы лишь одного человека, а не огромного числа жителей города [Джувейни, 2004, с. 118]. «После этого они выгнали всех оставшихся в живых, мужчин и женщин, из города на равнину; и чтобы отомстить за смерть Тогачара, было приказано разрушить город до самого основания, чтобы потом это место можно было перепахать; и чтобы во исполнение мести в живых не осталось даже кошек и собак» [Джувейни, 2004, с. 118]. У еще более позднего Рашид ад-Дина вообще отсутствует подробный рассказ о взятии Нишапура, лишь указывается на то, что этот город был захвачен монголами наряду с другими крупными городами Хорезмийского государства [Рашид ад-Дин, 2002, с. 219].

Как видно из приведенных выше цитат, общим местом как в ранних, так и в поздних памятниках является разрушение Нишапура до основания и гибель населения и гарнизона этого города. Однако приведенные данные из текста Йакута ал-Хамави относительно гибели жителей в подземных коммуникациях после взятия Нишапура, а также последующий поиск сокровищ на месте разрушенного города не нашли отражения в поздних сочинениях. Единственный текст, в котором содержатся схожие детали судьбы города и его жителей, сформирован персидским историком ан-Насави, как и труд Йакута ал-Хамави, в первой половине XIII в. К сожалению, у нас нет никаких данных относительно связи между этими двумя историческими источниками, чтобы говорить о какой бы то ни было историографической преемственности, однако данный

факт, по меньшей мере, любопытен. Важно и то, что труд Йакута ал-Хамави был написан ранее труда ан-Насави, однако сочинения последнего содержит в себе важные подробности, особенно о поиске кладов после разрушения Нишапура, отсутствующие в более раннем тексте. Наконец, нельзя не отметить, что информация из «Муджам ал-булдан», несомненно, прекрасно дополняет сведения из собственно исторических арабо-персидских сочинений, особенно на фоне более скурых описаний взятия Нишапура монголами в более поздних памятниках, как, например, в труде Рашид ад-Дина.

Следующим географическим сочинением, которое нам хотелось бы рассмотреть, является «'Аджа'иб ад-дунйа» («Диковинки мира») ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993], составленный между 1220–1221 и 1230–1231 гг. ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 26]. Авторство данного источника некоторое время оставалось предметом научной дискуссии, однако составитель и переводчик Л. П. Смирнова убедительно доказывает, что Абу-л-Муаййад Балхи, ученый эпохи Саманидов, не имел отношения к созданию данного сочинения, а являлся лишь одним из источников для анонимного автора первой половины XIII в. ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 22–26]. Сам по себе жанр «'аджа'иб» подразумевает одновременно наличие в тексте научных, географических сведений и информации развлекательного характера, так что и о самом сочинении «'Аджа'иб ад-дунйа» можно сказать, что «оно является литературным образцом научно-популярной и развлекательной прозы» ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 9]. В качестве источников, легших в основу данного памятника, выделяют труд Наджиба Хамадани «'Аджа'иб ал-махлукат» («Диковинки сотворенного»), недошедший до нас труд Абу-л-Му'аййада Балхи «'Аджа'иб-и барр-у бахр» («Диковинки суши и моря»), неизвестный труд Абу Мути' Балхи, а также целый ряд других исторических и географических сочинений, устные рассказы и собственные наблюдения автора ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 27–35].

В отличие от предшествующего сочинения, в «'Аджа'иб ад-дунйа» не приводятся данных о каком-либо конкретном населенном пункте Хорасана и Мавераннахра в годы монгольского нашествия, однако при этом сведения о самом этом вторжении в тексте есть. «В это время, когда я, раб, собрал [свою книгу], в 617 / 1220 г., выступили тюрки-татары. Они дошли до Ирака Персидского и совершили бесчисленные убийства. Говорят, будто их правитель знаком с колдовством. Они заклинаниями превращают воду в лед, а на людей и неприятеля насылают ливни и грозы. Это — свойство камня, о котором будет рассказано в своем месте. Не было видно никакого конца продвижению тех тюрков» ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 106–107]. Как видно из данного отрывка, автор указанного источника слабо знаком с подробностями монгольского описания Хорасана и Мавераннахра: даже при описании городов этих регионов не приводятся никаких подробностей об их судьбе в годы монгольского нашествия. Так, например, можно увидеть отсутствие подобных данных при описании Самарканда ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 208] или Хорезма ['Аджа'иб ад-дунйа, 1993, с. 197–198], однако автор отмечает множество разрушений, ставших следствием вторжения завоевателей, а также тот факт, что их войска дошли до Ирака Персидского, что соответствует времени написания самого источника. Помимо войск Джебэ и Субэдэя к началу 1230-х гг. монгольские войска действительно не продвигались дальше Ирака Персидского, как совершенно справедливо отмечает автор «'Аджа'иб ад-дунйа».

Среди более поздних арабо-персидских географических сочинений хотелось бы выделить созданный в 1350-е гг. труд «Тухфат ан-нуззар фи гарайб ал-амсар ва аджаиб ал-асфар» («Подарок созерцающим о диковинках городов и чудесах странствий») Мухаммада ибн Абдаллаха ибн Мухаммада ат-Таджи, более известного под именем Ибн Баттуты [Ibn Battuta, 1969–1970; Ибрагимов, 1988]. Данный памятник фигурирует в российской и зарубежной историографии в большей степени под названием «Путешествия Ибн Баттуты» и содержит обширный пласт информации по истории и географии различных регионов и стран XIV в., а также и более ранних событиях. Несомненно, текст «Тухфат ан-нуззар» предлагает многие весьма оригинальные сведения и авторские трактовки, однако в отличие от представленных выше сочинений, данный памятник в меньшей степени связан с письменной традицией, а приводимые автором данные базируются на устных рассказах и собственных наблюдениях Ибн Баттуты. «По своей форме оно принадлежит к популярному в географической литературе того времени жанру рихла (араб. «путешествие»). Произведения этого жанра оформлялись, как правило, в виде дневника и содержали описания посещенных тем или иным путешественником стран. Специфика «Путешествия» Ибн Баттуты объясняется тем, что сам он не был ни ученым-географом, ни литератором. Он не демонстрирует ни знакомства с географической письменностью своего времени, ни владения изысканным литературным стилем» [Янковская, 2011, с. 294]. В целом, исследователи сочинения Ибн Баттуты подчеркивают особенности формирования нарратива, как в отношении «Тухфат ан-нуззар», так и последующих версий этого текста, выделяя этот памятник на фоне других географических сочинений, как ранних, так и более поздних (см.: [Ибрагимов, 1988; Крачковский, 1957; Крымский, 1914; Янковская, 2011, с. 292–298; Ferrand, 1913–1914]).

В рамках исторического сочинения «Тухфат ан-нуззар» можно найти большой объем информации относительно судьбы городов Хорасана и Мавераннахр в годы монгольского нашествия. В качестве примера можно привести относительно краткое описание Бухары и ее судьбы в тексте Ибн Баттуты. «Бухара — центр региона Мавераннахр, которым завладел Чингиз Татарин Проклятый, предок падишахов Ирака и Ирана. В результате, мечети и базары, за исключением небольшого числа, лежат в руинах. [Население этого города] существует в крайне бедственном и приниженном положении, чему свидетельством является тот факт, что бухарцы в Хорезме и других местах не одобряются, поскольку жители этого города прославились фанатизмом, тщетными спорами и невыплатой долгов. И в настоящее время в Бухаре не появилось никого, кто мог бы что-либо в науках постичь или благосклонность приобрести и в искусстве проявить себя» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 414].

Как видно из этого описания, Ибн Баттута в большей степени концентрируется на описании состояния города и его жителей в монгольский период, то есть уже после монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., видя в последней причину упадка некогда великого города. Однако это не единственный рассказ о взятии монголами Бухары в рамках данного исторического источника — автор выделяет для этого также отдельную главу с названием «О начале дела татар и рассказ о разрушении Бухары» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 414]. В ней автор начинает рассказ с того, что описывает происхождение Чингисхана и начало его завоевательной деятельности: «Чингиз-хан

был кузнецом⁴ в земле Хота (Китай. — Д. Т.), который отличался большой силой и дружелюбием, люди вокруг него собирались и он их кормил. Постепенно число их росло, и он стал над ними главой, а затем Чингиз воспользовался их помощью для взятия города и день ото дня усиливался и мощь его возрастала. Дела его шли великолепно и численность его войска преумножалась и он захватил Баладахтан (Баласагун. — Д. Т.), Капгар и Алмалык» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 414]. Безусловно, перед нами легендарный вариант биографии монгольского правителя, аналог которому в арабо-персидских источниках найти сложно. При этом в приведенной цитате отмечены земли Восточного Туркестана, вошедшие в состав монгольской державы накануне столкновения с Хорезмом, чему можно найти подтверждение в других арабо-персидских источниках (см.: [ал-Асир, 2006, с. 346; ан-Насави, 1973, с. 49–54; Джувеини, 2004, с. 43–45]).

Далее Ибн Баттута излагает причины монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг., особое внимание уделяя «Отрарскому инциденту»: «В это время правил Джалал ад-Дин Санджар сын хорезмшаха султана Хорезма, Хорасана и Мавераннахра и обладал могуществом и великой силой. Чингиз его боялся и держался от него в стороне. Неожиданно группа из купцов Чина и Хота с товарами тех государств с шелковыми тканями и тому подобным со стороны Чингиз-хана прибыли в город Отрар, который является пограничным городом хорезмшаха. Вали Отрара об этих событиях хорезмшаху весть отправил, от него хотел приказ, чтобы знать, каким образом с ними поступить. Фирман шаха по этому поводу был следующего содержания, что имущество их забрать, а их самих, предварительно изуродовав им лица, отправить обратно в их города. И тогда Божье предопределение допустило страдания народу Востока и его пленение из-за злосчастного решения и стало явным дурное предвестие от него» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 414–415]. Прежде всего, отметим очевидную ошибку Ибн Баттуты, связанную с тем, что накануне и во время столкновения с монголами, вплоть до 1220 г., Хорезмом управлял ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад, а не Джалал ад-Дин Манкбурны, его старший сын. Ошибка тем более странная, поскольку во всех известных арабо-персидских источниках правление первого из упомянутых хорезмшахов излагается подробно и ни один не указывает на то, что в момент «Отрарского инцидента» Хорезмом управлял другой правитель. При этом само описание этого исторического события в целом укладывается в русло средневековой арабо-персидской историографии, являясь компромиссным вариантом на фоне сообщений Ибн ал-Асира и ан-Насави. Первый указывает на хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, как главного виновника этого убийства [ал-Асир, 2006, с. 348; Джувеини, 2004, с. 52, 258; *Les invasions mongoles*, 1995, p. 26], а второй считает виновником Инал-хана, наместника Отрара, уничтожившего караван по собственной инициативе [ан-Насави, 1973, с. 79].

Несомненно, указание Ибн Баттуты на то, что купцы не были убиты, а лишь обезображены и отправлены восвояси, можно объяснить и тем, что перед нами интересное сочетание реалий «Отрарского инцидента» и последующего посольства Чингисхана ко двору хорезмшаха под руководством Ибн Кафраджа Богра: «В то время, как тюрки были в таком положении, неожиданно к хорезмшаху прибыл посол этого

⁴ Относительно подобного рода происхождения Чингисхана и его имени подробнее см.: [The Secret History of the Mongols, 2004, p. 322]. Все источники, в которых указывалось, что Чингисхан был кузнецом, были подробно разобраны в классической работе: [Pelliot, 1959, p. 290].

проклятого Чингиз-хана с сопровождающими. Он вручил хорезмшаху послание, в котором тот, угрожая, заявил: «Вы убили моих людей и забрали их добро. Готовьтесь к войне! Я иду к вам с войском, которому вы не сможете противостоять»... Чингиз-хан отправил упомянутое послание к хорезмшаху. Когда тот услышал его содержание, он приказал убить посла, и тот был убит. Тем, кто сопровождал его, приказал обрить бороды и вернуть к их хозяину Чингиз-хану. Они сообщили ему о том, как поступил хорезмшах с послом, и передали, что хорезмшах сказал: «Я иду на тебя, хотя бы ты был на краю мира, дабы наказать тебя, и поступить с тобой так же, как поступил с твоими людьми»» [ал-Асир, 2006, с. 350]. Весьма вероятно, что подобное описание судьба данного посольства трансформировалась у Ибн Баттуты в приказ изуродовать лица купцов, прибывших в Отрар. Безусловно, само по себе сообщение последнего об «Отрарском инциденте» представляет собой не только смешение двух точек зрения в арабо-персидской историографии на причину этого события, но и в определенном смысле совмещение двух разных исторических эпизодов.

В дальнейшем мы видим у Ибн Баттуты в той же главе не менее уникальные сведения о том, что наместник Отрара, Инал-хан, по собственной инициативе проводил разведывательные мероприятия в отношении монгольской державы и их войск. «Вали Отрара привел в действие фирман хорезмшаха, и под влиянием этого события Чингиз сам с несметными войсками двинулся к областям Ислама. Вали же Отрара, как только о намерении Чингиза получил извещение, назначил шпионов, чтобы те, выполнив свою работу, принесли ему известие. Говорят, что один из его шпионов в одежде нищего вошел в лагерь одного из полководцев Чингиза, и никто ему кусочка хлеба не дал (нигде ничего съестного не нашел. — Д. Т.), затем пошел в сторону одного из воинов и все, что ни нашел у него, не было ни приятным, ни съедобным. Когда наступила ночь, тот человек, воин, вытащил сушенную кишку, и размочил ее в воде, а затем своему коню сделал кровопускание и блюдо из крови животного в этой кишке на костре поджарил и съел. Шпион, когда это увидел, ушел из лагеря, и от татар сбегал и сказал вали, что никто не сможет сравниться в безграничном терпении с этим народом!» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 415]. Лишь в одном раннем арабо-персидском историческом сочинении, а именно у Ибн ал-Асира, можно найти данные о том, что со стороны Хорезма проводились какие-либо разведывательные действия: «После того как наместник хорезмшаха в Отраре убил людей Чингиз-хана, он подослал к Чингиз-хану лазутчиков, чтобы они узнали, как у него дела, какой по величине авангард его воинства, и что он собирается предпринять. Лазутчики отправились. Они прошли через пустыню и горы на их пути и прибыли к нему. Через долгое время они вернулись к наместнику и сообщили ему, что их великое множество, не поддающееся исчислению, и что они одни из самых стойких в сражениях тварей Аллаха. Они не знают поражений. Необходимое им оружие они изготавливают своими руками» [ал-Асир, 2006, с. 349]. Как видно из этого отрывка, Ибн Баттута лишь отчасти повторяет сообщения Ибн ал-Асира, добавляя иные подробности, которые отсутствуют в труде раннего арабского историка. При этом общая канва событий остается прежней: наместник Отрара по собственной инициативе отправляет разведчиков, чьи сообщения отнюдь не радуют Инал-хана. К сожалению, в более поздних текстах, за исключением самого труда Ибн Баттуты, точка зрения Ибн ал-Асира не получила продолжения.

В дальнейшем мы видим в той же главе «Тухфат ан-нуззар» достаточно любопытное описание собственно монгольского завоевания Хорасана и Мавераннахра, в котором автор обращает внимание на судьбу городов этого региона: «Вали (речь идет об Инал-хане. — Д. Т.) от Джалал ад-Дина получил помощь и он, сверх тех войск, которые уже были в Отраре, на помощь ему прислал шестьдесят тысяч [воинов]. Когда война началась, Чингиз войска султана разбил и предал мечу, и людей того города (Отрара. — Д. Т.) вырезал и детей угнал в рабство. Хорезмшах сам навстречу войску татар выдвинулся, и между ними произошло множество сражений, подобных которым история ислама еще не знала» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 415]. В этой цитате бросается в глаза два важных момента: во-первых, указание на численность дополнительных военных сил, отправленных в Отрар накануне монгольского вторжения. Любопытно, что данные о такого рода подкреплениях, посланных в различные города Хорезмийской державы непосредственно перед началом войны с монголами, содержат и другие арабо-персидские памятники. В частности, можно привести сведения подобного рода из более поздних трудов Мирхонда и Хондамира: «И тогда у него (Мухаммада. — Д. Т.) было 400 тысяч многочисленных воинов. Из тех воинов 50 тысяч человек направил для защиты Отрара на службу Гаир-хану. А когда уже слух о прибытии Чингиз-хана из уст в уста передавался, в том же направлении отправил Гараджи Хаджеба с двумя тысячами других мужей. И назначил еще три тысячи других человек для защиты города» [Mirhond, 1841, s. 123; Khondamir, 1954, s. 650]. Вторым важным моментом станет указание Ибн Баттуты на «множество сражений» между войсками Чингисхана и Джалал ад-Дина Манкбурны. В то же время источники сообщают лишь о двух крупных столкновениях с монголами, в которых участвовал последний хорезмшах в этот период и лишь в одном, в битве на реке Инд, монгольским войском командовал лично Чингисхан [ан-Насави, 1973, с. 127–129; Джувейни, 2004, с. 291; Рашид ад-Дин, 2002, с. 223–224; Qazvini, 1903, p. 420; Histoire des Seldjoucides, 1902, p. 154]. Таким образом, перед нами крайне искаженная на фоне информации из других арабо-персидских источников биография Джалал ад-Дина Манкбурны и его противостояния монгольской угрозе.

Окончание монгольского завоевания Хорезмийского государства в тексте Ибн Баттуты выглядит следующим образом: «В конце концов дела сложились таким образом, что Чингиз-хан овладел всем Мавераннахром, и Бухару, и Самарканд и Тирмид утопил в крови и сровнял с землей. И от реки Джейхун пройдя [далее], овладел Балхом и Бамийаном, и вступил в земли Хорасана и Ирака Персидского. В это время мусульмане Балха и Мавераннахра восстали против татарских гарнизонов, и Чингиз, получив весть об этом, вернулся и взял штурмом Балх, и тот город с землей сровнял. Такое же несчастье свалилось на голову Тирмида, так что выпензенного города на том же месте не возвели и Тирмид современный находится в двух милях от старого Тирмида. Воины Чингиза жителей Бамийана предали поголовному истреблению, и также город, за исключением минарета соборной мечети, сровняли с землей, но Чингиз-хан оставшихся жителей Бухары и Самарканда пощадил и отправился в Ирак. И дело их обошло все концы земли, когда войско татар направило мечи свои против столицы ислама и центра халифата, Багдада, и Муст'асим Биллах халиф Аббасидский, да помилует его Аллах, был ими убит!» [Ibn Battuta, 1969–1970, j. 1, s. 415]. Как видно из этого отрывка, автор предлагает краткий обзор монгольской кампании против Хорезма

и указывает на разрушения городов и уничтожение их населения, не предлагая, впрочем, никаких существенных подробностей относительно судьбы того или иного городского поселения за исключением Тирмида и Бамийана. Что же касается судьбы населения Бухары и Самарканда, то здесь надо отметить следующее: оба города по данным других арабо-персидских исторических источников после некоторого сопротивления были сданы противнику местным населением. При этом жители Бухары частично были использованы в качестве «хашара», а сам был город полностью уничтожен [Джувейни, 2004, с. 70–71]. Примерно та же судьба по данным источникам постигла Самарканд и его население, в связи с чем рассказ о чудесном спасении жителей указанных городов у Ибн Баттуты следует воспринимать с некоторыми оговорками [ал-Асир, 2006, с. 353–355; Джувейни, 2004, с. 71, 78–83; Буниятов, 1986, с. 145–146].

Подводя итоги, хотелось бы обратить внимание на несколько важных моментов. Прежде всего, средневековые арабо-персидские географические сочинения обладают значительным информационным потенциалом для исследования истории монголо-хорезмийской войны 1219–1221 гг. Приводимые их авторами сведения в ряде случаев отсутствуют в собственно исторических произведениях, как ранних, так и более поздних. Мы ни в коем случае не настаиваем на том, что, в случае противоречий между приведенными выше источниками и историческими сочинениями, следует безоговорочно доверять именно географическим памятникам. Гораздо важнее подчеркнуть, что эти сведения также необходимо учитывать при реконструкции событий монгольского вторжения в пределы Хорезмийской державы и соотносить с данными, приводимыми средневековыми арабо-персидскими историками. Несомненно, как это было продемонстрировано на примере трудов Йакута ал-Хамави и Ибн Баттуты, между историческими и географическими текстами можно найти весьма любопытные параллели, однако на данном этапе от более далеко идущих выводов хотелось бы воздержаться.

Несомненно, географические сочинения арабо-персидских авторов предлагают либо очень краткое описание всего монгольского нашествия, либо не описывают его вовсе, однако судьба конкретных городов и населенных пунктов в эту эпоху авторами была все-таки освещена. В результате, именно при описании взятия того или иного городского поселения, судьбы его жителей и правителя крайне важно обращаться в том числе и к географическим текстам. Пример описания действий наместника Отрара, Инал-хана, в тексте Ибн Баттуты во многом заставляет еще раз вернуться к истории «Отрарского инцидента», а также задаться вопросом о том, насколько обе стороны конфликта в монголо-хорезмийской войне изучали возможности друг друга накануне столкновения. Безусловно, проделанная работа не может считаться исчерпывающей хотя бы в виду количества привлеченных здесь географических памятников. Однако хотелось бы верить, что эта небольшая статья привлечет внимание исследователей к информации о монгольском нашествии и судьбе городов Хорасана и Мавераннахра в арабо-персидских средневековых географических сочинениях.

Литература / References

- 'Аджа'иб ад-дунья. Крит. текст, пер. с перс., введ., комм. и указатели Л. П. Смирновой. М., 1993 [*'Aja'ib ad-Dunya*. Tr. from Persian., intr., comm., index by L. P. Smirnova, Moscow, 1993 (in Russian)].
- ал-Асир ибн. «Ал-Камил фи-т-тарих». «Полный свод по истории». Избранные отрывки. Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолiddина. Ташкент, 2006 [*al-Asir Ibn. «al-Kamil Fi-t-Tarikh»*. «The complete History Dook». Selected Excerpts. Tr. by P. G. Bulgakov and Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].
- ан-Насави. *Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны*. Пер. З. М. Буниятова. Баку, 1973 [*an-Nasavi. Life of Sultan Jalal al-Din Mankburny*. Tr. by Z. M. Bunijatov. Baku, 1973 (in Russian)].
- Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В. В. *Сочинения*. М., 1963. Т. 1. С. 43–601 [Barthold V. V. *Turkestan in the Era of the Mongol Invasion*. Barthold V. V. *Works*. Moscow, 1963. Vol. 1. Pp. 43–601 (in Russian)].
- Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231*. М., 1986 [Buniatov Z. M. *The State Of Khorezmshakhs-Anushteginids. 1097–1231*. Moscow, 1986 (in Russian)].
- Джувейни. Чингиз-хан. История завоевателя мира. Пер. Е. Е. Харитонов. М., 2004 [Juwayni. *Genghis Khan. History of the Conqueror of the World*. Tr. by Kharitonov E. E. M., 2004 (in Russian)].
- Ибрагимов Н. *Ибн Баттута и его путешествие по Средней Азии*. М., 1988 [Ibragimov N. *Ibn Battuta and His Journey through Central Asia*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Йакут ал-Хамави. *Алфавитный перечень стран. Арабские источники XII–XIII вв.* Подготовка текстов и переводы В. В. Матвеева и Л. Е. Кубеля. Л., 1985. С. 101–161 [Yakut al-Hamawi. *Alphabetical List of Countries. Arabic Sources of the 12th–13th Centuries*. Ed. and tr. by Matveev V. V., Kubel L. E. Leningrad, 1985. Pp. 101–161 (in Russian)].
- Йакут ал-Хамави. *Му'джам ал-Булдан (Сведения об Азербайджане)*. Баку, 1988 [Yakut al-Hamawi. *Mu'jam al-Buldan (Information about Azerbaijan)*. Baku, 1988 (in Russian)].
- Камалiddинов Ш. С. «Китаб ал-Ансаб» Абу Са'да 'Абд ал-Карима ибн Мухаммада ас-Са'мани как источник по истории и истории культуры Средней Азии. Под ред. П. Г. Булгакова. Ташкент, 1993 [Kamaliddinov Sh. S. «*Kitab al-Ansab*» Abu Sa'da 'Abd al-Karim Ibn Muhammad as-Sa'mani as a Source for Central Asian History and History of Culture. P. G. Bulgakov (ed.). Tashkent, 1993 (in Russian)].
- Крачковский И. Ю. *Избранные сочинения в 6-ти томах*. Том IV. *Арабская географическая литература*. М.–Л., 1957 [Krachkovsky I. Yu. *Selected Works in 6 vols*. Vol. IV. *Arabic Geographical Literature*. Moscow, Leningrad, 1957 (in Russian)].
- Крымский А. Е. *История арабов и арабской литературы, светской и духовной*. М., 1914. Ч. 1–3 [Krymsky A. E. *History of the Arabs and Arabic Literature, Secular and Spiritual*. Moscow, 1914. Vols. 1–3 (in Russian)].
- Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. I. VII–XV вв. *Арабские и персидские источники*. Под ред. Волина С. Л., Ромаскевича А. А., Якубовского А. Ю. М.–Л., 1939 [Materials on the History of Turkemens and Turkmenistan. Vol. I. 7th–15th Centuries. Arab and Persian Sources. Volin S. L., Romaskevich A. A., Yakubovsky A. Yu. (eds.). Moscow, Leningrad, 1939 (in Russian)].
- Рашид ад-Дин. *Сборник летописей*. в 3 тт. Пер. А. К. Арендса, Ю. П. Верховского, О. И. Смирновой, Л. А. Хетагурова. Т. 1, кн. 2. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles*. in 3 vols. Transl. by A. K. Arends, Yu. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Vol. 1.2. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Янковская А. А. Сообщения арабского путешественника XIV в. Ибн Баттуты о Малайском архипелаге: проблемы интерпретации источника. Мальцева С. В., Станюкович-Денисова Е. Ю. (ред.). *Актуальные проблемы теории и истории искусства: сборник научных статей*. Вып. 1. СПб., 2011. С. 292–298 [Yankovskaya A. A. Messages of an Arab Traveler of

- the 14th Century Ibn Battuta on the Malay Archipelago: Problems of Interpretation of the Source. Maltseva S. V., Stanyukovich-Denisova E. Yu. (Eds.). *Actual Problems of Theory and History of Art: Collection of Academic Articles*. Vol. 1. Saint Petersburg, 2011. Pp. 292–298 (in Russian)].
- Barbier de Meynard C. *Dictionnaire géographique, historique et littéraire de la Perse et des contrées adjacentes. Extrait en traduction française avec quelques textes originaux, du Mo'djem el-Bouldan, dictionnaire des pays, de Ibn Abdallah el-Roumi el-Hamawi Yaqout, 1179–1229 a. d. et complète à l'aide de documents arabes et persan pour la plupart inédits avec préface analytique et des notes critiques*. Amsterdam, 1970.
- Ferrand G. *Relations de voyages et textes géographiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du XIII-e au XVIII-e siècles*. Trad. G. Ferrand. T. 1–2. Paris, 1913–1914.
- Histoire des Seldjoucides d'Asie Mineure d'après l'abrége du Seldjouknameh d'Ibn-Bibi*. Texte Persan. Recueil de textes relatifs à l'histoire des seldjoucides. Ed. M. Th. Houtsma. Vol. IV. Leiden, 1902.
- Ibn Battuta. *Safar nama-i Ibn Battuta. Tardjoma-i Muhammad Ali Muvvabid*. J. 1–2. Tehran, 1969–1970 [Ibn Battuta. *Description of the Journey of Ibn Battuta. Tardjoma-i Muhammad Ali Muvvabid*. Vol. 1–2. Tehran, 1969–1970 (in Persian)].
- Khondamir. *Habib as-siyar*. J. 2. Tehran, 1954 [Khondamir. *Friend of the Biographies*. Vol. 2. Tehran, 1954 (in Persian)].
- Les invasions mongoles en Orient vécues par un savant médiéval arabe ibn Abi l-Hadid al-Madâ'ini, 1190–1258 J. C: Extrait du Sharh Nahj al-balâgha*. Trad. M. Djebli. Paris, 1995.
- Mirhond. *Histoire de sultan du Kharezme. Le texte persan. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, arméniens et indostanis*. Paris, 1841.
- Pelliot P. *Notes on Marco Polo*. Vol. I. Paris, 1959.
- Qazvini Hamdallah. *Taribi gouzide*. Trad. Y. Le Strange. Vol. 1. Paris, 1903.
- The Secret History of the Mongols: A Mongolian. Epic Chronicle of the Thirteenth Century*. Tr. by Igor de Rachewiltz. Leiden, Boston, 2004.

ТУРЕЦКИЙ КОНТИНГЕНТ В КОММУНИСТИЧЕСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОКА. ЧАСТЬ I

© 2020

А. Т. Сибгатуллина*

Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) был открыт в начале 1921 г. в Москве с целью подготовки национальных кадров для работы в партийных и государственных органах на советском и зарубежном Востоке. Печатным органом КУТВ стал научно-исследовательский журнал «Революционный Восток», где издавались востоковедческие статьи ведущих ученых страны. Формально подчиняясь РКП(б), фактически всю свою многогранную работу КУТВ проводил под руководством Коминтерна. По этой причине документы Коминтерна имеют большое значение в изучении истории КУТВ. В связи с предстоящим 100-летним юбилеем университета статья преследует цель изучить состав турецких студентов, обучавшихся в нем в период 1921–1938 гг. Автор привлекает мемуары и аналитические работы, нашедшие отражение в литературе турецкого левого движения. Выпускники КУТВ сохранили воспоминания о днях, проведенных в Москве, об условиях проживания, организации занятий, отдыха и стажировки. В статье делается попытка восстановить имена и отдельные эпизоды деятельности турецких студентов. Наряду с поэтом Назымом Хикметом, многие крупные лидеры левого движения и Коммунистической партии Турции (КПТ) также были выпускниками и преподавателями этого комвуза. Однако идейные разногласия внутри самой КПТ и тяжелые последствия политических гонений со стороны турецкого правительства не дали развитию коммунистического движения в стране. После возвращения на родину часть кутвовцев была арестована и на длительные годы лишена свободы, другая часть отошла от социалистических идей, а некоторые и вовсе перешли в стан кемалистов.

Ключевые слова: Коммунистический Интернационал, КУТВ, турецкая секция, Коммунистическая партия Турции, Назым Хикмет.

Для цитирования: Сибгатуллина А. Т. Турецкий контингент в Коммунистическом университете трудящихся Востока. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 113–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-113-125

TURKISH CONTINGENT AT THE COMMUNIST UNIVERSITY OF WORKERS OF THE EAST. PART I

Alfina T. Sibgatullina

The Communist University of Workers of the East (*Kommunisticheskiĭ Universitet Trudiashchikhsia Vostoka*, KUTV) was opened in early 1921 in Moscow with the aim of training national cadres for work in party and government bodies in the Soviet and foreign East. The press organ of the KUTV was

* Альфина Тагировна СИБГАТУЛЛИНА, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alfina2003@yandex.ru

Alfina T. SIBGATULLINA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alfina2003@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-5755-8687

the academic research journal “The Revolutionary East”, publishing articles on Oriental Studies by the country’s leading scientists. Formally reporting to the Russian Communist Party of Bolsheviks, KUTV in fact carried out all of its multifaceted work under the leadership of Comintern. For this reason, the documents of Comintern are of great importance for the study of KUTV history. With an eye on the upcoming 100th anniversary of the university, this article aims to study the contingent of Turkish students who studied there in 1921–1938. The author analyses memoirs and analytical works that impacted the Turkish leftist movement. Graduates of KUTV retained their memories of the days spent in Moscow, their living conditions, organization of classes, recreation and internships. The article attempts to reconstruct the names and individual episodes of the activities of Turkish students. Along with the poet Nazim Hikmet, many major leaders of the leftist movement and of the Turkish Communist Party (TCP) were also alumni and teachers of Communist university. However, ideological differences within the TCP itself and the severe consequences of political persecution by the Turkish government crushed the development of the communist movement in the country. After returning to their homeland, part of the KUTVovites were arrested and imprisoned for a long period, another part abandoned socialist ideas, and some even joined the Kemalist camp.

Keywords: Communist International, KUTV, Turkish section, Communist Party of Turkey, Nazim Hikmet.

For citation: Sibgatullina A. T. Turkish Contingent at the Communist University of Workers of the East. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 113–125. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-113-125

П риблизается 100-летний юбилей Коммунистического университета трудящихся Востока (КУТВ), прозванного в свое время «кузницей / мастерской», где «перерабатывались и выковывались стойкие молодые кадры для практического строительства социализма» [Темдоев, 1927, с. 126], своеобразной «плантацией, где выращивались профессиональные революционеры» [Taline, 2019, s. 76] или «красной Меккой» [Ravandi-Fadai, 2015], куда тянулись прогрессивные люди мусульманского Востока. 10 февраля 1921 г. по решению ЦК РКП(б), специальным постановлением ВЦИК при Наркомпросе восточные курсы были преобразованы в Университет трудящихся Востока. Вскоре к названию университета прибавилось слово «Коммунистический», а в 1923 г. ему было присвоено имя И. В. Сталина. Перед новым вузом стояла цель подготовить национальные кадры для работы в партийных и государственных органах советских восточных республик и областей, а также для деятельности в странах зарубежного Востока. В «Положении о КУТВ» указано, что он является «высшей партийной школой, ставящей своей задачей подготовку из трудящихся восточных национальностей высококвалифицированных партийных работников, умеющих применять марксистско-ленинский метод на практике революционной борьбы и социалистического строительства» [Берцинский, 1933, с. 117]. Формально подчиняясь РКП(б), фактически всю свою многогранную работу КУТВ проводил под руководством Коминтерна (см.: [Шашкова, Шпаковская, 2018]). Помимо КУТВ, с 1924 г. началось массовое обучение функционеров иностранных компартий конспиративным и военным знаниям в особых школах и на курсах Коминтерна. Развертывалась система собственных учебных заведений, включающая Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), Международную Ленинскую школу (МЛШ), Коммунистический университет трудящихся Китая (КУТК) и другие структуры.

С 1922 г. КУТВ включал в себя два основных сектора: советский и зарубежный. Зарубежный сектор состоял из национальных секций, а обучение в них проводилось на соответствующих языках. Студенты набирались из Китая, Японии, Монголии, Кореи, Индии, Персии, Египта, Турции, Филиппин и др. За весь период деятельности университета КУТВ окончили несколько тысяч студентов, многие из которых позже стали ведущими политиками своих стран и заложили основы добрососедских отношений с СССР. 18 мая 1925 г. в КУТВ с исторической речью «О политических задачах университета народов Востока» выступил сам И. В. Сталин.

Основное здание университета находилось по адресу: Москва, Малый Путинковский переулок, д. 2. Учебные аудитории и общежития КУТВ занимали несколько домов в районе Страстной (ныне Пушкинской) площади. Клуб университета находился в здании кинотеатра «Ша нуар» (в нем впоследствии длительное время размещался кинотеатр «Центральный»). В клубе проходили студенческие собрания и вечера, особенно запомнившиеся многонациональной художественной самодеятельностью [Смородкина, 1975, с. 360].

Об истории создания университета и условиях обучения в нем написаны работы Н. Тимофеевой [Тимофеева, 1988], Е. Панина [Панин, 2013], О. Шашковой [Шашкова, 2018], М. Шпаковской [Шашкова, Шпаковская, 2018]; в отдельных статьях историков и востоковедов имеются сведения о китайских [Чжан, 2017], арабских [Kirasirova, 2017], иранских [Ravandi-Fadai, 2015], афро-американских [Хейфец В. А., Хейфец А. С., 2013] студентах, а также учащихся из советского Востока: хакасах, бурятах [Мамышева, 2014], казахам [Амондосова, 2018] и др. К сожалению, на сегодняшний день остается неисследованным турецкий контингент студентов и преподавателей КУТВ. Единственная статья на турецком языке принадлежит И. Чомаку [Çomak, 2016] и содержит весьма важные факты о наиболее известных выпускниках, однако многие моменты присутствия турецкого контингента в стенах комвуза остаются лишь на уровне постановки вопроса. В связи с этим нами предпринимается попытка выявить личности турецких выпускников КУТВ, условия их проживания и деятельности в Москве, а также по мере возможности проследить их дальнейшую судьбу в Турции. Главным источником для нас являются воспоминания самих студентов, которые в разном качестве и количестве нашли отражение в литературе турецкого левого движения. Сбором и изданием такой литературы преимущественно занимается Фонд исследований социальной истории Турции (TÜSTAV), благодаря деятельности которого вышли в свет документы, аналитические сборники, мемуары и другие материалы, связанные с видными деятелями Коммунистической партии (КПТ) и социалистических групп Турции. Исследователи фонда, в частности, Э. Акбулут и М. Тунджай, обработали документы из фондов РГАСПИ, где хранятся материалы по КУТВ, а также из архива Коммунистического Интернационала. Однако монографической работы о деятельности турецкой секции в КУТВ до настоящего времени написано не было. Также укажем, что название КУТВ/KUTV в турецких источниках не переводится, ибо оно знакомо и уважаемо современными деятелями левого движения Турции.

КУТВ КАК ВОСТОКОВЕДЧЕСКИЙ ЦЕНТР

В 1920-е гг. из всех областей культурного строительства СССР «востоковедческий фронт» считался наиболее слабым как с идеологической, так и с организационной точки зрения. Поэтому при КУТВ была создана научно-исследовательская ассоциация (НИА), вскоре ставшая «передовым отрядом в борьбе за марксистскую востоковедческую науку» [О работе и очередных задачах..., 1929, с. 363]. НИА обладала базой, отсутствовавшей в других востоковедных учреждениях, поскольку в стенах КУТВ находились представители больше сотни национальностей; при постепенном вовлечении их в научно-исследовательскую работу ожидалось, что они «станут источником возрастающей силы и значения отечественного востоковедения» [О работе и очередных задачах..., 1929, с. 364]. При КУТВ вскоре открылась аспирантура по четырем направлениям: философское, экономическое, ленинистское и историческое. Аспиранты получали общежитие, питание и стипендию в размере 80 рублей. Помимо основных семинаров слушатели в факультативном порядке прорабатывали технику научных исследований, изучали основы высшей математики и иностранные языки [Тележников, 1929, с. 365].

Первоначально у комвуза не было собственного печатного органа, выпускалась лишь студенческая стенгазета. С 1927 г. на базе КУТВ начал выходить научно-исследовательский журнал «Революционный Восток», ставивший целью «дать руководящие материалы для студентов при университете, а также для окончивших товарищей и работающих на местах». Кроме того, редакция стремилась организовать вокруг журнала «сталинцев и научить их писать научные статьи» [Гаргаладзе, 1927, с. 251]. Для этого в журнале имелся раздел «Сталинец», где помещались заметки, посвященные идейно-политическим, учебным и бытовым проблемам учащихся. Но эти студенческие обзоры, содержащие преимущественно критику организации учебного процесса, «неподобающего» морального облика студентов и проч., видимо, портили академический вид журнала, поэтому после первых номеров раздел прекратил свое существование. Вскоре как орган Научно-исследовательской ассоциации по изучению национальных и колониальных проблем «Революционный Восток» занял «настолько прочные позиции на фронте марксистского востоковедения», что начал «претендовать на роль одного из выдержанных марксистских востоковедных журналов в СССР». Журнал «Советское государство и революция права», орган Института Советского строительства и права «Революционный Восток» в 1930 г. писал, например, что «Революционный Восток» представляет большое достижение на путях внедрения марксистско-ленинского учения в современное востоковедение» [Восточник, 1930, с. 203].

Журнал «Революционный Восток» назвал проект издания Малой Энциклопедии Зарубежного Востока «чрезвычайно большим и интересным предприятием», в котором были «привлечены все лучшие марксистские силы и наиболее компетентные специалисты» [Из деятельности Научно-исследовательской Ассоциации, 1929, с. 259]. На заседаниях национальных секций НИА читались и обсуждались доклады на темы: «Спорные вопросы новейшей Персии», «Проблемы революционного движения в Турции», «Расовая проблема и марксизм», «Работа 2-й Монгольской экспедиции КУТВ», «Социальная природа монархии Аманулла» и др.; работали научно-исследовательские кружки по Монголии, Индии, Турции, Латинской Америке; издавались конспекты

лекций, отчеты выездных экспедиций, пособия и учебники. На страницах журнала разгорались серьезные споры между специалистами по оценке тех или иных политических событий, происходивших на Востоке. Если взять турецкую тематику, то дискуссии проходили вокруг истории революции в Турции [Френкен, 1928; Ответ на рец. З. Френкена, 1929], кемализма [Феридов, 1929], устава Народно-республиканской партии [Ч., 1928] и т. д. На страницах журнала выступали ученые В. А. Гурко-Кряжин (1887–1931), З. Френкен, З. Феридов и др.

Х. З. Габидуллин (1897–1937) — слушатель курсов восточного отделения Института красной профессуры (ИКП) в 1930–1933 гг., с 1931 г. начал преподавать и заведовать кафедрой Татарии и Башкирии КУТВ. Получив после окончания ИКП специальность «историк Турции», в 1933–1936 гг. Габидуллин приступил к подготовке труда по истории младотурецкой революции. Часть утверждений и выводов автора были опубликованы в 1934 г. в виде отдельных статей в журнале «Революционный Восток». В марте 1936 г. Габидуллин был назначен заместителем председателя Комиссии содействия научным связям с Турцией АН СССР [Арапов, Васильев, 2014, с. 83].

ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКИЙ СОСТАВ И СТУДЕНТЫ ТУРЕЦКОЙ СЕКЦИИ

В число постоянных преподавателей, ответственных за идеологическое обучение зарубежных кадров, входили многие известные мусульманские национал-коммунистические лидеры, включая Мирсаита Султан-Галиева, Турара Рыскулова, Наримана Нариманова, Наджмуддина Эфендиева-Самурского, Галимджана Ибрагимова, Ахмеда Байтурсуна, Файзуллу Ходжаева и Мир-Якуба Дулатова [Бенингсен, 2008, с. 68]. С 1921 по 1924 гг. математику и русский язык в КУТВ преподавал 32-х-летний студент медицинского факультета МГУ Гениатулла Терегулов (1891–1984) (см.: [Ергин, Павлова, 2018]). Одним из заведующих кафедрой по Турции был востоковед Зиновий Соломонович Френкен. Чуть позже появились собственно турецкие интеллектуалы, получившие образование в Европе или в Международной ленинской школе (МЛШ), в 1925 г. открытой при Коминтерне в Москве. Например, видный турецкий коммунистический деятель Решат Фуат Баранер¹ после обучения в МЛШ стал преподавать в КУТВ. Нико Асимопулос (1892–1968) — турецкий коммунист греческого происхождения, в 1933 г. переехал в СССР, учился в Институте востоковедения, с февраля 1935 г. по июнь 1936 г. преподавал в КУТВ, в 1936–1938 гг. работал переводчиком в МЛШ [Akbulut, Tunçay, 2012, s. 394]. Зехра Косова, обучавшаяся в

¹ Решат Фуат Баранер (1900–1968) родился в Салониках в семье мелкого чиновника. В период Балканских войн в 1912 г. семья переехала в Анатолию. Баранер окончил лицей в Конье, в 1922 г. работал в Центральном управлении Анатолийско-Багдадской железной дороги. Позже поступил в Стамбульский университет на факультет математики, где возглавил студенческое движение и в 1925 г. вступил в компартию Турции. В том же 1925 г. он выиграл студенческий конкурс и отправился за счет турецкого правительства в Германию для продолжения обучения, где и находился до начала 1928 г.: в Берлине преимущественно занимался изучением марксизма, позже организовал свою ячейку марксистов среди турецких студентов, обучавшихся в Мюнхене. Состоял в связи с московскими коммунистами и в феврале 1928 г. прибыл в МЛШ. В 1930 г. вернулся в Стамбул и возглавил областной комитет коммунистов, выпускал его печатный орган «Красный Стамбул». В 1931 г. был арестован. Через три месяца после освобождения из тюрьмы в 1932 г. он снова уехал в Москву и там работал зам. руководителя турецкой секции в КУТВ, читал доклады и лекции по проблемам Турции. Оставался в Москве до конца 1934 г.

КУТВ в 1930-х гг., перечисляет фамилии своих преподавателей: Сейит Ахмедов, Кадыров, Исмаилов, Нериманов, доктор Шефик Хюсню Деймер². «Исмаил Хаккы-бей³, — пишет З. Косова, — оставшийся еще со времен Мустафы Субхи, вел “Историю русской революции”» [Kosova, 2011, s. 81]. В первые же дни прибытия в Москву в 1934 г. Зехра знакомится с руководителями и преподавателями турецкой секции: доктором Шефиком Хюсню Деймером (партийный псевдоним Ферди), Решатом Фуатом Баранером (партийный псевдоним Сыткы, Али Рыза Челик) и Зеки Баштымаром⁴ (партийный псевдоним Айдын, Петров). «Книг на турецком языке не было, — пишет З.Косова. — Мы не могли читать Маркса, Энгельса, Ленина на турецком, поэтому пытались читать кое-что на азербайджанском, поскольку [язык] похож на наш. В этом нам помогал преподаватель Ахмедов» [Kosova, 2011, s. 81].

Мы не располагаем конкретными данными о количестве турецких студентов КУТВ. Французский автор Т.-М. Талин сообщает такие сведения: в зарубежном секторе КУТВ за 1921–1931 гг. обучались 1137 иностранцев, из них 87 человек были из Турции [Taline, 2019, s. 78]. Исходя из мемуарных свидетельств, в 1930-х гг. турецкие группы были довольно большими, но состав одного курса в среднем не превышал 15 человек. Говоря о классовом составе учащихся зарубежного сектора, тот же автор приводит такие цифры: 53,7 % иностранцев были крестьянского и пролетарского происхождения; 33,2 % педагогического состава КУТВ были связаны с Коминтерном или братскими партиями Востока [Taline, 2019, с. 79].

Ежедневную жизнь кутвовцев можно представить по воспоминаниям самих учащихся: «Сам быт студентов и студенток КУТВ прививал навыки коллективной работы, — пишет А. Смородкина, одна из выпускниц комвуза. — Мы убирали помещения, дежурили на кухне, в столовой. Летом во время каникул работали в совхозе, находившемся в ведении КУТВ. Совхоз был расположен примерно в двух километрах от станции Лопасня (ныне город Чехов) Курской железной дороги. Под общежитие нам отвели бывший помещичий особняк, к которому примыкал большой старинный парк... Совхоз имел картофельные поля, сенокосные угодья, фруктовый сад. Их обрабатывали

² Один из лидеров социалистического движения и соучредителей КПТ доктор Шефик Хюсню Деймер (1887–1959) сыграл ведущую роль не только на территории Турции, но и в международной революционной борьбе. Уроженец Салоник, высшее медицинское образование получил во Франции. Принимал участие в национально-освободительной войне турецкого народа. В 1919 г. учредил Социалистическую партию рабочих и крестьян, ставшую одним из ответвлений КПТ. Более 35 лет занимал руководящие позиции в компартии. Многократно находился в тюрьмах и ссылках. С начала 1920-х гг. занимал важные посты в Коминтерне. Партийный код «Ферди Бекир». В ноябре 1933 г. приехал в Москву и оставался там до 1937 г. включительно (см: [Deymer, 2010]).

³ Хаккы-бей — Исмаил Хаккы (Кайсерили) (1887–?), в 1924 г. был отправлен Крымской компартией на обучение в КУТВ. В 1929 г. получил право преподавать в КУТВ и до 1936 г. работал там. См. о нем: [Akbulut, Tunçay, 2012, s. 380].

⁴ Зеки Баштымар (1905–1974) — одна из важных фигур в КПТ. В период учебы в педагогическом училище в Трабзоне вступил в ряды левого движения, с 1925 г. — член КПТ. Не закончив учебу, по направлению партии в 1926 г. уехал в Москву, в 1926–1929 гг. учился в КУТВ под именем Айдын, и в 1927 г. стал кандидатом в члены, а в 1929 г. членом ВКП(б). С 1941 г. выпускал в Турции орган левого движения «Йени эдебият», многократно был арестован и подвергался пыткам. После длительного тюремного заключения он вместе с другими членами группы сумел уехать в Советский Союз. Там, по словам товарищей, живших в Москве с 1933 г., они вместе успешно пережили все сталинские волны террора. З. Баштымар перевел с русского языка «Войну и мир» и «Мужики» А. Толстого, «Путешествие в Эрзурум» А. Пушкина, рассказы А. Чехова. См. о нем: [Baştimar, 2018].

студенты... Мы вели шефскую работу в окрестных деревнях. В избах-читальнях деревень Васькино и Мелихово (ныне Чехово) давали концерты, делали доклады, проводили беседы, помогали оформлять стенные газеты, вели кружки» [Смородкина, 1975, с. 360–361].

Турецкие подданные, хотя и в небольшом количестве, были представлены в КУТВ уже в первом наборе после открытия. Туда поступили оставшиеся на российской территории военнопленные Первой мировой, в период гражданской войны воевавшие в составе Красной армии и активно участвовавшие в революции в Азербайджане: Сары Мустафа (Бёрклюдже), Хамди Шамилов, Сант, Файк Алтындинш [Karaca, 2002, s. 74]. Вместе с Халилем Ялчынкая⁵ они были соратниками Мустафы Субхи, председателя Коммунистической партии Турции, созданной в сентябре 1920 г. на съезде в Баку. В годы национально-освободительной войны турецкие коммунисты выступали не только за независимость страны и создание общенационального антиимпериалистического фронта, но и за удовлетворение экономических и политических интересов рабочего класса и крестьянства. Однако «кемалисты, боясь усиления деятельности коммунистов, сначала попытались подорвать влияние партии и для этого создали в октябре 1920 г. свою “коммунистическую” партию, которая под вывеской “турецкого коммунизма” выступала с лозунгами классового сотрудничества, соединяя их со “священными основами ислама”». [Киреев, 2007, с. 147]. Позже, в январе 1921 г., было спровоцировано убийство председателя КПТ Мустафы Субхи и его 14 соратников в Трабзоне. Новый режим в Турции преследовал граждан и организации, занимавшиеся политической деятельностью, квалифицируемой как «коммунистическая». По этой причине многие турецкие коммунисты были вынуждены бежать из страны. Москва, с первых лет Советской власти притягивавшая часть турецких интеллигентов, в 1920–1930-е гг. стала для них новым центром культуры и просвещения. Сюда манило молодого поэта Назыма Хикмета (1902–1963), будущего переводчика русской классики Хасана Али Эдиза (1902–1972), стажировавшегося в театре Мейерхольда актера и режиссера Мухсина Эртутрула (1892–1980). Романистка Суат Дервиш (1905–1972), по линии газеты «Тан» приехавшая в 1937 г. в страну Советов, впоследствии написала скандальное сочинение «Почему я друг Советского Союза?» (1944), за что подверглась гонениям на родине.

Одними из первых турецких коммунистов, получивших в Советской России практическое и теоретическое «революционное воспитание», стали такие кутловцы, как Назым Хикмет, Вала Нуреддин, Лаз Исмаил (Марат), Хасан Али (Эдиз), Шевкет Сюрейя Айдемир, Исмаил Хусрев (Токин)⁶.

⁵ Халил Ялчынкая (1895–1960) — один из первых турецких коммунистов. В период Первой мировой войны попал в русский плен в Сарыкамыше и был отправлен в Сибирь, где работал на шахтах. После Октябрьской революции вступил в организацию Мустафы Субхи в Азербайджане. В звании капитана сражался против адмирала Колчака. Какое-то время жил в Баку, затем вернулся в Турцию. В 1929 г. был арестован и осужден на 4 года якобы за попытку свержения правительства. После освобождения уехал в Москву и учился в КУТВ. Во время Второй мировой войны жил у себя на родине в поселке Зиле в провинции Токат. После войны вместе с доктором Шефиком Хюсню Деймером, Решатом Фуатом Баранером, Зеки Баштымаром и др. сформировал Центральный комитет КПТ. Был арестован 10 ноября 1951 г. и приговорен к семи годам тюремного заключения и двум годам ссылки в Адане. Умер в ссылке. См. о нем: [Yilmaz, 2012].

⁶ Турецкий политик Исмаил Хусрев Токин (1902–1992) — уроженец Стамбула, среднее образование получил в австрийской школе в Стамбуле. В 1922 г. отправился в Советский Союз, в 1922–1925 гг.

Пестрый в плане образовательного и общекультурного развития состав студентов, невозможность в первое время пользоваться русским языком и поставить на должный уровень преподавание на родных языках — все это создало трудности в учебно-педагогической работе зарубежного сектора. В связи с этим на подготовительном и первом курсах интенсивно изучался русский язык. Программа 1922–1923 учебного года выглядела следующим образом:

- Подготовительные курсы: география, математика, физика, химия, биология, история общественного развития, политическая экономия, русский язык;
- Дисциплины первого семестра: экономическая география, политическая экономия, физика и химия, биология, физическая география, математика, грамматика русского языка;
- Курсы второго семестра: политическая экономия, экономическая география, европейская история, биология, математика, физика и химия;
- Курсы следующего семестра: 1-я основная группа: история развития экономических структур, исторический материализм, экономическая география, биология; 2-я экономическая группа: политическая экономия, исторический материализм, история развития экономических структур; 3-я историческая группа: российская история, европейская история; 4-я естественнонаучная группа: математика, геометрия, тригонометрия, физика, химия, биология, география, русский язык [Çomak, 2016, s. 94–95].

Зарубежный сектор находился в конспиративном положении, поэтому студентам присваивались псевдонимы, русские фамилии или другие (национальные) имена. Например, партийной кличкой Назыма Хикмета было Нун Ха, а у Вали Нуреддина — Ва-Ну: это были названия первых букв их имен в арабском алфавите (латинский алфавит в Турции в то время еще не был введен). Преподавался такой специфический предмет, как «Техника нелегальной работы», в основу которого было положено изучение опыта подпольной деятельности РСДРП и братских компартий. В лагере Удельная под надзором офицеров Красной Армии учащиеся тренировались в организации восстаний, диверсий, уличных беспорядков. В мемуарах упоминается, что ради физической и моральной подготовки в отношении студентов практиковались даже возможные со стороны «буржуазной полиции» пытки, но обстоятельства подобных тренировок не пояснялись. Ш. С. Айдемир пишет в воспоминаниях, что в КУТВ работали студенческие комитеты, он, к примеру, возглавлял военный комитет: «В подвале школы находился склад оружия. Если бы враги хотели уничтожить революцию, мы бы взяли это оружие и выступили против них» [Aydemir, 1967, s. 276].

С 1925 г. Центральный Комитет компартии Турции активизировал деятельность по тайной отправке студентов в КУТВ, начальник штаба и отдельные члены ЦК занимались исключительно этой задачей. Для некоторых молодых людей при отправке в Москву не сообщалось, куда и с какой целью они выезжают. Например, выходцам из Черноморского региона говорили, что их вывозят в Германию в качестве технических рабочих [Sayılğan, 1967, s. 13]. Из Москвы в Турцию также приезжали кураторы по линии Коминтерна. Например, упоминается товарищ по фамилии Калаков,

получил высшее образование в КУТВ и посещал экономические семинары, позже сам стал лектором в КУТВ. После возвращения на родину (1925), был приговорен к тюремному заключению.

отправленный в Стамбул для знакомства с местной коммунистической партией и легальными социалистическими организациями. Другой задачей Калакова был отбор будущих студентов для обучения в Москве [Akbulut, Tuncay, 2012, s. 380]. Расходы на проезд студентов, в том числе и из других стран, брал на себя либо сам университет, либо Коминтерн. Прибывшие студенты обеспечивались жильем, ставились на постоянное денежное и продуктовое довольствие, снабжались постельными принадлежностями, одеждой, книгами и тетрадями.

Исмаил Билен⁷, отправленный Центральным комитетом КПТ на обучение в КУТВ, оценивал атмосферу в турецкой секции 1923–1925 гг. как удручающую. Количество турецких учащихся, переправленных в 1924 г. в КУТВ различными способами, составило от 30 до 40 человек [Sayilgan, 1967, s. 13]. Большинство составляла молодежь, зачастую малограмотная, из беднейших социальных слоев и состоявшая в рядах коммунистических или «сочувствующих» групп. Национальный состав, как и интеллектуальный уровень «новобранцев» отличался пестротой: с турками вместе учились курды, лазы, арабы, армяне, греки (румы) из разных провинций страны и социальных слоев. Разношерстная группа доставляла немало проблем руководству университета и КПТ, также переживавшей сложные внутренние конфликты⁸. В 1924 г. группа турецких студентов вместе с другими учащимися-иностранцами КУТВ сформировала «собственную фракцию» и бойкотировала занятия. Беспартийный Керим Сади и его единомышленники, взяв за образец издававшийся в Турции журнал «Айдынлык» («Свет»), стали тайно выпускать одноименную газету, где содержались нападки на стенгазету — орган комитета партии в КУТВ. В общежитии царил полная анархия: ребята шумели, устраивали беспорядки, пытавшихся останавливать их пугали бритвой; «идеолога» Керима Сади носили «на троне». В КУТВ работала партийная комиссия, уделявшая внимание работе по воспитанию иностранных студентов; политическая пассивность или беспартийность могли послужить поводом для исключения из университета. Эта комиссия регулярно проводила чистку среди учащихся, и «неблагонадежные» отправлялись на родину. История с турецкими студентами закончилась тем, что Сади попал в психиатрическую больницу и позже был переправлен в Турцию, члены группы были обвинены в оппортунизме и исключены из КУТВ, некоторых сослали в разные регионы СССР [Bilen, s. 25–30].

Известны имена отчисленных турецких студентов:

1. Махир — бывший учитель начальных классов;
2. Хамит — отказался от ссылки, отправлен на родину;
3. Селим — бывший металлург, утопился;
4. Мазлум — рабочий, отказался от ссылки, отправлен на родину;

⁷ Исмаил Билен (1902–1983) в КУТВ был избран секретарем комитета компартии турецкой секции и членом университетского комитета партии. Также стал редактором стенгазеты. В 1974 г. был избран Генеральным секретарем ЦК Компартии Турции.

⁸ В конце 1920-х гг. внутри партии наблюдалось разделение на два идейных направления: группа «Согласие» в составе Ш. Х. Деймера, Х. Али Эдиза, Байтара А. Джевдета и др. объединилась вокруг журнала «Айдынлык», а группа «Оппозиция» состояла из следующих выпускников КУТВ: Н. Хикмета, Мустафы Бёркюдже и Хамди Шамилова, Хюсаметдина Оздогу, Лаза Исмаила (Марата) и др. Идейные разногласия внутри компартии длились до середины 1930-х гг. (см.: [Akbulut, 2002, s. 13–15]). Среди коммунистов появились провокаторы, такие как Ведат Недим Тёр, передавший полиции список членов партии.

5. Еджвет — металлург, отказался от ссылки, отправлен на родину;
6. Ариф — металлург, отказался от ссылки, отправлен на родину;
7. Раиф — металлург, отказался от ссылки, отправлен на родину;
8. Фейзи — рабочий, уехал в Турцию;
9. Шинаси — рабочий, был сослан в Казань, по собственному желанию отправлен в Турцию;
10. Рашит — рабочий, отправлен домой;
11. Сервер — рабочий, сослан в Екатеринбург, умер от переохлаждения;
12. Доктор Селим — во время допросов сошел с ума;
13. Хильми — остался в Москве и работал;
14. Фарук — бывший учитель, отправлен в Крым, покончил собой;
15. Крымский — бывший табаковод;
16. Акиф — металлург, сослан в Баку, был пойман на границе и убит советскими пограничниками;
17. Иса Абдуллах — пекарь, отправлен в Турцию;
18. Хасан — бывший военный, отправлен в Турцию;
19. Ферит — журналист, сослан в Тверь, затем отправлен домой;
20. Керим — крестьянин, остался в Москве;
21. Ниязи — рабочий, отправлен в Баку, в знак протеста совершил самоубийство;
22. Хамди — рабочий, отправлен в Турцию;
23. Хаят — бывшая учительница начальных классов, осталась безработной в Москве и позже смогла выбраться на родину;
24. Салих — музыкант, отправлен в Турцию;
25. Бедрос — рабочий, отправлен в Турцию;
26. Ихсан (Гашделен) — 11 лет провел в советских лагерях и тюрьмах, и лишь усилиями турецкого правительства смог вернуться на родину. И др.

Наряду с турками были отчислены 10 греческих студентов, выходцев из Турции: Йорго, Нико, Яни, Дина и др. [Akbulut, 2002, s. 61–62].

Таким образом, первые группы учащихся турецкой секции КУТВ, которые были призваны идейно укрепить левую оппозицию в Турции, в силу разных причин не оправдали ожидания КПГ. Помимо отчисленных, часть выпускников, прошедших полный курс обучения, после возвращения из СССР отошла от левого движения, «попала под влияние режима» и использовала полученные знания для поддержки официальной идеологии. Поэтому в среде турецких коммунистов «старого покроя» сформировалось расхожее мнение, что многие посланцы в КУТВ не были морально готовы к политической борьбе, большинство «в Москве увлекалось женщинами, оставляло там своих детей, а по приезду в Турцию вовсе отказывалось от борьбы» [Akar, 1989, s. 44]. Возможно, в этом тоже была доля правды.

Литература / References

- Амандосова М. И. Повседневная жизнь казахских студентов в Коммунистическом университете трудящихся Востока. *Вестник КазНУ. Серия историческая*. 2018. Т. 89. № 2. С. 207–214 [Amandosova M. I. The Daily Life of Kazakh Students in the Communist University of Workers of the East. *KazNU Bulletin. Historical Series*. 2018. Vol. 89. No. 2. Pp. 207–214 (in Russian)].
- Арапов Д. Ю., Васильев А. Д. Профессор Х. З. Габидуллин — первый руководитель Московского университетского исторического востоковедения. *Вестник Московского Университета. Сер. 13. Востоковедение*. 2014. № 2. С. 79–92 [Arapov D. Yu., Vasiliev A. D. Professor Kh. Z. Gabidullin as the First Head of the Moscow University of Historical Oriental Studies. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 13. Oriental Studies*. 2014. 2. Pp. 79–92 (in Russian)].
- Бенингсен А. Наследие мусульманского национал-коммунизма. *Минбар*. 2008. № 1. С. 57–78 [Beningsen A. Heritage of Muslim National Communism. *Minbar*. 2008. 1. Pp. 57–78 (in Russian)].
- Берцинский С. Маркс в советском законодательстве. *Советское государство*. 1933. № 3. С. 117–119 [Bertsinsky S. Marx in the Soviet Legislation. *Sovetskoe Gosudarstvo*. 1933. 3. Pp. 117–119 (in Russian)].
- Восточник. Обзор журнала «Революционный восток». *Советское государство и революция права*. М., 1930. № 8–9 (Август–Сентябрь). С. 203–207 [Vostochnik. Review of the “Revolutionary East” Journal. *The Soviet State and the Law Revolution*. Moscow, 1930. No. 8–9 (August–September). Pp. 203–207 (in Russian)].
- Гаргаладзева Л. О журнале «Революционный Восток» и отделе «Сталинец» в нем. *Революционный Восток*. 1927. № 2. С. 251–252 [Gargaladzeva L. About the “Revolutionary East” Journal and the “Stalinist” Department in It. *Revolutionary East*. 1927. 2. Pp. 251–252 (in Russian)].
- Ергин Ю. В., Павлова М. Ю. Педагогическая деятельность профессора Г. Н. Терегулова (1891–1984), организатора высшей школы. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2018. № 6. С. 99–110 [Yergin Yu. V., Pavlova M. Yu. Pedagogical Activity of Professor G. N. Teregulov (1891–1984), the Organizer of the Higher School. *Bashkortostan Pedagogical Journal*. 2018. 6. Pp. 99–110 (in Russian)].
- Из деятельности Научно-исследовательской Ассоциации при Ком. Университете им. Сталина. *Революционный Восток*. 1929. № 6. С. 258–261 [From the Activities of the Scientific Research Association at the Communist University Named after Stalin. *The Revolutionary East*. 1929. 6. Pp. 258–261 (in Russian)].
- Киреев Н. *История Турции: XX век*. М., 2007 [Kireev N. *History of Turkey: XX century*. Moscow, 2007 (in Russian)].
- Мамышева Е. П. История через личность: участие выпускников КУТВ в национально-государственном строительстве в 1920–1930-е гг. (на материалах Хакасии и Ойротии). *Теория и практика общественного развития. Исторические науки*. 2014. № 10. С. 110–112 [Mamysheva E. P. History through a Person: Participation of Graduates of the Communist University of the Workers of the East in the Nation and State Building in the 1920–1930s (the Case of Khakassia and Oirotia). *Theory and Practice of Social Development. Historical sciences*. 2014. 10. Pp. 110–112 (in Russian)].
- О работе и очередных задачах Научно-исследовательской Ассоциации при КУТВ им. Сталина. (Из отчетного доклада президиума НИА). *Революционный Восток*. 1929. № 7. С. 360–365 [On the Work and Immediate Tasks of the Research Association of the KUTV. (From the report of the NIA Presidium). *The Revolutionary East*. 1929. 7. Pp. 360–365 (in Russian)].

- Ответ на рец. З. Френкена «Как не нужно писать историю революции в Турции» *Революционный Восток*. 1929. № 6. С. 263–264 [An Answer to Z. Frenken's Review of "How Not to Write the History of the Revolution in Turkey". *The Revolutionary East*. 1929. 6. Pp. 263–264 (in Russian)].
- Панин Е. В. Коммунистический университет трудящихся Востока. *Известия МГТУ «МАМИ»* 2013. № 4 (18). Т. 2. Сер. 6. *Гуманитарные науки*. С. 201–206 [Panin E.V. The Communist University of the Workers of the East. *Izvestia MSTU "MAMI"* 2013. No. 4 (18). Vol. 2. Series 6. *Humanities*. Pp. 201–206 (in Russian)].
- Смородкина А. Ф. За освобождение женщин Востока. *Без них мы не победили бы: Воспоминания женщин-участниц Октябрьской революции, гражданской войны и социалистического строительства*. М., 1975. С. 359–367 [Smorodkina A. F. For the Liberation of Women of the East. *We Would Not Have Won without Them: Memoirs of Women Who Took Part in the October Revolution, the Civil War and Socialist Construction*. Moscow, 1975. Pp. 359–367 (in Russian)].
- Тележников Ф. Об аспирантуре НИА КУТВ. *Революционный Восток*, 1929. № 7. С. 365–366 [Telezhnikov F. About Postgraduate studies at NIA KUTV. *The Revolutionary East*. 1929. 7. Pp. 365–366 (in Russian)].
- Темдоев В. Наша учеба. *Революционный Восток*. 1927. № 1. С. 126 [Temdoyev V. Our Studies. *Revolutionnyi Vostok*. 1927. 1. P. 126 (in Russian)].
- Тимофеева Н. Н. *Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) — центр идейной подготовки коммунистических и революционных кадров Востока*. Автореферат дисс. ...канд. истор. наук. М., 1988 [Timofeeva N. N. *Communist University of Workers of the East (KUTV) — a Center for the Ideological Training of the Communist and Revolutionary Cadres of the East*. PhD Dissertation. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Феридов З. Некоторые вопросы современной Турции. *Революционный Восток*. 1929. № 6. С. 24–41 [Feridov Z. Some Problems of Modern Turkey. *The Revolutionary East*. 1929. 6. Pp. 24–41 (in Russian)].
- Френкен З. Как не нужно писать историю революции в Турции. *Революционный Восток*. 1928. № 4–5. С. 426–434 [Frenken Z. How Not to Write the History of the Revolution in Turkey. *The Revolutionary East*. 1928. 4–5. Pp. 426–434 (in Russian)].
- Хейфец В. Л., Хейфец Л. С. Кадровая школа без кадров. *Латинская Америка*. 2013. № 11. С. 84–96 [Kheifets V. L., Kheifets L. S. The Personnel School without Personnel. *Latinskaya Amerika*. 2013. 11. Pp. 84–96 (in Russian)].
- Ч. Устав турецкой народно-республиканской партии. *Революционный Восток*. 1928. № 4–5. С. 348–357 [Ch. The Charter of the Turkish People's Republican Party. *The Revolutionary East*. 1928. 4–5. Pp. 348–357 (in Russian)].
- Чжан Ю. *Обучение китайских студентов в системе Коммунистического образования в СССР (1921–1930 гг.)*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. М., 2017 [Zhang Yu. *The Teaching of Chinese Students in the Soviet System of Communist Education (1921–1930)*. PhD Thesis. Moscow, 2017 (in Russian)].
- Шашкова О. А. Коммунистический университет трудящихся Востока: у истоков доктрины «мировой революции». *100-летие Великой русской революции: проблемы и перспективы изучения: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции*. Казань, 2018. С. 51–58 [Shashkova O. A. Communist University of Workers of The East: At the Origins of the "World Revolution" Doctrine. *The 100th Anniversary of the Great Russian Revolution: Problems and Prospects of Study. Collection of Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference*. Kazan, 2018. Pp. 51–58 (in Russian)].
- Шашкова О. А., Шпаковская М. А. Коммунистический университет трудящихся Востока: создание и этапы становления в системе Коминтерна в 1920–1930-е гг. *Вестник архивиста*. 2018. № 3. С. 704–716 [Shashkova O. A., Shpakovskaya M. A. Communist University of Workers of the East: Creation and Stages of Formation in the Comintern System in the 1920s–1930s. *Vestnik Arhivista*. 2018. 3. Pp. 704–716 (in Russian)].

- Akar A. *Bir Kuşağın Son Temsilcileri: 'Eski Tüfek' Sosyalistler*. İstanbul, 1989 [*The Last Representatives of a Generation: 'Old Rifle' Socialists*. İstanbul, 1989 (in Turkish)].
- Akbulut E. *Komintern Belgelerinde Nâzım Hikmet*. İstanbul, 2002 [*Nâzım Hikmet in Comintern Documents*. İstanbul, 2002 (in Turkish)].
- Akbulut E., Tunçay M. *İstanbul Komünist Grubu'ndan (Aydınlık Çevresi) Türkiye Komünist Partisi'ne 1919–1926*. 1. Cilt İstanbul, 2012 [*From Istanbul Communist Group (Aydınlık) to the Communist Party of Turkey, 1919–1926*. Vol. 1. İstanbul, 2012 (in Turkish)].
- Aydemir Şevket Süreyya. *Suyu Arayan Adam*. İstanbul, 1967 [*The Man Who Seeks the Water*. İstanbul, 1967 (in Turkish)].
- Baştımaz Z. *Yaşam Öyküsü, Mektuplar, Yazılar*. İstanbul, 2018 [*Life Story, Letters, Articles*. İstanbul, 2018 (in Turkish)].
- Bilen İ. *Savaş Dönü Yılları*. I. B.M., 6.r. [Bilen İ. *The Years of War*. Year and place not indicated (in Turkish)].
- Çomak İ. Doğu Emekçileri Komünist Üniversitesi ve Burada Okuyan Türk Öğrenciler Hakkında Bir Rapor. *Biliş*. 2016. Kış. N 76. S. 87–115 [A Report on the Communist University of the Workers of the East and Its Turkish Students. *Biliş*. 2016. 76. Pp. 87–115 (in Turkish)].
- Deymer Şefik Hüsnü. *Yaşam Öyküsü, Vazife Yazıları*. İstanbul, 2010 [*Biography, Papers*. İstanbul, 2010 (in Turkish)].
- Karaca E. *Sevdalınız Komünisttir: Nâzım Hikmet'in Siyasal Yaşamı*. İstanbul, 2002 [*Your Lover Is a Communist: Political Life of Nâzım Hikmet*. İstanbul, 2002 (in Turkish)].
- Kirasirova M. The 'East' as a Category of Bolshevik Ideology and Comintern Administration: The Arab Section of the Communist University of the Toilers of the East. *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2017. 18.1. Pp. 7–34.
- Kosova Z. *Ben İşçiyim*. İstanbul, 2011 [Kosova Z. *I am a Worker*. İstanbul, 2011 (in Turkish)].
- Ravandi-Fadai L. "Red Mecca" — The Communist University for Laborers of the East (KUTV): Iranian Scholars and Students in Moscow in the 1920s and 1930s. *Iranian Studies*. 2015. 48.5. Pp. 713–727.
- Sayılgan A. *Sovyetlerde Eğitim ve Türk Öğrencileri: Komintern Okullarından Lumumba Üniversitesine*. İstanbul, 1967 [*The Soviet Education and Turkish Students: From the Comintern Schools to Lumumba's University*. İstanbul, 1967 (in Turkish)].
- Taline T. M. *Komintern'in Seyyar Militanları: Sovyetler Birliği ve Ortadoğu'daki Azınlıklar*. Çev. E. Akbulut. İstanbul, 2019 [*Mobile Militants of the Comintern: The Soviet Union and Minorities in the Middle East*. Tr. by E. Akbulut. İstanbul, 2019 (in Turkish)].
- Yılmaz O. *Türkiye'nin İlk Komünistlerinden Zileli Halil Yalcinkaya*. İstanbul, 2012 [*Zileli Khalil Yalcinkaya as One of the First Turkish Communists*. İstanbul, 2012 (in Turkish)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-126-138

МАКОТО — ИСХОДНЫЙ ПРИНЦИП ЭТИЧЕСКИХ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ УБЕЖДЕНИЙ ЯПОНЦЕВ

© 2020

М. П. Герасимова*

Макото (まこと, букв. — истина, истинность, правда, подлинность «настоящесть») — элемент понятийного аппарата традиционного миропонимания японцев. Принято считать, что *макото* — философско-эстетическое понятие, лежащее в основе японской духовности, предполагающей, помимо прочего, понимание порядка и закономерностей истинно сущего Универсума *синрабансё* (森羅万象), всеобщей взаимосвязанности вещей *банбуцу иттай* (万物一体), стремление постичь подлинную суть вещей, и, в отличие от других духовных ценностей, имеет чисто синтоистское происхождение. Для написания слова *макото* после знакомства с китайской письменностью были заимствованы три иероглифа, каждый из которых означает «правдивость», «подлинность», но имеет отличительные нюансы: 真 — «правда», «подлинность», «истинность», 実 — «правда», «действительность», он же «плод», «суть», «содержание» и 誠 — «правдивость», «искренность», «истинность». *Макото* — «истинные слова» и *макото* — «истинные дела» подразумевают высшую степень искренности слов и честности, правильности мыслей, действий, поступков. Взаимосвязь «истинные слова — истинные дела» можно рассматривать как один из движущих факторов морального долженствования, побуждающий каждого на своем поприще стремиться быть «настоящим». В свою очередь это стремление способствовало формированию повышенного чувства долга и ответственности, ставших отличительной чертой характера японцев. Однако *макото* имеет не только этическую, но и эстетическую коннотацию и может быть рассмотрено как основа, на которой сформировались понятие *моно — но аварэ* (もののあわれ、物の哀れ) и одноименный эстетический идеал, ставший первым звеном в цепи японских представлений о прекрасном. Каждое звено в этой цепи служит выражением новой грани *макото*, открывавшейся как следствие тех или иных элементов миропонимания, выступающих на первый план в соответствующие исторические эпохи.

Ключевые слова: *макото*, этическая и эстетическая ценность, всеобщая взаимосвязанность вещей, миропонимание, Единое и единичное, японская эстетика.

Для цитирования: Герасимова М. П. *Макото* — исходный принцип этических и эстетических убеждений японцев. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 126–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-126-138

* Майя Петровна ГЕРАСИМОВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maiyasalve@gmail.com

Maya P. GERASIMOVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maiyasalve@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4751-3087

MAKOTO AS THE INITIAL PRINCIPLE OF THE ETHICAL AND AESTHETIC BELIEFS OF THE JAPANESE

Maya P. Gerasimova

Makoto (まこと, lit.: truth, genuineness, reality, “realness”) is an element of the conceptual apparatus of the traditional worldview of the Japanese. In Japan, it is generally accepted that *makoto* is a philosophical and aesthetic concept that underlies Japanese spirituality, involving among other principles understanding of the order and laws of the truly existing Universum (*shinrabanshō*; 森羅万象) and the universal interconnectedness of things (*bambutsu ittai*; 万物一体), the desire to understand the true essence of everything that person meets in life, and, unlike other spiritual values, is purely Shinto in origin. After getting acquainted with the Chinese hieroglyphic writing three Chinese characters were borrowed for the word *makoto*. Each of these characters means truthfulness, genuineness, but has its own distinctive nuances: 真 means truth, authenticity, truthfulness, 実 signifies truth, reality, essence, content, and 誠 again means truthfulness, sincerity, and truth. *Makoto* (“true words”) and *makoto* (“true deeds”) imply the highest degree of sincerity of words and honesty, correctness of thoughts, actions, and deeds. The relationship “true words — true deeds” can be seen as one of the driving factors of moral obligation, prompting everyone in their field, as well as in relations between people, to strive to be real. This desire contributed to the formation of a heightened sense of duty and responsibility among the Japanese, which became a hallmark of their character. However, *makoto* has not only ethical connotation, but aesthetic one as well, and can be considered as the basis on which were formed the concept of *mono no aware* (もののあわれ、物の哀れ) and the aesthetic ideal of the same name, that became the first link in the chain of Japanese perceptions of beauty. Each link in this chain is an expression of a new facet of *makoto*, which was revealed as a result of certain elements of the worldview that came to the fore in the historical era.

Keywords: *makoto*, ethical and aesthetic value, the universal interconnectedness of things, worldview, a Whole, singular, Japanese aesthetics.

For citation: Gerasimova M. P. *Makoto* as the Initial Principle of the Ethical and Aesthetic Beliefs of the Japanese. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 126–138. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-126-138

«**М**акото — (истина, истинность, правда, “настоящность”) в некотором роде и мерило, и принцип, которого придерживались японцы и в жизни, и в творчестве, и заслуживает отдельного разговора». Так заканчивается опубликованная в шестом номере журнала «Вестник Института востоковедения» за 2018 г. статья «Особенности эстетического сознания японцев» [Герасимова, 2018с], в продолжение которой в данной работе пойдет речь о *макото* как первопричине этических и эстетических убеждений японцев, что позволяет употреблять слово *макото* как термин, обозначающий специфически японское понятие.

В Японии принято считать, что *макото*, философско-эстетическое понятие, лежащее в основе японской духовности, и, в отличие от других духовных ценностей, имеет чисто синтоистское происхождение. Это обстоятельство особо подчеркивается по причине того, что понимание японцами мира, своего места в нем и бытия в целом сформировалось в результате синто-даосско-буддийского синкретизма. Многие философские понятия приобрели своеобразную смысловую окраску, перестав строго соответствовать закрепленным за ними терминам, и воспринимаются как «традиционно японские».

В отечественном японоведении большое внимание *макото* уделено в книге Т. П. Григорьевой «Японская художественная традиция». В главе «Модель мира и понятие «правды», обобщая рассуждения о понятии *макото*, автор подчеркивает: «Макото — подлинная природа вещей; “видимое и слышимое” — форма ее проявления; они соотносятся как “неизменное” и “изменчивое”, но между ними нет дистанции. Единое (*макото*) существует в форме единичного (что видишь и слышишь). Но чем объясняется эта нераздельность? Чтобы глубоко осмыслить одно лишь понятие, нужно знать, как японцы смотрели на мир, характер тех учений, которые воздействовали на их сознание» [Григорьева, 1979, с. 52].

Рассмотрению термина уделяет внимание и Т. И. Бреславец в книге «Поэзия Мацуо Басё», справедливо подчеркивая, что *макото* «определило начальную ступень развития эстетического сознания японского общества, а в дальнейшем в связи с распространением в Японии идей буддизма *макото* подверглось значительной трансформации: приобрело идеалистическую окраску, прониклось духом «универсальности» и «вечности», стало понятием высокой истины» (подробнее см. [Бреславец, 1981]).

ЯПОНЦЫ О МАКОТО

О *макото* как об эстетическом идеале раннеяпонской поэзии, предполагающем «прямое, непосредственное отображение предметов и чувств», говорится в книге И. А. Борониной «Девять ступеней вака»¹. Японские поэты об искусстве поэзии» (подробнее см.: [Боронина, 2006]).

Все три автора опираются на выводы японских исследователей, в частности на толкования *макото* Хисамацу Сэнъити (久松 潜一; 1894–1976), прослеживающего развитие понимания *макото* от первых литературных памятников — свода мифов «Записи о деяниях древности» — «Кодзики» (古事記; 712 г.) и поэтической антологии «Собрание мириад листьев» — «Манъёсю» (万葉集; где собраны стихи 600–759 гг.)², — до эпохи Мэйдзи, когда в результате знакомства японского общества с культурой Запада во всех областях японской жизни произошли мощные сдвиги и зародилась новая японская литература. На основе этих исследований Хисамацу Сэнъити определяет *макото* как «принцип простоты, безыскусственности, который свойствен молодой литературе каждой новой эпохи и на основе которого возникает реалистическая тенденция в искусстве», подчеркивая, что *макото* «отражает закон не только литературы, но и самой жизни» (цит. по: [Григорьева, 1979, с. 52]).

Нет ни одной работы о японской культуре в разных ее аспектах, где не упоминалось бы *макото*, но найти отдельное исследование этого понятия нам не удалось.

¹ Японские пятистишия *танка* (短歌; букв. «короткая песня») с X до середины XIX вв. называли *вака* (和歌; букв. «японская песня»), противопоставляя стихам на китайском языке, создаваемым японскими поэтами, — *канси* (漢詩; букв. «китайская песня»). После реставрации Мэйдзи (1868 г.) этому жанру возвращено старое название — *танка*. Поэтические творения в Японии произносили нараспев, поэтому их называют песнями *ута* (歌).

² Большинство стихотворений, собранных в «Манъёсю», созданы в указанный период, но самые ранние стихи относятся к IV в., а самые поздние к концу VIII в.

Впервые *макото* было «узаконено» как духовная ценность в XIII в. в составленном жрецами из дома Ватараи сочинении «Писание о синто в пяти частях» (*Синто-го бусё*; 神道五部書), ставшем результатом поисков теоретической основы синтоизма в условиях укрепления позиций буддизма в Японии. Вдохновителем этих поисков считается жрец Внешнего святилища Исэ-дзингү Ватараи Юкитада (度会行忠; 1236–1305). Его дело продолжили жрецы этого же дома Ватараи, в результате чего и зародилось учение Ватараи синто (度会神道) или Исэ синто (伊勢神道), основные положения которого и были изложены в вышеупомянутом «Писании», представляющем собой собрание преданий и легенд о происхождении и истории святилищ Исэ-дзингү, пронизанных идеями составляющими основу *синто*. Именно в этом документе *макото* и было впервые выделено как ключевое слово. Это развитие событий, однако, не стало препятствием укрепления буддизма: учение Будды называли не иначе как *макото-но мити* (真の道) — «Путь *макото*» — «Путь истины», тогда как Путем Истины изначально называли Путь японских богов *ками*, о чем немало свидетельств, в том числе известная *вака* Сугавара-но Митидзанэ³ (845–903), в которой буквально говорится: «Если сердце на Пути *макото*, *ками* (синтоистские боги. — М. Г.) и без молитв сохраняют»⁴.

Столь позднее создание теоретической основы синтоизма может быть объяснено отсутствием у японцев склонности к обобщениям и теоретизированию, ставшему следствием синтоистских поверий, согласно которым люди от природы наделены знанием того, что они должны делать, а чего следует избегать. Этим же объясняется отсутствие канонов, догм, священных книг, формализованной системы этических норм.

Дурные поступки людей рассматривались как противоестественные, совершенные в результате нарушения заложенного Природой баланса или помрачения человеческой души. Чтобы восстановить естественное равновесие и очиститься внутренне, совершался (и по сей день совершается) обряд очищения *охаираи*. Синтоисты считают, что «чистое *киёки* (清き), ясное (светлое, незамутненное) *акаки* (明き) сердце» *кокоро* (心) (иначе *эймэйсин* 清明心) — залог добродетельности, поскольку в нем, как в зеркале, без искажений отражается мир, созданный богами, и происходит понимание упорядоченной гармонии истинно сущего Универсума *синрабансё* (森羅万象; букв.

³ Сугавара-но Митидзанэ (菅原道真 845 — 903) — ученый, поэт, государственный деятель. Обожествлен, считается синтоистским божеством Тэндзин (天神), покровительствующим наук.

⁴ 心だに	Кокоро да ни	Если сердцем своим
まことの道に	макото-но мити-ни	по Истинному пути
かなひなば	канаинаба	Идти,
祈らずとても	инорадзу тотэмо	без молитв
神や守らん	ками я маморан	сохранят боги

Взаимодействие синтоизма с буддизмом имеет историю, обусловленную рядом местных поверий (Подробнее см.: [Герасимова, 2018с]. В VIII в. в Японии зародилась идеология т. н. «двойного пути богов» *рёбу синто* (両部神道), согласно которой синтоистских божеств стали отождествить с буддами (*симбуцу дотай*; 神仏同体). Синтоистские божества были объявлены «явленным следом» (*сидзюку*; 垂迹) будд, которые почитались за «истинную сущность» (*хондзи*; 本地) (данный перевод терминов предложен В. Н. Гореглядом), иными словами, местным проявлением «изначальных, истинных» — *контэй синдзиусин* (根本真實身) будд и бодхисатв.

бесконечные ряды тьмы вещей, иначе *тэнтйбамбуцу* 天地万物; букв. небо, земля и тьма вещей) и искреннее стремление поддерживать ее всеми делами и есть *макото*.

Первые исследования понимания *макото* и роли, которую оно играло в жизни японцев, были проведены в XVIII в. (!) представителями так называемой Школы национальной науки *кокугакуха* (国学派, также *вагаку* 和学派 — японоведение) (подробнее см.: [Михайлова, 1988]).

Кокугакуха возникла как протестная научная школа в период, когда главной идеологической основой политического режима Японии стало неоконфуцианство⁵. В отличие от раннего конфуцианства с его этико-политическими концепциями, сформулированными Конфуцием (ок. 551 — ок. 479 гг. до н. э.), в неоконфуцианстве огромное внимание уделяется вопросам натурфилософии, онтологии, космогонии.

Движимые стремлением противопоставить китайской системе миропонимания национальную, представители Школы национальной науки занимались изучением древнейших японских памятников письменности и, несмотря на то что их исследования способствовали выдвиганию на первый план культа синто, принимавшего порой крайние формы, их вклад в понимание национального своеобразия японцев и японской культуры чрезвычайно велик.

Памятники словесности стали единственным материалом для исследования, поскольку, «на протяжении всей своей истории японцы в каждую эпоху выражали свои мысли не столько в абстрактной, умозрительной (思弁哲学) форме, характерной для философии, сколько в конкретных литературных произведениях. ...В Японии литература взяла на себя роль философии» [Kato Shuichi, 1999, p. 6].

Основой для реконструкции образа жизни, вкусов, привычек и миропонимания японцев, живших в эпохи Нара (710–794), Хэйан (794–1185) и Камакура (1185–1333), стали поэтические антологии «Манъёсю», «Кокинвакасю» (*Кокинвакасю*; 古今和歌集, сокр. *Кокинсю*; 古今集, 922) — «Собрание старых и новых песен Ямато», «Син Кокинвакасю» (*Син Кокинвакасю*; 新古今和歌集; сокр. *Син Кокинсю*, 1205) — «Новое собрание старых и новых песен Ямато», прозаические сюжетные *моногатари* (物語), дневники *никки* (日記), эссе придворных дам и монахов *дзуйхицу* (随筆), военные эпопеи *гунки* (軍記) и другие памятники словесности.

ИСТИННЫЕ СЛОВА И ИСТИННЫЕ ДЕЛА

Для людей эпохи Нара главным принципом в жизни и в творчестве было *макото*, а в эпоху Хэйан, когда в Японии формировалась национальная самобытность, и в кругах аристократии создавались произведения, считающиеся японской классикой — *отёбунка* (王朝文化), в отношении японцев к миру и осмыслению действительности главную роль играло понятие *моно-но аварэ* (もののあわれ) «очарование вещей». Особое внимание изучению *моно-но аварэ* уделял один из выдающихся представителей Школы

⁵ Неоконфуцианство появилось в Японии в XIII в. и пользовалось признанием при дворе сёгунов. С конца XVI в. его распространению способствовали мыслитель Фудзивара Сэйка (1561–1619) и его последователь Хаяси Радзан (1583–1657). Подробнее см.: [Радуль-Затуловский, 2011].

национальной науки *кокугаку*, о которой говорилось выше, Мотоори Норинага⁶ (本居宣長; 1730–1801).

Моно (дословно «вещь», «предмет», «нечто» «некто») — это равно одушевленные и неодушевленные объекты, а также абстрактные понятия, конкретные факты, явления природы и человеческие чувства, которые также понимались, как природное явление. «Наличие всех этих значений у слова *моно* — явление именно японского языка, поскольку по-китайски эти слова, обозначающие неодушевленную вещь и живое существо, не только записываются разными иероглифами, но и фонетически представляют собой разные лексические единицы» [Ермакова, 2003, с. 6]. *Аварэ* (哀) же — это эмоциональный отклик, возникающий в душе человека, когда ему удастся постичь суть *моно* — предмета, события или явления, первоначально это был возглас удивления и восхищения. Словари архаизмов определяют *аварэ* как «выражение чувства, связывающего человека с тем или иным объектом» *нагамэрафэтай тайсё ни кэцуго суру кандзё-о араваси* (ながめられた対象に結合する感情を表し) [Kogojiten, 1963, p. 37]. Постигание *моно-но аварэ* предполагает чувственно-эмоциональное восприятие неповторимой подлинной сути всякого *моно*, каковым может быть предмет факт, явление и даже абстрактное понятие.

К X в. *моно-но аварэ* оформилось как категория и стало первым звеном в цепи японского понимания прекрасного, но выражение *моно-но аварэ* было известно и во времена составления «Манъёсю», когда ассоциировалось с чувством взволнованности, растроганности, становившихся поводом сложить «короткую песню» *танка*. Самые ранние стихи в «Манъёсю» относятся к IV в.

Стихи слагали не только наделенные поэтическим талантом образованные придворные, но и простые люди, все и обо всем, «здесь и сейчас» и произносили их нараспев, почему и называли *ута* (歌) — песня.

Песни *ута*, вошедшие в антологию «Манъёсю», дают возможность проследить, как происходил переход от устного народного творчества к авторской поэзии⁷.

Импульсом для создания *танка* становились «душевные явления, эмоции, обнаруженные в связи со всем окружающим миром» [Конрад, 1927, с. 10], иными словами, любое событие или явление, вызвавшее тот или иной эмоциональный отклик. Выраженная в *танка* эмоция воспринималась как проводник в универсум: человек «вписывал» свой эмоциональный отклик как душевное явление в пространство и время⁸.

⁶ Мотоори Норинага — один из четырех прославленных представителей *кокугаку* наряду с Камо-но Мабути (賀茂真淵; 1697–1769), Када-но Адзумамао (荷田春満; 1668–1736), Хирата Ацуганэ (平田篤胤; 1776–1843).

⁷ Подробнее см.: [Глушкина, 1978; Конрад, 1974; Соколова-Делюсина, 2000].

⁸ Сакральное назначение песни *ута* — сохранять в мире чувства и эмоции, пережитые людьми, говорит о самоценности эмоции в японском культурном пространстве (подробнее см.: [Герасимова, 2018b]). Именно об этом говорится в «короткой песне», сложенной прославленным поэтом и не менее прославленным полководцем, известным современникам как «владеющий сокровенными тайнами поэзии» Хосокава Юсай (細川幽斎; 1534–1610).

古も
今も変わらぬ
世の中に
心の種を
残すことの葉

Пнисиэ мо
има мо каварану
ё-но нака-ни
кокорё-но танэ-о
нокосу кото-но ха

Нынче,
как и в старину,
в этом мире
семена людских сердец
сохраняют листья-слова.

Японцу верилось, что таким образом достигается гармоническая взаимосвязанность между всеми элементами мироздания, поддерживать которую побуждали его все существующие в обществе верования и прежде всего синтоистская убежденность в одухотворенности всего, с чем сталкивается в жизни человек (подробнее см.: [Герасимова, 2018a]).

Силлабический строй японского языка позволял без труда слагать пятистишие размером 5–7–5–7–7 слогов по любому вызвавшему эмоциональный отклик поводу. Оформившись как литературный жанр, японская «короткая песня», будучи откликом на прочувствованное в конкретное время в конкретном месте событие или явление, сохранила характер экспромта. «Прикосновением сердца к предметам и явлениям» называл японские песни упомянутый выше автор предисловия к поэтической антологии «Кокинсю», один из 36 гениев японской поэзии Ки-но Цураюки)⁹. Очевидно, что рожденная таким образом песнь не могла быть не чем иным, кроме как выражением искреннего чувства идущими от сердца словами.

Дух непредвзятости, искренности в выражении душевного волнения, пронизывающий «Манъёсю», стал идеалом, к которому впоследствии стремилась вся японская литература — большинство исследователей в Японии и за ее пределами ассоциируют этот идеал с *макото*.

Впервые слово *макото* как характеристика значимости произведения встречается в предисловии к императорской антологии «Кокинвакасю», написанном слоговой азбукой *хирагана*¹⁰ (*Кокинвакасю каназдэ* 古今和歌集仮名序) цитированным выше Ки-но Цураюки. Оценивая поэтическое творчество одного из «шести знаменитых поэтов недавних времен»¹¹ — монаха Хэндзэ (僧正遍昭, он пишет: «Песни монаха Хэндзэ

Хосокава Юсай обыгрывает в пятистишии метафорическое высказывание прославленного поэта Ки-но Цураюки (紀貫之, 866?–868?–945?–946?) из его предисловия к антологии «Кокинвакасю» (X в.): «Песни Ямато, (японские песни. — М. Г.) прорастают из сердец людских, как из семени и обращаются в бесчисленные листья слов». *Ямато ута ва хито-но кокоро-о танэ то ситэ, ёродзу-но кото-но ха то дзо нарэкикэру* (やまと歌は、人の心を種として、よろづの言の葉とぞなれりける). См. *Kokinwakashū kanajo* (古今和歌集仮名序). *Wikisource*. URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/%E5%8F%A4%E4%BB%8A%E5%92%8C%E6%AD%8C%E9%9B%86%E4%BB%AE%E5%90%8D%E5%BA%8F> (дата обращения 01.07.2020). «Листья-слова» *кото-но ха*, так же, как «лист» *ха* или 葉 — метафора песни *ута*, существующая со времен создания «Манъёсю», о чем свидетельствует само название «Собрание myriad листьев».

⁹ 36 бессмертных поэтов *сандзюфоккасэн* (三十六歌仙) — 36 прославленных поэтов эпохи Нара (奈良時代; 710–794) и Хэйан (平安時代; 794–1185).

¹⁰ Для написания исконно японских слов помимо заимствованных из китайского письма иероглифов *кандзи* (漢字) в японском письме существуют две слоговые азбуки-кана — *хирагана* и *катакана*. *Хирагана* пишется изменяемые части японских слов, написанных китайскими иероглифами. Для записи заимствованных слов из европейских языков используется *катакана*. Большую часть лексики современного японского языка составляют китаизмы *канго* (漢語), записываемые иероглифами. Таким образом, в японском языке используется три системы письма, и японская письменность называется *кандзи кана мадзирibun* (漢字仮名交じり文), буквально «смешанное письмо иероглифами и кана».

¹¹ Речь идет о поэтах эпохи Хэйан монахе Содзэ Хэндзэ (遍昭, 816–890), Фунъя-но Ясухидэ (文屋康秀; ?–885), Кисэн-хоси (喜撰法師; ?–?), Оно-но Комати (小野小町; 825–ок. 900), Отомо Куронуси (大友黒主; ?–?), которые критиками более позднего периода были объединены в группу «Шесть бессмертных поэтов» «Роккасэн» (六歌仙). *Kokinwakashū kanajo*. *Wikisource*. URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/>

хороши по форме, но им не достает *макото*. Это все равно что попусту беречь себе душу, глядя на красавицу, нарисованную на картине»¹² (*Содзё Хэндзё ва ута-но сама ва тарэдомо макото сукунаси. Татозба э-ни какэру-о она-о митэ итадзура-ни кокоф-о угокасу готоси; 僧正遍昭は、歌のさまはえたれどもまことすくなし。たとへばゑにかけるをうなを見ていたづらに心をうごかすがごとし*)¹³ и приводит в пример одну из его песен:

浅緑	<i>Аса мидори</i>	Свесила светло-зеленые нити,
糸縊りかけて	<i>ито ёри какэтэ</i>	униженные каплями
白露を	<i>сифацую-о</i>	прозрачной росы,
珠にも貫ける	<i>тама-ни мо нукэру</i>	как жемчугом, —
春の柳か	<i>Хару-но янаги ка</i>	весенняя ива

Написанное слоговой азбукой *хирагана* слово *макото* исследователь и переводчик японской литературы и поэзии А. А. Долин переводит как «искренность» — («по форме хороши его песни, но им не хватает искренности» [Кокинвакасю, 1995, с. 44], что вполне допустимо, поскольку «искренность» — одно из значений *макото*. Однако представляется, что Цураюки имел в виду скорее отсутствие в изящных, настраивающих на любованье красотой стихах подтекста, исполненного чувства, пережитого автором и способного вызвать эмоциональный отклик у читателя. Эти строки были написаны в период, когда в среде просвещенных японцев постижение подлинной сути чего бы то ни было, любого *моно*, а это считалось почти нравственным долгом (см. подробнее: [Герасимова, 2018b]), понималось как переживание *моно-но авафэ*¹⁴, и более чем когда-либо была очевидна самоценность эмоции, свидетельствовавшей о причащении к *макото*, что и должно было быть выражено в *вака*.

В словаре архаизмов «Кобундзитэн» говорится, что это «причащение» происходит, когда разум *рисэй* (理性) и чувство *кандзё* (感情) естественным образом объединяются воедино, что обеспечивает целостность восприятия»¹⁵.

Для обозначения слова *макото* на письме были заимствованы три китайских иероглифа¹⁶, каждый из которых означал «правдивость», «подлинность», но имел отличительные нюансы: 真 — «правда», «подлинность», «истинность»; 実 — «правда»,

%E5%8F%A4%E4%BB%8A%E5%92%8C%E6%AD%8C%E9%9B%86%E4%BB%AE%E5%90%8D%E5%BA%8F (дата обращения 12.07.2020).

¹³ Kokinwakashū kanajo. *Wikisource*. URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/%E5%8F%A4%E4%BB%8A%E5%92%8C%E6%AD%8C%E9%9B%86%E4%BB%AE%E5%90%8D%E5%BA%8F> (дата обращения 01.07.2020).

¹⁴ «Постижение», «восприятие» — *канти* (感知), — состоит из иероглифов *кан* (感) «чувство» и *ти* (知) «знание»).

¹⁵ Makoto. *Weblio kogojiten* (古語辞典; Dictionary of Archaisms). URL: <https://kobun.weblio.jp/content/まこと> (дата обращения 12.07.2020).

¹⁶ С китайским иероглифическим письмом японцы познакомились еще в IV в., но первой письменностью для записи текста на японском языке (знакомые с иероглифами просвещенные японцы предпочитали писать на китайском языке; на Дальнем Востоке китайский играл ту же роль, что латынь в Европе) стала так называемая *манъёгана* (万葉仮名, VI–VII вв.) букв. «азбука *манъё*», то есть, «азбука мириад листьев». Манъёганой записаны стихи из антологии «Манъёсю». Для записи японских слов использовались китайские иероглифы, но не в смысловом значении, а по схожести звучания с японскими словами (позднее на основе *манъёгана* были разработаны азбуки *хирагана* и *катакана*).

«действительность», он же «плод», «суть», «содержание», 誠 — «правдивость», «искренность», «истинность».

Само японское слово *макото* состоит из префикса *ма* и корня *кото*¹⁷. Префикс *ма* в японском языке употребляется для выражения высшей степени проявления особенностей, свойств того, о чем идет речь (например, «самая середина» — *маннака* (真中), «прямо перед» — *массэ́мэн* (真つ正面), «прямо вперед» *макуэ* (真つ直ぐ), «белейший» — *массирои* (真つ白い), «разгар лета» *манацу* (真夏), «от всего сердца» *магокоро* 真心). Из китайской иероглифики для записи префикса *ма* в слове *макото* был взят иероглиф (真) со значением «правда», «подлинность», «правдивость». Иероглиф был выбран исходя из его семантического свойства, а не как фонетик, как это обычно происходило на раннем этапе становления японской письменности, ибо по-китайски он читается *zhēn*, но имеет значение «правда», «подлинность», «правдивость» и может употребляться для усиления свойства стоящего рядом слова, то есть выполняет ту же функцию, что и японский префикс *ма*.

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ КАК ДЕРИВАТ МАКОТО

Что касается корня *кото*, он может иметь значения «слово, слова», а также «дело, действие, деяние», образуя таким образом омонимы *макото*, имеющие значения «истинные слова» (真言) и «истинные дела» (真事). Слово *кото* со значением «дело, деяние, действие» и др. используется также как субстантиватор предшествующего слова или группы слов, когда речь может идти о чем угодно — о предмете, событии, месте, явлении, чувстве, поступке и пр. Для записи корня *кото* иероглифы «слово» и «дело» (言 и 事), также были взяты исходя из значения, а не звучания, что дало омофоны *макото* с значениями «истинные слова» (真言) и «истинные дела» (真事). И те, и другие подразумевают высшую степень искренности слов и честности, правильности мыслей, действий и поступков.

Взаимосвязь «истинные слова — истинные дела» была одним из движущих факторов морального должностования, позволяющего каждому быть на своем поприще — в служении, в творчестве, в труде, в отношениях между людьми; быть «настоящим», выполнять долг и обязанности наилучшим образом, образно говоря, — «с префиксом *ма*». Это стремление можно считать одним из факторов, способствовавших формированию у японцев повышенного чувства долга и ответственности, ставших отличительной чертой их характера¹⁸.

Есть немало свидетельств того, что слово *макото* издавна имело этическую коннотацию (подробнее см.: [Picken, 1984; 1994], в частности, в императорских указах *сэммэ* (宣命; подробнее см.: [Норито, 1991]), вошедших в историко-мифологическую летопись «Продолжение записей о Японии» (*Сёку нихонги*, 続日本紀), завершённую в 797 г. Выражение «правдивое (искреннее) сердце» — *макото-но кокоро*, в особенности в

¹⁷ Makoto. Kotobank. Sekai daihyakkajiten dai 2-han (コトバンク.世界大百科事典 第2版の解説. *Big World Encyclopedia. Second Edition*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%AA%A0-544431> (дата обращения 12.07.2020).

¹⁸ О традиционных ценностях как факторах, формирующих национальный характер, подробнее см.: [Герасимова, 2013].

сочетании с эпитетами «чистое *киёки* (清き), ясное (светлое, незамутненное *акаки* (明き), «прямое» *наоки* (直き) — *киёки акаки наоки макото-но кокоро* (清き明き直き誠の心), стало фразеологической единицей и служит признанием высоких моральных качеств.

Наряду с этим *макото* как философско-эстетическое понятие лежит в основе японской духовности, предполагающей понимание порядка и закономерностей истинно сущего Универсума *синрабансё* (森羅万象), всеобщей взаимосвязанности вещей *бамбуцу иттай* (万物一体), подлинной сути всякого *моно* и способности глубоко эмоционально реагировать на явления окружающего мира (что еще раз говорит о самооценности эмоции в японском культурном пространстве (подробнее см.: [Герасимова, 2018b]).

В современной философской науке существует мнение, согласно которому подобное стремление к гармонизации с окружающим миром характерно для «культуры Понимания». Это мнение сформировалось в результате сопоставления позиций, с которых осваивался мир в западной и восточной культурах, когда был сделан вывод о том, что «самая общая характеристика их “мышления” приводит к обозначению западной культуры как культуры Познания, а восточной как культуры Понимания (подробнее см.: [Снитко, 2001]). При «познающем» отношении к миру субъект противопоставляет себя постигаемому как объекту исследования, а при «понимании» человек осознает себя частью Целого, равной остальным частям, и стремится к гармоническому взаимодействию с ними, вследствие чего на первый план выходит не познание, а чувственно-эмоциональный опыт, формируется образно-эстетический тип осмысления действительности. В Японии вклад в формирование такого типа внесли как синтоистские поверья (в частности, вера в одухотворенность всего, что окружает человека, взаимоотношения с богами *ками* (神), мыслившимися близкими людям и участвующим в их жизни), так и учения Будды и Лао-цзы о Вечном и Бесконечном.

Вера в одухотворенность всего, что окружает человека, одухотворенность всех *моно* породила стремление постичь подлинную суть всего сущего, как говорят в Японии, «желание увидеть невидимое и услышать неслышимое». Невидимое и неслышимое невозможно постичь интеллектом и осмыслить в логических категориях — они постижимы на уровне чувств и ощущений. Отсюда особое значение, придаваемое во все времена чувственно-эмоциональному опыту в познании окружающей действительности и формирование средств художественной выразительности, позволяющих правдиво выразить в художественной форме самую суть предмета, явления, чувства, о чем свидетельствуют все виды японского искусства¹⁹. При этом установка на *макото*, требовавшая правдивой передачи чувственно-эмоционально познанной сути объекта, исключала достоверное его изображение, равно как и авторское видение через призму собственного «я».

В живописи, например, стремление правдиво выразить суть объекта означало отказ от реалистически правильной соразмерности в изображении — различные «искажения», преуменьшения или преувеличения размеров людей и предметов

¹⁹ Несмотря на высокую концентрацию эстетического опыта в Японии во все времена, искусство было имплицитно: фактически существовавшее, оно не осознавалось как таковое до середины XIX в., не было и понятия «искусство». О причинах и следствиях этого обстоятельства см.: [Герасимова, 2017].

позволяли с максимальной экспрессией передать не облик, но эмоционально познанную суть изображаемого. Считалось, что постичь суть объекта можно, только уйдя от своего «я» (состояние *муга*; 無我 — букв. «не-я», «нет меня» — или «психологический ноль»).

Учитывая, что понимание всеобщей взаимосвязанности вещей *бамбуцу иттай* (万物一体) — одна из главных составляющих миропонимания японцев, логично предположить, что любой предмет, равно одушевленный и неодушевленный, явление и событие важны и интересны не только сами по себе, но и как существующие в лоне единого Универсума.

Обобщая, можно сказать, что восприятие всего, что бы это ни было, как части единого Целого, вмещающего в себя все параметры мироздания и человеческого бытия, в рамках которых любое единичное воспринималось как своеобразная манифестация Единого, было одним из определяющих моментов миропонимания японцев.

Восприятие частного в его связи с абсолютным Целым обусловило философскую поэтичность, вернее опозитизированную философичность японского искусства и литературы, что находит выражение в их идейно-содержательной «двуплановости». Двуплановость в литературе предполагает одновременное существование в произведении космографического плана, выражающего Вечное и Бесконечное, и «реального» плана, повседневного, мирского, соотносимого с преходящим. Отсюда особое внимание к конкретным месту и времени, стремлению «зафиксировать» мгновение «здесь и сейчас», что в свою очередь предопределило характер экспромта традиционных жанров японской поэзии. Отсюда же и своеобразие средств художественной выразительности в изобразительном искусстве, проявившееся в композиции, отличительной особенностью которой является не заполненное рисунком пространство, символизирующее Вечное и Бесконечное, и деталь, говорящая о сиюминутном мирском.

Восприятие частного в его связи с абсолютным Целым обусловило также специфически японские особенности эстетических понятий и идеалов, которые, так же как на Западе, менялись в каждую историческую эпоху, но в отличие от Запада формировались в рамках одной и той же мировоззренческой парадигмы (подробнее см.: [Герасимова, 2017]). Иными словами, каждое новое понятие и соответствующий ему эстетический идеал представляли собой трансформацию предыдущего, что, впрочем, не означало его отрицания.

Понятия *моно-но аварэ* (もののあわれ)²⁰, пришедшее ему на смену *югэн* (幽玄), воспринимаемое как непознаваемая, сокровенная красота тайны мироздания, отблеск которой угадывается во всем, что существует и происходит в этом мире, затем *саби* 寂 — просветленное одиночество перед ликом Вечности, и *суй/ики* 粋 — характерная стильность (определившие характер одноименных эстетических идеалов) — суть

²⁰ Широкое применение иероглифики внесло некоторые коррективы в понимание отдельных японских слов. Выше говорилось о появлении омофонов в результате написания корня *кото* в слове *макото* разными иероглифами. То же можно сказать о слове *моно*, изначально применявшемся равно к одушевленным и неодушевленным объектам, которые со временем, по-прежнему одинаково называемые *моно*, стали записываться разными иероглифами (者 — одушевленный, 物 — неодушевленный). Когда речь идет о *моно-но аварэ* как о понятии, применяется *хифагана*.

выражение формы освоения бытия и постижения подлинной сути отдельного в системе всеобщей взаимосвязанности вещей.

Различие между *моно-но аварэ* — *югэн* — *саби* — *ики/суй* было обусловлено нюансами в понимании характера конечного сущего, на которое повлияли неизменные особенности миропонимания и изменчивые — бытия, тогда как установка на постижение сути всякого предмета, события, явления и всего, что окружает человека, оставалась неизменной [Герасимова, 2018b, с. 46].

Моно-но аварэ стало отправной точкой в познании мира японцем и первым звеном в цепи эстетических идеалов. Претерпев в этом качестве ряд трансформаций, «очарование вещей» *моно-но аварэ*, — эстетический идеал придворных аристократов эпохи Хэйан, (794–1185), дошло до наших дней как характерная стильность *ики/суй* — эстетический идеал горожан эпохи Эдо (1603–1868), не теряющий своей актуальности и сегодня (подробнее см.: [Герасимова, 2016]).

Так *макото* — центральная составляющая культурного кода японской нации — определила характер, привычки, вкусы и пристрастия японцев.

Литература / References

- Боронина И. А. *Девять ступеней вака. Японские поэты об искусстве поэзии*. М., 2006 [Boronina I. A. *Nine Steps of Waka. Japanese Poets on the Art of Poetry*. Moscow, 2006 (in Russian)].
- Бреславец Т. И. *Поэзия Мацуо Басё*. М., 1981 [Breslavets T. I. *Matsuo Basho's Poetry*. Moscow, 1981 (in Russian)].
- Герасимова М. П. О традиционном сознании японцев. *Японский феномен глазами русских японоведов*. М., 2018а. С. 325–343 [Gerasimova M. P. On the Traditional Consciousness of the Japanese. *Japanese Phenomenon through the Eyes of Russian Japanologists*. Moscow, 2018а. Pp. 325–343 (in Russian)].
- Герасимова М. П. Особенности эстетического сознания японцев. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018с. № 6. С. 41–48 [Gerasimova M. P. Specifics of Japanese Aesthetic Perception. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2018с. 6. Pp. 41–48 (in Russian)].
- Герасимова М. П. Пространство и время в культуре Японии. *Представления о пространстве, времени и мироздании у народов Востока*. М., 2020. С. 246–270 [Gerasimova M. P. Space and Time in Japanese Culture. *Asian People's Notions on Space, Time, and the Universe*. Moscow, 2020. Pp. 246–270 (in Russian)].
- Герасимова М. П. Самоценность эмоции в японском культурном пространстве. *Ежегодник «Япония»*. Т. 47. М., 2018b. С. 294–312 [Gerasimova M. P. Inherent Value of Emotion in the Japanese Cultural Space. *Japan (Yearbook)*. Vol. 47. Moscow, 2018b. Pp. 294–312 (in Russian)].
- Герасимова М. П. Традиционные ценности как фактор движения Японии по пути прогресса. *Восток (Oriens)*. 2013. № 1. С. 119–128 [Gerasimova M. P. Traditional Values as the Factor of Industrial and Economic Progress in Japan. *Vostok (Oriens)*. 2013. No. 1. Pp. 119–128 (in Russian)].
- Глускина А. Е. *Заметки о японской литературе и театре*. М., 1978 [Gluskina A. E. *Notes on Japanese Literature and Theatre*. Moscow, 1978 (in Russian)].
- Григорьева Т. П. *Японская художественная традиция*. М., 1979 [Grigor'yeva T. P. *Japanese Artistic Tradition*. Moscow, 1979 (in Russian)].
- Ермакова Л. М. «Вещь» и *моно* в понятиях и ритуалах. *Вещь в японской культуре*. М., 2003. С. 5–16 [Yermakova L. M. The “Thing” and *mono* in Notions and Rights. *Thing in Japanese Culture*. Moscow, 2003. Pp. 5–16 (in Russian)].

- Кокинвакасю. *Собрание старых и новых песен Японии*. Пер. А. А. Долина. М., 2001 [*Kokinwakashu. Collection of Old and New Songs of Japan*. Transl. by A. A. Dolin. Moscow, 2001 (in Russian)].
- Конрад Н. И. *Японская литература*. М., 1974 [Konrad N. I. *Japanese Literature*. Moscow, 1974 (in Russian)].
- Конрад Н. И. *Японская литература в образцах и очерках*. Л., 1927. [Konrad N. I. *Japanese Literature in Images and Essays*. Leningrad, 1927 (in Russian)].
- Мещеряков А. Н. Культурные функции японских топонимов. *Вестник РГГУ*. 2000. № 4.2. С. 290–310 [Meshcheryakov A. N. Cultural Functions of Toponyms. *Vestnik RGGU*. 2000. 4.2. Pp. 290–310 (in Russian)].
- Михайлова Ю. Д. *Мотоори Нориана. Жизнь и творчество*. М., 1988 [Mikhailova Yu. D. *Motoori Norinaga. Life and Works*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Норито. *Сэммё. Памятники письменности Востока ХСVII*. Пер. со старояп., иссл. и комм. Л. Н. Ермаковой. М., 1991 [Norito. *Semmyo. Monuments of Oriental Writing ХСVII*. Transl., research and comm. by L. N. Yermakova. Moscow, 1991 (in Russian)].
- Радуль-Затуловский Я. Б. *Конфуцианство и его распространение в Японии*. М., 2011 [Radul'-Zatulovskiy Ya. B. *Confucianism and Its Spread in Japan*. Moscow, 2011 (in Russian)].
- Снитко Т. Н. К вопросу о специфике организации японского культурного пространства. *История и культура Японии*. М., 2001. С. 252–270 [Snitko T. N. On Specifics of Japanese Cultural Space Structure. *History and Culture of Japan*. Moscow, 2001. Pp. 252–270 (in Russian)].
- Соколова-Делюсина Т. Л. *Сборник. Японская поэзия. Предисловие*. СПб., 2000 [Sokolova-Delyusina T. L. *Collection of Japanese Poetry. Waka Poetry*. Saint Petersburg, 2000 (in Russian)].
- Kato Shuichi. *Nihon bungakushi josetsu. Nihon bungaku no tokucho-ni tsuite* [Kato Shuichi. *Introduction to the history of Japanese literature. Specifics of Japanese literature* Vol. 1. Tokyo, 1999 (in Japanese)].
- Kogojiten (Shinsen) N. N. *Dictionary of Archaisms*. Nakada Norio (ed.). Tokyo, 1963.
- Picken Stewart D. B. *Essentials of Shinto. Analytical Guide to Principle Teachings*. Westport, 1994.
- Picken Stewart D. B. *Shinto. Japan's Spiritual Roots*. Tokyo, New York, 1984.
- Togashi Koichi. *The Psychoanalytic Zero: A Decolonizing Study of Therapeutic Dialogues*. New York, 2020.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Герасимова М. П. Имплицидность японского искусства. Причины и следствия. *Японские исследования*. 2017. № 4. С. 62–79. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/js/2017/js_2017_4_62-79.pdf (дата обращения 15.07.2020).
- Герасимова М. П. От эпохи Эдо до наших дней. Эстетический идеал городской культуры. *Японские исследования*. 2016. № 4. С. 36–54. URL: http://www.ifes-ras.ru/images/js/2016/js_2016_4_36-54.pdf (дата обращения 15.07.2020).
- Kokinwakashū kanajo (古今和歌集仮名序; Preface to “Kokinwakashu” written in Kana alphabet). *Wikisource*. URL: <https://ja.wikisource.org/wiki/%E5%8F%A4%E4%BB%8A%E5%92%8C%E6%AD%8C%E9%9B%86%E4%BB%AE%E5%90%8D%E5%BA%8F> (дата обращения 01.07.2020).
- Koto-no ha. Kotobank. *Sekai daihyakka jiten dai 2-han* (コトバンク.世界大百科事典 第2版の解説. *Big World Encyclopedia*). URL: <https://kotobank.jp/gs/?q=%E8%A8%80%E3%81%AE%E8%91%89> (дата обращения 12.07.2020).
- Makoto. Kotobank. *Sekai daihyakka jiten dai 2-han* (コトバンク.世界大百科事典 第2版の解説. *Big World Encyclopedia*). URL: <https://kotobank.jp/word/%E8%AA%A0-544431> (дата обращения 12.07.2020).
- Makoto. *Weblio kogojiten* (古語辞典; *Dictionary of Archaisms*). URL: <https://kobun.weblio.jp/content/まこと> (дата обращения 12.07.2020).

РИТУАЛ «ТЯКУДА-НО МАЦУРИГОТО» В ЯПОНСКОЙ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЕ ЭПОХИ ХЭЙАН

© 2020

М. В. Грачёв*

В статье рассматривается японский ритуал «*тякуда-но мацуригото*» в эпоху Хэйан (794–1185), его эволюция и особенности. Будучи первоначально лишь процедурой надевания кандалов на узника после оглашения приговора и неотъемлемой частью системы судопроизводства в периоды Асука и Нара, в эпоху Хэйан ритуал «*тякуда-но мацуригото*» превратился в масштабное церемониальное действие, регулярно осуществляемое в 5-м и 12-м лунных месяцах. Это было зрелище и для знатных особ, и для простолюдинов, ставшее верительным знаком торжества закона над беззаконием; символом бесчестия для преступников (на них во время ритуала публично, на рыночной площади столицы, надевали кандалы) и свидетельством справедливого правосудия для тех, чей срок заключения подошел к концу (с них прямо во время «*тякуда-но мацуригото*» оковы снимали и отпускали на свободу). Ритуал «*тякуда-но мацуригото*» в эпоху Хэйан подвергся конструктивным изменениям и в конце X в. превратился в некое позорящее наказание, преследовавшее несколько магистральных задач. Ритуал выполнял функцию сообщения, оповещая окружающих о виновности преступников и беспристрастности вынесенного им судебного вердикта. Посредством усиления визуальных и звуковых элементов церемонии устроители «*тякуда-но мацуригото*» достигали правильности понимания сути происходящего у присутствующих, ее предельной информативной точности. Церемониал освобождения от железных оков в присутствии многочисленных наблюдателей служил впечатляющим символом возвращения правонарушителя в мир законопослушных людей, демонстрацией неоспоримости верховенства закона в хэйанском государстве.

Ключевые слова: Япония, эпоха Хэйан, «*тякуда-но мацуригото*», судебная система, уголовное право, уголовные наказания, телесные наказания, судопроизводство, заключенные, церемониал.

Для цитирования: Грачёв М. В. Ритуал «*тякуда-но мацуригото*» в японской судебной системе эпохи Хэйан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 139–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-139-150

* Максим Васильевич ГРАЧЁВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры Японии Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (ИСАА МГУ); доцент кафедры стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва; maxgr73@mail.ru

Maxim B. GRACHYOV, PhD (History), Associate Professor, Department of History and Culture of Japan, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor, Department of East Asian Countries, State Academic University for the Humanities (GAUGN); Moscow, Russia; maxgr73@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1092-9046

THE *CHAKUDA NO MATSURIGOTO* RITUAL OF HEIAN JAPAN JUDICIARY

Maxim V. Grachyov

The article explores the *chakuda no matsurigoto* (literally “putting on shackles”) ritual in Heian Japan (794–1185), its evolution and specificity. Originally the ritual consisted only of putting shackles on a prisoner after the announcement of the verdict, and presented an integral part of the judicial system during the Asuka and Nara periods, but in the Heian era, the *chakuda no matsurigoto* ritual turned into a large-scale ceremonial action regularly performed in the 5th and 12th lunar months. It was a spectacle both for noble persons and for commoners, becoming a credential sign (proof) of the triumph of the law over iniquity; a symbol of dishonour for criminals (they were publicly put in shackles during the ritual on the market square of the capital) and a testimony of fair justice for those whose term of imprisonment came to an end (they were removed from the shackles right during the *chakuda no matsurigoto* and released). The *chakuda no matsurigoto* ritual in the Heian Japan underwent constructive changes at the end of the 10th century, turned into a kind of shameful punishment that pursued several main tasks. The ritual served as a message, informing people about the guilt of the criminals and the impartiality of the court verdict passed by them. By enhancing the visual and sound elements of the ceremony, the organizers of the *chakuda no matsurigoto* achieved the correct understanding of the essence of what was happening among those present, its maximum informative accuracy. The ceremony of liberation from the iron shackles in the presence of numerous observers served as an impressive symbol of the offender’s return to the world of law-abiding people, demonstrating the indisputability of the rule of law in the Heian state.

Keywords: Heian Japan, *chakuda no matsurigoto*, judicial system, criminal law, criminal punishments, corporal punishments, legal proceedings, imprisonment, ceremonial routine.

For citation: Grachyov M. V. The *Chakuda no Matsurigoto* Ritual of Heian Japan Judiciary. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 139–150. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-139-150

За три последние десятилетия российские японоведы добились значительных успехов в изучении как древней, так и современной истории страны Восходящего солнца. Однако при всей насыщенности фактологическим материалом (летописи, собрания пояснений к законам, обрядовые своды, актовая документация и т. д.) и неповторимом своеобразии, судебная система эпохи Хэйан (794–1185) не получила исчерпывающего рассмотрения в трудах российских специалистов¹. Между тем, судебная система и судопроизводство в хэйанской Японии скрывает много тайн, позволяющих скорректировать наши представления о становлении правовой традиции в Японии. История тюремного бюро (*Сюгокуси* (囚獄司)) и его взаимодействие с полицейским ведомством (*Кэбииситё* (検非違使庁)) — одна из областей, которая все еще ждет своего исследователя.

¹ Отечественные ученые зачастую ограничиваются изучением правовых реалий японской древности. Так, в обстоятельной статье, посвященной пенитенциарной системе традиционной Японии, при всей масштабности избранной тематики Д. А. Суровень, сосредоточившись на примерах из ранних японских текстов, не анализирует фактологический материал источников поздней древности (эпоха Нара; 710–794) и раннего средневековья (эпоха Хэйан; 794–1185), хотя именно в эти периоды проявляются существенные изменения в японском уголовном праве и судопроизводстве. См.: [Суровень, 2014, с. 129–173]. В качестве примера высоко фундированного исследования на основе разнообразных источников VIII–IX вв., где отчетливо продемонстрированы перемены в японском правосудии в означенный период, см.: [Хасэяма Акира, 2004].

Плодотворность института тюрьмы² в процессе судебной деятельности хэйанского державы признавалась многими государственными деятелями. При этом тюремный департамент не мог бы эффективно выполнять возложенные на него функции без оперативного взаимодействия с полицейским ведомством, с которым у тюремного бюро с течением времени сложились продуктивные рабочие отношения.

Совместная работа двух ведомств не ограничивалась одними следственными действиями. Один из интереснейших примеров тесного сотрудничества тюремного бюро и полицейской управы обнаруживается в ритуале *тякуда-но мацуригото* (着欽政). Именно «*тякуда-но мацуригото*» и посвящена настоящая статья, представляющая собой своего рода эксперимент, призванный продемонстрировать возможности комплексного освоения источников разных жанров в изучении данной тематики.

История зарождения *тякуда-но мацуригото* таит немало загадок. Общераспространенная в японской исторической науке точка зрения состоит в том, что *тякуда-но мацуригото* впервые появляется в период Конин (810–824), поскольку именно этими временами датируются первые свидетельства *тякуда-но мацуригото* [Кикути Кацуми, 1998, с. 124]. И хотя в источниках IX — первой половины X в. заметен очевидный дефицит детальных письменных удостоверений о *тякуда-но мацуригото*³, это обстоятельство не стало весомым препятствием для специалистов, утверждающих, что ритуал регулярно проводился на протяжении всей эпохи Хэйан, став своеобразной визитной карточкой японской правовой ментальности [Огава Сэйтаро, 1967, с. 62–96]⁴. Поскольку верификация исходных данных лежит в основе любого корректного научного эксперимента, то ради чистоты реконструкции надлежит отметить: ранние свидетельства *тякуда-но мацуригото* можно найти уже в документах времен царствования государыни Гэммэй (правила в 707–715) [Юсоку кодзицу дайджитэн, 1995, с. 479], однако их специфичность и фрагментарность не способны служить убедительными доказательствами регулярности применения вышеозначенной процедуры⁵. Если ритуал и зародился во время правления государя Сага (правил в 809–823), то письменные источники позволяют с высокой долей вероятности предполагать, что до 864 г. проведение этого действа не отличалось систематичностью⁶. Лишь после преобразования его в ежегодно совершаемое ритуальное мероприятие (*гёдзи* (行事))

² Всего в Хэйанкё было две тюрьмы — восточная (тюрьма левой половины столицы) и западная (в правой половине города). Временные пункты задержания подозреваемых функционировали в здании *Кэбииситё*, в провинциальных и уездных управлениях.

³ Преимущественно известия лаконичны. Например: [Нихон сандай дзицуроку, 2009 (Дзёган; 18–6–27, 876)].

⁴ Ученый не обосновал свой тезис материалами IX — начала X вв.

⁵ Не вносит ясности в дилемму об истоках ритуала и сообщение, согласно которому «на фальшивомонетчиков и их пособников» было «предписано надевать железные кандалы и передавать в вечное услужение бюро по выплавке монет» [Сёкунихонги, 1992–1996 (Гэмпё; 17–4–27, 745)].

⁶ Обратимся к тексту распоряжения 895 г. об устранении изъянов в служебной деятельности чиновников тюремного бюро и полицейского ведомства: еще в 864 г. во время проверки тюрем и *Кэбииситё* выяснилось: *тякуда-но мацуригото* проводится непоследовательно (при вступлении высоких чинов указанных департаментов в должность и в иные произвольно выбранные дни), а во время процедуры неоднократно отмечались случаи превышения полномочий ответственными служащими. В том же году постановили, что отныне следует проводить *тякуда-но мацуригото* не в произвольные, а только в строго определенные дни, сделав его «*гёдзи*», т. е. регулярным мероприятием [Сэйдзи ёряку, 1981, (Кампё; 7–2–21, 895)].

наступает период расцвета *тякуда-но мацуригото* в церемониальной будничности столичного града мира и спокойствия.

Что же представлял собой *тякуда-но мацуригото*?

Тякуда-но мацуригото — это процессия из обвиненных в разбойных нападениях, воровстве и фальшивомонетничестве преступников, которых вели под конвоем по улицам столицы Хэйанкё⁷. Поскольку *тякуда-но мацуригото* была неотъемлемой частью повседневности заточенных в тюрьму людей, для осуществления процедуры неукоснительно соблюдался строгий регламент. Накануне надлежало завершить следственные мероприятия⁸ и получить признание обвиняемого⁹. Именно признание становилось основанием для составления специального пространного документа¹⁰, где

⁷ В обрядовом своде «*Сайкюки*» (сост. Минамото Такаакира (914–982); дополненная версия увидела свет в начале XI в.) находим постановление (правовой акт не датирован): «Тякуда [-но мацуригото] подвергать разбойников, грабителей и промышляющих частным (т. е. незаконным. — М. Г.) литьем медной монеты; за составление официальных документов и проведение [действия] ответственные чиновники Кэбииси[тё]» [Сайкюки, 1993, с. 868]. Материалы дела о подделках государственных печатей в 885 г. дают основания приравнивать изготовителей незаконных печатей к фальшивомонетчикам [Нихон сандай дзицуроку, 1972, (Нинна; 1–12–23, 885)].

⁸ В местах заключения за нарушение режима (включая мелкие провинности) практиковались телесные наказания. В объемном собрании внутриведомственных циркуляров «*Энгисики*» (сост. в 927 г., введен в действие в 967 г.) содержится требование тюремным надзорщикам (именно они осуществляли экзекуции) «держат бамбуковые палки про запас (не менее тысячи штук каждого вида)» [Энгисики, 1998, с. 725]. При отсутствии презумпции невиновности и в рамках нормы, согласно которой как подозреваемый, так и доноситель на время следственных процедур помещались в тюремное присутствие [Сэйдзи ёряку, 1981, с. 685–691], условия в тюрьме были невыносимы не только для подозреваемых, но и заявителей.

⁹ Поскольку в японском средневековом судопроизводстве преобладал не состязательный, а следственный (инквизиционный) процесс, то для получения признания, в котором уже тогда видели «царицу доказательств» (по образному выражению А. Я. Вышинского), был предусмотрен широкий инструментарий. Приведем два свидетельства. Широко практиковалась «пятикратная оценка» подозреваемого, предполагающая у следователя наличие навыков судебного психолога-эксперта. В собрании пояснений к гражданским законам (834 г.) находим разъяснения этого принципа: 1) манера общения подсудимого (пребывает ли он в возбужденном состоянии); 2) цвет лица (залито ли краской стыда); 3) дыхание (присутствует или нет учащенное либо тяжелое дыхание, словно человек задыхается); 4) способность слушать собеседника (воспринимает ли с подозрением слова следователя); 5) выражение глаз (наличие «мутного взора», как будто совесть нечиста) [Рё-но гитэ, 1998, с. 324]. Свидетельство о готовности применения «пятикратной оценки» в следствии, сохранившееся в источнике середины XII в. подтверждает жизнеспособность процедуры и в более поздние времена [Хосо руйрин, 1934, с. 2]. В широком ходу были допросы с пытками (пытать позволялось и обвиняемого, и доносителя). С одной стороны, пытка (являвшаяся не наказанием, но инструментом обнаружения истины) считалась легитимным способом доказательств вины: если подозреваемый выдерживал допрос с пристрастием и не признавался, подозрения с него снимались, следствие завершалось, а узника отпускали, поскольку в глазах закона он был оправдан. Так поступили с полицейским Тамэсигэмару, который по не совсем понятным причинам отпустил убийцу. Тамэсигэмару попал под следствие, но не проронил ни слова и был освобожден [Мидо кампакуки, 1952–1954 (Каннин; 1–2–6, 1017)]. С другой стороны, пытки были способны нанести немалый физический ущерб, даже привести к гибели подсудимого (впрочем, виновность чиновника, загубившего арестанта, нужно было доказать, потому судебские чины не особо тревожились об ответственности за избыточное рвение). Использование пыток в системе судопроизводства оставалось общепотребительным, несмотря на критику со стороны высокопоставленных чиновников. См., например: [Сёюки, 1959–1986 (Дзиан; 3-5-10, 3-6-25, 1023; Тёгэн; 4-2-1, 4-3-13, 4-4-26, 4-3-28, 1031); Сэйдзи ёряку, 1981, с. 633–636].

¹⁰ Черновик документа мог быть составлен заранее (подтверждение тому — даты на сохранившихся актах), однако заверение официальной бумаги подписями чиновников (нередко применялась личная

фиксирувалась родовая принадлежность, личное имя, возраст и местожительство участвующего в *тякуда-но мацуригото* злодея, а также указывался общий объем «дохода», полученного преступным путем. Такой документ назывался *тякуда канмон* (着鈿勘文, досл. «пространное рассмотрение об [участии в] тякуда [но мацуригото]») и нередко в него вносились исчерпывающие пояснения со ссылками на существующие юридические предписания (тексты законов, толкования правовых норм законоведами, акты текущего правотворчества и т. д.). Приведем несколько примеров.

986 г. *Тякуда канмон* за подписью 9 ответственных лиц. Всего в списке 15 имен (10 разбойников и 5 воров). В левом ряду находились 5 человек (4 разбойника и 1 вор); в правом — 10 человек (6 разбойников и 4 вора).

Среди них:

Киёвара Токутада¹¹ (30 лет, происходил из провинции Хюга). Общее количество похищенного: одно дорожное платье-*каригину* (狩衣) из дорогостоящей ткани; зимняя куртка и *хакама*¹² (袴) на подкладке (по одной штучке).

Такамуко Цунэсигэ (32 года, происходил из провинции Исэ). Общее количество похищенного: 10 *кан*¹³ медных монет [Сайкюки, 1993 (Канва, 2–5–17, 986, с. 871–873)].

996 г. *Тякуда канмон* (количество подписей не указано). Всего в списке 23 имени (19 разбойников и 4 вора).

Среди них:

Фудзии Кунинари (37 лет, происходил из провинции Ямато). Общее количество похищенного (три разновидности) эквивалентно 7500 *монам*¹⁴ в медной монете:

- Церемониальный меч с широким лезвием с перевязью (инкрустирован серебром)¹⁵ стоимостью в 5000 *мон*;
- Лошадь стоимостью в 1500 *мон*;
- Отборный рис стоимостью в 1000 *мон* [Сайкюки, 1993 (Тётоку, 2–12–17, 996, с. 875–879)].

1114 г. *Тякуда канмон* за подписью 12 ответственных лиц. Всего в списке 19 имен (9 разбойников и 10 воров).

В документе названы несколько известных в преступном мире персон:

- разбойник Усимару¹⁶ (30 лет, происходил из правой половины столицы, родовое имя неизвестно)¹⁷;

печать служащего) и печатью соответствующего ведомства происходило в предшествующий проведению *тякуда-но мацуригото* день. О регламенте составления «*тякуда канмон*» см.: [Огава Сэйтаро, 1937, с. 80–108].

¹¹ Японцы традиционно верили в силу имени, ибо в нем скрывался мощный жизнеутверждающий потенциал, от целостности имени зависела судьба человека, а в ритуальной практике имянаречению придавали колоссальное значение. Пафос заключается в том, что родовое имя «Киёвара» считалось славным: из рода Киёвара вышло немало выдающихся государственных мужей, блюстителей нравственности и законоведа. Имя «Токутада» (досл. «добродетельный верноподданный») подразумевало возвышенный моральный смысл и вряд ли подходило для преступника.

¹² *Хакама* — часть официального мужского костюма в виде широких шаровар.

¹³ *Кан* — связка из одной тысячи медных монет.

¹⁴ *Мон* — медная монета. Так, при государе Сага прожиточный минимум для крестьянина или ремесленника составлял один *мон* в день.

¹⁵ Таким мечом мог обладать только сановник.

¹⁶ Вероятно, речь идет о кланке (значение имени «Усимаро» двусмысленно), как и в двух других случаях, упомянутых в документе 1114 г.

- печально известный уличный вор Орикимару (21 год, происходил из провинции Ямато, родовое имя неизвестно)¹⁸;
- изобретательный домушник Таромару¹⁹ (27 лет, происходил из левой половины столицы, родовое имя неизвестно) [Тююки, 1934–1935 (Эйкю, 2–12–20, 1114)]²⁰.

Информационный потенциал источников IX — первой половины X в. не позволяет говорить, что колонна осужденных во время *тякуда-но мацуригото* вызывала тягостное чувство или же, наоборот, приковывала к себе ликующие взгляды очевидцев. Совсем иная картина предстает перед нами при прочтении исторических материалов второй половины X–XII в., ибо в это время *тякуда-но мацуригото* превратилась в церемониальное предприятие, получившее признание как среди знатных особ, так и простых обитателей столицы. Это было воистину поразительное зрелище, собирающее толпы людей, его популярность с каждым годом возрастала²¹.

К середине X в. было установлено, что процессия заключенных должна проходить по строго фиксированному маршруту дважды в год — в 5-м и 12-м лунных месяцах. Даже ненастье не останавливало желающих поглазеть на *тякуда-но мацуригото*,

¹⁷ Главарь банды, промышлявшей ночными разбоями. Ночные грабежи, к стыду управ, отвечающих за безопасность и покой жителей, были частым явлением в Хэйанкё. Когда участились случаи ночных поджогов, во время которых происходили дерзкие налеты на усадьбы знатных особ и дома простых горожан («дома полыхали даже в дождливую погоду»), старший советник двора Фудзивара Санэсукэ (957–1046) язвительно осудил бездействие полицейского управления и городских охранных служб (*эфу*), заявив: «Сейчас уже нет господства закона; простой люд вынужден, обхватив колени и запрокинув голову, наблюдать за небесами» (т. е. чувствует себя брошенным и испытывает невообразимые мучения) [Сёюки, 1959–1986 (Каннин; 3–4–5, 1019)]. Впрочем, источники сохранили и более поздние упоминания о ночных поджогах [Сёюки, 1959–1986 (Мандзю; 1–3–5, 1024; Тёгэн; 4–7–6, 1031); Тююки, 1934–1935 (Кахо; 1–11–20, 1094)].

¹⁸ «Дарования» Орикимару были обширны. Как-то раз он сумел обчистить главу полицейской управы прямо на рыночной площади; в тот день он не был обнаружен и задержан. Еще одним его «галантом» была тяга к азартным играм. В период Хэйан общественное мнение порицало азартные игры и регулярно ставило их вне закона, что не мешало их процветанию. В 1036 г. в левой половине столицы стараниям служащих *Кэбииситё* был накрыт преступный синдикат; «группа закоренелых негодяев», которая «запальчиво играла в *сугароку* (кости. — М. Г.)», обирая и обычных горожан, и отпрысков именитых семейств. Преступники были арестованы и предстали перед публикой в *тякуда-но мацуригото*. Отчет о задержании см.: [Хэйан ибун, 1947–1980 (Тёгэн; 9–1–12, 1036, № 562, с. 724)]. Известен случай драки, после того как в процессе обильной гульбы один из служащих личной охраны государя, увлекшись азартной игрой, проиграл сослуживцу одежду и ряд ценных предметов. Обвинив коллегу в жульничестве, проигравший затеял побоище и был арестован [Сёюки, 1959–1986 (Дзиан; 3–9–22, 1023)].

¹⁹ Когда Таромару среди бела дня обобрал сокровищницу в резиденции главы личной охраны государя, была организована погоня, не давшая результатов. Таромару отсиделся в отхожем месте, несколько часов простояв в нечистотах, а ночью сбежал с добычей. Еще один изворотливый грабитель, забравшийся в дом главы государевой канцелярии, хоть и был замечен, но улизнул от служащих личной охраны государя (*Коназфу*, 近衛府), которой вменялось в обязанность обеспечение безопасности резиденций высших сановников: «проникнув в усадьбу через ворота лунных цветов, вор пересек сад к югу от дворца пурпурных покоев и скрылся через ворота солнечных цветов», укрывшись в доме бывшей дворцовой прислужницы Укон (вероятно, сообщницы). Инцидент пагубно отразился на карьерном росте чинов *Коназфу*, подвергнутых допросу. Через несколько дней благодаря усердию и отваге полицейских грабителя задержали [Мидо кампакуки, 1952–1954 (Канко; 2–4–30, 2–5–2, 1005)].

²⁰ Другие развернутые образчики «тякуда канмон» см.: [Сайкюки, 1993 (Тёкю; 3–12–14, 1042); Тёя гунсай, 1964 (Тэнги; 3–12–25, 1055; Эйкю; 4–12–16, 1116); Хэйан ибун, 1947–1980 (Тёгэн; 8–6–16, 8–10–28, 1035)].

²¹ Кроме разбойников, воров и фальшивомонетчиков к этому времени в *тякуда-но мацуригото* стали участвовать убийцы и виновники в нанесении увечий.

поскольку ритуал представлял собой своего рода будораживший чувства спектакль, церемониальные аспекты которого с течением времени становились все более сложными. Фудзивара Нобутака (藤原宣孝; ?–1001), будучи зрителем *тякуда-но мацуригото* на рыночной площади в западной половине столицы в 982 г., жаловался, что правонарушителей не обеспечили должной охраной. По всей вероятности, в 982 г. это беспокоило Нобутака больше, чем проливной дождь, в 1005 г.²² уже не ставший существенной преградой для его участия в ритуале. В 1005 г., несмотря на отвратительную погоду (в тот день разверзлись хляби небесные) поглядеть на колонну арестантов съехались многие сановные особы. Вельможные царедворцы из сорока паланкинов внимательно разглядывали шестнадцать подгоняемых палками узников, а «обычных зевак было не счесть». Среди зрителей находился и экс-император Кадзана (花山院; правил в 984–986), тайно восхищавшийся ритуалом [Сайкюки, 1993 (Канко, 2–5–17, 1005)]. Казалось бы, ничто не могло омрачить наслаждение церемониальным действием, тем не менее известны примеры, когда наблюдателей охватывало негодование²³.

В чем же заключалась неповторимость *тякуда-но мацуригото*, вызывавшая возбуждение толпы и манившая обывателей, порой срывавшихся даже на крики восторга? Для реконструкции *ритуала* возьмем, скомпенсировав несовершенства магистральных текстов материалами других источников, дневники Тайра Тиканобу (平親信; 946–1017), в чине офицера *Кэбииситё* (検非違使庁) ставшего участником ритуала в 974 г., и Фудзивара Тамэфуса (藤原爲房; 1049–1115), по долгу службы посетившего церемонию в 1087 г.

На следующий день после составления *тякуда канмон*, несмотря на дождливую погоду, процессия осужденных, сопровождаемая криками глашатаев, под усиленной охраной²⁴ отправилась из тюрьмы в сторону рынка столицы²⁵, где их уже ожидали старшие чины охранных ведомств и тюремного департамента, восседавшие на специально обустроенных местах²⁶, а также толпа обывателей, собравшаяся посмотреть на действо. Заключенные медленно шествовали по городским улицам двумя рядами, связанные путами из пеньковых веревок. Возглавлял колонну *кадо-но оса* (看督長) — специально назначенный чиновник в ранге старшего служащего полицейского ведомства. Облаченный в парадные одежды чиновник вел себя церемонно²⁷ и выглядел представительно: на нем был дорожный костюм красного цвета (символ возложенных

²² В 982 и 1005 г., дабы не пропустить любимое зрелище, предусмотрительный чиновник надел большую конусообразную соломенную шляпу и удобную для дождливой погоды обувь [Сайкюки, 1993 (Тэнгэн; 5–5–20, 982; Канко, 2–5–17, 1005)].

²³ В 998 г. в день церемонии «надевания кандалов» ветер и снег не прекращались. Навес от дождя установлен не был, создав немало трудностей для зрителей [Сайкюки (Гётоку; 4–12–25, 998)].

²⁴ Состояла из младших служащих тюрьмы и *Кэбииситё*.

²⁵ Первоначально, как и в 974 г., узников западной тюрьмы эскортировали на западный рынок, а восточной — на восточный, но в XI–XII вв. оскудение западного рынка привело к переносу ритуала преимущественно на восточный рынок.

²⁶ Для этой цели на рынке сооружались временные шатры для чиновников и огораживалось место для обычных зрителей.

²⁷ Наблюдатель сетовал, что ранее *кадо-но оса* у врат тюрьмы должен был грациозно оседлать коня, повернувшись в сторону тюремного присутствия, а в «нынешние времена» от былой вычурности не осталось и следа: «колонна из узников просто ползет мимо» [Сайкюки, 1993, с. 866].

на него обязанностей), белые одежды (свидетельство неподкупности и чистоты), а руках белая деревянная трость как доказательство неминуемости возмездия²⁸ (илл. 1). По прибытии на рыночную площадь узники заняли строго установленные места, и начался новый этап церемониала. *Кадо-но оса*, между тем, превратился в главного церемониймейстера.

Илл. 1. Преступники, ожидающие надевания кандалов.

Иллюстрированный свиток рубежа XII и XIII вв. (*Нэнтюгёдзи эмаки (тякуда-но мацуригото)*)
(по: URL: <https://rmda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00013541> (дата обращения 27.07.2020))

²⁸ Опрятно выглядели одеяния и остальных сопровождающих: *кэбииси* в официальных костюмах, опоясанные мечами, с луками и колчанами, полными стрел, надзиратели с длинными палками. Одежды заключенных, напротив, напоминали рванину и грязное тряпье. Также см. созданный на рубеже XII и XIII вв. иллюстрированный свиток (ощутимое подспорье массиву письменных источников), где запечатлены злодеи, ожидающие надевания кандалов (илл. 1): *Нэнтюгёдзи эмаки (тякуда-но мацуригото)*. URL: <https://rmda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00013541> (дата обращения 27.07.2020).

Приведем главные детали *тякуда-но мацуригото*²⁹. *Кадо-но оса* в торжественной обстановке оглашал приговор каждому осужденному, после чего по его приказу на того публично надевали кандалы и шейные колодки³⁰. С этого момента законопреступник в железных оковах презрительно именовался *тидзёку* (恥辱) — «лишенный чести». По окончании церемониала процессия беззаконников под присмотром тюремных служек во главе с *кадо-но оса* отправлялась на потеху публике в обратный путь к зданию тюрьмы, неторопливо двигаясь по улочкам Хэйанкё³¹.

Существовал и другой сценарий. Если срок заключения осужденного подходил к концу, преступника от тюремных врат до рыночной площади конвоировали уже в кандалах. На рынке по повелению *кадо-но оса* с него принародно снимали оковы. В это время *кадо-но оса* поднимался с места и обращался к узнику: «Прими кандалы», — предлагая ему забрать путы как напоминание о тюремном заключении. Далее *кадо-но оса* жаловал бывшему преступнику шапку *эбоси* (烏帽子; головной убор был своеобразным знаком возвращения в состояние честного и законопослушного человека, в ряды «доброго люда») и уже бывшего кандальника под шум толпы отпускали на свободу³² [Сайкюки, 1993, с. 861–866; Тамэфуса кёки, 1989 (Кандзи; 1–5–26, 1087); Тиканобу кёки-но кэнкю, 2005 (Тэнтэй; 2–5–22, 2–5–23, 974, с. 293–298].

На основе вышеизложенного может сложиться впечатление, что особенная атмосфера *тякуда-но мацуригото* (почти театральная зрелищность атрибутов, наигранная неторопливость, чрезвычайная доступность символики), указывала на исключительную заинтересованность в ритуале у организующих его департаментов. Могло ли тюремное бюро и полицейское ведомство ставить потребность проведения ритуала выше соблюдения существующих в обществе распорядков? Источники не позволяют утвердительно ответить на этот вопрос. При всей популярности *тякуда-но мацуригото*

²⁹ Место ритуала окружала стража, обозначая условную границу между преступниками и зрителями. То же обнаруживаем во время ритуала публичной казни в эпоху Хэйан, когда приговоренный ожидал участи, преклонив колени [Энгисики, 1998, с. 723]. Несмотря на обнародованный в 810 г. запрет на смертную казнь («моратории» вводились и ранее, например, в 725 г. [Сёкунихонги, 1992–1996 (Дзинги; 2–12–21, 725)]) казни время от времени происходили. Например, за разбой и душегубства была публично предана смерти банда из шестнадцати человек [Нихон киракю, 1929 (Энги; 6–9–20, 906)].

³⁰ «*Тякуда*» (досл. «надевание кандалов»). В «*Рё-но гизэ*» сказано, что «на преступника надлежит надевать *да* и *банка* (*тяку да мосикува банка*), если ему положено отбывать наказание с принудительными работами; коли преступник болен, разрешено их снимать» [Рё-но гизэ, 1998, с. 317], но четких разъяснений этих терминов не дано. Под *банка* чаще всего понимается шейная колодка из дерева. С толкованием слова *да* все значительно сложнее и единства среди ученых нет. Часть специалистов полагает, что это был железный ошейник (в таком случае путы на шею плохо сочетались бы с деревянными колодками, применение которых в судопроизводстве и тюремной повседневности хорошо задокументировано). Согласимся с точкой зрения Сигэта Сингьити, компетентного специалиста в области повседневности эпохи Хэйан, что под *да* следует подразумевать железные оковы (кандалы), надеваемые на ноги [Сигэта Сингьити, 2008, с. 250].

³¹ Порядок передвижения узников в оковах во время *тякуда-но мацуригото* не совсем ясен из имеющихся в нашем распоряжении текстов. Предположим, что он соответствовал норме внутреннего тюремного распорядка: колодки надевались на каждого злоумышленника, кандалами сковывали по 3–4 человека (это позволяло быстро их снять в случае экстренной необходимости, например, при возникновении пожара) [Энгисики, 1998, с. 725].

³² Такую схему «*тякуда-но мацуригото*» приурочивали к амнистии, проводившейся в 5-ю и 12-ю луну. Церемония амнистии проходила у центральных дворцовых ворот Красной птицы. Поэтому и ритуал освобождения от оков часто практиковался у врат *Судзакумон* [Сайкюки, 1993, с. 197, 862, 865].

представлял собой мощное орудие управления подданными, неотъемлемую компоненту правосудия, политический инструмент, подверженный неослабному контролю³³. Яркий пример первенства закона над беззаконностью в те времена мы находим в собрании актов документальной «Хэйан ибун».

В начале 5-й луны 1035 г. жительница столицы Хата Ёсико подала жалобу на служащего *Кэбииситё*. Парадоксальность судебного казуса заключается в том, что Ёсико не была знатного происхождения и вряд ли имела покровителей среди сановных особ³⁴. Из челобитной становятся известны интересные подробности, имеющие отношение к нашему разысканию. Коинумару, супруг Ёсико, в 27-й день 4-го лунного месяца 1035 г. торговал дровами на перекрестке Сандзё кёгоку, когда был арестован чиновником полицейского ведомства. На Коинумару сразу надели кандалы и отконвоировали в западную тюрьму. Узнав об этом, Ёсико отправилась в тюремное присутствие для выяснения обстоятельств задержания. Из петиции Ёсико следует, что причиной ареста послужил донос некоего Куроомару (он также был препровожден в тюрьму в кандалах). Ранее Коинумаро служил волопасом в угодьях управителя провинции Ямато Минамото Ёритика, но уже после смерти Ёритика один из его домочадцев (Куроомару) обвинил Коинумару в воровстве. Якобы Коинумаро вместе с подельником по имени Такиомару регулярно подворовывал, похищая рис из амбаров своего благодетеля. Ёсико, апеллируя к принципам справедливости и главенства закона, обвинила производившего арест служащего в процессуальных нарушениях и превышении полномочий [Хэйан ибун, 1947–1980 (Тёгэн, 8–5–2, 1035), № 528, с. 702].

К сожалению, неизвестно, чем завершилось рассмотрение петиции Хата Ёсико³⁵, однако факт оспаривания легитимности действий чиновника могущественного ведомства *Кэбииситё* человеком незнатного происхождения — красноречивое подтверждение своеобразности правовой традиции эпохи Хэйан. Правовая система тех времен, без сомнения, обладавшая как достоинствами, так и недостатками, с полным основанием может восприниматься как динамически развивающийся организм, где беззаконие со стороны правоохранительных органов не поощрялось властями. Формально подача жалобы Куроомару должна была инициировать судебное дело, однако требовалось провести предусмотренные правилами следственные мероприятия и получить признание обвиняемого. Во время дознания подсудимого позвонительно было подвергать пыткам, но держать его в железных кандалах и надевать шейную колодку в большинстве случаев не дозволялось (такое допускалось лишь по отношению к обвиняемым в убийствах и государственных преступлениях, никак не

³³ В 973 г. подгонять узников палками в ходе *тякуда-но мацуригото* было запрещено. Основание — всеохватность монаршего милосердия. Однако уже в 1005 г. свидетель зафиксировал случай избияния палками закованных в кандалы заключенных [Сайкюки, 1993 (Тэнроку; 4–5–26, 973; Канко; 2–5–17, 1005)]. В 1015 г. по причине «августейших страданий из-за обилия больных людей» (страну два месяца терзала эпидемия) *тякуда-но мацуригото* отменили, ибо сочли «увеселение» неуместным в пору величайших горестей [Сёюки, 1959–1986 (Тёва; 4–5–26, 1015)].

³⁴ В эпоху Асука (592–710) и Нара (710–794) из рода Хата происходило немало известных людей. В XI в. представители этого рода уже не могли похвастаться именитостью. Напротив, многие простые горожане, как и жители сельской округи, были выходцами из рода Хата.

³⁵ Подписанный Хата Ёсико документ был не единственным примером ходатайства по причине самоуправства полицейских-*кэбииси*. Образцы прошений за 1035–1036 гг. см.: [Хэйан ибун, 1947–1980, № 540, 545, 550, 570, с. 708, 710–712, 726].

к участнику истории о хищении риса у правителя провинции)³⁶. Тем более, нельзя было эскортировать Коинумаро закованным в железо в судебное присутствие прямо по улицам столицы³⁷ (для этого использовались «наручники» из пеньковой веревки [Сёюки, 1959–1986 (Тёхо, 1–12–28, 999; Канко, 5–11–16, 1008)], публично подвергая бесчестью человека, чьи признательные показания не получены, стало быть, вина не доказана.

Подведем краткий итог.

Ритуал *тякуда-но мацуригото* в эпоху Хэйан подвергся конструктивным изменениям и в конце X в. превратился в некое позорящее наказание, преследовавшее несколько магистральных задач. Ритуал выполнял функцию сообщения, оповещая окружающих о виновности преступников и беспристрастности вынесенного им судебного вердикта. Посредством усиления визуальных и звуковых элементов церемонии устроители *тякуда-но мацуригото* достигали правильности понимания сути происходящего у присутствующих, ее предельной информативной точности: внешний вид заключенных четко указывал на их общественное положение, до того как они преступили закон; недопустимость соотнесения одежды узника с чистотой и непогрешимостью выступала свидетельством подсудности любого человека, совершившего беззаконие; устное сообщение о составе преступления, будучи повторяющимся церемониальным действием, усиливало эффект в случае присутствия малограмотного населения. Строго обозначались место и время ритуала (отклонение от маршрута следования процессии было недопустимо и интерпретировалось как нарушение существующих правил; неизменяемость места обеспечивала максимальное стечение зрителей; церемония могла проходить только в дневные часы, дабы ничто не помешало зрителям стать свидетелями *тякуда-но мацуригото*). В то же время церемониал освобождения от железных оков в присутствии многочисленных наблюдателей служил впечатляющим символом возвращения правонарушителя в мир законопослушных людей, демонстрацией неоспоримости верховенства закона в хэйанском государстве.

Литература / References

- Кикучи Кацуми. *Нихон кодай кэйбацу дзитэн (Словарь наказаний в древней Японии)*. Токио, 1998 [Kikuchi Katsumi. *Vocabulary of Punishments in Ancient Japan*. Tokyo, 1998 (in Japanese)].
- Мидо кампакуки (*Записи канцлера из павильона Мидо*). Токио, 1952–1954 [Midokampakuki (*Records of the Chancellor from Mido Pavilion*). Tokyo, 1952–1954 (in Japanese)].
- Нихон кираку (*Краткие записи о Японии*). Токио, 1929 [Nihon kiraku (*Abbreviated Chronicles of Japan*). Tokyo, 1929 (in Japanese)].
- Нихон сандай дзисироку (*Правдивые записи о правлении трех императоров*). Токио, 2009 [Nihon sandai jitsuroku. (*Veritable Records of Three Reigns of Japan*). Tokyo, 2009 (in Japanese)].

³⁶ На обвиняемых в убийстве во время нахождения в тюрьме надевались шейные и ножные колодки, изготавливаемые из дерева, но не железные кандалы. Для совершивших менее тяжкие проступки такие меры не предусматривались [Рё-но гигэ, 1998, с. 313, 322, 325; Сэйдзи ёряку, 1981, с. 691; Тёя гунсай, 1964 (Эйкю; 3–12–20, 1115)].

³⁷ Чтобы добраться до западной тюрьмы, Коинумару пришлось сопровождать под вооруженным эскортом через половину Хэйанкё, минуя центральный проспект Красной птицы и рыночную площадь на западе столицы.

- Огава Сэйтаро. Тёрей-но кэнкю (Официальный порядок делопроизводства в [Кэбинси]тё). *Васэда хогаку*. Т. 16. 1937 [Ogawa Seitaro. (A Study on “Chorei”, the Law Enacted by the Kebiishicho). *Waseda Hogaaku*. 1937. Vol. 6 (in Japanese)].
- Огава Сэйтаро. Тякуда канмон (Пространное рассмотрение об [участии в] тякуда [но мацуригото]). *Кокугакиин хогаку*. С. Т. 5. 1967. № 2 [Ogawa Seitaro. Chakuda kanmon. *Kokugakuiin hogaaku*. Vol. 5. 1967. No. 2. Pp. (in Japanese)].
- Рё-но гигэ (Официальные комментарии к гражданским законам). Токио, 1998 [*Ryo no gige (Interpretations of the Administrative Codes)*. Tokyo, 1998 (in Japanese)].
- Сайкюки (Записи из Западного дворца). Токио, 1993 [*Saikyuki (Notes of the Western Residence)*. Tokyo, 1993 (in Japanese)].
- Сёкунихонги (Продолжение «Анналов Японии»). Токио, 1992–1996 [*Shokunihongi (Chronicle of Japan, Continued)*. Tokyo, 1992–1996 (in Japanese)].
- Сёюки (Записи правого министра из рода Онономия). Токио, 1959–1986 [*Shoyuki (Records of the Right Minister)*. Tokyo, 1959–1986 (in Japanese)].
- Сигэта Синъити. Сёминтати-но Хэйанкё (Простой люд столицы Хэйан). Токио, 2008 [Shigeta Shin'ichi. *Common People of the Heian-kyo*. Tokyo, 2008 (in Japanese)].
- Суровень Д. А. Наказания в уголовном праве древней и раннесредневековой Японии. *Проблемы истории, общества, государства и права*. Вып. 2. С. 129–173. Екатеринбург, 2014 [Surowen D. A. Punishment in Criminal Law of the Ancient and Early Medieval Japan. *Problemy Istorii, Obschestva, Gosudarstva i Prava*. Ekaterinburg, 2014 (in Russian)].
- Сэйдзи ёряку (Кратко о важнейших политических делах). Токио, 1981 [*Seiji yoryaku (Briefly about the Most Important Political Affairs)*. Tokyo, 1981 (in Japanese)].
- Тамэфуса кёки (Записи [Фудзивара] Тамэфуса). Токио, 1989 [*Tamefusa kyoki. (Records of the Fujiwara Tamefusa)*. Tokyo, 1989 (in Japanese)].
- Тёя гунсай (Обозрение двора и дальней округи). Токио, 1964 [*Choya gunsai (Writings of the Court and Provinces)*. Tokyo, 1964 (in Japanese)].
- Тиканобу кёки-но кэнкю (Изучение «Записей [Тайра] Тиканобу»). Кнотто, 2005 [*Chikanobu kyoki no kenkyu (A Study on “Records of the Taira Chikanobu”)*. Tokyo, 2005 (in Japanese)].
- Тююки (Записи правого министра). Токио, 1934–1935 [*Chuyuki (Records of the Right Minister)*. Tokyo, 1934–1935 (in Japanese)].
- Хасэяма Акира. Нихон кодай-но хо то сайбан (Закон и суд в древней Японии). Токио, 2004 [Haseyama Akira. *Law and Trial in Ancient Japan*. Tokyo, 2004 (in Japanese)].
- Хосо руйрин (Лес категорий законов). Токио, 1934 [*Hoso ruirin (Compendium of Laws)*. Tokyo, 1934 (in Japanese)].
- Хэйан ибун (Свод сохранившихся документов эпохи Хэйан). Сост. Такэути Ридзо. Токио, 1947–1980 [*Heian ibun (Collection of the Archival Documents of Heian Japan)*. Tokyo, 1947–1980 (in Japanese)].
- Энгисики (Церемониал годов Энги). Токио, 1998 [*Engishiki (Regulations of the Engi Era)*. Tokyo, 1998 (in Japanese)].
- Юсоку кодзигу дайджитэн (Большой словарь обыкновений и дел стародавних). Под ред. Судзуки Кэйдзо. Токио, 1995 [*Yusoku kojitsu daijiten (Encyclopaedia of Court and Samurai Rules of Ceremony and Etiquette)*. Ed. by Suzuki Keizo. Tokyo, 1995 (in Japanese)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Нэнтюгёдзи эмаки (тякуда-но мацуригото) (Иллюстрированные свитки ежегодных обрядов (тякуда-но мацуригото)). URL: <https://rmda.kulib.kyoto-u.ac.jp/item/rb00013541> (дата обращения 27.07.2020).

ЧУЖЕЗЕМНАЯ ПРИСЛУГА В ИНДИЙСКОМ КНЯЖЕСТВЕ БХОПАЛ (XIX — НАЧАЛО XX ВВ.)

©2020

Е. Ю. Ванина*

Бхопал, расположенное в Центральной Индии одно из индийских княжеств-вассалов Британской империи, снискал особое благоволение английского сюзерена. На протяжении столетия им правили четыре поколения женщин, заслуживших в Индии и за ее пределами репутацию великодушных и прогрессивных государынь. Архивные документы и мемуары позволяют заглянуть в скрытый от постороннего взора мир домашней челяди, которая обеспечивала не только комфорт и роскошь княжеской семьи, но и ее высокий статус как среди индийцев, так и в представлениях колониальной администрации. Среди многочисленных слуг, трудившихся в княжеских дворцах Бхопала, большинство составляли вольнонаемные местные жители, но при этом особо выделялись уроженцы далеких от Индии земель: в статье идет речь о выходцах из Западной Европы, Грузии, африканских стран («эфиопах»). Иноземная прислуга выполняла в княжеском дворце различные функции, в том числе «декоративные»: английские дворецкие, ирландские и немецкие няни и гувернантки княжеских отпрысков демонстрировали «европейский лоск» правящей семьи, в то время как грузинские горничные и чернокожие лакеи своим экзотическим обликом свидетельствовали о богатстве и могуществе господ. Многие из слуг-чужеземцев попадали в Бхопал не по своей воле: репутация «просвещенных монархов» не мешала бхопальским княгиням использовать в своих резиденциях рабов. Когда подобные случаи становились достоянием гласности, ответом были мягкие увещевания от британских властей, осуждавших рабство, но не желавших из-за негативных эксцессов портить отношения с надежными вассалами.

Ключевые слова: Бхопал, колониализм, княжества, домашняя прислуга, рабство.

Для цитирования: Ванина Е. Ю. Чужеземная прислуга в индийском княжестве Бхопал (XIX — начало XX вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 151–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-151-163

* Евгения Юрьевна ВАНИНА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; eug.vanina@gmail.com

Eugenia Yu. VANINA, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; eug.vanina@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-7992-3013

Статья написана в рамках проекта «Под небом Южной Азии. Слуга и хозяин: региональная специфика подчинения и доминирования в контексте социокультурной гетерогенности», выполняемого по Программе РАН «Социально-гуманитарные аспекты устойчивого развития и обеспечения стратегического прорыва России».

Published as a part of the research project “Under the Skies of South Asia. Servant and Master: Regional Specificity of Submission and Domination in the Context of Cultural Heterogeneity” within the Research Program “Social and Humanitarian Aspects of Sustainable Development and Facilitation of Russia’s Strategic Breakthrough”, Russian Academy of Sciences.

FOREIGN SERVANTS IN AN INDIAN PRINCELY STATE BHOPAL (19TH — EARLY 20TH CENTURIES)

Eugenia Yu. Vanina

Bhopal, one of the 'princely states' and vassals of the British Empire (Central India), enjoyed special favour with its sovereign. Throughout a century, it was ruled by four generations of women who gained themselves, in India and outside, the reputation of enlightened and benevolent monarchs. Archival documents and memoirs allow glancing at the hitherto hidden world of domestic servants who not only ensured the comfortable and luxurious life of the princely family, but its high status too, both for fellow Indians and for British colonial administrators. Among the numerous servants employed by the Bhopal rulers, freely hired local residents prevailed. However, the natives of some other countries, quite far from India, were conspicuous as well: the article highlights West Europeans, Georgians and Africans ("Ethiopians"). In the princely household, foreign servants performed various functions. While British butlers and Irish or German nannies and governesses demonstrated the ruling family's "Westernized" lifestyle, Georgian maids and African lackeys showcased the affluence and might of the Bhopal queens. Some foreign servants came to Bhopal by force: the reputation of 'progressive' was no obstacle for the Bhopal queens to use slave labour. When such cases became public, the British authorities responded with mild reproaches: condemning slavery, they nevertheless loathed any discord with their trusted vassals.

Keywords: Bhopal, colonialism, princely states, domestic servants, slavery.

For citation: Vanina E. Yu. Foreigner Servants in an Indian Princely State Bhopal (19th — Early 20th Centuries). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 151–163. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-151-163

Княжество Бхопал¹, возникшее в начале XVIII в. в Центральной Индии, являлось одним из наиболее крупных «туземных государств» (native state, princely state) — вассалов сначала английской Ост-Индской компании, а затем Британской империи. Особенность Бхопала состояла в том, что в нем на протяжении столетия правителями (*навабами*) были женщины: Кудсия-бегам² (1819–1837), ее дочь Сикандар-бегам (1847–1868), внучка Шах Джахан-бегам (1868–1901) и правнучка Султан Джахан-бегам (1901–1926) — ситуация нестандартная для мусульманского княжества³. Эпоха этих ярких и талантливых княгинь, немало сделавших для укрепления территориальных, политических и экономических основ государства, развития инфраструктуры, здравоохранения и образования, особенно женского, по праву считается «золотым веком Бхопала»⁴. Правительницы не жалели усилий для поддержания своей репутации мудрых, милосердных и справедливых монархинь, свято хранящих традиции (прежде всего, унаследованные от державы Великих Моголов [Archambault, 2013]) и одновременно исключительно лояльных Британской империи, прогрессивных и открытых европейскому влиянию.

¹ Его одноименная столица сейчас является административным центром штата Мадхья-Прадеш.

² Указаны даты правления. *Бегам* (*begam*) — «госпожа», женский род от *бек* (тюркское, в Индии чаще использовали форму *бег* — один из титулов феодальной знати).

³ Термин «мусульманские княжества» подразумевает, что ислам исповедовали правители и значительная часть элиты. В Бхопале мусульманское население было значительно только в столице, в остальной части княжества индусы составляли абсолютное большинство.

⁴ См. подробнее: [Ванина, 2016].

Часто посещавшие гостеприимный Бхопал иностранцы подтверждали эту репутацию. Их глазам представала во всей своей экзотической красе «восточная роскошь»: по воспоминаниям принцессы Абида-султан⁵, к началу XX в. только официальных дворцов, эклектически сочетавших могольский и европейские архитектурные стили, у правящей династии было семь, к ним добавлялись бесчисленные охотничьи домики, виллы и т. д. [Abida-sultaan, 2013, p. 29]. В каждом из них знатного европейского посетителя⁶ ждало исключительное гостеприимство. Обязательной частью программы британских визитеров в Бхопале являлось посещение открытых его просвещенными княгинями женских школ, больниц и колледжей. В целом, за редкими исключениями, об одном из которых речь пойдет ниже, европейцы составляли весьма позитивное представление о Бхопале и его княгинях. Таким же оставалось оно и в самой Индии.

Немалая доля заслуг в поддержании этой высокой репутации принадлежала тем, кто почти не фигурировал ни в бхопальских хрониках или административных документах, ни в отчетах британских чиновников. Речь идет о домашней прислуге: именно она обеспечивала жизнедеятельность и комфорт княжеской семьи, а также, что не менее важно, поддерживала на необходимом уровне ее самовосприятие и престиж, как в государстве, так и за его пределами. Причем характерно, что престиж своих господ челядь обеспечивала не только тогда, когда непосредственно обслуживала их, но и просто присутствуя там, где они находились, особенно за пределами дворцов. Ни один член княжеской семьи не мог выйти «в люди» без сопровождения слуг, даже если от них не требовалось в данный момент никакой работы. Абида-султан вспоминала, как в детстве каждое утро отправлялась с сестрами на прогулку верхом: у подъезда их ждали «три пони, три конюха, три рассыльных, три пажа, одетых в голубое с белым и золотым, а также тхакур Чиман Сингх⁷... Нам, трем сестрам, не позволяли выходить из дворца без сопровождения хотя бы одной служанки; обычно их было гораздо больше» [Abida-sultaan, 2013, p. 24].

Эти скромные труженики почти не появляются на страницах исторических текстов; о них умалчивали не только потому, что они, в большинстве, представляли социальные низы. Просто с самых древних времен и по сей день жизнь индийских семей, даже весьма небогатых, невозможно представить без домашней прислуги. Ее услугами пользовались и пользуются как чем-то естественным и таким обыденным, что фиксировать на этом внимание кажется индийцам столь же странным, как упоминать о кухонной утвари или мебели (только близко знакомые хозяйки могут делиться опытом, как эффективнее нанимать и муштровать прислугу). Поэтому, исследуя проблематику домашнего обслуживания в Индии на примере любого региона и любой эпохи, историк может рассчитывать лишь на случайные сведения в источниках различных жанров.

⁵ Абида-султан (1913–2002) являлась внучкой Султан Джахан-бегам, старшей дочерью ее сына Хамидуллы-хана, последнего *наваба* Бхопала (правил в 1926–1949 гг.). После ликвидации княжества в 1949 г. переехала в Пакистан. Мемуары Абида-султан «Воспоминания мятежной принцессы» были опубликованы в 2004 г. и переизданы в 2013 г.

⁶ Для менее знатных посетителей правительницы учредили специальные гостевые дома.

⁷ *Тхакур* — титул феодальной землевладельческой знати в Северной, Центральной и Восточной Индии (отсюда — Тагор). Чиман Сингх служил инструктором трех принцесс по верховой езде.

Прислуга бхопальской княжеской семьи была поистине многочисленной. Точные данные, разумеется, в источниках отсутствуют, но некоторые документы из местного архива⁸ показывают, например, что только в дворцовом слоновнике — главном транспортном учреждении, обслуживавшем правящую семью и, в качестве «служебного транспорта», наиболее высокопоставленных придворных до появления автомобилей — трудилось 118 слуг. Еще большим оказался штат каретной: ее обслуживали двадцать кучеров и сто три конюха [Naql-i 'arzī mohatmim, 1891, p. 48–70]. Согласно мемуарам Абида-султан, в подаренном ей бабушкой дворце «Нур ас-сабах» («Утренний свет», сейчас один из фешенебельных отелей) штат прислуги насчитывал 52 человека [Abida-sultaan, 2013, p. 173]). Если учесть, что подобных дворцов было семь, то можно предположить, что в них, а также в гостевых и охотничьих домах и виллах, слоновнике, конюшне, верблюжатнике, многочисленных садах и парках и т. д. трудилось больше тысячи слуг различных профессий. Абсолютное большинство их являлось вольнонаемными местными уроженцами или, по крайней мере, индийцами — мусульманами и индусами. Однако среди дворцовой челяди Бхопала находились и представители весьма далеких от Индии краев.

Бхопальские княгини отличались, как отмечено выше, особой лояльностью британской короне. Это подтверждает, в частности, их активная переписка и обмен подарками с членами британской королевской семьи, прежде всего королевой Викторией, а также визиты княгинь, их детей и внуков в метрополию и посещения Бхопала английскими вице-королями Индии; в 1922 г. в Бхопал пожаловал принц Уэльский, будущий король Эдуард VIII. Важнейшей причиной благоволения английского сюзерена к своим бхопальским вассалам была репутация прогрессивных и просвещенных владык, что особо ценили в Лондоне. Поддерживать подобный престиж, помимо прочего, помогали слуги-европейцы, которых члены княжеской семьи обычно нанимали во время поездок на Запад, а затем приглашали в Бхопал. Так, посетив Европу в 1925–1926 гг., Султан Джахан-бегам наняла, помимо другой английской прислуги, дворецкого по имени мистер Бэдкок; по завершении визита он отправился с госпожой в Бхопал и продолжал служить ей там, пользуясь всеобщим уважением и обеспечивая некий европейский аристократический лоск, особенно необходимый во время визитов британских чиновников [Abida-sultaan, 2013, p. 62].

Но чаще всего слугам-европейцам доверяли воспитание княжеских отпрысков — это была традиция, практиковавшаяся как во многих княжеских семьях Индии, так и у правителей других азиатских стран [Chakraborty, 2018]. Бхопальских принцев и принцесс сразу же после рождения передавали на воспитание княгине-бабушке. Связано это было, прежде всего, с тем, что в семье, несмотря на всю ее «прогрессивность», практиковались ранние браки: когда родилась Абида-султан, ее матери не было и тринадцати лет. Кроме того, мать обычно представляла какой-либо из аристократических кланов Бхопала или другого региона, и могла настроить ребенка против правящей семьи, привить ему «чужие» ценности. Таким образом, новорожденные принцы и принцессы поступали в распоряжение бабушки, которая, впрочем, за государственными делами не могла сама заниматься внуками, да и статусу

⁸ Бхопальский филиал Национального архива Индии. Хранящиеся там документы на урау из канцелярии княжества автор данной статьи изучала с помощью местного историка и архивиста Мушаррафа Хусайна, которому приношу искреннюю благодарность.

правительницы это не соответствовало. Поэтому главными воспитателями детей в княжеской семье Бхопала была прислуга.

Помимо кормилиц и нянь, обычно местных уроженок, за детьми присматривали бонны и гувернантки — европейки. Так, помимо няни и кормилицы, бхопальских мусульманок, у Абида-султан и ее двух сестер были еще две бонны: ирландка Уинифрида Сибил Бёрк и немка Мария Франческа Лейфельс, вечно ссорившиеся друг с другом и с индийской няней Захидой. Обе европейки были наняты Султан Джахан-бегам во время визитов в Европу. Когда началась Первая мировая война, Марии как немке на английской территории грозило интернирование, но княгиня живо уладила все вопросы с британскими властями, и Мария осталась в семье, а потом перешла к маленькому сыну Абида-султан [Abida-sultaan, 2013, p. 13–16]. Подростки поступали на попечение домашних наставников: среди них, помимо местных преподавателей арабского языка и Корана, фарси и урду, обязательно были европейские учителя, обучавшие принцев и принцесс «западным наукам» и — чему придавалось особое значение — беглому владению английским языком, а также «цивилизованным» манерам. Разумеется, все эти леди и джентльмены, будучи зависимыми от своих индийских нанимателей, обладали более высоким, чем у остальной прислуги, статусом уже по факту самого европейского происхождения и получали достаточно щедрое жалованье.

Помимо европейцев, в рядах бхопальской княжеской прислуги были заметны чернокожие уроженцы Восточной Африки, в Индии их традиционно называли «эфиопами» (*babshi*) или «сидди» (*siddi*)⁹ [Campbell, 2008, p. 22–23]. Эти рабы, которых ввозили в Индию на протяжении всего средневековья, использовались в качестве воинов (в таких случаях они нередко делали успешную придворную карьеру¹⁰), а также домашней прислуги: ее экзотический облик свидетельствовал о богатстве и могуществе господина¹¹. Мода на чернокожих слуг была унаследована от Великих Моголов индийскими князьями колониальной эпохи. Бхопал не стал исключением: к маленькому сыну Абида-султан приставили, помимо немки Марии, англичанку Пэт Нэйлор и горничную-«эфиопку» Джинго. Кроме нее, «самым верным слугой» принцессы являлся еще один «эфиоп», по имени Банни [Abida-sultaan, 2013, p. 13–16, 109, 161].

Домашнее рабство существовало в Индии на протяжении всей ее истории, включая и колониальный период¹², несмотря на то, что в 1833 г. рабство отменили во всех британских колониях; далее, в 1843 г. был принят специальный акт «о рабстве в Индии», объявивший рабовладение и работорговлю серьезными преступлениями, а в 1861 г. это положение внесли в Уголовный кодекс Британской Индии. Проблема, однако, состояла в том, что княжества, подобные Бхопалу, считались хоть и вассальными, но формально независимыми, и, заключая с каждым из них так

⁹ Точная этимология слова неизвестна. Одна из версий производит это слово от арабского «сайнд» — господин, которое к рабам применялось в издевательском тоне [Pankhurst, 2003, p. 190].

¹⁰ Фаворитом Разийи-султан, знаменитой правительницы Делийского султаната (1236–1240) являлся «эфиоп» — военачальник Джамал уд-дин Йакут.

¹¹ Это же относилось и к европейской аристократии, считавшей особенно престижным иметь чернокожего лакея на запятках кареты или у входа в особняк. И русская знать не отказывалась от услужения «арапов»: достаточно вспомнить «Горе от ума» и княгиню с ее «арапкой-девкой».

¹² Рабов в качестве домашних слуг использовали не только туземные аристократы, но и англичане — жившие в Индии британские чиновники, коммерсанты, военные (см. подробнее: [Major, 2012, p. 41–120]).

называемый субсидиарный договор, британская администрация гарантировала невмешательство во внутренние дела «туземных государств». Именно поэтому законы империи на территории княжеств не действовали, и британским властям приходилось тщательно обдумывать свою реакцию на события, подобные тем, о которых я прочитала в одном из дел Национального архива Индии.

БХОПАЛЬСКО-ГРУЗИНСКО-АФРИКАНСКАЯ МЕЛОДРАМА ИЗ КОЛОНИАЛЬНОГО АРХИВА

В конце января 1872 г. бомбейская полиция задержала подозрительную группу, состоявшую из трех женщин (две были совсем юными, третья пожилой) и трех мужчин: один из них являлся *seedee*, т. е. *siddi*, чернокожим, а два других — индийскими мусульманами: все они собирались направиться в Мекку. При допросе выяснилось, что молодые женщины являлись грузинскими рабынями, приобретенными бхопальской княгиней Сикандар-бегам в Мекке, а негр — купленным там же ею рабом; сопровождали их люди, принадлежавшие к штату слуг правившей в то время Бхопалом Шах Джахан-бегам: служанка по имени Адил-буга¹³ и охранник Субхан-хан. В XIX в. девочки из Грузии и других регионов Кавказа, увезенные в результате набегов или проданные обнищавшими семьями, являлись популярным на Ближнем и Среднем Востоке живым товаром: купив таких рабынь, хозяева обычно обращали их в ислам. В 1863 г. Сикандар-бегам вместе с матерью Кудсией-бегам предприняла паломничество к святым местам Мекки и Медины. Свое путешествие она описала в травелоге, где, в частности, несколько раз упомянула о грузинских невольницах, которых встречала в домах мекканской знати [Sikandar Begum, 1870, p. 88, 151].

История грузинских рабынь бхопальского дворца отражена в собрании архивных документов [Regarding the Explanation, 1872]. Оно начинается с сопроводительного письма У. Уэддерберна, эсквайра, исполняющего обязанности секретаря правительства Бомбея, на имя Ч. Ю. Эйтчисона, эсквайра, секретаря правительства Индии, департамент иностранных дел. Это письмо, равно как и все документы папки, кроме одного, напечатаны типографским способом, что придает всему собранию определенную важность. Сопроводительное письмо приложено к отчету Фрэнка Генри Саутера, эсквайра, комиссара бомбейской полиции, у которой задержанная группа вызвала подозрение. Отчет начинается с того, что при допросе обе молодые грузинки заявили: «их отправляют в Мекку насильственно, против воли, и обратились за помощью к правительству» [Regarding the Explanation, 1872, p. 4]. Комиссар далее информировал о том, что приказал записать показания пятерых из шести и приложить их к отчету.

После этого комиссар сообщил обоим грузинкам, что они свободны; одна из них, по имени Рошан Ара, заявила о желании воссоединиться с мужем, Ахмедом Хусейном, последовавшим за ней вплоть до Бомбея и являвшимся одним из трех мужчин группы; вторая грузинка, Ахтар Ара, пожелала остаться со своей товаркой «до тех пор, пока не устроится в этой стране (Индии. — Е. В.)». Сопровождавшие грузинок

¹³ Буга (*būā*) — на хинди и урду «тетя (сестра отца)». В североиндийских аристократических семьях и по сей день существует традиция прибавлять к именам слуг и служанок обозначения родства типа *буга* или *хала* (*khālā* — «тетя, сестра матери»), *кака* (*kākā* — «дядя, младший брат отца») и т. д. Это должно подчеркнуть покровительственно-благожелательное отношение к слугам как к «членам семьи».

женщина по имени Адил-*буга* и мужчина по имени Субхан-хан были отпущены в Мекку; перед отъездом Адил-*буга* оставила комиссару полиции двести рупий, выделенные ей из казны бхопальского княжества на покрытие издержек по транспортировке обеих рабынь и чернокожего раба в Мекку. Деньги эти комиссар предложил раздать всем троим поровну. В заключении письма он подчеркнул: «из показаний девушек станет ясно, что они жалуются на очень жестокое отношение со стороны правящей бегам Бхопала» [Regarding the Explanation, 1872, p. 4].

Далее следует запись показаний всех упомянутых в полицейском отчете лиц (у Субхан-хана, охранника, показаний не брали). Первая грузинка, «Рошан Ара, она же Зайнаб», сообщила: «Около шести лет тому назад в Мекке я перешла из рук араба по имени Абдул Рахим в руки некоего Абба Бакира; я поняла, что последний купил меня у первого за большую сумму денег. Мне было тогда около тринадцати лет. Абба Бакир отвез меня на побережье и посадил на пароход; я горько плакала, потому что не хотела покидать свою страну¹⁴» [Regarding the Explanation, 1872, p. 4–5]. Из Бомбея Абба Бакир привез невольницу в Бхопал, где девушку «представили ее высочеству Сикандар-бегам и поселили во дворце. Ее высочество отнеслась ко мне с исключительной добротой и подарила мне много разных украшений и одежды. Примерно через 12 месяцев после приезда в Бхопал, меня, по желанию и приказу бегам, выдали замуж (по правилам никаха)¹⁵ за Ахмеда Хусейна, который служил помощником в канцелярии. Мы с мужем жили счастливо, и ее высочество продолжала относиться ко мне хорошо: во дворце нам выделили помещение, и я продолжала служить ее высочеству как горничная и компаньонка» [Regarding the Explanation, 1872, p. 5].

Счастливая жизнь грузинки в Бхопале кончилась через два года, когда Сикандар-бегам умерла, а ее наследница, Шах Джахан-бегам, вышла вторым браком за Сиддика Хусейна, своего секретаря и давнего фаворита. С этого момента «начались беды». Мужа Рошан Ары заключили в тюрьму, а саму грузинскую служанку «без каких-либо обвинений или проступков» высекли в присутствии бегам, ее супруга и всех дворцовых слуг. После этого бегам потребовала от Рошан Ары развестись с мужем, но та отказалась; угрожая служанке тюрьмой, княгиня приказала изъять у нее все подаренные матерью драгоценности и наряды. В конце концов, Рошан Ару вместе с другой грузинкой, Ахтар Арой, и *сидди* Йакутом, отправили в Бомбей под надзором доверенной служанки Адил-*буга* и стражника Субхан-хана, которые «должны были отвезти нас в Бомбей, а оттуда в Мекку, где, я уверена, меня бы снова продали. Я не желаю разлучаться с мужем и предпочитаю остаться с ним в Индии. Прошу британское правительство о защите и умоляю, чтобы моя собственность, находящаяся в руках ее высочества бегам, была мне возвращена» [Regarding the Explanation, 1872, p. 5].

Вторая грузинка, Ахтар Ара, она же Фатима, заявила, что в шестнадцатилетнем возрасте некий араб Абдул Рахим купил ее у правителя Мекки и привез в Бхопал, где Сикандар-бегам, относившаяся и к этой рабыне «с большой добротой», через три месяца выдала девушку за Назиба (Наджиба?) Мухаммад-хана, «одного из своих родственников», подарив на свадьбу «дорогие украшения и наряды». Беды Ахтар Ары начались, как и у ее товарки, со смертью Сикандар-бегам и браком ее наследницы с Сиддиком Хусейном:

¹⁴ Из этого следует, что девочка была привезена на Ближний Восток маленькой, и настоящую родину, равно как и данное при рождении имя, не помнила, хотя и знала о своем происхождении.

¹⁵ *Никах (nikah)* — мусульманский обряд бракосочетания.

именно он «в собственных интересах» обвинил Ахтар Ару в супружеской неверности и посадил в тюрьму, где она провела «четыре месяца в кандалах». Затем в присутствии *бегам* и всех дворцовых слуг несчастную также выпороли, нанеся 200 ударов по голым ногам; в результате экзекуции она «шестнадцать дней была тяжело больна, не могла ходить, и следы этих ударов до сих пор на ногах». После «четырёхмесячных мучений» грузинку освободили, сообщив, что ее муж развелся с нею, а все подаренные прежней госпожой ценности изъяты. Она умоляла Шах Джахан-*бегам* не отправлять ее в Мекку, где у нее «теперь не было друзей», оставить в Индии и вернуть подарки, но княгиня не сжалилась и вместе с другой грузинкой и *сидди* Йакутом отправила Ахтар Ару в Бомбей для дальнейшей транспортировки в Мекку [Regarding the Explanation, 1872, p. 6].

Муж Рошан Ары, клерк Ахмед Хусейн, сын Пира Абдуллы Шаха, подтвердил показания жены и сообщил некоторые важные детали, в частности, о том, что свадебный подарок Сикандар-*бегам* стоил около 10 тыс. рупий. Супруг Шах Джахан-*бегам*, Сиддик Хусейн, «стал избавляться от всех слуг покойной *бегам* и приводить своих фаворитов». Он, поведал клерк, «поссорился с Хамидом Хусейном, моим непосредственным начальником, обвинил его в прелюбодеянии с Ахтар Арой и лишил должности; в тот же день по его приказу я был заключен в тюрьму по обвинению в посредничестве между ним и Ахтар Арой» [Regarding the Explanation, 1872, p. 7]. После ареста от Ахмеда Хусейна потребовали развестись с женой, что он отказался сделать, даже получив письменный приказ *бегам*: в нем говорилось, что Рошан Ара является рабыней, собственностью княгини, которая имеет право развести супругов. Ахмед Хусейн отказался снова, но, будучи уже привязанным для порки, «от беспомощности и страха» все же подписал бумагу о разводе. После этого его еще три месяца держали в тюрьме и заставляли работать в оковах. Отпущенный на свободу «из-за отсутствия доказательств преступления», он последовал за женой в Бомбей.

Сидди Йакут сообщил, что был десять лет назад куплен Сикандар-*бегам* у араба в Мекке, служил наследнице Шах Джахан-*бегам*, женившей его на одной из своих служанок. Когда жена пожаловалась госпоже на мужа, *бегам*, по настоянию своего супруга, потребовала, чтобы Йакут развелся с женой, но тот отказался и был насильственно отправлен в Мекку вместе с обеими грузинками [Regarding the Explanation, 1872, p. 7]. Адил-*буга*, в свою очередь, показала, что, будучи служанкой правительницы Бхопала, обратилась к госпоже за разрешением посетить Мекку и получила его вместе с поручением отвезти в Мекку двух грузинок и *сидди*. На каждого из подопечных ей выдали по сто рупий: из них часть была истрачена на железнодорожные билеты; остаток денег женщина передала бомбейской полиции, заявив, что имела приказ ни в коем случае не отдавать подопечным деньги до приезда в Мекку, а там, раздав то, что останется, отпустить троих рабов на волю [Regarding the Explanation, 1872, p. 6–7].

За полицейским отчетом следует рукописный ответ исполняющему обязанности секретаря бомбейского правительства, подписанный Г. Лестером Уайном, заместителем секретаря правительства Индии. В ответе от имени генерал-губернатора предписывается объяснить грузинкам и *сидди*, что они «полностью свободны» и разделить между ними оставленную в полиции сумму. Копия полученного письма со всеми деталями

пронсшествия должна быть направлена политическому агенту¹⁶ в Центральной Индии для выяснения вопроса о собственности, которой молодые женщины были лишены в Бхопале. 6 мая 1872 г. политический агент в Центральной Индии, генерал-майор Г. Д. Дэйли, направил Ч. Ю. Эйтчинсону письмо с переводом ответа Шах Джахан-бегам на присланный ей протокол допроса всех участников этой истории.

В начале переведенного ответа пересказываются основные претензии со стороны грузинских служанок, Ахмеда Хусейна и *сидди* Йакуба¹⁷, затем следуют пояснения Султан Джахан-бегам. *Сидди* Йакуба (Йакута) покойная Сикандар-бегам привезла в 1863 г. из паломничества в Мекку с разрешения британского консульства в Джедде; это разрешение было зафиксировано в документе, где также утверждалось, что Йакуб отправился в Бхопал по доброй воле. В 1867 г., также с разрешения британского консульства, в Бхопал были привезены Рошан Ара и Ахтар Ара¹⁸: там им, по заверению *бегам*, были предоставлены «права свободных граждан». Обоих девушек выдали замуж, им предоставили помещения во дворце, месячное жалованье; никого из них не принуждали заниматься физическим трудом. Жена *сидди* Йакуба вскоре заявила об импотенции мужа и развелась с ним. *Бегам*, однако, нашла своему рабу новую жену, также из *сидди*; брачный договор, хранящийся, по заявлению княгини, в канцелярии Бхопала, включал право госпожи расторгнуть брак «при определенных условиях». С новой женой Йакуб «обращался дурно», и она подала на развод, который был санкционирован мусульманским судьей, *кази*, по всем правилам.

Что же касается двух грузинок, то *бегам* заявила: Ахтар Ара вступила в недозволенную связь с государственным служащим по имени Ахмед Хусейн¹⁹. В этом ей помогали Рошан Ара и ее муж. Вскоре Ахтар Ара забеременела от своего любовника, и подруга с мужем помогли ей устроить преждевременные роды, что, подчеркнула княгиня, является по мусульманским законам тяжким преступлением; дворцовые слуги Сайид Мухаммад Сурати и Сирадж уд-дин, утверждала *бегам*, присутствовали при похоронах вскоре умершего ребенка. Несмотря на тяжесть преступления, с виновными поступили «милостиво, лишь ограничив их передвижение». Ахмед Хусейн «был заключен в тюрьму на три месяца, а Хамуда Хусейна²⁰ уволили с государственной службы». В соответствии с мусульманскими законами и по указанию *кази*, продолжала *бегам*, Ахмед Хусейн дал жене письменный развод, засвидетельствованный подписями уважаемых людей. Отбыв наказание, Ахмед Хусейн был освобожден. Заявление о высылке всех троих в Мекку под конвоем — ложь, поскольку три человека не могли быть под охраной одного солдата и старой женщины. Эта женщина, Адил-буа, и солдат направлялись в паломничество в Мекку. Ахтар Ара и ее подруга сами желали отправиться в Мекку, их просто поручили заботам ехавших туда слуг и выдали деньги на пропитание и проезд, а не отправили насильно.

¹⁶ Политический агент — представитель сначала английской Ост-Индской компании, а затем правительства Британской Индии в регионах, где находились княжества: через него осуществлялись все взаимоотношения вассальных князей с центральным правительством.

¹⁷ В тексте это имя отличается от версии, представленной в протоколе (Йакут).

¹⁸ В ответе Шах Джахан-бегам подлинное имя Рошан Ары приведено как Хасина, а не Зайнаб, как в протоколе; отличаются от протокола также имена обоих продавцов.

¹⁹ Еще одна ошибка в тексте ответа или в протоколе: муж Рошан Ары заявил, что его начальника, обвиненного в прелюбодеянии, звали Хамид Хусейн.

²⁰ Теперь это имя соответствует упомянутому при допросе мужем Рошан Ары, но написано с ошибкой.

Далее *бегам* пояснила, что грузинка Ахтар Ара, устроив себе выкидыш, оказалась виновной в убийстве, за это преступление ее выпороли — «наказание легкое, если учесть тяжесть преступления. Наказание поркой предусмотрено как британскими законами, так и законами княжества, за небольшие проступки; кара, которой подвергли преступницу, не может быть поэтому признана излишне суровой. Рошан Ара порке не подвергалась, ее заявление — обман». После этого *бегам* заявила, что жалобщиков подговорил бывший государственный служащий, некий Мохаммед Йакуб, обращенный в ислам (индус? — Е. В.); он специально ездил для этого в Бомбей, о чем княгиню уведомил еще 9 января «мунши²¹ княжества». «Мне нет никакого дела, — подчеркнула далее Шах Джахан-*бегам*, — до этих грузинок и сидди: они могут остаться где угодно, кроме Бхопала».

Затем правительница с дотошностью разбирает вопрос о драгоценностях: они, оказывается, были ее покойной матерью грузинкам не подарены, а «выданы временно для ношения на службе», о чем свидетельствует тот факт, что все эти драгоценности до сих пор числятся в «списке государственных сокровищ». В конце письма даже приложен список украшений, якобы «выданных на время» грузинкам: жемчужные ожерелья, налобное украшение с бриллиантами, золотые и серебряные браслеты, золотые серьги и носовые кольца, всего на огромную для того времени сумму 3921 рупий... [Regarding the Explanation, 1872, p. 7–8]. Последним листом папки является сокращенный вариант приведенного выше текста, в который добавляется еще один аргумент: с Ахтар Арой поступили милосердно, поскольку по закону шариата замужнюю женщину, совершившую прелюбодеяние, надлежало побить камнями [Regarding the Explanation, 1872, p. 9]. Пояснения бхопальской княгини Дэйли «не удовлетворили никоим образом». Признавая, что покойная Сикандар-*бегам* «могла действительно иметь в отношении двух грузинок добрые намерения», он подчеркнул, что вся история «смахивает на издевательства и худшую форму рабства» и предложил генерал-губернатору «выразить ее высочеству озабоченность и надежду на то, что подобные сделки будут прекращены» [Regarding the Explanation, 1872, p. 9].

«ДЕКОРАТИВНАЯ» ПРИСЛУГА

Содержащиеся в папке документы не позволяют сделать вывод о том, чья версия событий — рабов или их госпожи — соответствовала действительности. Ясно, что кто-то из них солгал в своих показаниях, но кто — определить невозможно. Очевидно лишь одно: две молодые грузинки и «эффиоп» были проданы в Бхопал работоторговцами и, несмотря на милостивое отношение к ним Сикандар-*бегам*, никакими «правами свободных граждан» не пользовались, тем более когда у них появилась новая госпожа, обошедшаяся с невольниками весьма жестоко. Однако приведенный выше материал обнаруживает, что в индийском варианте домашнее рабство обладало определенной спецификой, которую мне уже довелось отметить на примере челяди Моголов [Ванина, 2020, с. 147–148]. Специфика эта заключалась в том, что различия между невольниками и лично свободной, вольнонаемной прислугой, составлявшей и у Моголов, и в Бхопале большинство, оказывались смазанными и трудноразличимыми: не случайно многие

²¹ *Мунши (munshi)* — на хинди, урду и других языках писец, секретарь, чиновник. Видимо, речь идет о каком-то представителе Бхопала при бомбейском правительстве.

европейцы всех царских слуг без разбора называли «рабами». Известный индолог Ричард М. Итон во вступительной статье к большому тому о рабстве в истории Южной Азии подчеркнул, что «границы между рабским и нерабским статусом часто были весьма проницаемыми» [Eaton, 2006, p. 8].

Действительно, как свидетельствуют процитированные выше документы, все привезенные в Бхопал из Мекки невольники получали жалованье и, возможно, были обеспечены лучше, чем вольнонаемные слуги дворца. Господа устраивали их браки по собственной воле, что традиционно практиковалось по отношению как к свободным, так и к рабам, и входило в число обязанностей доброго хозяина в отношении прислуги²² и даже клерков канцелярии, например, мужа Рошан Ары: подобные «благодаяния» обычно предполагали устройство свадьбы за господский счет, богатые подарки молодоженам и предоставление приданого служанкам. Именно это и обеспечивало согласие свободных слуг и служащих на такого рода браки: свободы выбора эти люди все равно не имели бы и в случае, когда их женили или выдавали замуж собственные семьи. И свободных слуг, и невольников господа поощряли подарками и наказывали — штрафами, тюремным заключением или побоями. И поскольку люди, обслуживавшие княжескую или, при Моголах, императорскую семью, зарабатывали несравненно больше, чем работавшие на других хозяев, да еще и рассчитывали на подарки, то вольнонаемные слуги, даже в случае жестокого обращения с ними, так же не могли покинуть своих господ, как и рабы, предпочитая терпеть грубость и насилие, но не покидать «хлебную» должность²³.

Стоит задуматься и над тем, с какой целью бхопальские правительницы ввозили из далекой Мекки «эфиопских» и грузинских невольников, тратя на этот живой товар и его доставку изрядные суммы денег. Очевидно, что недостатка в прислуге они не имели, да и обязанности, исполняемые данными рабами во дворце, описаны весьма туманно: заявление госпожи о том, что грузинки не занимались тяжелым физическим трудом, подтверждают собственные показания невольниц: Рошан Ара служила княгине как «горничная и компаньонка». Скорее всего, здесь, как и в случае с европейцами, главный смысл заключался в том, что иноземная прислуга одним своим присутствием поддерживала и увеличивала престиж хозяев, настолько богатых и могущественных, что они могли позволить себе выписывать горничных и лакеев из далеких краев. Более того, в самосознании бхопальских княгинь, в тех стандартах роскоши и величия, которым они стремились соответствовать, немалую роль играло подражание. Сикандар-бегам побывала в Мекке, увидела там в домах местной знати чернокожих и грузинских рабов и рабынь, и захотела приобрести себе таких же, тем более что, как уже отмечалось, подобного рода невольники и невольницы обслуживали еще Моголов²⁴ — их

²² Например, такого рода «благотворительные бракосочетания» своих служанок активно практиковала Нур Джахан, супруга могольского падишаха Джахангира (правил в 1605–1627 гг.). Подробнее см.: [Ванина, 2020, с. 142–143].

²³ В статье об убийстве махараджей княжества Бхаратпур его слуги в 1900 г. рассматривается характерный эпизод: слуга убитого просит назначить его на должность отца, «потомственную в их семье» [Ванина, 2018].

²⁴ Уроженка Кавказа (черкешенка или грузинка) была привезена рабыней в гарем могольского принца Дары Шукоха (1615–1659). После казни принца она перешла к его взошедшему в 1659 г. на престол брату Аурангзебу, женой которого стала под именем Удипури-махал.

придворная культура выступала для бхопальских правителей главным образцом для подражания.

Аналогичным образом слуги-европейцы являлись данью западному влиянию, и здесь моделью служил быт британской аристократии: с ним бхопальские владыки знакомились во время поездок на Запад или при общении с проживавшими в княжестве европейцами. Английский дворецкий мистер Бэдкок был нужен не потому, что с доверенными ему обязанностями не мог справиться местный житель: само его присутствие во дворце одновременно свидетельствовало о богатстве хозяев, поднимало их репутацию как «почти своих» в глазах английской аристократии и как почти «белых сахибов» в глазах подданных. «Демонстрационная» или «декоративная» роль прислуги в данном случае объясняет подлинно высокую ценность украшений, полученных грузинками от госпожи (чем роскошнее одеты слуги, тем выше престиж хозяев, даже если сами они предпочитают более скромный облик²⁵), а также делает вполне правдоподобным то, что столь дорогие украшения могли быть действительно не подарены, а выданы «на время службы». В этом и состояла служба привезенных издалека рабов — присутствовать рядом с хозяйками, своим экзотическим обликом и драгоценными уборами демонстрируя высокий статус, могущество и богатство бхопальских княгинь.

Реакция колониальной администрации на историю с грузинками и «эфиопом» была вполне предсказуемой. Она ограничилась лишь выражением «озабоченности»: бхопальскую княгиню пожурили и попросили не допускать подобных историй впредь. Лояльность Бхопала британским властям оказывалась важнее, и применять к княжеской семье какие-либо жесткие меры имело смысл по более серьезным поводам, что и произошло в 1885 г., когда главного виновника страданий грузинских невольниц, Сиддика Хусейна, лишили звания *наваба*²⁶. Документы молчат о том, как сложилась далее судьба «декоративных» слуг — грузинок и «эфиопа». Их сопровождающим было позволено отправиться в Мекку, Рошан Ара с мужем и Ахтар Ара, видимо, остались в Индии, какую судьбу выбрал Йакут, можно только предполагать. Бхопальский княжеский дом продолжал использовать чужеземную прислугу. Английские бонны и дворецкие, «эфиопские» лакеи и горничные до самого конца истории княжества продолжали выполнять свои декоративные функции, демонстрируя богатство, могущество и «прогрессивность» своих венценосных господ.

²⁵ Если верить мемуарам Абиды-султан, бхопальские княгини и члены их семей предпочитали одеваться весьма скромно (в хлопчатобумажные ткани, шелковые полагались лишь по большим праздникам), избегая даже на публике роскошных нарядов и украшений [Abida Sultaan, 2013, p. 78, 91].

²⁶ В 1872 г. Сиддик Хусейн убедил Шах Джахан-бега отречься от престола в свою пользу, так он стал *навабом* Бхопала. В 1885 г. англичане отстранили Сиддика Хусейна от власти по обвинению в поддержке ваххабитов и переводе на урду их воззваний для распространения в Индии, а престол вернули его супруге [Khan, 2000, p. 134–137].

Литература / References

- Ванина Е. Ю. Бхопал: навабство на «пустом месте». Глушкова И. П. (руководитель проекта), Бочковская А. В. (отв. ред.). *Под небом Южной Азии. Территория и принадлежность: геополитическое конструирование и субъектность восприятия обитаемых пространств*. М., 2016. С. 244–276 [Vanina E. Yu. Bhopal: a Nawabi on an 'Empty Place'. Glushkova I. (gen. ed.), Bochkovskaya A. V. (ed.). *Under the Skies of South Asia. Territory and Belonging: Geopolitical Construction, Human Agency and the Perception of Places*. Moscow, 2016. Pp. 244–276 (in Russian)].
- Ванина Е. Ю. Убил слугу — лишился трона. Княжеское преступление и британское наказание в колониальной Индии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 117–128 [Vanina E. Yu. Killed a Servant, Lost the Throne. Princely Crime and Colonial Punishment in British India. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2018. 3. Pp. 117–128 (in Russian)].
- Ванина Е. Ю. «Букет из четырех цветников преуспевания»: дворцовая челядь в эпоху Великих Моголов. *Восток / Oriens*. 2020. № 1. С. 137–150 [Vanina E. Yu. "A Bouquet from Four Flower Gardens of Prosperity": Palace Servants of the Great Mughals. *Vostok / Oriens*. 2020. 1. Pp. 137–150 (in Russian)].
- Abida Sultaan. *Memoirs of a Rebel Princess. Foreword by Sahibzada Yaqub-Khan. Introduction by Siobhan Lambert-Hurley*. Karachi, 2013.
- Archambault H. L. Becoming Mughal in the Nineteenth Century: The Case of the Bhopal Princely State. *South Asia: Journal of South Asian Studies*. 2013. 36.4. Pp. 479–495.
- Campbell G. Slave Trades and the Indian Ocean World. Hawley John C. (ed.). *India in Africa, Africa in India: Indian Ocean Cosmopolitanisms*. Bloomington, 2008. Pp. 17–51.
- Chakraborty S. European Nurses and Governesses in Indian Princely Households: 'Uplifting that Impenetrable Veil?'. *Journal of Colonialism and Colonial History*. 2018. 19.1. Pp. 1–26.
- Eaton R. M. Introduction. Eaton R. M., Chatterjee I. (eds.). *Slavery and South Asian History*. Bloomington, Indianapolis, 2006. Pp. 1–16.
- Khan Shaharyar M. *The Begums of Bhopal. A Dynasty of Women Rulers in India*. London, New York, 2000.
- Major A. *Slavery, Abolitionism and Empire in India, 1772–1843*. Liverpool, 2012.
- Pankhurst Richard. The Ethiopian Diaspora to India: The Role of Habshis and Sidis from Medieval Times to the Eighteenth Century. Shihan de Silva J., Richard Pankhurst R. (eds.). *The African Diaspora in the Indian Ocean*. Asmara, 2003. Pp. 189–222.
- Sikandar Begum. *A Pilgrimage to Mecca by the Nawab Sikandar Begum of Bhopal*. Tr. by Mrs. Willoughby-Osborne. London, 1870.

Архивные материалы / Archive documents

- Naql-i 'arṣī mobatmim toṣa kbāna riyāsat Bhopāl ma'arūzā māb rabi' al-annwal sana 1309 hijrī*. Daftar-i inṣā. No. 45. Bhopal Branch, National Archives of India, 1891.
- Regarding the Explanation of Her Highness the Begum of Bhopal with Reference of the Two Georgian Girls Who Alleged that They Have Been Sent from Bhopal with View of being Taken to Mecca*. National Archive of India. Central India Agency. Indore Letter Receipts. Progs. Nos. 217. 1872.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-164-170

**АНГЛИЙСКИЕ ДЕИСТЫ И «ШАРАВАДЖИЗМ»:
ОТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ЛАНДШАФТА
К ЛАНДШАФТНОМУ ПАРКУ**

© 2020

Д. В. Дубровская*

В статье, продолжающей неоднократно поднимавшуюся автором тему рецепции китайской философии и конфуцианской мысли на Западе в эпоху Просвещения, проблематизируются точки соприкосновения между британскими последователями деизма и конфуцианской мыслью. Рассматриваются идеи и некоторые работы английских деистов, черпавших вдохновение в идеях французского Просвещения, активно апроприировавшего китайский политический опыт в изложении миссионеров-иезуитов и путешественников в Китай. Автор делает попытку связать натурфилософские идеи деистов, видевших в конфуцианских учениях своих товарищей по отношению к религии и вопросам творения, с последующим развитием интереса к дальневосточным влияниям на английскую культуру и искусство, рассматривая кейс художника-акварелиста А. Козенса и решительный поворот английского паркового строительства от регулярной классицистической нормы французских парков к романтическим английским ландшафтным дворцово-парковым ансамблям. Автор приходит к выводу, что английские парки и акварели некоторым образом превратились в визуальное выражение идей деистов, призывавших к наблюдению за живой природой и обучению у нее, тогда как сами ландшафтные садово-парковые ансамбли явились отражением ландшафта интеллектуального.

Ключевые слова: Просвещение, деизм, шинуазри, ориентализм, шараваджи, английские парки.

Для цитирования: Дубровская Д. В. Английские деисты и «шараваджизм»: от интеллектуального ландшафта к ландшафтному парку. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 164–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-164-170

**BRITISH DEISTS AND “SHARAVADGISM”:
FROM INTELLECTUAL LANDSCAPE TO THE LANDSCAPE PARK**

Dinara V. Dubrovskaya

The article dwells further on the topic of Chinese philosophy and Confucian thought's reception in the West in the era of the Enlightenment, repeatedly studied by the author, and problematizes the points of contact between the British followers of deism and Confucian

* Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com

Dinara V. Dubrovskaya, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; distan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

thought. The article considers the ideas and some works of English deists, drawing inspiration from the ideas of the French Enlightenment, which actively appropriated the Chinese political experience in its presentation by Jesuit missionaries and travelers to China. The author makes an attempt to connect the natural-philosophical ideas of deists, who saw Confucian *literati* as their philosophical brothers in relation to religion and questions of creation, with the subsequent development of interest in Far Eastern influences on English culture and art, considering the case of the watercolor artist Alexander Cozens and the decisive turn of English park construction from the regular classicist norm of French parks to romantic English landscaped palace and park ensembles. The author comes to the conclusion that English parks and watercolors in some way turned into a visual expression of the ideas of deists, who called for observing and learning from nature and real life, while the landscape gardening ensembles themselves proved to be a reflection of the intellectual landscape.

Keywords: Enlightenment, deism, Chinoiserie, Orientalism, Sharavadj, English parks.

For citation: Dubrovskaya D. V. British Deists and “Sharavadjism”: From Intellectual Landscape to the Landscape Park. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020. 3. Pp. 164–170. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-164-170

В ряде востоковедных работ, посвященных европейской рецепции образа Китая [Jacobsen, 2013] и креативной переработке на Западе идей, пришедших из конфуцианства и даосизма, освещается значительный энтузиазм французских философов-просветителей в отношении Китая и его имиджа, принесенного в Европу во многом трудами миссионеров-иезуитов и других европейских путешественников (в свою очередь, автор достаточно подробно писала об этом в [Дубровская, 2018]). Однако когда мы отдаем должное вкладу свидетельств европейских миссионеров и путешественников, послуживших посредниками при передаче конфуцианской мысли на Запад, мы обычно останавливаемся на французском Просвещении, делая особый упор на рецепцию конфуцианских идей в философии и политической мысли.

Интересно коротко рассмотреть взгляды британских коллег французских просветителей (уже в XVII в. мы находим там свидетельства растущего интереса к философии и социальной организации Китая) и проследить не только идеологические положения, сближавшие английских деистов с китайскими *literati* – конфуцианскими учеными, но и то, как эти теоретические послышки отразились в столь конкретном поле, как искусство, в частности, искусство паркового строительства.

Интерес английских деистов к китайским реалиям отражал многие темы, горячо обсуждавшиеся во Франции. Так, английский государственный муж, эссеист и дипломат Уильям Темпл (William Temple; 1628–1699) в эссе “*Upon the Gardens of Epicurus*”, писал, что «можно до бесконечности перечислять все прекрасные порядки [Китая], кажущиеся изобретенными специально для максимального использования здравого смысла и мудрости, и присутствующие в Китае в больших масштабах, чем у любого другого правительства в мире»¹. С Темплом соглашался архитектор и автор первой китайской грамматики Джон Уэбб (John Webb; 1611–1672), чья работа по соотнесению идеи о языке Адама и китайского языка рассматривалась в [Дубровская, 2018]: «Если когда-либо

¹ Sir William Temple upon the Gardens of Epicurus, With Other XVIIth Century Garden Essays. *Biodiversity Heritage Library*. URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/65658#page/10/mode/1up> (дата обращения 07.09.2020).

какой-либо монарх в мире и конституировался в соответствии с... диктатом здравого смысла, можно смело сказать, что таковым был китайский [император]»².

Действительно: в интеллектуальном ландшафте европейской просветительской учености XVII–XVIII вв. Ла-Манш представлял собой не преграду для распространения идей, а настоящий канал их распространения. Ряд французских просветительских трудов был переведен на английский язык; к их числу принадлежала, например, опубликованная в 1691 г. анонимная работа, озаглавленная «Мораль Конфуция, китайского философа»³. Приблизительно в это же время на английском языке появляются переводы китайской классики с латыни “Confucius Sinarum Philosophus” [Meynard, 2012]. Эти издания, наряду с описаниями путешественников на Восток, среди которых выделяются работы архитектора Уильяма Чэмберса (William Chambers; 1723–1796)⁴, совершившего три путешествия в Китай, напичкали не только воображение общественности, но и умы тогдашних мыслителей [Chambers, 1757].

Наиболее живо отозвалась на китайские идеи группа британских мыслителей-деистов, часто для аргументации своих взглядов обращавшихся к конфуцианской философии. Деисты верили в естественную религию, отвергавшую авторитет церкви и церковные откровения, говоря о «свете разума», изначально присущем любому человеку. Эта философская позиция отвергала откровение как источник конфессионального знания, утверждая, что разума и наблюдения за живой природой и миром вполне достаточно для признания существования некоего Высшего существа или создателя вселенной⁵. Идеи, существовавшие в европейской мысли со времен Фомы Аквинского (1225–1274), признававшего два источника познания Бога — откровение и «естественный разум», получили дальнейшее развитие в эпоху Просвещения в Британии и Франции, где философы пришли к отрицанию откровения как источника знания и обратились к разуму как к мере вещей. Деисты утверждали, что в своей мировоззренческой основе взгляды китайских *шэньши* совпадали с их собственным пониманием мира. Действительно, по мнению Дэвида Юма (David Hume; 1711–1776), китайцы как народ были (за исключением квакеров) «единственным цельным массивом деистов во вселенной»⁶.

На британской почве идеи деистов впервые развил военный, дипломат, историк, поэт и философ религии лорд Эдвард Герберт Чербурский (Edward Herbert, 1st Baron Herbert of Cherbury, 1582–1648). Герберт полагал, что определенные фундаментальные, основанные на разуме, религиозные верования являли собой универсальное достояние человечества, будучи базовыми для любых институционализированных религий, тогда как

² Цит. по [Marshall, Williams, 1982, p. 32].

³ *The Morals of Confucius, a Chinese Philosopher Who Flourished above Five Hundred Years before the Coming of Our Lord and Saviour Jesus Christ: Being One of the Most Choicest Pieces of Learning Remaining of That Nation*. London, 1691. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A34265.0001.001?view=toc> (дата обращения 08.09.2020).

⁴ Чэмберс знаменит, в частности, своей высокой пагодой, построенной в Королевских ботанических садах Кью (Royal Botanic Gardens, Kew) в Ричмонде-на-Темзе.

⁵ См., например, Gomes A. W. Deism. *The Encyclopedia of Christian Civilization*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9780470670606.wbccc0408> (дата обращения 08.09.2020).

⁶ “On the other hand, our Sectaries, who were formerly such dangerous Bigots, are now become our greatest Free-thinkers; and the Quakers are, perhaps, the only regular body of Deists in the universe, except the Literati, or the Disciples of Confucius in China” [Hume, 1898, p. 147].

этнические и конфессиональные различия в вере — всего лишь модификации универсально приемлемой истины. Чтобы доказать эту достаточно еретическую для тех времен идею, деисты пошли дальше и заявили, что Ветхий Завет никак не мог представлять собой старейший религиозный текст или являться словом Бога, будучи лишь одним из многих источников религиозной истины. Из этой посылки логически вытекало, что и христианство входило в число множества религий, базировавшихся на универсальной мощи человеческого разума, и не могло претендовать на монополизацию истины. Все эти положения весьма сильно резонировали с идеями китайской натурфилософии в переложении иезуитов и философов-просветителей.

К поддержке взглядов ранних последователей деизма позже вернулся Мэтью Тиндал (Mathew Tindal; 1657–1733), наиболее продвинутый ученый из всех британских деистов, снова подчеркнувший, что совпадающие с христианскими моральные учения конфуцианства базировались на рациональных, а не «откровенческих» основах. Тиндал положительно воспринял идею Лейбница, высказавшегося в пользу присылки миссионеров из Китая в Европу, и пришел в результате к следующему смелому заявлению: «Я далек от мысли, что максимы Конфуция и Иисуса Христа различаются, и полагаю, будто простые и ясные максимы первого помогут проиллюстрировать более смутные идеи второго»⁷.

Однако наиболее очевидно в этот период влияние Китая на Британию в культурной и художественной сферах, тесно связанных с историей философской мысли эпохи Просвещения. В более широком контексте рецепция мотивов китайского искусства в материковом европейском искусстве периодов барокко и рококо хорошо известна, особенно в живописи таких гигантов, как Антуан Ватто (1684–1721) [Scott, 2003] и Франсуа Буше (1703–1770) [Stein, 1996]. Хорошо известно, что *шинуазри* (*chinoiserie*), роскошная адаптация китайских течений в архитектуре, мебели, керамике и текстильных дизайнах, безудержно расцветавшая по обоим берегам Ла-Манша в XVII и XVIII вв., была встречена европейской культурой и искусством с большим энтузиазмом (см., например: [Чжан, 2015; Eerdmans, 2006; Honour, 1961]). Несколько хуже исследовано влияние Китая на возникновение романтического сентиментализма середины XVIII в. Между тем, в первую очередь *шинуазри* значительно повлияла на развитие акварели, например в творчестве рожденного в Санкт-Петербурге английского художника Александра Козенса (Alexander Cozens; 1717–1786) и его сына Джона Роберта Козенса (John Robert Cozens; 1752–1797) [Sloan, 2011]. В романтический период акварель превратилась в популярную форму художественного выражения и позже подверглась существенному влиянию традиционной китайской техники рисования, восприняв методы, выражавшиеся в и спонтанных отношениях между художником и природным окружением [Clarke, 1997, p. 25–26]. Так, мемуарист и учитель фехтования Генри Анджело (Henry Charles William Angelo; 1756–1835), учившийся у Козенса в Итоне, писал о его методе: «Козенс стремительно наносил на несколько листов бумаги серию случайных клякс и мазков черного, коричневого и серого цвета, которые, после смешения, отпечатывал на другой бумаге и, используя свое богатое воображение и некоторое количество талантливой обработки, превращал их в романтические скалы,

⁷ Цит. по: [Appleton, 1951, p. 50]. Более полное описание взаимоотношений между деизмом и ориентализмом, см. в: [Halbfass, 1988, p. 171–172; Leites, 1968].

леса, башни, шпиль, домики, реки, поля и водопады. Голубые и серые кляксы становились горами, облаками и небом» [Орре, 1954, р. 171].

Второй и более важный аспект влияния — эволюция так называемого англо-китайского сада, сыгравшая значительную роль в переходе от идеалов классического формализма и регулярности, доминировавших в эпоху Просвещения, к чувству большей естественности и свободы.

По свидетельству британско-канадского историка искусства Майкла Салливана (Michael Sullivan; 1916–2013), образ китайского сада, завезенный в Европу Уильямом Чэмберсом, помог в формировании негативной реакции на формальные геометрические французские парки, соответствовавшие на тот момент английскому вкусу [Sullivan, 1989, р. 108–116; Ropp, 1990, р. 286]. Некоторые критики полагают, что эта перемена возымела решающее влияние на зарождение романтического отношения к природе [Lovejoy, 1948], и, по мнению немецкого экономиста и историка, определявшего культурную политику Социал-демократической партии Германии, а позже борца с нацизмом Адольфа Райхвайна (Adolf Reichwein; 1898–1944), в результате огромного резонанса, который получили основанные на китайских впечатлениях труды Чемберса и деистов, произошла не только революция в искусстве паркового строительства, но и эпохальное смещение в отношениях к природе по сравнению с на глазах устаревающим идеалом классической симметрии и пропорциональности — к более свободному, фантазийному, спонтанному взгляду, расцветшему в романтический период [Lovejoy, 1948].

Возникновению этого нового взгляда мы отчасти можем быть благодарны упоминавшемуся выше Уильяму Темплу, впервые введшему в том самом эссе о садах Эпикура диковато звучащий термин «шараваджи» (sharawadgi или sharawaggi)⁸. Термин описывал стиль — говоря современным языком — «ландшафтного дизайна» или даже архитектуры, где четкая симметрия и линейность намеренно избегалась, чтобы придать объектам естественный природный вид (см., например, [Чжан, 2015; Половинкина, 2020]). Придумывая свой эпикурейский пейзаж, Темпл во многом опирался на свидетельства французского художника и миссионера-иезуита Жана-Дени Аттире (1702–1768), коллеги лидера европейских художников при маньчжурском дворе в Пекине Джузеппе Кастильоне (1688–1766) (см. о нем: [Дубровская, 2018]), помогавшего итальянскому коллеге проектировать и осуществлять строительство «Западного» анклава (Сиян-лоу; 西洋楼; Территория Западного океана) императорского дворцово-паркового комплекса Юаньминюань (圓明園; «Сады совершенной ясности»), в свою очередь вдохновленного версальским регулярным парком [Wong, 2001]. Живой, многотрудный и челночный обмен идеями, образами и влияниями особенно ярко подтверждается именно проектами в духе «шараваджи», вдохновленными спонтанностью китайской живописи и ее вниманием к природному ландшафту. Что же до более сложных проектов — дворцово-парковых комплексов, то здесь британские архитекторы и создатели знаменитых «английских парков» оказались наследниками длительной

⁸ Историки искусства и востоковеды сломили немало копий, пытаясь выяснить этимологию слова. Среди теорий — китайское «са ло гуйци» (洒落瑰琦), приблизительно означающее «впечатление от небрежного изящества» [Chang, 1930; Lang, Pevsner, 1948], японское *sorowaji* (揃わじ) [Murray, 1998], означающее асимметрию и нерегулярность, некое персидское слово [Sullivan, 1989, р. 285] и множество других вариантов.

эстафеты влияний, среди пунктов которой можно назвать классицистический парк Версаля, эклектичный комплекс Сиян-лоу и, наконец, «шараваджистские» Королевские ботанические сады Кью, где до сих пор красуется «китайская» пагода, выстроенная Чемберсом. Таким образом, английские парки и акварели стали практическим визуальным выражением идей денстов (к числу которых относилось несколько путешественников в Китай) с их призывом к наблюдению за живой природой, представляющей собой манифестацию существования Бога, а рукотворный ландшафтный парк превратился в отражение ландшафта интеллектуального.

Литература / References

- Дубровская Д. В. Иезуиты и эпоха Просвещения в Европе: новое видение Китая от Маттео Риччи до Адама Смита. *Ориенталистика*. 2018. № 1(2). С. 194–208 [Dubrovskaya D. V. Jesuits and the Enlightenment. The New Vision of China from Matteo Ricci to Adam Smith. *Orientalistica*. 2018. No. 1(2). Pp. 194–208 (in Russian)].
- Дубровская Д. В. *Лан Шинин, или Джузеппе Кастильоне при дворе Сына Неба*. М., 2018 [Dubrovskaya D. V. *Lang Shining, or Giuseppe Castiglione at the Court of the Son of Heaven*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- Половинкина О. И. «Шараваджи» У. Темпла и поэтика мировой литературы. *Вопросы литературы*. 2020. № 2. С. 70–89 [Polovinkina O. I. William Temple's "Sharavaggi" and the Poetics of World Literature. *Voprosy Literature*. 2020. 2. Pp. 70–89 (in Russian)].
- Чжан Шэнцин (張省卿). *Восток, просвещающий Запад, — китайские элементы в ландшафтных садах XVIII в. Вюрлиц в Германии (東方啓蒙西方 — 十八世紀德國沃里茲 (Wörlitz) 自然風景園林之中國元素)*. Тайбэй, 2015 [Chang Sheng-Ching. *The East Enlightening the West — Chinese Elements in the 18th Century Landscape Gardens of Wörlitz in Germany*. Taipei, 2015 (in Chinese)].
- Appleton W. *A Cycle of Cathay: The Chinese Vogue in England in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. New York, 1951.
- Chambers W. *Designs of Chinese Buildings, Furniture, Dresses, Machines, and Utensils. To which is annexed, a Description of their Temples, Houses, Gardens, &c.* London, 1757.
- Chang Y. Z. A Note on Sharawadgi. *Modern Language Notes*. 1930. 45 (4). Pp. 221–224.
- Clarke J. J. *Oriental Enlightenment. The Encounter between Asian and Western Thought*. London, New-York, 1997.
- Eerdmans E. The International Court Style: William & Mary and Queen Anne: 1689–1714, The Call of the Orient. *Classic English Design and Antiques: Period Styles and Furniture; The Hyde Park Antiques Collection*. New York, 2006. Pp. 22–25.
- Jacobsen S. G. Chinese Influences or Images? Fluctuating Histories of How Enlightenment Europe Read China. *Journal of World History*. 2013. 24.3. Pp. 623–660.
- Halbfass W. *India and Europe: An Essay in Understanding*. Albany, New York, 1988.
- Hume D. *Essays Moral, Political, and Literary*. Vol. 1. London, New York, Bombay, 1898.
- Honour H. *Chinoiserie: The Vision of Cathay*. London, 1961.
- Lang S., Pevsner N. Sir William Temple and Sharawaggi. *The Architectural Review*. 1948. 106. Pp. 391–392.
- Leitez E. Confucianism in Eighteenth-Century England: Natural Morality and Social Reform. *Philosophy East and West*. 1968. 2. Pp. 143–160.
- Lovejoy A. O. *Essays in the History of Ideas*. Baltimore, 1948.

- Marshall P. J., Williams G. *The Great Map of Mankind: British Perceptions of the World in the Age of Enlightenment*. London, 1982.
- Meynard Th. Confucius Sinarum Philosophus (1687): The First Translation of the Confucian Classics. *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*. 2012. 75.2. Pp. 420–422.
- Murray C. Sharawadgi Resolved. *Garden History*. 1998. 26 (2). Pp. 208–213.
- Oppé A. P. *Alexander and John Robert Cozens*. Cambridge, 1954. Pp. 165–187.
- Ropp P. S. (ed.). *Heritage of China: Contemporary Perspectives on Chinese Civilization*. Berkeley, 1990.
- Sloan K. Alexander Cozens and Amateurs Drawn to Etch. *Print Quarterly*. 2011. 28. Pp. 405–409.
- Scott K. Playing Games with Otherness: Watteau's Chinese Cabinet at the Château de la Muette. *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. 2003. 66. Pp. 189–248.
- Stein P. Boucher's Chinoiserie: Some New Sources. *The Burlington Magazine*. 1996. 138 (1122). Pp. 598–604.
- Sullivan M. *The Meeting of Eastern and Western Art*. Berkeley, 1989.
- Wong Young-Tsu. *A Paradise Lost: The Imperial Garden Yuanming Yuan*. Honolulu, 2001.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Gomes A. W. Deism. *The Encyclopedia of Christian Civilization*.
URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1002/9780470670606.wbecc0408>
(дата обращения 08.09.2020).
- Sir William Temple upon the Gardens of Epicurus, With Other XVIIth Century Garden Essays.
Biodiversity Heritage Library.
URL: <https://www.biodiversitylibrary.org/item/65658#page/10/mode/1up>
(дата обращения 07.09.2020).
- The Morals of Confucius, a Chinese Philosopher Who Flourished above Five Hundred Years before the Coming of Our Lord and Saviour Jesus Christ: Being One of the Most Choicest Pieces of Learning Remaining of That Nation*. London, 1691. URL: <https://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A34265.0001.001?view=toc>
(дата обращения 08.09.2020).

У ИСТОКОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНДОЛОГИИ: ПИСЬМО БАРТОЛОМЕУСА ЦИГЕНБАЛЬГА ОБ ИНДИИ

© 2020

К. Д. Никольская*

В начале XVII в. в Европе была создана Датская Ост-Индская компания (Dansk Østindisk Kompagni). Опорным пунктом датчан в Индии стал город Транкебар (крепость Дансборг). В начале XVIII в. на Коромандельском побережье, территория которого находилась под юрисдикцией датчан, высадились первые лютеранские миссионеры. Они прибыли в Индию из немецкого города Галле. Галльский университет в эту эпоху был центром пиетизма, тесно связанным с «Датской королевской миссией» на юге Индии. Миссию финансировала король Фредерик IV, но с самого начала своего существования она комплектовалась, главным образом, из немцев. Одним из первых миссионеров в Транкебаре стал пастор Бартоломеус Цигенбальг. Он прожил в Индии с 1706 по 1719 гг. Имя Цигенбальга хорошо известно современным востоковедам, так как именно он входил в число первых европейцев, изучавших индийские языки и культуру. На протяжении всего пребывания в Транкебаре Цигенбальг занимался переводами христианской литературы на тамильский язык, он же составил первую тамильскую грамматику. Сохранилось большое количество писем пастора к своим друзьям и коллегам. Большая часть этих писем сегодня опубликована, но часть до сих пор хранится в архивах. Главным образом пастор рассказывает в письмах о работе миссии: это обращение местных жителей в христианство, создание типографии и публикация христианской литературы, открытие в Транкебаре школы для детей и работа в ней. Только небольшая часть писем содержит подробные рассказы о Транкебаре, о местных традициях, о религиозных взглядах аборигенов и т. д. В публикации дается перевод одного из писем Цигенбальга, включающего в себя ответы на вопросы об Индии, задававшимися в посланиях друзьями пастора.

Ключевые слова: Индия, Транкебар, Цигенбальг, Датская королевская миссия, Галльский университет.

Для цитирования: Никольская К. Д. У истоков европейской индологии: письмо Бартоломеуса Цигенбальга об Индии. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 3. С. 171–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-171-180

THE ORIGINS OF EUROPEAN INDOLOGY: BARTHOLOMEUS ZIEGENBALG'S LETTER ON INDIA

Xenia D. Nikolskaia

At the beginning of the 17th century, the Danish East India Company (Dansk Østindisk Kompagni) was established in Europe. The stronghold of the Danes in India was the city

* Ксения Дмитриевна НИКОЛЬСКАЯ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии ИСАА МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; sniff0210@gmail.com

Xenia D. Nikolskaia, Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies (IAAS), Lomonosov Moscow State University, Moscow; sniff0210@gmail.com

ORCID ID 0000-0001-5996-6318

of Tranquebar (Dansborg fortress). At the beginning of the 18th century, the first Lutheran missionaries landed on the Coromandel Coast. They came to India from the German city of Halle. The University of Halle at this time was a center of pietism closely associated with the “Danish Royal mission” in Southern India. This mission was funded by king Frederick IV, but from the very beginning of its existence was staffed mainly by Germans. One of the first missionaries in Tranquebar was Bartholomäus Ziegenbalg. He lived in India from 1706 to 1719. His name is well known to modern orientologists, as he was among the first Europeans to study Indian languages and Indian culture. All the years of his life in Tranquebar, Bartholomäus Ziegenbalg was engaged in translating Christian literature into Tamil, and he also compiled the first grammatical reference of this language. A large number of the pastor’s letters to his friends and colleagues have been preserved. Most of these letters have been published for today. But part of it is still stored in the archives. Mainly in his letters, the pastor talks about the work of the mission: converting local residents to Christianity, creating a printing house and publishing Christian literature, opening a school for children in Tranquebar and working in it. Only a small part of the letters contains detailed stories about Tranquebar, local traditions, religious views of the natives, etc. This publication provides a translation of one of Ziegenbalg’s letters, which includes answers to questions about India that the pastor’s friends asked in their messages.

Keywords: India, Tranquebar, Ziegenbalg, Danish Royal mission, University of Halle.

For citation: Nikolskaia X. D. The Origins of European Indology: Bartholomeus Ziegenbalg’s Letter on India. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020. 3. Pp. 171–180. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-171-180

Среди людей, стоявших у истоков европейской индологии в раннее Новое время, видное место занимает Бартоломеус Цигенбальг (1682–1719), лютеранский пастор и один из первых протестантских миссионеров в Индии. Деятельность Цигенбальга, долгие годы прожившего на Коромандельском берегу в Транкебаре, была тесным образом связана с т. н. «Датской королевской миссией». Вопреки названию, миссия состояла главным образом из урожденных немцев, значительное число которых происходило из Галльского университета [Jürgens, 2004, p. 46]. С университетом, где учился и сам Цигенбальг, он сохранял регулярные связи на протяжении всего пребывания в Транкебаре: существенная часть писем пастора адресована его преподавателям и университетским друзьям.

Цигенбальг прибыл в Индию в 1706 г. и прожил там вплоть до 1714. В 1714 г. в силу ряда обстоятельств ему на некоторое время пришлось отбыть в Европу. Поездка продлилась два года. Вернувшись в Транкебар в 1716 г. в сопровождении молодой жены Марии Доротеи, урожденной Зальцман, пастор прожил на индийском Юге еще три года, вплоть до самой смерти. Цигенбальг может по праву считаться первым европейцем, изучившим тамильский («die malabarische Sprache»). Начав учить его сразу по приезде вместе с местными школьниками, менее чем через год он уже на нем проповедовал. Занимаясь переводами Священного Писания на тамильский, он основал типографию, в которой и после его смерти печаталась христианская литература [Jeyaraj, 2006].

Примечательно, что большая часть трудов Цигенбальга об Индии и индуизме была написана до 1714 г. [Jeyaraj, 2006, p. 17]. Однако переписка с друзьями и коллегами, завязавшаяся с первых дней жизни в Транкебаре, практически не прерывалась до самой смерти пастора. Письмо, перевод которого приводится ниже, датируется как раз первыми годами его пребывания в Индии, т. е. тем временем, когда он сам только знакомился с местными традициями, а его адресаты, если верить текстам, буквально

засыпали его вопросами. Стоит отметить, что обширное эпистолярное наследие Цигенбальга по большей части посвящено непосредственной деятельности миссии: проповеди среди местных жителей, создание школы, открытие типографии и т. п. Лишь малая часть писем содержит ответы на вопросы друзей и коллег, т. е. сведения о регионе, куда его забросила судьба. В этом смысле текст, представленный ниже, является как раз исключением: письмо посвящено описанию Транкебара, привычек и обычаев местных жителей.

Заслуживает упоминания нехарактерное для эпохи и статуса нашего автора отношение к «язычникам» и их традициям. Так, Цигенбальг писал: «Жителей этой страны только те называют дикарями, кто либо их не видал, либо не понимает их языка. Кто же с ними действительно *conversiret*¹ и читал их книги, тот должен признать, что они не только не дикари, но даже цивилизованные люди» [Ziegenbalg, 1955, S. 115]. Очевидно, что такая позиция пастора не может расцениваться как попытка романтизировать образ туземца в духе литературных Робинзонов, популярных в ту эпоху. Скорее, это подлинное глубокое уважение, основанное на личном общении и опыте: «У этих язычников везде есть школы, в их книгах можно найти и все философские дисциплины, но, при всем притом, учат они не так, как в Европе. У них нет университетов, но всякий, у кого хорошая голова, может читать, что захочет, и может упражняться во всех науках. А еще есть среди них особые люди, называемые *Sastriól*, или ученые², с которыми я вел всевозможные диспуты...» [Ziegenbalg, 1955, S. 120]. Столь нехарактерная для эпохи толерантность в конце концов вышла пастору боком: его фундаментальное исследование о южноиндийской религии (“*Genealogie der Malabarischen Götter*”) не могло быть напечатано в Галле. Основная претензия, предъявленная автору, состояла в следующем: деятельность миссионера должна быть направлена на искоренение язычества, а не на его распространение в Европе [Sweetman, 2004, p. 21].

Между тем, несмотря на то что речь идет об исследованиях самого начала XVIII в., они и сегодня представляют безусловную ценность для науки. И не только по той причине, что позволяют увидеть самые первые шаги европейского востоковедения, но и потому, что Цигенбальг обладал воистину метким глазом и пытливым умом. Не будучи индологом в современном смысле этого слова, но будучи «погруженным в среду», он подмечал любопытнейшие детали повседневной жизни своей паствы. Это становится очевидным даже на примере такого малого жанра, как письмо, перевод которого предлагается ниже³.

¹ Имел дело (лат.).

² Видимо, имеется в виду производное от санскритского слова «*śāstrin*» — «ученый».

³ Перевод письма дается по изданию: [Ziegenbalg, 1955].

**РЕКТОРУ ВАЙТЦМАНУ⁴ В ПУЛЬСНИЦЕ⁵ (выдержки)
ТРАНКЕБАР⁶, 7.10.1709.**

На вопросы, заданные мне господином Феттером, отвечу очень коротко и сошлюсь на то, что уже писал другим добрым друзьям, и что, возможно, не осталось Вам неизвестным.

1. Транкебар — датская крепость с прекрасным замком, окруженная кольцом мощных стен, целиком сложенных из крепких блоков⁷. Сам по себе город невелик, но весьма густонаселен.

2. Нынешнего коменданта зовут Хассиус, он из Норвегии⁸, родители его немцы, сам он долго жил в Дрездене, а учился в Виттенберге⁹.

3. Численность европейцев смело можно оценить в 200 человек, при них же состоит множество черных солдат, именуемых талиарами¹⁰.

4. Среди европейцев лишь некоторые — свободные бюргеры, остальные все на службе Компании¹¹ и занимают определенные должности, сообщество же язычников и мавров очень многочисленно.

5. Власть *Blanken*¹² должна была бы осуществляться в соответствии с законом нашего короля¹³, но поскольку наш все милостивейший король слишком далеко отсюда, мало что делается по его закону, господа же правят, как им заблагорассудится.

6. Здесь есть три рода судов: христианский, мавританский, или магометанский, и языческий. Однако те вопросы, которые мавры и язычники друг с другом решить не могут, передают христианскому суду, который тем охотнее берется за дело, если что-то с этого может получить.

7. Язычники все судятся по обычаю и своим древним уставам, писаного закона промеж у них нет. Да и не сыскать в их обычаях¹⁴ многих правил, по которым судьи могли бы вершить правосудие.

8. У язычников в Транкебаре есть 5 больших пагод, или идольских храмов, а подле них еще и маленькие. В близлежащих деревушках точно так же есть и маленькие, и большие пагоды. У мавров имеется изящная кирха¹⁵ в самом городе и одна или две в

⁴ Michael Weitzmann (1657–1727) — друг Б. Цигенбальга. Учился в университете Франкфурта-на-Одере. С 1689 г. занимал должность помощника ректора, а с 1699 — должность ректора в родном городе Пульсницце. См.: Weitzmann M. *Digital Francke Halle*. URL: <https://digital.francke-halle.de/fsbio/name/view/765688> (дата обращения 10.04.2020).

⁵ Пульсниц — город в Саксонии, родина Б. Цигенбальга.

⁶ Транкебар — главный город датских владений в Южной Индии (около 250 км от Мадраса).

⁷ Форт Дансборг.

⁸ В начале XVIII в. Норвегия не была самостоятельным государством, а входила в состав Дании. Потому не удивительно, что в датской колонии комендантом оказывается выходец из Норвегии.

⁹ Виттенберг — знаменитый своим университетом город на Эльбе, место деятельности Мартина Лютера.

¹⁰ Талиары — стражники, от тамильского “*talaiyāri*” [Hobson-Jobson, 1990, p. 892].

¹¹ Датская Ост-Индская Компания, основанная в 1616 г. королем Кристианом IV (1577–1648).

¹² *Blanks* — слово, использовавшееся для обозначения «белых», европейцев, производное от португ. “*branco*” [Hobson-Jobson, 1990, p. 100]. В тексте Цигенбальга от этого слова образована форма множественного числа, соответствующая правилам грамматики немецкого языка.

¹³ Речь идет о короле Дании Фредерике IV (1671–1730) из династии Ольденбургов.

¹⁴ В тексте стоит латинский термин (букв. “*in ihren moralibus*”).

¹⁵ В русской традиции кирхой называют обыкновенно лютеранский храм. Однако немецкое слово “*die Kirche*” имеет более общее значение и может трактоваться как церковь вообще. Все же при переводе

соседних деревнях. Кирха есть и у католиков, в ней, правда, совершаются почти такие же церемонии, как и в языческих пагодах, без каких-либо изменений. Прекрасную кирху датчан здесь называют Сион. В ней мы проповедовали года два по-немецки, однако более этого не делаем по вышеизложенным причинам¹⁶.

9. Это место весьма удобно устроено и почти полностью окружено стенами из хорошо обожженных кирпичей.

10. Здешние строительные материалы — обожженный кирпич по 13 гульденов за 1000, раствор, (?)¹⁷-дерево, которое используют для стропил, дерево иного вида, из которого делают перекладыны, косяки, балки и полки, их, впрочем, завозят сюда частью из Европы, частью из других отдаленных провинций, ибо здесь они слишком дороги. И по этой же причине тут так мало домов возводится из дерева.

11. Иерусалим наш выстроен из качественных кирпичей, за которые мы уплатили 200 рейхсталеров нашему *Salario*¹⁸, 50 рейхсталеров было презентовано некоторыми нашими добрыми знакомыми из числа *Blanken*, также и господин комендант, когда увидел, как продвигается строительство, выдал двадцать тысяч кирпичей, не ожидая за то отдельной платы. Однако впредь должен будет оный Иерусалим либо принадлежать португальской церкви, и тогда для малабарской выстроят еще более внушительное здание, либо же его еще увеличат и возведут новую португальскую церковь.

12. Земли на этом побережье управляются почти в той же форме, как и на родине, хотя и с еще большими налогами. Из жителей почти никто не является *Possessores*¹⁹ своего добра, но, скорее, настоящими рабами короля, ибо из пяти частей урожая они четыре должны отдавать и лишь одну оставлять себе.

13. Короля, что здесь правит, называют королем Танджора²⁰, потому что резиденция его — в городе Танджор. Но у него только титул короля и никакой власти, сам же он вассал Великого Могола. Одновременно с ним правила королева, у которой было гораздо больше земли, но она умерла, и браманами²¹ было постановлено, что отныне не женщина, а только лишь мужчина может обладать королевской властью. После этого было много мелких князьков, которые либо владели унаследованной землей, либо у других брали в аренду отдельные крепости вместе с большими участками земли.

14. Высшие и низшие суды европейцев должны действовать в соответствии с законом нашего короля, у черных же суд строится по их древним обычаям.

15. Виды богослужений у европейцев организованы в соответствии с датским церковным ритуалом. Богослужений же у мавров и малабарцев столь великое множество, что можно о том написать целую книгу. Язычники вовсе не стремятся в

данного письма кажется правильным “die Kirche” передавать именно как «кирха». В этом случае сохраняется то различие в терминологии, которое есть у лютеранского пастора: кирха, пагода и храм (*der Tempel*).

¹⁶ Вероятно, отсылка к письму, написанному ранее.

¹⁷ Так в тексте немецкого издания.

¹⁸ Скорее всего, слово — производное от лат. “salarium” — «оклад», «жалование». Т. е. в данном случае речь идет о служащем, состоящем на жаловании у европейцев.

¹⁹ От лат. *possessor* — «владелец».

²⁰ Княжество на юге Индостана.

²¹ Искорженное слово «брахманы».

своих пагодах поучать, проповедовать или для других способов назидания собираться вместе. Они просто заходят внутрь, чтобы почтить своих богов²², или же принести им жертвы, или там же внутри станцевать, как ежедневно делают пляшущие блудницы²³, или же прочитать определенные молитвенные формулы.

16. Служащие из язычников духовного либо светского звания имеют, что обычно для этой страны, очень низкий заработок²⁴, на который, впрочем, в том, что касается еды, питья и одежды, здесь можно было бы жить гораздо комфортнее, чем в Европе, если бы не нынешняя дороговизна.

17. Что касается знатных малабарцев, то трудятся они немного, однако у них есть рабы, каковым и следует работать. Их же собственный заработок происходит от торговли, обмена, аренды и т. д. Простые люди живут земледелием, скотоводством, прядением, ткачеством, стиркой, ношением воды, рыболовством, продажей всевозможных плодов, продуктов питания и т. д.

18. Пища Blanken состоит из мяса быков, коров, свиней, овец и телят, зайцев, птиц, петухов, кур, рыбы и т. д. По законам гостеприимства вам могут подать сотни блюд, но никакое угощение не будет таким сытным, как в Европе. Малабарцы едят рис²⁵ и к нему добавляют немного капусты или рыбы, редко кто позволяет себе сварить курицу. Очень мало кто ест то, что было живым, лишь только травы, плоды и т. д.

19. Разводят быков, коров, буйволов, свиней, овец, коз и т. д.

20. Рыбу ловят здесь многие, поскольку при Транкебаре есть множество маленьких рыбачьих деревушек, где живут истинные рыбаки. Некоторые ловят рыбу в реках, но большинство — в море. Связав несколько бревен вместе, ежедневно уплывают они на них далеко в море²⁶ и по нескольку раз на дню вылавливают премного рыбы. Здесь легко можно себе представить сцену, часто встречаемую в Евангелии: как Христос выходил к морю и, обращаясь к народу, проповедовал. Ибо когда я прихожу на морской берег, то нахожу там множество людей, кто-то чинит свои сети, кто-то уходит, кто-то приходит, кто-то в море, кто-то на суше, и часто с ними веду я беседы о Слове Божьем.

²² В тексте буквально: «дать своим богам Салам». Мусульманское приветствие от арабского «salām» [Hobson-Jobson, 1990, p. 783].

²³ Под танцующими блудницами имеются в виду т. н. девадаси — «рабыни бога» [Hobson-Jobson, 1990, p. 307], храмовые танцовщицы. В европейской литературе Нового времени их чаще всего называют баядерами [Hobson-Jobson, 1990, p. 75].

²⁴ Снова в оригинальном тексте стоит латинское слово «Salaria», производное от «salarium» — «оклад», «жалование».

²⁵ В этом письме Цигенбальг действительно употребил слово «рис» (der Reis). Интересно, что в более ранних своих письмах он писал: «Самое распространенное из того, что едят и жители этой страны, и европейцы, — это просо». В оригинале на самом деле стоит слово «Hirse» («просо», «пшено»). Но вероятнее всего речь все же ведется о рисе. Можно обратить внимание, что в ранних европейских источниках обнаруживается традиция называть рис «сарацинским пшеном» (например, у Никифора Полубоиринова и А. Д. Салтыкова). Действительно, до XVII в. в европейских языках не использовали слово «рис», чаще он назывался как раз сарацинской пшеницей или сарацинским зерном (или пшеном, см.: Тимковский, 2017, с. 5). Так, к примеру, в России это наименование сохранялось за рисом вплоть до 1870-х гг. [Похлебкин, 2008, с. 535–536].

²⁶ Цигенбальг описывает катамараны, на которых жители индийского Юга с древнейших времен выходят в море. Само слово катамаран произошло как раз от тамильского «kattumaram» [The Dravidian Languages, 1998, p. 5].

21. Мне сложно рассказать о множестве сортов рыбы, можно описать предостаточное их количество, но у них у всех малабарские или португальские названия, каковые мне неизвестны. Потому я мог бы лишь сообщить об их внешнем виде, величине и цвете, коих великое разнообразие.

22. Торгуют тканями шелковыми и хлопковыми, росписями²⁷, чаем, сахаром и всевозможными специями.

23. Сукна здесь никакого нет, разве только если завозят его из Европы, ибо доступно все то, что можно привезти из Европы на кораблях, которые ежегодно ходят туда и обратно. Правда, все это дорого.

24. Про самих торговцев скотом я ничего не знаю, но все возможно достать за деньги, кроме лошадей, которые очень дороги и завозятся из Азии и Персии. Впрочем, можно купить и их.

25. Ремесленников столь же много видов, как и в Европе. Встречаются портные, сапожники, кузнецы, золотых дел мастера, столяры, плотники, токари, чулочники, маляры, цирюльники, ткачи, красильщики, каменщики, изготовители кирпичей и т. д.

26. Обращение язычников — это дело Господа, к которому мы ничего иного не можем добавить, кроме как нести им Божье Слово покаяния и веры. Самым тяжелым было начало, ибо сложно очень выучить малабарский язык, ну, а после надо было просто идти вперед. Была бы хоть малейшая помощь, мы бы уже смогли обратить в христианскую веру более тысячи язычников. Так однажды побывали у нас католические христиане из страны Танджор и сказали, что их, возможно, более 80 тысяч, но они рассеяны. Мы могли бы им помочь, если бы позволили получить поблизости немного земли, чтобы устроиться, и тогда бы они постепенно стали переходить в нашу веру. Однако мы вынуждены были отклонить их просьбу, нам не разрешено было даже представить ее коменданту, поскольку это могло выглядеть так, будто мы хотим устроить мятеж.

27. Численность²⁸ нашей общины вместе с некрещеными катехуменами²⁹ — 145 человек, среди коих некоторые уже умерли и лежат теперь, похороненные, на нашем церковном дворе при кирхе.

28. Плоды земли — это рис, всевозможная капуста и зерновые; садовых фруктов немного, большая их часть включена в растительную пищу малабарцев. Древесные плоды не слишком хороши: исключая кокосовые орехи, фиги, Manoes³⁰, Cojares³¹ и т. д.

²⁷ В тексте оригинала стоит слово “Schildereien”, производное от глагола “schildern” («рисовать, изображать»). Т. е. речь действительно идет о каких-то росписях. Одним из традиционных ремесел Тамилнада издавна являлось изготовление особого рода расписных тканей — *каламкари*, рисунок на которые сперва наносили обожженной веточкой, а затем раскрашивали кистями [Народы Южной Азии, 1963, с. 576]. Вполне вероятно, что именно *каламкари* называются Цигенбальгом среди предметов торговли в Транкебаре.

²⁸ В оригинале текста стоит лат. Numerus.

²⁹ Греч. Κατηχούμενοι — букв. «оглашенные». Лица, готовящиеся к таинству крещения.

³⁰ Возможно, манго.

³¹ Вероятнее всего, издатель ошибся. В послании от того же года, перечисляя деревья, среди прочих Цигенбальг называет Cojаva. Очевидно, речь идет о гуаве. Вероятнее всего, о гуаве речь идет и в этом тексте. Особенно это вероятно, потому что в рукописных текстах пастора плохо различаются строчные буквы «d» и «v».

29. Год делится так же, как в Европе. У язычников те же 12 месяцев, которые есть у нас, разве что во всех месяцах недостает 9 дней, так что, когда у нас 9-е октября, у них только 1-е³². Круглый год тут все зеленое, деревья приносят по два урожая ежегодно, и с земли собирают урожай также дважды, а иногда и трижды, и более.

30. Мавры, или магометане присутствуют здесь в большом количестве, потому как вся земля входит во владения Великого Могола, от которого мавры и зависят. Им принадлежит значительная часть торговли здесь. Тут и другие народы тоже занимаются торговлей.

31. Европейские нации, живущие на этом побережье, — португальцы, французы, англичане, голландцы и датчане.

32. Типографий здесь нет, а все книги мавров и малабарцев писаны на пальмовых листьях, которые нумеруются и связываются вместе стопкой. Мною было написано порядка 16 книг на этом языке, некоторые маленькие, некоторые большие, все для нашей кирхи и школы. Малабарская школа сейчас насчитывает 27 *discipula*³³, все хорошего происхождения³⁴. В португальской же числится 15 детей. Мы надеемся, что скоро сможем устроить типографию, о чем писали нашему всемилостивейшему королю.

33. Малабарские книги совсем недороги, но оные не так уж просто приобрести, ибо их закон строго воспрещает книги эти продавать. Сие почитается у них особо тяжким грехом, если их *Arcana*³⁵ становится открыто для христиан. Все же у меня есть библиотека из 300 малабарских книг, которую я собирал с превеликим трудом повсюду в этой земле. Язычники немало удивлялись, когда я приходил за такими книгами, некоторые из которых они и сами зачастую никогда не видали.

34. То, как быстро я изучил этот малабарский язык, тоже вызывало у язычников большое изумление. Я же приписываю это особой милости Господа.

35. У язычников этих повсюду есть школы, а в их книгах можно найти все философские дисциплины, но при всем при том учат они не так, как в Европе. У них нет университетов, но всякий, у кого хорошая голова, волен читать, что захочет, и может упражняться во всех науках. А еще есть среди них особые люди, называемые *Sastriõl*, или ученые, с которыми я вел всевозможные диспуты.

36. Обычные болезни здесь — это лихорадка, понос, головная боль, резь в глазах, боль в груди, колики, отеки, паралич и прочие, известные и в Европе.

37. У этих язычников есть чрезвычайно умные и знающие *Medicos*³⁶, которые их лечат. Услугами языческих лекарей обыкновенно пользуются и европейцы, как я и сам делал много раз.

³² В Индии и сегодня в ходу несколько календарей. В данном контексте, вероятнее всего, речь идет о календаре Шака, распространенном на индийском Юге. Летосчисление по этой системе начинается от 78 г. н. э. Год в самом деле состоит из 12 месяцев [Иванова, Цыб, 2020, с. 90–91]. Однако, кажется, Цигенбальг немного запутался в расчетах. Пример, приводимый пастором, соотносится с месяцем ашвин (23.09–22.10). Девятый день этого месяца совпадает с 1 октября по григорианскому календарю.

³³ От лат. *Discipulus* — «ученик».

³⁴ В оригинале: “gute Ingenia”. Лат. *Ingenius* — «благородное происхождение».

³⁵ Сокровенное (лат.). От *arcanus* — тайный, скрытый. Здесь вероятнее всего в значении «сокровенное знание».

³⁶ «Лекари». Форма винительного падежа множественного числа от лат. “*medicus*” — «лекарь», «целитель».

38. Умерших сперва оплакивают, горестно завывая; после появляются трубачи и барабанщики, которые устраивают под дверями отвратительный шум. Затем того покойника укладывают на доску, которую поднимают при помощи четырех жердей и укрепляют на высоте, его закидывают разными цветами и зеленью, а после под звуки дудок и барабанов выносят к воротам на то место, где кремируют мертвых, чтобы вскорости сжечь. Тело сопровождают несколько друзей и знакомых.

39. Злоумышленников у этих язычников редко казнят, ибо кто может уплатить, тот совершенно защищен от смерти. Кроме того, малабарцы не убивают даже мухи, не говоря уже о человеке.

40. Язычники эти продают некоторых из своих детей, однако не как крепостных. Некоторые же (просто) отдают их другим (людям) к их (собственным) детям, но после этого претендовать на них уже не могут. Выкуп невозможен, но бывает, что их продают ради прибыли³⁷.

41. Полигамия санкционирована у них, с одной стороны, потому, что у всех их богов много жен, с другой же стороны, потому что они не хотят давать возможности для всеобщего распутства. Поскольку никто не имеет возможности свататься за пределами своего рода, иногда он вынужден долго ждать, пока не сможет получить подобающую ему жену среди своих друзей, и пока не достигнет такого положения, в котором сможет сочетаться браком с себе подобной. По этой причине он выбирает одну или двух женщин невысокого положения и пользуется ими столь долго, пока не увидит возможности жениться в соответствии с надлежащим ему положением. И тогда уже это происходит на законных основаниях при содействии жрецов, тогда как первый брак нелегитимен и санкционируется только родителями и близкими друзьями³⁸. После из-за этого делается различие между их детьми, даже некоторые женятся друг на друге в 8, 10, 12 лет, чтобы не оскверниться с другими распутницами³⁹. А те, которые многократно идут на [заключение] дурных браков, ибо эти язычники весьма склонны к нарушению

³⁷ Этот странный на взгляд европейца пассаж находит подтверждающие его параллели в памятниках древнеиндийской литературы. Так, в «Махабхарате» встречаются сюжеты о дарении детей (например, Mbh I.104). А в дхармашастре Ману в перечне сыновей (Manu IX. 159–160, 168, 174) называются, среди прочих, сын подаренный (datta) и сын купленный (krīta).

³⁸ В оригинале текста употреблено слово “Geschlecht” — букв. «род». Очевидно, что в данном случае это слово оказывается калькой с санскритского jāti — традиционного обозначения касты. Все, что Б. Цигенбальг пишет далее, красноречиво свидетельствует: речь идет именно о касте. Именно кастовый статус определяет, с кем можно заключать брак, а с кем нельзя, жену следует выбирать, исходя из своего кастового статуса, т. е. выбирать надо именно «себе подобную». Иными словами, употребляя понятие «род», Цигенбальг описывает традиции кастовой эндогамии. Почему в данном контексте кроме родителей особой инстанцией называются друзья? Очевидно, речь идет не о тех, кто просто состоит в дружеских отношениях с потенциальным «женихом». Указание на «свой разряд» (т. е. свою кастовую группу) и ситуация поиска подобающей жены «среди своих друзей» — вопросы, находящиеся в одной смысловой плоскости. Значит, друзьями в данном случае с большой долей вероятности называются члены той же касты, что и жених. В таком случае перед нами не простое сожительство, а именно браки, заключение которых хоть и идет вразрез с традиционными установлениями, оказывается возможным после разрешения, полученного от родителей и от членов касты.

³⁹ И в этом случае Б. Цигенбальг, очевидно, говорит о кастовых различиях. Речь идет о том, что индийцы делали принципиальное различие между детьми, рожденными от женщины иного кастового статуса, и детьми, рожденными в «правильном браке». Описываемая практика детских браков была характерна для представителей высших каст, в наибольшей степени заботящихся о ритуальной чистоте.

шестой заповеди⁴⁰, неохотно переходят в нашу веру, ибо она им запрещает как распутство, так и полигамию, каковые им доступны и ненаказуемы в их язычестве.

Это краткие ответы на заданные вопросы, которые господин Феттер заодно может сообщить и другим добрым знакомым. В заключение заверяю Вас в своем почтении и прошу всех, кто передавал мне приветы, сердечно поприветствовать. Да хранит Господь их тела и души, как хранит мои. Черная паства моя из нашей общины и все мои господа коллеги сердечно приветствуют Вас во имя Господа и возносят за Вас свои молитвы. Да будет славен Господь ныне и присно и во веки веков, аминь! Засим полагаюсь на милость Иисуса Христа.

Господину Феттеру
и дорогим друзьям
с молитвами и любовью
преданный
Бартоломеус Цигенбальг,
Слуга Господа среди язычников
в общине Иерусалима.
Писано в Транкебаре
на Коромандельском побережье
в Ост-Индии 7 октября 1709 года.

Литература / References

- Иванова Н. П., Цыб С. В. *Историческая хронология*. М., 2020 [Ivanova N. P., Tsyb S. V. *Historical Chronology*. Moscow, 2020 (in Russian)].
- Народы Южной Азии*. М., 1963 [The Peoples of South Asia. Moscow, 1963 (in Russian)].
- Похлебкин В. *История важнейших пищевых продуктов*. М., 2008 [Pohlebkina V. *The History of the Most Important Food*. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Тимковский Е. Ф. *Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах*. Под ред. Васильева Д. Д., Дацышпена В. Г., Дубровской Д. В. М., 2017 [Timkovsky E. F. *A Journey to China via Mongolia in 1820 and 1821*. Vasiliev D. D., Datsyshen V. G., Dubrovskaya D. V. (eds., comm.). Moscow, 2017].
- The Dravidian Languages*. S. B. Steever (ed.). London, New York, 1998.
- Hobson-Jobson. *A Glossary of Colloquial Anglo-Indian Words and Phrases, and of Kindred Terms, Etymological, Historical, Geographical and Discursive*. Calcutta, Allahabad, Bombay, Delhi, 1990.
- Jeyaraj D. *Bartholomäus Ziegenbalg, the Father of Modern Protestant Mission: An Indian Assessment*. New Delhi, 2006.
- Jürgens H. German Indology avant la lettre: The Experiences of the Halle Missionaries in Southern India, 1750–1810. *Sanskrit and 'Orientalism'. Indology and Comparative Linguistics in Germany, 1750–1958*. New Delhi, 2004. Pp. 41–82.
- Sweetman W. The Prehistory of Orientalism: Colonialism and Textual Basis for Bartolomäus Ziegenbalg's Account of Hinduism. *New Zealand Journal of Asian Studies*. 2004. 6.2. Pp. 12–38.
- Ziegenbalg B. *Alte Briefe aus Indien. Unveröffentlichte Briefe von Bartholomäus Ziegenbalg 1706–1719*. Berlin, 1955.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Weitzmann M. *Digital Francke Halle*. URL: <https://digital.francke-halle.de/fsbio/name/view/765688> (дата обращения 10.04.2020).

⁴⁰ В римско-католической и лютеранской церквях принято деление заповедей, установленное Аврелием Августиним. Оно несколько отличается от талмудического и того, которое принято в православии. В соответствии с этим делением шестая заповедь не «не убий», а «не прелюбодействуй».

«ПИСЬМА ЮНГИ ЖАНА» — ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ТАЙВАНЯ ВО ВРЕМЯ ФРАНКО-КИТАЙСКОЙ ВОЙНЫ 1884–1885 ГГ.

© 2020

В. Э. Молодяков*

Франко-китайская война 1884–1885 гг. на суше и на море ознаменовала новую фазу активной колониальной политики Франции на Дальнем Востоке. Она явилась продолжением второй франко-вьетнамской войны 1883–1886 гг., известной также как «Тонкинская кампания», целью которой был захват Тонкина (северная часть современного Вьетнама) и установление над ним протектората. Тонкин входил в сферу интересов Цинского Китая, так как через него протекала река Хонгха (Красная), соединявшая южнокитайские провинции с морем и бывшая важным торговым путем. Неизбежный вооруженный конфликт между Францией и Китаем стал лишь вопросом времени. Важной частью войны стали действия эскадры под командованием выдающегося флотоводца адмирала Амеделя Курбе (1827–1885): разгром китайского флота в Фучжоу, взятие Цзилуна, попытка блокады портов Тайваня, оккупация Пескадорских островов. Как источник по истории Тайваня в статье впервые вводятся в научный оборот на русском языке «письма юнги Жана» — письма юнги эскадры Курбе, описывающие различные эпизоды похода, в том числе пребывание на Тайване, отношения с местными властями и жителями, китайцами и аборигенами. Письма были впервые опубликованы в 1890–1891 гг. на французском языке и переизданы с комментариями в 2005 г.; на иностранные языки не переводились. Написанные молодым моряком, испытавшим культурный шок от знакомства с совершенно новым и неожиданным для него миром, письма ценны искренностью изложения, свежестью впечатлений и несомненными литературными достоинствами.

Ключевые слова: Франция, Китай, Тайвань, Пескадорские острова, война, адмирал Курбе, эскадра, блокада, аборигены.

Для цитирования: Молодяков В. Э. «Письма юнги Жана» — источник по истории Тайваня во время франко-китайской войны 1884–1885 гг. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 181–189. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-181-189

“LETTERS OF SEA CADET JEAN” AS A SOURCE ON TAIWAN HISTORY DURING SINO-FRENCH WAR OF 1884–1885

Vassili E. Molodiakov

Sino-French war of 1884–1885 on land and at sea was significant as the beginning of a new stage of active French colonial policy in the Far East. It was a continuation of the Second French-Vietnamese war of 1883–1886, more known as “Tonkin Campaign”. France wanted to occupy Tonkin (northern Vietnam) and entrench a protectorate there. Tonkin belonged to Chinese sphere of interest

* Василий Элигархович МОЛОДЯКОВ, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dottore68@mail.ru

Vassili E. MOLODIAKOV, DSc (Politology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dottore68@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5892-0473

because of Hong (Red) river which connected China's southern provinces with the sea as an important trade route. Armed Conflict between France and China became inevitable. Military operations of the Far East squadron under the command of Admiral Amédée Courbet (1827–1885) become an important part of the campaign: Defeat of Chinese fleet in the Battle of Fuzhou, capture of Keelung, blockade of Taiwan's ports, occupation of the Pescadores. This article for the first time introduces in the Russian language the “letters of sea cadet Jean” — letters from a sea cadet of Courbet's squadron who depicted different episodes of the campaign, including landing and stay at Taiwan, relations with local authorities and population, Chinese and aborigines. For the first time the letters were published in 1890/91 in French and re-published with some notes in 2005; there is no translation into any foreign language so far. Written by a young seaman under a culture shock from a completely new and surprising world these letters are valuable for the sincerity of the story, freshness of the impressions and certain literary merits.

Keywords: France, China, Taiwan, Pescadores, war, Admiral Courbet, squadron, blockade, aborigines.

For citation: Molodiakov V. E. “Letters of Sea Cadet Jean” As a Source on Taiwan History during Sino-French War of 1884–1885. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 181–189. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-181-189

*Памяти Виктора Денисовича Каминского (1927–2018),
юнги Великой Отечественной войны*

Документы, принадлежащие перу творцов истории, всегда считались первоклассным источником, ибо позволяли синхронно увидеть события глазами тех, кто их определял и совершал. Частному изложению в дневниках и письмах отдается предпочтение перед официальным изложением в приказах, рапортах и отчетах, на объективность и правдивость которых могут воздействовать многие факторы. Еще менее ценится ретроспективное, мемуарное изложение, богатое мудростью задним числом: победители и побежденные пишут историю одной и той же войны совершенно по-разному. Если вершители судеб дневников и писем не оставили, историки ищут дневники и письма их ближайших сотрудников — секретарей и адъютантов, нередко фиксировавших каждый шаг начальника. Далее в иерархии источников идут свидетельства исполнителей — о том, что и по чьему приказу они делали, не всегда понимая зачем, т. е. без стратегического видения ситуации. Наименее ценными считались свидетельства «рядовых» с максимально ограниченной задачей и сферой действий, не только без стратегического, но зачастую и без тактического кругозора.

Историческая и историографическая ценность «солдатских мемуаров», как назвал их Константин Симонов, была осознана только после Первой мировой войны и безусловно признана после Второй мировой. Конечно, и до этого у солдатских «баек», во флотском варианте известных как «морская травля», были слушатели и читатели, но их воспринимали как увлекательные рассказы бывалых людей, не требуя ни точности, ни правдивости. Источник, которому посвящена настоящая работа, не предназначался для обнародования (частные письма), затем был опубликован в качестве занимательной истории и лишь более чем через столетие впервые стал предметом исследования, которое не исчерпало его содержание.

С 5 октября 1890 г. по 2 мая 1891 г. парижский иллюстрированный еженедельник «La terre illustrée», аналог «Всемирной иллюстрации» или «Живописного обозрения» в

России, публиковал под заголовком «Юнга адмирала Курбе, Индокитайская кампания, Фучжоу и Тайвань» (в оригинале везде Formose; в переводе мы это не сохраняем) письма некоего Жана с предупреждением от редакции: «Нам посчастливилось получить очень интересную корреспонденцию, письма одного юнги к своей матери во время кампании адмирала Курбе, начиная с боев на реке Минь (битва при Фучжоу. — В. М.) и до смерти французского героя (Курбе. — В. М.). В своей живописной простоте письма дают полную историю этих воинских подвигов с обилием деталей, которые тщетно было бы искать в официальных сообщениях» [Ferrero, 2005, p. 63].

Франко-китайская война 1884–1885 гг. ознаменовала новую фазу активной колониальной политики Франции на Дальнем Востоке. Она явилась продолжением второй франко-вьетнамской войны 1883–1886 гг., известной также как «Тонкинская кампания», целью которой был захват Тонкина (северная часть современного Вьетнама) и установление над ним протектората. Эта территория входила в сферу интересов Цинского Китая, так как через нее протекала река Хонгха (Красная), соединявшая южнокитайские провинции с морем и бывшая важным торговым путем. Летом 1883 г. Китай направил регулярные части в Тонкин, и неизбежный конфликт стал лишь вопросом времени. В декабре 1883 г. французские войска под командованием адмирала Амедее Курбе (1827–1885) взяли крепость Шонтэй (ныне в составе Ханоя), что побудило «умеренную партию» в Пекине пойти на соглашение с Францией. По Тяньцзинской конвенции (11 мая 1884 г.) Китай обязался вывести войска из Вьетнама. Франко-вьетнамский мирный договор (6 июня 1884 г.) означал установление протектората над всем Вьетнамом, однако губернаторы южных провинций Китая решили продолжить борьбу за Тонкин. После новых вооруженных столкновений в конце июня Париж 12 июля предъявил Пекину ультиматум, потребовав вывода войск и уплаты контрибуции до 1 августа. В противном случае Франция намеревалась уничтожить верфи в порту Фучжоу и занять угольные шахты вблизи города Цзилун на Тайване. Эта задача была поставлена эскадре адмирала Курбе.

Последняя кампания Курбе и его смерть в далеком Магуне 11 июня 1885 г. превратили уже знаменитого к тому времени флотоводца, «исключительного человека и несравненного профессионала» [Ferrero, 2005, p. 53], в настоящего национального героя. Как отметил Стефан Ферреро, первый републикатор и исследователь «писем юнги Жана», эта ныне полузабытая война была «очень медиатизирована и подробно освещалась тогдашней прессой», поэтому «можно полагать, что имя Курбе использовалось (в заглавии публикации. — В. М.) из-за его огромной популярности во Франции» [Ferrero, 2005, p. 63]. Вероятно, письма были опубликованы самим автором или его родственниками с целью заработка.

Скептик вправе задать вопрос: не является ли авторство юнги, даже не названного по фамилии, журналистской мистификацией или литературным приемом? Теоретически такую возможность нельзя исключить полностью, ибо судьба и местонахождение архива редакции «La terre illustrée», где могли находиться оригиналы или копии писем и материалы об авторе, неизвестны. Аутентичность изложенной в них информации сомнений у историков не вызвала. Презумпция невиновности говорит в пользу авторства юнги, однако о нем мы не знаем почти ничего. В нашем распоряжении есть только печатный журнальный текст, в 2005 г. воспроизведенный в

книге С. Ферреро «Тайвань глазами французского моряка XIX века» [Ferrero, 2005, р. 65–120] с сопутствующими материалами.

Опираясь на текст писем и общие сведения о тогдашнем французском военном флоте, С. Ферреро попытался реконструировать историю жизни Жана. Он родился в бретонском городе Брест, крупнейшем военном порте Франции на атлантическом побережье, и окончил там школу юнг непосредственно перед отправлением в поход на Дальний Восток в 1884 г.; школу оканчивали обычно в возрасте 17 или 18 лет, так что он родился предположительно в 1866 или 1867 г. Школу Жан окончил юнгой второй статьи; звание юнги первой статьи он получил во время стоянки на архипелаге Мацзу 20 сентября 1884 г., после победы в битве при Фучжоу, во время которой был легко ранен в бедро. К началу похода его отец уже умер, а мать работала в Париже [Ferrero, 2005, р. 11–12]. Письма, адресованные матери и не названному по имени другу-сверстнику, охватывают период с 23 августа 1884 г., первого дня боевых действий эскадры, до 22 июня 1885 г., кануна отплытия в обратный путь после подписания франко-китайского договора и смерти Курбе. Приведем их характеристику, данную С. Ферреро:

«Несколько французских офицеров оставили воспоминания о кампании на Тайване, но их сочинения слишком часто ограничиваются холодными описаниями и повторяют точку зрения французской армии. ...Свидетельства юнги особенно интересны в силу природы его писем. Они далеки от бесцветных и заданных рассказов, подчиненных политическим и военным императивам или тому, что сегодня называется “политкорректностью”. Молодой солдат, впервые оказавшийся на войне, излагает свое непосредственное видение событий. Он пишет, как говорит, более того, пишет, как думает, поскольку его рассказы не предназначались для публикации. ...Жан испытал то, что сегодня мы называем культурным шоком. Все увиденное было ново для него. ...В письмах отчетливо просматривается чувство превосходства. Жан — человек своего времени. В конце XIX в. западные люди ни на секунду не сомневались в своем технологическом, религиозном и моральном превосходстве. ...Он пишет без обвиняков, употребляемые им слова порой грубоваты и могут шокировать читателя. Сегодня его, возможно, назвали бы расистом и ксенофобом. Однако не будем забывать, что письма написаны в конце XIX в. человеком, в юном возрасте поступившим в военный флот, не слишком образованным и видевшим мир в самый разгар колониальной экспансии Франции, с присущими эпохе предрассудками» [Ferrero, 2005, р. 12–14, 129–130].

26 августа 1884 г. Китай объявил войну Франции. Франция формально войну Китаю не объявляла, поскольку для этого требовалось решение парламента, а глава правительства Жюль Ферри, апологет активной колониальной политики, не имел там необходимой поддержки. Кампания эскадры Курбе, включая боевые действия в Фучжоу, Цзилуне и Тамсуе, сначала была описана ее участниками: самим адмиралом, который в личных записях критиковал и колебавшееся правительство, и настроенное против расширения колониальной экспансии парламентское большинство [Cahu, 1896], и офицерами [Loir, 1894; Garnot, 1894] (во второй книге, вышедшей позже, использованы материалы первой; эти сочинения удостоились приведенного отзыва С. Ферреро, который мы полагаем излишне резким), — затем в обобщающих работах военноморских историков [Штенцель, 2002, с. 677–693] [Вильсон, 2003, с. 390–404] и историков Тайваня [Годер, 1978, с. 147–159]. «Письма юнги Жана» отличаются от них положением автора и углом зрения, несомненны и его литературные способности.

После победы при Фучжоу и разгрома Фуцзяньской эскадры китайского флота (23–29 августа 1884 г.) Курбе направил эскадру на север Тайваня для захвата портов Цзилун и Тамсуй в качестве «залога» до выполнения условий ультиматума. Первая попытка захвата Цзилуна, бывшего важной угольной базой, в начале августа 1884 г. провалилась из-за сопротивления и численного превосходства китайцев [Loir, 1894, p. 79–87; Garnot, 1894, p. 24–30]. Не повторить ее означало проявить слабость перед лицом противника. 24 сентября Жан известил мать о предстоящем походе. Перечисляя экзотические названия местных народов и племен и прочие сведения, услышанные от старших товарищей, он пояснил, что равнинные аборигены «настоящие дикари, но не злые», а горные — «еще более дикие, уродливые, как обезьяны, толстые и ленивые». «В общем это не люди!» — заключил он [Ferrero, 2005, p. 129–130]. 30 сентября началась вторая, более тщательно подготовленная операция по захвату Цзилуна [Loir, 1894, p. 153–158; Garnot, 1894, p. 32–47]. Называвший китайцев «желтыми обезьянами с лицами макаку», Жан уже в первом письме оттуда (2 октября) не отказывал им ни в уме, ни в храбрости, с которой они защищали свою территорию, и предвидел, что после поражения «все начнется заново — засады, убийства, партизанщина», а также сообщил, что китайцам помогают «проклятые немцы, которых раздражают наши успехи» [Ferrero, 2005, p. 66, 77–78].

Захватив и немного пограбив город, французские моряки начали наводить порядок и восстанавливать обычное течение жизни. Жан отправился на берег с одним из первых патрулей, описав 5 октября свои впечатления. Чуть ли не первое, что он увидел, — на площади китаец с одного удара отрубил голову другому китайцу. Изумленным французам объяснили, что это приведение в исполнение смертного приговора вору, который был вынесен еще до начала боевых действий и не имеет к ним никакого отношения. Жана поразило спокойствие приговоренного: «Ты ошибешься, решив, что он думал о спасении. Он приговорен и обязан сыграть свою роль. Дело должно быть доведено до конца. ...Это простая формальность, исполненная к удовлетворению всех, включая казненного, который, как нам объяснили, считался бы опозоренным, если бы приговор не был приведен в исполнение. Невозможно быть более покладистым. Что за странный народ, и как все, что обычно для них, кажется нам невероятным!» Командование приказало французам не вмешиваться во внутренние дела китайцев и уважать их обычаи. «Единственное, когда они, по обыкновению, повесили тело, чтобы оно провисело до следующего утра, мы вежливо попросили их унести соотечественника с глаз долой и делать с ним все, что угодно, но не на виду у всех. Пришлось изрядно попереговариваться. Наконец, они изволили удалиться, утащив тело на спине как зарезанную скотину. ...Гнусный спектакль и гнусная работа», — заключил Жан [Ferrero, 2005, p. 81–82].

Другая часть эскадры 1 октября атаковала соседний порт Тамсуй, который французы ранее не пытались ни захватить, ни блокировать. Город был подготовлен к обороне гораздо лучше, чем Цзилун: форты вооружены немецкими пушками, бухта заминирована. Командование затребовало подкрепление, в котором оказался и Жан. Лишь 8 октября французам удалось высадить десант в 600 человек на «дюны, как в Дюнкерке», но он захлебнулся из-за недостатков организации и связи, численного перевеса и ожесточенного сопротивления китайцев, особенно *хакка*. Командование вернуло моряков на корабли и решило ограничиться блокадой порта. Скрыть факт

поражения было невозможно, чем воспользовалась китайская пропаганда [Loir, 1894, p. 159–174; Garnot, 1894, p. 47–57].

«Моральный дух так себе, — признался юнга 15 октября в письме к приятелю, пояснив, что не хочет рассказывать матери подробности. — Не будем скрывать, дружище, мы получили взбучку, и от кого, спрашивается? От этих китайских дурней! Но погоди, я уже говорил и повторю, что за этим стоит пруссак. Они сражались почти по-европейски, если не считать некоторых негодяев». За этим следовал подробный и красочный рассказ о боевых действиях, достойный пера профессионального военного писателя [Ferrero, 2005, p. 83–88]. Приведем лишь две примечательных детали, явно заимствованные из слухов, ибо откуда еще юнга мог узнать их. Первая: неназванный по имени организатор обороны порта, включая работы по минированию гавани, продал французам эти сведения за 200 тысяч франков. Вторая: руководивший обороной китайский генерал «обедал с шампанским, пока артиллерия крушила его форты. Ему было достаточно, что солдаты хорошо сражаются. Говорят, подобное видели и у нас в 1870 г., — добавил Жан, вспомнив франко-прусскую войну, — но сейчас такого бы не случилось».

Получив очередной приказ из Парижа, Курбе 20 октября объявил о блокаде с 23 октября всех портов Тайваня. В условиях войны, объявленной только с одной стороны, блокада предполагалась мирной и распространялась лишь на китайские суда. Поэтому крупнейшая китайская компания морских перевозок «China Merchant», контролировавшаяся Ли Хунчжаном, использовала флот и флаг нейтральных США, которых не радовала французская интервенция [Loir, 1894, p. 175–179; Garnot, 1894, p. 78–81]. «Кажется, что мы не воюем с Китаем. Но мы свирепо лупим друг друга, убиваем, сколько можем. Это похоже на войну, правда. Ну! А это не война. Мы объявили блокаду, но такую, которая не блокада. Мы блокируем, но не блокируем. Понимай, как сможешь», — иронизировал Жан в письме 25 октября, добавив: «Знаешь, что придумали китайцы? Они просто продали весь свой торговый флот американской кампании. Это очень хитро. Все китайские корабли ходят под звездно-полосатым флагом, а мы даже не можем прихватить их “кошкой”. Ничто так не бесит, как зрелище того, как над тобой насмеются у тебя под носом» [Ferrero, 2005, p. 92]. Блокада оказалась неэффективной, поскольку ей «можно было подвергать только местные джонки» [Ferrero, 2005, p. 91].

Жана вернули в Цзилун, где французы взялись за строительство новых портовых укреплений. «Ничего страшного, но скука смертная», — жаловался он 30 ноября другу. На самом деле «скучать» не приходилось. «Свежих продуктов не стало, а консервов многовато даже для моего желудка» [Ferrero, 2005, p. 92]. Многие французы плохо переносили местный климат, но к консервам, муссонам и общей антисанитарии города добавился более грозный враг — «кашалот», «болезнь с большой буквы Б», «холодная лихорадка», как говорили суеверные моряки, не произнося подлинное имя — холера [Loir, 1894, p. 185; Garnot, 1894, p. 77–78]. «Из 1400 высадившихся 50 уже под землей и еще 350 в госпитале в тяжелом состоянии. ...Помирают за три-четыре часа, не успев охнуть. ...Жуткие здесь смерти: или проклятые китайцы загарпунят тебя, как рыбу, или болезнь сожжет на медленном огне». Об этом Жан написал другу «на отдельном листке, чтобы это ни в коем случае не попало на глаза маме» [Ferrero, 2005,

с. 94–95]. В еще больших масштабах с этой проблемой столкнется японская армия при «замирении» Тайваня в 1895 г.

Командование спохватилось, и уже в следующем, декабрьском письме (без даты) Жан сообщил о прибытии транспорта из Тонкина с командой врачей и грузом продовольствия: «Можно не быть гурманом, но как славно положить на зуб что-то получше обычного, слишком уж обычного и однообразного» » [Ferrero, 2005, p. 96]. Привезенного хватило ненадолго, а «мандарины», как французы называли китайских чиновников, под страхом смерти «запретили подданным продавать нам что-либо»; впрочем, запрет соблюдался не очень строго. «В глубине души я думаю, что китайцы правы, — заметил Жан 1 января 1885 г. в письме другу. — ...Мы ведем войну с ними, они с нами». Опаснее было, что «мандарины назначили цену за голову француза в пределах полсотни франков», обращаясь и к *хакка*, и к аборигенам — «охотникам за черепами». «У нас пошли дела с дикарями, бывают такие ужасы, что лишь содрогнешься, ибо в мыслях себе не представишь. ...Эти оборванцы думают лишь о том, как перерезать нас и не останавливаются ни перед чем, чтобы заманить нас в ловушку, раз от раза все подлее» [Ferrero, 2005, p. 100–101]. Приходилось охранять даже французское кладбище, поскольку предприимчивые люди выкапывали и обезглавливали трупы, дабы предъявить голову [Loir, 1894, p. 192–193]. Понятно, что в таких условиях матушке Жан предназначал только краткое новогоднее поздравление, чтобы не волновать ее.

Юнга рвался в настоящий бой, «пока нас всех не перебьют, как мух», но вынужден был довольствоваться более прозаической службой. 30 января 1885 г. он в обычной манере рассказал приятелю о захвате китайских контрабандистов: «Эти идиоты думали, что им отрубят головы: в этой стране какая-то мания по части обезглавливания. Они считают нас чудовищами и, возможно, принимают за людоедов. Мандарины вдалбливают им подобные представления, чтобы они резали всех французов, которые могут попасть в их лапы. Но мы, несмотря на весь ажиотаж боя, кротки, аки агнцы. Их не убивают, но заставляют работать, и надо отдать им справедливость — ни лошадь, ни бык, ни осел не работают с таким терпением и энергией, как эти животные» [Ferrero, 2005, p. 103]. Почти в тех же самых выражениях, характерных для эпохи, их использование на работах описал М. Луар [Loir, 1894, p. 194–195].

Положение французов улучшилось с прибытием двух батальонов (один из алжирских колониальных войск, другой из Иностранного легиона) общей численностью более 2000 человек, солдаты которых отличались стойкостью и привыкли к трудным условиям. С их помощью предполагалось захватить угольные шахты к югу от Цзилуна, поскольку у эскадры начались проблемы с углем. Жан сетовал, что «англичашки» (*les Anglaises*), как их презрительно называли французские моряки, исторически не любившие британцев, «как всегда, устроили нам грязный трюк»: до минимума ограничили снабжение продовольствием и углем французских кораблей в Гонконге и Сингапуре под предлогом соблюдения нейтралитета в отношении обеих воюющих сторон [Loir, 1894, p. 197–198]. «Еще один способ помогать китайцам против нас», — негодовал юнга. В ответ французы объявили, что будут досматривать корабли под нейтральными флагами на предмет возможной военной контрабанды, идущей в Китай и на Тайвань. Они рассчитывали закрепиться на острове: отбросив китайские войска от Цзилуна, взялись за реконструкцию города, договорились с некоторыми

местными коммерсантами и через них обезопасили себя от аборигенов. «Когда-нибудь я с гордостью скажу: Я был в эскадре адмирала Курбе!» — патетически заключил Жан очередное послание [Ferrero, 2005, p. 104–105].

Закрепиться в Цзилуне французам не удалось: попытка захватить шахты провалилась; несмотря на блокаду, китайцы перебрасывали на остров новые части и вербовали местное население; позиция «англичашек» и «янки» становилась все более враждебной (подробнее см.: [Garnot, 1894, p. 83–178]). «Я негодую от ощущения того, что дела идут не так, как хочет адмирал, — делился «юнга адмирала Курбе» 15 марта с другом. — Говорят, у него в голове есть план, который он доверяет лишь своей фуражке, но исполнение которого не продвигается. О, я это хорошо знаю: если адмирал проходит мимо матроса, не глядя на него, как будто того вовсе нет, значит, что-то не так» [Ferrero, 2005, p. 106–107]. Курбе, действительно, отличался скрытностью и делился своими планами со старшими офицерами только в последний момент [Loir, 1894, p. 150].

План адмирала вскоре перестал быть секретом: он и ранее предлагал сначала захватить Пескадорские острова / Пэнхуледао в качестве базы для овладения Тайванем. Получив санкцию морского министра по телеграфу, который, по характерному выражению Жана, «изобретен не для одних только немцев», эскадра Курбе 29–31 марта атаковала китайские укрепления на Пескадорских островах и к началу апреля взяла под контроль этот стратегически важный архипелаг [Loir, 1894, p. 243–266, Garnot, 1894, p. 179–195]. «Моряков ждал реванш за Тамсуй ...и мы были полны решимости ворваться хоть куда-нибудь. ...Славный поход, как варенье на хлебе», — нашел неожиданное сравнение юнга 5 апреля, добавив: «Расскажу тебе, ибо делал заметки, как будто собирался писать в газету». В журнальной публикации его подробный рассказ о боевых действиях [Ferrero, 2005, p. 110–114] иллюстрирован изображением триумфальной высадки Курбе в Магуне, который он решил сделать главной базой флота. «Занятие Пескадорских островов было великолепно продуманным и энергично выполненным предприятием, успех которого мог бы в значительно большей мере быть использован Францией. ...Любимой мечтой адмирала было сохранить навсегда для Франции эту группу островов» [Штенцель, 2002, с. 692]. Однако Курбе не догадывался, что для него «последний парад наступает».

Во Франции противники колониальной экспансии требовали скорее закончить войну и 30 марта добились отставки кабинета Ферри. Курбе получал противоречивые приказы то оставить Тайвань и закрепиться на Пескадорских островах, то остановить эвакуацию Цзилуна [Garnot, 1894, p. 195–202]. В Магуне он заболел и скоропостижно скончался 11 июня, успев узнать о заключении 9 июня мира с возвращением Китая и Цзилуна, и Пескадорских островов, что отравило последние часы его жизни. «Адмирал умер! Это не просто слова: я еще не стар, но не чувствовал такого горя с того дня, как ты, вложив мою руку в руку бедного покойного отца, велела никогда не забывать его, — делился Жан 15 июня горем с матерью. — Не ревнуй. Для меня в нашем адмирале было что-то от отца. Он был храбрым человеком, как я тебе говорил, и великим человеком. ...Если бы мне сказали умереть вместо него, я бы ответил “есть!”, и с какой радостью. ...Меня не просто так называли юнгой адмирала. Он выделял меня и не упускал случая показать мне свое расположение. ...Я не поэт, но чувствую, что посреди огромного моря, под бескрайним голубым небом, что окружает нас, в этой смерти есть нечто

грандиозное и величественное. Не смейся надо мной, выражаюсь, как могу» [Ferrero, 2005, p. 118–119]. Скорбь моряков была глубокой и искренней [Loir, 1894, p. 283–288; Garnot, 1894, p. 214–223].

«Дело сделано, мама, мир подписан, — сообщил Жан 22 июня в последнем известном письме. — Нам только что объявили, что послезавтра мы отправляемся во Францию, с нашим адмиралом. С тяжелым сердцем мы возвращаем его на родину. Думаю, какой триумф ожидал бы его, как наши храбрые парижане встретили бы героя Фучжоу и Магуна, но все кончено» [Ferrero, 2005, p. 120]. Не могу согласиться с мнением Ф. А. Тодер, что «смерть избавила его от бесславного возвращения во Францию» [Тодер, 1978, с. 158]: адмирал провел в целом удачную кампанию в неблагоприятных условиях, результаты которой не были реализованы из-за решений политиков в Париже. Кончина Курбе «при исполнении» в далеких краях содействовала посмертному прославлению: его именем названы улицы в более чем 70 городах Франции, включая Париж и все крупные порты.

На этом юнга Жан канул в неизвестность, однако его письма, опубликованные в популярном и широко читавшемся журнале, внесли свою лепту в формирование образа Тайваня и Дальнего Востока в целом у рядового француза, интересовавшегося экзотикой. Сегодня они не только сообщают нам ценные подробности об экспедиции Курбе и ее пребывании на Тайване, но и позволяют ощутить дыхание давно прошедшего времени.

Литература / References

- Вильсон Х. *Броненосцы в бою. 1855–1895*. М., 2003 [Wilson H. *Battleships in Action. 1855–1895*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Тодер Ф. А. *Тайвань и его история (XIX в.)*. М., 1978 [Toder F. A. *Taiwan and Its History (19th Century)*. Moscow, 1978 (in Russian)].
- Штенцель А. *История войн на море. С древнейших времен до конца XIX века*. Т. 2. М., 2002 [Stenzel A. *History of Wars on Sea. From the Ancient Times to the Late 19th Century*. Vol. 2. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Cahu T. (préface et mise en ordre par). *L'amiral Courbet en Extrême-Orient, notes et correspondances*. Paris, 1896.
- Ferrero S. *Formose vue par un marin français du XIXe siècle*. Paris, 2005.
- Garnot (Le capitaine). *L'expédition française de Formose (1884–1885)*. Paris, 1894.
- Loir M. *L'escadre de l'amiral Courbet, notes et souvenirs*. Paris, 1894.

ОСТ-ИНДСКИЕ И ДРУГИЕ ДОКИ В ЛОНДОНЕ: ИМПЕРСКАЯ АРХИТЕКТУРА, КОЛОНИАЛЬНАЯ ТОРГОВЛЯ И ПОСТКОЛОНИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

© 2020

С. Е. Сидорова*

Статья посвящена колониальной и постколониальной истории, архитектуре и топографии юго-восточных районов Лондона, где на обоих берегах реки Темзы в XVIII–XX вв. расположились доки, ставшие архитектурно-инженерным ответом на бурно развивавшуюся торговлю с территориями в Западном и Восточном полушариях мира. Постройки различного назначения — вырытые бассейны для погрузки, разгрузки и ремонта судов, причалы, верфи, офисные и складские помещения, площадки, оборудованные кузнями, плотницкими мастерскими, магазинами, столовыми, гостиницами, — радикально изменили конфигурацию береговой линии Темзы и внешний вид британской столицы, обретшей статус центра огромной колониальной державы. Доки, которые к началу XX в. занимали площадь в 21 га, представляли собой изнанку имперско-колониального предприятия, пространство трудовой повседневности, имевшее специфическую архитектурную репрезентацию, не предназначенную для украшения. Это была конструктивно необходимая часть города для осуществления товарообмена, где привычные представления о красивом уступали место соображениям безопасности, функциональности и экономии. Не отличающийся архитектурным изяществом, хаотично застроенный, грязный, задымленный и зловонный район был одним из самых значимых символов Англии периода промышленной революции и колониального владычества. Визуальный образ этого величия разительно отличался от архитектурных образцов прежних эпох, вынуждая современников привыкать к новой индустриальной эстетике. Исчезнув во второй половине XX в. с карты города, доки продолжают сохранять особое место в ментальном ландшафте города и исторической памяти горожан, что нашло отражение в цепочке расположившихся в этом районе музеев, которые рассказывают об истории английского мореплавания и навигации, участии Англии в географических открытиях, этапах покорения мира, создания империи и способах обретения богатства нации.

Ключевые слова: Лондон, Ост-Индские доки, Ост-Индская компания, империи, колонии, колониальная торговля, индустриальная архитектура.

Для цитирования: Сидорова С. Е. Ост-Индские и другие доки в Лондоне: имперская архитектура, колониальная торговля и постколониальная память. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 190–205. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-190-205

* Светлана Евгеньевна СИДОРОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; veta.sidorova@mail.ru

Svetlana E. SIDOROVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; veta.sidorova@mail.ru

ORCID ID 0000-0001-8528-6236

EAST INDIAN AND OTHER DOCKS IN LONDON: IMPERIAL ARCHITECTURE, COLONIAL TRADE AND POSTCOLONIAL MEMORY

Svetlana E. Sidorova

The article concentrates on the colonial and postcolonial history, architecture and topography of the southeastern areas of London, where on both banks of the River Thames in the 18th–20th centuries there were located the docks, which became an architectural and engineering response to the rapidly developing trade of England with territories in the Western and Eastern hemispheres of the world. Constructions for various purposes — pools for loading, unloading and repairing ships, piers, shipyards, office and warehouse premises, sites equipped with forges, carpenter's workshops, shops, canteens, hotels — have radically changed the bank line of the Thames and appearance of the British capital, which has acquired the status of the center of a huge empire. Docks, which by the beginning of the 20th century, occupied an area of 21 hectares, were the seamy side of an imperial-colonial enterprise, a space of hard and routine work that had a specific architectural representation. It was a necessary part of the city intended for the exchange of goods, where the usual ideas about the beauty gave way to considerations of safety, functionality and economy. Not distinguished by architectural grace, chaotically built up, dirty, smoky and fetid, the area was one of the most significant symbols of England during the industrial revolution and colonial rule. The visual image of this greatness was strikingly different from the architectural samples of previous eras, forcing contemporaries to get used to the new industrial aesthetics. Having disappeared in the second half of the 20th century from the city map, they continue to retain a special place in the mental landscape of the city and the historical memory of the townspeople, which is reflected in the chain of museums located in this area that tell the history of English navigation, England's participation in geographical discoveries, the stages of conquering the world, creating an empire and ways to acquire the wealth of the nation.

Keywords: London, East India docks, East India Company, empires, colonies, colonial trade, industrial architecture.

For citation: Sidorova S. E. East Indian and Other Docks in London: Imperial Architecture, Colonial Trade and Postcolonial Memory. *Vestnik Instituta Vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 190–205. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-190-205

В XVII–XVIII вв. Великобритания обладала флотом, который позволил ей стать мощной морской и колониальной державой, а Лондону — коммерческим центром, связующим разные части огромной империи, и перевалочным пунктом для товаров, прибывавших со всех концов света. Большая роль флота в политике и экономике страны, увеличение размеров заморских владений и объемов торговли отразились на облике столичного города и нашли визуальное воплощение в зданиях нового по своему назначению и архитектуре типа. Постройками, характерными для имперского периода истории Лондона, стали офисы торговых компаний, банки, склады и доки.

Как пишет британский исследователь, специалист по истории и теории викторианской архитектуры Дж. Бремнер, «изучение архитектуры и урбанизма Британской империи непременно должно порождать мысли о метрополии... До недавнего времени британская имперская архитектура мыслилась как нечто, локализованное за границами современного британского государства, как будто положение Британии в центре самой большой из когда-либо существовавших империй не оказало соответствующего воздействия на ее собственные здания и городской

ландшафт. Так же, как британская колониальная экспансия изменила пространство неевропейского мира, так и имперский опыт преобразил архитектурную среду в метрополии... Британия была настолько же частью империи, насколько и ее отдаленных колоний» [Bremner, 2016, p. 125–126].

В статье речь пойдет о колониальной и постколониальной истории юго-восточных районов Лондона, где на обоих берегах реки Темзы ниже Лондонского моста в XVIII–XX вв. располагались доки (London Dockland), ставшие архитектурно-инженерным ответом на бурно развившуюся торговлю с территориями в Западном и Восточном полушариях.

С учетом того, что Великобритания была островным государством, морской державой и родиной промышленной революции, в основе которой пребывала энергия пара, именно вода стала главным системообразующим элементом многих английских городов, включая Лондон. Вода, обеспечивавшая внутреннюю навигацию, связывавшая туманный Альбион со всем миром, приводившая в движение паровозы, пароходы, станки и т. д., оказала колоссальное влияние на вид, очертания и местоположение формирующихся индустриальных центров.

Английская система внутренней навигации складывалась в XVII–XVIII вв. К 1700 г. около 700 миль британских рек были превращены в навигационные, спустя 60 лет эта цифра увеличилась еще на 600 миль. А с 1760-х гг. развернулось массированное строительство каналов. К концу XVIII в. по всей Англии действовали бригады профессиональных землекопов, которые специализировались на рытье каналов, тоннелей и сооружении мостов. Одновременно создавались бассейны, шлюзы, плотины, акведуки и мосты. В результате к рубежу XVIII–XIX вв. все реки Англии были включены в единую систему [Dupin, 1825, p. 221–343].

В XVII–XVIII вв. изменилась структура и природа английской торговли. Хотя Европа оставалась важным торговым партнером Великобритании, ее основная коммерческая деятельность теперь концентрировалась на дальних берегах. Помимо экспорта готовой, главным образом — текстильной продукции, Англия активно занималась реэкспортом экзотических товаров, привозимых из заморских стран. В импорте же готовые изделия постепенно замещались сырьем. Это нарушило сложившуюся иерархию портовых городов Англии, среди которых теперь солирующую роль стали играть порты, расположенные не на восточном, а на западном побережье туманного Альбиона — Ливерпуль и Бристоль, обеспечивавшие сырьем фабрики северной Англии. Однако для того чтобы прибрежные города могли принимать и обслуживать в большом количестве суда, размер и грузоподъемность которых все время увеличивалась, чтобы противостоять конкуренции других портов, требовалась серьезная техническая оснастка. Ливерпуль стал первым в мире городом, где появилась система закрытых доков, предназначенных для торговых судов, где они могли разгружаться и загружаться в любое время года и суток, независимо от приливов и отливов. К 1800 г. в Ливерпуле территория доков составляла около 25,7 акров, в то время как в других портах мира их вообще не было.

На рубеже XVIII–XIX вв. эстафету принял Лондон. К концу XVIII в. он располагал всего одним доком, построенным еще в 1660 г., и причалами на южном и северном берегах Темзы общей протяженностью порядка 5 тыс. футов (Legal Quays и Sufferance Quays), которые не соответствовали нуждам набирающей обороты

внутренней и международной торговли [Forrow, 1877, p. 12–13, 20–31]. Завоевания, начатые Робертом Клайвом в Индии в XVIII в., приобретение Бенгалии, а также освоение территорий в Северной Америке резко увеличили приток товаров из этих регионов. В цифровом выражении этот рост выглядел следующим образом: количество судов, использовавших лондонский порт, в 1705 г. составляло 1335, в 1751 г. — 1682, в 1794 г. — 3663. Их общая грузоподъемность увеличилась с 234 639 тонн в 1751 г. до 620 845 — в 1794 г. Также изменились размеры кораблей: число судов, базировавшихся в Лондоне, грузоподъемностью более 200 тонн выросло с 205 в 1732 г. до 751 в 1792 г. [Survey of London, 1994, p. 247–248]. Стоимость импортной и экспортной продукции выросла с 10 млн. фунтов стерлингов в 1701 г. до 31 442 040 фунтов стерлингов в 1794 г. [Forrow, 1877, p. 23]¹.

Корабли постоянно оказывались заблокированными в так называемом Лондонском бассейне, их разгрузка и загрузка доставляли огромные трудности, сопряженные с задержками, потерями, ущербом, наносимым ценным товарам, повсеместно распространенным воровством из-за отсутствия продуманной и безопасной системы хранения грузов [Forrow, 1877, p. 12–13, 20–31].

В итоге лондонские купцы решили положить конец транспортному хаосу. В 1799 г. британский парламент под давлением одной из крупнейших торговых компаний — Вест-Индской — принял акт, разрешавший грандиозное строительство в районах, примыкавших к Лондону с востока и юго-востока. В дальнейшем парламент издал еще не один такой акт, санкционируя появление все новых и новых доков и портовых сооружений. Ни один другой район города за всю свою историю не подвергался столь мощной реконструкции. В течение XIX в. там появился крупнейший в мире комплекс доков с системой бассейнов и каналов, приспособленных для строительства, ремонта, загрузки и разгрузки кораблей, что позволило Лондону приобрести статус крупнейшего мирового порта и сохранять его почти до середины XX в. (*илл. 1–2*).

Как говорил в 1876 г. в публичной лекции Алекс Форроу: «Строительство лондонских доков было не результатом спекулятивных действий инвесторов, заинтересованных в прибыли, а ответом на острую нужду национального масштаба... не проявлением духа конкуренции с верфями, а единственным средством спасения портовой коммерции от гибели, детищем не алчных корпораций, а основоположников удивительного процветания порта, и если не его основателей, то спасителей» [Forrow, 1877, p. 34].

Поначалу большая часть доков находилась за пределами города. Вниз по течению реки от Лондонского моста береговая линия стремительно меняла свою конфигурацию: доки все больше отвоевывали территорию суши. К 1921 г., когда был построен последний док, они занимали площадь 21 кв. км. Большинство доков были мокрыми. Они представляли собой бассейн или ряд сообщающихся бассейнов, в устье которых имелись ворота или несколько ворот, соединявшие бассейн с рекою во время высокой воды (прилива) и запираемые на время отлива. Таким образом, уровень воды в мокром доке всегда поддерживался постоянным, что представляло значительные удобства, позволяя судам с низкой осадкой заходить в сравнительно мелководный порт, подверженный перепадам уровня воды. Создаваемые доки были большими,

¹ Также об этом см.: [Broodbank, 1921, p. 75–76].

способными одновременно принять много судов, что решило проблему очередей и значительно сократило время обслуживания кораблей.

Илл. 1. У. Дэниэлл. Вид Вест-Индских доков (по: [Broodbank, 1921, р. 92])

Илл. 2. П. О. Томкинс. Открытие Вест-Индских доков, 1802 г. (по: [Broodbank, 1921, р. 104])

Самые первые Вест-Индские доки на территории Собачьего острова (1800–1806) состояли из подходного, импортного (120 тыс. кв. м) и экспортного (97 тыс. кв. м) бассейнов. Высота их стен составляла 7,3 м, вместимость — до 600 кораблей. Позднее было вырыто еще несколько бассейнов, которые заняли почти весь Собачий остров

[Survey of London, 1994, p. 268–281, Broodbank, 1921, p. 92–110]. Вслед за ними были построены собственно Лондонские доки (1802–1805).

Успех первых предприятий предопределил довольно быстрое и беспрепятственное решение по строительству третьих по счету Ост-Индских доков (илл. 3). Поначалу Ост-Индская компания не принимала активного участия в лоббировании строительства. Ее корабли, так называемые *Ист Индиамэн* (илл. 4), были самыми большими в английском флоте. Их начали строить с 1781 г., и они имели номинальную грузоподъемность от 1200 до 1400 тонн [Chatterton, 1914, p. 162].

Илл. 3. У. Дэниэлл. Вид Ост-Индских доков (по: [Broodbank, 1921, p. 121])

Из-за размеров и глубокой осадки они, как правило, разгружались ниже по течению Темзы в Блэкуолле. Затем товар на лихтерах доставлялся к официальным верфям в Лондонском порту. Однако после строительства Вест-Индских и Лондонских доков, закрытых для посторонних посетителей, речные пираты, традиционно распределявшие свое внимание между всеми участниками портовой жизни и не сильно беспокоившие суда, прибывавшие из Индии², сконцентрировали свои усилия на дорогостоящем восточном товаре — шелке, чае, селитре, вине, специях, которые хорошо продавались на черном рынке [Padney, 1975, p. 50; Broodbank, 1921, p. 121]. Ущерб от их деятельности был столь чувствительным, что Ост-Индская компания вынуждена была озаботиться строительством доков, по поводу чего был принят соответствующий акт парламента в 1803 г.

Ост-Индские доки в Блэкуолле, открывшиеся в 1806 г., имели структуру, аналогичную Вест-Индским, но уступали последним в размерах. Объяснялось это тем, что товары из Индии были очень дорогими, но не объемными. Поэтому в доках одновременно стояло немного кораблей. Напротив, из Вест-Индии приходил менее ценный по стоимости груз, зато огромными партиями, из-за чего на этом направлении было задействовано гораздо больше судов. Тем не менее на этапе строительства Ост-Индских доков высказывались опасения, что их размер может оказаться недостаточным

² Эти корабли были оснащены почти как военные, что защищало их от нападений пиратов.

Илл. 4. Ч. Г. Сифорт. *Ист Индиамэн* “Repulse” в Ост-Индских доках, 29 сентября 1839 г. (по: [Seafort, 1839])

на фоне роста торговых оборотов с Индией: в 1792 г. отсюда прибыло 27 кораблей, в 1793 г. — 33, в 1794 г. — 42, в 1795 г. — 63, в 1804 г. — 95, причем 14 из этих 95 имели грузоподъемность 1500 тонн [Survey of London, 1994, р. 575–582]. Глубина воды в Ост-Индских доках достигала 7,9 м, высота стен — 6,4 м. Одновременно они могли обслуживать до 28 *Ист Индиамэн* и в два раза больше менее габаритных кораблей [Lewis, 1831, р. 129].

Открытие состоялось 4 августа 1806 г. На следующий день газета Таймс писала: «Главные ворота распахнулись для приема гостей в половине двенадцатого, к часу территория была полна изысканной публикой. После 21 пушечного залпа яхта “Тринити Хаус”, украшенная флагами всех наций, вошла в док, за ней последовали *Ист Индиамэн* “Адмирал Гарднер”, “Лондонский Сити”, “Леди Кастлерей” и, наконец, “Сюррей”. Как только все оказались внутри, оркестр на борту “Адмирала

Гардинера” заиграл “Боже, храни Короля”... Внутри доков собралось около 15–20 тысяч людей, а так как подобные мероприятия вызывают большой интерес у женщин, то нет необходимости добавлять, что собрание представляло собой живописную картину, полную красоты и изыска» [The Times. 1806. August 05]³.

Доки были прибыльным предприятием, так как строившая их компания (*East India Dock Company*) получила монополию на 21 год, предполагавшую, что все торговые корабли из Индии и Китая должны были разгружаться только в Ост-Индских доках и там же загружаться. Более того, весь привезенный товар обязан был храниться на складах Ост-Индской компании. После истечения срока монополии в 1827 г. доки еще некоторое время обслуживали исключительно индийское направление, но к середине XIX в. уже принимали корабли и из Австралии, Африки, Америки, груженные рисом, джутом, семенами, пшеницей, шерстью, салом, замороженным мясом [Survey of London, 1994, р. 575–582]. В тех же 1800-х гг. началось строительство Сюррейских доков, в конце 1820-х появились доки Св. Кaterины. Вырытую землю обычно вывозили в предместья Лондона и использовали для засыпки болот.

³ См. также репортаж об открытии Ост-Индских доков в *The Globe* от 4 августа 1806 г. [Broodbank, 1921, р. 124–125].

Несмотря на то что первый пароход появился на Темзе еще в 1815 г., начало их массового строительства относится к концу 1830-х гг., а в 1850-х они уже активно теснили на океанских просторах парусные суда. Однако только в 1875 г. тоннаж перевозимых ими грузов превысил общий тоннаж груза парусников. Автор книги «Порты и доки» Дуглас Оуэн приводил следующую статистику: «В 1860 г. из 11 177 судов, которые зашли в лондонский порт, 8 871 были парусными общей грузоподъемностью 2 229 748 тонн против 2 306 паровых грузоподъемностью 751 662 тонны. В 1901 г. число парусников снизилось до 1960 с тоннажем 778 323, а пароходов уже было 9 457, поднимавших на борт 9 214 430 тонн [Owen, 1904, p. 13].

Старые доки были слишком малы для новых типов судов. Так как свободного места по берегам Темзы сразу за Лондонским мостом уже не оставалось, то новые доки строили дальше, за Собачьим островом. В 1850-х гг. появились самые современные в техническом отношении доки королевы Виктории, где использовались гидравлические прессы для подъема кораблей. Их площадь составляла 45 га, протяженность — 2,5 км. Но и этих доков оказалось недостаточно, прежде всего, из-за малой глубины и узкого прохода в них. В 1880-х гг. появились доки принца Альберта, на тот момент самые большие в мире. Их длина составляла 3 км, это были первые доки, оснащенные электричеством. Уже к XX в. относится создание последних в черте Лондона доков короля Георга V, примыкавших к докам принца Альберта. Они были построены в 1921 г.

Хронология строительства доков:

- 1801–1807 — строительство Большого Сюррейского канала;
- 1802 — Вест-Индские доки;
- 1805 — Лондонские доки;
- 1806 — Ост-Индские доки;
- 1807 – 1811 — Коммерческие Сюррейские доки;
- 1820 — завершение строительства канала Риджентс;
- 1828 — доки Св. Катерины;
- 1855 — доки королевы Виктории;
- 1868 — Миллуолские доки;
- 1880 — доки принца Альберта;
- 1886 — доки в Тилбери;
- 1921 — доки короля Георга V.

Доки представляли собой сложное гидротехническое сооружение, требовавшее серьезных инженерных решений при возведении и укреплении стен, строительстве ворот-затворов, молов, причалов и т. д. Они были оснащены техническими устройствами, использовавшимися для откачки воды, погрузки и разгрузки товаров, подъема кораблей и т. п.⁴

Не менее важными в инфраструктуре доков были складские помещения. Только в Ост-Индских доках их было очень мало (небольшие помещения для хранения специй и перца), так как дорогостоящий товар, который везли из стран Азии, предпочитали сразу же увозить в Лондонское Сити, где у Ост-Индской компании были обширные

⁴ Подробнее об этом см. в [Colson, 1910].

Илл. 5. Здание Ост-Индской компании на Лиденхолл Стрит в Лондоне, 1799 г. (по: [Broodbank, 1921, p. 144])

склады на Катлер Стрит [Broodbank, 1921, p. 121–122]. В начале XVIII в. они занимали около 12 га пространства. После отмены в 1833 г. монополии на торговлю чаем с Китаем Компании пришлось продать значительную часть складов. Тем не менее оставшиеся помещения занимали около 2 га, там работало 400 клерков и 4000 рабочих. Зато на территории самих Ост-Индских доков в середине XIX в. появились складские помещения для хранения

джуа и семян [Survey of London, 1994, p. 575–582].

Доки других компаний были окружены бесчисленными зданиями для хранения товаров. Как правило, склады возводили те же инженеры, которые занимались обустройством доков. К складам предъявлялись требования пожарной безопасности, удобства эксплуатации. В XIX в. они стоились по образцу текстильных фабрик в Манчестере: их главное достоинство заключалось в том, что они были почти целиком сооружены из железа, стали, бетона, кирпича, стекла и в этом отношении представляли самые безопасные противопожарные конструкции. Склады часто подступали к самой кромке воды, а их нижние этажи имели высокие арочные перекрытия, чтобы при помощи гидравлических кранов груз можно было перемещать сразу с кораблей внутрь складов. Они имели, как правило, 3–6 этажей. С отменой налога на окна в середине XIX в. размер оконных проемов увеличился, что позволяло экономить на искусственном освещении. Здания, которым пытались придать благообразный вид, славились не столько архитектурным совершенством, сколько инженерно-конструктивными преимуществами⁵ (илл. 5–6).

Наряду с мокрыми доками на Темзе было

Илл. 6. Миллуолские доки. Центральное зернохранилище (по: [Broodbank, 1921, p. 227])

⁵ Подробнее см.: [Wermiel, 1993].

построено много сухих, где располагались мастерские по производству и ремонту судов, чугунолитейные и металлургические предприятия. Эти предприятия потребляли огромное количество угля и железной руды, которые постоянно поставлялись в доки на баржах из северных районов Англии. В атмосферу и в воду выбрасывались отходы производства, из-за чего русло реки порой невозможно было разглядеть.

Именно в XIX в. смог стал неотъемлемой чертой лондонской жизни. Русский писатель А. И. Гончаров, сделавший остановку в Лондоне в 1852 г. во время кругосветного путешествия, сообщал: «Два раза ходил смотреть на Темзу и оба раза видел только непроницаемый пар. Я отчаялся уже и видеть реку, но дохнул ветерок, и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде, обстроенная кирпичными неопрятными зданиями, задавленная судами. Зато какая жизнь и деятельность кипит на этой зыбкой улице, управляемая Меркуриевым жезлом!» [Гончаров, 1952, с. 44].

Доки обрастали предприятиями по первичной обработке и переработке поступающей продукции и сырья (красильни, химические фабрики, туковые заводы, предприятия по производству светящего газа и переработке ламповой сажи, по производству клея, парафина), а также возникла инфраструктура обслуживающих предприятий (продовольственные лавки, пабы, гостиницы, швейные мастерские и т.п.).

До появления железных дорог самым эффективным способом транспортировки товаров из доков и доставки туда необходимого для их функционирования сырья (угля, железной руды и т. д.), были каналы, которыми был изрезан Лондон, как и вся Англия. Для соединения доков с внешним миром были прорыты Риджентс-канал — водный путь, идущий от доков на запад до встречи с Гранд-Юнион-каналом, и на юге Сюррейский канал [Dupin, 1825, p. 288, 309].

В середине века к докам были подведены железнодорожные ветки. Единственная грунтовая дорога, связывавшая доки с лондонским Сити, называлась Коммершл роуд. Питер Акرويد в книге «Лондон. Биография» пишет: «Название дороги было как нельзя более кстати — ведь город заставили преобразиться исключительно требования прибыли. На камне, торжественно заложенном в фундамент Вест-Индского дока, был начертан девиз: “С Божьей помощью да принесет сие предприятие устойчивость, приращение и благолепие британской коммерции”» [Акرويد, 2005, с. 620]. Именно по этой дороге из доков в направлении Ост-Индских складов в Сити двигались телеги, запряженные парой или четверкой лошадей и груженные длинными, глубокими деревянными ящиками с железными навесными замками [Survey of London, 1994, p. 575–582].

Примечательно, что, являясь связующим звеном между различными частями мира и страны, внутри города доки были относительно изолированной от других районов зоной. Еще большей отгороженности доков способствовало то, что они были окружены стенами высотой 6–7 м в целях предупреждения воровства, поджогов, порчи сложного инженерного оборудования. Туда невозможно было пройти без разрешения. Так на этих территориях образовался город в городе со своим населением, укладом, культурными традициями и даже особым языком-сленгом — кокни. Вся жизнь этого внутреннего города была подчинена обслуживанию имперской торговли.

Со временем к докам прилепились жилые кварталы, где селились тысячи работавших в порту людей. Во второй половине XIX в. северный берег Темзы, примыкающий к докам, превратился в густонаселенный район. Там возводились дома

террасного типа (*таунхаусы*). Они образовывали целые улицы, где проживало беднейшее население Лондона. Именно здесь сложился печально знаменитый лондонский Ист-Энд⁶. После 1830-х гг. по мере роста экологически грязного производства и стремительно расплзавшихся близлежащих трущоб, доки и примыкающий к ним Ист-Энд превратились в самый грязный, смердящий, социально неблагополучный, криминогенный район Лондона, дав толчок новому виду развлечений — «трущобному туризму».

Слово «трущобы» (*slumming*) было впервые зафиксировано Оксфордским словарем в 1884 г. О том, что и эти места были порождением колониальной империи, напоминали некоторые топонимы. Так, жилые кварталы, начавшие образовываться в середине XIX в. на болотистых землях рядом с доками Виктории (1855 г.), получили название *Каннинг-таун* по имени вице-короля Индии Чарлза Каннинга (1856–1862), подавившего восстание сипаев в Индии (1857–1858). Именно это восстание привело к упразднению в 1858 г. Ост-Индской компании и передаче управления Индией английской короне и парламенту. В 1857 г. *Каннинг-таун* и прилегающий к нему Холсвилл посетил Генри Морли, сотрудничавший с журналом Чарлза Диккенса *Household Words*, где он и опубликовал свои впечатления. В заметке Морли предупреждал, что в том районе так грязно и мокро, что для передвижения требуются ходули, рыбацкие сапоги до бедра или лодка. Хотя дома там расположены рядами, нет и намека на улицы. Позади каждого ряда, почти вплотную к домам тянулись канавы, по которым в выгребные ямы поступали отходы. Эти ямы были наполнены разлагающейся, булькающей субстанцией, от которой шли омерзительные испарения, наполнявшие воздух зловонием. Когда осенью-зимой вода прибывала, содержимое канав и ям поднималось и затопляло все вокруг.

По сведениям Морли, их площадь составляла около 140 акров. Лишь за два года до написания заметки в районе появился водопровод. Поэтому распространенные в таких местах болезни — лихорадка и оспа — носили массовый и затяжной характер. Автор подытоживал: «Каннинг-таун — детище доков Виктории. Условия этого места и его окрестностей не позволяют селиться здесь респектабельному классу мастеровых... Те же, кто выбирают для жизни этот район, в своем унижении находятся за чертой неприятия грязи. Это беднейшие рабочие, которым уже некуда дальше опускаться» [Morley 1857, p. 241–242].

Создателями доков были преимущественно не архитекторы, а инженеры. Сложилась феноменальная ситуация, когда в результате промышленной революции в неожиданной оппозиции оказались представители двух профессиональных сообществ: архитекторов, увлеченно пытавшиеся воспроизвести детали греко-римской, готической и ренессансной архитектуры (чему примером было здание Ост-Индской компании в центре Лондона), и инженеры, которые преследовали более утилитарные цели, руководствуясь соображениями безопасности, прочности, экономии и высокой производственной отдачи. Их роль в эпоху промышленной революции была столь высока, а их умения, опыт и знания столь востребованы, что эта профессия получила свое институциональное оформление гораздо раньше, чем архитектурная.

⁶ Подробнее см.: [Wohl, 2009].

В 1818 г. в Лондоне был основан институт гражданских инженеров⁷, а самые выдающиеся инженеры — Дж. Ренни (1761–1821), У. Джессоп (1745–1814), Р. Уолкер (1749–1821)⁸, Д. Э. Александр (1768–1846), строившие в том числе и лондонские доки, были удостоены чести быть похороненными в Вестминстерском аббатстве или соборе Св. Павла. Благодаря им появился новый архитектурный язык или стиль. Неведомые ранее сооружения и многоэтажные здания многофункционального назначения — причалы, верфи, офисные и складские помещения, площадки, оборудованные кузнями, плотницкими мастерками, магазинами, столовыми, гостиницами — радикально изменили внешний вид городов. Эти постройки быстро стандартизировались. Они многократно повторялись и встречались вдоль всех водных артерий Великобритании.

Как пишет П. Акройд, «постройка доков стала крупнейшим финансируемым из частных источников предприятием в истории Лондона. Возникли целые искусственные озера площадью около трехсот акров, подле них выросли громадные, крепостного типа сооружения с воротами и высокими стенами» [Акройд, 2005, с. 620]. Они производили неизгладимое впечатление на современников, потрясая их величием, мощью и размахом. Осталось огромное количество словесных описаний, а также гравюр (в частности, Гюстава Доре), рисунков (Уильяма Дэниела, Джеймса Макнила Уистлера), фотографий, которые отличаются грандиозностью панорам и несметным числом работающих людей.

Акройд приводит много описаний этой части города современниками, ставшими свидетелями грандиозной деятельности, кипевшей на берегах Темзы. Среди прочих он процитировал слова Поля Верлена в 1872 г.: «Доки не поддаются описанию. Они невероятны! Тир, совмещенный с Карфагеном» [Акройд, 2005, с. 621]. Джозеф Конрад говорил о том, что этот район никак нельзя назвать красивым. Скорее по отношению к нему более применимо слово «уродство». Но это уродство было овеяно бесконечным романтизмом океанских странствий и дальних экзотических стран. Он посвятил целое эссе «Верная река» описанию всего пути от момента вхождения судна в устье Темзы до самых старых доков на Собачьем острове, где в частности писал: «Лондон — разнофрахтный порт, как и подобает величайшей столице мира. Разнофрахтные порты составляют аристократию торговых портов мира. И среди этой аристократии Лондон, как всегда и во всем, — единственный в своем роде. Докам на Темзе нельзя отказать в живописности. Несмотря на мое нелюбезное сравнение их с задним двором, куда загнали лебедей (корабли. — С. С.), я не могу отрицать, что каждый док или группа их на северном берегу Темзы по-своему хороши... Своеобразие и прелесть им придает одна общая черта: при всей своей будничной полезности они романтичны... Доки вниз по Темзе, рядом с Вулиджем, производят сильное впечатление благодаря своим размерам и безобразию окрестностей, безобразию столь живописному, что оно радует глаз. Когда говорят о доках Темзы, слово “красота” звучит

⁷ Из хартии института: «Продвигать механическую науку, в особенности способствовать приобретению таких знаний, которые составляют профессию гражданских инженеров, призванную извлекать из природных недр силу, пригодную человеку для производства и передвижения, строительства дорог, мостов, акведуков, каналов, доков, молов, волнорезов, маяков, обустройства портов, гаваней, для совершенствования искусства навигации при помощи искусственной силы, для осуществления внутреннего сообщения и обмена» [The Times. 1828. June 30].

⁸ Джон Ренни и Ральф Уокер проектировали Ост-Индские доки.

слишком хвастливо, но дух романтики так давно витает над этой рекой, что он не мог не придать очарования ее берегам» [Конрад, 1958, б. п.].

Как отмечает Джоанна де Грут, одной из важнейших составляющих британской имперской истории наряду с сюжетом о конкуренции между европейскими державами и их стратегическими интересами, а также о заморских колониях и инвестициях, является роль колониальной торговли и импортированных товаров внутри самой Британии. «Специи и ткани в период ранних имперских предприятий, потребительские товары с колониальных плантаций (табак, сахар, кофе) начиная с XVIII в., чай, пшеница и какао бобы в XIX в., австралийское мясо и масло... в XX в. устанавливали прямую взаимосвязь между потреблением и империей» [de Groot, 2006, p. 169–170]. Через эти предметы империя втягивалась в каждодневную жизнь британцев, превращалась в ее неотъемлемую часть и становилась фактором складывания особой космополитической национальной идентичности жителей острова. В доках, куда прибывали эти товары, создавалось богатство нации, которое потом расходовалось, в том числе, на создание парадного облика имперской столицы с подобающими статусу зданиями и городской планировкой. Доки же представляли собой изнанку имперско-колониального предприятия, пространство трудовой повседневности, имевшее специфическую архитектурную репрезентацию, не предназначенную для украшения. Это была конструктивно необходимая часть города для осуществления товарообмена, где привычные представления о красивом уступали место технологиям и соображениям безопасности и функциональности. Таким образом, в XIX в. этот не отличающийся архитектурным изяществом, хаотично застроенный, грязный, задымленный и зловонный район, тем не менее, как символ технического прогресса, могущества человеческой мысли и неустанного труда, мог стать объектом восхищения, а его уродство объектом поэтизации. Доки слыли одним из чудес света. Акройд приводил в пример слова очевидца о табачном складе в Уоппинге: «Здесь единою крышей покрыто больше земли, чем в любом другом строении, общественном или коммерческом, за исключением лишь египетских пирамид» [Акройд, 2005, с. 620].

Доки были тем местом, откуда начиналась Британская империя. Здесь, как нигде становилось понятно, что Британия была владычицей морей и огромных колониальных земель. Отсюда уходили корабли в самые удаленные уголки империи, сюда же они спустя многие месяцы возвращались, груженные заморскими товарами, как бы донося до современников мысль о колоссальных оборотах торговли и размерах британских владений. Доки были уникальны тем, что одновременно олицетворяли как индустриальную мощь, так и имперское величие Британии, рождая у жителей метрополии чувство беспредельной гордости за достижения их отечества. Поэтому о доках можно сказать, что они были одним из самых значимых символов Англии периода промышленной революции. Визуальный образ этого величия разительно отличался от архитектурных образцов прежних эпох, вынуждая современников приобщаться, привыкать к новой индустриальной эстетике.

За годы существования доки реконструировались, подстраиваясь под нужды мировой торговли и меняющиеся технические характеристики кораблей. В середине XX в. начался новый этап в истории этой территории. Немецкие бомбардировки времен Второй мировой войны нанесли серьезный ущерб докам, многие верфи были разрушены. Среди прочих был уничтожен экспортный бассейн Ост-Индских доков,

который так и не был восстановлен [Survey of London, 1994, p. 575–582]. Его кончина символично предвосхитила скорый уход британцев из Индии и предоставление ей независимости в 1947 г. Слава доков закатилась в одночасье. Сначала, в 1960-х гг., закрылись сухие доки — судостроительные верфи, так как транспортировка угля и руды в Лондон оказалась невыгодной, и эти предприятия переместились в северные районы страны ближе к угольным и горнорудным шахтам. А в период с 1967 по 1980 гг. закрылись и мокрые доки — из-за того что корабли стали активно переходить на контейнерный способ перевозки грузов. Лондонские доки были неспособны принять гораздо большие, чем раньше, корабли, требовавшиеся для транспортировки контейнеров, и портовая индустрия переместилась в более глубоководные порты в Тилбери и Феликстоу. В это время доки уже давно вошли в городскую черту, а после их закрытия в двух шагах от центра города оказалось 21 кв. км промышленных неэффективных земель.

Для реконструкции этого района в 1981 г. была сформирована Корпорация Развития Лондонских доков (London Docklands Development Corporation (LDDC)). Большинство доков сохранилось, сейчас они используются в основном для водных видов спорта, за исключением Коммерческих Сюррейских доков, которые были засыпаны. Старые верфи и склады были по большей части снесены, лишь некоторые отремонтировали и превратили в жилые дома. Высвободившиеся площадки были использованы для архитектурных экспериментов. Новая концепция Докленда дистанцировала эти территории от их индустриального прошлого. Большая программа 1980-х — 1990-х гг. превратила огромные пространства в смесь жилых домов, коммерческих зданий и легкой индустрии [Козлова, 2011, с. 30–37].

Знаменательно, что утрата доками их функциональности (по техническим причинам) практически совпала с закатом Британской империи, поэтому их закрытие символично ознаменовало завершение целой эпохи британской истории. Жизненное пространство британского общества сузилось до границ островного государства, что создало ситуацию кризиса национальной идентичности. С крушением империи и ее визуальных символов общество оказалось в переходной стадии поиска и обретения новых точек опор в изменившемся окружающем пространстве. В такие переломные моменты особенно сильными оказываются ностальгические настроения, обращение к золотому периоду истории, одним из которых для Британии несомненно является время промышленной революции и империи, когда она была сильной, богатой и процветающей мировой державой⁹.

В этом отношении доки, оказавшись интегрированными в общегородскую застройку, потеряв свою индустриальную функциональность, обретя ярко выраженные черты постиндустриального пространства, продолжают сохранять особое место в ментальном ландшафте города. Историческая память горожан оказалась институционализирована в рамках туристического дискурса, и обращение к прошлому происходит преимущественно в музейных пространствах и во время уже исторических экскурсий по местам, где раньше люди занимались индустриальным и трущобным

⁹ Примечательно описание Джонатаном Коу в романе «Срединная Англия» восторженного восприятия британцами сцен Промышленной революции во время церемонии открытия Олимпийских игр 2012 г. в Лондоне. Чувство, испытываемое зрителями, он идентифицировал как национальную гордость [Коу, 2019, с. 173–175].

туризмом. На юго-востоке Лондона создана цепочка музеев, звенья которой составляют Музей нулевого меридиана, расположенный в здании бывшей Королевской обсерватории, Морской музей в Гринвиче, корабль-музей «Катти Сарк»¹⁰ в сухом доке Гринвича и, наконец, Музей лондонских доков (илл. 7). Все они так или иначе рассказывают об истории английского мореплавания и навигации, об участии Англии в географических открытиях, этапах покорения мира, способах обретения богатства нации.

В музее лондонских доков, посвященном истории Темзы и строительства Лондона, главным образом его восточной и юго-восточной частей, имперская составляющая является едва ли не основной. Он совершенно неслучайно расположен в западной части Собачьего острова в здании складов Вест-Индской компании, построенном в 1802 г. для хранения сахара. Одна из его постоянных экспозиций называется

Илл. 7. Здание Музея Лондонских доков (фото автора)

«Лондон, сахар и рабство» и напоминает о печально знаменитой торговле по золотому треугольнику, когда суда, выходявшие из европейских портов, приставали к берегам Западной Африки, забирали на борт невольников и пускались в трансатлантическое плавание к берегам Южной Америки и островов Карибского моря, где рабы продавались и на вырученные деньги закупались сахар, ром. Самым выгодным товаром был сахар. Из лондонского порта вышло 3 100 судов с невольниками, что сделало его четвертым в мире городом по объему работорговли. Британский историк Кэтрин Холл, комментируя экспозицию, отметила, что взгляд на историю доков через призму колониальной торговли позволяет по-новому думать о городе и осознавать, как работорговля за сотни миль от Лондона оказалась непосредственно вписанной в процесс его строительства и индустриализации¹¹.

Понимание и признание фундаментальной роли империи в исторической судьбе метрополии и становлении современной Британии, то есть того, что сейчас считается общепринятым фактом, на самом деле относительно недавняя тенденция, ставшая результатом усилий ученых, работавших в последние десятилетия в рамках постколониальных и новоимперских исследований. Экономическое процветание Британии, ее колоссальный технический рывок, промышленная революция XVIII–XIX вв. стали возможны за счет огромных прибылей, полученных от колониальной торговли. Во второй половине XX в. с утратой заморских владений и изменением торгово-транспортных технологий Лондон вновь преобразился, подчиняясь условиям постимперского существования, реализуя новые тенденции и настроения, царящие в

¹⁰ Клипер, построенный в 1869 г., использовался для доставки чая из Китая.

¹¹ Wajid S. London, Sugar & Slavery Opens At Museum In Docklands. *Culture 24. Art. History. Science*. URL: <http://www.culture24.org.uk/history-and-heritage/art51852> (дата обращения 10.09.2020).

британском обществе, размышляющем и переосмысливающим свое колониальное прошлое и вместе с ним — историю лондонских доков¹².

Литература / References

- Акройд П. *Лондон. Биография*. М., 2005 [Ackroyd P. *London. The Biography*. Moscow, 2005 (in Russian)].
- Гончаров И. А. *Фрегат «Паллада»*. Собрание сочинений в 8-ми томах. Т. 2. М., 1952 [Goncharov I. A. *Frigate "Pallada"*. Collected works in 8 vols. Vol. 2. Moscow, 1952 (in Russian)].
- Конрад Дж. *Зеркало морей*. М., 1958 [Conrad G. *The Mirror of the Sea*. Moscow, 1958 (in Russian)].
- Козлова А. А. Отличительные особенности европейского деvelopeмента крупных городских территорий (на примере проекта развития лондонских доков). *Вестник Самарского университета*. 2011. № 3(77). С. 30–37 [Kozlova A. A. Distinctive Features of the European Development of Large Urban Areas (On the Example of the London Docks Development Project). *Vestnik Samarskogo universiteta*. 2011. 3 (77). Pp. 30–37 (in Russian)].
- Коу Дж. *Срединная Англия*. М., 2019 [перевод с англ. Мартыновой И.] (in Russian)].
- Bremner G. A. *The Metropolis: Imperial Buildings and Landscapes in Britain*. Bremner G. A. (ed.). *Architecture and Urbanism in the British Empire. Oxford History of the British Empire Companion Series*. Oxford, 2016.
- Broodbank J. G. *History of the Port of London*. Vol. I. London, 1921.
- Chatterton E. K. *The Old East Indiamen*. London, 1914.
- Colson C. *Notes on Docks and Dock Construction*. London, 1910.
- Dupin Ch. *The Commercial Power of Great Britain: Exhibiting a Complete View of the Public Works of This Country*. London, 1825.
- Forrow A. *The Thames and Its Docks. A Lecture*. London, 1877.
- de Groot J. Metropolitan desires and colonial connections: reflections on consumption and empire. Hall C., Rose S. O. (eds.). *At Home with the Empire: Metropolitan Culture and the Imperial World*. Cambridge, 2006.
- Lewis S. *A Topographical Dictionary of England*. Vol. III. London, 1831.
- Morley H. Londoners over the Border. *Household Words*. 1857, September 12. Pp. 241–242.
- Owen D. *Ports and Docks: Their History, Working, and National Importance*. London, 1904.
- Padney J. *London's Docks*. London, 1975.
- Survey of London: Poplar, Blackwall and Isle of Dogs*. Vol. 43–44. London, 1994.
- The Times. August 05 1806; June 30, 1828.
- Wermiel S. The Development of Fireproof Construction in Great Britain and the United States in the Nineteenth Century. *Construction History*. 1993. 9. Pp. 3–26.
- Wohl A. S. *The Eternal Slum: Housing and Social Policy in Victorian London*. New Brunswick, London, 2009.

Электронные источники / Electronic sources

- Manjapra K. When Will Britain Face up to Its Crimes Against Humanity? *The Guardian*. 2018. March 29. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/29/slavery-abolition-compensation-when-will-britain-face-up-to-its-crimes-against-humanity> (дата обращения 09.08.2020).
- Seafort C. H. The East Indiaman “Repulse” in East India Dock Basin, 25 September 1839. URL: <https://prints.rmg.co.uk/products/the-east-indiaman-repulse-in-east-india-dock-basin-25-september-1839-py0536> (дата обращения 13.09.2020).
- Wajid S. London, Sugar & Slavery Opens At Museum In Docklands. *Culture 24. Art. History. Science*. URL: <http://www.culture24.org.uk/history-and-heritage/art51852> (дата обращения 10.09.2020).

¹² Manjapra K. When Will Britain Face up to Its Crimes Against Humanity? *The Guardian*. 2018. March 29. URL: <https://www.theguardian.com/news/2018/mar/29/slavery-abolition-compensation-when-will-britain-face-up-to-its-crimes-against-humanity> (дата обращения 09.08.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-206-216

ИЗРАИЛЕВЕДЕНИЕ В ИНСТИТУТЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН: СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ (КОНЕЦ 1950-х — 1990-е гг.)

© 2020

А. В. Федорченко, И. В. Масюкова*

Статья представляет собой исторический обзор израилеведческих исследований в Институте востоковедения РАН (ранее ИВ АН СССР) с конца 1950-х до 1990-х гг. Дана характеристика основным направлениям работы и публикациям Отдела изучения Израиля; перечислены его руководители и сотрудники. Израиловедение в СССР прошло трудный и сложный путь, пережив спады и подъемы. В начале 1970-х гг. советское партийное руководство поставило задачу «борьбы с сионистской идеологией». В 1971 г. В Институте востоковедения АН СССР был создан Отдел изучения Израиля во главе с арабистом В. И. Киселевым. Большой вклад в развитие советского израиловедения внесла Г. С. Никитина — автор многочисленных публикаций и первой фундаментальной монографии «Государство Израиль (особенности экономического и политического развития)» (1968). В советский период публикации Отдела неизменно сопровождались тезисами о «реакционной сущности сионизма», критикой Израиля как «агрессора», «агента империализма и США», и т. д. Несмотря на идеологическое давление, в изучении Государства Израиль постепенно наметился отход от пропагандистских штампов в направлении более объективного и всестороннего анализа. Работа Отдела была осложнена отсутствием научной литературы, контактов с израильскими учеными и недостатком специалистов со знанием иврита. В 1986 г. был опубликован первый научный справочник «Государство Израиль», где авторы стремились проанализировать особенности израильского общества. Пройдя через несколько структурных реорганизаций, смену руководства, Отдел Израиля после восстановления российско-израильских дипломатических отношений (1991) успешно продолжил комплексное изучение Государства Израиль в постсоветский период.

Ключевые слова: Государство Израиль, израиловедение, история науки, история Израиля, экономика Израиля, Отдел изучения Израиля, ИВ АН СССР, Институт востоковедения РАН.

Для цитирования: Федорченко А. В., Масюкова И. В. Израиловедение в Институте востоковедения РАН: страницы истории (конец 1950-х — 1990-е гг.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 206–216. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-206-216

* Андрей Васильевич ФЕДОРЧЕНКО, доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН; Москва; vasedor@mail.ru

Andrey V. FEDORCHENKO, DSc (Economics), Professor, Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS; Moscow; vasedor@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-5951-5936

Ирина Викторовна МАСЮКОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; i-masykova@yandex.ru

Irina V. MASYUKOVA, Ph.D (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS: Moscow, i-masykova@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-9646-6336

ISRAELI STUDIES IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS: PAGES OF HISTORY (FROM THE END OF 1950's TILL THE 1990's)

Andrey V. Fedorchenko, Irina V. Masyukova

The article gives historical outline of Israeli studies in the Institute of Oriental Studies RAS (former IOS SAS) since the end of 1950th till 1990th. Main research topics and publications of Israel Department are reviewed and analyzed; its chairs and researchers are listed. Israeli Studies in the USSR overcame the difficult and complicated way, suffered recessions and revivals. At the beginning of the 1970's Soviet Party leadership set a task "to struggle against the Zionist ideology". In 1971 Israel Department was set up in the Institute of Oriental Studies of the Soviet Academy of Sciences headed by Arabic scholar V. I. Kiselev. The valuable contribution to the development of Soviet Israeli Studies was made by G. S. Nikitina, who was the author of numerous publications and the first fundamental scientific monograph "The State of Israel. The Peculiarities of Economic and Political Development" (1968). During the Soviet period researchers had to use in their publications such expressions as "reactionary essence of Zionism" and criticised Israel as an "aggressor", "the agent of American imperialism", etc. In spite of the ideological pressure on the study of the State of Israel, some researchers began to digress from propagandist "cliches" in order to analyse the facts more objectively. The shortage of academic literature and the lack of contacts with Israeli scientists and Hebrew-speaking specialists complicated research activities. At the same time in 1986 the first academic Reference book "The State of Israel" was published, where the authors sought to analyse the peculiarities of Israeli society. Israel Department got over several structural reorganizations, changes in leadership, and after the restoration of Russian-Israeli diplomatic relations (1991), continued complex study of the State of Israel in the post-Soviet period.

Keywords: The State of Israel, Israeli studies, history of Oriental Studies, history of Israel, economy of Israel, Israel Department, IOS SAS, Institute of Oriental Studies RAS.

For citation: Fedorchenko A. V., Masyukova I. V. Israeli Studies in the Institute of Oriental Studies RAS: Pages of History (from the End of 1950's till the 1990's). *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 206–216. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-206-216

Отечественное израилеведение, его возникновение, развитие, спады и подъемы прошли сложный путь, связанный с этапами социально-общественной эволюции нашего общества. Изучение Государства Израиль и сопряженных с ним проблем началось задолго до создания Отдела по изучению Израйля в ИВ АН СССР. Первым советским израилеведом по праву можно назвать **Галину Степановну Никитину** (1924–1982), выпускницу юридического отделения Института внешней торговли, кандидата юридических и доктора исторических наук. С 1957 г. Г. С. Никитина, работая научным сотрудником в Отделе международных вопросов ИВ АН СССР, приступила к изучению истории и экономики Израйля и арабо-израильских отношений, позднее продолжив исследования в Отделе по изучению Израйля. Она опубликовала свыше ста научных и публицистических работ, многие из которых были переведены на иностранные языки. В советский период тематика научных исследований по страноведческим проблемам во многом направлялась и контролировалась государственными структурами, требовавшими от ученых-обществоведов анализа кризиса колониальной системы, подъема национально-освободительных движений, особенностей политического положения стран Востока. В сложных условиях Г. С. Никитина, отстаивая необходимость исследования нового

явления на Ближнем Востоке — Государства Израиль, созданного в 1948 г., используя обширный фактический материал, успешно и плодотворно работала, публикуя в конце 1950-х–1960-х гг. главы и разделы в коллективных монографиях и энциклопедиях; статьи в научных сборниках и периодических изданиях. Ограничимся упоминанием лишь нескольких работ: статьи «Экспансия Израиля в Африку и неоколониализм» [Никитина, 1963], «Израиль» [Никитина, 1964], и др.

В 1968 г. Г. С. Никитина опубликовала первое в СССР фундаментальное монографическое исследование «Государство Израиль. (Особенности экономического и политического развития)» [Никитина, 1968]. Этот обобщающий труд, переведенный на иностранные языки (английский, арабский, польский), явился важным вкладом в развитие советского израилеведения.

Монография Г. С. Никитиной, опубликованная в конце 1960-х гг. после разрыва дипломатических отношений с Израилем в результате Шестидневной войны 1967 г., безусловно, отражала общие тенденции советской позиции по отношению к Израилю и арабо-израильскому конфликту, она насыщена ссылками на документы Компартии Израиля и в ряде случаев демонстрирует односторонний подход и резкую критику «агрессивной политики правящих кругов Израиля». Вместе с тем многие выводы и обобщения исследования Г. С. Никитиной объективно отражали особенности развития израильского общества. Анализируя монографическое исследование Г. С. Никитиной в совместной российско-израильской работе, А.Д. Эпштейн и С. Кожеуров подчеркивают ряд актуальных и злободневных тезисов ее исследования (подробнее см.: [Эпштейн, Кожеуров, 2011, с. 29–33]). В частности, по мнению авторов, Г. С. Никитина, «опередив на четверть века» зарубежных авторов, подвергла критике концепцию преемственности еврейской политической истории от еврейского государства в Палестине в древности до его возрождения там же в 1948 г. [Никитина, 1968, с. 4]. Как справедливо подчеркивают А. Д. Эпштейн и С. Кожеуров, «задолго до считающихся “критически” настроенными израильскими социологами и демографами Г. С. Никитина выдвинула тезис о том, что еврейская иммиграция в Израиль объясняется в большей мере выталкивающими факторами в странах исхода, а не притяжением Земли обетованной» [Эпштейн, Кожеуров, 2011, с. 31; Никитина, 1968, с. 212].

Ряд выводов Г. С. Никитиной относительно проблем еврейской иммиграции в Израиль справедливы и сейчас: о политике селективной (выборочной) иммиграции, введенной правительством страны с 1952 по 1954 гг.; о небольшом количестве евреев, прибывавших из благополучных стран Запада; о разных условиях и уровне жизни новых иммигрантов и «ветеранов»; об оборонительной роли пограничных поселений с иммигрантами; о заинтересованности руководства Израиля в иммигрантах для заселения пустынных периферийных районов и др. [Никитина, 1968, с. 213–217; 220–221; 223; Эпштейн, Кожеуров, 2011, с. 32–33].

В начале 1970-х гг. в ЦК КПСС было принято решение о создании подразделения «по научной борьбе с сионистской идеологией» и 12 мая 1971 г. приказом № 213 в Институте востоковедения АН СССР был образован Отдел по изучению Израиля в составе двух секторов: 1. Сектор истории и общественно-политических проблем; 2. Сектор экономики (подробнее см.: [Носенко, Семенченко, 2015, с. 233]).

Отдел и сектор истории и общественно-политических проблем возглавил арабист, выпускник МИВ, к. и. н. В. И. Киселев (1924–2008), получивший уникальный опыт работы как представитель международной редколлегии журнала «Проблемы мира и социализма» между 1964 и 1968 гг. в Праге. В состав отдела вошли также сотрудники Института к. ю. н. Г. С. Никитина (в 1978 г. успешно защитившая первую в СССР докторскую диссертацию по проблемам истории, экономики, социально-политического развития Государства Израиль); арабист к. и. н. А. Ф. Федченко (1913–1983), экономист Б. Ф. Ямилинец, ученый секретарь отдела С. М. Гасратян. В начале 1970-х гг. в отдел пришли сотрудники из различных научных и практических организаций: к. и. н. Л. В. Пименова, к. и. н. А. А. Корнеев, И. В. Лисицына (Масюкова), А. А. Барковский, Н. П. Олейников, Т. Т. Медведева, С. И. Лапутин и др.

На начальном этапе советское израилеведение испытывало огромные трудности. Тематика страноведческих исследований сопровождалась и диктовалась идеологическими установками властей, когда при изучении Государства Израиль в работах всегда присутствовала «научная критика сионизма» как «крайнего проявления реакционной буржуазно-националистической идеологии».

В этот период советские израильтеды в коллективных монографиях, сборниках статей, публикациях в научной периодике, уделяя внимание различным проблемам внешней и внутренней политики страны, неизменно сопровождали свой анализ тезисами об «агрессивном внешнеполитическом курсе Израиля по отношению к арабским странам»; о «зависимости Израиля от США» и его роли как «агента империализма» и т. д. Вместе с тем в Отделе, отвечая требованиям времени, наряду с работами по разоблачению «теории и практики сионизма», закладывались основы страноведческого израилеведения и изучались различные аспекты истории Государства Израиль, его экономики, политики, демографии, социального развития и т. д.

Первые сборники, опубликованные Отделом, наряду с критикой сионизма, были посвящены переводам документов Компартии Израиля с оценкой политики правящих кругов и анализом положения трудящихся, а также проблемам арабского народа Палестины. Параллельно в советский период в ИВ АН СССР практиковалась публикация спецбюллетеней — закрытых изданий для служебного пользования, где более реалистично, всесторонне и объективно делался акцент на страноведческом направлении исследований; особенностях истории и экономики Израиля, внутриполитической ситуации в стране, арабо-израильских отношениях и т. д.

Несмотря на многочисленные трудности изучения Израиля (отсутствие научной литературы, возможности научных командировок и контактов с израильскими учеными; отсутствие специалистов со знанием иврита и т. д.), в Отделе все больше внимания уделялось страноведческой проблематике. В частности, в этот период благодаря научному сотруднику Б. Ф. Ямилинцу, проработавшему в Отделе с 1972 по 2003 гг., появляются первые исследования по экономике Израиля. В 1977 г. Б. Ф. Ямилинец защитил кандидатскую диссертацию на тему «Иностранный капитал в Израиле, 1948–1973 гг.», в 1983 г. опубликовал монографию «Иностранный капитал в экономике Израиля» [Ямилинец, 1983], а также ряд статей в научных сборниках, журналах и коллективных монографиях, где анализировал роль иностранного капитала в развитии экономики Израиля, его влияние на валютно-финансовое положение страны и роль в системе мирового капиталистического хозяйства.

Тема израильской экономики нашла также отражение в работах научного сотрудника Отдела общих проблем **А. Б. Волкова**, защитившего в 1971 г. кандидатскую диссертацию на тему «Кооперативное движение и развитие государственного капитализма в Израиле», а также опубликовавшего ряд научных статей по этой проблематике. Например, статьи «Развитие капиталистической экономики в Израиле», «Военно-политические аспекты израильского капитализма» [Волков, 1971; 1972].

Израильская проблематика интересовала также ряд сотрудников Института вне Отдела Израиля. Так, например, ей посвятила свою кандидатскую диссертацию научный сотрудник И. Д. Звягельская: «Роль армии во внешней и внутренней политике Израиля» (1976); опубликовав в 1982 г. монографию «Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля» [Звягельская, 1982], а также ряд статей в научных журналах. В монографии впервые исследуется история становления и развития израильской армии, принципы взаимоотношений военной верхушки с политическими органами власти; степень участия генералитета в разработке важнейших политических решений государства, вовлечение военного командования в политическую, экономическую и общественную жизнь страны.

В 1977 г. директором Института востоковедения стал известный ученый-арабист, крупнейший специалист по Ближнему Востоку, в дальнейшем академик Е. М. Примаков (1929–2015). Конец 1970-х гг. — новый этап в развитии Института, коснувшийся реорганизации Отдела, который в 1979 г. был расширен и включал два сектора; возглавил его зам. директора Института **В. В. Беневоленский**. Сектором по изучению Израиля руководил к. и. н., научный сотрудник Отдела арабских стран **В. И. Носенко**, а заведовал Сектором идеологии к. и. н., арабист, сотрудник МИД СССР **О. В. Ковтунович** (1930–1988). В конце 1970-х — начале 1980-х гг. Отдел пополнился новыми сотрудниками — специалистами из МИД СССР, различных учебных и практических организаций, среди которых были А. С. Семиошкин, к. и. н. Н. Г. Калинин, П. Г. Тарасов, Т. В. Пархитко (Носенко), А. И. Шумилин, к. и. н. Т. А. Карасова и др.

Израилеведение постепенно «набирало темп»: в 1980-х гг. публиковались страноведческие сборники статей, коллективные монографии, справочные издания, многочисленные статьи в научных журналах и т. д., в эти годы несколько сотрудников Отдела защитили кандидатские диссертации.

В 1982 г. был опубликован сборник статей «Государство Израиль. Экономика и политика» под редакцией А. Ф. Федченко, О. В. Ковтуновича, В. И. Носенко [Федченко, 1982]. В центре внимания сборника — наиболее актуальные проблемы социально-экономического и политического развития Израиля, положение арабского населения, политика Израиля на оккупированных территориях, деятельность Компартии Израиля, проблемы ближневосточного урегулирования и др.

В эти годы в отделе Израиля сложился трудоспособный коллектив специалистов разных поколений, появилась возможность изучения языка иврит для молодых специалистов и участия в коллективных публикациях и научных конференциях. О профессиональном росте сотрудников Отдела свидетельствуют защиты кандидатских диссертаций по проблемам Израиля и арабо-израильским отношениям. В 1980 г. А. И. Шумилин защитил кандидатскую диссертацию на тему «Проблема палестинского государства в международных отношениях Ближнего Востока»; в 1983 г. — научные

сотрудники А. С. Семиошкин «Проблема Иерусалима в контексте ближневосточного урегулирования», И. В. Лисицына (Масюкова) «Компартия Израиля в борьбе за политическое урегулирование арабо-израильского конфликта (1967 — начало 1980-х гг.)». После окончания очной аспирантуры в ИВ АН СССР выпускник ИСАА А. В. Федорченко внес свой вклад в развитие экономических исследований Отдела, защитив кандидатскую диссертацию на тему «Темпы, пропорции, структурные сдвиги в экономике Израиля» (1984 г.). Среди сотрудников Института С. М. Гасратян, исследовавшая внешнюю политику Израиля, успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Взаимоотношения Израиля и ЮАР в 1967–1980 гг.».

Наряду с изучением Израиля много внимания уделялось проблемам ближневосточного урегулирования, арабо-израильским отношениям, деятельности ООП и т. д. Этой проблематикой активно занимались ученые-ближневосточники во главе с директором, а также сотрудники Отдела Израиля. Среди наиболее известных работ: Е. М. Примакова «Анатомия ближневосточного конфликта» [Примаков, 1978], «История одного сговора / Ближневосточная политика США в 70-е и начале 80-х гг.» [Примаков, 1985] и ряд других.

В центре внимания исследователей, параллельно с израильской проблематикой, находились также актуальные проблемы ближневосточного региона. Активно этой проблематикой занимались сотрудники отдела О. В. Ковтунович и В. И. Носенко.

Палестинской проблеме и борьбе арабского народа Палестины посвящены также работы к. и. н. В. И. Киселева «Палестинская проблема в международных отношениях» [Киселев, 1988]. Под руководством В. И. Киселева в 1982 г. в Институте востоковедения защитил кандидатскую диссертацию Махмуд Аббас (Мбу Мазен), в дальнейшем ставший председателем Исполнительного комитета Организации Освобождения Палестины и главой Палестинской администрации [Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее, 2018, с. 110].

Исследования по палестинской проблематике, впоследствии продолженные В. И. Киселевым, нашли логическое завершение в фундаментальной монографии и защите докторской диссертации в 1990 г. на тему: «Палестинский фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке (региональный аспект: 1947–1982 гг.)» [Киселев, 1990].

В 1986 г. усилиями Отдела Израиля Института востоковедения АН СССР был опубликован первый научный справочник «Государство Израиль» [Беневоленский, 1986]. Его авторский коллектив состоял из квалифицированных специалистов Института и сотрудников Отдела. Несмотря на давление идеологической цензуры, им удалось довольно полно осветить все аспекты израильской жизни — от природно-географических условий до политических проблем и культуры; ряд разделов посвящен демографии, экономике, вооруженным силам, внешней и внутренней политике и многим другим темам.

В результате очередной структурной реорганизации Отдела по изучению Израиля (слияния сектора идеологии с сектором по изучению Израиля) в 1986 г. была создана Лаборатория по изучению Израиля во главе с к. и. н. В. И. Носенко [Архив Института востоковедения РАН. Приказ № 251–К1 от 02.07.1986, § 2].

В конце 1980-х гг. сотрудники Лаборатории, с одной стороны, продолжали курс, заявленный высшим партийным идеологическим руководством страны на «научную

критику сионизма», а с другой, появлялись новые тенденции пересмотра и отхода от шаблонных формулировок и тезисов антиссионистской пропаганды в направлении более объективного и взвешенного анализа фактов и событий. Наряду с публикацией монографий и очерков по "разоблачению и критике сионизма: появляются работы с менее тенденциозными оценками и отсутствием пропагандистских штампов. Среди них монография Т.А. Карасовой «Блок Маарах в партийно-политической системе Израиля» (отв. ред. В.И. Носенко) [Карасова, 1988] с анализом внешней и внутренней политики крупнейшего политического блока Израиля; этапами и особенностями его становления и развития. Научный сотрудник Лаборатории А. А. Барковский, в 1987 г. защитивший кандидатскую диссертацию на тему «Сионистская колонизация Палестины и арабское освободительное движение в 1920–1935 гг.», в 1988 г. подготовил монографию «Арабское население Израиля» [Барковский, 1988]; к. и. н. С. М. Гасратян в 1987 г. опубликовала монографию «Израиль и ЮАР: цели и формы сотрудничества» [Гасратян, 1987], внося вклад в изучение новых аспектов внешней политики Израиля. Работу, посвященную деятельности Коммунистической партии Израиля, представила в 1987 г. к. и. н. И. В. Лисицына (Масюкова) (деп. в ИНИОН АН СССР, М., 1987), опубликовавшая (в соавторстве с Е. Дмитриевым) ряд статей в научных журналах по актуальным проблемам израильской внешней и внутренней политики. Научный сотрудник Е. Ю. Усова, в 1987 г. защитившая кандидатскую диссертацию по израильско-американским отношениям, успешно продолжила исследование этой темы в последующий период.

Спустя несколько лет после создания Лаборатории по изучению Израиля, она вновь была реорганизована в 1990 г. в Сектор по изучению Израиля (СИЗ) с целью «дальнейшего расширения исследований, непосредственно касающихся экономических, политических и социальных проблем Израиля». Возглавить Сектор поручили к. и. н. Т. А. Карасовой. В 1990-е гг. и весь Институт, и Сектор ощутили на себе последствия финансового кризиса, затормозившего научную работу по всем направлениям. Вместе с тем в статьях, опубликованных в сборниках и спецбюллетенях, научных журналах и монографиях, авторы пытались наряду с продолжением изучения выбранной проблематики разрабатывать новые темы. В статьях, опубликованных в этот период, в спецбюллетенях под грифом «Для служебного пользования» (ДСП), анализируются проблемы развития израильско-палестинского диалога (И. Лисицына), эволюции подходов к ближневосточному урегулированию в зарубежных еврейских общинах (Т. Карасова, С. Лапутин), отношение европейского сообщества к проблемам ближневосточного урегулирования (Т. Носенко) и др. [Наумкин, ред., Звягельская, ред., 1989]

Среди коллективных и индивидуальных работ этого периода особое место занимает комплексное исследование «Государство Израиль в 80-е годы. Очерки» [Карасова, 1992]. В работе исследованы изменения в израильском обществе: его экономика и политика, а также период сложной трансформации, позволивший стране приблизиться к развитым капиталистическим государствам.

Особое внимание вызывает монография А. Б. Волкова и П. Г. Тарасова «Государство Израиль и Всемирный еврейский конгресс» [Волков, Тарасов, 1991] под редакцией В. В. Наумкина, отметившего в предисловии к работе, что авторы «попытались отойти от свержидеологизированного подхода, характерного для работ

прошлых лет» и «рассмотреть проблему непредвзято... выдвигая тезис о “весьма противоречивом” характере взаимоотношений между Израилем и еврейскими сионистскими и несионистскими организациями “вне его”» [Волков, Тарасов, 1991, с. 3].

Для израилеведения 1990-х гг. характерны серьезные изменения, связанные с внутренней и внешней трансформацией советского общества. В начале 1990-х гг. официальная критика сионизма пошла на спад, и появились публикации, разоблачавшие антисемитизм. В 1991 г. произошло полное восстановление дипотношений с Израилем. Новый этап — кооперация между Россией и Израилем в сфере науки и образования — начался еще до формального восстановления отношений. В 1990 г. подписано первое соглашение между Академией наук и Министерством науки Израиля; происходит активный обмен студентами между ИСАА, РГГУ и крупными израильскими университетами — Иерусалимским и Открытым университетом, появились совместные научные и образовательные российско-израильские проекты, российские ученые получили возможность регулярно бывать в Израиле, а израильские исследователи выступать и участвовать в совместных российско-израильских научных проектах.

Сектор по изучению Израиля поддерживал постоянные контакты с исследовательскими центрами Израиля, США, европейских стран, Японии. Это сотрудничество принимало различные формы: совместные исследовательские проекты, двусторонние и многосторонние конференции и симпозиумы, обмен учеными в учебных целях, регулярный обмен книгами и т. д. Ученые из СИЗ участвовали в XXXV всемирном съезде востоковедов ICANAS (Будапешт, 1997).

В 1993 г. Сектор стал основателем Ассоциации израильских исследований в России (АИИ). Ассоциация — это международное научное общество, занимающееся изучением Израиля. Его членами были ученые, специализирующиеся на экономике, политике, истории и культуре Израиля, преподаватели университетов, дипломаты, бизнесмены, — все, кто заинтересован в развитии научных и деловых отношений между Россией и Израилем, в проведении различных исследований по Израилю и в практическом применении его результатов. Первым президентом АИИ был избран **А. В. Федорченко**.

Основными направлениями деятельности Ассоциации являлись:

- развитие научных контактов между российскими учеными, специализирующимися в области израильских исследований, и учеными из других стран постсоветского региона, из Израиля и ведущих мировых центров израильских исследований путем осуществления совместных исследовательских проектов, проведения научных семинаров и конференций, обмена литературой и научной информацией;
- создание основы для практического применения результатов исследований по Израилю путем развития сотрудничества с официальными структурами и органами, с фирмами и компаниями, со всеми, кто заинтересован в получении аналитической информации и проведении исследований по Израилю;
- публикация научных трудов по Израилю, документов, справочников по всем сферам жизни в Израиле и российско-израильским отношениям.

Ассоциация осуществляла исследовательские проекты по следующим темам: история российско-израильских отношений; культурные отношения между Россией и Израилем; израильский опыт в области иммиграции, конверсии военных отраслей,

сдерживания инфляции, развития различных форм собственности, экономической стратегии на уровне предприятий и т. д. Ассоциация проводила маркетинговые исследования как в России, так и в Израиле. Также планировалось создать образовательный центр, в котором будут работать как российские, так и израильские преподаватели для обучения бизнесменов, менеджеров по внешней торговле и социальных работников. АИИ поддерживает широкие контакты с аналогичными структурами за рубежом (например, с международной Ассоциацией исследований Израиля (AIS), базирующейся в США).

В работах отечественных израилеведов 1990-х гг. происходит смена акцентов и расширение проблематики: например, ряд работ А. В. Федорченко посвящает проблемам израильской социально-экономической модели. Среди них: А. В. Федорченко «Израиль: проблемы экономического развития» [Федорченко, 1990], «Экономика переселенческого общества (израильская модель)» [Федорченко, 1998] и многие другие.

С 1992 по 2004 г. А. В. Федорченко успешно возглавлял Отдел изучения Израиля. Его объемная исследовательская работа увенчалась в 1997 г. защитой докторской диссертации «Проблемы становления и развития экономики переселенческого общества (на примере Израиля)». Диссертация явилась первым комплексным масштабным исследованием израильской модели экономического развития в нашей стране. В ней впервые на основе критического анализа выявлены и обоснованы основные закономерности экономического развития израильского переселенческого общества, показаны итоги и перспективы его развития. В работе раскрывается логика превращения переселенческого общества в «оседлое», развивающееся по своим собственным законам и на собственной основе. Особое место в диссертации уделено анализу особенностей институциональной организации израильской экономики, ее эволюции от этатизма к рынку. Впервые в отечественном израилеведении обосновывается необходимость введения в современную экономическую науку понятия «израильская модель смешанной экономики». В диссертации проанализирован процесс интеграции израильской экономики в мировое хозяйство, исследуются такие малоизученные проблемы, как участие Израиля в международном движении капиталов, состояние и перспективы российско-израильских экономических связей.

В своих работах А. В. Федорченко доказал, что в области инновационного сотрудничества России с зарубежными странами имеются как потребность, так и возможность дополнить динамично развивающиеся североамериканское, западноевропейское, китайское направления расширением контактов с другими мировыми научно-техническими центрами, в том числе в Израиле, на основе системного подхода. Был разработан механизм сотрудничества в этой области. Подготовленные А. В. Федорченко работы вызвали большой интерес читателей, а такая монография как «Экономика переселенческого общества» [Федорченко, 1998] и другие исследования, стали настольными книгами студентов, специализирующихся на современном Израиле.

Одним из новых направлений в исследованиях становятся проблемы религии и общества, а также межконфессиональные отношения. Кандидат исторических наук С. М. Гасратян публикует ряд работ по этой проблематике: «Религиозные партии

Государства Израиль» [Гасратян, 1996], «История и идеология еврейского религиозного движения XIX–XX веков. Из предыстории Государства Израиль» (1999) и др. Историей Государства Израиль, миграционными процессами, социально-политическими проблемами израильского общества успешно занимались сотрудники отдела Израиля И. В. Масюкова, Н. А. Семенченко; вопросам турецко-израильских отношений посвящали свои статьи сотрудники Отдела Ближнего и Среднего Востока Н. Г. Киреев, Н. Ю. Ульченко и др.

Советский период отечественного израилеведения был трудным и сложным. Преодолевая идеологическое давление партийной цензуры, стремясь к объективному анализу и непредвзятости в оценках, осваивая новую проблематику и повышая профессиональный уровень, Отдел Израиля успешно справился с препятствиями, вступив в новый постсоветский период, будучи единственным академическим научным центром комплексного изучения Государства Израиль.

Литература / References

- Барковский Л. А. *Арабское население Израиля*. М., 1988 [Barkovsky L. A. *The Arab Population of Israel*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Беневоленский В. В. (ред.) *Государство Израиль. Справочник*. М., 1986 [Benevolenskiy V. V. (ed.). *The State of Israel. Reference Book*. Moscow, 1986 (in Russian)].
- Волков А. Б. Развитие капиталистической экономики в Израиле. *Народы Азии и Африки*. 1971. № 4. С. 36–46 [Volkov A. B. The Development of Capitalist Economy in Israel. *Narody Azii i Afriki*. 1971. 4. Pp. 36–46 (in Russian)].
- Волков А. Б. Военно-политические аспекты израильского капитализма. *Народы Азии и Африки*. 1972. № 3. С. 45–46 [Volkov A. B. Military and Political Aspects of Israeli Capitalism. *Narody Azii i Afriki*. 1972. 3. Pp. 45–46 (in Russian)].
- Волков А. Б., Тарасов П. Г. *Государство Израиль и Всемирный еврейский конгресс*. М., 1991 [Volkov A. B., Tarasov P. G. *The State of Israel and World Jewish Congress*. Moscow, 1991 (in Russian)].
- Гасратян С. М. *Израиль и ЮАР: цели и формы сотрудничества*. М., 1987 [Gasratyan S. M. *Israel and SAR: Goals and Forms of Cooperation*. Moscow, 1987 (in Russian)].
- Гасратян С. М. *Религиозные партии Государства Израиль*. М., 1996 [Gasratyan S. M. *Religious Parties in the State of Israel*. Moscow, 1996 (in Russian)].
- Звягельская И. Д. Роль военной верхушки в формировании государственной политики Израиля. М., 1982 [Zvyagelskaya I. D. *The Role of Military Leadership in the State Policy of Israel*. Moscow, 1982 (in Russian)].
- Институт востоковедения РАН — прошлое и настоящее: к 200-летию основания. Д. В. Дубровская (авт.-сост.), В. В. Наумкин (отв. ред.). М., 2018 [Institute of Oriental Studies RAS: *The Past and the Present. To the 200th Anniversary of Foundation*. D. V. Dubrovskaya (comp.), V. V. Naumkin (ed.). Moscow, 2018 (in Russian)].
- Карасова Т. А. Блок МААРАХ в партийно-политической системе Израиля. М., 1988 [Karasova T. A. *The MAARAH Block in the Party-Political System of Israel*. Moscow, 1988 (in Russian)].
- Карасова Т. А. (ред.) *Государство Израиль в 80-е годы. Очерки*. М., 1992 [Karasova T. A. (ed.). *The State of Israel in the 80's. Essays*. Moscow, 1992 (in Russian)].
- Киселев В. И. Палестинская проблема в международных отношениях. М., 1988 [Kiselev V. I. *Palestine Problem in the International Relations*. Moscow, 1988 (in Russian)].

- Киселев В. И. *Палестинский фактор в международных отношениях на Ближнем Востоке (региональный аспект: 1947–1982 гг.)*. М., 1990 [Kiselev V. I. *Palestine Factor in the International Relations in the Middle East (Regional Aspect: 1947–1982)*. Moscow, 1990 (in Russian)].
- Наумкин В. В., Звягельская И. Д. (ред.). *Специальный бюллетень. АН СССР Институт востоковедения. №1 (258)*. М., 1989 [Naumkin V. V., Zvyagelskaya I. D. (eds.). *Special Bulletin. Institute of Oriental Studies SAS. 1 (258)*. Moscow, 1989 (in Russian)].
- Никитина Г. С. *Государство Израиль. (Особенности экономического и политического развития)*. М., 1968 [Nikitina G. S. *The State of Israel. The Peculiarities of Economic and Political Development*. Moscow, 1968 (in Russian)].
- Носенко Т. В., Семенченко Н. А. *Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг.*. М., 2015 [Nosenko T. V., Semenchenko N. A. *The Vain Hostility. Essays of Soviet-Israeli Relations, 1948–1991*. Moscow, 2015 (in Russian)].
- Примаков Е. М. *Анатомия ближневосточного конфликта*. М., 1978 [Primakov E. M. *The Anatomy of the Conflict in the Middle East*. Moscow, 1978 (in Russian)].
- Примаков Е. М. *История одного сговора / Ближневосточная политика США в 70-е и начале 80-х гг.*. М., 1985 [Primakov E. M. *The Story of Agreement / The Middle Eastern Policy of the USA in 70's till 80's*, Moscow, 1985 (in Russian)].
- Федорченко А. В. *Израиль: проблемы экономического развития*. М., 1990 [Fedorchenko A. V. *Israel: Problems of Economic Development*. Moscow, 1990 (in Russian)].
- Федорченко А. В. *Экономика переселенческого общества*. М., 1998 [Fedorchenko A. V. *The Economy of Resettled Society*. Moscow, 1998 (in Russian)].
- Федченко А. Ф. (ред.). *Государство Израиль. Экономика и политика*. М., 1982 [Fedchenko A. F. (ed.). *The State of Israel: Economy and Policy*. Moscow, 1982 (in Russian)].
- Эпштейн А. Д., Кожеуров С. *Россия — Израиль: трудный путь навстречу*. М.—Иерусалим, 2011 [Epshtein A. D., Kozheurov S. *Russia — Israel: Difficult Way Towards*. Moscow, Jerusalem, 2011 (in Russian)].
- Ямилонец Б. Ф. *Иностранный капитал в экономике Израиля*. М., 1983 [Yamilinets B. F. *Foreign Capital in the Economy of Israel*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

- Архив Института востоковедения РАН [Archive of the Institute of Oriental Studies RAS].
Приказ № 251–К1 от 02.07.1986, § 2.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-217-228

СВЯЩЕННАЯ ЗВЕЗДА — ВОЕННЫЙ ОРДЕН ИНДОНЕЗИИ

© 2020

А. О. Захаров*

Военные награды принадлежат к числу одних из самых интересных предметов истории, прославляя победителей, увековечивая виктории и отражая мировоззрение и идеологию своей эпохи. Полководческие ордена символизируют колоссальный размах сражений, а кампанейские медали — успешное течение боевых действий. Военные награды, в отличие от трудовых и общественных, часто предполагают смертельно опасный риск, а то и подвиг. Государство практически всегда создает знаки отличия для своих воинов, причем как правило в первую очередь относительно всех остальных граждан или подданных. Военные ордена получают широкую известность и пользуются огромным спросом у коллекционеров: например, сегодня японский военный орден Золотого коршуна (сокола) известен лучше, чем остальные награды Страны восходящего солнца. Первым орденом молодой Индонезии стала военная Партизанская звезда, по форме повторявшая османскую Галлиполийскую звезду, а по характеру отражавшая особенности антиколониальной борьбы против Нидерландов на островах Малайского архипелага. В 1958 г. индонезийское правительство и армия сумели подавить сепаратистские движения, боровшиеся за независимость или дальнейшую федерализацию страны. Армия в конце 1950-х гг. взяла под контроль национализированные голландские предприятия. Она стала более профессиональной, а подавление мятежей и иных антиправительственных выступлений требовало поощрения. Эту задачу решило учреждение на тот момент высшего военного ордена страны — Священной звезды (Bintang Sakti). Он сохранял этот статус до 2009 г., когда его сменила преобразованная Партизанская звезда. В статье приводятся статут и описание награды и кратко описывается ее история. Среди кавалеров Священной звезды генералы Насутнион, Сухарто и Гатот Суброто, участники операции по присоединению («возвращению») Западной Новой Гвинеи (Западного Ириана) Бенни Мурдани, Унтунг Шамсури и первая парашютистка Индонезии Херлина Касим.

Ключевые слова: Индонезия, армия, награды, ордена, Священная звезда, Сухарто, Бенни Мурдани, Гатот Суброто.

Для цитирования: Захаров А. О. Священная звезда — военный орден Индонезии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 217–228. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-217-228

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zakharov_anton@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3654-9551

THE MILITARY AWARD OF INDONESIA

BINTANG SAKTI — THE SACRED STAR

Anton O. Zakharov

Military awards and decorations glorify winners, immortalize victories and reflect world outlooks of their times. These functions place them among the most attractive, informative and curious cultural things in human history. The highest military awards, like the Soviet Order of Victory, symbolize the scale of battles, whereas campaign medals reflect the course of warfare. Military decorations usually imply mortal threats or even acts of heroism of their owners, not being awarded for labour or other civilian activities. Military orders and medals are in great demand among the collectors, being better known for public than other orders and medals. For example, the Japanese military Order of the Golden Kite seems to be the most famous decoration of Japan even now, seventy years after its abolition. The first order of Indonesia is the *Bintang Gerilya* — The Guerilla Star, instituted in 1949. Its form looks like an imitation of the Ottoman Gallipoli Star. The *Bintang Gerilya* reflects the modus operandi adopted by Indonesia during its wars for Independence against the Dutch. During the late fifties, the Indonesian Army took control over the nationalized factories and other businesses previously belonging to the Dutch. The Indonesian Army also turned more professional due to actions of several top grass commanders, like Nasution and Gatot Soebroto. The Army and Indonesian Government managed to put down some important separatist movements across the Malay (Indonesian) Archipelago. Obvious military success needed to be praised. In 1958 the highest military award of Indonesia — the *Bintang Sakti*, or Sacred Star — was instituted. The statute and history of the *Bintang Sakti* are the subjects of this paper.

Keywords: Indonesia, army, awards, orders, the Sacred Star, Suharto, Benny Moerdani, Gatot Soebroto.

For citation: Zakharov A. O. The Military Award of Indonesia *Bintang Sakti* — The Sacred Star. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 217–228. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-217-228

История наград началась с армии. Нагрудная бляха римского легионера — phalera — дала название самой дисциплине фалеристике. Старейшие европейские ордена — рыцарские или духовно-рыцарские. В 1918 г. молодая советская власть учредила орден Красного знамени РСФСР специально для поощрения вождей Красной Армии. Спустя тридцать лет первой наградой Индонезии стала Партизанская звезда, *Bintang Gerilya* [Захаров, 2019, с. 31–39]. А к концу 1950-х гг. индонезийскому правительству удалось в целом подавить сепаратистские силы в стране, отражением чего стало учреждение наград для усилившейся и осознавшей свои корпоративные интересы армии (точнее, конечно, ее верхушки) [Crouch, 2007; Daves, 2013a]. Партизанская звезда по статуту вручалась в первую очередь за антиголландскую борьбу во второй половине 1940-х гг.¹ и плохо подходила для награждения военнослужащих, боровшихся с местными полевыми командирами или воевавших в другое время, нежели период борьбы Индонезии за независимость от Нидерландов. Результатом стала разработка двух новых военных орденов — Священной звезды (*Bintang Sakti*) и ордена «За верность долгу» (*Bintang Dharma*).

¹ Peraturan Pemerintah Nomor 8 Tahun 1949 Tentang Mengadakan Bintang Gerilya Sebagai Tanda Jasa. *Jaringan Dokumentasi dan Informasi Hukum*. URL: <https://jdih.setkab.go.id/PUUdoc/8313/PP0081949.htm> (дата обращения 08.08.2020).

В англоязычной фалеристике предпочитают оставлять названия индонезийских наград без перевода во избежание путаницы: Партизанскую звезду Индонезии по названию легко спутать с орденами Партизанской звезды Югославии и Албании. Дополнительную сложность составляет перевод индонезийских названий: далеко не всегда удастся подобрать подходящий эквивалент. Так, Бинтанг Дарма (согласно произношению, но можно и «Дхарма» — согласно написанию и санскритскому происхождению слова) в известных мне русскоязычных источниках переводится четырьмя способами: Звезда доблести, Серебряная звезда, «За заслуги перед Вооруженными силами, государством и народом Индонезии» и «За верность долгу» [Захаров, 2019, с. 36–37]. Поэтому при упоминании наград я буду в скобках указывать их индонезийское название.

СВЯЩЕННАЯ ЗВЕЗДА — BINTANG SAKTI: СТАТУТ И ОПИСАНИЕ (1958–1972)

Священная звезда, или орден Священной звезды (Bintang Sakti) (*илл. 1*), учреждена Законом № 65 от 11 августа 1958 г., вступившим в силу 19 августа того же года, в день обнародования².

Согласно ст. 1, служащие Вооруженных сил получают орден Священной звезды за героические подвиги, а орден «За верность долгу» (Bintang Dharma) — за службу. Статья 2 уточняет, что Священная звезда вручается военнослужащим, проявившим мужество и решимость при выполнении военных обязанностей на поле боя и вне боевых действий без ущерба для основной задачи по выполнению служебного долга. Священной звездой могут награждаться совершившие подвиг лица, не состоящие в рядах вооруженных сил Индонезии, но выполняющие военные обязанности (ст. 3). Условия для награждения Священной звездой (ст. 4): а) совершение героического подвига в непосредственном бою с вооруженным врагом; б) совершение героического подвига в любой иной обстановке, не отраженной в пункте а ст. 4. По ст. 6, возможно посмертное награждение за героический подвиг как военнослужащих, так и граждан, не находившихся в рядах вооруженных сил во время его совершения. Героизм и мужество, показанные при совершении подвига, должны превышать обычное выполнение служебного долга (см. пояснение к закону³). При награждении учитываются личные качества — искренность и верность Родине. Героический поступок — это отдельное действие или их совокупность, которые дают немедленный результат, в отличие от службы, требующей длительного времени. Кавалеры должны служить примером для остальных военнослужащих. Для награждения Священной звездой существенна готовность пожертвовать собой, а не просто мужество, необходимое для защиты Родины (см. пояснение к закону).

² Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 65 Tahun 1958 Tentang Pemberian Tanda-Tanda Kehormatan Bintang Sakti Dan Bintang Darma. *Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia*. URL: <http://www.dpr.go.id/dokjdih/document/uu/1305.pdf> (дата обращения 08.08.2020). В дальнейшем Закон № 65 от 1958 г. цитируется по этому изданию.

³ Memori Penjelasan Mengenai Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 65 Tahun 1958 Tentang Pemberian Tanda-Tanda Kehormatan Bintang Sakti Dan Bintang Darma. *Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia*. URL: <http://www.dpr.go.id/dokjdih/document/uu/1305.pdf> (дата обращения 08.08.2020). В дальнейшем пояснение к Закону цитируется по этому источнику.

Илл. 1. Рисунок лицевой стороны знака Священной звезды, носимого на шейной ленте с бантом (по: *Bintang Sakti*. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/50/Bintang_Sakti.gif (дата обращения 04.08.2020))

Священная звезда представляет собой семиконечную звезду из белого металла, диаметром 35 мм, с надписью в две строки на лицевой стороне **MAHA WIRA** — «Герой / Великий человек» (санскр.), и надписью на обратной стороне **REPUBLIK INDONESIA** — «Республика Индонезия» (ст. 5.1; см).

Лента имеет размеры 25 мм в ширину и 35 мм в длину. Лента желтого цвета с пятью красными вертикальными полосами шириной 1 мм каждая, которые делят ее на равные части. В середине ленты помещен жасминовый бутон из металла серебристого цвета (ст. 5.2).

Награждение Священной звездой и орденом «За верность долгу» осуществляет президент / верховный главнокомандующий по представлению министра обороны в случае положительного заключения Консультативного совета по наградам Вооруженных Сил Индонезии (ст. 9.1).

Каждое вручение награды сопровождается наградной грамотой с указанием причин награждения, в случае со Священной звездой — кратким описанием совершенного подвига (ст. 10). Вручение Священной звезды и ордена «За верность

долгу» проходит в ходе торжественной военной церемонии в соответствии с распоряжением министра обороны (с. 11). Он же определяет порядок выдвижения и вручения данных наград (ст. 12). Министр обороны вправе делегировать какому-либо должностному лицу вручение Священной звезды и ордена «За верность долгу» (ст. 13).

Награжденные Священной звездой и/или орденом «За верность долгу» имеют право на следующие привилегии: а) единовременная выплата 2 (двух) тысяч рупий; б) им первым отдают честь сослуживцы, не имеющие данных наград (но не в обход начальства); в) погребение с воинскими почестями в могиле героев (ст. 14). Согласно пояснению Закона, кавалерам может быть вручен ценный подарок, например книга — Коран для мусульман или Библия для христиан (см. пояснение к закону).

По старшинству Священная звезда выше ордена «За верность долгу» (ст. 15.1). Орден «За верность долгу» старше медалей Республики (ст. 15.2). Во время учреждения этих военных орденов к числу медалей относились медали «За заслуги» (*Satyalancana Bhakti*), «За пример» (*Satyalancana Teladan*), «За верную службу» (*Satyalancana Kesetiaan*), Событийные медали за независимость (*Satyalancana Peristiwa* atau *Perang Kemerdekaan*),

учрежденные в том же 1958 г. Чрезвычайным Законом № 2 от 17 апреля⁴, а также медаль в память восьмилетней годовщины основания Вооруженных Сил Индонезии (*Medali Sewindu Angkatan Perang*), учрежденная в 1954 г. Законом № 30⁵.

Священная звезда и орден «За верность долгу» носят по старшинству справа налево на левой стороне груди во время общегосударственных праздников и памятных и праздничных церемоний Вооруженных Сил Индонезии, определенных министром обороны (ст. 16). Для повседневного ношения предусмотрены планки цвета орденской ленты размером 25×10 мм; они также размещаются над левым нагрудным карманом по старшинству справа налево (ст. 17). Награды или планки не может носить лицо, отбывающее тюремное наказание либо находящееся под стражей, а также выполняющее какую-либо работу в качестве наказания (ст. 18). Другие правила, запрещающие ношение орденов, могут устанавливаться министром обороны (ст. 19).

Награждение Священной звездой и орденом «За верность долгу» отменяется в случаях, если кавалер: а) безотзывным решением суда исключен из вооруженных сил с запретом вновь вступать в их ряды; б) безотзывным решением суда осужден за преступление против безопасности государства или за дезертирство; в) безотзывным решением суда приговорен к тюремному заключению на срок более одного года или к более суровому наказанию; г) уволен из армии с плохой характеристикой (изгнан с позором); д) поступил на службу в вооруженные силы иностранного государства без разрешения правительства Республики Индонезии (ст. 20).

Возможно повторное награждение Священной звездой и орденом «За верность долгу» за совершение новых подвигов, при условии, что это не вторичное награждение за уже удостоенный награды подвиг. Число повторных награждений не ограничено (ст. 21.1). Допускается повторное награждение граждан, не состоящих на военной службе, но совершивших подвиг, за который предусматривается вручение данных орденов (ст. 21.2). В случае повторного награждения на колодку и повседневную планку помещается пятиконечная бронзовая звездочка; в случае пяти награждений бронзовая звездочка заменяется серебристой (ст. 22). Повторное награждение сопровождается вручением наградной грамоты и производится в ходе торжественной военной церемонии (ст. 22.2).

ИЗМЕНЕНИЯ СТАТУТА И ВНЕШНЕГО ВИДА (1972–2009)

Закон № 4 от 9 ноября 1972 г. «О дополнительных поправках и положениях относительно наград Республики Индонезии — звезда (орденов) и о порядке старшинства наград — орденов (звезд) Республики Индонезии» внес изменения в Закон № 65 от 1958 г. относительно Священной звезды⁶. В его ст. 5 добавлен новый пункт 2,

⁴ Undang-Undang Darurat Republik Indonesia Nomor 2 Tahun 1958 Tentang Tanda-Tanda Penghargaan Untuk Anggota Angkatan Perang Presiden Republik Indonesia. *Hukumonline.com*. URL: <https://www.hukumonline.com/pusatdata/detail/1399/node/969/undang-undang-darurat-no-2-tahun-1958-tanda-tandapenghargaan-untuk-anggota-angkatan-perang> (дата обращения 08.08.2020).

⁵ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 30 Tahun 1954 Tentang Tanda Kehormatan Sewindu Angkatan Perang Republik Indonesia. *Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia*. URL: <http://www.dpr.go.id/dokidih/document/uu/1761.pdf> (дата обращения 08.08.2020).

⁶ Undang-undang (UU) tentang Perubahan dan Tambahan Ketentuan Mengenai Beberapa Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia Yang Berbentuk Bintang dan Tentang Urutan Derajat/Tingkat Jenis Tanda

Илл. 2. Нагрудная звезда ордена Священной звезды, принадлежавшая президенту Сухарту (по: Bintang Sakti Soeharto. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan. Direktorat Jenderal Kebudayaan*. URL: <https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/muspres/koleksi-presiden-soeharto-22/bintang-sakti-soeharto/> (дата обращения 04.08.2020))

согласно которому знак ордена дополняется нагрудной звездой (илл. 2) той же формы и диаметром 50 мм (ст. 3.1). Старый пункт 2 стал третьим по нумерации и изменился по содержанию: лента ордена теперь шейная, шириной 35 мм, желтого цвета с пятью красными вертикальными полосами 1 мм шириной каждая (ст. 3.2); к ленте добавился бант.

По старшинству Священная звезда занимает одиннадцатое место среди орденов Индонезии, опережая при перечислении другие награды, находящиеся на том же месте в иерархии, — орден «За верность долгу» (Bintang Bhakti), Партизанскую звезду (Bintang Gerilya) и орден Заслуг первой степени (Bintang Jasa Utama).

Закон № 20 от 18 июня 2009 г. «О титулах, наградах и знаках отличия»⁷ помещает Священную звезду на второе место в перечне военных орденов Индонезии (ст. 7.3). Священная звезда по-прежнему не имеет степеней (ст. 8). Оставшись на одиннадцатом месте по

старшинству, Священная звезда тем не менее при перечислении теперь уступает гражданским орденам — Заслуг первой степени (Bintang Jasa Utama), Человечности (Bintang Kemanusiaan), Борца за демократию (Bintang Penegak Demokrasi) и «За заслуги в области культуры» (Bintang Budaya Parama Dharma); младше Священной звезды в этой строке только военный орден «За верность долгу» (Bintang Dharma) (ст. 9). Президент страны является кавалером Священной звезды по должности (ст. 10). Священная звезда по-прежнему вручается за мужество и героизм как военнослужащим, так и гражданам республики, не входящим в состав Национальной армии Индонезии (ст. 28, п. 9).

ИЗ ИСТОРИИ ОРДЕНА — ГАТОТ СУБРОТО

Биографии кавалеров ордена на начало 2000-х гг. опубликовал Генеральный штаб Национальной Армии Индонезии⁸. Служащие ВВС Индонезии образуют одну из самых многочисленных групп кавалеров Священной звезды — их 130 человек. На 2018 г. 418 человек награждены Священной звездой посмертно⁹.

Kehormatan Republik Indonesia yang Berbentuk Bintang. *JDIH BPK RI. Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/47551/uu-no-4-tahun-1972> (дата обращения 08.08.2020).

⁷ Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2009 Tentang Gelar, Tanda Jasa, Dan Tanda Kehormatan. *Kementerian Luar Negeri*. URL: <https://pih.kemlu.go.id/files/UU%2020%202009.pdf> (дата обращения 08.08.2020).

⁸ Gita Hayyati, Yuanita Prameswari, Hakim. *Bintang sakti maha wira ibu pertivi*. Editor Achmad Rizal. Mabes TNI, 2006. 156 pp.

⁹ Gita Hayyati, Yuanita Prameswari, Hakim. *Bintang sakti maha wira ibu pertivi*. Mabes TNI, 2006.

Первым кавалером Священной звезды стал генерал-майор Гатот Суброто (1907–1962), заместитель начальника штаба армии в 1956–1962 гг.¹⁰ Он известен словами «Никогда не предавай нацию» («Jangan sampei disebut sebagai penghianat bangsa», букв. «Да не назовут тебя никогда предателем нации!»). Суброто награжден на основании президентского указа (Keputusan) № 158/1959 от 23 июля 1959 г.¹¹ Следующим указом № 159/1959 он получил орден «За верность долгу» (Bintang Dharma)¹². Спустя год Гатота произвели в генерал-лейтенанты¹³. Посмертно он удостоился почетного звания национального героя Индонезии и воинского звания генерал армии. На момент смерти, 11 июня 1962 г., Гатот был кавалером семнадцати наград, в том числе кампанийских медалей «За участие в войнах за независимость» I и II (AKSI MILITER I & II), «За участие в боевых действиях» I, III, IV и VI (Gerakan Operasi Militer), «Саптамарга», «За верную службу» (Kesetiaan), юбилейной «Восемь лет Вооруженным Силам Республики Индонезии» и филиппинского ордена Почетного легиона¹⁴.

Гатот Суброто участвовал в подавлении Мадунского восстания 1948 г. и входил в число ближайших помощников начальника штаба армии (в то время фактического главкома Вооруженных сил) Абдула Хариса Насутиона, с именем которого во многом связана профессионализация индонезийской армии и разработка концепции ее «двойной функции» — не только военной, но и политической [Другов, Тюрин, 2005, с. 195]. Именно Насутион командовал дивизией «Силиванги» во время подавления Мадунского мятежа. Он также является кавалером Священной звезды¹⁵.

СВЯЩЕННАЯ ЗВЕЗДА ЗА ПРИСОЕДИНЕНИЕ ЗАПАДНОГО ИРИАНА

Джозеф Дэйвс отмечает, что Священную звезду получили все участники высадки в Западный Ириан [Daves, 2013a, p. 475]. Среди награжденных — один из самых известных военачальников Индонезии генерал армии Бенни Мурдани (илл. 3) [Conboy,

¹⁰ Gatot Soebroto. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. Адрес статьи (дата обращения 10.08.2020).

¹¹ Ade Sulaeman. Bintang Sakti, Penghargaan Tertinggi Bagi Mereka yang Telah Mengabdikan Secara Luar Biasa Bagi Negara. *Intisari Online*. 02.01.2018. URL: <https://intisari.grid.id/read/03106802/bintang-sakti-penghargaan-tertinggi-bagi-mereka-yang-telah-mengabdikan-secara-luar-biasa-bagi-negara?page=all> (дата обращения 18.06.2020).

¹² См. перечень архивных документов: *Jaringan Informasi Kearsipan Statis Provinsi Jawa Tengah*. URL: <http://siks.jatengprov.go.id/statis/index.php/daftar?indeks=k&page=435> (дата обращения 04.08.2020).

¹³ *Jaringan Informasi Kearsipan Statis Provinsi Jawa Tengah*. URL: <http://siks.jatengprov.go.id/statis/index.php/daftar?indeks=k&page=435> (дата обращения 04.08.2020).

Генеральские звания в России и Индонезии отличаются: младшее генеральское звание в Индонезии — бригадный генерал, имеющий на погонах одну большую звезду (в России ему соответствует генерал-майор); в Индонезии генерал-майор — второе генеральское звание (две звезды на погонах). Далее идет генерал-лейтенант (три звезды; в российских силовых структурах у генерал-лейтенанта их только две, а три — у генерал-полковников). Высшее воинское звание в Индонезии — генерал армии (четыре звезды; в нынешней России у генерала армии одна большая звезда диаметром 40 мм, в то время как звездочки младших генералов имеют диаметр 22 мм). В Индонезии с 1997 по 2010 гг. существовало почетное воинское звание старшего генерала (Jenderal Besar), присвоенное сразу после учреждения тогдашнему президенту Сухарто, его бывшему сопернику Насутиону и посмертно первому главкому Вооруженных Сил Индонезии Судирману (1916–1950). Старший, или большой генерал носил пять звезд на погонах.

¹⁴ См. перечень архивных документов: *Jaringan Informasi Kearsipan Statis Provinsi Jawa Tengah*. URL: <http://siks.jatengprov.go.id/statis/index.php/daftar?indeks=k&page=435> (дата обращения 04.08.2020).

¹⁵ Jenderal Besar Tni Abdul Haris Nasution (1918–2000). *Pusat Sejarah Tentara Nasional Indonesia*. 05.02.2018. URL: <https://sejarah-tni.mil.id/2018/02/05/jenderal-besar-tni-abdul-haris-nasution-1918-2000/> (дата обращения 04.08.2020).

Илл. 3. Генерал армии Бенни Мурдани в бытность главкомом Вооруженных Сил Индонезии. На правой стороне груди должностной знак главкома. На левой стороне груди наградная колодка с пятью орденами: «Великий сын Родины» третьей степени, Священная звезда, два ордена «За верность долгу» (Bintang Dharma) и Партизанская звезда (по: *Leonardus Benjamin Moerdani as Commander of the Indonesian National Armed Forces*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Leonardus_Benjamin_Moerdani#/media/File:Leonardus_Benjamin_Moerdani_as_Commander_of_the_Indonesian_National_Armed_Forces.jpg (дата обращения 30.05.2020))

служил в личной охране президента Сукарно — в полку «Чакрабирава» — командиром первого батальона.

За участие в операции Бантенг I в районе города Факфак на Западном Ириане (ныне провинция Западное Папуа) Священной звездой в апреле 1962 г. награжден командир третьей группы спецназа второй лейтенант Агус Хернот, получивший также

2003, р. 92; Daves, 2013a, р. 475; 2013b, р. 494]. В звании капитана, а потом майора в течение двух месяцев 1962 г. он командовал партизанскими действиями отряда индонезийского спецназа против голландцев во время борьбы Индонезии за Западный Ириан¹⁶. «За исключительное мужество» он и получил Священную звезду [Conboy, 2003, р. 92, 59, 86; Daves, 2013a, р. 475]. В разное время Мурдани возглавлял Центр стратегической разведки, Оперативное командование по восстановлению безопасности и порядка, был главкомом Вооруженных Сил Индонезии (1983–1988) и министром обороны (1988–1993).

Наряду с Бенни Мурдани кавалером Священной звезды был организатор Движения 30 сентября 1965 г. подполковник Унтунг Шамсури. После подавления восстания армией под руководством Сухарто Унтунг был лишен наград и расстрелян предположительно в 1966 г. Унтунг получил Священную звезду за участие в операции Трикора по освобождению Западного Ириана в ранге заместителя командира 454 воздушно-десантного батальона [Conboy, 2003, р. 85; Daves, 2013a, р. 474]¹⁷. В 1963 г. он возглавил это подразделение. Позднее Унтунг

¹⁶ О медалях Индонезии за Западный Ириан и истории борьбы за эту область см.: [Захаров, 2020, с. 170–177].

¹⁷ Petrik Matanasi. Bintang Sakti Untung Sjamsuri dan Benny Moerdani. *Tirto.id*. 22.06.2017. URL: <https://tirto.id/bintang-sakti-untung-sjamsuri-dan-benny-moerdani-crc7> (дата обращения 18.06.2020).

звание капитана¹⁸. Во время операции он потерял ногу [Conboy, 2003, p. 74, 114]¹⁹. Орден Херното вручил лично президент Сукарно.

По сообщению Аде Сулеман, первая парашютистка Индонезии Херлина Касим, заброшенная в составе Партизанского отряда 500 (Pasukan Gerilya 500) на атоллы у побережья Западного Ириана [Conboy, 2003, p. 78, 80, п.20], получила Священную звезду²⁰.

Среди награжденных посмертно — Йосафат (Йос) Сударсо, удостоенный Священной звезды президентским указом № 466/M-AL/1962 от 31 октября 1962 г.²¹ Сударсо погиб 15 января 1962 г. во время сражения в Арафутском море (Peristiwa Aru или Pertempuran Laut Aru). Позднее он получил титул национального героя, а в 1973 г. — звание контр-адмирала посмертно²². Сражение в действительности было минимальным: голландский эсминец «Эвертсен» перехватил три индонезийских торпедных катера, пытавшихся забросить в Западную Новую Гвинею в районе залива Влакке-Хук (или Этна) 150 десантников. Голландцы потопили катер commodora Сударсо, вывели из строя другой метким попаданием, но спасли большую часть индонезийских моряков и десантников. Поражение индонезийцев с военной точки зрения было полным (спасаясь бегством, третий катер напоролся на риф).

ИЗ ДРУГИХ НАГРАЖДЕНИЙ

По сообщению сержанта индонезийского спецназа Рамеди, которого цитирует Кен Конбой, три уцелевших спецназовца из группы «Манджар»²³, заброшенных на территорию Саравака во время Конфронтации Индонезии и Малайзии для организации диверсионной деятельности, получили Священную звезду [Conboy, 2003, p. 161].

Спецназовец Синтонг Панджайтан был награжден Священной звездой и произведен в полковники за обезвреживание террористов, захвативших самолет

¹⁸ Hendri F. Isnaeni. Agus Hernoto, Legenda Kopassus. *Historia. Masa lampau selalu aktual*. URL: <https://historia.id/militer/articles/agus-hernoto-legenda-kopassus-PNe3j> (дата обращения 18.06.2020); Kisah Legenda Kopassus. *HISTORIA.ID*. *Youtube.com*. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=60&v=t8IGZx3QVGs&feature=emb_logo (дата обращения 18.06.2020).

¹⁹ Putra Dewangga Candra Seta. Aksi Prajurit Kopassus 'Berkaki Satu' Penyandang Bintang Sakti, Tetap Mengabdikan Meski Tanpa Kaki Kiri. *Surya.Co.Id*. URL: <https://surabaya.tribunnews.com/2019/03/29/aksi-prajurit-kopassus-berkaki-satu-penyandang-bintang-sakti-tetap-mengabdikan-meski-tanpa-kaki-kiri> (дата обращения 18.06.2020).

²⁰ Ade Sulaeman. (фамилия, имя) Bintang Sakti, Penghargaan Tertinggi Bagi Mereka yang Telah Mengabdikan Secara Luar Biasa Bagi Negara. *Intisari Online*. 02.01.2018. URL: <https://intisari.grid.id/read/03106802/bintang-sakti-penghargaan-tertinggi-bagi-mereka-yang-telah-mengabdikan-secara-luar-biasa-bagi-negara?page=all> (дата обращения 18.06.2020).

²¹ Ade Sulaeman. (фамилия, имя) Bintang Sakti, Penghargaan Tertinggi Bagi Mereka yang Telah Mengabdikan Secara Luar Biasa Bagi Negara. *Intisari Online*. 02.01.2018. URL: <https://intisari.grid.id/read/03106802/bintang-sakti-penghargaan-tertinggi-bagi-mereka-yang-telah-mengabdikan-secara-luar-biasa-bagi-negara?page=all> (дата обращения 18.06.2020).

²² Ade Sulaeman. (фамилия, имя) Bintang Sakti, Penghargaan Tertinggi Bagi Mereka yang Telah Mengabdikan Secara Luar Biasa Bagi Negara. *Intisari Online*. 02.01.2018. URL: <https://intisari.grid.id/read/03106802/bintang-sakti-penghargaan-tertinggi-bagi-mereka-yang-telah-mengabdikan-secara-luar-biasa-bagi-negara?page=all> (дата обращения 18.06.2020).

²³ Название местной разновидности ткачиковых птиц на западе Борнео.

индонезийской компании «Гаруда» в 1981 г. в аэропорту Палембанга на Суматре и улетевших в Бангкок, Таиланд (антитеррористическая операция «Войла» осуществлена 31 марта с согласия правительства королевства) [Conboy, 2003, p. 289]. Другой участник этой операции, Субагьо Хади Сисвойо, также получил Священную звезду и в дальнейшем дослужился до звания полного генерала и начальника штаба сухопутных войск Индонезии в 1998–1999 гг.²⁴ [Sukmawati, 2004]. В действительности все тридцать спецназовцев-участников «Войла» получили Священную звезду²⁵.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Священная звезда остается одной из высших военных наград Индонезии. Хотя в 2009 г. она уступила статус высшего военного ордена Партизанской звезде, она относится к числу наиболее уважаемых знаков отличия страны. Это один из немногих орденов Индонезии, который невозможно получить за выслугу лет. Он не вручается иностранцам. Единственная должность, которая подразумевает награждение Священной звездой, — президент Индонезии. Судя по имеющимся данным, число кавалеров этой награды невелико²⁶. Таким образом, Священная звезда представляет собой относительно редкую боевую награду, занимающую особое место в наградной системе страны — это главный орден, вручаемый за действительные заслуги, совершенные с риском для жизни в боевой обстановке.

Литература / References

- Другов А. Ю., Тюрин В. А. *История Индонезии: XX век*. М., 2005 [Drugov A. Yu., Tiurin V. A. *History of Indonesia in the Twentieth Century*. Moscow, 2005 (in Russian)].
- Захаров А. О. К истории формирования наградной системы Индонезии: Партизанская звезда и кампанийские медали. *Нумізматика і фалеристика. International Coin Trend Magazine. Довідково-інформаційний журнал*. 2019. № 2 (90). С. 31–39 [Zakharov A. O. The Guerilla Star and Campaign Medals of Indonesia: History and Symbolism of Early Indonesian Awards. *Numizmatyka i falerystyka. International Coin Trend Magazine*. 2019. No. 2 (90). Kyiv. Pp. 31–39 (in Russian)].
- Захаров А. О. Медали Индонезии за Западный Ириан. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 170–177 [Zakharov A. O. The Medals of Indonesia for West Irian Campaigns. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 170–177 (in Russian)].
- Carmelia Sukmawati. *Subagyo H.S.: Kasad dari Pjungan*. Aksara Karunia, 2004.
- Conboy, Ken. *KOPASSUS: Inside Indonesia's Special Forces*. Jakarta–Singapore: Equinox Publishing, 2003. ISBN 979-95898-8-6.

²⁴ Lowry B. Review: Suharto's guardians and reluctant reformers. *Inside Indonesia*. 28.07.2013. URL: <https://www.insideindonesia.org/review-suharto-s-guardians-and-reluctant-reformers> (дата обращения 04.08.2020); Subagyo Hadi Siswoyo. *Wikipedia.org*. https://id.wikipedia.org/wiki/Subagyo_Hadi_Siswoyo (дата обращения 04.08.2020).

²⁵ *Presiden RI Ke II Jenderal Besar HM Soeharto dalam Berita*. Buku VII (1983–1984), Jakarta, 2008, hal. 498. URL: <https://soeharto.co/presiden-anugrahan-5-414-tanda-kehormatan/#:~:text=14%20Jenis%20Bintang&text=Dari%20semua%20bintang%2C%20paling%20tinggi,untuk%20sipil%2C%20ada%203%20kelas> (дата обращения 08.08.2020).

²⁶ На основе данных [Bintang sakti maha wira ibu pertiwi, 2006].

- Crouch H. *The Army and Politics in Indonesia*. Jakarta, Kuala Lumpur, 2007.
- Gita Hayyati, Yuanita Prameswari, Hakim. *Bintang sakti maha wira ibu pertiwi*. Ed. Achmad Rizal. Mabes TNI, 2006.156 pp.
- Daves J. H. *The Indonesian Army from Revolusi to Reformasi*. Vol. 1: *The Struggle for Independence and the Sukarno Era*. Scotts Valley, CA, 2013a.
- Daves J. H. *The Indonesian Army from Revolusi to Reformasi*. Vol. 2: *Soeharto and the New Order*. Scotts Valley, 2013b.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Ade Sulaeman. (фамилия, потом имя) Bintang Sakti, Penghargaan Tertinggi Bagi Mereka yang Telah Mengabdikan Secara Luar Biasa Bagi Negara. *Intisari Online*. 02.01.2018. URL: <https://intisari.grid.id/read/03106802/bintang-sakti-penghargaan-tertinggi-bagi-mereka-yang-telah-mengabdikan-secara-luar-biasa-bagi-negara?page=all> (дата обращения 18.06.2020).
- Bintang Sakti Soeharto. *Kementerian Pendidikan dan Kebudayaan. Direktorat Jenderal Kebudayaan*. URL: <https://kebudayaan.kemdikbud.go.id/muspres/koleksi-presiden-soeharto-22/bintang-sakti-soeharto/> (дата обращения 04.08.2020).
- Bintang Sakti*. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/5/50/Bintang_Sakti.gif (дата обращения 04.08.2020).
- Gatot Soebroto. *Wikipedia: Ensiklopedia Bebas*. Адрес статьи (дата обращения 10.08.2020).
- Hendri F. Isnaeni, Agus Hernoto, Legenda Kopassus. *Historia. Masa lampau selalu aktual*. URL: <https://historia.id/militer/articles/agus-hernoto-legenda-kopassus-PNe3j> (дата обращения 18.06.2020).
- Jaringan Informasi Kearsipan Statis Provinsi Jawa Tengah*. URL: <http://siks.jatengprov.go.id/statis/index.php/daftar?indeks=k&page=435> (дата обращения 04.08.2020).
- Jenderal Besar Tni Abdul Haris Nasution (1918–2000). *Pusat Sejarah Tentara Nasional Indonesia*. 05.02.2018. URL: <https://sejarah-tni.mil.id/2018/02/05/jenderal-besar-tni-abdul-haris-nasution-1918-2000/> (дата обращения 04.08.2020).
- Kisah Legenda Kopassus. *HISTORIA.ID*. *Youtube.com*. URL: https://www.youtube.com/watch?time_continue=60&v=t8IGZx3QVGs&feature=emb_logo (дата обращения 18.06.2020).
- Leonardus Benjamin Moerdani as Commander of the Indonesian National Armed Forces*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Leonardus_Benjamin_Moerdani#/media/File:Leonardus_Benjamin_Moerdani_as_Commander_of_the_Indonesian_National_Armed_Forces.jpg (дата обращения 30.05.2020).
- Lowry B. Review: Suharto's guardians and reluctant reformers. *Inside Indonesia*. 28.07.2013. URL: <https://www.insideindonesia.org/review-suharto-s-guardians-and-reluctant-reformers> (дата обращения 04.08.2020).
- Memori Penjelasan Mengenai Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 65 Tahun 1958 Tentang Pemberian Tanda-Tanda Kehormatan Bintang Sakti Dan Bintang Darma. *Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia*. URL: <http://www.dpr.go.id/dokjdih/document/uu/1305.pdf> (дата обращения 08.08.2020).
- Peraturan Pemerintah Nomor 8 Tahun 1949 Tentang Mengadakan Bintang Gerilya Sebagai Tanda Jasa. *Jaringan Dokumentasi dan Informasi Hukum*. URL: <https://jdih.setkab.go.id/PUUdoc/8313/PP0081949.htm> (дата обращения 08.08.2020).

- Petrik Matanasi. Bintang Sakti Untung Sjamsuri dan Benny Moerdani. *Tirto.id*. 22.06.2017. URL: <https://tirto.id/bintang-sakti-untung-sjamsuri-dan-benny-moerdani-crc7> (дата обращения 18.06.2020).
- Presiden RI Ke II Jenderal Besar HM Soeharto dalam Berita. Buku VII (1983–1984), Jakarta, 2008, hal. 498. URL: <https://soeharto.co/presiden-anugraahkan-5-414-tanda-kehormatan/#:~:text=14%20Jenis%20Bintang&text=Dari%20semua%20bintang%2C%20paling%20tinggi,untuk%20sipil%2C%20ada%203%20kelas> (дата обращения 08.08.2020).
- Putra Dewangga Candra Seta. Aksi Prajurit Kopassus ‘Berkaki Satu’ Penyandang Bintang Sakti, Tetap Mengabdikan Meski Tanpa Kaki Kiri. *Surya.Co.Id*. URL: <https://surabaya.tribunnews.com/2019/03/29/aksi-prajurit-kopassus-berkaki-satu-penyandang-bintang-sakti-tetap-mengabdikan-meski-tanpa-kaki-kiri> (дата обращения 18.06.2020).
- Subagyo Hadi Siswoyo. *Wikipedia.org*. https://id.wikipedia.org/wiki/Subagyo_Hadi_Siswoyo. (дата обращения 04.08.2020).
- Undang-undang (UU) tentang Perubahan dan Tambahan Ketentuan Mengenai Beberapa Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia Yang Berbentuk Bintang dan Tentang Urutan Derajat/Tingkat Jenis Tanda Kehormatan Republik Indonesia yang Berbentuk Bintang. *JDIH BPK RI. Database Peraturan*. URL: <https://peraturan.bpk.go.id/Home/Details/47551/uu-no-4-tahun-1972> (дата обращения 08.08.2020).
- Undang-Undang Darurat Republik Indonesia Nomor 2 Tahun 1958 Tentang Tanda-Tanda Penghargaan Untuk Anggota Angkatan Perang Presiden Republik Indonesia. *Hukumonline.com*. URL: <https://www.hukumonline.com/pusatdata/detail/1399/node/969/undang-undang-darurat-no-2-tahun-1958-tanda-tandapenghargaan-untuk-anggota-angkatan-perang> (дата обращения 08.08.2020).
- Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 20 Tahun 2009 Tentang Gelar, Tanda Jasa, Dan Tanda Kehormatan. *Kementerian Luar Negeri*. URL: <https://pih.kemlu.go.id/files/UU%2020%202009.pdf> (дата обращения 08.08.2020).
- Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 30 Tahun 1954 Tentang Tanda Kehormatan Sewindu Angkatan Perang Republik Indonesia. *Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia*. URL: <http://www.dpr.go.id/dokjdih/document/uu/1761.pdf> (дата обращения 08.08.2020).
- Undang-Undang Republik Indonesia Nomor 65 Tahun 1958 Tentang Pemberian Tanda-Tanda Kehormatan Bintang Sakti Dan Bintang Darma. *Dewan Perwakilan Rakyat Republik Indonesia*. URL: <http://www.dpr.go.id/dokjdih/document/uu/1305.pdf> (дата обращения 08.08.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-229-248

О:ТА ГЮ:ИТИ. «ЗАПИСИ О КНЯЗЕ НОБУНАГА». СВИТОК IX (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ)

© 2020

С. А. Полхов*

В данной публикации представлен перевод свитка IX «Записей о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки») — источника, в котором описывается жизнь и деяния Ода Нобунага. В этой части хроники повествуется о возобновлении войны между Нобунага и храмом Хонгандзи. Осажденным в Озака последователям «Истинной школы Чистой земли» удалось нанести болезненные контрудары по силам «объединителя Японии». Отряды Нобунага, пытавшиеся захватить крепость Кидзу на подступах к Озака, были окружены и разбиты. Погиб Бан Наомаса, один из его видных военачальников, а войско из Озака атаковало крепость Тэнно:дзи, и лишь немедленно оказанная Нобунага помощь спасла ее гарнизон от гибели. После этого Нобунага блокировал Озака на суше и на море. Однако флоту дома Мо:ри, перешедшему в ряды его противников, и союзникам Мо:ри удалось разгромить морские силы Нобунага и доставить провизию в Озака, что позволило Хонгандзи продолжить борьбу. Свиток X также содержит описание строительства замка Адзутти и его главной башни (*тэнсю*), резиденции Нобунага. Уникальные сведения хроники легли в основу реконструкций внешнего вида *тэнсю*. Замок стал олицетворением богатства и всемогущества Нобунага, отражением его притязаний на роль верховного правителя Японии. В тематике настенных росписей залов главной башни проявляется влияние конфуцианства, даосизма и буддизма. Многие символы изображений взяты из китайской политической идеологии.

Ключевые слова: «Синтё:-ко: ки», Ота Гю:ити, Ода Нобунага, Хонгандзи, замок Адзутти, Тэнсю.

Для цитирования: Полхов С. А. Ота Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток IX (перевод и комментарии). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 229–248. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-229-248

ŌTA GYŪICHI. «SHINCHŌ-KŌ KI», BOOK IX (COMMENTED TRANSLATION INTO RUSSIAN)

Svyatoslav A. Polkhov

The article provides a Russian translation of the book IX of «Shincho-kō ki». This part of the chronicle narrates the renewal of the war between Nobunaga and Honganji Temple. The followers of the True School of Pure Land besieged in Ozaka managed to inflict painful counterattacks against

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4705-7488

the forces of the “unifier of Japan”. Nobunaga detachments, trying to capture the Kizu fortress on the outskirts of Ozaka were surrounded and defeated. Ban Naomasa, one of his prominent military leaders, was killed, the army from Ozaka attacked the Tennoji fortress, and only the help immediately rendered by Nobunaga saved the garrison from death. After that, Nobunaga blocked Ozaka on land and at sea. However, the fleet of the Mōri house, which joined the ranks of Nobunaga opponents, and the allies of Mōri were able to defeat the naval forces of Nobunaga and deliver provisions to Ozaka, which allowed Honganji to continue the struggle. Book IX also contains a description of the construction of Azuchi Castle and its main tower (*tenshu*), Nobunaga’s residence. The unique information of the chronicle formed the basis for the further reconstruction of the *tenshu*’s appearance. The castle became the personification of the wealth and omnipotence of Nobunaga, a reflection of his claims to the role of supreme ruler of Japan. The wall paintings of the main tower halls manifest the influence of Confucianism, Buddhism and Taoism. The key symbols of the images are taken from Chinese political ideology.

Keywords: «Shincho-ko-ki», Ōta Gyuichi, Oda Nobunaga, Honganji, Azuchi castle, tenshu.

For citation: Polkhov S. A. Ōta Gyuichi. «Shincho-ko-ki», Book IX (Commented Translation into Russian). *Vestnik Instituta Mostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 229–248. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-229-248

СВИТОК IX

Сложил это О:та Идзуми-но кам

4-й год [девиза правления] Тэнсё:¹, старшего брата огня и крысы.

1. О строительстве замка Адзуты²;

2. О строительстве [высочайшей] резиденции [на землях усадьбы] господина Нидзё;

3. О том, как Харада Биттё: напал на [храм] Мицудэра и пал в бою;

4. О нападении с тыла [на врага] и многих битвах [его милости];

5. О том, как в Западных землях собрали большие корабли, и о гибели в бухте Кидзу в морской битве именитых [вассалов];

6. О начале и конце строительства [замка] Адзуты;

¹ 4-й год Тэнсё: соответствует временному интервалу с 31.01.1576 по 18.01.1577 по западному летоисчислению (юлианскому календарю).

² Адзуты — замок на Восточном берегу озера Бива на горе Адзутяма (современный город О:михатиман, префектура Сига), располагался недалеко от столицы — Киото, поблизости от места пересечения То:кайдё: и других важных трактов и торговых путей. Нобунага приступил к его строительству в начале 1576 г., после того как передал в 11-й луне 3-го года Тэнсё: главенство в доме Ода и замок Гифу старшему сыну Нобутада. Возведение главной башни (*тэнсю*), новой резиденции «объединителя» Японии, было в основном завершено к началу 1579 г., в 5-й луне того же года состоялся официальный его «переезд» туда [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 271]. Замок был зримым воплощением могущества властителя. После гибели Нобунага в 1582 г. во время мятежа его военачальника Акэти Мицухидэ замок горел, в огне сгинула величественная главная башня (*тэнсю*). Однако замок не был полностью уничтожен, в нем жили Нобукацу, сын Нобунага, и Сампо:си (сын Ода Нобутада), внук властителя Адзуты. Обитатели покинули резиденцию в 1585 г., когда по воле Тоётоми Хидэёси, преемника Нобунага, рядом был построен замок Хатиман, куда переселили жителей из приамковомого города Адзуты. Для Хидэёси, стремившегося к дальнейшему объединению Японии, Адзуты, ассоциировавшийся с господством дома Ода, стал ненужной помехой [Киносита, 2009, с. 66]. Адзуты повлиял на архитектуру последующих замков, осевым элементом которых стала башня *тэнсю* [Мацусита, 2014, с. 86].

7. О том, как [князь Нобунага] был повышен в должности и пожалован одеянием [от государя];

8. О соколиной охоте [его милости] в Кира в провинции Микава.

(1). Со средней декады первой луны [Нобунага] повелел Корэдзуми Горо:дзаэмон [приступить к] строительству [замка] на [горе] Адзутяма в провинции О:ми.

2-я луна, 23-й день. Нобунага соблаговолил перенести свое местопребывание в Адзуту³. Вначале, [поскольку] строительство пришлось по нраву [его милости], [он] пожаловал Горо:дзаэмон в награду знаменитую вещь — чайную чашку, [прежде принадлежавшую] Сюко:⁴. [Горо:дзаэмон] был преисполнен благодарности. Каждому из *оумамавари* [князь Нобунага] пожаловал [земельные участки для] усадеб у подножия горы, приказав всем самим [их] построить.

С первого дня 4-й луны [князь Нобунага] приказал по [четырем] сторонам резиденции⁵ строить каменные стены из больших камней с той горы и, помимо того, повелел внутри [замка] возвести главную башню⁶. [Он] изволил созвать всех самураев из [земель] Овари, Мино, Исэ, Микава, провинций Этидзэн и Вакаса, [области] Кинай, плотников и разных ремесленников из Киото, Нара и Сакаи, [все они] разместились в Адзуту. [В помощь им] придал китайца Иккан, черепичника⁷. [Князь Нобунага] распорядился [сделать черепицу] в китайском стиле. Спускали вниз большие камни с [гор] Каннондзияма, Тё:мэйдзияма, Тё:ко:дзияма, Ибаяма и [других] разных мест и по одной, две, три тысячи [человек по воле князя Нобунага] поднимали [их] на Адзутяма. Распорядители [работ по доставке] камней⁸ — Нисю Кодзаэмон, Озава Рокуро:сабуро:, Ёсида Хэйнай, О:ниси⁹.

Выбирали большие камни, малые не брали. Цуда-бо:¹⁰ [с помощью своих людей] перетаскивал большой камень к подножию горы [Адзуту], но то был знаменитый камень, звавшийся «Змеиный камень»¹¹ — большой валун, превосходивший [размерами другие], и потому [его] никак не [могли] поднять на гору. Тогда благодаря подмоге — отряду в 10 с лишним тысяч человек [под началом] Хасиба Тикудзэн, Такигава Сакон и Корэдзуми Горо:дзаэмон, [трудившемуся напролет] день и ночь, за три дня «Змеиный камень» подняли наверх. Благодаря замыслу князя Нобунага [камни] были легко подняты к [месту строительства] главной башни. Днем и ночью и в горах и в долинах беспрестанно двигались [и работали].

[Князь Нобунага] объявил, что и в Киото намерен приказать [возвести] резиденцию, и, оставив указания по строительству [на горе] Адзуту своему сыну Аита

³ Нобунага поселился во временной резиденции на территории строившегося замка Адзуту [Сэнда, 2013, с. 174].

⁴ Сюко: — Мурата Сюко: (Адзюко:, 1423–1502), прославленный мастер чайной церемонии.

⁵ Дословно «резиденция [его милости]» — 御構 (*онкамаэ*), в данном случае — замок, укрепленная резиденция.

⁶ Главная башня — *тэнсю* (天主).

⁷ *Кавараяки* (瓦焼) — «обжигатель черепицы», мастер по изготовлению черепицы для крыш.

⁸ *Иси бугё:* (石奉行).

⁹ Вассалы Нобунага: Нисю Кодзаэмон — Нисю Ёсигуту (1530–1606), Озава Рокуро:сабуро: (?–1582), Ёсида Хэйнай (?–?), О:ниси (?–?).

¹⁰ Ода Нобудзуми (1558–1582), сын Ода Нобукацу, младшего брата Нобунага.

¹¹ *Дзисси* (蛇石).

Дзё:-но сукэ Нобутада, в 4-ю луну, последний день, благоволил прибыть в столицу. Поселился в Мё:какудзи.

(2). По счастью была пустующая земля — усадьба господина Нидзё:¹². Задумав [разбить там] просторный сад с прудом, [которыми было бы] приятно любоваться, [князь Нобунага] соизволил дать перечень указаний по строительству Мураи Нагато-но ками.

(3). 4-я луна, 14-й день. [Князь Нобунага] отдал приказания четверым — Араки Сэтцу-но ками, Нагаока Хё:бу-но дайбу, Корэто: Хю:га-но ками и Харада Биттю:, присоединил к [их отрядам] войско из Камигата¹³, [и все эти силы] подступили к Одзака¹⁴. Араки Сэтцу-но ками действовал из Амагасаки с моря. К северу от Одзака в Нода [он] распорядился [построить] три крепости, одну возле другой, перерезав сообщение по реке. Корэто: Хю:га-но ками и Нагаока Хё:бу-но дайбу приказали [возвести] крепости к юго-востоку от Одзака в двух местах — в Моригути и Моригавати. Харада Биттю: возвел надежные укрепления в Тэнно:дзи¹⁵.

Враг удерживал две [крепости] — Ро:нокиси и Кидзу — и поддерживал сообщение по морю со стороны Нанива. Если захватить Кидзу, можно полностью перерезать вражеские пути сообщения, потому [князь Нобунага] повелел: «Захватите это место». В крепости Тэнно:дзи [он] изволил оставить Сакума Дзинкуро: и Корэто: Хю:га-но ками и сверх того изволил послать [с ними] как [своих] инспекторов Иноко Хё:сукэ и О:цу Дэндзюро:. Тотчас же [приказам его милости] повиновались.

5-я луна, 3-й день. Ранним утром, когда [двигавшиеся] впереди Миёси Сё:ган, люди Нэгоро и Идзуми, [а также] второй отряд — Харада Биттю: и сопровождавшие [его]¹⁶ люди Ямато и Ямасиро, приблизились к Кидзу, из Одзака и Ро:нокиси вышли примерно 10 тысяч [вражеских воинов], взяли [их] в кольцо и подвергли беспощадному обстрелу из нескольких тысяч аркебуз. Войско из Камигата было разгромлено. Харада Биттю:, самолично отбиваясь [от врагов], сражался несколько часов, но был окружен

¹² В данном фрагменте говорится о начале строительства новой резиденции Нобунага в Киото. Посещая столицу, Нобунага обычно останавливался в крупных буддийских храмах или в особняках вассалов. В 1572 г. по предложению сёгуна Асикага Ёсиаки для Нобунага была построена резиденция в Мусяноко:дзи в Верхнем Киото. Однако по приказу сёгуна в 1573 г. ее сожгли после его разрыва с могущественным вассалом. Усадьба господина Нидзё: в Нижнем Киото, называвшаяся Нидзё: доно (二条殿), принадлежала Нидзё: Харэёси (Харуёси, 1526–1579) главе рода Нидзё:, одного из пяти регентских домов и ветви Северных Фудзивара. Харэёси также занимал пост *камтаку*. Забрав себе участок, на котором была расположена усадьба, Нобунага в 3-й–4-й луне 1576 г. приказал отремонтировать храм Хо:ондзи и переместил туда Нидзё: Харэёси. Нобунага стал использовать новую резиденцию с 1577 г. [Каваути, 2014, с. 60–61]. Однако уже в 11-й луне 7-го года Тэнсё: (1579 г.) подарил ее принцу Санэхито, старшему сыну государя О:тимати [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 288]. После этого у Нобунага не было постоянной резиденции в Киото, он предпочитал селиться в храмах Мё:какудзи и Хонно:дзи.

¹³ Камигата (上方) – 1) «Киото и окрестности», «в настоящее время район Осака–Киото» [Конрад, 1970, с. 339]; 2) область Кинай [Ко:дзиэн, 2008]. Здесь употреблено второе значение.

¹⁴ Нобунага возобновил военные действия в ответ на нарушение Одзака Хонгандзи в начале 4-й луны 4-го года Тэнсё: (1576 г.) перемирия, заключенного в конце 1575 г. Предположительно, Одзака разорвала мир под влиянием сёгуна Асикага Ёсиаки, стремившегося к восстановлению власти в столице, и заручился поддержкой дома Мо:ри [Канда, 2008, с. 148].

¹⁵ Тэнно:дзи, пров. Сэтцу — современный город Осака, район Тэнно:дзи.

¹⁶ Сопровождавшие [его] — *до:син итаси* (同心致). *До:син* — «сопровождая к.-л.». Кроме того, *до:син* в период Сэнгоку называли низкоранговых воинов, которых даймё передавал в подчинение другим вассалам [Сузуки, 2019, с. 421].

грозными силами. И вот уже Харада Бигтю:, Ханю: Кисабуро, Ханю: Коситиро:, Миноура Муэмон, Нива Косиро: полегли в бою один возле другого. [Затем армия] *икки* немедленно подступила к Тэнно:дзи, где укрепились Сакума Дзинкуро:, Корэто: Хю:га-но ками, Иноко Хё:сукэ, О:цу Дэндзуро: и люди О:ми, окружили и напали [на них]. В это самое время Нобунага пребывал в Киото. [Он] немедленно изволил объявить [приказ о подготовке к походу] в [разных] землях.

(4). 5-я луна, 5-й день. Чтобы напасть с тыла [на врагов, осаждавших Тэнно:дзи], [князь Нобунага] направил [туда] коня. Одетый в *юкатабира*¹⁷ и едва ли не с сотней всадников [князь Нобунага] добрался до Вакаэ. Следующий день провел [там же], изволил расспросить о положении передовых отрядов и попытался собрать войско, но из-за внезапности выступления в поход [у него ничего] не вышло. [Воины] низкого положения, носильщики и иные совсем не поспевали, [в расположение войска] прибыли одни лишь предводители [отрядов]. Однако одно за другим поступали донесения, что гарнизон Тэнно:дзи едва ли продержится в течение трех — пяти дней. Посему [князь Нобунага] молвил, что если дать перебить [защитников крепости], [после того] досадно будет [навлечь на себя] хулу в столице и провинции, и в 5-ю луну, 7-й день, приблизил коня [к Тэнно:дзи]. Едва ли [имея] и 3 тысячи [воинов], [он] пошел на врага [численностью] примерно 15 тысяч [человек]. Изволив построить войско в три отряда¹⁸, [князь Нобунага начал] наступление со стороны Сумиёси.

Первый, передовой отряд:

Сакума Уэмон, Мацунага Дандзё:, Нагаока Хё:бу-но дайбу и люди [из] Вакаэ. Тогда [князь Нобунага] велел Араки Сэтцу-но ками: «Действуйте впереди [всех]», но [тот] не принял [приказа], ответив: «Намерен блокировать устье [реки] Кидзу¹⁹». Впоследствии Нобунага говорил: «Рад, что не поставил [Араки] впереди».

Второй отряд:

Такигава Сакон, Хатия Хё:го, Хасиба Тикудзэн, Корэдзуми Горо:дзаэмон, Инаба Иё, Удзинэ Сакё:-но сукэ, Ига Ига-но ками.

Третий отряд:

Оумамавари.

Распорядившись подобным образом, Нобунага изволил смешаться с *асигафу* из передового отряда, и разъезжая верхом, тут и там благоволил раздавать приказания. [Он] был легко ранен — в ногу попали из аркебузы, но Путь неба [все] видел [и его уберег], [рана была] незначительной. Вражеская стрельба из нескольких тысяч аркебуз была подобна льющемуся дождю. Хотя [враги] оборонялись, [отряды князя Нобунага] разом атаковав, [их] сокрушили, сразили [воинов] *икки* и быстро вошли в Тэнно:дзи, соединившись [с его защитниками]²⁰. Однако оттого, что у врага было большое войско, [он] в конце концов не отступил, и [по-прежнему] держался, перестроив и укрепив

¹⁷ *Юкатабира* — легкое летнее кимоно.

¹⁸ Три отряда — *сандан* (三段).

¹⁹ Устье [реки] Кидзу — современный город Осака, район Тайсё:.

²⁰ В переводе Сакагути Ёсиясу данный фрагмент звучит следующим образом: «...Силы *икки* вбежали в форт [*хадзиро*. — С. П.] Тэнно:дзи и соединились с защитниками замка» [Сакагути, 2018, с. 191]. Однако здесь бесспорно говорится о прорыве войском Нобунага кольца осады вокруг крепости Тэнно:дзи, которую обороняли его вассалы, и последующем объединении сил Нобунага. Трактовку Сакагути следует признать ошибочной.

боевые порядки. Тогда [князь Нобунага] молвил, что снова еще раз вступит в сражение. Все [военачальники] докладывали, что войско [его милости] мало²¹, и потому на сей раз [ему] следовало бы воздержаться от сражения. Но [князь Нобунага] молвил: [враг] подошел близко — это [случай], ниспосланный Небом. После этого [он] построил войско в два отряда. [Его воины] снова бросились в атаку, разбили [врага] и преследовали [его] до ворот замка Озака, добыв больше 2 тысяч 700 голов.

После этого [князь Нобунага] приказал в десяти ключевых пунктах вокруг Озака [построить] форты. В Тэнно:дзи командующими гарнизоном [он] благоволил оставить Сакума Уэмон, Дзинкуро:, Синдо: Ямасиро, Мацунага Дандзё:, Мацунага Уэмон-но сукэ, Мидзуно Кэммоцу, Икэда Магодзиро:, Ямаока Маготаро:, Аодзи Тиёдзю. Кроме того, в Сумиёси на морском берегу построили крепость, [его милость] изволил оставить охранять морские [подступы] Манабэ Симэ-но хё:э и Нумано Дэннай.

6-я луна, 5-й день. [Князь Нобунага] направил обратно коня, в тот день остановился в Вакаэ. На другой день заехал в Макиносима, пожаловав [сей замок] Идо Вакаса, [который] был преисполнен благодарности. [Затем князь Нобунага] вернулся в столицу в Мё:какудзи в Нидзё:. На следующий день возвратился в замок Адзутти.

С первого дня 7-й луны [князь Нобунага] снова отдал распоряжения [касательно] строительства [замка] в Адзутти. Каждый усердствовал, не щадя своих сил, и потому [все] были пожалованы [его милостью] либо одеждой, либо золотом и серебром, китайскими вещами²² в бессчетном множестве.

Тогда Корэдзуми Горо:дзаэмон по воле [господина] приобрел знаменитую вещь — картину «Селение», а Хасибэ Хидзёси получил большой свиток с картиной²³. Оба завладели этими знаменитыми вещами, [за что] благодарили замечательное могущество и величие [князя Нобунага].

²¹ Войско [его милости] мало — *гомиката бусэй* (御身方無勢).

²² Китайскими вещами — *карамоно* (唐物). *Карамони* — общее название ввезенных в Японию из Китая предметов. В эпоху Муромати не угасал, а лишь нарастал интерес японской элиты к китайским вещам. Тогда к ним относили прежде всего предметы искусства — картины, изделия из фарфора, лакированные изделия и т. п. Кроме того, *карамоно* стали называть чайницы, использовавшиеся в чайной церемонии. Позднее, в период Эдо, теми же иероглифами, прочитанными не по нижнему, а по верхнему чтению (唐物; *то:бун*) стали именовать вещи, ввезенные не из Китая, а из других стран. Кроме того, этим же словом обозначали китайские ткани [Сэкай, 2007]. См. также: *Карамони* 唐. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%94%90%E7%89%A9-47289> (дата обращения 01.07.2020). В данном фрагменте под *карамоно*, по-видимому, подразумеваются импортированные из Китая предметы искусства или роскоши.

²³ *Ити-но э* (市絵) — картина «Шань ши цин лань» (山市晴嵐, яп. «Санси-но сэйран») знаменитого пейзажиста чаньской школы живописи Юй-цзяня, творившего в эпоху Южная Сун (1127–1279). Это произведение было фрагментом свитка «Восемь видов рек Сяо и Сян» (*Сяо Сян ба цзин*; 潇湘八景) [Сакагути, 2018, с. 192]. Распространенный, но неточный перевод названия произведения: «Горное селение в рассеивающемся тумане» [Духовная культура Китая, 2010, с. 887–888]. Возможно, более адекватный вариант: «Горное селение в легкой дымке в ясный день». «Большой свиток с картиной» — «Осенняя луна над озером Дунтинху» (яп. До:тэй сю:гэцу; 洞庭秋月), произведение Му Ци (牧溪; 1181/1210–1250/1281), одного из крупнейших представителей чаньской школы живописи периода Южная Сун (1127–1279). Свиток также относится к тематическому циклу «Восемь видов рек Сяо и Сян» [Яо, 2017, с. 293].

(5). Случилось это в 15-й день 7-й луны. Люди из [провинции] Аки [области] Тю:гоку²⁴, звавшиеся Носима, Курусима, Кодама даю:, Авая даю: и Ура Хё:бу²⁵, собрав семь — восемь сотен больших кораблей, и став *уванори*²⁶, отплыли к морю близ Одзака, намереваясь доставить [в крепость] провиант.

Направившиеся навстречу [им] силы:

Манабэ Симэ-но хё:э, Нумано Дэннай, Нумано Ига, Нумано О:суми-но ками, Миядзаки Камадаю:, Миядзаки Канамэ-но сукэ, Кобата из Амагасаки, Ногутти из Ханакума²⁷. Они так же отплыли на трех с лишним сотнях кораблей и перекрыли устье

²⁴ Провинция Аки была ядром княжества могущественного дома Мо:ри, контролировавшего обширные районы Западной Японии (области Тю:гоку). После вступления Нобунага в Киото в 1568 г. его отношения с Мо:ри были дружественными и по сути союзническими. После изгнания сёгуна Асикага Ёсиаки в 1573 г. Нобунага при посредничестве Мо:ри вел переговоры о его возвращении в столицу, однако они закончились безрезультатно. В конце концов сёгун обосновался в Томо в провинции Бинго и задумал восстановление бакуфу, опираясь на силы дома Мо:ри, а также призывая других даймё к борьбе с Нобунага. Позднее, в 1582 г. Ёсиаки назначил Мо:ри Тэрумото на пост «помощника сёгуна» (*фуюкэ:син*; 副將軍) [Куно, 2017, с. 182–185]. Несомненно сёгун повлиял на решение Мо:ри вступить в войну против Нобунага. Кроме того, Мо:ри были недовольны поддержкой, оказывавшейся Нобунага отпрыскам рода Амаго, чьи владения они ранее захватили. Однако можно согласиться с Танигутти, что наиболее существенной причиной стали опасения Мо:ри Тэрумото и его родичей относительно стремительного расширения сферы влияния Нобунага, достигшей провинций Тамба и Харима. Дальнейшее продвижение Нобунага представляло прямую угрозу для удела Мо:ри. Наконец, в Одзака Хонгандзи также постарались переманить этот влиятельный дом на свою сторону [Танигутти, 2015, с. 235–237].

²⁵ Вассалы Мо:ри: Кодама даю: — Кодама Нарихидэ (1544–1596) ; Авая даю: — Авая Мотоёси (?–?). Ура Хё:бу — Номи Мунэкацу (1527–1592), также известный как Ура Мунэкацу (Ура — боковая ветвь рода Нумата Кобаякава), вассал домов Мо:ри и Кобаякава. Курусима — Курусима Ёсицугу, старейшина дома Курусима Мураками. В битве участвовало несколько представителей рода Носима Мураками, в частности Мураками Мотоёси (1553–1600), старший сын Мураками Такёёси. В данном отрывке именно он может фигурировать как Носима, или же под Носима автор хроники понимает всех военачальников Носима Мураками, участвовавших в сражении. Военно-морские силы Мо:ри, противостоявшие Нобунага, состояли как из напрямую подчиненных им флотилий из провинций Аки и Суо:, так и из судов союзников — Кобаякава из Бинго, Курусима Мураками и Носима Мураками (контролировали острова и отдельные районы побережья Японского Внутреннего моря) и др. [Мицунари, 2016, с. 128–129].

²⁶ *Уванори* (上乘) в эпоху Эдо называли людей, сопровождавших груз и отвечавших за его сохранность и доставку при перевозке на кораблях. В эпоху Муромати *уванори* именовали лоцманов [Сэкай, 2006]. Тогда же самураи, владевшие флотилиями кораблей и занимавшиеся торговлей и пиратством (*кайдзоку-сю*; 海賊衆) в Японском Внутреннем море, на озере Бива и т. д., могли за плату обеспечивать безопасность прохода судов через контролируемые ими районы. Они сопровождали торговые корабли в пути. *Уванори* именовали как предоставление подобных гарантий защиты, так и самих самураев из *кайдзоку-сю*, охранявших суда с грузом [Кацумата, 1996, с. 285; Сэкай, 2007]. В комментарии к изданию списка Ё:мэй *уванори* трактуется как «посадка на судно» (*дзё:сэн*) [Синтё:ко: ки, 1996, с. 212], сходная интерпретация дана в переводе Сакакияма Дзюн на современный японский [Сакакияма, 2017, с. 249]; в английском переводе — «naval captains» [The Chronicle of Lord Nobunaga, 2011, p. 253]. Наиболее адекватной кажется интерпретация Сакагутти Ёсиясу: «в качестве *уваноринин*, сели на те же [большие корабли]». Он также поясняет, что в эпоху Эдо *уваноринин* — это сопроводители грузов, транспортировавшихся на судах [Сакагутти, 2018, с. 193]. Действительно, из данного фрагмента хроники следует, что вышеуказанные вассалы дома Мо:ри обеспечивали перевозку груза (запасов продовольствия) в крепость Одзака, осажденную армией Нобунага.

²⁷ Вассалы Нобунага из провинции Идзуми: Манабэ Симэ-но хё:э — Манабэ Садатомо (?–1576); Нумано Ига — Нума Ига-но ками (?–1576); Нумано Дэннай — Нума Дэннай, вероятно сын Нума Ига-но ками (?–1576); Нумано О:суми-но ками — Нума О:суми-но ками (?–?). Вассалы Нобунага из провинции Кавати: Миядзаки Камадаю: (?–1576), Миядзаки Канамэ-но сукэ (?–1576). Вассалы Нобунага из провинции Сэтцу:

[реки] Кидзугава. У врага было примерно восемь сотен больших судов. [Они] устремились [на флот Нобунага], началось сражение. На суше из [крепости] Ро:нокиси у Одзака и замка Этта в Кидзу, воспрянув духом, вышли [воины] *икки*, [враги послали] *асигафу* напасть на крепость на берегу моря в Сумиёси. Сакума Уэмон двинул войско из Тэнно:дзи, ударив с фланга. Несколько часов то теснили [врага], то отходили под [встречным] натиском.

В это самое время на море [враги], приготовив *хо:рокубия*²⁸ и тому подобное [оружие], окружили корабли [князя Нобунага]²⁹, [стали] забрасывать [зажигательными снарядами], сожгли и уничтожили [их]. Не устояв против многочисленных сил [противника], в битве пали Симэ-но хё:э, Ига, Дэннай, Ногутти, Кобата, Камадаю:, Канама-но сукэ и другие именитые [воины]³⁰.

Корабли из Западных земель одержали победу; доставили в Одзака провиант и увели войско [обратно] в Западные земли. Когда Нобунага собирался выступить в поход, стало известно, что все уже решилось, и ничего нельзя было сделать. После этого [князь Нобунага] изволил оставить командующими гарнизоном в крепости на побережье [близ] Сумиёси Ясуда Кю:року, Усуи Инаба-но ками, Итидзи Бундаю:, Миядзаки Дзиро:сити.

О главной башне³¹ [замка] на [горе] Адзутияма³².

Кобата из Амагасаки — Обата Мицута: (?–1576); Ногутти из Ханакума — Ногутти (?–?). Клань Манабэ, Нума и Миядзаки располагали значительными военно-морскими силами [Танигутти, 2010, с. 139, 333–334, 336, 454, 472].

²⁸ *Хо:рокубия* (ほうろく火矢) — начиненные порохом шарообразные зажигательные снаряды из обожженной глины, метавшиеся в противника.

²⁹ Корабли [князя Нобунага] — *гомиката-но фунэ* (御身方の舟).

³⁰ Краткое описание первой битвы у устья реки Кидзугава сохранилось в донесении Мураками Мотоёси и других четырнадцати флотоводцев, воевавших на стороне Мо:ри (датировано 15-м днем 7-й луны 6-го года Тэнсё:). Согласно документу флот Мо:ри и их союзников отплыл в 12-й день 7-й луны, по пути к нему присоединились корабли Сайка-сю: — объединений самураев из Сайка, области в уезде Ама провинции Кии. Во флоте Нобунага, блокировавшем устье реки Кидзугава, было свыше 200 судов, включая большие корабли, тогда как Ота Гю:ити называет иную цифру — 300 с лишним судов. Согласно указанному донесению сражение продолжалось с 13-го дня до раннего утра 14-го дня 7-й луны. Тем самым в хронике Ота Гю:ити не точно указана дата битвы — 15-й день 7-й луны. Все большие корабли флота Нобунага были уничтожены, убито несколько сотен его воинов [Дайнихон, 1920, с. 352–354]. В результате победы военно-морских сил Мо:ри и их союзников в Одзака было доставлено продовольствие и иные запасы, что позволило защитникам крепости продолжать войну против Нобунага.

³¹ Главной башне — *готэнсю* (御天守), дословно «главной башне его милости». Была сожжена вскоре после смерти Нобунага в 1582 г. Попытки создать ее модель предпринимались неоднократно. Один из наиболее известных вариантов реконструкции предложил в 1576 г. историк архитектуры Найто: Акира, скрупулезно изучивший и сопоставивший материалы археологических раскопок на месте, где располагался замок, а также письменные источники — различные списки «Записей о князе Нобунага» Ота Гю:ити, свидетельства христианских миссионеров и др. Особое внимание он обратил на *Тэнсю сасидзу* («План *тэнсю*»), копию документа, составленного примерно в 1670-х гг. Икэгами Ухэй, строителем на службе даймё Маэда, владевших княжеством Кага. Найто: пришел к выводу, что документ описывает не что иное, как главную башню замка Адзутти [Найто:, 1994, с. 147]. Мияками Сигэтака, коллега Найто:, оспорил его выводы и представил альтернативную реконструкцию резиденции Нобунага. Мияками полагал, что *Тэнсю сасидзу* основан на рассказе Ота Гю:ити и создан почти через сто лет после уничтожения главной башни, а значит, не может быть сколько-нибудь ценным источником. Тем не менее усилиями Найто:, Мияками и их коллег примерный облик резиденции «объединителя Японии» был воссоздан [Coaldrake, 2002, p. 110–111]. В 1581 г. Нобунага принял в Адзутти генерал-викария и куратора

Каменное основание [главной башни] в высоту больше 12 *кэн*³³. 1-й ярус в каменном основании³⁴ используется [князем Нобунага] под склад³⁵. [Если считать] отсюда, [в главной башне] семь ярусов. 2-й ярус над каменным основанием — шириной 20 *кэн* с севера на юг, с востока на запад — 17 *кэн*, высотой в 16 с половиной *кэн*. Число [опорных] столбов — 204. Длина главных [опорных] столбов из дерева — 8 *кэн*, размер — 1 *сяку* и 5–6 *сун*³⁶ по четырем сторонам или 1 *сяку* 3 *сун* по четырем сторонам³⁷. Внутри комнат³⁸ все обтянуто тканью, [покрытой] черным лаком.

Восточной Индии ордена иезуитов Алессандро Валиньяно (1539–1606), внесшего немалый вклад в распространение христианства в Японии. Валиньяно получил в дар складные ширмы, на которых были в подробностях искусно изображены замок и его окрестности. Возможно, их создателем был Кано: Эйтоку. В 1585 г. ширмы были преподнесены в Риме участниками миссии юных японцев-христиан папе Григорию XIII. В настоящее время местонахождение этого ценнейшего источника, видимо хранившегося в Ватиканском дворце, неизвестно [McKelway, 2006, p. 165–167]. Можно констатировать, что в настенных росписях *тэнсю* нашли отражение сюжеты, связанные с конфуцианством, даосизмом и буддизмом. Безусловно, права Икэгами Хироко, отмечавшая, что на тематику картин большое влияние оказал китайский художественный репертуар. Символический язык изображений взят из китайской традиции. Чисто японские мифы и предания, имеющие отношение к истории императорского дома, на ширмах отображены не были. Однако утверждение исследовательницы о том, что, позиционируя свою власть в контексте китайской цивилизации, Нобунага, возможно, стремился уподобить себя китайскому императору, куда менее убедительно [Икэгами, 2013, с. 150].

³² Часть свитка IX, содержащая описание главной башни замка Адзуты, по всей видимости восходит к запискам Муран Садакацу и Хаяси Хидэсада, вассалов Нобунага. Нобунага показал им *тэнсю* в 1-й луне 1579 г. Вероятно, эти записи и вошли в «Адзуты никки» («Дневник Адзуты»). «Адзуты никки» из библиотеки дома Маэда — копия фрагмента рукописи Ота Гю:ити, содержащего описание событий с 1-го дня 1-й луны 6-го года Тэнсё: по 6-й день 8-й луны 7-го года Тэнсё: (1578–1579 гг.) и частично соответствующего свиткам XI и XII «Записей о князе Нобунага» [Вада, 2018, с. 152]. По содержанию эта рукопись существенно отличается от полной версии хроники. Есть все основания предполагать, что это копия более раннего текста, послужившего материалом для рассказа о *тэнсю* в свитке IX в более поздних редакциях сочинения [Найто:, 1994, с. 99, 102–103]. В «Адзуты никки» описание следует от верхнего яруса к нижним, тогда как в других вариантах хроники, в том числе в переводимом в данной публикации, порядок изложения обратный — от низа кверху башни.

³³ *Кэн* (間) — мера длины в традиционной Японии, с 1891 г. 1 *кэн* считался примерно равным 1,818 м.

³⁴ Дословно *исикура* (石くら), «каменный склад».

³⁵ *Додзо*: (土蔵).

³⁶ *Сяку* (尺) — японская мера длины, с 1891 г. 1 *сяку* = 33 см. *Сун* (寸), десятая часть *сяку*, после 1891 г. 1 *сун* = 3,03 см.

³⁷ Иными словами, площадью 1 *сяку* и 5–6 *сун* в квадрате или 1 *сяку* 3 *сун* в квадрате.

³⁸ Здесь и далее «комната» — перевод слова *ондзасики* (御座敷, дословно «высочайшая комната»). Слово *дзасики* может, в частности, значить: 1) «место, где сидят»; 2) «местопребывание», «местонахождение»; 3) «место собрания множества людей»; «шпиршественный зал»; 4) «комната, пол которой покрыт татами»; «гостинная». — *Дзасики* 座敷. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%BA%A7%E6%95%B7-510372> (дата обращения 01.07.2020). *Ондзасики* в замке Адзуты — помещение с полом, устеленным *татами*, по-видимому, выполнявшее функции личных покоев, зала для аудиенций, собраний и пиров и др.

На западе комната в 12 *дзё*:³⁹, [князь Нобунага] дал указания Кано: Эйтоку⁴⁰, [который по его воле] нарисовал черной тушью картины [с изображением] сливовых деревьев. В комнате место, [где эти] картины⁴¹, сверху донизу все золотое. В тех же покоех⁴² есть кабинет [его милости]⁴³. Там [он] велел нарисовать вид «Вечернего звона колокола в отдаленном храме»⁴⁴. Перед этой [картиной по воле князя Нобунага] поместили *бонсан*⁴⁵. В следующей комнате в 4 *дзё*: [по желанию его милости] полки расписали изображениями голубей, так же и комнату в 12 *дзё*: расписали [изображениями] гусей. Оттого и зовется [она] «Гусиными покоем»⁴⁶. Так же и в следующей комнате в 8 *дзё*: во внутренней комнате в 4 *дзё*: есть место с [изображением] фазанов, лелеющих птенцов.

³⁹ *Дзё*: (畳) — счетный суффикс для прямоугольных соломенных циновок (матов) *татами*. *Татами* стали устилать весь пол в комнатах в эпоху Муромати со становлением архитектурного направления и стиля оформления интерьера домов *сёин дзукури*. Размеры *татами* варьируются в разных регионах Японии, примерно составляя 180 × 90 см. — *Татами* 畳. *Буританика кокусай дайсякка дзитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%95%B3-93406> (дата обращения 01.07.2020). Площадь помещения в доме определялась числом *татами*.

⁴⁰ Кано: Эйтоку (1543–1590), представитель прославленной династии японских живописцев («школы Кано»), один из самых значительных художников периодов Сэнгоку и Адзуты–Момояма. Учился рисованию под руководством своего деда Кано: Мотонобу (1476–1559), выполнявшего заказы сёгунов Асикага. Вместе с отцом Кано: Мацухидэ в 1566 г. создавал настенные росписи в обители Сюокон монастыря Дайтокудзи в Киото, а в 1567 г. настенные росписи в особняке Коноэ. К началу работы в замке Адзуты был широко известен в столице как талантливый художник. Творил в Адзуты вместе с сыном Мицунобу и группой подмастерьев. За свою работу получил в награду от Нобунага 300 *коку* риса. Впоследствии Тоётоми Хидэёси доверил Кано: Эйтоку и его помощникам расписывать Осацкий замок, дворец Дзюракудай и др. [Сэкай, 2006]. Для творчества живописца характерен синтез пейзажа со стилем «цветы–птицы» (*катё:га*). К особенностям его произведений, в частности, относят монументальность, создание единой сюжетной композиции на всем пространстве стены, использование золота для изображения облаков или фона и др. [Николаева, 1986, с. 138–140, 148].

⁴¹ Картины (絵) из описания интерьеров главной башни — росписи на стенах и раздвижных перегородках (*сё:экига*; 障壁画), могли занимать как часть стены, так и все ее пространство.

⁴² Покои — *ма* (間), «покои», «комната». В тексте хроники *ма* и *ондзасики* используются как взаимозаменяемые слова.

⁴³ *Госёин* (御書院). *Сёин* (書院) — комната настоятеля в дзэнских храмах, со временем так стали называть покои в усадьбах столичных аристократов (*кю:э*) и самураев, которые были одновременно и жилым помещением и кабинетом. — *Сёин* 書院. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9B%B8%E9%99%A2-78775> (дата обращения 01.07.2020). Отсюда происходит название стиля *сёин дзукури*, оформившегося в эпоху Муромати. Подробнее см.: [История Японии, 1998, с. 378–380; Николаева, 1986, с. 122–128].

⁴⁴ В 1570 г. Мацунага Хисахидэ подарил Нобунага «картину [с изображением] колокола» [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 104]. По-видимому, это был шедевр «Вечерний колокол в окутанном дымкой храме» китайского художника Му Ци. Вероятно, Нобунага велел воспроизвести это изображение [Сакагути, 2018, с. 196].

⁴⁵ *Бонсан* (ぼんさん), то же самое, что *бонсэки* (盆石) [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 213]. Миниатюрный ландшафт из камней размером около 14–25 см, по форме напоминающих горы, которые положены в поднос с песком. В эпоху Муромати по мере распространения искусства «сухих» садов *карэсансуи*, ранее принесенного дзэнскими монахами из Китая, *бонсан* создавали в качестве моделей для садов. Ими стали украшать комнаты *дзасики*, ставить в ниши *токо* и на ассиметричные полки *тигайдана*. Камни из *бонсан* могли высоко цениться и иметь имена, подобно предметам чайной утвари, использовались в качестве элемента интерьера в чайной церемонии [Сэкай, 2006]. См. также: *Бонсэки* 盆石. *Буританика кокусай дайсякка дзитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%9B%86%E7%9F%B3-135108> (дата обращения 01.07.2020).

⁴⁶ «Гусиные покои» — *Га-но ма* (鵞の間).

На юге также есть комната в 12 *дзё*, где [по воле князя Нобунага] изобразили конфуцианцев⁴⁷ Китая, [там же] есть и комната в 8 *дзё*. На востоке — комната в 12 *дзё*. Далее комната в 3 *дзё*, за [которой] комната в 8 *дзё* — место, где готовят кушанья [для его милости]. Затем [следует] еще одна комната в 8 *дзё*, там также готовят кушанья [для князя Нобунага]. [Далее расположено помещение] *нандо*⁴⁸ в 6 *дзё*, и еще [одна] комната в 6 *дзё*. В обоих [помещениях] там где картины — все золотое. На северной стороне склад. Далее [следует] комната. [Комната] в 26 *дзё* — *нандо*, на западе комната в 6 *дзё*, далее комната в 10 *дзё*, а за ней еще [одна] комната в 10 *дзё* и комната в 12 *дзё*, [там] имеются *нандо*, числом 7. Внизу [по желанию князя Нобунага] поставлены золотые светильники.

3-й ярус: комната в 12 *дзё* с картинами, [на которых написаны] цветы и птицы. Оттого зовется [она] «Покоями цветов и птиц»⁴⁹. Отдельная комната в 4 *дзё*: с приподнятым полом — «Покои пребывания [его милости]»⁵⁰. [Там] также есть картины цветов и птиц. Далее на юге комната в 8 *дзё* — «Покои мудрецов»⁵¹, где есть изображение жеребенка, появляющегося из тыквы-горлянки⁵². На востоке «Мускусные покои»⁵³ — комната в 8 *дзё*, [а также] комната в 12 *дзё*: над воротами [главной башни]. Далее расположена комната в 8 *дзё*, где находится изображение бессмертного по имени Люй Дун-бинь, а также Фу Юэ⁵⁴. На севере в комнате в 20 *дзё*: есть картины с жеребятами на пастбище. Далее в комнате в 12 *дзё*: есть изображение Си-ван-му⁵⁵. На западе картин нет. [Там] широкая двухуровневая веранда. Комната в 24 *дзё* — *нандо* для [хранения] вещей [его милости]. У входа — комната в 8 *дзё*. Число [опорных] столбов — 146.

⁴⁷ *Дзюся-тати* (儒者達), конфуцианские ученые.

⁴⁸ [Помещение] *нандо* — *нандо* (納戸), комната, в которой в эпоху Муромати хранились предметы гардероба, домашнего обихода, а также ценные вещи. Могла служить спальней [Сэкай, 2006].

⁴⁹ «Покоями цветов и птиц» — *Катё-но ма* (花鳥の間).

⁵⁰ «Покои присутствия [его милости]» — *Годза-но ма* (御座の間).

⁵¹ «Покои мудрецов» — *Кэндзин-но ма* (賢人の間).

⁵² Чжан Го-лао (張果老), один из восьми бессмертных (*ба сянь*; 八仙) даосской мифологии. Вероятно, живший в VIII в. н. э. человек, впоследствии обожествленный даосами. Согласно преданиям ездил на белом осле, который за день мог промчаться 10 тысяч ли. Во время отдыха Чжан чудесным образом складывал его как бумажного, а когда отправлялся в путь, брызгал на него водой, и осел вновь готов был бежать [Духовная культура Китая, 2007, с. 713]. В японской традиции Чжан Го-лао (яп. Тё:каро:) часто изображается с тыквой-горлянкой, из которой он будто бы мог призвать белого жеребенка [The Chronicle of Lord Nobunaga, 2011, p. 255].

⁵³ «Мускусные покои» — *Дзяко-но ма* (麝香の間).

⁵⁴ Люй Дун-бинь — один из восьми бессмертных в даосской мифологии. От рождения «имел шею журавля, спину обезьяны, туловище тигра, лик дракона, глаза феникса», был способен запоминать по 10 тысяч иероглифов в день. В народных верованиях предстает как помогающий людям заклинатель демонов. Вместе с тем почитался и учеными мужами [Духовная культура Китая, 2007, с. 513–514]. Фу Юэ (яп. Фуэцу; 傳說) согласно гл. 3 «Ши цзи» — простой колодник, которого У-дин, правитель династии Инь, сделал своим первым советником. Вследствие мудрости Фу Юэ улучшилось управление иньским государством [Сыма Цянь, 2001, с. 173].

⁵⁵ Си-ван-му («Владычица Запада»; 西王母, яп. Сайо:бо) — в мифологии древнего Китая — женское божество, владевшее снадобьем, дарующим бессмертие, а также ведавшее небесными карами. В Средние века в Китае рассматривалась как хозяйка «рая бессмертных» на горе Куньлунь, где растут персики бессмертия [Духовная культура Китая, 2007, с. 568–569].

4-й ярус. На западе в покаях в 12 *ма*⁵⁶ [князь Нобунага велел] нарисовать всевозможные деревья на утесах, и оттого зовутся [они] «Покоями утесов»⁵⁷. Далее в западной комнате в 8 *дзё*: [изображена] схватка драконов и тигров⁵⁸. На юге в комнате в 12 *ма* [его милость] приказал изобразить всевозможными способами бамбук, [ее] называют «Бамбуковыми покаями»⁵⁹. В следующей комнате в 12 *ма* [князь Нобунага] велел изобразить разными способами только сосны, оттого [она] зовется «Сосновыми покаями»⁶⁰. На востоке комната в 8 *дзё*: [там по воле его милости] нарисован феникс на [ветке] павлонии. Далее в комнате в 8 *дзё*: [изображены] Сюй-Ю, омывающий уши, и Чао-Фу возвращающийся [домой] и ведущий быка, а также вид [их] родной деревни, откуда оба родом⁶¹. Далее [расположена] малая комната [его милости]⁶² в 7 *дзё*: [украшенная] лишь золотой краской⁶³, росписей [там] нет. На севере комната в 12 *дзё*: здесь нет картин.

Далее [за ней] комната в 12 *дзё*: в ней на стене⁶⁴ в 2 *кэн* изображены деревья *тзмафи*⁶⁵. Далее в комнате в 8 *дзё*: изображение клетки⁶⁶ [с соколятами], оттого зовется [она] «Соколиными покаями»⁶⁷. Число [опорных] столбов — 93.

⁵⁶ *Ма* (間) — вслед за Сато: Тайки полагаю, что в описании трёх покоев 4-го яруса знак 間 — не мера длины (*кэн*), а обозначение площади помещения (*ма*) — произведение его длины и ширины, использовавшееся в эпоху Муромати. Таким образом, здесь фигурирует цифра в 12 *ма*, что равнозначно 12 «квадратным *кэн*». Длина и ширина этой комнаты могли составлять 3×4 *кэн* или 2×6 *кэн* [Сато., 2007, с. 11]. В английском переводе 間 необоснованно трактуется как «таб», то есть «татами» [The Chronicle of Lord Nobunaga, 2011, p. 256].

⁵⁷ «Покоями утесов» — *Ива-но ма* (岩の間).

⁵⁸ Драконы и тигры — символы власти и мощи как в дальневосточной традиции, так и в Японии XVI в. Сэнгоку даймё изображали драконов и тигров на своих печатях. Вместе с тем схватка первых и вторых — одна из любимых самураями того времени тем для картин [Икэгами, 2013, с. 149].

⁵⁹ «Бамбуковыми покаями» — *Такэ-но ма* (竹の間).

⁶⁰ «Сосновыми покаями» — *Мацу-но ма* (松の間).

⁶¹ Сюй-Ю (яп. Кёю; 許由) и Чао-Фу (яп. Со:хо; 巢父) — легендарные китайские мудрецы. По преданию, государь Яо, состарившись, стал подыскивать преемника. Узнав о мудрости Сюй-Ю, Яо пожелал передать ему власть. Он поехал навестить Сюй-Ю, но тот бежал от правителя и поселился на берегу реки Иншуй. Тогда Яо послал к нему своих людей, чтобы убедить его принять престол. Наконец, Сюй-Ю надоело слушать уговоры, и он начал промывать уши в реке. Чао-Фу, гнавший теленка на водопой, узнав о происходящем, укорил приятеля в том, что тот прославил себя нарочно. Затем он сказал, что его теленок «не будет пачкать здесь морду» и «повел его пить воду вверх по течению реки». В традиционном Китае и на Дальнем Востоке Сюй-Ю и Чао-Фу считались образами мудрых отшельников, не пожелавших «осквернять» себя причастностью к власти [Юань Кэ, 1987, с. 128].

⁶² *Онкодзасики* (御小座敷). В рамках традиции *тяноко кодзасики* называлась «малая» комната площадью от 1,5 до 4 *дзё*: — *Кодзасики* 小座敷. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%B0%8F%E5%BA%A7%E6%95%B7-500869> (дата обращения 01.07.2020). В то же время в XVI в. *кодзасики* могло быть общим названием комнат для чайной церемонии [Сэкай, 2007]. Согласно «Тэнсю сасидзу» стены комнаты были украшены золотым порошком (*дэйбики*; 泥弓), на западной стене была ниша *токо*, на северной — асимметричные полки *тигайдана* (違棚). По оценке Найто: Акира *онкодзасики* отличалась великолепием интерьера и была прямой «предшественницей» «золотой чайной комнаты», сделанной по приказу Тоётоми Хидэёси [Найто., 1994, с. 246–247].

⁶³ Золотой краской — *дэй* (でい), то есть *кондэй* (*кундэй*; 金泥). Золотой порошок, перемешанный с клеем. Использовался в живописи в качестве золотой краски и для украшения буддийских статуй.

⁶⁴ Стене — дословно «месте» (*токоро*; 所).

5-й ярус: росписей нет. На севере и на юге под щипцами крыши [с каждой стороны] по комнате в 4 с половиной *дзё*. [Их] называют *кя-но дан*.

6-й ярус восьмиугольный⁶⁸, [в поперечнике] — 4 *кэн*. Внешние столбы — [цвета] киновари, внутренние столбы все золотые. [Здесь изображения] десяти великих учеников Шакьямуни⁶⁹, проповеди Шакьямуни [после] достижения [им состояния] Будды⁷⁰, в [окружающей галерее] *нгава* [по воле князя Нобунага] нарисованы голодные духи и демоны⁷¹. На заслоне *нгава* [его милость] велел изобразить *сятихоко*⁷², летящих драконов. Перила [украшены] шпичками с резьбой.

[Самый] верхний, 7-й ярус [имеет] 4 стороны, [каждая —] 3 *кэн*. Внутри комнаты все золотое. С внешней стороны также все золотое. На внутренних столбах по четырем сторонам — взлетающие и слетающие драконы⁷³. На потолке — временные воплощения небожителей [в этом мире]⁷⁴. Внутри комнаты [по воле его милости]

⁶⁵ Деревья *тэмаи* — *тэмаи-но ки* (てまりの木), *тэмаи дзакура* (手鞠桜), разновидность сакуры, цветки алого цвета, около 5 см в диаметре; выращивается в садах. — *Тэмаи дзакура* 手鞠桜. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%89%8B%E9%9E%A0%E6%A1%9C-2065372> (дата обращения 01.07.2020). Английский перевод — «hydrangea bushes» («кусты гортензии»), неточен. На то, что в данном фрагменте имеется ввиду *тэмаи дзакура*, указывали еще Окуно Такахиро и Ивасава Ёсихико [Синтё:ко: ки, 1996, с. 216]. Вместе с тем согласно словарю японского языка, изданному иезуитами в 1603–1604 гг. в Нагасаки, *тэмаи* могло быть иным названием декоративного растения *о:дэмаи* (大手鞠) — калины складчатой (*Viburnum plicatum*).

⁶⁶ Клетки — *нивако* (庭子). Клетка (*нивако*; 庭籠) в саду, в которой держали и кормили птиц, в данном случае птенцов сокола.

⁶⁷ «Соколиными покоями» — *Онтака-но ма* (御鷹の間).

⁶⁸ Октагональные павильоны характерны для некоторых буддийских храмов Японии: «Зал сновидений» (Юмэ доно) в Хо:рюдзи (Нара); «Восьмиугольный зал» в Эйзандзи (Нара); Хокуэндо: в Ко:фукудзи (Нара) [Сато:, 2014, с. 38].

⁶⁹ Десяти великих учеников Шакьямуни — *Сякумон дзю:дай мидэси* (門十大御弟子). Имена десяти главных учеников Гаутамы Будды варьируются в различных направлениях буддизма. В махаянском буддизме к ним обычно относят следующих его последователей: Шарипутра, Маудгальяна, Махакашьяпа, Субхути, Пурна, Катьяяна, Анирудда, Упали, Рахула, Ананда.

⁷⁰ Проповеди Шакьямуни [после] достижения [им состояния] Будды — *Сякусон дзё:до: гостто:* (釈尊成道御説法). Речь идет о первой проповеди Будды Гаутамы после достижения им просветления, которую он прочитал в «Оленьем парке» (Сарнатхе, местечке близ города Варанаси в Индии) пятерым аскетам. В этой проповеди он поведал о «четырех благородных истинах» — краеугольном камне буддийского учения [Андросов, 2011, с. 334, 379].

⁷¹ Голодные духи — *гаки* (餓鬼), *према*. Мир *према* один из трех или четырех миров несчастливых перерождений, наряду с мирами *асура* (полубогов), *тирьяк* (животных), *нафака* (адских существ). Голодные духи обычно изображаются людьми с раздутыми животами и тощими ногами и руками. Считается, что их глотки размером с угольное ушко, что не дает им насытиться. В мире *према* рождаются те, кто в прежнем существовании был одержим жадностью. *Према* все свое время обречены проводить в тщетных попытках утолить голод и жажду [Buswell, Lopez, 2014, p. 676]. Демоны — *они* (鬼).

⁷² *Сятихоко* (しゃちほこ) — мифическое морское создание с телом рыбы и головой тигра, которому приписывали способность вызывать дождь. Изваяния *сятихоко*, служившие одновременно украшениями и оберегами, будто бы защищавшими от пожаров, прикрепляли к обоим краям главной балки крыши японских замков или храмов. Могли изготавливаться из меди, камня, дерева, глины и покрываться золотом.

⁷³ Драконы в китайской (и шире — дальневосточной) традиции ассоциируются с императорской властью.

⁷⁴ Временные воплощения небожителей [в этом мире] — *тэннин гоё:го:* (天人御影向). *Тэннин* (天人) — в буддийской космологии обитатели мира *дэвалока* (божеств) или небес. В то же время бином *ё:го:* означает «временные воплощение (аватары) будд и синтоистских божеств». В этой связи может быть правильным

изображены три государя, пять императоров⁷⁵, десять мудрых [учеников] Конфуция⁷⁶, четверо седовласых горы Шан⁷⁷, семь мудрецов⁷⁸ и другие. Подвешены *хиути*⁷⁹,

предположение японского комментатора о том, что здесь говорится о временных воплощениях будд и синтоистских божеств (*ками*) в этом мире [Синтё-ко: кн, 1996, с. 216]. В английском переводе *тэнинин гоёго*: — «angels in their earthly manifestations» [The Chronicle of Lord Nobunaga, 2011, p. 257].

⁷⁵ Три государя, пять императоров — *санко: готэй* (三皇五帝; кит. *сань хуан у ди*) — мифические правители древнего Китая. Существовало несколько вариантов триады государей (*сань хуан*) — первопредков и культурных героев незапамятной старины. Так, по одной версии, это первопредок Фу-си, изобретатель огня Суй-жэнь, покровитель земледелия Шэнь-нун, по другой — Фу-си, прародительница Нюй-ва, Шэнь-нун [Духовная культура Китая, 2007, с. 560]. Имена пяти императоров (*у ди*) ассоциировались с мудрым управлением и добродетельностью. В «Ши цзи» к ним отнесены Хуан-ди, Чжуань-суй, Ку, Яо и Шунь. Комментаторы «Ши цзи» констатируют наличие и других перечней «пяти императоров» [Сыма Цянь, 2001, с. 221].

⁷⁶ Десять мудрых [учеников] Конфуция — *Ко:мон дзиттэцу* (孔門十哲). Сыма Цянь приводит следующие слова Конфуция: «Тех, кто учился у меня и был близок ко мне, насчитывалось 77 человек». Далее в «Ши цзи» китайский философ особо выделяет в общей сложности десять своих последователей, которых в дальнейшем и стали называть десятью его мудрыми учениками: «Благородством поведения отличались среди них Янь Юань, Мин-цзы Цянь, Жань Бо-ню, Чжун-Гун; умением в управлении государственными делами — Жань Ю и Цзи Лу; умением вести беседу — Цзай Во и Цзы Гун; [большой] ученостью — Цзы Ю и Цзы Ся» [Сыма Цянь, 1996, с. 66].

⁷⁷ Четверо седовласых горы Шан — *Шан шань си хао* (商山四皓, яп. *сё:дзан сико:*). Четыре мудреца, которые в правление Цинь Ши-хуана (годы царствования 245–210 гг. до н. э.), недовольные его жестокостью, оставили государственную службу, предпочли стать отшельниками и удалились на гору Шан: Дунъюань-гун, Цили-цзи, Сяхуан-гун, Лули-сяньшэн. Позднее при новой династии Хань они будто бы помогли сохранить статус главного наследника Лю Ину (император Хуэй-ди, годы царствования 195–188 гг. до н. э.), сыну основателя династии Гао-цзу (годы царствования 202–195 гг. до н. э.).

⁷⁸ Семь мудрецов — *ситикэн* (七賢). По-видимому, речь идет о «Семи мудрецах бамбуковой рощи» (*чжу линь ци сянь*; 竹林七賢), живших в период Троецарствия в древнекитайском царстве Вэй, а затем в сменившей его империи Цзинь (III — начало IV вв. н. э.). Участниками этого объединения считают литераторов и поэтов (Цзи Кана; 223–262; Лю Лина; 221–300; Жуань Цзи; 210–263), музыканта (Жуань Сяня; ?–?), философа (Сян Сю, ?–?), военачальника (Ван Жуна; 234–305) и чиновника (Шань Тао; 205–283). Со временем утвердилось представление о «кружке» друзей-единомышленников, которые в беспокойные и смутные времена сторонились политики и дворцовых интриг, писали стихи, музицировали и беседовали друг с другом, наслаждаясь винопитием и природой. Этот образ не совсем соответствовал действительности, поскольку члены группы имели политические пристрастия или находились на государственной службе. Собирались в бамбуковой роще близ усадьбы Цзи Кана — отсюда название их общества [Духовная культура Китая, 2008, с. 563, 564]. См. также: *Тикурин-но ситикэн* 竹林の七賢. *Буританика кокусай дайсякка дзитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%A%B9%E6%9E%97%E3%81%AE%E4%B8%83%E8%B3%A2-96043> (дата обращения 01.07.2020). Вместе с тем «семью мудрецами» (七賢) именовали и семь известных своим добронравием отшельников, живших в эпоху Чжоу и фигурирующих в «Лунь юй» в главе XVIII («Вэй-цзы»): Бо И, Шу Ци, Юй Чжун, И И, Чжу Чжан, Люся Хуэй, Шао Лянь. — *Ситикэн* 七賢. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E4%B8%83%E8%B3%A2-520772> (дата обращения 01.07.2020).

⁷⁹ *Хиути* (ひうち) — значение слова неясно. Согласно комментарию Ивасава и Окуно здесь говорится об «огниве» — *хиутиганэ* (火打ち金). В переводах хроники на современный японский обычно без пояснений дается иероглифическое написание «火打» [Сакагучи, 2018, с. 195], также имеющее значение «огниво». Вместе с тем *хиути* может иметь еще один смысл: крепежные элементы, призванные устранить искривление при соединении под прямым углом двух деревянных балок. Видимо поэтому в английском переводе *хиути* — «угловые крепления», «диагональные распорки» («angle braces») [The Chronicle of Lord Nobunaga, 2011, p. 257]. В трактовке переводчиков на английский колокола *хо:тику* подвешены к угловым креплениям. В действительности *хо:тику*, вероятно, свешивались с концов угловых балок крыши 5-го и 6-

[колокола] *хо:тяку*⁸⁰, числом 12. Окна⁸¹ из железа. Числом больше 60. Все [выкрашены] черным лаком. Внешние и внутренние столбы комнаты покрыты лаком, нанесенным на ткань, и сверху — [еще раз] черным лаком.

Металлические части на верхнем ярусе изготавливал Гото: Хэйсиро:. Люди из столицы и провинции старались как могли. Со 2-го яруса и выше металлические части сделаны Дайами из Киото. [Главный] плотник — Окабэ Матаэмон⁸². Глава лакировщиков — Гё:бу. Глава мастеров серебряного дела — Мияниси Ю:дзаэмон. [Князь Нобунага] назначил [ответственным за изготовление] черепицы Иккан, китайца. [Ее] обжигали люди из Нара. Распорядитель строительства — Кимура Дзиро:дзаэмон⁸³.

(6). Итак, замок этот [высится посреди] горной глуши, широко раскинувшейся [вокруг]. У подножия [усадьбы] именитых [вассалов] стоят тесными рядами, смыкаясь краями крыши — [зрелище столь] блестящее и великолепное, [что] не описать словами. С запада на север широко разливаются воды озера, усеянные прибывающими и уходящими кораблями. «Парусные лодки, возвращающиеся с дальних берегов», «Рыбацкая деревушка в вечерней заре»⁸⁴, рыбацьи огни в бухтах.

го ярусов главной башни, как это следует из реконструкции Найто: Акира. Найто: рассматривает *хиути хо:тяку* как одно выражение, обозначающее колокола *хо:тяку* [Найто:, 1994, с. 118, 227–228]. Сато: видит в *хиути* «углы здания». Он также склонен думать, что колокола висели на концах угловых балок [Сато:, 2014, с. 43]. Тем не менее, трактовка *хиути* как «огнива» не выглядит совсем бессмысленной. В «Начальном свитке» хроники рассказывается, что в молодости Нобунага имел обыкновение носить за поясом мешочки с огнем (ひうち袋), а также тыквы-горлянки. Как указывали Ивасава и Окуно, тыквы-горлянки считались амулетом, отгоняющим злые силы [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 22, 26]. Возможно, огниво за поясом молодого Нобунага, а позднее и в замке Адзуты было таким же оберегом.

⁸⁰ [Колокола] *хо:тяку* (ほうちやく, 宝鐸) — подвешивавшиеся с четырех сторон под карнизом крыши буддийских храмов колокола, выполнявшие декоративную функцию. Ветряные колокольчики *фу:рин* большого размера.

⁸¹ *Самадо* (狭間戸), то же, что и *кицунэмадо* (狐窓) — решетчатое окно под крышей для проветривания и защиты от солнечного света. — *Самадо* 狭窓. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%8B%AD%E7%AA%93-511944> (дата обращения 01.07.2020).

⁸² Окабэ Матаэмон — Окабэ Мотитоки (?–?). Выходец из провинции Овари. По приказу Нобунага в 1573 г. построил «большой корабль», в 1576 г. разобранный на части (см. выше). В 1575 г. отвечал за ремонт Хакэн-гу: в святилище Ацута [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 181]. После гибели Нобунага в 1582 г. служил его сыну Нобукацу, управлявшему провинцией Овари. Версия о его гибели в храме Хонно:дзи является ошибочной [Танигути, 2010, с. 103].

⁸³ Кимура Дзиро:дзаэмон — Кимура Такасигэ (?–1582), изначально вассал дома Роккаку, видимо уже в 1568 г. перешел на сторону Нобунага. Руководил по его поручению работами по строительству моста в Сэта (1575 г.), и по возведению церемониальных палат на территории императорского дворцового комплекса в связи с назначением Нобунага на должность *удайсё:* [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 191, 203]. Вероятно, впоследствии занимал пост *бугё:* города близ замка Адзуты или же отвечал за надзор за торговцами и ремесленниками провинции О:ми. В 1582 г. на момент гибели Нобунага в Хонно:дзи был в числе лиц, ответственных за охрану второго двора замка Адзуты. Когда войско Акэти Мицухидэ приблизилось к Адзуте, отказался сдать замок и пал в бою на мосту Додобаси [Танигути, 2010, с. 169].

⁸⁴ «Парусные лодки, возвращающиеся с дальних берегов» (*эмо-но кихан* 遠浦帰帆); «Рыбацкая деревушка в вечерней заре» (*гёгон сэкиё* 漁村夕照) — названия двух сцен из живописного цикла «Восемь видов рек Сяо и Сян», ставшего каноническим в Китае в XI–XIII вв., а затем получившего необыкновенную популярность и среди японских художников эпохи Муромати. На тему «Восьми видов рек Сяо и Сян» в Китае, как и в Японии, также создавались поэтические произведения. Примечательно, что в Японии в эпоху Токугава стала популярной тема «Восьми видов О:ми», возникшая под влиянием китайского живописного и поэтического цикла [Торопыгина, 2018, с. 273–294]. В данном фрагменте хроники Ота

Посреди озера есть знаменитый остров, зовущийся Тикубудзима. Кроме того, [там находится остров], зовущийся Такэсима⁸⁵, — скала, круто вздымающаяся [из воды]. Окуносимаяма⁸⁶, [храм] Тёмэйдзи Каннон⁸⁷, утром и вечером доносится до слуха звон колокола. С другой стороны озера — высокие пики Хиранодакэ, [вершина] О:дакэ, [горы] Хиэй и Нёигатакэ. На юге села и деревни, тянутся заливные и сухоходльные поля, [гора] Микамияма, [которую] уподобляют Фудзи⁸⁸. На востоке — [гора] Каннондзияма. У [ее] подножия [все время] продолжается движение по тракту, не прекращаясь ни днем, ни ночью. К югу от горы [Адзуги] — бухта, [видна] безбрежная [гладь озера]. Внизу горы рядами выстроились ворота [домов], [слышен] могучий голос ветра. Не счесть [живописных] видов вокруг. Дворец [князя Нобунага]⁸⁹ [строили], следуя китайскому стилю. Резиденция сёгуна⁹⁰ [сияла как] отшлифованный драгоценный камень и была выложена ляпис-лазурью, [а] сто сановников⁹¹ старались как можно великолепнее [украсить свои усадьбы] — [словно] столица цветов⁹² была перенесена [сюда]. Не соизмерить могущество и величие, свершения [князя Нобунага].

Доставили знаменитые вещи, прославленные [шедевры], — кувшин [для чайного листа] Сё:ка⁹³ и кувшин [для чайного листа] Кинка⁹⁴. [Князь Нобунага] пришел в прекрасное расположение духа.

Кроме того, Фусэ Микава-но камии тогда разыскал и преподнес [его милости] не имевшее коленцев древко стрелы [без наконечника с оперением] из хвостовых перьев

Гю:ити использует названия знаменитых видов, чтобы подчеркнуть красоту пейзажа, открывающегося из замка Адзуги.

⁸⁵ Такэсима, остров на озере Бива (современный город Хиконэ, префектура Сига). Тикубудзима, остров на озере Бива (современный город Нагахана, префектура Сига).

⁸⁶ Окуносимаяма — Окисима, крупнейший остров на озере Бива (современный город О:михатиман, префектура Сига), Высшая точка острова достигает 225 м.

⁸⁷ Тёмэйдзи Каннон — храм Тёмэйдзи в провинции О:ми (современный город О:михатиман, префектура Сига), по легенде основанный принцем Сё:току-тайси. Святынями храма являются три изваяния бодхисаттвы Каннон — «Тысячерукая Каннон», «Одиннадцатиликая Каннон» и «Святая Каннон». В эпоху Муромати храму покровительствовал дом Роккаку, владевший южной частью провинции О:ми.

⁸⁸ Микамияма (современный город Ясу, префектура Сига, 432 м).

⁸⁹ Дворец [князя Нобунага] — *годэн* (御殿). В англ. переводе — «castle» [The Chronicle of Lord Nobunaga, 2011, p. 258]. Однако, по-видимому, под *годэн* подразумевается не весь замок, а главная башня (*тэнто*), где находилась резиденция Нобунага.

⁹⁰ Резиденцию сёгуна — *сё:гун-но отати* (将軍の御館). Нобунага не занимал поста сёгуна. Автор хроники использует такое именование, чтобы подчеркнуть могущество власти «объединителя» Японии.

⁹¹ Сто сановников — *хяккан* (百官), «все сановники», т. е. вассалы Нобунага.

⁹² Столица цветов — *караку* (花洛), Киото.

⁹³ Сё:ка (せうくわん, 松花) — сосуд для чайного листа, «знаменитая вещь» (*мэйбуцу*), изготовленная в Китае в XIII–XIV вв. (периоды династий Южная Сун и Юань). После гибели Нобунага досталась Тоётоми Хидэёси, который передал ее Токугава Иэясу. Имеет статус «важного культурного достояния» и хранится в городе Нагоя в «Музее искусства Токугава».

⁹⁴ Кинка (きんくわ, 金花) — сосуд для чайного листа, «великая знаменитая вещь» (*о:мэйбуцу*), изготовленная в Китае в XIII–XIV вв. (периоды династий Южная Сун и Юань). Принадлежал дому Роккаку, а затем в разное время им владели три «объединителя» Японии. Хранится в городе Нагоя в «Музее искусства Токугава».

орла, [которым] из поколения в поколение владел дом Сасаки Сакё:-но дайбу⁹⁵. Тем самым [у князя Нобунага] собраны были редкостные вещи.

Большой корабль, построенный [по воле князя Нобунага] в прошлые годы в Саваяма, [он] использовал один раз — в год, когда [случился] мятеж его светлости *кубо*.⁹⁶ Отныне большой корабль не надобен, объявил [князь Нобунага]. Отдал распоряжения Икайно Дзинсуке, приказав разобрать [на части] и переделать [его] в десять быстроходных кораблей⁹⁷.

11-я луна, 4-й день. [Князь Нобунага] отбыл в столицу. По суше миновав Сэта, добрался до Мё:какудзи в Нидзё: и поселился [там].

Та же [луна], 12-й день. Акамацу, Бэссё Косабуро:, Бэссё Магоэмон, Урагами То:то:ми-но ками, Урагами Кодзиро:⁹⁸ прибыли в столицу и приветствовали [князя Нобунага].

(7). 4-й год [девиза правления] Тэнсё:, крысы и старшего брата огня, 11-я луна, 21-й день.

Вновь Нобунага был повышен в должности, [став] *найдайзин* внутренним министром⁹⁹. На сей раз [он] снова изволил предоставить владения [отпрыскам] регентских домов и сиятельной знати. В государев дворец [князь Нобунага] направил 200 пластин золота, *дзинко*:¹⁰⁰, свертки ткани и иные [дары] в бесчисленном множестве, представив [все это] на обозрение [его величества]. Тогда [князь Нобунага] всемилостивейше [был] пожалован одеянием [от его величества]. Не может быть чести, превыше этой. Следуя счастливому обычаю, [связанному с присвоением] должности и ранга, [князь Нобунага] тотчас же изволил прибыть в [обитель] Сэсонъин в [храме] Исияма. Братья Ямаока Мимасака и Ямаока Гёкурин поднесли поздравительное угощение. У Исияма [князь Нобунага] два дня охотился с соколами. Морозный месяц, 25-й день. Вернулся в Адзуги.

⁹⁵ Сасаки Сакё:-но дайбу — Роккаку Ёсиката (1521–1598), правитель южной части провинции О:ми. Его удел был захвачен Нобунага в 1568 г. во время похода на Киото. Фусэ Микава-но ками (?–?) — бывший вассал Роккаку.

⁹⁶ Большой корабль (*о:бунэ*; 大船) с сотней весел был построен по приказу Нобунага в 1573 г. На нем он смог быстро переправиться через озеро Бива, после чего принудил к капитуляции защитников укрепленной резиденции сёгуна Асикага Ёсиаки в Киото (7-я луна 1573 г.) [*Синтё:-ко*: ки, 1996, с. 149].

⁹⁷ Быстроходных кораблей — *хяяфунэ* (早舟). В периоды Хэйан и Камакура *хяяфунэ* (*хяябунэ*) были быстроходными военными кораблями с высокой кормой. В конце Средневековья и в начале Раннего Нового времени так именовали *сэкибунэ* (関船) — вытянутые по форме быстроходные военные суда с множеством гребцов. Небольшой по размерам *сэкибунэ* с количеством весел менее 40 именовался *кобая* (小早), «небольшой быстроходный корабль» [Сэкай, 2006] См. также: *Сэкибунэ* 関船. *Нихон кокуго дайджитэн*. URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%96%A2%E8%88%B9-86926%E5.A4.A7.E8.BE.9E.E6.9E.97.20.E7.AC.AC.E4.B8.89.E7.89.88> (дата обращения 01.07.2020).

⁹⁸ Самурай провинции Харима: Акамацу — Акамацу Хирохидэ (1562–1600), Бэссё Косабуро: — Бэссё Нагахару (1555–1580), Бэссё Магоэмон — Бэссё Сигэмунэ (?–1591). Самурай провинции Бидзэн: Урагами То:то:ми-но ками — Урагами Мунэкагэ (?–?), Урагами Кодзиро: (?–?) — сын Мунэкагэ. Нобунага требовалась поддержка воинов Западной Японии для борьбы с домом Мо:ри.

⁹⁹ *Найдайзин* (内大臣) — «внутренним министром». Официальное назначение было произведено в 21-й день 12-й луны 4-го года Тэнсё: (начало января 1577 г.) Нобунага был также удостоен 3-го старшего ранга [Кугё:, 1899, с. 657].

¹⁰⁰ *Дзинко*: (沈香) — 1) аквилария (вечнозеленое дерево); 2) ароматическое вещество, получаемое из ее коры. Здесь, по-видимому, бином употреблен во втором значении.

(8). 12-я луна, 10-й день. [Князь Нобунага] остановился в Саваяма для соколиной охоты в Кира. В 11-й день [он] добрался до Гифу. Следующий день провел [там]. В 13-й день дошел до Киёсу в провинции Овари. В 22-й день достиг Кира в Микава. Проведя [там] три дня, добыл [на охоте] много [дичи]. В 26-й день вернулся в Киёсу.

12-я луна, первый день. [Князь Нобунага] изволил прибыть в провинцию Мино и встретил Новый год в Гифу.

Литература / References

- Андросов В. П. *Индо-тибетский буддизм. Энциклопедический словарь*. М., 2011 [Androsov V. P. *Indo-Tibetan Buddhism. Encyclopedic Dictionary*. Moscow, 2011 (in Russian)].
- Вада Ясухиро (和田裕弘). *Синтё:-ко: ки. Сэнгоку хася-но иккю: сирё:* (信長公記. 戦国覇者の一級史料). Токио, 2018.
- Дайнихон комондзё* (大日本古文書). Иэвакэ 家わけ. Т. 8. *Мори-кэ мондзё* (毛利家文書). Ч. 1. Токио, 1920.
- Духовная культура Китая: энциклопедия*. Титаренко М. Л. и др. (ред.). Т. 2. М., 2007 [The *Spiritual Culture of China*. Titarenko M. L. et al. (ed.). Vol. 2. Moscow, 2007 (in Russian)].
- Духовная культура Китая: энциклопедия*. Титаренко М. Л. и др. (ред.). Т. 3. М., 2008 [The *Spiritual Culture of China*. Titarenko M. L. et al. (ed.). Vol. 3. Moscow, 2008 (in Russian)].
- Духовная культура Китая: энциклопедия*. Титаренко М. Л. и др. (ред.). Т. 6. М., 2010 [The *Spiritual Culture of China*. Titarenko M. L. et al. (ed.). Vol. 6. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Икэгами Хироко (池上裕子). *Ода Нобунага* (織田信長). Токио, 2013.
- История Японии*. Т. 1. *С древнейших времен до 1868 г.* М., 1998 [The *History of Japan*. Vol. 1. *From Ancient Times to 1868*. Moscow, 1998 (in Russian)].
- Каваути Масасэи (河内将芳). *Сэнгоку дзидай-но Киото о аруку* (戦国時代の京都を歩く). Токио, 2014.
- Канда Тисато (神田千里). *Нобунага то Исияма касэн* 信長と石山合戦. 2-е изд. Токио, 2008.
- Кацумата Сидзуо (勝俣 鎮夫). *Сэнгоку дзидай рон* (戦国時代論). Токио, 1996.
- Киносита Хироси (木下浩). *Нобунага то Адзутти-дзё:* (信長と安土城). *Синтё:-ко: ки о ёму* (信長公記を読む). Хори Син (ред.) (堀新編). Токио, 2009. С. 64–84.
- Конрад Н. И. (ред.). *Большой русско-японский словарь*. Т. 1. М., 1970 [Large *Japanese–Russian Dictionary*. N. I. Konrad (Ed.). Vol. 1. Moscow, 1970 (in Russian)].
- Кугё: бунин* (公卿補任). Тю:хэн (中編). *Кокуси тайкэй* (国史大系). Т. 10. Токио, 1899.
- Куно Масаси (久野雅司). *Асиага Ёсиаки то Ода Нобунага. Кайрай сэйкэн-но кёдо:* (足利義昭と織田信長 傀儡政権の虚像). Токио, 2017.
- Мацусита Хироси (松下浩). *Ода Нобунага. Соно кёдо: то дзицудзо:* (織田信長. その虚像と実像) Токио, 2014.
- Мицунари Дзюндази (光成準治). *Мо:ри Тэрумото. Сайгоку-но ги макасёокару но ёси со:ро:* (毛利輝元. 西国の儀任せ置かるの由候). Токио, 2016.
- Найто: Акира (内藤昌). *Фукугэн Адзутти-дзё:* (復元 安土城). Токио, 1994.
- Николаева Н. С. *Художественная культура Японии XVI столетия*. М., 1986 [Nikolaeva N. S. *Artistic Culture of Japan of the 16th Century*. Moscow, 1986 (in Russian)].
- Сакагути Ёсиясу (坂口善保) (пер. и комм.). *Якутто: Синтё:-ко: ки* (訳注 信長公記). О:та Гю:ити (太田牛一). Токио, 2018.

- Сакакняма Акира (榊山潤) (пер. и комм.). *Гэндайго яку Синтё-ко: ки (дзэн)*. 現代語訳 信長公記 (全). Ота Гю:ити (太田牛一). Токио, 2017.
- Сато: Тайки (佐藤 大規.) *Адзутти-дзё: тэнсю-но ко:дзо: оёби гайкан-ни кан-суру фукугэн ко:сацу* 安土城天主の構造および外観に関する復元考察. *Сигаку кэнкю: 史學研究*. 2014. Т. 282. С. 22–52.
- Сато: Тайки (佐藤 大規.) *Адзутти-дзё: тэнсю-но хэймэн фукугэн ни кан-суру сиан* 安土城天主の平面復元に関する試案. *Сигаку кэнкю: 史學研究*. 2007. Т. 255. С. 1–22.
- Синтё-ко: ки* (信長公記). Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро (комм.) 岩沢愿彦 奥野高広 校注. 9-е изд. Токио, 1996.
- Судзуки Масандо (鈴木正人) (сост.). *Сэнгоку камондзё ёго дзитэн* 戦国古文書用語辞典. Токио, 2019.
- Сыма Цянь. *Исторические записки (Ши цзи)*. Т. I. Р. В. Вяткин, В. С. Таскин (пер. и комм.). 2-е изд. М., 2001 [Sima Qian. *Shi Ji*. Vol. I. R. V. Vyatkin, V. S. Taskin (tr., comm). 2nd ed. Moscow, 2001 (in Russian)].
- Сыма Цянь. *Исторические записки (Ши цзи)*. Т. VII. Р. В. Вяткин (пер., предисл.). М., 1996 [Sima Qian. *Shi Ji*. Vol. VII. R. V. Vyatkin (tr., intr.). Moscow, 1996 (in Russian)].
- Сэнда Ёсихиро (千田嘉博). *Нобунага-но сифо* (信長の城). Токио, 2013.
- Танигутти Кацухиро (谷口克広). *Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн* (織田信長家臣人名事典). 2-е изд. Токио, 2010.
- Танигутти Кацухиро (谷口克広). *Ода Нобунага-но гайко: (織田信長の外交)*. Токио, 2015.
- Торопыгина М. В. Японская поэзия: от «восьми видов Сяо и Сян к восьми видам Оми (поэтические циклы Рэйдзэй Тамэсукэ, Коноэ Нобутада, Ота Нампо). *Ежегодник Японии 2018*. Т. 47. С. 273–294 [Toropygina M. V. Japanese Poetry: from the Eight Views of Xiaoxiang to the Eight Views of Ōmi (Poetic Cycles by Reizei Tamesuke, Konoe Nobutada and Ōta Nampo). *Yearbook Japan 2018*. Vol. 47. Pp. 273–294 (in Russian)].
- Юань Кэ. *Мифы древнего Китая*. М., 1987 [Yuan Ke. *The Myths of Ancient China*. Moscow, 1987 (in Russian)].
- Яо Ёсно (八尾嘉男). *Мэйбуцугари то отяноу госёйдо-но дзицудзо: то ва* (名物狩りと御茶湯御政道の実像とは). *Нобунага кэнкю:но сайдзэнсэн* (信長研究の最前線 2). Ватанабэ Даймон (ред.) (渡邊大門編). Токио, 2017. С. 282–299.
- Buswell Jr. R. E., Lopez Jr. D. C. *The Princeton Dictionary of Buddhism*. Princeton, Oxford, 2014.
- Coaldrake W. H. *Architecture and Authority in Japan*. London, New York, 2002.
- McKelway M. P. *Capitalscapes: Folding Screens and Political Imagination in Late Medieval Kyoto*. Honolulu, 2006.
- The Chronicle of Lord Nobunaga* by Ōta Gyūichi. Elisonas J. S. A., Lamers J. P. (transl. and ed.). Boston, Leiden, 2011.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Бонсэки 盆石. *Буританика кокусай дайхякка дзитэн сё:комоку дзитэн* ブリタニカ国際大百科事典 小項目事典 Britannica Japan Co., Ltd. 2014. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%9B%86%E7%9F%B3-135108> (дата обращения 01.07.2020).
- Дзасики 座敷 URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%BA%A7%E6%95%B7-510372> *Нихон кокуго дайджитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001. URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%94%90%E7%89%A9-47289> (дата обращения 01.07.2020).

- Карамоно* 唐. *Нихон кокуго дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%94%90%E7%89%A9-47289> (дата обращения 01.07.2020).
- Кодзасики* 小座敷. *Нихон кокуго дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E5%B0%8F%E5%BA%A7%E6%95%B7-500869>
(дата обращения 01.07.2020).
- Ко:дзиэн* (広辞苑). 6-е изд. Изд. на DVD ROM. Иванами сётэн, 2008.
- Самадо* 狭窓. *Нихон кокуго дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%8B%AD%E7%AA%93-511944> (дата обращения 01.07.2020).
- Сёин* 書院. *Нихон кокуго дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%9B%B8%E9%99%A2-78775> (дата обращения 01.07.2020).
- Ситикэн* 七賢. *Нихон кокуго дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E4%B8%83%E8%B3%A2-520772> (дата обращения 01.07.2020).
- Сэкай дайхякка дзитэн* (世界大百科事典). Под ред. Като: Сюити 加藤周一 編. Изд. на CD ROM. Хэйбонся, 2007.
- Сэкибунэ* 関船. *Нихон кокуго дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E9%96%A2%E8%88%B9-86926%E5.A4.A7.E8.BE.9E.E6.9E.97.20.E7.AC.AC.E4.B8.89.E7.89.88> (дата обращения 01.07.2020).
- Татами* 畳. *Буританика кокусай дайхякка дзитэн сё:комоку дзитэн* ブリタニカ国際大百科事典 小項目事典 Britannica Japan Co., Ltd. 2014. URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%95%B3-93406>, 2014 (дата обращения 01.07.2020).
- Тикурин-но ситикэн* 竹林の七賢. *Буританика кокусай дайхякка дзитэн сё:комоку дзитэн* ブリタニカ国際大百科事典 小項目事典 Britannica Japan Co., Ltd. 2014.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E7%AB%B9%E6%9E%97%E3%81%AE%E4%B8%83%E8%B3%A2-96043> (дата обращения 01.07.2020).
- Тэмагри* 駄走 手鞠 桜. *Нихон кокуто дайdzитэн* 日本国語大辞典. 2-е изд. Сёгакукан, 2001.
URL: <https://kotobank.jp/word/%E6%89%8B%E9%9E%A0%E6%A1%9C-2065372>
(дата обращения 01.07.2020).

**БАЛБИР МАДХОПУРИ. С ЧИСТОГО ЛИСТА:
ЗАРУБКИ В ДЕТСКОЙ ПАМЯТИ
(ГЛАВА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ «ОБРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО»)**

© 2020

А. В. Бочковская*

Публикация продолжает серию комментированных переводов с хинди из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāngiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури, известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля. Он родился и вырос в квартале чамаров-неприкасаемых в панджабской деревне Мадхопур на северо-западе Индии, прошел трудную школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. В 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби. В автобиографическом романе, включенном в программы панджабских школ и целого ряда гуманитарных вузов Индии, Балбир Мадхопури делится детскими и юношескими впечатлениями и эмоциями, определившими его мотивации к борьбе за выход из круга нищеты и бесправия. Глава «С чистого листа: зарубки в детской памяти» повествует о восторгах и обидах, надеждах и страхах, радостях и печалях, которые наполняли детство автора и его друзей в Мадхопуре в конце 1950-х — начале 1960-х гг. Рассказ о повседневной жизни деревни, о непростых взаимоотношениях ее обитателей — в основном сикхов и индусов — переплетаются с размышлениями Балбира о социальной несправедливости и кастовом неравенстве, сохраняющихся в индийском обществе и поныне. Предлагаемый читателю отрывок из автобиографии Балбира Мадхопури — третий из четырех, запланированных к публикации в журнале в 2020 г.

Ключевые слова: Индия, Панджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература.

Для цитирования: Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. С чистого листа: зарубки в детской памяти (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 249–264. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-249-264

* Анна Викторовна БОЧКОВСКАЯ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; anna.bochkovskaya@gmail.com
Anna BOCHKOVSKAYA, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; anna.bochkovskaya@gmail.com
ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

Перевод главы «С чистого листа: зарубки в детской памяти» выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2017]. Публикуется с разрешения автора. — *Здесь и далее примеч. перев.*

**BALBIR MADHOPURI. *KORE KĀĠAZ KĪ GAHRĪ LIKHAT* /
INSCRIPTIONS ON A TENDER MIND
(A CHAPTER FROM *CHĀNGIĀ RUKH* / *AGAINST THE NIGHT*)**

Anna V. Bochkovskaya

The commented translation from Hindi of a chapter from the *Chāngiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist and social activist, brings forward episodes from the life of low-caste inhabitants of a Punjab village in the 1960–1970s. Following the school of hard knocks of his childhood in the *chamar* quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. In 2014 he was awarded the Translation Prize from India's Sahitya Academy for contribution to the development and promotion of Punjabi, his mother language. Narrating the story, Balbir Madhopuri shares memories, thoughts and emotions from early days that determined his motivations to struggle against poverty, deprivation and injustice. The chapter *Kore kāḡaz kī gahrī likhat* (*Inscriptions on a Tender Mind* [Madhopuri, 2010]) tells readers about joys and sorrows, hopes and fears, delights and regrets that were part of his childhood in Madhopur. Scenes from everyday life in the home village, episodes highlighting complex relations between its inhabitants — predominantly Sikhs and Hindus — intertwine with Balbir Madhopuri's reflections on social oppression and caste inequality that still remain in contemporary India's society. This commented translation is the third in a series of four chapters from Balbir Madhopuri's autobiography scheduled for publication in this journal in 2020.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature.

For citation: Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. *Kore kāḡaz kī gahrī likhat* / *Inscriptions on a Tender Mind* (A Chapter from *Chāngiā rukh* / *Against the Night*). *Vestnik Instituta Vostokovedeniia RAN*. 2020. 3. Pp. 249–264. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-249-264

Я должен сразу, в самом начале своей автобиографии, пояснить, что люди из касты, к которой принадлежала моя семья, не обращались ни к кому за составлением гороскопов и не верили, что их жизнь может измениться к лучшему, если делать пожертвования астрологам... Поэтому, хотя по школьной метрике датой моего рождения считается 24 июля 1955 года, моя мать думает иначе. Она говорит, что я родился во вторник.

И еще: в нашей касте я оказался первым во многих поколениях, кто получил возможность научиться читать и писать.

«Прикрикни на это чамарское¹ отродье, гони их прочь!» — так джат-бхай² в гурдваре³ говорил всякому, кто оказывался рядом с ним во время празднования санграда, первого дня индийского солнечного месяца⁴, или гуртураба, дня рождения гуру⁵, когда

¹ Чамары — кожевники, метельщики, уборщики (низкая каста).

² Бхай — брат; здесь — служитель в сикхском храме-гурдваре. Джаты — состоятельная землевладельческая каста в Северной и Северо-Западной Индии.

³ Гурдвара (букв. «врата Гуру») — сикхский храм.

⁴ В Индии в ходу несколько календарных систем, в числе которых солнечно-лунный календарь. Согласно ему год делится на 12 месяцев, сгруппированных в 6 сезонов.

⁵ Гуртур(а)б — годовщина рождения сикхского гуру; ежегодно определяется по лунному календарю для каждого из 10 гуру. Сопровождается проведением особых обрядов в гурдварах и — в зависимости от масштаба даты — празднествами.

замечал, что мы стоим на цыпочках, цепляясь за решетку на окне. Он сам в это время раздавал *прасад*⁶ собравшимся.

Мы все в ту же секунду разбежались, по дороге спотыкаясь об обувь, которой было заставлено все пространство перед входом в *гурдвару*. Но как только он отворачивался, мы моментально снова оказывались у окна — там же, где и были.

Этот сварливый *бхаи* обычно носил типичную сикхскую одежду-*каччха* — потертую *курту*⁷ из грубой хлопковой ткани; на голове у него кое-как был намотан тюрбан. Одежда *бхаи* была настолько грязной, что, казалось, сливалась по цвету с блестящей от пота кожей. Его лицо было усыпано следами оспы — как будто кто-то брызнул водой на рыхлую серую поверхность навозной лепешки. Когда он говорил в своей дерганой манере, его треугольная белая борода тряслась. Мы часто хихикали над его глазами-щелками.

«Не справиться с этими помоечниками! Я сейчас их выпшвырну, этих сукиных...», — и он выплевывал часть ругательства, которое мы мысленно заканчивали сами.

Когда подходила наша очередь получать *прасад*, он ругался: «Я сколько уже раз говорил вам, подлым, чтобы спокойно на месте сидели!» А мы все же подскакивали и тянули к нему сложенные лодочкой руки, стремясь чуть продвинуться вперед и опередить друг друга. *Бхаи*, не наклоняясь, швырял *прасад* нам в руки, но мы ухитрялись ловить его на лету. Иногда кто-то из детей не успевал поймать свою долю, *прасад* падал на пол, и это было обидно до слез. А прежде чем успевали поднять *прасад*, пес Дабу, сидевший и ждавший именно этого момента, заглатывал его. Несколько раз медная мисочка, которую я протягивал для *прасада*, вылетала из моих рук, когда *бхаи* быстро — не дай бог дотронуться до посуды или детской руки! — швырял в нее маленькую порцию. И когда так случалось, чувство восторга меня тут же покидало — и надолго.

Время от времени он спрашивал кого-нибудь из нас: «Эй, ты же уже получил *прасад*, так?»

«Нет, баба⁸, нет еще!» — отвечал любой, кого бы ни спрашивали, быстро проглотив *прасад* и вытерев руки о рубашку. По пути домой мы радостно обменивались впечатлениями и хвастались успехом: «И я тоже три раза смог!»

«Не знаешь что ли этого пронюру — вечно мухлюет! Тем, кто сидит внутри, дает по полной пригоршне, а нам всего щепотку», — когда я услышал эти слова проходившего мимо Массы, внутри меня щелкнуло — как выходявшая на сторону *гурдвары* стена нашей глиняной хижины, что треснула во время землетрясения.

Оставаясь один, я мысленно перемещался к *гурдваре* и стоял там, как будто молился; беззвучная молитва была слышна только мне. Единственной разницей между мной и хорошо одетыми девочками и мальчиками, сидевшими внутри *гурдвары*, было лишь то, что у меня была единственная пара штанов, чтобы прикрыть наготу; и моя

⁶ *Прасад* — часть подношения божеству (фрукты, сладости и др.), возвращающаяся в качестве «ответной милости» верующему. В сикхизме *прасад* в виде сладкой массы из равных долей муки / манки, масла и сахара раздают всем присутствующим по окончании совместной молитвы как символ равенства и гостеприимства. Его принято принимать с почтением, непременно двумя руками, сложив их лодочкой.

⁷ *Курта* — длинная рубаха без воротника.

⁸ *Баба* — уважительное обращение к старшему; отец; дед.

кожа была темнее, чем у них. Внезапно долгая проповедь *бхаи* о карме⁹ разворачивалась передо мной — как глубокий деревенский пруд, который я так и не осмелился переплыть... Трещина в стене нашей глиняной хижины постепенно делалась шире, и крыша еле держалась. Среди воспоминаний в памяти промелькивало невинное личико девочки моего возраста, пришедшей в родную деревню матери; она едва не расплакалась, когда собака съела мою порцию *прасада*. Она хотела было отдать мне свой *прасад*, но женщина схватила ее за маленькие косички и потащила в сторону. Девочка на ходу плакала: «Мами¹⁰... Мами!». Погрузившись в такие мысли, я приходил к выводу — ноги моей теперь не будет во дворе *гурдвары*! Что я потеряю, если не получу *прасад*?

Мы часто видели чалую кобылу Биккара — из вали¹¹. Вся наппа ватага с криками бежала ему навстречу. Когда Биккар приближался к нашим хижинам, он спешил и вел кобылу под уздцы, а она без конца махала хвостом из стороны в сторону. Мы шли за ней, мимо *хавели*¹² хаканов¹³, нангов¹⁴, болтунов-шейхчилли¹⁵ — прямо до *хавели* лошадиников-гхора¹⁶ и заклинателей-мантри¹⁷. Мне ужасно хотелось запрыгнуть верхом на жеребенка, бежавшего рядом с матерью, подталкивая ее и засовывая мордочку между ее ног, иногда спереди, иногда сзади. Но мысль о причудах кармы меня не оставляла и вынуждала отказаться от этой мысли. Нередко мы с воплями отступали назад — когда кобыла останавливалась, чтобы уронить лепешку.

А как-то, когда мы дошли до пруда нангов, мальчишки стали кидать в него горшечные черепки, и тут я заметил ростки мангового дерева. Их нижние листья были зелеными, нежными, а новые побеги — светло-коричневыми. Я попытался откопать один росток вместе с комом земли, но сразу не смог. Но все же постепенно, принаравливаясь, вытянул его — полностью, с корнем.

И вот когда я копал лунку в нашем дворике, чтобы его посадить, Бапу¹⁸ выхватил мотыгу у меня из рук со словами: «Мама¹⁹, что ты стараешься равняться с джатами! У них много земли и большие дома. У нас же места тут столько, что можно лишь сесть-встать!»

Мое сердце поникло — как ростки манго. Как будто ураган унес все мои лепестки-желания. Но если так, думал я, у нас тоже должно быть дерево во дворике,

⁹ *Карма* — причинно-следственный закон, по которому деяния человека определяют его дальнейшую судьбу.

¹⁰ *Мами* — тетка (жена брата матери).

¹¹ *Вали* — хозяин, правитель; здесь имеется в виду высокая каста.

¹² *Хавели* — каменный, т. е. богатый дом.

¹³ *Хаканы* — прозвище семьи, где старший всегда заканчивал разговор словом *hakana* («хорошо»). В сносках 14–17 приведены пояснения автора по поводу прозвищ богатых джатских семей, живших в деревне.

¹⁴ *Нанги* («нагие») — семья, старшие в которой обычно носили только набедренную повязку.

¹⁵ *Шейхчилли* — глупый болтун.

¹⁶ *Гхора* (конь, лошадь) — семьи, у которых были лошади; также те, кто имели привычку ходить быстрым шагом.

¹⁷ *Мантри* (от *мантра* — молитвенная формула или заклинание) — здесь: прозвище семьи, члены которой постоянно повторяли: «С божьей помощью!» (букв. «произнеси *мантру*»).

¹⁸ *Бапу* — отец.

¹⁹ *Мама* — дядя (брат матери); также используется как обращение к молодым людям.

чтобы ласточки, голуби и попугаи могли прилетать туда как на насест и устраивать перебранку на ветвях.

Я все еще был погружен в свои мысли, когда перед самым закатом появился мой друг Пап: «Гудд, там призрак на тропинке к нашему шмашану!»²⁰

Он бежал бегом и еле перевел дыхание. Я был потрясен:

«Каков он собой?»

«Говорят, он — иччхадхари, может по своему желанию превращаться в человека, или козу, или змею с каури²¹, или еще в кого-нибудь» — его взволнованный голос перепутал меня еще сильнее.

«Кто его видел, говорит, что он превращается в карлика-садху с длинными волосами, одетого в черное». Зрачки Папа то расширялись, то сужались; лицо то бледнело, то краснело.

Все эти картинки промелькнули перед моим ошеломленным взором. Я раньше слышал рассказы бабушки, да и друзья говорили, что гиены выкапывают тела умерших младенцев, поскольку их обычно не кремируют, а либо хоронят на территории *шмашана*, либо предают реке. Так вот почему, подумал я, у почтальона Мохана Лала всегда с собой посох со связкой колокольчиков: когда он быстро идет, опирается на посох, колокольчики звенят — они должны громко звенеть, чтобы дух испугался и ушел с тропинки! Его шапка цвета хаки напоминала мне шапку Сулеймана из сказок, которые рассказывала бабушка. Она часто повторяла: «Если надеть такую шапку, все несчастья уйдут».

Той ночью меня слегка лихорадило. Мысли о призраке всю ночь крутились в голове. От страха я закрывал глаза, потом снова открывал. Огонек маленькой потемневшей железной лампы, мерцавший в стенной нише нашего дворика, пытался разогнать огромные волны страха, которые, казалось, поглотили меня. Когда пламя трепетало, мое сердце тоже замирало, и я думал: «Если бы только раздобыть шапку Сулеймана...»

На следующий день я не пошел по зову природы в западную часть деревни, а вместо этого направился в близлежащее поле, после чего побежал домой. На дорожке я чуть не столкнулся с *маи*²² Ишари. Хотя Ишари была согнута пополам и горбата, к счастью, она смогла удержаться на ногах, прислонившись к стене. Она не узнала меня, и я избежал серьезного выговора.

«Только посмотри, как запачкал ноги! Грязнющие!» — выговаривала мама, когда отчищала меня в маленьком выложенном кирпичами закутке для мытья между входом и стеной дворика. Потом она ушла в чулан и позвала: «Сынок, иди сюда! Насыпь это зерно в подол курты, отнеси Ратте и возьми у него чайных листьев».

В лавку брахмана Ратты, которая была в центре деревни, я ходил часто и наблюдал, как рано поутру джхиры-водоносы Киччхи и Папу доставляют воду джатам, брахманам и ювелирам. Каждый ловко нес на правом плече по большому глиняному горшку, поверх которого стоял маленький. Хотя они были молодыми людьми, оба еле дышали, а спины их были по-стариковски согнуты. Они быстро шли, неся тяжелые

²⁰ *Шмашан* / *смашан* — место для кремации трупов.

²¹ Ядовитая змея с разводами, напоминающими ракушки-каури.

²² *Маи* — матушка (обращение к пожилой или уважаемой женщине).

грузы. Мне обычно хотелось швырнуть камень и разбить эти горшки, чтобы Папу, который был старше меня всего на пять или шесть лет, смог бы избавиться от своей ноши. Его одежда была насквозь промокшей от плескавшей в горшках воды. Чуть позже они уже бежали в сторону школы. Их отец, Диван, также носил воду многим семьям — с помощью приспособления из перекладки с двумя веревочными кольцами на концах. Он носил эту перекладку на плече, идя аккуратными шагами; при этом горшки, закрепленные в веревочных кольцах, болтались и покачивались из стороны в сторону с каждым шагом.

Кто-нибудь из женщин, стоя в дверях, говорил ему: «Диван, принеси воду сначала нам: идем по печальному делу»²³.

«Панча»²⁴, еще раннее утро, что же ты уже вспотел? — спрашивал кто-то из джатов, глядя на его пропитанную потом одежду.

«Мне надо сходить кое-куда по делам, думал, что лучше начать с раннего утра», — объяснял Диван на своем диалекте маджхи²⁵.

Я также часто видел, как джхиры *таи*²⁶ Сибо и ее сын Джит разносят воду по домам. Колесо кармы, казалось, продолжало свое вечное движение, подобно персидскому колесу. Казалось, что новые закрепленные на колесе черпаки заполнены водой — как символ добрых дел из историй, которые рассказывает *бхаи* в *гурдваре*, а старые дырявые черпаки — пустые, как нерассказанные истории. Часто по пути в лавку и обратно я слышал, как *бхаи* в нашей *гурдваре* читает гимны из Гуру-грантх²⁷. Но Бапу, бывало, говорил: «Не знаю, что этот бхаи бормочет себе под нос. Вчера начал с первым же пением петуха!»

«Что ты болтаешь! Что если кто-то услышит тебя?» — мягко увещевала его мама.

Моя деревня, каждый вечер исчезающая в густой ночной темноте, вновь возрождалась к жизни, как только солнце выглядывало на востоке. Бапу несколько раз затягивался *хуккой*²⁸ и доставал свой медный стакан. К этому времени подходили сыновья моего дяди. У них тоже с собой был стакан или миска — засунутые в карман или завязанные в край *ангочхи* — тонкой накидки на плечах. Все они отправлялись на работу на день или на полдня. Я смотрел им вслед, а они оглядывались и с усмешкой бросали: «Для нас никогда нет посуды — у тех, к кому мы идем. Что ж...»²⁹

Я молча удивлялся: неграмотные, не могут и слова написанного понять, а как им удастся прочитать те вопросы, что в глазах?

Голова у меня все еще была занята размышлениями о призраке, расставляющем свои силки, и многие ночи проходили в этих мыслях. Завывания и плач шакалов пугали меня еще больше. Я слышал, как громко колотится мое сердце! Длинные ночные зимы, казалось, были бесконечными. Но когда наступала пора рубки сахарного тростника, шакалы уходили дальше от деревни, и их вой слышался лишь изредка.

²³ Т. е. выразить соболезнования по поводу смерти.

²⁴ *Панча* — уважительное обращение к дживарам-водоносам.

²⁵ Маджха — область между реками Рави и Беас. В каждом панджабском двуречье-доабе в ходу свой специфический диалект, отличный от литературного панджаби.

²⁶ *Таи* — тетка (жена старшего брата отца).

²⁷ *Гуру-грантх* (букв. Книга-гуру) — главный священный текст сикхов.

²⁸ *Хукка* — кальян.

²⁹ Прикосновение низкокастовых к любому предмету означало его осквернение.

Тишину раннего зимнего утра разрывал невообразимо громкий голос Даса — Гурудаса Сингха из *намбардаров*³⁰, затачивавшего: «Джай Али! Джай Али!»³¹ Даже в тепле постели я вздрагивал и прижимался к старшему брату, Бирджу, спавшему рядом, и со страхом в душе возносил молитву невидимому Всевышнему. Бывало так, что забывался сном только на заре.

Дас появлялся у наших хижин рано утром. Его влажные волосы обычно были распущены³²; пышная белая борода шла ему, но он выглядел как какой-то гигант или как привидение. Он носил недлинное *дохоти*³³ и *курту* — как ниханги³⁴. Как правило, в правой руке он держал железное ведро, а на левом плече — связку тростниковых стеблей. Выглядел он устрашающе, и я прятался за дверь.

«Ей-богу, он выпивает целый горшок тростникового сока! С неделю назад мальчишки в лавке, где жмут сок, дали ему целый горшок, и он его весь выпил, а потом его рвать начало», — как-то, завидев Гурудаса, сообщил моему отцу Сварна, стоявший у двери своей хижины — по соседству.

«Бог знает, что за дела у них в семье! Такой видный парень, а ходит к колодцу в полночь, впрягает себя вместо скотины и крутит его», — добавил Бапу.

«Они захватили все земли, и где такие³⁵ — тоже, и потому пир³⁶ должен их терзать — факир-мусульманин так просто никого не отпускает», — Сварна повторил то, что часто слышал от других.

«Они проводят много акханд-патхов³⁷, однако...», — заметил Бапу.

В это время Дас подошел и остановился около них. Я наблюдал сквозь дверную щель.

«Тхакара³⁸, я себя вымотал, кручу головой во все стороны, говорю громко, а иногда даже равновесие теряю. Пир спрашивает — почему вы разрушили мою могилу? Говорит, теперь вы должны построить мне мавзолей, каждый четверг зажигать светильники и приходить с подношениями. Но я могу все это делать, только если вся семья меня будет слушать», — Дас высказал все, что было на душе; по ходу он размахивал ведром, которое держал в руках.

³⁰ *Намбардар* — престижная административная должность в деревне. *Намбардары* назначались англичанами из числа землевладельцев-*заминдаров* для сбора налогов и (совместно с полицейскими) контроля за порядком; должность передавалась по наследству.

³¹ «Джай Али!» — «Во славу Али!»

³² Сикхи не должны стричь волосы и бороду, поэтому волосы обычно закрепляют на голове и убирают под тюрбан.

³³ *Дохоти* — мужская беспшовная одежда: кусок ткани оборачивают вокруг бедер, один конец пропускают между ног и закрепляют на поясе.

³⁴ *Ниханги* (также *акалы* — бессмертные) — члены сикхского военного ордена, отличавшегося беспредельной преданностью сикхским гуру, бесстрашием, воинственностью и непримиримостью к врагам. Ниханги носят одежду (*дохоти* чуть ниже колен и длинную *курту*) синего цвета.

³⁵ *Такия* — обитель мусульманских факиров-отшельников.

³⁶ *Пир* — мусульманский святой.

³⁷ *Акханд-патх* — ритуал непрерывного чтения всех 1430 страниц сикхского священного текста Гуру-грантх от начала до конца, обычно длящийся более 48 часов. Проводится как по праздникам и важным для сикхов датам, так и по индивидуальным поводам — рождение ребенка, смерть родственника, выздоровление, окончание школы или получение диплома, снятие наговора, порчи и т. д.

³⁸ *Тхакара* — от *тхакур* (*заминдар*, помещик; правитель), уважительное обращение.

Если могила *нира* не больше существует, где он живет тогда? И как он может говорить? Он пугает людей ночью — а кого он тогда днем боится? Эти мысли крутились у меня в голове.

Спустя мгновение Дас сказал: «Сварна, пойдем со мной к колодцу! Твоя выжималка³⁹ работает же, да? Пойдем быстрее!»

«Что же вас так тревожит с раннего утра, намбардар?» — спросил Бапу.

«Ей-богу, весь дрожу. Все внутри как будто горит!»

Только когда Дас и Сварна уходили за последнюю хижину у баньяна, я и другие дети вышли из своих домов и, стоя на дорожке, хором завопили: «Джай Али! Джай Али!»

Сварна оглянулся на нас, но Дас толком и не мог назад посмотреть.

...Бапу направился к корове и буйволице, привязанным под баньяном. Поглаживая буйволицу по крупу, он выбирал присосавшихся клещей. Бросал на землю и давил каждого указательным пальцем правой руки; но иногда одна из этих зараз снова начинала двигаться. Он поднимал с земли осколок глиняной посуды, клал около правой ноги и объявлял: «Только глян! Они прикидываются дохлыми! Сейчас я тебя!» В процессе уничтожения кровососов буйволица закрыла глаза и стала жевать жвачку. Не знаю, что нашло на Бапу, но он приказал мне: «Гудд, иди домой и принеси мои рваные штаны — они лежат в загоне для скота».

Я тут же побежал за ними.

«Только глян, какой слой грязи!», — восклицал он, энергично отчищая спину животного принесенной тряпкой. «И с тебя тоже клещей уберу!», — заверил он бурую корову, глядя на нее с нежностью. Казалось, он прекрасно находил общий язык с животными.

...Шли последние дни зимы. Мы с друзьями всю крутили волчки из сухих листьев баньяна. Дерево стояло застывшее, с голыми ветвями, а все листья лежали на земле. На ветках уже были заметны молодые красноватые побеги. В конце осени 1962 года я впервые пошел в школу.

В школу я часто ходил и раньше, но только для того чтобы поиграть в прятки. Втроем — Пап, Дхьян и я — запускали персидское колесо у колодца в центре школьного двора. Оно было не слишком тяжелым, и любой из нас мог одной рукой прокрутить целый оборот. Маленькие металлические ковшики поднимались вверх, и вода из них выливалась в корытце, наполняя его под самую кромку. Как-то, придя домой, я радостно поведал обо всем этом Бапу, а он сказал: «Это был дом-хавели Джана Мухаммада. Он и построил эти комнаты, веранды и мечеть — строил с большим увлечением». Вся наша семья слушала его с большим интересом. Я заметил, что Бапу погрузился.

Он продолжал рассказывать, как будто одновременно пытаюсь что-то вспомнить. «Как-то однажды, также вечером, я побежал к Мохку в его такино, чтобы сообщить, что его Джан идет по дорожке. Все, кто там были, не поверили мне — а я тоже маленьким был тогда», — я заметил проблеск радости на лице Бапу.

³⁹ Станок для выжимания сока из сахарного тростника.

«Я тогда повторил им — идите и сами посмотрите. И тогда Мохку встал и побежал Джану навстречу, чтобы обнять его». Бапу произнес все это так, как будто проделал большую работу.

«Он рассердился и куда-то уехал?» — поинтересовался я и увидел, как в улыбке блеснули крепкие зубы Бапу.

«Нет, он был в армии во время Второй мировой войны, и о нем очень долго ничего не было известно, он и не писал никому. Все уже потеряли надежду» — похоже, история Бапу все продолжалась.

«Бог мой! Как же обрадовалась Дживан! В честь его возвращения раздавала нам всем ладду⁴⁰! Ко мне первому пришла и принесла рис — как прасад, со словами: “Именно ты принес мне весть о возвращении моего сына!”» — воспоминания Бапу понеслись как скакуны — от школьного здания к *хавели* Джана Мухаммада.

«Младший брат Джана Мухаммада, Азиз Мухаммад, был моим близким другом», — голос Бапу потеплел, стал пониже. Его темное лицо немного расслабилось. Шелковые нити, которые он вытягивал из пряжи своих воспоминаний, теперь окутали и меня.

«Все закончилось тем, что хотя где-то резня и убийства уже шли⁴¹, вся их семья отсюда уехала без проблем. Когда они сажались на грузовик, вся деревня собралась проводить их. Дживан и Мохку не скрывали слез. Азиз обнял меня и заплакал... Родное место покидать непросто», — тут Бапу замолчал.

После небольшой паузы продолжил: «Когда грузовик тронулся, Азиз уставился на меня. Он был оцепеневший, как больной был. Ей-богу, он начал рыдать. Я тоже беспомощно смотрел на него. Слезы застилали мне глаза, все было как в тумане... И когда настал вечер, вся деревня погрузилась в тишину, как будто демона увидели... Подлые политики нагрузили лодки камнями».

Когда наступила ночь, перед моими глазами замелькали картины убийств, прощаний, я слышал громкий плач и глубокую тишину, окутавшую деревню. Я видел *джамун* — гвоздичное дерево, сбрасывающее листья в школьном дворе, и мечеть, окутанную глубокими ночными тенями. И думал: почему Бапу не попыхивал своей *хуккой*, как обычно? И почему голос его упал? И хотя я размышлял изо всех сил, не мог найти ответа на все эти вопросы. В какой-то момент я провалился в сон. С утра и намек на эти мысли не было, как будто все из мозга стерлось. Но вечером они снова появлялись — темные и зловещие.

Плотное облако страха, окутавшее мое сердце, похоже, не собиралось рассеиваться. Мои опасения, казалось, касались одного и того же. Ночи для меня в то время стали еще длиннее.

Это случилось как-то вечером, когда женщины из нашего квартала отправились за травой на корм скоту, но тут же вернулись и сообщили: «В доме намбардара полиция!»

⁴⁰ *Ладду* — сладости в виде шариков из муки, молока и сахара.

⁴¹ Раздел Британской Индии в 1947 г. на два государства — Индию и Пакистан — сопровождался массовой резней и погромами на религиозной почве, охватившими всю страну. В них погибло около 1 млн. человек; от 10 до 14 млн. оказались беженцами.

Я тоже уже увидел трех высоких крепко сложенных полицейских. Впервые в жизни увидел констебля. Все они были в рубашках и шортах цвета хаки; тюрбаны тоже были цвета хаки. В руках они держали дубинки. Хотя стояло лето, на них были высокие носки, отвернутые до щиколоток — до обуви. Когда они проходили мимо, на нашей дорожке воцарилась тишина. Не было видно ни души.

Женщины, прятаясь за нашей дверью, выглядели испуганными и измученными. Серпы и мотыги тряслись в их руках, и они шептались: «Эта Миндхо из Панахгиров — она ни с кем не сбежала. Говорят, ее разрезали на три части, засунули в мешок и забросили в колодец под хлопковым деревом»⁴². Я стоял рядом, и мои ноги от ужаса подкосились.

Когда полицейские ушли, дверь открыли. «Одному богу известно, какой дурак нанял этого тиланга»⁴³! А тот мерзавец, что сзади, слишком разжирел, у него уже брюхо выросло, потому что сжирает то, что ему не принадлежит! — заметил Бапу достаточно громко, чтобы все, кто был рядом, слышали его мнение по поводу констеблей, худого и толстого. Все одновременно хихикнули.

Бапу продолжал: «Обнаглели! Не могли уж запрятать эту харамзادي⁴⁴ где-нибудь в другом месте? У бария⁴⁵ — какая им разница! Не случайно говорят, что джат с серебряной ложкой во рту рождается»⁴⁶! Теперь те подостынут — на пожизненном в тюрьме. Гурмух — из этих бария — разве он не держал при себе их Карми? Кого волнует, что думает Раккха Мунджи — муж Карми?»

Весь день тревожные мысли металась у меня в голове — как пестрые мячики, которыми мы часто играли в детстве. Мне представлялась Миндхо — она то несла своему отцу еду, то чай, то тащила на голове тюк с травой для корма скота. Мне виделось, как она на дорожке или в закоулке разговаривает то с одним человеком, то с другим. Воображал, как ее тело разваливается на части — голова, туловище, руки-ноги. Ночью, перед тем как заснуть, я представлял себе толпу, собравшуюся у колодца под шелковицей, и полицейских, которые волокут все семейство Панахгиров к колодцу. Но когда заговаривал об этом со старшим братом, тот отвечал мне: «Помолись, тогда и сон придет!»

Такого рода события переворачивали внутри меня все. В голове многое вставало с ног на голову и обратно. Все это продолжалось, пока я не услышал, как кто-то, подойдя к ткацким станкам, что располагались под баньяном, сообщил: «По радио у Дурги-брахмана говорят, что Китай нас предал, и с ним война началась»⁴⁷. Правительство объявило призыв в армию».

Все были изумлены; калянные трубки сменили свое положение. Основа на ткацких станках провисла, затем ее свернули. Видно было, как запряженные буйволами повозки направляются по домам после тяжелого дня работы в поле.

⁴² Т. е. родственники Миндхо — незамужней женщины из неприкасаемых — совершили «убийство чести».

⁴³ Тиланг — житель Теланганы (область на юге Индостана); ист. сипай.

⁴⁴ Харамзادي — негодяйка, мерзавка.

⁴⁵ Бария — здесь: джаты, переехавшие в восточную часть Панджаба из дистрикта Лайалпур (область Бар; в 1947 г. отошла Пакистану), когда в XIX в. британская колониальная администрация начала работы по строительству системы каналов в междуречьях Инда.

⁴⁶ Букв. «У джата в сотне семь двадцатю».

⁴⁷ Индийско-китайская пограничная война в октябре–ноябре 1962 г.

От такого известия у меня в голове и во всем теле развернулось целое сражение. Казалось, тревога и страх поселились во мне навсегда. Когда я вспоминал обо всем этом, играя с друзьями под баньяном на закате или лунным вечером, на меня снова накатывали волны страха.

...Как-то раз мама позвала меня мыться, но затем произошло нечто.

«Говори, мама, будешь еще жевать глину?!⁴⁸» — неожиданно Бапу схватил меня за правое запястье и опустил в колодец. Откуда взялась эта туча на чистом небосклоне? Мое дыхание замерло где-то в груди между ребер, и я слышал, как отчаянно колотится сердце.

«Говори же, — продолжал он, — будешь снова жевать глину?!»

Меня сковало как от удара молнии, я даже плакать толком не мог, только тяжело дышал, а сердце, казалось, выскакивало через рот.

Мама в это время стирала одежду на выложенной кирпичами площадке у стенки колодца. Она все бросила, подбежала к нам и закричала: «Ты что, его вытащишь только когда дышать перестанет?!» И, стоя рядом, все повторяла: «А если ты его не удержишь и руку выпустишь?!»

«Сколько раз ругал, но на него не действует!» — зло ответил Бапу.

Я посмотрел на него молящим взглядом, а потом глянул вниз, на воду, поверхность которой была совсем близко под моими ногами.

«Мальчишка так ревет, а ты...», — закричала мама и быстро вытянула меня из колодца. Я был уже еле живой. Даже среди зимнего холода я еще несколько минут обливался потом.

Позже я вспоминал предыдущий сезон дождей. Тогда вода в колодце стояла на уровне земли. Уходила ниже только тогда, когда дожди ослабевали. В колодце плавали лягушки всех размеров. Я часто переживал, что они не могут выбраться из колодца. Но по вечерам у колодца прыгало и квакало немало лягушек. И тогда мне пришло в голову: а если бы Бапу меня не удержал? Смог бы я тогда выплыть из колодца — как те лягушки?

Я был страшно зол на отца и думал о том, как бы ему отомстить, когда получится. Наполню его винную бутылку мочой... Или постараюсь уронить ему на руку горящий уголек из *хукки*, что он курит...

Выходка Бапу была страшной, и каждый раз, как я вспоминал о ней, сердце снова уходило в пятки. Как будто птицу в полете подбили из рогатки.

«Не стыдно тебе! Он ревет, а ты ему оплеухи отвечаешь! Смотри, все лицо распухло!» — мама раскраснелась от ярости. Я припал к ее ногам.

Я впервые видел ее в таком гневе. Она никогда не реагировала на каждодневные побои и ругань Бапу. Но ее новый облик меня потряс. Она села, прижала меня к себе и принялась вытирать слезы, лившиеся по моим щекам. Чуть позже повернулась к Бапу: «Своих привычек не видишь что ли? Сам не пройдеши мимо черепка⁴⁹ на поле, поднимешь и жуешь! А от хукки как весь рот провонял! Пошел домой!»

⁴⁸ Дурная привычка.

⁴⁹ Черепки от необожженной глиняной посуды размягчаются и делаются ломкими.

Мамины глаза покраснели, в них появились слезы. Бапу отправился восвояси, поскользнулся и чуть не растянулся на покрытом мхом желобе-поилке Дасов, но сохранил равновесие. Пробормотал глухо: «Зараза, еще и ворчит что-то!»

«Он сам таскал Гудда с собой на работу, когда тропинку в Ларою укрепляли гравием и глиной. Тот и приучился жевать глину тогда — когда играл в ямках у тропинки», — сказала мама Миндо — невестке Дасов, стоявшей рядом и глядевшей на меня.

«Это укрупнение участков⁵⁰ — оно нам только горе принесло! Никакой земли мы не получили!» И спустя некоторое время продолжила: «Да уж! Как будто это наши повозки будут на мельницу ездить по той грунтовке! Вот почему эти проклятые хотели, чтобы мы заполняли рытвины землей! Они говорили: “А чем вам тогда заняться-то — целый день лодырничаете”. Но наши не уступали, на работу выходили, но только по одному человеку от дома. И говорили им, что времена бегара⁵¹ позади», — мама гордо подняла голову. Вероятно, она хотела подтвердить, что я на самом деле приучился жевать глину за те 15–20 дней, что возился с ней у дороги.

Тут Голу — из семьи Рао — схватил меня за руку, всхлипывающего, отвел к группе, игравшей под баньяном, и спросил: «Платон, скажи, где живут родственники твоей матери?»

Я молчал.

«Ты теперь мой друг; скажи, где живет твоя родня по матери?»

«В Кандхале (деревня Кандхала-Шейкен, дистрикт Хошиарпур — моя мать была оттуда), где же еще?», — и как только я это сказал, они все расхохотались.

Голу часто спрашивал меня об этом перед другими, как будто он — *мадари*⁵², а я — его *джамура*⁵³. Но я так и не мог понять, почему другие смеются над моими ответами.

Рано по утрам Бапу отбрасывал покрывало, под которым спали мы с братом. Мама звала: «Сыночки, вставайте, солнце высоко!» Или говорила: «Гудд, сходи, принеси на кизяке угольков от Бхагатов, надо согреть воду для чая».

В наших домах в очагах угли закапывают под слоем золы, чтобы снова разжечь огонь с утра. Если об этом забыть, приходится утром просить огонек у соседей. Так получалось экономить спички. Зимой, когда по утрам было холодно и стоял туман, мы садились у очага и поддерживали огонь, подбрасывая сухие листья или высохшие стебли сахарного тростника.

На кухне не было ни окна, ни двери — ее устраивали около наружной стены, установив четыре опоры во дворе. Западную стену кухни делали из камыша и бамбуковых шестов, штукатурили, и она выглядела как настоящая. Крыша была не особо большой, ее тоже сооружали из камыша и бамбука. Потолок был покрыт толстым

⁵⁰ Некоторые преобразования в аграрной сфере Пенджаба, в частности, укрупнение мелких и мельчайших земельных владений, были проведены англичанами в 1914–1915 гг. После обретения Индией независимости они были подтверждены законом Punjab Consolidation of Land Proceedings (Validation) Act 1957.

⁵¹ *Бегар* — принудительная неоплачиваемая работа на землевладельца.

⁵² *Мадари* — букв. фокусник; факир, показывающий публике обезьян или медведя.

⁵³ *Джамура* — в традиционном театре Индии — напарник *мадари*, которому *джамура* демонстрирует беспрекословное подчинение, но иногда специально делает что-то не так. Такие комические сценки называют *мадари-джамура* или *мадари-чела* (*чела* — ученик), также *уста-джамура* (*уста* — учитель) или *уста-бачча* (*бачча* — ребенок).

слоем саж и копотн, и было трудно понять, из какого материала он сделан. Иногда пухистые клочки саж под своей тяжестью отрывались от тростниковой крыши и падали на пол.

Когда Бапу видел, что я процеживаю чай в свой стакан, он говорил: «Пей как есть! Сейчас не сезон дождей, чтобы вылавливать насекомых. Зимой в гуре⁵⁴ их нет!»

После таких слов я проглатывал чай как воду, но перед глазами у меня так и стояли белые насекомые в чае, который в дождливый сезон мама процеживала через краешек своей *дупатты*⁵⁵. На черных чашках виднелись белые разбухшие личинки.

Зимой на улице у нашего дома разводили костер. Вокруг него собирались все — и стар и млад — и поддерживали огонь тем, что приносили с собой из дома. Тех, у кого ничего не было для розжига, выпихивали подальше от тепла, которое давал огонь. Мы сначала согревали ледяные ноги у костра, а затем бежали к школьному зданию. Мы все ходили босиком. Зато на каждом из детей *заминдаров*⁵⁶ было по два свитера. Я думал: дал бы кто-нибудь хоть один свитер, мне хватило бы, чтобы согреться. Затем цепочка моих мыслей прерывалась, и я присоединялся к громкому пению детей:

*Солнышко, дощечку⁵⁷ мне подсуши,
Если не сможешь, домой уходи!*

Спустя пару мгновений я снова раздумывал о своих полосатых штанах и *курте*, больше подходивших чтобы вытирать нос, чем защищать от холода. Мою одежду стирали только по воскресеньям. Я сидел у стены рядом с кормушкой для скота и выбирал вшей из складок одежды — и сколько времени так проходило! Уставал, шея начинала болеть. Мама отмывала меня у колодца, терла мои ступни, приговаривая: «Только глянь, сколько слоев грязи!». Но я особой разницы не видел между ногами и грязными ступнями. Потом, когда выныривал из своих размышлений, слова «солнышко, дощечку мне подсуши» все еще были слышны, хотя уже совсем тихо.

Выходя из раздумий о прошлом, я наблюдал, как Кхушия, Бхима или его младший брат Пьяри (которого вся деревня звала Апшик — влюбленный — из-за темного цвета кожи, хилого телосложения и странной походки) тащат мимо школьного здания мертвого тельца. В те времена погибало много коров, телят и даже волов. Джаты продавали своих старых буйволиц на рынке.

Чамары связывали ноги умершего животного вместе, продевали снизу толстый шест и затем клали его себе на плечи, чтобы было легко идти. Животное болталось вниз головой, раскачивалось из стороны в сторону, а его уши и шея дергались с каждым шагом. Крупную пададь отволакивали вчетвером или впятером, давая друг другу указания: «Пьяри, тяни как следует! Ты всю тяжесть на меня сваливаешь!» Они тащили шест с привязанным к нему трупом так, что их головы и туловища наклонялись вперед, их собственный вес переносился на ступни, а колени сгибались. Время от времени один из них вставал впереди, чтобы тянуть тяжелую ношу. Они останавливались передохнуть и вытирали пот со лба с помощью *ангочхи*, висевшей на плечах. Мы же, наблюдая за ними, дрожали от зимнего холода.

⁵⁴ *Гур* — сахар-сырец из тростникового сока.

⁵⁵ *Дупатта* — широкий легкий шарф / накидка; непременный атрибут одежды панджабов.

⁵⁶ *Заминдар* — зд. джат-землевладелец.

⁵⁷ Деревянная дощечка, на которой дети учились писать.

Иногда во время перерыва другие дети из нашей касты присоединялись к Бхиме и его помощникам. Когда труп животного волокли, его рога оставляли за собой длинный тянущийся след. Глаза были вытаращены, пасть открыта, зубы оскалены, а нижняя челюсть выдавалась вперед. Я часто придерживал голову мертвого животного, чтобы она не болталась, — не хотел, чтобы обдиралась. Часто павшее животное увозили, погрузив на открытую повозку, а мы, дети, ее подталкивали сзади. Когда потом возвращались домой, собирали на окрестных полях желтые цветы горчицы.

Я видел, что обычно после того, как попьют воду из крана, тот из детей-джатов, кто подойдет следующим, сначала хорошо его помоем — очистит — и лишь потом попьет тоже. Я часто задумывался, что не так у меня с руками — почему другим надо мыть кран после моего прикосновения? Потому что я трогал животных? Но и они тоже часто хвосты крутили тем же животным, пока те были живыми.

Когда люди из нашей касты уносили мертвое животное, женщины-джатти⁵⁸ брызгали им вслед водой и, произнеся слова молитвы, освящали внутренний дворик в *хавели*. Я думал, что, наверное, это какое-то колдовство. Но кому они это все говорили? Умершему животному? Тем, кто его убирал? Или самим себе? Казалось, что мысли мои переплетаются — подобно запутавшимся нитям на прядильном станке, и никак не получается с ними разобраться.

Масса нередко сидел рядом с умирающей коровой или волом и громко читал из «Гиты»⁵⁹. Животное корчилось от боли, брыкалось, а Масса пытался его успокоить: «Уже почти все... Гати⁶⁰ вот-вот наступит...»

«Бхай Масса, сколько же пользы он принес!» — как-то, когда его вол умер, грустно произнес Удхам Сингх, отец Икбала Сингха. Но Масса молча вскинул на спину мешок с пшеницей и ушел.

Сидя за своим ткацким станком и ведя разговоры, Масса, казалось, был даже более всеведущ, чем *бхай* в *гурдваре*, и производил впечатление на собеседников цитированием «Махабхараты» и «Рамаяны»⁶¹, гимнов *гурбани*⁶², а также своим толкованием их. Я часто стоял около него, и он меня просил: «Гудд, подложи угольков в кальян».

Но когда бы разговор о нем ни заходил у нас дома, Бапу тут же заявлял: «Он вечно говорит о чем-то непостижимом. Ведет себя так, будто только что с Всевышним беседовал. Кто-нибудь спросил бы его, видел ли кто-то когда-то Всевышнего?»

Я слушал его слова, и иногда мне казалось, что он прав, а иногда — что Масса. Думал — а что, в самом деле животные быстрее перестают мучиться, если прочитать молитву? Они понимают панджаби или хинди? *Гати* имеет несколько значений — и искупление, и скорость. Мне думалось, что второе важнее. Все это казалось очень

⁵⁸ Женщина из касты джатов.

⁵⁹ «Гита» / «Бхагавадгита» — религиозно-философская книга в составе «Махабхараты»; один из ключевых текстов философии индуизма.

⁶⁰ *Гати* — спасение, искупление; переселение души в другую материальную оболочку. Другие значения — движение, ход; скорость, темп; усердие, старание.

⁶¹ «Махабхарата», «Рамаяна» — древнеиндийские эпосы.

⁶² *Гурбани* (букв. «слова Гуру») — термин, обозначающий гимны десяти сикхских гуру и других авторов, входящие в священный текст Гуру-грантх.

запутанным, как завитушки *джалеби*⁶³, с которыми не поймешь, где они начинаются и где заканчиваются. Мои мысли металась в поисках ответов на вопросы, но ответов не находилось. Казалось, что среди ясного солнечного дня наступали сумерки.

«Выходите все! Все — и старые, и малые! Все выходите в поле! Колотите во все, что можете, — в жестянки, в подносы! Саранча летит! Спасайте кукурузу!» На рассвете меня разбудил громкий крик *чоукидара*⁶⁴ Джагара, и я тут же выскочил из дома. Он сплюснул старую ржавую жестянку непонятного цвета, колотя по ней толстой палкой из ветки шелковичного дерева. Быстро прошел по центральной дорожке, стуча в барабан, и затем скрылся из виду, но его громкий призыв — «Кукурузу спасайте, братья!» — по-прежнему было слышно. Это был 1963 год, и я учился тогда во втором классе.

Люди группами побежали на поля. Мы с Бапу и старшим братом схватили что подвернулось под руку и побежали по тропинке к ближайшему полю — полю Албаллланов — где принялись колотить в жестянки, подносы, металлические тарелки. Мы удобрили половину принадлежавшего им поля навозом от наших животных и посеяли там кукурузу. Она взошла, и ее побеги — ярко-зеленые и очень нежные — уже были высотой сантиметров в двадцать, а некоторые и повыше. Мы только накануне взрыхлили землю между рядами.

Всюду, куда ни падал взгляд, летала саранча — от южной окраины деревни до северной, что была повыше. Лучи только что вставшего солнца еле пробивались через полчища насекомых. Всюду, где останавливались, они пожирали все — посевы кукурузы, баджры⁶⁵, траву на пастбищах и даже листья палисандрового дерева. Как только они садились на какую-то поверхность, они откладывали белые яйца, похожие на рисовые зернышки. Вонь стояла такая, что желудки, даже пустые, выворачивались наизнанку. Сам вид саранчи был омерзителен, и тот, кто случайно наступал на нее, испытывал крайнее отвращение.

«Ну я тебе задам, зараза!» — выдохнул Бапу, пытаясь руками отбиваться от насекомых, сновавших перед самым лицом. Тут я начал изо всех колотить палкой по своему *тхали*⁶⁶. И задумался: если саранча несется с такой скоростью, как *чоукидар* Джагар успел узнать о ее наступлении?

Солнце уже поднялось довольно высоко. Мы быстро уничтожили остатки саранчи, оставшие от основной стаи. Тут же появилось несметное количество муравьев, которые принялись поедать и растаскивать мертвых насекомых. Такие отряды саранчи напоминали мне самолеты, взлетающие из аэропорта в Адампуре⁶⁷. Длинные черные полосы на длинных желтых брюшках саранчи выглядели очень симпатично.

Люди уже возвращались домой. Когда мы подошли к перекрестку около дома *намбардаров, тайя*⁶⁸ Банта завел разговор: «Когда у тебя будет четыре мана⁶⁹ зерна, сардарджи⁷⁰, тогда и у нас дома тоже будет зерно — десять серов⁷¹».

⁶³ *Джаллеби* — традиционная индийская сладость в виде кренделька из тонкого теста, пропитанного сахарным сиропом.

⁶⁴ *Чоукидар* — сторож, привратник.

⁶⁵ *Баджра* — просяная культура, широко распространенная в Индии.

⁶⁶ *Тхали* — небольшой металлический поднос.

⁶⁷ Адампур — город в Пенджабе.

⁶⁸ *Тайя* — дядя (старший брат отца); уважительное обращение к старшему.

«Слава богу, ущерб невелик», — кто-то ответил.

«Спасибо бхави Джагару! Как только из полицейского участка сообщили, Джагар сразу начал бить в барабан», — сказал *тайя* Банта.

«Говорят, в участок пришла радиogramма из Джаландхара⁷²».

«Когда саранча напала в 1950 году, после раздела, она сожрала даже листья на всех деревьях — они стояли абсолютно голые. Этот налет ничто по сравнению с теми! Говорят, в те времена даже где-то приходилось останавливать поезда», — *тайя* пытался вспомнить историю событий. Я шел рядом и смотрел на их унылые лица. Они перебрасывались словами, расходясь по домам.

«Сынок, давай, собери сухих веток. Костер разожжем», — *тайя* Банта прервал разговор и подмигнул мне. Я подумал, что, наверное, он хочет закурить трубку, что лежала у него в кармане.

Мы с его сыном Кхушией принесли сухого хвороста, а Банта тем временем собрал валявшиеся вокруг клочки соломы и сена, положил на них ветки и поджег. Огонь вспыхнул, а когда прогорел, он развязал узел на конце своей *ангочхи* — там была мертвая саранча. Он бросил насекомых на костер, поворошил веткой и сказал: «Жуйте! Они поджарились!»

Я уставился на *тайю*. Он взял поджаренную саранчу в рот и, протягивая мне другую, повторил: «Жуй-жуй! Она без костей». Затем со смешком добавил: «Я в своей жизни немало костей сгрыз!»

С опаской я съел одну саранчу. Она оказалась солоноватой и очень вкусной. Тогда я сам сдвинул угольки прутиком и принялся за трапезу. Руки и рот Кхушии тоже продолжали работать.

История о том, что я ел саранчу, стала известна всей школе, и дети меня дразнили: «саранчед!» или: «змеи-саранчед!» Змей — вероятно, потому что у меня очень темная кожа. Позор свалился на меня тяжелым грузом, и, как я ни старался, избавиться от него не получалось. История с жареной саранчой то казалась мне отвратительной, то совсем нормальной и обычной. Я задавал себе вопрос: ведь же во время *дивали*⁷³ или *дашеры*⁷⁴ баранину все едят — и почему никто никому ничего не говорит? Однако через несколько дней и эти мысли улетели — как и саранча... Я освободился от своего маленького, но ужасного груза и снова носился за бабочками днем, а по ночам — за мерцающими светлячками.

Литература / References

Madhopuri B. *Chāngyā Rukh (Atmakathā)*. New Delhi, 2007.

Madhopuri B. *Chāngyā Rukh (Svāijivāni)*. New Delhi, (2002) 2017.

Madhopuri B. *Chāngyā Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi, 2010.

⁶⁹ *Ман* — мера веса (ок. 40 кг).

⁷⁰ *Сардар* — уважительное обращение к сикху, *джи* — гонорифическая частица.

⁷¹ *Сер* — мера веса (ок. 0,9 кг).

⁷² Джаландхар — административный центр одноименного дистрикта в Пенджабе.

⁷³ *Дивали* / *дитавали* — один из главных индуских и сикхских праздников (октябрь–ноябрь), символизирующий победу добра над злом.

⁷⁴ *Даше(х)ра* / *дасера* (санскр. «десять ночей») — индуский праздник (сентябрь–октябрь), который чаще всего понимается как завершение праздника *навратра* («девять ночей») в честь богини Дурги, которая на 10-й день убивает демона Махисасуру; или как победа Рамы над Раваной, одержанная им после поклонения Дурге.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-265-272

SYRIAN CRISIS: HISTORY AND CURRENT POLITICS

© 2020

Vladimir M. Akhmedov*

The article studies main developments, implications and results of the 10 year Syrian crisis. The author pays special attention to the historical preconditions that caused those events in Syria, focusing on actual political, social, economic, ethnic, ideological, regional, and international dimensions of the Syrian crisis based on historical background. The author tries to make some forecasts about further development of the current situation in Syria in view of abilities to peacefully resolve the conflict by political instruments rather than military options. The publication tends to study new tendencies in the Syrian crisis development. The author argues that today the Syrian conflict is developing in a different paradigm that can be tentatively designated as the “post-terrorist” stage in the Syrian uprising. Main attention is paid to Russia’s politics in Syria and its ability to rebuild the main institutions of the Syrian state. Political steps and tendencies of major regional and international players in the Syrian crisis are analysed. In this regard the author supposes and demonstrates in this article that much depends on how Russia, Turkey, Iran, the United States and Israel change the previous agreements on the security system in Syria. The author believes that despite all the complexity of this crisis, peace in Syria is quite possible. A lot depends on political will and the readiness for mutual compromises between key internal and external actors in the Syrian crisis.

Keywords: Syrian Crisis, Arab Spring, Russia in Syrian Crisis, USA in the Middle East, Iran, Turkey, Saudi Arabia, Middle East, international affairs, Syrian opposition, Islamists.

For citation: Akhmedov V. M. The Syrian Crisis: History and Current Politics. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 265–272. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-265-272

СИРИЙСКИЙ КРИЗИС: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ

В. М. Ахмедов

В статье исследуются основные события, последствия и результаты 10-летнего сирийского кризиса. Автор обращает особое внимание на исторические предпосылки, вызвавшие эти события в Сирии, уделяя особое внимание актуальным политическим, социальным, экономическим, этническим, идеологическим, региональным и международным измерениям сирийского кризиса, основанным на историческом контексте. Автор полагает, что в результате гражданской войны в Сирии основные институты государства и общественные организации серьезно ослабли, а их роль в процессе восстановления страны заметно снизилась. В этой связи автор считает, что основные государственные институты страны нуждаются в серьезном реформировании. Автор пытается делать некоторые прогнозы относительно

* Vladimir M. AKHMEDOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; shamyarabist@gmail.com

Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; shamyarabist@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4952-2964

дальнейшего развития нынешней ситуации в Сирии с учетом возможностей мирного урегулирования конфликта политическими, а не военными инструментами, стремясь принять во внимание новые тенденции в развитии сирийского кризиса. Автор утверждает, что сегодня сирийский конфликт развивается в иной парадигме, которую можно условно обозначить как «посттеррористический» этап сирийского восстания. Большое внимание уделяется политике и действиям основных региональных и международных игроков в сирийском кризисе. Автор отмечает ключевую роль России в урегулировании сирийского кризиса и предпринимаемые нашей страной усилия по восстановлению основных институтов сирийского государства. Автор считает, что, несмотря на всю сложность этого кризиса, мир в Сирии вполне возможен. Многое зависит от политической воли и готовности к взаимным компромиссам между ключевыми внутренними и внешними участниками на поле сирийского кризиса.

Ключевые слова: Сирийский кризис, Арабская весна, политика России в Сирии, политика США на Ближнем Востоке, Иран, Турция, Саудовская Аравия, Ближний Восток, международные отношения, сирийская оппозиция, исламисты.

Для цитирования: Ахмедов В. М. Сирийский кризис: история и современная политическая ситуация. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 265–272. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-265-272

The 10-year armed conflict in Syria is one of the major issues shaping the contemporary Middle East and influencing the fundamental nature of international relations. The Syrian revolution, which began in March, 2011, later degenerated into a bloody civil war that has pushed the country into both a secessionist upheaval and the breakdown of the population's national identity. Both the duration and complexity of reconciling the Syrian crisis has relayed on a sequence of fundamental factors¹.

Syria's former political system and its institutions [Perthes, 2001, p. 143–154; Seal, 1988, p. 420–440] have been practically annihilated, and the country's new environment has rendered them incapable of having an impact on the conflict without foreign assistance [Quilliam, 1999, p. 27–60]. The distinctive feature of the previous political model in Syria was its institutionalized authoritarianism and strong security environment [Akhmedov, 2010, p. 29–49]. Indeed, civilian-military relations in the Syrian Arab Republic during the last 40 years were mainly dictated by the military's priorities in the framework of the country's key internal and foreign policies [Hinnebusch, 1993, p. 243–257; Zisser, 2001, p. 5–8]. It goes without saying that control during the current crisis has been transferred into the hands of the armed forces, which in effect means the intelligence services [Ziadeh, 2013, p. 143–170]. In this regard it would be only logical to attribute special attention to the behavioural patterns of various governmental institutions [Seale, 1988, p. 552].

The behavioural patterns of various governmental institutions in the framework of a well-structured and vertically-integrated political model were driven by directives prescribed from above — insurgent protests were the direct result of enemy plots against Syria [Alan, 2003, p. 8, 40–87; Wedeen, 1999; Van Dam, 1981]. The radicalization of Syria's conflict and its mutation into an inter-religious struggle was sustained by the actual regime. The first and hardest blow was delivered to the secular and democratic forces [Armed Forces in the Middle East, 2002, p. 1–23].

¹ For more details see: Akhmedov V. *Syrian Crisis. Special Report*. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf> (accessed 02.09.2020).

In a context of asymmetric warfare, where the regime was using air strikes and artillery to bombard occupied neighbourhoods, and where the resistance was badly in need of additional arms and ammunition, suicide bombers became the only viable means of offsetting the government's forces on the battlefield. Relying on this type of attack intensified the deployment of Jihadi brigades among the armed resistance, and led to their initial popularity in the liberated neighbourhoods (for more about Syrian military opposition see: [Ахмедов, 2015, c. 52–57]). Bashar Assad's enlistment of Lebanese, Iraqi, and Iranian mercenaries, which was prompted by the high level of losses among the national military, as well as the lack of combat experience among the newly-recruited soldiers, legitimized the involvement of jihadists from other Arab countries in the eyes of some². In order to remedy the situation, in 2013 the regime began training new armed troops based on militia formations³.

Towards the end of 2015, the number of such formations represented, according to various assessments, some 35,000 to 40,000 soldiers⁴. It was only after the appearance of Russian air force (RAF) that the situation began improving. In 2015, under the leadership of Russian and Iranian consultants, the regime began to create its fourth and fifth army corps, which integrated the above mentioned units⁵.

Two particularities that render the Syrian conflict difficult to resolve were its internationalization and unprecedented duration. The makeup of the Syrian uprising can also be categorized by the traditional distinction between the country's urban and rural environments, as well as the role of the uprising in the outlying regions (at least during its early stages) [Dusen, 1972]. It is well-known that the provincial centres were the breeding grounds of the revolution. This can be explained by the fact that the army and the security forces originally lost their influence among the population exactly in those centres. Also important was the sudden socio-economic deterioration among the population in the periphery due to several years of dry spells, as well as the crippling drought of 2010. Consequently, some 1 million bankrupted farmers and unemployed villagers began moving to Syria's major population centres right before the uprising⁶. As a result, the population in these areas was the most receptive to radical initiatives. The role of moderate Islam began to fade, and the population began to perceive the government's extreme policies and ideology in a negative light. This situation proved most fertile for the outbreak of Islamism, and the measures that were adopted by the government in response to the uprising only strengthened its appeal. Such an environment among the population served as the perfect matrix for the proliferation of jihadist ideas, whether they were bred locally or imported from abroad.

² Lister C., Nelson D. All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria. *Middle East Institute*. 14.12.2017. URL: <http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria> (дата обращения: 27.03.2018).

³ *Journal of Strategic Studies*. 2015. 38.5. P. 626–649. Published online: 04.08.2015. <https://www.tandfonline.com/toc/fjss20/38/5?nav=tocList> (accessed 01.09.2020).

⁴ Syria Deeply, Analysis: The Fifth Corps and the State of the Syrian Army. *Newsdeeply*. 11.01.2017. URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2017/01/11/analysis-the-fifth-corps-and-the-state-of-the-syrian-army> (accessed 01.09.2020).

⁵ Ахмедов В. Кто воюет в Сирии? *Институт Ближнего Востока*. 2014. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322> (дата обращения 01.09.2020).

⁶ The data was received by the author during personal discussions with various representatives from the Syrian opposition from 2011 to 2017.

As a result, the Syrian nationalist movement, inspired by the “Arab Spring”, took on some radical religious traits, and its secular composition practically vanished. Once the Syrian uprising at the end of 2011 began to transform into an armed struggle, the position of the armed opposition, including Islamic militants, began solidifying.

By the end of 2016, the number of Islamite units had shrunk substantially. Some were totally annihilated in combat, while others dissolved on their own and ceased to exist as independent combat units. Others were assimilated by greater forces such as the Islamic State, Jaysh al-Islam, Jaysh Fath ash-Sham, Ahrar ash-Sham, Sukur ash-Sham, Feilakh ash Sham, the FSA, and others. New regiments surfaced in early 2015–2016, which essentially comprised former joint military headquarters and units, including Jaysh an-Nasr (a division of the Free Syrian Army), which consists of Jabhat al-Shamayah, Jaysh al-Izza, the Falcons of al-Ghab, and 13 more units, as well as the New Syrian Army (essentially based on Kurdish resistance units), and others. Due to the brittle situation on the Syrian front and the fast-changing political discourse regarding the country, it is rather difficult to determine the exact number of armed units representing the Syrian opposition. However, most experts believed that there were some 100–120 active armed opposition units in Syria (including ISIS and al-Nusra) that comprise no less than 70,000 professional and heavily armed soldiers [Itani, 2014, p. 3–5]⁷. Notwithstanding the opposition’s transformation of its social matrix, ideological concept, political orientation, and major goals and challenges, it must be noted that it has practically remained unaffected with regard to its key parameters from the time of its formation in the first half of 2012.

The backbone of many of the Islamic armed opposition units consists of Salafis, and a good part of them remain faithful (to varying degrees) to the jihadist ideology. The most evident jihadist group is Jabhat an-Nusra. Most of these formations supported the creation of an Islamic State based on Sharia law in Syria.

The Islamist component of the Syrian uprising has undergone a major transformation in recent years, especially with regard to the unique makeup of the Syrian revolution. The possibility that the Islamist phenomena might fade away with the cessation of hostilities and the country’s return to peace cannot be excluded since its motivation is the civil war⁸.

Today’s power struggle between the regime and its armed forces on the one hand, and its political opposition and local armed resistance on the other hand, have led to intense competition among world leaders and regional players for authority in Syria and the broader Arab world.

A salient example of the above-noted tendency is the role of Iran in Syria’s armed conflict. Iran has played a major role in preserving the current Syrian regime.

Iran has created its own Syrian army, Djeish Tahrir al-Sham, which numbered up to 5,000 soldiers and essentially consisted of Shiite mercenaries from Iran and Afghanistan, some Arab countries, and a small number of Syrians. According to data from the Syrian opposition, there were some 60–62 Shiite militia combat formations operating in the country. Typically, those opposing the Free Syrian Army (FSA) consisted of deserted soldiers and officers, militia detachments, and numbered no more than 30,000–35,000 soldiers. The lacking provision of

⁷ Political Source to Rai al-Youm: Expected Meeting between Mohammed Alloush, Russian Diplomats. *Rai al-Youm*. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=466451> (accessed 01.09.2020).

⁸ For more information on the role of Muslim Brotherhood in Syrian Uprising see: Lund A. Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria. *Carnegie Endowment*. URL: http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf (accessed 01.09.2020).

arms and ammunition from their western allies (principally the United States, Great Britain, and France) has made it extremely difficult to confront even the regime's substantially weakened army, not to mention the Lebanese, Iranian, Iraqi and Afghan Shiite armed units. Indeed, the FSA would have had great difficulty withstanding Syrian government forces without the support of the so-called Islamist armed opposition⁹, which in 2013–2015 fluctuated between 70,000 and 80,000 fighters¹⁰.

Notwithstanding such massive support from Iran, Assad's position at the end of the summer of 2015 was greatly weakened. According to data from the Russian Centre for Reconciliation of Opposing Sides in the Syrian Arab Republic, in the summer of 2015 the Syrian President controlled merely 14.5 % of his territory¹¹. Many of Iran's actual foreign policies, including those regarding Syria, were designed in accordance with its own internal security concerns, and prioritized by its strong desire to reach the status of a nuclear power similar to Israel and Pakistan.¹²

This leads us to believe that Iran could perceive Syria as a trump card in a wider geopolitical game. At the same time, however, we should not overlook Iran's interests in Syria, which Tehran has considered a major foothold for the expansion of its authority in the region¹³.

The conflict in Syria and its surroundings changed radically with the involvement of Russia's Aerospace Forces (RAF). In less than a year, the territory under Syria's control grew to 35–40 % of the country's territory.¹⁴ Moscow became a key partner in the Syrian conflict, a situation that the US, Europe, Turkey, Israel and neighbouring countries have been forced to acknowledge.

The liberation of Aleppo — the stronghold of Syria's armed opposition — was the result of Russia's armed involvement in the Syrian conflict from the fall of 2015.

From the end of 2017 — the beginning of 2019 the situation in the sphere of armed confrontation in Syria and around it has changed dramatically. The ongoing hostilities were notable for the unpredictability of the finale and could have pushed a new process in the development of the Syrian crisis.

The Syrian conflict has been developing in a different paradigm. Conventionally, it can be designated as the "post-terrorist" stage in the Syrian uprising. After the decisive victory over terrorism in the face of ISIS, a new situation began to emerge in the country. However,

⁹ For more information about the special role of the salafiyun in the Syrian Uprising see: [Abdurrahman al-Haj, 2013, p. 11–12, 16–18, 27–39].

¹⁰ From the unpublished correspondence of the author.

¹¹ This data was publically voiced by the representative of the Centre in various Russian media in January–February 2017.

¹² Some experts consider that Iran, experiencing at this time a lack of force ability to gain a victory over Syrian military opposition, has played a significant role in Moscow taken decision to involved military in Syrian conflict on the fall 2015.

¹³ For more about the role of Iran see: Clawson P. Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots. *The Washington Institute*. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots> (accessed 01.09.2020); Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting. *The Middle East Media Research Institute*. URL: <https://www.memri.org/reports/despite-denials-iranian-regime-statements-majlis-member-and-reports-iran-indicate> (accessed 02.09.2020).

¹⁴ The data was substantiated during the author's personal discussions with various representatives of the Syrian opposition in February–March, 2017.

there is still “the notorious Tahrir ash-Sham”. At the same time, in a number of key areas of the country — the suburbs of Idlib and Aleppo — this terrorist structure was gradually losing its former leading position and social base of support¹⁵. It definitely influenced the mindset of the main participants in the conflict and determined their behavioral stereotype.

On the other hand, after the victory over ISIS, Russia and the United States have become not so much allies in the fight against terrorism, as rivals in the struggle for Syria.

Since the beginning of 2020, a number of important and sudden changes have occurred in the development of the Syrian crisis. First of all, they were determined by the growth of the armed confrontation of the opposing sides. A number of major regional and international players actively involved in this process, who were very likely to use force to change the existing balance of power and realize their interests at the stage of political settlement.

In the current situation, it is hardly possible to talk about the absolute dominance of any of the parties to the conflict in the matter of completely reformatting the local military-political infrastructure in accordance with their own national strategy.

In 2020 Russia has managed to almost completely eliminate the concept of “areas under opposition’s control” from the plans of the armed opposition. The returns a significant part of the Syrian territory under the control of the Syrian government virtually exclude from the negotiating agenda on Syria the issue of Bashar Assad [Akhmedov, 2018a, p. 136–140]¹⁶.

At the same time, Moscow, according to the Syrian opposition and leakages from the ranks of the SAA, began to actively introduce its loyalist’s Syrian personnel and the Syrian military trained in Russia into the most efficient units of the Syrian army and security forces. This gives Russia the ability to actually control their activities, and in some cases, manage them.

In fact, the issue of developing new security parameters, within which Moscow could legally establish its primacy and achievements in Syria, is currently the key one¹⁷.

Indeed, today much depends on how Russia, Turkey and Iran, the United States and Israel will change the previous agreements on the security system in Syria. As is known, this is happening against the background of the aggravation of the situation in the country, which further complicates the task.

The Syrian crisis brought new social forces to the political foreground, split the outwardly unified Syrian society, and influenced the change in the confessional map of the country, which undoubtedly will affect the course of future political processes in Syria. The

¹⁵ Djabhat An-Nusra Tafdadu Hadinatiha Ash-Sha’abiya Fi Ibleb Wa Intilak Al-A’ad Al-Aksyi Li-t-Tafakkuk. *Elnashra*. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/118521/> (accessed 01.09.2020); Leader in Levant Liberation [Committee] to Quds Arabi: We will fight Zenki Movement that wants to eliminate us... *Al-Quds al-Arabi (UK)*. 23.02.18. URL: <https://www.alquds.co.uk/?p=88547/> (accessed 01.09.2020).

¹⁶ Lund A. Showdown in East Ghouta. *Carnegie Middle East Center*. 04.08.2016. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/63512?lang=en> (accessed 01.09.2020).

¹⁷ See more about allegedly initiated by Russia massive reshuffles in the Syrian secret services and army in: An-Nahas S. Al-Mamluk wa Kadat Al-Istihbarat Al-Judud: Russiya Tanal Hissat Al-Assad. *Almodonline*. 08.07.2019. URL: <https://bit.ly/2JpNnfM> (accessed 12.08.2019); Al-Tamimi J. A. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis. *Pundicity*. 03.05.2017. URL: <https://goo.gl/ngXYKc> (accessed 01.09.2020); Al-Tamimi J. A. The Hay’at Tahrir al-Sham-al-Qaeda Dispute: Primary Texts (VIII). *Aymenn Jawad Al-Tamimi blog*. 03.02.2019. URL: <http://www.aymennjawad.org/2019/02/the-hayat-tahrir-al-sham-al-qaeda-dispute-primary-7> (accessed 01.09.2020).

acute issues of the organization of the transition period and the formation of government institutions with new contents, of course, should be solved by the Syrians themselves through a large social contract under which the parties are able to make very serious compromises and take on serious guarantee obligations. An important role in the completion of the military phase of the conflict and the stage of political transition belongs to the national armed forces.

In the current situation it is hardly possible to talk about the absolute dominance of any of the parties to the conflict in the matter of the complete reformatting the local military-political infrastructure in accordance with their own national strategy. This situation forces the main parties to the conflict to change their previous approaches to the problem of holding their positions in the context of rapidly changing local realities and the new role of their partners and opponents in the field of Syrian resolution.

References / Литература

- АХМЕДОВ В. М. Восточная Гута — переломная точка в Сирийской войне. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. № 1. С. 135–140 [Akhmedov V. M. Eastern Ghouta — A Turning Point in the Syrian War. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018а. 1. Pp. 135–140 (in Russian)].
- АХМЕДОВ В. М. Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е гг. — начало XXI в.). М., 2015 [Akhmedov V. M. *Islamic Factor in the Development of Society and Politics of the Middle Eastern Arabian Countries and Its Evolution during the Syrian Revolt (From the 90th till the Beginning of the 21st Century)*. Moscow, 2015 (in Russian)].
- АХМЕДОВ В. М. Сирийское восстание: история, политика, идеология. М., 2018 [Akhmedov V. M. *Syrian Uprising: History, Politics, Ideology*. Moscow, 2018 (in Russian)].
- АХМЕДОВ В. М. Современная Сирия. История. Политика. Экономика. 2-е изд. М., 2010 [Akhmedov V. M. *Modern Syria. History. Politics. Economics*. 2nd ed. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Abdurrahman al-Haj. Al-Salafiyah wa Salafiyun fi Soria: min al-Islah ila al-Jihad. *Al-Jazeera Special Report*. 20 May 2013 [Abdurrahman al-Haj. Salafiya and salafists in Syria: from al-Islam to al-Jihad. *Al-Jazeera Special Report*. 20 May 2013 (in Arabic)].
- Alan G. *Syria: Neither Bread nor Freedom*. London, New York, 2003.
- Armed Forces in the Middle East. Politics and Strategy*. Rubin B., Keaney Th. A. (Eds.). London, Portland, 2002.
- Dusen Van M. Political Integration and Regionalism in Syria. *The Middle East Journal*. 1972. No. 2. Pp. 23–56.
- Itani F. Losing Syria and Iraq to Jihadists. Atlantic Council of the United States. Rafik Hariri Center for the Middle East, Issue in Focus. June 27, 2014.
- Hinnebush R. A. State and Civil Society in Syria. *Middle East Journal*. Vol. 47. 1993. 2. Pp. 243–257.
- Voelker Perthes. The Political Economy of the Syrian Succession. *Survival*. 2001. 43.1. Pp. 143–154.
- Seale P. *Asad of Syria. The Struggle for the Middle East*. London, 1988.
- Quilliam N. *Syria and the New World Order*. London, 1999.
- Van Dam N. *The Struggle for Power in Syria. Sectarianism, Regionalism and Tribalism in Politics, 1961–1980*. London, 1981.
- Wedeen L. *Ambiguities of Domination: Politics. Rhetoric and Symbols in Contemporary Syria*. Chicago, 1999.
- Ziadeh R. *As-Sulta wa-l-Istihbarat fi Syria*. Beirut, 2013.
- Zisser E. The Syrian Army: Between the Domestic and the External Fronts. *Middle East Review of International Affairs*. 2001. 5.1. Pp. 1–12.

Electronic sources / Электронные ресурсы

- АХМЕДОВ В. Кто воюет в Сирии? *Институт Ближнего Востока*. 2014. URL: <http://www.iimes.ru/?p=20322#more-20322> (дата обращения 01.09.2020).
- Akhmedov V. *Syrian Crisis. Special Report*. 10.04.2019. URL: <https://doc-research.org/wp-content/uploads/2019/04/DOC-expert-speaks-at-a-roundtable-on-Syria.pdf> (accessed 02.09.2020).
- Al-Tamimi J. A. Administrative Decisions on Local Defense Forces Personnel: Translation & Analysis. *Pundicity*. 03.05.2017. URL: <https://goo.gl/ngXYKc> (accessed 01.09.2020).
- Al-Tamimi J. A. The Hay'at Tahrir al-Sham-al-Qaeda Dispute: Primary Texts (VIII). *Aymenn Jawad Al-Tamimi blog*. 03.02.2019. URL: <http://www.aymennjawad.org/2019/02/the-hayat-tahrir-al-sham-al-qaeda-dispute-primary-7> (accessed 01.09.2020).
- An-Nahas S. Al-Mamluk wa Kadat Al-Istihbarat Al-Judud: Russiya Tanal Hissat Al-Assad. *Almodonline*. 08.07.2019. URL: <https://bit.ly/2jPNnfM> (accessed 12.08.2019).
- Clawson P. Iran's Vulnerabilities to U.S. Sanctions (Part 1): Finding the Weak Spots. *The Washington Institute*. URL: <http://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/irans-vulnerabilities-to-u.s.-sanctions-part-1-finding-the-weak-spots> (accessed 01.09.2020).
- Djabhat An-Nusra Tafkadu Hadinatiha Ash-Sha'abiya Fi Ibleb Wa Intilak Al-A'ad Al-Aksyi Li-t-Tafakkuk. *Elnashra*. URL: <https://www.elnashra.com/news/show/118521/> (accessed 01.09.2020).
- Journal of Strategic Studies*. 2015. 38.5. Pp. 626–649. Published online: 04.08.2015. <https://www.tandfonline.com/toc/fjss20/38/5?nav=tocList> (accessed 01.09.2020).
- Leader in Levant Liberation [Committee] to Quds Arabi: We will fight Zenki Movement that wants to eliminate us... *Al-Quds al-Arabi (UK)*. 23.02.18. URL: <https://www.alquds.co.uk/?p=88547/> (accessed 01.09.2020).
- Lister C., Nelson D. All the President's Militias: Assad's Militiafication of Syria. *Middle East Institute*. 14.12.2017. URL: <http://www.mei.edu/content/article/all-president-s-militias-assad-s-militiafication-syria> (дата обращения: 27.03.2018).
- Lund A. Showdown in East Ghouta. *Carnegie Middle East Center*. 04.08.2016. URL: <http://carnegie-mec.org/diwan/63512?lang=en> (accessed 01.09.2020).
- Lund A. Struggling to Adapt: The Muslim Brotherhood in a New Syria. *Carnegie Endowment*. URL: http://carnegieendowment.org/files/Brief_Lund-Syrian_MB.pdf (accessed 01.09.2020).
- Mansharof Y. Despite denials by Iranian regime, statements by Majlis member and reports in Iran indicate involvement of Iranian troops in Syria fighting. *The Middle East Media Research Institute*. URL: <https://www.memri.org/reports/despite-denials-iranian-regime-statements-majlis-member-and-reports-iran-indicate> (accessed 02.09.2020).
- Political Source to Rai al-Youm: Expected Meeting between Mohammed Alloush, Russian Diplomats. *Rai al-Youm*. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=466451> (accessed 01.09.2020).
- Syria Deeply, Analysis: The Fifth Corps and the State of the Syrian Army. *Newsdeeply*. 11.01.2017. URL: <https://www.newsdeeply.com/syria/articles/2017/01/11/analysis-the-fifth-corps-and-the-state-of-the-syrian-army> (accessed 01.09.2020).

САУДОВСКАЯ АРАВИЯ В ЖЕРНОВАХ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

© 2020

А. С. Дербенев*

Государства Аравии ныне переживают сложный период жизни. Она никогда не была легкой, но нынешний период аравийской политической турбулентности, связанный с конфликтами и войнами в регионе, прежде всего в Сирии и Йемене, принимает крайне серьезный оборот. Политикум КСА в начале текущего столетия столкнулся с комбинацией условий существования населения на Аравийском полуострове, где очевидно прослеживается тренд, который едва ли можно оценивать как благоприятный в связи с тем, что в процессе будут естественным образом создаваться предпосылки для сущностного сближения интересов разных сегментов арабского регионального пространства в новых политических реалиях. Саудовская монархия не испытывает сильных сомнений по поводу шаткости схем выстраивания внешнеполитических ориентиров, а потому стремится диверсифицировать свою внешнюю политику. В этой связи большую озабоченность в политическом истеблишменте КСА вызвали соображения, связанные с вопросами иерархии внешнеполитических приоритетов страны. Особое внимание уделено главному объекту — направлениям и принципам внешней политики Саудовской Аравии в начале XXI в. Вся мозаика внешнеполитических ориентиров КСА дробится на огромное количество эпизодов, ситуаций и случаев, освещению ряда которых посвящена предлагаемая статья. Рассматривается политический диалог КСА с Израилем. Оба государства предприняли осторожные шаги по реализации нового подхода в двусторонних отношениях и в тоже время смогли соблюсти паритет национальных интересов. Отношения с давним партнером королевства — США, которые имеют серьезные позиции на Арабском Востоке, играют заметную роль в судьбах людей региона. Эр-Рияд привлекает внимание «воротил» Америки как государство, обладающее устойчивыми связями с американским капиталом.

Ключевые слова: Саудовская Аравия, Израиль, США, король Абдалла, политика Саудовской Аравии.

Для цитирования: Дербенев А. С. Саудовская Аравия в жерновах политической турбулентности. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 3. С. 273–285. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-273-285

* Андрей Сергеевич ДЕРБЕНЕВ, кандидат исторических наук, доцент кафедры Новой и Новейшей истории стран Азии и Африки МПГУ, Москва; istfak_x_chelovek@mail.ru

Andrei S. DERBENEV, PhD (History), Assistant Professor, Department of Modern and Contemporary History of Moscow Pedagogical State University, Moscow; istfak_x_chelovek@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-0355-5100

SAUDI ARABIA AT THE TOP OF POLITICAL TURBULENCE

Andrei S. Derbenev

The States of Arabian Peninsula are now going through a challenging period of their history. The history of Arab states have never been easy. The current period of political turbulence is associated with military and political conflicts in the Middle Eastern region, especially in Syria and Yemen. The current situation takes an extremely serious turn. At the beginning of the 21st century, Riyadh's political confronted a set of conditions that encompasses the Arab people's existential problems. There is an obvious trend that can hardly be assessed as advantageous due to the fact that this problem will naturally create background for the essential convergence of the interests of the Arab regional space's different segments that will exist in the new political realm. In the early 21st century rapid changes and important events occurred in the world politics, and in the Eastern part of the Arab-Muslim world alike. The Saudi monarchy has no doubt that the foreign policy schemes are fragile and for this reason it looks toward diversifying its foreign policy.

Keywords: Saudi Arabia, Israel, USA, king Abdullah, politics of Saudi Arabia.

For citation: Derbenev A. S. Saudi Arabia at the Top of Political Turbulence. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 273–285. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-273-285

Тема развития политических процессов на Аравийском полуострове в течение десятилетий пользуется особым вниманием в арабском мире. Политическая и государственная практика показывает, что они имеют много общего, и это сближает их и придает им большое типологическое сходство. На общем фоне выделяется Королевство Саудовская Аравия, занимающее большую часть Аравийского полуострова. Королевство имеет соответствующее по численности население, многократно превосходящее совокупное население остальных монархий, а также обладает огромными запасами углеводородов. Кроме того, королевство — первое объединившееся государство, обретшее суверенитет в сложных перепитиях межплеменной борьбы и давшее образец теократической модели функционирования аравийского социума. КСА имеет уникальную форму государственного управления. Ее главная особенность заключается в том, что в качестве конституции КСА используется Книга Аллаха — Коран и Сунна Пророка, что по убеждению трона никак не противоречит реалиям XXI в. и не препятствует прогрессу страны.

Современная Саудовская Аравия — одна из наиболее быстро развивающихся стран, играющая заметную роль в региональной и международной политике. Во внешней политике Саудовской Аравии существует определенная иерархия приоритетов. На первом месте по значимости стоят отношения с соседними странами, на втором — отношения с другими странами Европы, Азии, Америки, Африки. Успешное развитие внешнеполитических связей со странами разных континентов обеспечивается не только уникальным сочетанием богатейших природных ресурсов и выгодного географического расположения. Огромное значение имеют политическая воля и коллективный разум руководства КСА (например, наследный принц и его окружение), а также личность короля страны. Это проявляется в известном консерватизме, стремлении к сохранению status quo, отсутствии резких, импульсивных решений и действий.

Король Абдалла взошел на трон в 2005 г. (правил до 2015 г.) на 81-м году жизни¹. Фактически к власти он пришел за десять лет до коронации в 1995 г., когда страной управлял король Фахд, перенесший тяжелое заболевание. Последние годы его правления были для королевства размеренным и спокойным временем; некоторые эксперты даже сравнивают его с периодом брежневского застоя в СССР. Не происходило ничего особенного, не было резких падений, за которые могли бы критиковать короля. Возможно спустя некоторое время народ Саудовской Аравии будет вспоминать о периоде правления короля Фахда как о наиболее стабильном и спокойном в истории королевства².

Между тем, достигнутые с 2005 г. успехи в социально-экономическом и культурном развитии, по свидетельству известной консалтинговой структуры «Блумберг» дали основание некоторым комментаторам и исследователям назвать период его правления золотыми годами процветания и стабильности³. Возможно, это справедливая оценка. В одном из выступлений король заявлял, что задача страны номер один состоит во внедрении инноваций и новейших технологий и в создании полноценной диверсифицированной экономики, основанной на знаниях, и активно содействовал практическому решению этой задачи⁴. При непосредственном участии короля было создано агентство по продвижению инвестиций с целью упорядочения процесса привлечения иностранных денежных потоков в страну и для упрощения открытия бизнеса в Саудовской Аравии. Абдалла также способствовал основанию Научно-технического университета для проведения передовых научных исследований.

Воплотить в жизнь задуманное помогли поступления от экспорта нефти. Содействуя активизации этого источника, король задал вполне определенный вектор развития страны и придал ему инерцию движения. Он многое сделал, чтобы «заразить» подданных своими амбициозными планами и в кратчайшие сроки превратить страну в экономически развитое государство. Например, в стране была проведена эффективная реформа образования и науки, способствовавшая появлению на саудовском рынке высококвалифицированной рабочей силы⁵. Все вышеперечисленные обстоятельства помогли новому королю уделять больше внимания внешнеполитическому курсу, с которым не все было так однозначно.

¹ Madawi al-Rasheed. King Abdullah of Saudi Arabia obituary. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jan/22/king-abdullah-of-saudi-arabia> (дата обращения 19.08.2020).

² Супонина Е. Король Абдалла как символ саудовского застоя. *PIA Новости*. URL: <http://ria.ru/world/20150123/1043960528> (дата обращения 20.04.2020).

³ Waldman P. The \$2 Trillion Project to Get Saudi Arabia's Economy Off Oil. *Bloomberg Businessweek*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2016-04-21/the-2-trillion-project-to-get-saudi-arabia-s-economy-off-oil> (дата обращения 15.04.2020); Angus McDowall. Saudi King Abdullah was a Cautious Reformer. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-succession-abdullah-obituary/saudi-king-abdullah-was-a-cautious-reformer-idUSKBN0KW00720150123> (дата обращения 22.04.2020).

⁴ Согласно данным научно-аналитического агентства «Nature Index Rising Stars», основанный в 2009 г. научно-технический университет короля Абдаллы в 2016 г. занял 19-е место в мире среди самых быстрорастущих университетов по качеству научных исследований. Top 100 institutions. *Nature Index*. URL: <https://www.natureindex.com/supplements/nature-index-2016-rising-stars/tables/institutions> (дата обращения 27.04.2020).

⁵ Lindse U. Saudi Arabia's Education Reforms Emphasize Training for Jobs. *The Chronicle of Higher Education*. URL: <https://www.chronicle.com/article/Saudi-Arabias-Education/124771/> (дата обращения: 19.08.2020)

Г. Косач отмечает, что еще в 2002 г. во время поездки по США Абдалла выступил с инициативой по мирному урегулированию на Ближнем Востоке, озвучив ее и на саммите Лиги арабских государств в Бейруте. Абдалла предложил мир в обмен на отвод израильских войск к границам 1967 г., настаивал на возвращении палестинских беженцев на родину и призывал к созданию палестинского государства с Восточным Иерусалимом в качестве столицы [Косач, 2015, с. 332]. Конечно, такие требования не были приняты Израилем. Возвращение к этой инициативе в марте 2007 г. не принесло ощутимых результатов. Опираясь на символическое значение Мекки для мусульман, Абдалла провел там встречи, чтобы примирить враждующие палестинские группировки, но прочного успеха в этом достигнуть не смог.

В апреле 2003 г. в результате американской операции в Ираке был ликвидирован этот региональный конкурент королевства, но, как оказалось, ненадолго. Никто не ожидал, что новый «демократический» Ирак вновь дестабилизирует обстановку в регионе, и вопросы сдерживания конфессиональной войны и борьбы с Аль-Каидой⁶ в Ираке обрели актуальность в повестке дня Абдаллы⁷.

Параллельно заявил о себе Иран со своей ядерной программой. Выяснилось, что он претендует на роль новой региональной державы, влияющей не только на исход войны в Ираке, но и оказывающей воздействие на все арабское общество. Осознавая, что в восточной провинции Саудовской Аравии преобладают шииты, являющиеся в целом по стране меньшинством, Абдалла начал ощущать беспокойство по поводу потенциально-формирующегося шиитского центра силы.

В 2005 г. в правительстве Ирака происходят изменения: партия шиитов «Да'ава» (Партия исламского призыва) приходит к власти. Более того, такие организации, как Высший Совет Исламской Революции в Ираке (ВСИРИ) и движение «Ахрар» Муктады ас-Садра, символизировали возрастание политического влияния этих двух сил в стране и перевоплощение Ирака в первое в истории арабского мира шиитское государство.

Перемены в Ираке сопровождались усилением позиций движения «Хезболла» на территории Ирана, а также укреплением стратегически важных позиций в ирано-сирийских отношениях. В июле 2005 г. было подписан договор между Ираном и Ираком о военном сотрудничестве. Рассматривая эти события, А. В. Кузнецов отмечает, что в сентябре 2005 г. министр иностранных дел КСА Сауд аль-Фейсал выступил на заседании американского Совета по международным отношениям, заявив: «На данный момент иранцы входят на территорию, умиротворенную при помощи войск Соединенных Штатов. Они имеют влияние в правительстве, платят деньги, приводят своих людей к власти и даже создают собственные силы внутренней безопасности для защиты своих позиций. Все это не укладывается у нас в головах. Мы пережили бремя долгой войны с целью предотвращения оккупации Ираном Ирака, после этого выдворяли иракских захватчиков из Кувейта, и все это было сделано для того, чтобы своими руками преподнести Ирак иранцам?»⁸

⁶ Запрещена на территории РФ.

⁷ Rodriguez C. Nomination d'un ministre chiite en Arabie saoudite, un geste politique. *Monde*. URL: <http://m.rfi.fr/moyen-orient/20140701-nomination-ministre-chiite-arabie-saoudite-irak-roi-abdallah> (дата обращения 01.05.2020).

⁸ Кузнецов А. В. Ирано-саудовские отношения в 1979–2014 годах: между конфронтацией и диалогом. *Международная жизнь*. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=12226> (дата обращения 09.05.2020).

Вместе с президентом Египта Хосни Мубараком и королем Иордании Абдаллой⁹ саудовский монарх выразил тревогу по поводу так называемого шиитского полумесяца¹⁰. Защита интересов иракских суннитских единоверцев была проблематична из-за сложности ситуации в Ираке и из-за действий Аль-Каиды, которая также позиционировала себя как защитника суннитов. Абдалла осудил убийства на религиозной почве и настаивал на единстве иракского государства. Мекка оказалась правильным местом для встречи лидеров воюющих иракских суннитов и шиитов, чтобы договориться о прекращении кровопролития. Однако, ни эта встреча, ни усиление военного присутствия США не остановили убийства гражданских лиц в иракских городах.

Негативным фактором в двусторонних отношениях по праву можно считать недоверие со стороны монархий Аравийского полуострова по отношению к шиитскому Ирану и проводимому им внешнеполитическому курсу. Периодическое вмешательство Тегерана в проблемы региона Арабского Востока, а также во внутренние дела таких стран, как Сирия, Ирак, Ливан, Бахрейн, Палестина, оказывают негативное влияние на двусторонние отношения с Саудовской Аравией. Сформировавшаяся тенденция в Бахрейне представила для правящего суннитского режима опасность государственного переворота. На фоне этого руководство стран-членов ССАГПЗ ввело войска на территорию Бахрейна (март 2011 г.), военная экспедиция получила название «Щит полуострова»¹¹.

Неспособность саудовского руководства заставить немедленно прекратить стороны огонь в ходе 33-дневной войны летом 2006 г. между Израилем и Хезболлой еще больше снизила авторитет короля. Хотя израильская пресса публиковала статьи, восхвалявшие Абдаллу, а принадлежавшие саудовцам СМИ называли войну Хезболлы с Израилем авантюрой, повторяя тем самым официальные саудовские заявления, репутация короля как дома, так и в остальном арабском мире оказалась под вопросом. В течение лета отношения Абдаллы с Башаром аль-Асадом ухудшились по причине того, что сирийский лидер назвал арабских правителей из противоположного лагеря «наполовину мужчинами», что вызвало гневные отклики в Египте и Иордании¹². После этой войны резко поляризовались отношения между умеренными под руководством Саудовской Аравии и радикалами под патронажем Ирана. Примирить два лагеря оказалось за пределами возможностей Абдаллы.

В дополнение к разрыву с Сирией по поводу Ливана (и ранее с Ливией по поводу предполагаемой попытки покушения на короля) Абдалла не смог преодолеть

⁹ The Situation Room with Wolf Blitzer. King Abdullah of Jordan: Iran's actions are 'a concern'. CNN. URL: <https://edition.cnn.com/videos/world/2016/01/13/king-abdullah-jordan-interview-teaser-wolf.cnn/video/playlists/king-abdullah-of-jordan> (дата обращения 12.05.2020).

¹⁰ Например, см. ежедневную либеральную газету Великобритании «Гардиан»: Burke J. Saudi Arabia worries about stability, security and Iran. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jun/29/saudi-arabia-prince-turki-arab-spring-iran> (дата обращения 21.08.2020).

¹¹ Савина Е. Контрреволюционный контингент. *Газета.Ру*. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/03/14_a_3554161.shtml (дата обращения 25.05.2020).

¹² Лоцилин А. Вторая ливанская война: история и уроки. *Russia Today*. URL: <https://russian.rt.com/article/316635-vtoraya-livanskaya-voyna-istoriya-i-uroki> (дата обращения 08.06.2020).

враждебность других партнеров по ССАГПЗ. Ухудшились отношения с Катаром, поддерживавшим Братьев-мусульман во время их правления в Египте, хотя Саудовская Аравия причисляла их к террористическим организациям.

В последние годы жизни Абдалла руководил страной, обладающей мощными экономическими ресурсами, которые не смогли гарантировать ему влияния в регионе. Саудовская внешняя политика больше походила на реакцию на события, происходившие вне ее контроля. Проекты развития, предлагаемые Абдаллой, новые университеты и промышленные города, вызвали больше споров, чем послужили решению реальных экономических проблем. Тем не менее Абдалла стал первым правителем Саудовской Аравии, добивавшимся новой легитимности, на этот раз вытекающей из служения народу, а не просто опирающейся на божественный закон.

КСА — ИЗРАИЛЬ

Важным вектором внешней политики КСА являются отношения с Израилем. С началом второго десятилетия текущего века Эр-Рияд и Тель-Авив предпринимают осторожные шаги по налаживанию двусторонних отношений. Например, отставной саудовский высокопоставленный военный (генерал) Анвар Ешки, руководитель Ближневосточного Центра стратегических и правовых исследований в Джидде, в 2010–2013 гг. неоднократно встречался с Д. Голдом, генеральным директором министерства иностранных дел Израиля, близким другом премьер-министра Израиля Б. Нетаньяху. Политики встречались более десятка раз и провели несколько совещаний с разными неправительственными организациями, в ходе которых обсуждались проблемы региональной безопасности, в том числе последствия арабской весны.

Достаточно вспомнить, что страны БВСА по-разному прошли испытание арабской весной, тем не менее, ошибочно полагать, будто страны региона на тот момент были готовы смириться с возникшими проблемами и лишиться возможностей преодолевать вызовы, нависавшие над ними в конце 2000-х гг., а в начале текущего десятилетия материализовавшиеся во вполне конкретные материальные потери (см., например: [Орлов, 2012, с. 265–269]).

Летом 2016 г. А. Ешки возглавляла делегацию КСА, прибывшую в Израиль для переговоров. Саудовский эмиссар встретился с Д. Голдом и генерал-майором Й. Мордехаем, высокопоставленным должностным лицом, ответственным за реализацию политики израильского правительства на палестинских территориях. Эти встречи положили начало более продуктивному обсуждению стратегических вопросов, лежащих в интересах обеих стран.

Такое развитие отношений позволяет сделать вывод о том, что отношения между Саудовской Аравией и Израилем укрепляются также и на уровне неправительственных организаций. Британская «Гардиан» сообщила, что после обстрела в Тель-Авиве в июне 2016 г., в результате которого погибли четверо израильтян, вновь обострился вопрос о поведении палестинских арабов¹³. Тем не менее, отсутствие дальнейшего значимого диалога в рамках процесса мирного урегулирования

¹³ Four Israelis killed in Tel Aviv restaurant shooting are named. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/09/tel-aviv-shooting-four-israelis-killed-named-restaurant> (дата обращения 19.08.2020).

в Палестине будет сдерживать наращивание положительной динамики в этом застаревшем и весьма важном вопросе существования региона. Представители израильского истеблишмента и правящие круги в государствах Персидского залива признают, что без этого будет трудно превратить спорадические контакты в полноценные и открытые дипломатические отношения. Проявление же готовности политиков как в Израиле, так и в государствах-членах Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГЗ) в большей степени к неформальному сотрудничеству по вопросам, представляющим взаимный интерес, чем к поиску формальных дипломатических решений, предполагает более гибкие формы развития отношений.

Неотъемлемой частью такого подхода является единодушное мнение, что Иран представляет наибольшую и самую непосредственную угрозу для региональной безопасности на Ближнем Востоке. Будучи не уверенными в твердой и безусловной поддержке со стороны Соединенных Штатов, политики Иерусалима и монархий Персидского залива намерены искать решение этой проблемы совместными усилиями.

КСА — США

Отношения с Вашингтоном занимают особое место в иерархии внешнеполитических приоритетов Саудовской Аравии¹⁴. Связи и контакты с Америкой имеют давнюю историю, многообразны и развиваются относительно успешно. Арабов отличает от США отношение к Израилю, что не помешало в 2005 г. провести в Эр-Рияде совместную с Америкой международную конференцию по борьбе с терроризмом, на которой король Абдулла заявил, что терроризм не является частью какой-либо культуры, религии или политики¹⁵. После ряда изменений в антитеррористической политике правительству Саудовской Аравии удалось обезвредить в королевстве большое количество боевиков, имевших связи с «Аль-Каидой»¹⁶.

Тогда же США и Саудовская Аравия установили диалог по проблемам, требовавшим особого внимания обеих сторон. Было создано шесть рабочих групп, каждая из которых отвечала за отдельную сферу деятельности: борьба с терроризмом, военное дело, энергетика, экономические и финансовые вопросы, образование и консульские дела. В том же году заместитель государственного секретаря США по вопросам политики Роберт Бернс, отвечая на вопрос об отношениях США и Саудовской Аравии на онлайн-форуме «Спроси Белый дом», заявил, что сегодня США и Саудовская Аравия совместно работают над решением ряда региональных и двусторонних проблем в рамках стратегического диалога, который был установлен королем Абдуллой и президентом Бушем-младшим в 2005 г. Также Бернс добавил, что

¹⁴ Дербенев А. С. США–КСА: асимметрия взаимозависимости. Казань, 2018 г. *Книги и монографии Института востоковедения РАН*. URL.: <http://book.ivran.ru/book?id=1489&from=1061> (дата обращения 19.08.2020)

¹⁵ См.: доклад посольства Саудовской Аравии в Брюсселе в электронной версии. *Saudi Arabia and counter terrorism. Embassy of Saudi Arabia in Brussels. Ministry of Foreign Affairs of Saudi Arabia*. URL: http://ksaembassy.be/wp-content/uploads/2017/04/White-Paper_Counterterrorism_April2017.pdf (дата обращения 18.06.2020).

¹⁶ Запрещена на территории РФ.

«Саудовская Аравия играет важную роль в мировой экономике, как ведущий экспортер углеводородов. И сейчас, когда мы сталкиваемся с вызовами XXI века, мы надеемся, что Саудовская Аравия будет играть ведущую роль в поддержке мира на Ближнем Востоке»¹⁷.

Год спустя, после встречи министра иностранных дел Саудовской Аравии Сауда аль-Фейсала и государственного секретаря США К. Райс, официальный представитель Госдепартамента США Ш. Маккормак сообщил о результатах работы этих групп и обнародовал планы на будущее¹⁸. Рабочая группа по борьбе с терроризмом достигла консенсуса о создании новых программ и о совместной работе по искоренению терроризма в странах. Также обсуждались международное сотрудничество в борьбе с ним, в частности, обмен информацией. Рабочая группа по военным вопросам работала как часть существовавшего совместного Стратегического Комитета по Планированию между армиями двух стран (JPC). Комитет работал над расширением взаимодействия между военными силами США и Саудовской Аравией и поддерживал стремление Королевства модернизировать свой военный потенциал. Целью рабочей группы по энергетике являлось углубление существующего двустороннего диалога по энергетическим вопросам. Острота вопроса объясняется тем, что страны являются крупнейшими добытчиками и потребителями нефти. Поэтому США и Саудовская Аравия разделяли стратегический интерес к безопасным и стабильным энергетическим рынкам и умеренным ценам на нефть. Рабочая группа по экономическим и финансовым вопросам работала над укреплением экономического сотрудничества, торговли и улучшением инвестиционного климата. Рабочая группа по консульским вопросам обсудила вопросы о выдаче виз гражданам обеих стран. Рабочая группа по партнерству, образованию, обмену и развитию человеческого потенциала стремилась содействовать взаимопониманию между США и Саудовской Аравией и расширять культурный обмен. Государства договорились о программе стипендий, позволяющей наиболее успешным студентам из Саудовской Аравии учиться в США. Кроме того страны условились о содействии развитию предпринимательства и частного сектора в Саудовской Аравии, что давало больше возможностей саудовской молодежи¹⁹.

В мае 2008 г., перед визитом Буша в Эр-Рияд в честь 75-летия установления дипломатических отношений между странами, советник по национальной безопасности США Стивен Хедли заявил, что «саудовско-американские отношения находятся в довольно неплохом состоянии»²⁰. Также администрация Буша объявила о подписании нескольких новых двусторонних соглашений, направленных на улучшение отношений между странами в ключевых областях.

Государства подписали Меморандум о сотрудничестве в области ядерной энергетики в гражданской сфере. Согласно этому документу США обязывались помочь

¹⁷ Burns N. Discussion on the Middle East. *US Department of State*. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/nea/rls/rm/2006/70855.htm> (дата обращения 20.06.2020).

¹⁸ McCormack S. U.S.-Saudi Strategic Dialogue. *Department of State*, 2006.. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/66463.htm> (дата обращения 22.06.2020).

¹⁹ Saudi-American Educational and Cultural Initiative Grants. *US Embassy and Consulates in Saudi Arabia*. URL: <https://sa.usembassy.gov/education-culture/saudi-american-educational-and-cultural-initiative-grants/> (дата обращения 20.08.2020).

²⁰ Tabassum Z. Analysis — Saudi smile likely for Bush on oil plea, not more. *Reuters*. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSN09489398> (дата обращения 24.06.2020).

Саудовской Аравии в использовании атомной энергии в медицине, промышленности и электроэнергетике в соответствии с резолюцией Международного Агентства по Атомной Энергии (МАГАТЭ)²¹.

Саудовская Аравия согласилась присоединиться к глобальной инициативе по безопасному распространению атомной энергии. В заявлении Белого Дома говорилось, что «США и Саудовская Аравия договорились о сотрудничестве в охране энергетических ресурсов Королевства путем защиты ключевой инфраструктуры, укрепления безопасности границ Саудовской Аравии и удовлетворение энергетических потребностей Королевства наиболее экологически чистыми средствами»²².

Договоренность о взаимной визовой политике подразумевала, что правительства согласились выдавать деловые и туристические визы гражданам своих стран на взаимных условиях: визы действовали пять лет, с правом неоднократного въезда в страну. Были введены аналогичные документы и для студентов.

Еще одним событием, вызвавшим разногласия между Саудовской Аравией и США, стало вторжение американских войск в Ирак. В 2002 г. США начали кампанию по свержению президента Ирака С. Хуссейна. Администрация Буша считала, что Хуссейн представляет угрозу глобальному миру, будучи жестоким тираном и спонсором терроризма, однако мнения насчет этой войны в мире разнились. Большинство стран понимали, что США не удалось доказать наличие у Саддама Хуссейна ядерного оружия, некоторые считали, что США готовят вторжение из-за залежей иракской нефти.

Напряженность в отношениях Ирака и Саудовской Аравии сохранялась исторически, хотя в определенные периоды страны сотрудничали — например, во время ирано-иракской войны 1980-х гг. Перед началом американского вторжения в Ирак Саудовская Аравия заняла нейтральную позицию. Мировые СМИ сообщали, что, несмотря на все просьбы американцев, Саудовская Аравия не позволит американским военным размещать вооруженный контингент США на своей территории. Принц Сауд аль-Фейсал, министр иностранных дел КСА, выразил сомнение в одном из своих интервью, по поводу того, что без доказательств существования угрозы со стороны Ирака, Саудовская Аравия вряд ли присоединилась бы к войне²³. Как оказалось, эти заявления были сделаны специально для публики. Также стало известно, что один из высокопоставленных саудовских принцев находился в Белом Доме в день начала Иракской войны. Представители администрации президента попросили принца предупредить его правительство о начале войны за несколько часов, до того как первые ракеты были выпущены в сторону Багдада. Саудовская Аравия хотела видеть во главе Ирака Хуссейна и партию «БААС». Когда вторжение США в Ирак стало неизбежным, перед Саудовской Аравией встал вопрос о том, готово ли Королевство видеть во главе Ирака лояльное Западу правительство, которое будет «выкачивать нефть в больших

²¹ Media Note: U.S.–Saudi Arabia Memorandum of Understanding on Nuclear Energy Cooperation. 2008. U.S. Department of State, Office of the Spokesman. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2008/may/104961.htm> (дата обращения 29.06.2020).

²² См. Официальное заявление администрации президента США Дж. Буша-младшего. Fact Sheet: Strengthening Diplomatic Ties with Saudi Arabia. The White House. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/05/20080516-1.html> (дата обращения 19.08.2020).

²³ Prince Saud Al-Faisal. Interview with Saudi foreign minister. *Frontline*. 2005. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/saud/interviews/saud.html> (дата обращения 08.07.2020).

количествах, чем Саудовская Аравия». В итоге решение королевства оказалось осторожным и взвешенным. Саудовцам необходимо было показать солидарность с другими странами региона для сохранения репутации в регионе. В октябре 2002 г. Саудовская Аравия заявила, что разрешит США использовать свои военные объекты для нападения на Ирак в том случае, если на это даст согласие ООН. Однако уже 4 ноября было заявлено об обратном. Более того, в том же месяце наследный принц Абдулла, выступая на саудовском телевидении, заявил, что «саудовская армия ни при каких обстоятельствах не ступит на иракскую территорию». Однако эти противоречия и двусмысленность позиции Саудовской Аравии показали, что режим пытается как поддержать Вашингтон, так и не позволить своей стране стать участником агрессии в отношении Ирака.

Саудовская Аравия имела свои интересы в Ираке. Во-первых, страна не могла допустить, чтобы нестабильность в Ираке сыграла против Эр-Рияда. Во-вторых, необходимо было предотвратить репрессии в отношении иракских суннитов со стороны доминирующих там шиитов. В-третьих, в интересах Саудовской Аравии было ограничить региональное влияние потенциально враждебного Ирана. Существовали и более долгосрочные интересы. Возрождение нефтяной промышленности Ирака не должно было угрожать доминированию Саудовской Аравии на мировом энергетическом рынке. Также Ирак не должен был стать военной угрозой для стран Персидского Залива, так как в памяти были свежи последствия агрессии Ирака в Кувейте в 1990 г.

Таким образом, американское вторжение в Ирак имело для Саудовской Аравии огромное значение. США установили в Ираке шиитское правительство, тем самым нарушив баланс суннитской и шиитской сил в регионе Персидского залива. Это было на руку Ирану. Министр иностранных дел Саудовской Аравии Сауд аль-Фейсал, выступая в университете Райс в США, заявил, что США подали Ирак Ирану на блюдечке²⁴. Вскоре после свержения С. Хуссейна саудовское правительство убрало американские воздушные силы с территории военных баз, использовавшихся США со времен войны в Заливе в 1990–1991 гг. В июне 2003 г. наследный принц Абдалла приостановил переговоры с американскими нефтяными компаниями и обратился к китайским, европейским и российским фирмам с предложением нарастить сотрудничество с «АРАМКО» — компанией, исторически представлявшей фундамент тесных отношений между США и КСА.

Несмотря на то что Саудовская Аравия разделяла цели США по предотвращению гражданской войны в Ираке, король Абдалла не признал нового премьер-министра Ирака Нуриаль-Малики, так как рассматривал его в качестве ставленника Ирана. Также король не торопился с тем, чтобы вновь открыть в Багдаде посольство Саудовской Аравии, хотя США просили его сделать это как можно быстрее²⁵. Саудовцы считали, что шиитское правительство аль-Малики не планировало делиться властью с суннитским меньшинством и опасались, что после того как США

²⁴ Выступление саудовского министра в университете Райс. *Youtube.com*. <https://www.youtube.com/watch?v=jpgawNSgh7k> (дата обращения 20.08.2020).

²⁵ Ottaway D. The King and US. US and Saudi relations in the wake of 9/11. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2009-05-01/king-and-us> (дата обращения 29.07.2020).

покинут территорию Ирака, в стране вновь начнется гражданская война. В таком случае королевству пришлось бы оказывать финансовую поддержку суннитскому меньшинству, дабы уравновесить силы с шиитами, на стороне которых выступил бы Иран.

Хотя саудовцы больше не были заинтересованы в нахождении американских военных сил на своей земле, они не возражали против того, чтобы Штаты размещали свои военные базы в других странах Персидского залива, дабы показать Ирану, что американцы все еще способны оказать поддержку. Саудовцы опасались, что американские или израильские нападения на иранские ядерные объекты вызовут ответные меры против государств Совета Сотрудничества Арабских Государств Персидского Залива, на территориях которых расположены американские военные силы²⁶. Еще больше саудовцы боялись иранского удара по нефтяным объектам своей страны. Такой ответ Ирана поставил бы Саудовскую Аравию перед дилеммой: использовать для ответа вооруженные силы, тем самым рискуя развязать открытую войну, или ничего не делать, и в таких обстоятельствах позволить Тегерану резко усилить свои позиции в Заливе.

Эта дилемма актуализирует диалог между США и КСА по поводу того, как следует построить систему коллективной безопасности для защиты стран Персидского залива от Ирана. Саудовская Аравия являлась основной военной державой в Совете Сотрудничества Арабских Государств Залива (ССАГЗ), куда входили все государства Залива, кроме Ирака. Усилия США по расширению военного сотрудничества между государствами-членами ССАГЗ не давали должного результата из-за разногласий, политических споров, недовольства региональной политикой Ирана. Роберт Гейтс²⁷ в 2008 г. заявил на конференции стран ССАГЗ в Бахрейне, что Ирак хочет стать членом ССАГЗ, и в свете иранской угрозы, объединение должно быть не против вступления Ирака. В ответ страны-участницы конференции не поддержали Гейтса единогласно. Эр-Рияд встретил это предложение молчанием. Саудиты уже выступали против членства Ирака в ССАГЗ в эру Саддама Хуссейна, опасаясь усиления Саддама в регионе, богатом нефтью. Тогда их опасения оправдались после иракского вторжения в Кувейт. В итоге Ирак так и не стал членом ССАГЗ.

Подытоживая вышесказанное, можно отметить, что КСА серьезно озабочено проблемами развития внешней политики и находится на подходах к изысканию механизмов реагирования в эпоху усиления тенденций политического и экономического характера в странах Ближнего Востока, для которых характерна повышенная подвижность общественно-политических систем, а также в отношениях с США. При этом даже особое положение нефтяной монархии едва ли может служить панацеей от возникновения экономических, политических противоречий и от столкновения интересов аравийских адептов глобализации и ее западных инициаторов.

²⁶ Ottaway D. The King and US. US and Saudi relations in the wake of 9/11. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2009-05-01/king-and-us> (дата обращения 29.07.2020).

²⁷ Роберт Гейтс — министр обороны США в администрации президента Джорджа Буша-младшего.

Литература / References

- Косач Г. Г. Саудовская внешняя политика: «Арабская весна» и время региональных потрясений. *Ближний Восток и современность*. Вып. 49. М., 2015. С. 55–100 [Kosach G. G. Saudi Foreign Policy: “Arab Spring” and the Time of Regional Upheavals. *Middle East and Modernity*. Vol. 49. Moscow, 2015. Pp. 55–100 (in Russian)].
- Орлов В. В. Марокко: секрет устойчивости. *Рецепты Арабской весны. Русская версия*. (Серия *Политический бестселлер*). Москва, 2012. С. 265–269 [Orlov V. V. Morocco: the secret of sustainability. *Arab Spring Recipes. Russian version*. (Ser. *Political bestseller*). Moscow, 2012. Pp. 265–269 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Выступление саудовского министра в университете Райс. *Youtube.com*. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=jpgawNSgh7k> (дата обращения 20.08.2020).
- Дербенев А. С. США–КСА: асимметрия взаимозависимости. Казань, 2018 г. *Книги и монографии Института востоковедения РАН*. URL: <http://book.ivran.ru/book?id=1489&from=1061> (дата обращения 19.08.2020).
- Кузнецов А. В. Ирано-саудовские отношения в 1979–2014 годах: между конфронтацией и диалогом. *Международная жизнь*. URL: <http://interaffairs.ru/read.php?item=12226> (дата обращения 09.05.2020).
- Лоцилин А. Вторая ливанская война: история и уроки. *Russia Today*. URL: <https://russian.rt.com/article/316635-vtoraya-livanskaya-voyna-istoriya-i-uroki> (дата обращения 08.06.2020).
- Савина Е. Контрреволюционный контингент. *Газета.Ру*. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2011/03/14_a_3554161.shtml (дата обращения 25.05.2020).
- Супонина Е. Король Абдалла как символ саудовского застоя. *РИА Новости*. URL: <http://ria.ru/world/20150123/1043960528> (дата обращения 20.08.2020).
- Burke J. Saudi Arabia worries about stability, security and Iran. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2011/jun/29/saudi-arabia-prince-turki-arab-spring-iran> (дата обращения 21.07.2020).
- Burns N. Discussion on the Middle East. *US Department of State*. URL: <https://2001-2009.state.gov/p/nea/rls/rm/2006/70855.htm> (дата обращения 20.06.2020).
- Fact Sheet: Strengthening Diplomatic Ties with Saudi Arabia. *The White House*. URL: <https://georgewbush-whitehouse.archives.gov/news/releases/2008/05/20080516-1.html> (дата обращения 19.08.2020).
- Four Israelis killed in Tel Aviv restaurant shooting are named. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2016/jun/09/tel-aviv-shooting-four-israelis-killed-named-restaurant> (дата обращения 19.08.2020).
- Lindse U. Saudi Arabia’s Education Reforms Emphasize Training for Jobs. *The Chronicle of Higher Education*. URL: <https://www.chronicle.com/article/Saudi-Arabias-Education/124771/> (дата обращения 19.08.2020).
- Madawi al-Rasheed. King Abdullah of Saudi Arabia obituary. *The Guardian*. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/jan/22/king-abdullah-of-saudi-arabia> (дата обращения 19.08.2020).
- McCormack S. U.S.–Saudi Strategic Dialogue. *Department of State*. 2006. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2006/66463.htm> (дата обращения 22.06.2020).

- McDowall A. Saudi King Abdullah was a Cautious Reformer. *Reuters*. URL: <https://www.reuters.com/article/us-saudi-succession-abdullah-obituary/saudi-king-abdullah-was-a-cautious-reformer-idUSKBN0KW00720150123> (дата обращения 22.04.2020).
- Media Note: U.S.–Saudi Arabia Memorandum of Understanding on Nuclear Energy Cooperation. 2008. *U.S. Department of State, Office of the Spokesman*. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/pa/prs/ps/2008/may/104961.htm> (дата обращения 29.06.2020).
- Nature Index* URL: <https://www.natureindex.com/supplements/nature-index-2016-rising-stars/tables/institutions> (дата обращения 27.04.2020).
- Ottaway D. The King and US. US and Saudi relations in the wake of 9/11. *Foreign Affairs*. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/middle-east/2009-05-01/king-and-us> (дата обращения 29.07.2020).
- Prince Saud Al-Faisal. Interview with Saudi foreign minister. *Frontline*. 2005. URL: <https://www.pbs.org/wgbh/pages/frontline/shows/saud/interviews/saud.html> (дата обращения 08.07.2020).
- Rodriguez C. Nomination d'un ministre chiïte en Arabie saoudite, un geste politique. *Monde*. URL: <http://m.rfi.fr/moyen-orient/20140701-nomination-ministre-chiïte-arabie-saoudite-irak-roi-abdallah> (дата обращения 01.05.2020).
- Saudi Arabia and counter terrorism. *Embassy of Saudi Arabia in Brussels. Ministry of Foreign Affairs of Saudi Arabia*. URL: http://ksaembassy.be/wp-content/uploads/2017/04/White-Paper_Counterterrorism_April2017.pdf (дата обращения 18.06.2020).
- Saudi-American Educational and Cultural Initiative Grants. *US Embassy and Consulates in Saudi Arabia*. URL: <https://sa.usembassy.gov/education-culture/saudi-american-educational-and-cultural-initiative-grants/> (дата обращения 20.08.2020).
- Tabassum Z. Analysis — Saudi smile likely for Bush on oil plea, not more. *Reuters*. 2008. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSN09489398> (дата обращения 24.06.2020).
- The Situation Room with Wolf Blitzer. King Abdullah of Jordan: Iran's actions are 'a concern'. *CNN*. URL: <https://edition.cnn.com/videos/world/2016/01/13/king-abdullah-jordan-interview-teaser-wolf.cnn/video/playlists/king-abdullah-of-jordan> (дата обращения 12.05.2020).
- Waldman P. The \$2 Trillion Project to Get Saudi Arabia's Economy Off Oil. *Bloomberg Businessweek*. URL: <https://www.bloomberg.com/news/features/2016-04-21/the-2-trillion-project-to-get-saudi-arabia-s-economy-off-oil> (дата обращения 15.04.2020).

ИЗРАИЛЬСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОВЕТСКОЙ ПОЛИТИКЕ В БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ ВОЙНАХ

© 2020

Т. В. Носенко*

Советская политика в отношении ближневосточного конфликта и, в частности, в арабо-израильских войнах 1967–1973 гг. — тема, разносторонне изученная в зарубежной, и, прежде всего, в израильской историографии. Хотя израильские специалисты, как правило, подходят к изучению этого сложного феномена на основе принятой научной методологии и анализа достаточно противоречивых источников, но монографии, о которых идет речь в этой статье, предъявляют читателю весьма однобокую и предвзятую трактовку роли советского государства в этот исторический период. В них опровергается традиционная версия о том, что Москва была заинтересована в поддержании контролируемого кризиса, но не в его переходе в военную фазу, и пыталась сдерживать арабов. Вместо этого израильские авторы И. Гинор и Г. Ремез ставят своей целью доказать, что именно СССР в тайных сговорах с руководством Египта и Сирии готовил нападения на Израиль в 1967 г., ориентировал арабов исключительно на военное решение конфликта после «шестидневной войны» и готовил планы совместного наступления на израильские позиции в 1973 г. Советская политика на Ближнем Востоке в этот период не была ни образцом «миролюбия и братской помощи», как это представляла советская пропаганда, ни современным вариантом «крестового похода» против Святой Земли, как это изображают в рассматриваемых работах израильские авторы. Сложное сплетение глобальных и региональных интересов, идеологическая индоктринированность, внутривластная борьба за власть были основными факторами, влиявшими на процесс принятия политических решений. Исключив из своего исследования многие из этих факторов и довольно субъективно пододвигая к отбору источников, И. Гинор и Г. Ремез представили довольно искаженную и не вызывающую доверия версию событий.

Ключевые слова: советская политика на Ближнем Востоке, И. Гинор, Г. Ремез, «шестидневная война» 1967 г., «война на истощение», октябрьская война 1973 г.

Для цитирования: Носенко Т. В. Израильская историография о советской политике в ближневосточных войнах. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 286–297. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-286-297

* Татьяна Всеволодовна НОСЕНКО, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nosenkotat@gmail.com

Tatiana V. NOSENKO, PhD (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nosenkotat@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-9872-3324

ISRAELI HISTORIOGRAPHY ON SOVIET POLITICS IN THE MIDDLE EASTERN WARS

Tatiana V. Nosenko

Soviet policy in the Middle Eastern conflict and, in particular, in the Arab-Israeli wars of 1967–1973 present a topic that has been comprehensively studied in foreign, and, above all, in Israeli historiography. Although Israeli specialists, as a rule, approach the study of this complex phenomenon on the basis of the accepted academic methodology and analysis of rather contradictory sources, the monographs discussed in this article present the reader with a very one-sided and biased interpretation of the role of the Soviet state in this historical period. They refute the traditional version that Moscow was interested in maintaining a controlled crisis, but not in its transition to a military phase, and tried to restrain the Arabs. Instead, Israeli authors I. Ginor and G. Remez set out to prove that it was the USSR, in secret conspiracy with the leaders of Egypt and Syria, that prepared attacks on Israel in 1967, oriented the Arabs exclusively towards a military solution to the conflict after the “Six-Day War” and prepared plans for a joint attack on Israeli positions in 1973. Soviet policy in the Middle East at that period was neither a model of “peacefulness and brotherly assistance”, as Soviet propaganda presented it, or a modern version of a “crusade” against the Holy Land, as Israeli authors portray it in the works under consideration. The complex interweaving of global and regional interests, ideological indoctrination, and internal political struggle for power were the main factors that influenced the process of political decision-making. Having excluded many of these factors from their research and rather subjectively approaching the selection of sources, I. Ginor and G. Remez presented a rather distorted and not credible version of events.

Keywords: Soviet Policy in the Middle East, I. Ginor, G. Remez, The Six-Day War of 1967, War of Attrition, October war 1973.

For citation: Nosenko T. V. Israeli Historiography on Soviet Politics in the Middle Eastern Wars. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 286–297. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-286-297

История арабо-израильских войн не уходит из поля зрения израильских исследователей. Специальные работы посвящаются советской политике как одному из важнейших факторов в период наиболее острой фазы арабо-израильского противостояния в 1967–1973 гг. В 2007 г. была опубликована книга израильских журналистов и исследователей И. Гинор и Г. Ремеза «Фоксбэйт над Димоной»¹ [Ginor, Remez, 2007], вызвавшая большой резонанс, поскольку авторы претендовали на полный пересмотр роли СССР в военных событиях на Ближнем Востоке в 1967 г. Не менее резонансной стала выпущенная десятилетием позже работа тех же авторов «Советско-израильская война 1967–1973 гг. Военное вмешательство СССР в египетско-израильский конфликт» [Ginor, Remez, 2017], в которой авторы предложили свою, совершенно отличную от канонической версию советского участия в позиционной войне между Египтом и Израилем после 1967 г. и в подготовке арабского наступления на израильские позиции в октябре 1973 г.

Авторы являются профессиональными журналистами, специализировавшимися в области внешней и военной политики Израиля, а затем сотрудничавшими с институтом Трумэна Еврейского университета Иерусалима — одним из наиболее

¹ Foxbat — маркировка НАТО для советского сверхзвукового самолета-перехватчика и разведчика МиГ-25.

престижных исследовательских центров Израиля в этой области. Они сумели воспользоваться большим объемом документов и мемуарной литературы, ставших доступными в постсоветской России в 1990-х — начале 2000-х гг., тем более что один из членов этого тандема И. Гинор прекрасно владеет русским языком. Г. Ремез является представителем англоязычной семьи, поэтому обе монографии отличает высокопрофессиональный английский слог, и они вышли в издательствах самых известных американских университетов. За первую монографию авторы получили серебряную медаль Вашингтонского института ближневосточной политики, что явно свидетельствует о признании их исследовательских заслуг. Однако представленные ими выводы вызвали возражения у зарубежных специалистов, предъявлявших авторам претензии и в тенденциозном подборе фактов, и в излишней погоне за сенсацией. Действительно, взятый авторами метод деконструкции исторических событий, широко практикуемый сегодня, как правило, преследует определенные политические цели, и анализ представленных работ позволяет в этом удостовериться.

Первая работа «Фоксбэйт над Димоней» И. Гинор и Г. Ремеза посвящена доказательствам того, что именно Советский Союз несет ответственность не только за провоцирование июньской войны 1967 г., но и за ее заблаговременное планирование. Пересматривая каноническую версию, в соответствии с которой к обострению конфликтной ситуации приводила множественность факторов регионального и глобального уровня, равно как и нагнетание напряженности обеими сторонами, авторы рассматривают войну 1967 г. как следствие большого советско-египетско-сирийского сговора, главной целью которого было уничтожение секретных израильских объектов в Димоне, где разрабатывалось ядерное оружие. Цель этого плана заключалась в том, чтобы посредством ложных предупреждений о военных намерениях Израиля² в отношении Сирии спровоцировать угрожающую Израилю ситуацию на Синае и вынудить его таким образом нанести превентивный удар. «Агрессивные» действия Израиля якобы создавали условия и политическое обоснование для ответного удара египетской армии при поддержке СССР по Димоне. Этот план, как считают авторы, не удалось реализовать только благодаря сокрушительному удару Израиля по вооруженным силам противника.

Не приходится сомневаться, что ядерная программа Израиля вызывала тревогу у советского руководства. Израиль рассматривался как форпост империализма на Ближнем Востоке, и его ядерная программа, нацеленная на создание оружия массового поражения, считалась частью антисоветских военных приготовлений в сопряженных с СССР регионах. По утверждению самих авторов, М. Даян³, например, видел Москву, а не арабов, главной целью израильского ядерного сдерживания [Ginor, Remez, 2017, p. 72].

Интересное свидетельство о взглядах советских руководителей по этому вопросу приводит в своих мемуарах известный советский дипломат О. А. Гриневский. На одном

² В середине мая 1967 г. Москва передала египетскому руководству информацию о концентрации израильских войск на границе с Сирией, достоверность которой не была доказана. В зарубежной историографии ложное «советское предупреждение» часто рассматривается как главный фактор, спровоцировавший Г. А. Насера на демонстрацию военной силы на Синае и дальнейшее закрытие Тиранского пролива для израильского судоходства.

³ Даян Моше — министр обороны Израиля с 5 июня 1967 г. по 3 июня 1974 г.

из совещаний в МИДе А. А. Громыко рассказывал, что в мае 1967 г. египтяне действительно собирались нанести удар по важным объектам на территории Израиля, но советское руководство тогда не было осведомлено об их планах ликвидировать ядерный потенциал Израиля. Президенту Египта Г. А. Насеру было направлено послание, в котором ему настоятельно советовали не начинать войну: «...если бы мы четко тогда представляли, что главная цель этого удара — уничтожить ядерный потенциал Израиля, то не стали бы отговаривать Насера», — сказал министр иностранных дел [Гринеvский, 2002, с. 112–113]. Он считал, что таким образом можно было уравнивать военные возможности Израиля и арабских стран, и тогда Египет «не пошел бы на позорный кэмп-дэвидский мир». Эти высказывания Громыко относятся к гораздо более позднему времени (начало 1980-х гг.), и, возможно, в них сказалась так и не утоленная жажда реванша за то поражение, которое советская дипломатия потерпела в результате потери Египта как соратника в борьбе «с империализмом и сионизмом». Но нельзя не отдать должного провидческим оценкам советского министра, назвавшего создание Израилем ядерного оружия политической близорукостью, которая приведет к тому, что и другие страны региона будут стремиться «заполучить ядерное и другое оружие массового уничтожения по той причине, что оно есть у Израиля» [Гринеvский, 2002, с. 114].

С одной стороны, признание главы советской дипломатии как будто подтверждает версию Гинор и Ремеза о том, что в Москве ядерная программа Израиля вызывала крайнее раздражение. Но с другой стороны, в нем содержится и отрицание какого-либо тайного или явного сговора с арабами, целью которого являлась бы ликвидация израильского ядерного центра.

Одним из главных доказательств о намерениях СССР уничтожить ядерный центр Израиля, которое авторы называют краеугольным вопросом своей книги, является утверждение, что советские летчики на новейших сверхзвуковых самолетах МиГ-25 совершали в мае 1967 г. разведывательные полеты над Димоной в том числе и для тестирования возможностей израильских средств ПВО. Свидетельства о таких полетах действительно есть, но заключения авторов, сделанные на этом основании, не находят подтверждения у мемуаристов и исследователей. К тому же, советский летчик-испытатель А. Бежевец, имя которого часто встречается в работах израильских авторов, утверждал уже в 2017 г., что во время шестидневной войны в Египте, где он тогда служил, не было МиГ-25⁴.

Правда, есть сведения о том, что одной из дислоцировавшихся на Украине частей советских ВВС летом 1967 г. поступил приказ из Генштаба подготовить полк ударных самолетов и нанести бомбовый удар по израильским военным объектам⁵. Судя по тому, в какой спешке и с какими до смешного нелепыми предосторожностями в целях соблюдения секретности велась подготовка к такой операции, никаких заранее разработанных планов ведения боевых действий на Ближнем Востоке у советского

⁴ Баранец В. Почему нашим асам в 1967-м запретили бомбить Израиль. *Комсомольская правда*. 05.06.2017. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26687.7/3710261/> (дата обращения 11.11.2019).

⁵ Баранец В. Почему нашим асам в 1967-м запретили бомбить Израиль. *Комсомольская правда*. 05.06.2017. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26687.7/3710261/> (дата обращения 11.11.2019).

командования не было. Как считает мемуарист, приказ был отменен, потому что информация о готовящемся ударе попала в западную прессу⁶.

Весьма недостоверны утверждения авторов о готовившейся высадке советского десанта на побережье Израйля. По воспоминаниям бывшего первого заместителя главнокомандующего ВМФ СССР И. М. Капитанца, действительно в мае 1967 г. была спланирована морская десантная операция, но на территорию Сирии, в порт Латакия для возможного отражения вторжения войск Израйля [Почтарев, 2016, с. 16]. Для десантирования за короткий срок пытались подготовить находившихся в Средиземном море на учениях малоопытных курсантов, и все вздохнули с облегчением, когда операция не состоялась. Российский исследователь военно-морской истории М. Монаков вообще относит приказ о формировании группы морского десанта в составе 500 человек для высадки в районе Латакии к 10 июня 1967 г., т. е. к завершающему этапу войны [Monakov, 2008, р. 165]. Но и тогда, как полагает историк, оно вряд ли было возможным из-за отсутствия необходимой логистической, инженерной, гидрографической поддержки. Все эти спешные, несогласованные меры, принимавшиеся в соответствии со складывавшейся на фронтах ситуацией, могут свидетельствовать лишь о спонтанности действий советского военного командования, об отсутствии предварительных планов вступления в войну.

В то же время эти факты говорят о готовности советской военной машины оказать поддержку арабам, но политические соображения перевешивали в принятии окончательных решений. В аналитических документах ЦРУ того периода указывалось, что Советский Союз не будет использовать свои вооруженные силы, чтобы спасти арабов от поражения⁷. К таким же выводам приходила и израильская разведка. Израильский автор Ш. Шай [Shay, 2007, р. 122–143] приводит документальные доказательства того, что накануне шестидневной войны лидеры страны правильно рассчитали, что израильский военный удар не спровоцирует советского военного ответа. Именно такая оценка советской сдержанности позволила израильскому руководству принять решение о внезапной атаке, когда Вашингтон дал понять, что с американской стороны возражений не будет.

Вызывает вопросы и аргумент Гинор и Ремеза о якобы заранее планировавшемся Москвой разрыве дипломатических отношений с Израйлем, который они приводят в доказательство своей версии о готовившемся совместно с арабами ударе по еврейскому государству [Ginor, Remez, 2007, р. 157]. С точки зрения израильских авторов, запланированность разрыва отношений с Израйлем подтверждается обращением советского МИДа к посольству Финляндии с просьбой о передаче правительству Израйля письма А. Н. Косыгина от 5 июня 1967 г., хотя разрыв отношений состоялся лишь 10-го числа. Но и 7 июня заявление советского правительства с жесткими предупреждениями о возможных последствиях для советско-израильских отношений продолжения Израйлем военных действий было также передано через посольство Финляндии в СССР [Ближневосточный конфликт 1947-1967. 2003. Т.2. С.579]. По-

⁶ Баранец В. Почему нашим асам в 1967-м запретили бомбить Израиль. *Комсомольская правда*. 05.06.2017. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26687.7/3710261/> (дата обращения 11.11.2019).

⁷ Robarge D. CIA Analysis of the 1967 Arab-Israeli War. *CIA.gov*. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol49no1/html_files/arab_israeli_war_1.html#_ftn8 (дата обращения 27.07.2020).

видимому, этим дипломатическим приемом Москва выражала свое недоверие представителям Израиля, «развязавшего агрессию против соседних арабских государств». Как свидетельствуют документы, в самом конце мая 1967 г. в МИДе возникла идея пригласить в Москву израильского премьера Л. Эшкола для обсуждения возникшей острой ситуации [Ближневосточный конфликт 1947-1967. 2003. Т.2. С. 270–271]. Дамаск и Каир отвергли ее, но со стороны СССР странно было бы, готовясь к войне и прекращению отношений с Израилем, пытаться выступать в роли миротворца.

Все же, как представляется, разрыв дипломатических отношений следует рассматривать как результат разноплановых политических соображений. Прежде всего, сильный антиизраильский шаг должен был сгладить возмущение арабов, выражавших большое негодование из-за нежелания союзников «по борьбе с империализмом» — СССР и стран Варшавского договора — напрямую ввязываться в военные действия. Но не менее важно было, «наказывая» Израиль, продемонстрировать советскому народу верность принципам «антиимпериалистической борьбы и поддержки национально-освободительного движения арабского народа». Свою роль в решении прекратить дипломатические отношения с Израилем сыграли и разногласия в советском руководстве. Отечественные авторы подтверждают, что А. Громыко предложил пойти на эту жесткую меру, чтобы успокоить «ястребов», рассматривавших сокрушительное поражение египтян и сирийцев как удар по советскому политическому и военному престижу и требовавших реванша [Васильев, 1993, с. 82–83].

Историки нередко попадают в капкан темы, которой они занимаются, переставая соотносить значимость рассматриваемых ими событий с более широким историческим контекстом, в котором развивались те или иные процессы. И. Гинор и Г. Ремез предъявили читателям массу технических деталей советской военной помощи арабским странам, якобы предназначенной для планировавшейся совместной войны против Израиля. Однако за рамками их исследования остался тот международный контекст конца 1960-х — начала 1970-х гг., в котором происходило формирование советского внешнеполитического курса. Ближний Восток занимал в этот период далеко не первое место во внешнеполитических приоритетах СССР. Опасность ядерной войны, заставившая СССР и США вступить на путь переговоров по разоружению, проблемные отношения со странами Западной Европы и прежде всего бурный экономический рост и ремилитаризация ФРГ, вызывавшие тревогу в Москве, необходимость сохранения контроля над восточноевропейскими союзниками, обострившиеся в 1960-х гг. отношения с маоистским Китаем — это были основные проблемы, находившиеся в фокусе советской внешнеполитической деятельности. Американцы, пристально отслеживавшие советские шаги на международной арене, отмечали: «Советские интересы на Ближнем Востоке сами по себе важны, но они не настолько критичны, как отношения СССР с США, Европой и Китаем»⁸. В условиях, когда на первый план выходили задачи по снижению международной напряженности, по поискам путей сосуществования с противниками во избежание ядерной катастрофы, затевать на Ближнем Востоке войну, которая неминуемо повлекла бы за собой столкновение с США, было неоправданным и даже самоубийственным риском.

⁸ Soviet Policy in the Middle East. Intelligence Memorandum. May 8, 1973. *CIA.gov*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001100160043-2> (дата обращения 27.07.2020).

Сложная картина взаимодействий СССР с международными акторами, многообразие национальных интересов в том виде, как они понимались в тот исторический период советским руководством входят в противоречие с упрощенческим взглядом, представленным в работе И. Гинор и Г. Ремеза. Сосредоточившись на гипотетических советских планах подготовки войны против Израиля, они не приводят убедительных причин, по которым советское правительство могло бы пренебречь угрозой глобального столкновения, вызванного советской военной интервенцией, причинило бы большой урон нормализации отношений с Западом, что становилось одним из основных внешнеполитических векторов в тот период.

В исторической версии И. Гинор и Г. Ремеза просматривается определенная идеологическая нацеленность на то, чтобы убедить современного читателя, что Советский Союз поддерживал и возглавлял наступление против права на существование еврейского государства, и этот фактор вкупе с антисемитизмом советского руководства играл чуть ли не решающую роль в выработке политики на Ближнем Востоке. Нельзя отрицать, что так называемый «аппаратный антисемитизм» [Костырченко, 2019, с. 299], прочно закрепившийся среди сотрудников ЦК КПСС, да и в других советских бюрократических структурах со времен Сталина, видимо, играл свою роль в процессе принятия внешнеполитических решений в 1960-х — 1970-х гг. Однако официальная антиссионистская кампания, которая, несомненно, подпитывалась антипатией к евреям и приняла особенно интенсивный характер после войны 1967 г., была, как представляется, предназначена прежде всего для внутреннего потребления. Соображения «высокой» политики потребовали внедрить в умы советской общественности представление о порочности Израиля как орудия сионизма и империализма, поэтому была открыта дорога авторам, которые не гнушались никакими средствами в очернении еврейского государства [Носенко, Семенченко, 2015, с. 171–183]. В то же время антисемитские настроения далеко не были распространены среди высших советских руководителей, как утверждает Г. В. Костырченко, один из наиболее сведущих отечественных исследователей в вопросах отношений власти и евреев [Костырченко, 2019, с. 297].

В процессе принятия внешнеполитических решений гораздо большую роль играли доктринальные идеологические установки. В этот период советское руководство отдавало приоритет задаче расширения рамок социалистической системы, в том числе за счет эффективной поддержки революционных, антиимпериалистических сил в «третьем мире». [Нежинский, Чельшев, 1995, с. 43] В марксистско-ленинском дискурсе Ближний Восток как раз и представлял собой зону национально-освободительной борьбы, а Сирия и ОАР (Египет), как считалось, наиболее успешно продвигались по пути так называемой социалистической ориентации [Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС, 1971, с. 41]. Главное препятствие в решении общенациональных задач бывших колониальных государств партийные теоретики видели в политике империализма и Соединенных Штатов Америки. Арабо-израильский конфликт поэтому трактовался как противостояние между арабским национализмом, арабским народом, борющимся за свою национальную независимость, и международным империализмом, с задачами которого отождествлялся внешнеполитический курс Израиля. Свою задачу в ближневосточном конфликте советские лидеры видели в том, чтобы предотвратить превращение Израиля в орудие империалистических держав для ликвидации «прогрессивных арабских режимов в ОАР, Сирии, Алжире». Уже в

послевоенный период Л. И. Брежнев подчеркивал: «Мы признаем государство Израиль и не собираемся выступать против него, но мы против агрессивного курса лидеров Израиля. Мы считаем, что желание арабов уничтожить Израиль было ошибкой» [Ro'i, Morozov, 2008, p. 337].

Однако поиски тайных, до сих пор скрытых мотивов поведения Советского Союза на Ближнем Востоке не прекращаются. Свою вторую книгу «Советско-израильская война 1967–1973. Военное вмешательство СССР в египетско-израильский конфликт» И. Гинор и Г. Ремез посвятили доказательствам того, что Москва не только не оказывала сдерживающего влияния на арабов в этот период, как считалось в традиционной историографии, но подталкивала Египет к военному реваншу [Ginor, Remez, 2017, p. xv–xvi]. Авторы считают, что после унижительного поражения, которое потерпело советское оружие и военная доктрина в Египте в 1967 г., Советскому Союзу необходимо было не только спасти престиж египетского режима, но еще в большей степени доказать другим региональным союзникам надежность своей поддержки. Вся дипломатическая активность 1967–1973 гг., с их точки зрения, служила лишь отвлекающим маневром для прикрытия советских военных приготовлений против Израиля. В интерпретации авторов, именно Москва сыграла ведущую роль в определении времени и оперативном планировании египетско-сирийского наступления в октябре 1973 г., предприняв в сговоре с египтянами обманный ход с «изгнанием советских советников», чтобы ввести в заблуждение Израиль⁹.

При всех многочисленных технических подробностях о советской военной помощи Египту, собранных в этой объемной работе, при ознакомлении с ней не оставляет мысль о том, что изложенная концепция является зеркальным отражением советских оценок арабо-израильского конфликта. Как в советской позиции утверждалось, что главной причиной ближневосточного конфликта является империалистическое вмешательство и поощрение американцами экспансионистских устремлений Тель-Авива, так и в книге И. Гинор и Г. Ремеза главным виновником военного противостояния Египта и Израиля оказывается Советский Союз. Как в советских представлениях конфликтом дирижировало ЦРУ, так и Гинор и Ремез не считают преувеличением мнение, что КГБ убедило президента Г. А. Насера начать «войну на истощение»¹⁰ [Ginor, Remez, 2017, p. xvi]. Общим в обоих случаях является странное пренебрежение внутренними причинами конфликта, его динамикой, определявшейся интересами и потребностями сторон.

Авторы возлагают на Советский Союз вину за срыв ряда мирных инициатив, исходивших от Израиля и США, объясняя это намерениями отомстить Израилю за военное унижение [Ginor, Remez, 2017, p. 13] и готовившимся советским военным вмешательством, для которого планы по урегулированию конфликта были помехой. [Ginor, Remez, 2017, p. 133, 142] Но в их рассуждениях не учитывается важное обстоятельство: последовавшее после шестидневной войны военное противостояние приняло затяжной характер не столько из-за вмешательства СССР и США, которое, безусловно, подпитывало конфликт, сколько из-за столкнувшихся в нем

⁹ Речь идет о выводе из Египта в июле 1972 г. по требованию президента А. Садата советского воинского контингента, который дислоцировался там с марта 1970 г.

¹⁰ «Война на истощение» — военные действия малой интенсивности, ведшиеся Египтом и Израилем с марта 1969 по август 1970 г.

непримиримых, противоположных позиций сторон. Израиль, опираясь на свое военное преимущество, был нацелен на то, чтобы заставить арабов пойти на заключение мира, вступить с ним в прямые переговоры и, используя захваченные арабские территории в качестве разменной карты, добиться установления границ, в большей степени соответствующих интересам обеспечения его безопасности. Потерпевшая поражение арабская сторона рассматривала завоевания Израиля исключительно как результат агрессии с его стороны. Арабы не были намерены связывать вопрос об освобождении территорий с признанием Израиля. Главным для них являлся *безусловный* вывод израильских войск *со всех захваченных территорий*. Арабские лидеры не видели никаких оснований выполнять требование о прекращении состояния войны, до тех пор пока израильские войска находятся на территориях арабских государств и не решена проблема палестинского народа. Эта противоположность задач опрокидывала все инициативы мирного урегулирования независимо от того, исходили ли они от самих сторон или от внешних акторов (ООН, СССР, США).

Что касается советской позиции по урегулированию, то в 1968–1969 гг. советская сторона продвигала формат четырехсторонних консультаций по Ближнему Востоку (СССР, США, Англия, Франция) и была заинтересована в «пакетном» или всеобъемлющем урегулировании, которое должно распространяться на все аспекты конфликта в соответствии с резолюцией 242 СБ ООН.

В своей системе доказательств авторы уделяют особенно много внимания советской операции «Кавказ» — направлению в Египет советского воинского контингента численностью от 10 000 до 15 000 человек в 1970 г. В этом сюжете преследуются две цели: во-первых, снять с Израиля ответственность за провоцирование резкого советского ответа, последовавшего из-за глубинных бомбардировок объектов на территории Египта, которые особенно интенсифицировались в январе 1970 г., и, во-вторых, доказать ложность сведений об обращении Г. А. Насера к СССР с просьбой о помощи именно вследствие этих налетов [Ginor, Remez, 2017, p. 113–134]. Авторы убеждены, что прямое военное вмешательство СССР было реализацией плана, автономно разрабатывавшегося советским военным командованием для наступательной операции форсирования Суэцкого канала.

Все же, как представляется, первостепенную роль в принятии советским руководством решения о переброске в Египет частей ПВО и ВВС сыграла сама динамика египетско-израильского конфликта¹¹. Беспомощность египтян перед глубинными израильскими рейдами в 1969 — начале 1970-го гг. была для Москвы явным знаком того, что Насер был на пороге политического и военного поражения. Не будь разгромных атак Израиля, руководство которого не особенно скрывало своей нацеленности на свержение Насера, может быть, и советская сторона воздержалась бы от резких шагов.

Настоящую конспирологическую теорию выстраивают авторы вокруг истории «изгнания» египетским президентом А. Садатом советского военного контингента в июле 1972 г., которая подробно освещена в историографии на основе многочисленных документов и личных свидетельств. Всю историческую канву они пересматривают в

¹¹ Академик А. М. Васильев приводит в своей работе слова работника ГРУ о том, что советская политика в арабском мире в этот период была «больше окрашена политическими и стратегическими соображениями. Чисто военные задачи не стояли на первом месте» [Васильев, 1993, с. 97].

пользу своей «теории обмана», которая представляет решение Садата как хитрый маневр, задуманный и осуществленный в сговоре с Москвой, чтобы скрыть реальные приготовления к войне с Израилем и притупить его бдительность. Со стороны СССР это была, как они доказывают, многоходовая операция, в которой исполнялась секретная договоренность между А. Громыко и Г. Киссинджером¹², предполагавшая, что в ответ на вывод советских войск американская сторона будет добиваться ухода Израиля с оккупированных территорий в соответствии с резолюцией 242. Поскольку в Кремле осознавали, что Израиль вряд ли примет советскую или египетскую формулу примирения, то «была бы достигнута легитимация военного решения, которому Москва постоянно отдавала приоритет» [Ginor, Remez, 2017, p. 265].

Начнем с того, что нет ни одного документа или личного свидетельства, которые подтверждали бы существование упомянутой советско-американской договоренности. Вся теория авторов держится на так называемых «аргументированных предположениях», которые в основном и являются их методом исследования [Ginor, Remez, 2017, p. xix]. В то же время много фактов говорит о том, что советское военное присутствие мешало Садату, раздражало определенные круги в высшем политическом и военном руководстве Египта. К тому же, избавление от советских войск являлось со стороны Садата сигналом для американцев, с которыми он начал дипломатическую игру сразу же после смерти Г. А. Насера в сентябре 1970 г. Об этом факте, подтвержденном большим объемом американских архивных документов, авторы в своей работе практически не упоминают.

Был ли Израиль обманут «хитростью изгнания»? Судя по воспоминаниям Моше Даяна, израильтяне вполне отчетливо представляли себе, как могут разворачиваться наступательные действия арабов на Синае и на Голанских высотах [Dayan, 1976, p. 562]. В Египте действовала разветвленная сеть израильской агентуры [Егорин, 2009, с. 39]. Еще в середине 1972 г. израильская разведка давала очень точные прогнозы египетского военного наступления в зоне канала. Так что версия о том, что объявленный вывод советских войск мог повлиять на снижение боеготовности Израиля, вряд ли оправдана.

Это лишь незначительная часть эпизодов, по которым можно оспорить выводы И. Гинор и Г. Ремеза. Сделав акцент исключительно на взаимодействии СССР с арабскими государствами, прежде всего с Египтом, авторы совершенно исключили из поля своего исследования израильско-американские отношения. Без их анализа искажается оценка решений, принимавшихся советской и арабской сторонами.

Доказательная база относительно советских военных намерений в обеих работах Гинор и Ремеза держится в основном на свидетельствах «низовых» участников конфликта, на воспоминаниях военных, переводчиков, оказавшихся тогда на египетско-израильском фронте, в то время как мемуары политиков, государственных деятелей, дипломатов вызывают у авторов скептицизм [Ginor, Remez, 2017, p. xviii, xxi]. Этот подход не кажется оправданным, поскольку написанные в основном много лет спустя после событий воспоминания далеко не всегда могут точно отражать историческую картину, что может создавать ложное представление о реальных политических целях, преследовавшихся государством.

Так, работы известного египетского журналиста и политического деятеля М. Хейкала, в которых на протяжении многих лет историки видели заслуживающую

¹² Генри Киссинджер — советник президента США по национальной безопасности (1969–1975) и государственный секретарь США (1973–1977).

доверия информации, авторы с самого начала характеризовали как абсолютный фальсификат, сфабрикованный в эгоистических интересах. Тем не менее эпизоды, подтверждающие их концепцию, они считают достоверными [Ginor, Remez, 2017, p. 178]; напротив, то, что противоречит продвигаемой ими версии, объявляется вымыслом [Ginor, Remez, 2017, p. 151]. Мемуары известного советского дипломата В. Исраэляна [Israelyan, 1995], признанный авторитетный источник по советской политике в войне 1973 г., полностью опровергающий выдвинутую И. Гинор и Г. Ремезом версию о советско-египетском сговоре в целях развязывания войны, в работе израильских авторов практически не упоминаются.

При всей спорности выдвинутой авторами концепции нельзя не признать, что объем проделанной ими работы с источниками, мемуарной и монографической литературой вызывает уважение. Вероятно, впервые в этой работе обобщены различные сведения об участии советских военных в «забытой» войне на Ближнем Востоке, после которой в СССР из соображений секретности им даже не был предоставлен статус ветеранов военных действий. В то время сообщения о том, что советские войска воюют в Египте и Сирии, советская пресса с возмущением называла лживой буржуазной пропагандой. До сих пор, как справедливо отмечают И. Гинор и Г. Ремез, нет доступа к архивным материалам этого периода ни в Министерстве иностранных дел, ни в военных ведомствах и спецслужбах Российской Федерации. Эта секретность оборачивается против правдивого и приближенного к объективности изучения важного исторического этапа советской политики на Ближнем Востоке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Израильские авторы претендуют на то, что их труды представляют большой научный вклад в изучение советской ближневосточной политики. Но их скорее можно отнести к жанру журналистских расследований, особенность которых часто состоит в изложении большого количества якобы сенсационных фактов, на самом деле скрывающих от неосведомленного читателя многие существенные стороны проблемы. Так называемая селективная достоверность, то есть подборка фактов и документов в пользу заранее сформулированной концепции при игнорировании всего, что ей противоречит, сегодня не редкий метод и в публицистике и в тенденциозных исторических работах. Израильским авторам не чужды и конъюнктурные задачи: демонические характеристики советской политики, которая, с их точки зрения, всегда состояла лишь в создании «максимально докучливых помех гегемонии США» [Ginor, Remez, 2017, p. 360], переносятся и на современную региональную политику Российской Федерации. Все это снижает доверие к представленным трудам как действительно «новому слову» в ближневосточных исследованиях.

Литература / References

- Ближневосточный конфликт 1947–1967. Из документов Архива внешней политики РФ. Отв. редактор Наумкин В.В. Т. 2. М., 2003 [*Middle East conflict 1947-1967. From the documents of the Russian Foreign Policy Archive*. Editor-in-chief Naumkin V.V. Moscow, 2003 (in Russian)]
- Васильев А. М. *Россия на Ближнем и Среднем Востоке: от мессианства к прагматизму*. М., 1993 [Vasil'ev A. M. *Russia in the Near and Middle East: From Messianism to Pragmatism*. Moscow, 1993 (in Russian)].

- Гриневский О. *Сценарий для третьей мировой войны. Как Израиль чуть не стал ее причиной*. М., 2002 [Grinevsky O. *Scenario for the Third World War. How Israel Nearly Caused It*. Moscow, 2002 (in Russian)].
- Егорин А. З. Записки корреспондента АПН. *Ближний Восток: командировка на войну. Советские военные в Египте*. М., 2009 [Egorin A. Z. APN Correspondent's Notes. *Middle East: A Trip to the War. Soviet Military in Egypt*. Moscow, 2009 (in Russian)].
- Костырченко Г. В. *Тайная политика от Брежнева до Горбачева. Часть I. Власть — еврейский вопрос — интеллигенция*. М., 2019 [Kostyrchenko G. V. *Secret Politics from Brezhnev to Gorbachev. Part I. Power — Jewish Question — Intelligentsia*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Нежинский Л. Н., Челышев И. А. О доктринальных основах советской внешней политики в годы холодной войны. *Советская внешняя политика в годы «холодной войны» (1945–1985 гг.). Новое прочтение*. Отв. ред. Нежинский Л. Н. М., 1995 [Nezhinsky L. N., Chelyshev I. A. On the doctrinal foundations of Soviet foreign policy during the Cold War. *Soviet foreign policy during the Cold War (1945-1985). New reading*. Nezhinsky L. N. (ed.). Moscow, 1995 (in Russian)].
- Носенко Т. В., Семенченко Н. А. *Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг.* М., 2015 [Nosenko T. V., Semenchenco N. A. *A Vain Enmity. Essays on Soviet-Israeli Relations 1948–1991*. Moscow, 2015 (in Russian)].
- Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС. Доклад Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева. XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет*. М., 1971 [Report of the Central Committee of the CPSU to the XXIV Congress of the CPSU. Report of the General Secretary of the Central Committee, Comrade L. I. Brezhnev. XXIV Congress of the Communist Party of the Soviet Union. March 30 – April 9, 1971 Verbatim record. Moscow, 1971] (in Russian)].
- Почтарев А. *Сирийский плацдарм. Воспоминания советских военных советников в Сирии*. М., 2016 [Pochtarev A. *Syrian Bridgehead. Memoirs of Soviet Military Advisers in Syria*. Moscow, 2016 (in Russian)].
- Dayan M. *Story of my Life. An Autobiography*. New York, 1976.
- Ginor I., Remez G. *Foxbats over Dimona: The Soviets' Nuclear Gamble in the Six-Day war*. New Haven, 2007.
- Ginor I., Remez G. *The Soviet-Israeli War 1967–1973. The USSR's Military Intervention in the Egyptian-Israeli Conflict*. Oxford, 2017.
- Israelyan V. *Inside the Kremlin during the Yom Kippur War*. Princeton, 1995.
- Monakov M. The Soviet Naval Presence in the Mediterranean at the Time of the Six Day War. Ro'i Y., Morozov B. (eds.). *The Soviet Union and June 1967 Six the Day War*. Stanford, 2008. Pp. 144–171.
- Ro'i Y., Morozov B. (eds.). *The Soviet Union and the June 1967 Six Day War*. Stanford, 2008.
- Shay Sh. The Israeli Evaluation of the Soviet Position on the Eve of the Six-Day War. Ro'i Y., Morozov B. (eds.). *The Soviet Union and June 1967 Six the Day War*. Stanford, 2008. Pp. 122–143.

Электронные источники / Electronic sources

- Баранец В. Почему нашим асам в 1967-м запретили бомбить Израиль. *Комсомольская правда*. 05.06.2017. URL: <https://www.ufa.kp.ru/daily/26687.7/3710261/> (дата обращения 11.11.2019).
- Soviet Policy in the Middle East. Intelligence Memorandum. May 8, 1973. *CLA.gov*. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp85t00875r001100160043-2> (дата обращения 27.07.2020).
- Robarge D. CIA Analysis of the 1967 Arab-Israeli War. *CLA.gov*. URL: https://www.cia.gov/library/center-for-the-study-of-intelligence/csi-publications/csi-studies/studies/vol49no1/html_files/arab_israeli_war_1.html#_ftn8 (дата обращения 27.07.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-298-303

ТРАНСПОРТ ЯПОНИИ В ОКЕАНЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ И ПРИРОДНЫХ ПОТряСЕНИЙ

© 2020

И. Ю. Авдаков*

Опираясь на опыт «потерянного десятилетия», Япония вышла из мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. скорее по сравнению с другими развитыми странами. Но полномасштабные антикризисные программы, главной из которых в области реального сектора экономики были транспортные инфраструктурные проекты, с неизбежностью легли тяжким бременем на бюджет страны. С 2010 г. экономика показала признаки оживления. Однако Великое восточно-японское землетрясение, произошедшее в 2011 г., нанесло огромный урон всей японской экономике и транспорту региона Тохоку. Оно повлекло за собой значительные затраты на восстановление транспорта. За период с 1990 г. доля транспорта в ВВП и структура грузов, перевозимых отдельными видами транспорта, оставались прежними: автомобильный и морской прибрежный транспорт играли основную роль во внутренних перевозках, а морской — в международных. Сохранилось и даже возросло значение железнодорожного транспорта в перевозках пассажиров. Транспорт полностью удовлетворял потребностям экономики и явился одним из средств вывода хозяйства из кризиса. Океан экономических и природных потрясений, обрушившийся на Японию, заставил жителей этой страны по-новому смотреть на перспективу развития транспорта. Новая стратегия инновационного развития предусматривает не столько увеличение скорости, сколько надежность, безопасность и экологичность транспорта. Внедрение достижений революции 4.0 стало острой необходимостью. От темпов перехода к новой модели транспорта в немалой степени зависит вся экономика страны и ее место в мировом хозяйстве.

Ключевые слова: транспорт Японии, доля транспорта в ВВП Японии, грузовые и пассажирские перевозки.

Для цитирования: Авдаков И. Ю. Транспорт Японии в океане экономических и природных потрясений. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 298–303. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-298-303

* Игорь Юрьевич АВДАКОВ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru

Igor Yu. AVDAKOV, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3403-3479

JAPANESE TRANSPORT IN THE OCEAN OF ECONOMIC AND NATURAL SHOCKS

Igor Yu. Avdakov

Based on the experience of the “lost decade” Japan emerged from the world economic crisis of 2008–2009 faster, compared to other developed countries. However full-scale anti-crisis programs, presented in the real sector of the economy mainly by the projects in transport infrastructure, inevitably put a heavy burden on the country’s budget. Since 2010, the Japanese economy has shown some signs of recovery, though the Great Japanese Earthquake of 2011 caused huge damage to the entire Japanese economy and transport in the Tohoku region. It entailed significant costs for the restoration of transport system. Since 1990, the share of transport in GDP and the structure of goods transported by individual modes of transport have remained the same: Road and sea coastal transport played a major role in domestic transport communication, while sea transport played a major role in international transport system. The importance of rail transport in passenger transportation was preserved and its scale even increased. Transport fully met the needs of the economy and proved to be one of the means helping the economy out of the crisis. The ocean of economic and natural shocks that befell Japan made the inhabitants of that country take a new look at the prospects for the transport development. The new strategy for innovative development provides not so much an increase in speed, but rather the reliability, safety and environmental friendliness of transportation means. Implementation of the 4.0 revolution’s achievements presents an urgent need. The entire economy of the country, as well as its place in the world economy, to a large extent depends on the pace of transition to a new model of transportation.

Keywords: transport in Japan, the share of transport in Japan’s GDP, freight and passenger traffic.

For citation: Avdakov I. Yu. Japanese Transport in the Ocean of Economic and Natural Shocks. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 298–303. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-298-303

В научной литературе по экономике Японии 1990-е — начало 2000-х гг. принято называть периодом депрессии и структурных реформ. В это время хозяйство страны погрузилось в беспрецедентно затянувшуюся рецессию, из которой она окончательно не вышла до сих пор, несмотря на непродолжительное оживление 2003–2008 гг. Либерализация экономической жизни 1980-х гг. как попытка продлить экономическое процветание страны периода высоких (середина 1950-х – 1973 гг.) и умеренных (вторая половина 1970-х – 1980-е гг.) темпов роста, не смогла остановить тенденцию к их снижению. Крах экономики «мыльного пузыря» 1992 г. ускорил этот понижающий тренд и привел к тяжелым последствиям во всех сферах народного хозяйства.

Одним из способов смягчения этих экономических потрясений явились бюджетные инвестиции в общественные работы и, прежде всего, инфраструктурное строительство. В 1990-е – начало 2000-х гг. возводились и модернизировались мосты, строились туннели и дорожные развязки, расширялись автодорожные магистрали и морские порты, строились новые и модернизировались старые аэропорты. Инвестиции в транспортную инфраструктуру создавали дополнительные рабочие места и подстегивали увеличение платежеспособного спроса на продукцию, в том числе и транспортного машиностроения. Но они легли тяжким бременем на бюджет страны.

В 2002–2007 гг. на мировую экономическую конъюнктуру положительно повлияли стремительно развивающиеся процессы индустриализации восточноазиатских стран и особенно Китая. В это время расширялась деятельность транснациональных корпораций, снимались барьеры на пути углубления международной торговли, заключались соглашения о создании зон свободной торговли и экономического сотрудничества. Крупные японские машиностроительные предприятия и, прежде всего, гиганты транспортного машиностроения, удачно встроились в эти процессы. Они стали своеобразным драйвером экономического развития страны, которые, однако, не успели заработать на полную мощь, а многие неэкспортные отрасли экономики показывали лишь вялый рост.

Мировой экономический кризис, начавшийся в 2008 г., обрушил надежды на полное преодоление застоя в экономике. Землетрясение и вызванное им цунами в марте 2011 г., а также авария на АЭС «Фукусима-1» усугубили экономическое положение в стране. Были разрушены многие объекты транспортной инфраструктуры. В последующие годы Япония так и не вышла из состояния застоя. С 2012 г. одним из главных рычагов подъема экономики стало исполнение бюджетных программ по развитию транспортной (и не только) инфраструктуры. Вместе с бюджетной политикой эта мера привела к незначительному росту реального ВВП. Прирост составил от отрицательных значений в 2009 г. (-5,4) и 2011 г. (-0,1) до 1,5 % в 2012 г. и 2,0 в 2013 г. В 2017 г. он был на уровне 1,7 % [Япония в поисках новых драйверов роста, 2019, с. 7].

Итак, за весь рассматриваемый период с начала 1990-х гг. экономика Японии находилась в депрессии. ВВП по паритету покупательной способности рос вяло: 3132,8 млрд. долларов США в 1990 г., 4887,5 — в 2000 г., 5700,0 — в 2010 г. и 4971,3 — в 2018 г. ВВП, созданный на транспорте, составил в 2018 г. 235,3 млрд. долларов, т. е. доля транспорта в валовом внутреннем продукте достигла 4,6 %, что свидетельствует лишь о незначительном росте на протяжении почти 30 лет. Однако, рассматривая место транспорта в ВВП Японии в широком смысле и принимая во внимание высокую долю транспортной инфраструктуры в строительстве, можно согласиться с подсчетами И. Кушнيرا о росте доли транспорта в ВВП с 8,2 % в 1990 г. до 10,2 в 2018 г.¹

Хотя 1990-е — начало 2000-х гг. стали относительно благоприятными для строительства транспортной инфраструктуры, того же нельзя сказать о грузоперевозках. В связи с сокращением темпов роста производства они не росли, а уменьшение доходов и сокращение платежеспособного спроса населения приводили к уменьшению пассажироперевозок.

С 1992 по 2002 г. шло ежегодное уменьшение физического объема внутренних перевозок с 6 млрд. 636 млн. тонн до 6 млрд. 489 млн. тонн. Несмотря на некоторые исключения (например, в 1996 г. объем грузоперевозок увеличился на 2,5 % по сравнению с предыдущим годом и в 1999 г. — на 0,8 %) в 2002 г. было перевезено лишь 5 млрд. 757 млн. тонн грузов. В итоге отмечалось абсолютное сокращение грузоперевозок на 732 млн. тонн.

Не намного лучше выглядели показатели грузооборота, более точно отражающие текущее состояние и народнохозяйственное значение транспорта. За

¹ Экономика Японии, 1970–2018. Макроэкономические исследования.
URL: <http://be5.biz/makroekonomika/profile/jp.html> (дата обращения 16.08.2020).

11 лет (с 1992 по 2002 г. он увеличился совсем незначительно): с 554 млрд. 910 млн. т км до 568 млрд. 772 млн. т км [Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран, 2006, с. 22].

В этот период росли только международные перевозки. Объем морских перевозок вырос с 648 млн. 997 тыс. тонн в 1992 г. до 701 млн. 92 тыс. тонн в 2002 г., авиаперевозок — с 678 тыс. тонн до 1 млн. 232 тыс. тонн, т. е. почти в 2 раза. Увеличение международных перевозок объясняется возросшим спросом прежде всего в США, на японскую продукцию общего и транспортного машиностроения.

Период оживления японской экономики (2002–2007 гг.) был вызван улучшением конъюнктуры развитых стран Европы, США, Китая, многих восточноазиатских стран, Бразилии, ЮАР. Быстрыми темпами шла индустриализация, значительно расширились объемы мировой торговли. Резко увеличившийся мировой спрос на импорт продукции японского транспортного и общего машиностроения привел к росту стоимости экспорта, выросшего с 49,5 трл. иен до 79,7 трл. иен (более чем на 60 %). Увеличился физический объем грузов, перевозимых морским и авиационным транспортом. Так, объем перевозок международным морским транспортом вырос 701 млн. 57 тыс. тонн в 2002 г. до 833 млн. 217 тыс. тонн в 2007 г. (около 19 %); авиационным с 1 млн. 219 тыс. тонн до 1 млн. 350 тыс. тонн (около 11 %). С учетом роста перевозок на японских судах под чужим флагом они выросли еще больше.

Иная тенденция проявилась во внутренних перевозках: они демонстрировали незначительное падение с 5 млрд. 758 млн. тонн в 2002 г. до 5 млрд. 255 млн. тонн в 2007 г. [Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран, 2011, с. 22]. Неэкспортные отрасли переживали застой и даже некоторое падение.

Мировой финансово-экономический кризис, начавшийся в 2008 г., привел к резкому падению промышленного производства и сокращению экспорта. Причиной кризиса явилась высокая степень зависимости японского машиностроения от конъюнктуры в развитых странах. Она показывала, что мировой рынок все больше ориентируется на продукцию машиностроительных предприятий Китая и Южной Кореи. Российский японовед И. П. Лебедева справедливо отмечает, что «если в годы благоприятной конъюнктуры, отдавая должное безупречному качеству и надежности японской продукции, потребители готовы были платить за нее высокую цену, то в кризисной ситуации многие предпочли переключиться на аналогичную продукцию конкурентов Японии (в первую очередь Китая и Южной Кореи) — возможно в чем-то и уступающую японской, но более доступную по цене» [Лебедева, 2010, с. 57–58]. Неэкспортные отрасли производства, так и не вышедшие из состояния застоя в 2002–2007 гг., испытали значительный спад. Он привел к уменьшению объема внутренних перевозок грузов. В целом с 2008 по 2017 гг. физический объем внутренних перевозок сократился с 5 млрд. 7 млн. тонн до 4 млрд. 788 млн. тонн, причем сокращение происходило ежегодно, за исключением 2011 г. За этот период времени ежегодно (кроме 2016 и 2017 гг.) происходило снижение и грузооборота с 514 млрд. 11 млн. т км до 414 млрд. 509 млн. т км.

В период депрессии структура перевозок грузов отдельными видами транспорта существенно не менялась, а явная тенденция 1965–1985 гг. к увеличению доли автомобильного транспорта не проявляется в последующий период.

С 1990 г. автомобильным транспортом перевозится свыше 90 % всех грузов, а грузооборот составляет свыше половины всего внутреннего грузооборота страны (табл. 1).

Табл. 1. Структура грузооборота отдельных видов транспорта (в млн./км и процентах). Составлено по: [Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран, 2019]

Вид транспорта	1995	2000	2005	2010	2017
Железнодорожный	25 101 (4,5)	22 136 (3,9)	22 813 (4,0)	20 398 (4,6)	21 663 (5,2)
Автомобильный	292 566 (52,5)	311 037 (54,0)	332 911 (58,6)	243 150 (54,7)	210 829 (50,8)
Морской (каботажный)	238 330 (42,8)	241 671 (41,9)	211 576 (37,2)	179 898 (40,5)	180 934 (43,7)
Внутренний авиатранспорт	924 (0,2)	1 073 (0,2)	1 076 (0,2)	1 033 (0,2)	1 083 (0,3)
Всего:	556 921 (100)	575 919 (100)	568 376 (100)	444 480 (100)	414 509 (100)

Данные табл. 1 свидетельствуют, что автомобильный и морской (каботажный) транспорт обеспечивают подавляющую часть внутреннего грузооборота. Учитывая, что автотранспорт занимает особо большое место в перевозках на короткие и средние расстояния, становится очевидной главенствующая роль морского транспорта во внутренних перевозках грузов на дальние расстояния.

В структуре грузов, перевозимых всеми видами транспорта внутри страны, заметное место занимают багаж и посылки (25 %), что является японской спецификой. Автомобильным транспортом кроме посылок и багажа перевозятся преимущественно песок, гравий, камни, цемент, керамические изделия, нефтепродукты, продукция машиностроения, сталь, железо, металлоизделия, продукция пищевой и текстильной промышленности. Железнодорожным — нефть и нефтепродукты, цемент, не содержащие железо металлические руды и минералы, уголь, удобрения, пищевая и текстильная продукции. Каботажный транспорт отвечает за перевозки прежде всего сырьевых импортных грузов: нефтепродукты, уголь, а также продукции некоторых отраслей отечественной обрабатывающей промышленности. Авиационным транспортом перевозятся скоропортящиеся продукты, детали для машиностроения, изделия электромашиностроения.

В целом, структура грузов, перевозимых разными видами транспорта, в период 1990-х — начала XXI в. мало менялась. Этот устоявшийся баланс наблюдается на фоне вялотекущего снижения физического объема перевозок.

Драматичнее складывалась ситуация с пассажирскими перевозками. Железнодорожный транспорт, занимавший доминирующее положение в годы высоких темпов роста (середина 1950-х – 1973 г.), стал утрачивать свое значение. [Авдаков, 2012, с. 100]. Но тенденция к снижению роли железнодорожного транспорта в развитии экономической жизни и быте японцев была прервана Великим японским землетрясением и цунами 11 марта 2011 г., унесшими жизни свыше 30 тыс. человек. С

этого времени доля железнодорожного транспорта в перевозках пассажиров резко возросла с 25 % в 2009 г. до 73 % в 2011 г., составив 80 % в 2017 г. Одной из главных причин столь кардинального изменения предпочтений японцев явилось понимание относительной надежности скоростного железнодорожного транспорта перед лицом природных катаклизмов. Были и другие факторы, включая запрещение автопоездов на зараженных территориях после аварии на атомной электростанции в Фукусиме, большое число погибших и пожизненно травмированных японцев, старение населения.

Несмотря на все природные и техногенные катастрофы, все основные виды транспорта Японии: автомобильный, морской и железнодорожный сохранили свои лидирующие позиции в транспортной системе Японии и мира. Исторические судьбы пассажирского и грузового транспорта были не во всем схожи, но общим остается их высокий мировой технический уровень.

Для транспорта как составляющей части производственной инфраструктуры, являющейся естественной монополией, изначально характерна высокая степень концентрации и централизации капитала. Поэтому очевидно, что эти процессы в области транспорта проходили интенсивнее, чем во многих других отраслях экономики и в среднем во всем хозяйстве. Вместе с тем либерализация экономики в конце 1980-х гг.; более полное включение рыночных механизмов в области естественных монополий, частичная дерегуляция рынков, приватизация и разукрупнение государственных транспортных корпораций противодействовали общей тенденции к усилению и углублению процесса концентрации и централизации капитала. Но с середины 1990-х гг. наблюдается дальнейшее увеличение числа предприятий с капиталом свыше 5 млрд. иен.

В заключение следует отметить, что в конце XX — начале XXI в. транспорт Японии развивался достаточно динамично и полностью удовлетворял потребностям экономики. Конечно, океан проблем, обрушившийся на Японию, не мог не сказаться на его развитии, но, несмотря на экономические и природные потрясения, транспорт не только не стал тормозом для развития японской экономики, но, наоборот, явился одним из важнейших средств вывода хозяйства из кризиса.

Литература / References

- Авдаков И. Ю. *Железные дороги Японии: от вестернизации до глобализации*. М., 2012 [Avdakov I. Yu. *Japanese Railways from Westernization to Globalization*. Moscow, 2012 (in Russian)].
- Лебедева И. П. Монодзукури в условиях глобализации. *Ежегодник Японии*. М., 2010. С. 57–58 [Lebedeva I. P. Monodzukury under Globalization. *Yearbook Japan*. Moscow, 2010. Pp. 57–58 (in Russian)].
- Япония в поисках новых драйверов роста. *Бюллетень о текущих тенденциях мировой экономики*. № 40. М., 2019. С. 1–19 [Japan is looking for new growth drivers. *Bulletin on Current Trends in the World Economy*. Vol. 40. M., 2019. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Ун'ю Кэйдзай Токэй Ёран (*Ежегодный статистический сборник по транспорту*). Токио, 2019 [Statistical Transportation Handbook. Tokyo, 2019 (in Japanese)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Экономика Японии, 1970–2018. *Макроэкономические исследования*. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/profile/jp.html> (дата обращения 16.08.2020).

К ВОПРОСУ О ВЛИЯНИИ ПАНДЕМИИ COVID-19 НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ИЗРАИЛЯ

© 2020

А. И. Бизяев, Д. А. Марьясис*

В работе оценивается влияние пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие Израиля. В начале работы приводится описание положения дел в стране в начале 2020 г. с политической и социально-экономической точек зрения. Рассматривается роль затяжного политического кризиса в Израиле и реакция ведущих политических игроков на новые условия, созданные кризисом, вызванным коронавирусом, а также перечисляются факторы, дестабилизирующие политическую обстановку в стране. Далее дается разбор влияния пандемии на экономику как по макроэкономическим показателям, так и с позиций отдельных отраслей. Приведены оценки нанесенного кризисом ущерба для столь важных для Израиля отраслей, как туризм, энергетика, алмазогранительная промышленность и авиаперевозки, а также приводится прогноз Банка Израиля вероятных последствий кризиса для израильской экономики. Отдельное внимание уделяется реакции на кризис в секторе хай-тек, являющимся одним из основных «двигателей» израильской экономики. Несмотря на нанесенный пандемией удар по экспорту и рынкам занятости, израильский хай-тек отличается гибкостью и готовностью адаптироваться, что отражается в перенаправлении исследовательского и предпринимательского потенциала в такие востребованные области, как медицина и телекоммуникации, и в целом позволяет говорить о наличии позитивных тенденций в отрасли. Завершают работу выводы и прогноз авторов относительно дальнейшего развития экономики Израиля. Несмотря на различные точки зрения относительно эффективности мер, принимаемых правительством, авторы признают, что выход из кризиса не будет легким, но при этом полагают, что существенных катаклизмов из-за пандемии коронавируса, способных поставить национальную экономическую систему Израиля на грань выживания, не предвидится.

Ключевые слова: Израиль, COVID-19, влияние пандемии на экономику, экономический прогноз, политический кризис.

Для цитирования: Бизяев А. И., Марьясис Д. А. К вопросу о влиянии пандемии COVID-19 на социально-экономическое развитие Израиля. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 304–316. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-304-316

* Дмитрий Александрович МАРЬЯСИС, кандидат экономических наук, руководитель отдела изучения Израиля и еврейских общин ИВ РАН, Москва; dmaryasis@ivran.ru

Dmitry A. MARYASIS, PhD (Economics), Head of Israel and Jewish Communities Studies Department, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmaryasis@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0002-7910-4552

Антон Игоревич БИЗЯЕВ, аспирант ИСАА МГУ, лаборант-исследователь ИВ РАН, Москва; abizyaev@ya.ru

Anton I. BIZYAEV, PhD student, Institute of Asian and African Countries (IAAS) MSU; Research Assistant, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; abizyaev@ya.ru

ORCID ID: 0000-0003-1492-8734

ON THE ISSUE OF COVID-19 INFLUENCE ON THE ISRAELI SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Anton I. Bizyaev, Dmitry A. Maryasis

This paper evaluates the impact of COVID-19 pandemic on social and economic development of Israel. We begin with a short description of the state of affairs in Israel from social, economic and political points of view before the advent of pandemic. First, we analyze the role of ongoing Israeli political crisis in the current environment, describe leading political actors' reaction and list some politically-destabilizing factors. We proceed with an analysis of COVID-19 impact on various economic branches and on Israeli economy as a whole. We provide estimates of adverse impact of the coronavirus on some important industries, such as tourism, energy, diamonds and air transport, supplemented by Bank of Israel economic forecast for post-crisis development. Additionally, we describe how high-tech sector as one of the drivers of Israeli economy is trying to adapt to the new environment brought by the pandemic. Despite the negative shocks on exports and labor markets, Israeli high-tech sector is flexible and ready to reorganize itself to better react for changing market conditions. This has already been reflected in the way how entrepreneurs and researchers are channeling their efforts into high-demand areas such as medicine and telecommunications, which in itself suggests existence of positive trends in the industry. We conclude our paper with a brief summary and a forecast of the development of Israeli economy. Despite diverse opinions on the efficiency of anti-crisis measures adopted by Israeli government, we admit that the current crisis is a substantial challenge for Israeli society but we also maintain that COVID-19 pandemic will not pose any existential threat to Israeli national economy.

Keywords: Israel, COVID-19, economy during pandemic, economic forecast, political crisis.

For citation: Bizyaev A. I., Maryasis D. A. On the Issue of COVID-19 Influence on the Israeli Socio-Economic Development. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 304–316. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-304-316

Пандемия коронавируса COVID-19 существенно повлияла на ход мирового социально-экономического развития. Некоторые ее последствия (когда эта статья пишется, пандемия еще не завершилась) будут иметь краткосрочный эффект, а некоторые, судя по всему, — навсегда изменили нашу жизнь (например, цифровизация общества). Очевидно, что итоги подводить еще рано. Поэтому данная статья представляет собой эссе, эскиз, попытку провести первые оценки влияния пандемии коронавируса на социально-экономическое развитие Государства Израиль. Мы постарались избежать большого количества цифр, так как ввиду продолжения пандемии (вторая волна в Израиле оказалась довольно существенной) в большинстве своем они достаточно быстро устаревают. Мы лишь постарались уловить основные тенденции.

В начале статьи мы скажем несколько слов о политическом и социально-экономическом состоянии, с которым страна подошла к началу 2020 г. Далее мы проанализируем то влияние, которое оказала пандемия на социально-экономическое развитие Израиля. В заключении будут представлены прогнозы о том, чем в принципе чревата складывающаяся ситуация для дальнейшего развития экономики страны.

Итак, пандемия коронавируса стала серьезным испытанием для политиков во многих странах мира. Однако политическая ситуация в Израиле была крайне напряженной и вне этой связи. Обострившиеся противоречия между партиями в

условиях примерного равенства сил привели к политическому «клинчу», когда ни одна из сторон не могла сформировать правительство в одностороннем порядке, но при этом не желала вести переговоры с другой стороной. В период с весны 2019 по весну 2020 г. три раза проводились выборы. Однако лидеры ведущих политических блоков Биньямин Нетаньяху («Ликуд») и Бенни Ганц («Кахоль-лаван») так и не смогли сформировать правительство. В этой связи представляется важным для понимания социально-экономической ситуации в Израиле вначале проанализировать политическую ситуацию в стране.

Появление вируса изменило течение кризиса. Необходимость срочного реагирования вынудила политиков тем или иным образом отодвинуть противоречия на второй план и переключиться на текущие проблемы. В результате было сформировано временное правительство, главой которого оставался действующий премьер-министр. Кроме того, между Нетаньяху и Ганцем было заключено соглашение о коалиционном правительстве, в рамках которого предполагается, что Нетаньяху останется у власти еще на полтора года, а затем должность премьер-министра перейдет Ганцу на следующие полтора года¹. Тем не менее внешняя стабилизация и сплочение представляются временными, поскольку противоречия, накопившиеся за прошедшие годы, не исчезли. Рассмотрим эти проблемы подробнее.

Во-первых, сказывается усталость населения от долгого правления Нетаньяху, который сохраняет положение премьер-министра рекордные для Израиля 14 лет. Как пишет газета «Макор ха Ришон», основной причиной политической нестабильности в Израиле является сам Биньямин Нетаньяху, отмечая, что Нетаньяху использует все средства, чтобы удержаться у власти.²

Во-вторых, очень сильным дестабилизирующим фактором стало возбуждение трех судебных дел против Нетаньяху по обвинению в коррупции еще в конце прошлого года³. Хотя израильское законодательство не обязывает действующего премьер-министра покинуть пост при обвинении в коррупции, Нетаньяху стал первым действующим премьер-министром Израиля, обвиненным в таком правонарушении, что серьезно подрывает его политическую репутацию⁴.

В-третьих, в сложной ситуации оказался и Бенни Ганц после заключения соглашения с Нетаньяху. До заключения сделки Ганц позиционировал себя как бескомпромиссного противника Нетаньяху: одним из предвыборных лозунгов «Кахоль-лаван» был «Только не Биби»⁵. В этой связи вступление с ним в коалицию вызвало разочарование у ряда сторонников Ганца и его партии. Некоторые специалисты стали

¹ Israeli Coalition Deal Keeps Netanyahu in Power. *Al Jazeera*. 20.04.20. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/israel-netanyahu-gantz-sign-unity-government-agreement-200420162532262.html> (дата обращения 06.05.2020).

² Израиль во время коронакризиса: правительство национального единства и проблемы пожилых людей (на иврите). *Makor Ha-Rishon*. 20.04.2020. URL: <https://www.makorrishon.co.il/opinion/221861/> (дата обращения 06.05.2020).

³ Нетаньяху предложил провести прямые выборы премьера в Израиле. *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20191208/1562110977.html> (дата обращения 06.05.2020).

⁴ Israel's High Court To Decide Whether Netanyahu Can Form Government. *NPR*. 03.05.2020. URL: <https://www.npr.org/2020/05/03/849826793/israels-high-court-to-decide-if-netanyahu-can-form-government?t=1588589107076> (дата обращения 06.05.2020).

⁵ «Биби» — прозвище Биньямина Нетаньяху.

утверждать, что Ганц — слабый политик, не способный вести политическую игру на том уровне, на котором ее ведет Нетаньяху, обладающий огромным политическим опытом⁶. В данном случае пока все же корректнее говорить о нехватке политического опыта у бывшего начальника Генерального штаба израильской армии.

В-четвертых, чтобы создать правительство национального единства, лидерам понадобилось придумать для своих соратников 36 министерств (по 18 на каждую партию). Это самое большое правительство в истории Израиля, где они и так были достаточно большими (более 20-ти различных министерств, иногда дублирующих функции друг друга).

Уже к концу лета 2020 г. стало очевидно, что правительству действительно совсем непросто функционировать в таком формате. Его действия, в частности, меры по противодействию распространения коронавируса и меры государственной поддержки экономики, вызывают много нареканий как в обществе, так и среди экспертов.

С экономической точки зрения Израиль подошел к 2020 г. в хорошем состоянии. Основные макроэкономические показатели страны по итогам 2019 г. приведены в *табл. 1*.

Табл. 1. Основные макроэкономические показатели Израиля по итогам 2019 г.

(по: Bank of Israel Annual Report 2019. Table 1.1, p. 7.
URL: <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/RegularPublications/Pages/DochBankIsrael2019.aspx> (дата обращения 14.04.2020))

ВВП (\$ млрд, текущие цены)	395,5
ВВП на душу населения (\$тыс., текущие цены)	43,7
Экспорт товаров и услуг (\$ млрд, текущие цены)	106,6
Импорт товаров и услуг (\$ млрд, текущие цены)	99,3
ВВП, темпы роста (%)	3,5
Экспорт товаров и услуг, темпы роста (%)	5,7
Импорт товаров и услуг, темпы роста (%)	4,5
Государственный долг (как % от ВВП)	59,9
Дефицит государственного бюджета (как % от ВВП)	4,5
Уровень безработицы в возрасте 25-64 (в среднем по году, %)	3,4
Инфляция (декабрь данного года к декабрю прошлого, %)	0,6

Более того, последний по времени перед пандемией COVID-19 глобальный финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. страна прошла с минимальными потерями. Причиной этого, как говорили эксперты, заключалась в продуманной политике монетарных властей страны. Если к этому добавить, что действующий премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху является, пожалуй, одним из самых экономически подкованных современных лидеров государств, к тому же имеющим положительный опыт осуществления ряда экономических реформ в должности

⁶ Analysis: Israel Set for 'Dangerous, Right-Wing' Coalition Gov't. *Al Jazeera*. 21.04.2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/analysis-israel-set-dangerous-wing-coalition-gov-200421120813227.html> (дата обращения 06.05.2020).

министра финансов страны в правительстве Ариэля Шарона (2003–2005 гг.), то граждане государства Израиль были вправе ожидать, даже с учетом экстраординарности и неожиданности ситуации, продуманной и эффективной системы мер поддержки экономики страны.

При этом политическая лихорадка и, как одно из следствий, отсутствие принятого бюджета явилисьотягчающими ситуацию факторами. Однако накопленный израильской экономикой запас прочности все же позволил руководству страны принять к исполнению самый дорогой в ее истории план государственной поддержки экономики и населения, расширенный в период второй волны пандемии⁷ (мы не будем подробно на нем останавливаться). Отметим лишь, что, с одной стороны, при анализе данной программы очевидна попытка позитивного взгляда на ситуацию, стремление властей использовать кризис для ускорения некоторых процессов, которые при нормальной ситуации развивались бы медленнее. Например, именно сейчас проходит интенсификация реализации проектов транспортной инфраструктуры, крайне важная для Израиля задача (страна находится на достаточно низких местах в международных рейтингах по уровню развития физической инфраструктуры), когда движение по объективным причинам ограничено, а при этом существует необходимость обеспечить дополнительные рабочие места. Цифровизация государственной власти — активно идущий процесс, но ускорить его значит повысить эффективность работы госаппарата. А, с другой стороны, ряд пунктов плана и озвученных в нем подходов вызывают критику (порой существенную), особенно в части дополнений, принятых в период развития кризисной ситуации.

Особенность текущего кризиса заключается в том, что его причиной является в первую очередь нехватка предложения. Карантинные меры привели к тому, что многие предприятия закрылись или существенно сократили масштабы деятельности. Прошлые кризисы характеризовались нехваткой спроса. Поэтому в нынешний кризис многие меры приходится принимать «вслепую», и отсылки к опыту прохождения кризиса 2008–2009 гг. в ряде случаев нерелевантны⁸.

Израильская экономическая модель формировалась в геополитической ситуации, при которой постоянно существовала опасность начала военного конфликта разной степени интенсивности, могла возникнуть любая чрезвычайная ситуация экономического (например, резкий рост цен на энергоносители) и неэкономического характера (например, резкая смена вектора во взаимоотношениях с рядом стран: СССР, Францией, Ираном). Подобная ситуация способствовала (наряду с историческим опытом евреев) формированию повышенного уровня резистентности (в том числе, что немаловажно, психологической) к внешним шокам и относительно быстрой на них реакции (в случае с пандемией COVID-19 Израиль оказался чуть ли не первой страной средиземноморского бассейна, введшей серьезный уровень ограничений). Поэтому

⁷ Государство выделило рекордный пакет экономической помощи в 80 миллиардов шекелей — что он включает в себя? (на иврите). *Calcalist*. 30.03.2020. URL: <https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L-3804935,00.html> (дата обращения 16.05.2020).

⁸ The Opportunities Emerging in our Post-Corona Economy. *Israel21c*. 04.05.2020. URL: <https://www.israel21c.org/prepare-for-recession-reinvention-and-opportunity-in-post-covid-economy/> (дата обращения 16.05.2020).

Израиль способен выдержать удар, нанесенный пандемией, в большей чем многие другие страны степени.

Предположительно, быстрее всего от кризиса оправится сектор высоких технологий. По оценкам экспертов, восстановление израильской экономики займет минимум год⁹. Как показано на *илл. 1*, по мере развития кризиса уровень оптимизма в прогнозах снижается, хотя и величина спада снижается тоже. Дефицит госбюджета по итогам 2020 г., по прогнозам Банка Израиля, составит 11,5 % ВВП, а уровень госдолга увеличится до 75 % ВВП, ожидаемое сокращение ВВП составит 8 %, а уровень безработицы — 11 %.¹⁰

Став практически «лицом» израильского экспорта, сектор высоких технологий занимает одну из важнейших позиций в экономике Израиля. Однако хай-тек играет роль не только в экспорте. Многие хай-тек компании являются крупными работодателями, предоставляющими работу не одним лишь инженерам и программистам; технологические разработки «переливаются» в другие сектора экономики, способствуя их дальнейшему росту. Ввиду своей важности отрасль высоких технологий в Израиле находится под пристальным наблюдением предпринимателей, политиков и исследователей. 2020 г. очевидно труден для израильского хай-тека. По прогнозам Всемирной торговой организации (ВТО), объем мировой торговли в этом году сократится на 13–32 %.¹¹ Основные торговые партнеры Израиля — страны Евросоюза и США — переживают экономический спад из-за введения ограничительных мер для борьбы с коронавирусом. Евросоюз ожидает снижения объема внешней торговли на 10 % в 2020 г.¹² Импорт США в марте достиг самого низкого уровня с ноября 2016 г. Учитывая, что экспорт Израиля в эти страны

Прогноз роста стал менее оптимистичным

Прогноз изменения ВВП, Банк Израиля

Илл. 1. Прогноз изменения ВВП, Банк Израиля (по: То, что мы видели, это только начало. Это лишь малая часть удара, нанесенного экономике (на иврите). *Globes Israel*.

URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001330260> (дата обращения 01.06.20)

⁹ The Opportunities Emerging in our Post-Corona Economy. *Israel21c*. 04.05.2020. URL: <https://www.israel21c.org/prepare-for-recession-reinvention-and-opportunity-in-post-covid-economy/> (дата обращения 16.05.2020).

¹⁰ Банк Израиля оставил процентную ставку без изменений и ожидает быстрый экономический рост в 2021 году при условии, что не будет второй волны заболеваний (на иврите). *Globes Israel*. 25.05.2020. URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001330036> (дата обращения 16.05.2020).

¹¹ Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy. *World Trade Organization*. 08.04.2020. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения 21.05.2020).

¹² EU sees nearly 10% decline in its 2020 global trade due to COVID-19. *S&P Global*. URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/eu-sees-nearly-10-decline-in-its-2020-global-trade-due-to-covid-19-58091876> (дата обращения 21.05.2020).

составляет 56 % израильского экспорта (без учета бриллиантов), резкое сокращение торгового оборота с ними — серьезное испытание для экспортоориентированного израильского хай-тека¹³.

Негативное влияние пандемии на израильский сектор высоких технологий многогранно и проявляется как минимум в четырех факторах. Во-первых, кризис в тех странах, с которыми ведет торговлю Израиль, приводит к сокращению потребительского и промышленного спроса внутри этих стран на высокотехнологичный импорт из Израиля. Это касается как непосредственного, так и опосредованного спроса на высокотехнологичные товары. Например, кризис привел к падению продаж автомобилей, включая электромобили, в производстве которых, в свою очередь, интенсивно используются разработки и готовая продукция высокотехнологичных отраслей. Во-вторых, сокращение объемов торговли вызвано непосредственными ограничениями на транспортировку грузов, а также ростом популярности идей о возвращении к тем или иным формам протекционизма. В-третьих, кризис привел к состоянию нестабильности и повышенной непредсказуемости на рынках капитала, что может критическим образом отразиться на столь важной для Израиля научно-технической составляющей и функционировании малых инновационных компаний, развитие которых напрямую зависит от средств их инвесторов, причем в основном иностранных (сектор высоких технологий Израиля более чем на 2/3 финансируется за счет привлечения прямых иностранных инвестиций).

Наконец, пандемия отразилась и на положении дел внутри самого Израиля. Карантинные меры, ограничения на перемещение и задействованную рабочую силу резко сузили возможности для развития хай-тек сектора. Израильские стартапы гордятся тем, что в Израиле есть очень гибкая, активная и мобильная среда для создания новых проектов¹⁴. Поэтому любые ограничения, связанные с возможностью перемещения и общения, особенно остро ощущаются здесь.

Также следует отметить, что малые инновационные компании и технологические команды в абсолютном большинстве не имеют существенных капитальных запасов, а значит, прекращение инвестиций и / или резкое единовременное сокращение спроса на их продукцию / технологию и исследования ведут к стремительному ухудшению внутренней ситуации вплоть до закрытия. Вместе с тем нельзя не отметить и условно позитивные тенденции в развитии сектора высоких технологий Израиля в период вызванного пандемией COVID-19 глобального экономического кризиса. Так, гибкая экосистема инноваций страны быстро отреагировала на пандемию путем «перенацеливания» своей технологической мощи на релевантные текущему моменту аспекты социального-экономического развития мировой экономики. Можно выделить следующие направления «израильского технологического ответа»:

- Непосредственно медицинские исследования и разработки в сфере противодействия новому коронавирусу, предпринимаемые израильскими

¹³ Текущий кризис представляет собой редкий шанс для стартапов (на иврите). *Calcalist*. 03.05.2020. URL: <https://www.calcalist.co.il/internet/articles/0,7340,L-3815812,00.html> (дата обращения 21.05.2020).

¹⁴ Израильский хай-тек не нуждается в том, чтобы его спасали (на иврите). *Calcalist*. 03.05.2020. URL: <https://www.calcalist.co.il/internet/articles/0,7340,L-3815450,00.html> (дата обращения 21.05.2020).

инновационными фармацевтическими компаниями и представителями сектора биотехнологий (разработка вакцины, быстрых тестов на новый коронавирус и т. п.).

- Смежные технологические разработки с этой же целью и с использованием робототехники, искусственного интеллекта, технологий обработки больших данных и пр. (роботизированное «ведение» больных и сбор всех необходимых показаний, анализ состояния человека по ряду симптомов и т. д.).
- Технологии обеспечения условно комфортного пребывания людей в самоизоляции как для частного (заказ и доставка продуктов, общение с другими, необходимый уход, просвещение и образование, досуг), так и для рабочего применения (профессиональные коммуникационные системы, осуществление удаленного доступа к данным, кибербезопасность).

По ряду указанных направлений у израильских стартапов уже были наработки, однако они по разным причинам не вызвали большого интереса у инвесторов. Вызванные пандемией изменения структуры рынков (местами кардинальные) привели как раз к повышению внимания к деятельности этих компаний. Несмотря на наблюдаемый в стране процесс сокращения количества работников, некоторые из них даже нанимают новых, увеличивая масштабы своей деятельности¹⁵.

Также следует отметить, что сложившаяся ситуация в определенной степени позволяет повысить качество израильского рынка высоких технологий. Самые неэффективные компании с него уходят или трансформируются и становятся более эффективными. Ввиду более рачительного отношения к финансовым ресурсам инвесторы более внимательно относятся к выбору инвестиционных проектов и, соответственно, менее качественные технологии не получают дальнейшего развития (безусловно, это верно лишь до определенной степени и относится к тем сегментам рынка, о которых мы писали выше).

Формальное исчезновение некоторых проектов не говорит об их реальном «уходе со сцены». Малые команды обладают высокой степенью гибкости и могут в негативных для себя внешних условиях находить способы трансформироваться, объединяться, реструктурироваться, что, вполне вероятно, даст новый импульс их развитию в восстановительный после кризиса период.

Вообще же спецификой основывающейся на малых инновационных компаниях израильской модели экономики высоких технологий является то, что, с одной стороны, как уже было отмечено, нехватка «жировой прослойки» в виде запаса финансов ведет к быстрому ухудшению ситуации в большинстве из них. С другой стороны, такая модель позволяет быстрее начать процесс восстановления за счет достаточно быстрой и эффективной реконфигурации.

Несмотря на то, что сектор высоких технологий — это, безусловно, флагман современного экономического развития Израиля, национальное хозяйство страны все же существенно более многоукладное. В этой связи полноценно оценить влияние текущего кризиса на динамику социально-экономического развития Израиля без общего анализа ситуации в других отраслях национальной экономики не представляется возможным.

¹⁵ Что происходит на рынке занятости в мире хай-тек во времена коронакризиса? (на иврите). *Anashim ve makhshevim*. 26.04.2020. URL: <https://www.pc.co.il/featured/314732/> (дата обращения 21.05.2020).

Согласно отчету Банка Израиля от 20.05.2020, объем потребительских расходов начал быстро возрастать после ослабления карантинных мер. Данные по использованию кредитных карт показывают, что в таких секторах, как модная одежда, бытовая электроника и мебель, потребление практически вернулось на докризисный уровень. Возрос спрос на бензин, потребление электроэнергии так же приближается к докризисному. Если на пике кризиса сокращение экономической деятельности составило 36 %, то по состоянию на конец мая — 19 %¹⁶. Однако Банк Израиля отмечает, что рост потребления может быть кратковременным, поскольку сотни тысяч израильтян все еще находятся в неоплачиваемом отпуске, и в дальнейшем возможен спад потребления. Последнее замечание согласуется с мнением ряда экономистов, что, с точки зрения экономического развития, текущий кризис еще далек от завершения: его реальные последствия можно будет оценить в лучшем случае лишь в конце текущего года¹⁷.

Первыми под удар пандемии попали компании в таких отраслях, как туризм, организация культурных и досуговых мероприятий, розничная торговля (за исключением продажи продуктов питания и онлайн-торговли), оптовые поставки, а также экспортоориентированные предприятия. По оценкам SofaceBDI, компании указанных отраслей составляют предприятия «первой волны» кризиса, тогда как к предприятиям «второй волны» относятся компании в области промышленности и агентства недвижимости. Для них кризисные явления проявляются в закрытии предприятий «первой волны», снижении покупательной способности населения, росте безработицы¹⁸.

Безработица — весьма существенная проблема для любой страны. Но для Израиля, который, пришел к концу 2019 г. с очень низким уровнем безработицы (фактически, с так называемой структурной безработицей, которая присутствует всегда), такой серьезный откат представляет собой еще и существенную психологическую проблему. Ожидается, что самыми пострадавшими с этой точки зрения будут владельцы и работники компаний малого бизнеса и самозанятые, а также люди старших возрастов и отдельных групп населения (арабы, ультрарелигиозные евреи, женщины).

Остановимся подробнее на некоторых отраслях. Интересная ситуация сложилась в сфере энергетики. Средняя цена на бензин в Израиле 30.03.2020 составляла 6,13 шекелей (1,74 доллара США) за литр. После мирового падения цен на нефть средняя цена на бензин в Израиле сократилась на 1,03 шекеля, составив в начале апреля того же года 5,1 шекелей (1,44 доллара США). В процентном выражении падение цены на бензин составило 16,8 %. Несмотря на то, что уровень цен на бензин является рекордно низким за последние 15 лет, большинство израильтян не могут воспользоваться этим снижением из-за ограничений на передвижение, а также из-за

¹⁶ BoI: Israeli Consumers Making up for Lost Time. *Globes Israel*. 20.05.2020. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-boi-israeli-consumers-making-up-for-lost-time-1001329451> (дата обращения 16.05.2020).

¹⁷ BoI: Israeli Consumers Making up for Lost Time. *Globes Israel*. 20.05.2020. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-boi-israeli-consumers-making-up-for-lost-time-1001329451> (дата обращения 16.05.2020).

¹⁸ 25,000 Businesses in Israel Could Close by End of 2020 – Report. *The Times of Israel*. 20.04.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/25000-businesses-in-israel-could-close-by-end-of-2020-report/> (дата обращения 16.05.2020).

массовых увольнений, серьезно ударившим по платежеспособности населения. Ожидается, что после кризиса цены на бензин начнут расти¹⁹. Другими словами, положительный стимул от резкого и существенного сокращения цен на нефть был перечеркнут пандемией.

Что касается газовой промышленности, то по оценкам крупнейшей израильской компании данного сектора *Delek Drilling*, в 2021 г. из-за последствий кризиса коронавируса ожидается снижение спроса на газ на 5–9 % по сравнению с докризисными прогнозами. Компания ожидает снижения прибыли на 10–20 % в текущем году и на 5–15 % в следующем²⁰.

Под удар пандемии попала и израильская алмазогранительная промышленность, традиционно составляющая одну из крупнейших позиций в израильском экспорте. В 2019 г. Израиль экспортировал алмазной продукции на сумму 11 млрд. долларов США — 10,5 % мирового экспорта в данной категории²¹. Из-за карантинных мер израильская алмазная биржа была закрыта, а алмазогранительные предприятия были вынуждены временно приостановить работу. Объем торговли алмазами в Израиле в марте–апреле 2020 г. сократился на 90 % по сравнению с аналогичными показателями прошлого года, а сумма убытков за два месяца оценивается в 1,5 млрд. долларов США. По оценкам *Rapaport Research Report*, мировой уровень добычи алмазов в 2020 г. сократится на 29 % в денежном выражении, что будет крупнейшим спадом с 2009 г.²²

Как и во многих других странах, существенно пострадал от вызванного пандемией нового коронавируса кризиса сектор авиаперевозок, посредством которых осуществляется 60 % израильского экспорта и 1/3 импорта. И без того закончившая 2019 г. с убытками ведущая израильская авиакомпания El Al, сообщила о том, что 90 % ее сотрудников переведены на неоплачиваемые отпуска. Если по итогам 2019 г. убытки компании составили 60 млн. долларов США, то уже в первом квартале этого года по ее расчетам убытки из-за коронавируса составят 80–90 млн. долларов. Предложенные правительством Израиля меры по спасению компании не встретили понимания в ее руководстве.

Существенное негативное влияние оказывает текущий кризис и на сферу туризма. Израиль здесь не стал исключением. В 2019 г. совокупный израильский экспорт услуг составлял 54 млрд. долларов США, включая 7,6 млрд. долларов от туризма (14 %)²³. По оценке президента Израильской ассоциации отелей, закрытие границ будет стоить израильскому отельному бизнесу 1,7 млрд. долларов США в год,

¹⁹ Gas Prices Plummet by 17.4 %, but Lockdown Means People Can't Benefit. *The Times of Israel*. 01.04.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/gas-prices-plummet-by-17-4-but-lockdown-means-people-cant-enjoy-it/> (дата обращения 16.05.2020).

²⁰ Israel's Delek Sees 5 %–9 % Decline in Israeli Gas Demand through 2021. *S&P Global*. 14.05.2020. URL: <https://www.spgloba.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/051420-israels-delek-sees-5-9-decline-in-israeli-gas-demand-through-2021> (дата обращения 16.05.2020).

²¹ Diamond Exports by Country. *World's Top Exports*. 06.07.2020. URL: <http://www.worldstopexports.com/diamond-exports-country/> (дата обращения 23.07.2020).

²² Israel's Diamond Industry Grinds to Halt Amid Coronavirus. *Reuters*. 15.05.2020. URL: <https://ru.reuters.com/article/businessNews/idUKKBN22R1BW> (дата обращения 16.05.2020).

²³ As Israel's Airlines Are Grounded, so Is Export. *Calcalist*. 11.03.2020. URL: <https://www.calcalistech.com/ctech/articles/0,7340,L-3800225,00.html> (дата обращения 16.05.2020).

что является беспрецедентным спадом для израильского туристического сектора²⁴. Объем убытков для всего туристического сектора в Израиле оценивается в 3,4 млрд. долларов США к концу года²⁵.

В заключение отметим, что мы не ожидаем принципиальных негативных последствий текущего кризиса для Израиля. Также вряд ли можно говорить о принципиальных изменениях существующей экономической модели, которые бы имели положительный эффект. Вместе с тем, на наш взгляд, кризис может привести к двум важным изменениям, в будущем способным повлиять на развитие израильской экономики.

Во-первых, предстоит резкое повышение уровня цифровизации органов государственной власти страны и качества предоставляемых ими в цифровом формате услуг населению. Израиль активно занимался этими вопросами уже несколько лет, но именно пандемия коронавируса привела к существенным подвижкам в этой сфере. Можно ожидать, что до конца года цифровизация органов государственной власти Израиля выйдет на принципиально новый уровень.

Во-вторых, весной как на государственном, так и на экспертном уровне активно обсуждался вопрос необходимости стимулирования развития внутреннего финансового рынка (то есть использования возможностей отечественных инвесторов — до сих пор Израиль осуществляет развитие высоких технологий как минимум на 2/3 за счет прямых иностранных инвестиций). Об этом в Израиле также говорится не первый год и даже принимается ряд мер государственного стимулирования. Однако пока существенного успеха добиться не удалось. Необходимость преодоления текущего глобального кризиса может привести к тому, что ряд иностранных инвесторов будут вынуждены изменить стратегии и прекратить инвестиции в израильскую экономику (либо существенно сократится их объем). В этом случае для сохранения условий долгосрочного экономического развития высока вероятность определенной национальной консолидации, в частности израильского финансового сектора. Мы полагаем, что это позволит Израилю по крайней мере в кратко- и среднесрочной перспективе значительно снизить зависимость экономики от иностранных источников финансирования.

Выход из кризиса, безусловно, не будет простым. Но все же существенных катализмов, способных поставить национальную экономическую систему Израиля на грань выживания, не предвидится, даже несмотря на разные точки зрения относительно эффективности мер, принимаемых правительством страны.

²⁴ Israeli Hotels and Tour Guides Hit Hard as Virus Ravages Tourism Industry. *The Times of Israel*. 09.03.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/israeli-hotels-and-tour-guides-hit-hard-as-virus-decimates-tourism-industry/> (дата обращения 16.05.2020).

²⁵ Israeli Tourism Is in Free Dive. *Calcalist*. 11.03.2020. URL: <https://www.calcalistech.com/ctech/articles/0,7340,L-3800295,00.html> (дата обращения 16.05.2020).

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Банк Израиля оставил процентную ставку без изменений и ожидает быстрый экономический рост в 2021 году при условии, что не будет второй волны заболеваний (на иврите). *Globes Israel*. 25.05.2020. URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001330036> (дата обращения 16.05.2020).
- То, что мы видели, это только начало. Это лишь малая часть удара, нанесенного экономике (на иврите). *Globes Israel*. URL: <https://www.globes.co.il/news/article.aspx?did=1001330260> (дата обращения 01.06.2020).
- Государство выделило рекордный пакет экономической помощи в 80 миллиардов шекелей — что он включает в себя? (на иврите). *Calcalist*. 30.03.2020. URL: <https://www.calcalist.co.il/local/articles/0,7340,L-3804935,00.html> (дата обращения 16.05.2020).
- Израиль во время коронакризиса: правительство национального единства и проблемы пожилых людей (на иврите). *Makor Ha-Rishon*. 20.04.2020. URL: <https://www.makorishon.co.il/opinion/221861/> (дата обращения 06.05.2020).
- Израильский хай-тек не нуждается в том, чтобы его спасали (на иврите). *Calcalist*. 03.05.2020. URL: <https://www.calcalist.co.il/internet/articles/0,7340,L-3815450,00.html> (дата обращения 21.05.2020).
- Нетаньяху предложил провести прямые выборы премьера в Израиле. *РИА Новости*. URL: <https://ria.ru/20191208/1562110977.html> (дата обращения 06.05.2020).
- Текущий кризис представляет собой редкий шанс для стартапов (на иврите). *Calcalist*. 03.05.2020. URL: <https://www.calcalist.co.il/internet/articles/0,7340,L-3815812,00.html> (дата обращения 21.05.2020).
- Что происходит на рынке занятости в мире хай-тек во времена коронакризиса? (на иврите). *Anashim ve makhsbevim*. 26.04.2020. URL: <https://www.pc.co.il/featured/314732/> (дата обращения 21.05.2020).
- 25,000 Businesses in Israel Could Close by End of 2020 — Report. *The Times of Israel*. 20.04.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/25000-businesses-in-israel-could-close-by-end-of-2020-report/> (дата обращения 16.05.2020).
- Analysis: Israel Set for 'Dangerous, Right-Wing' Coalition Gov't. *Al Jazeera*. 21.04.2020. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/analysis-israel-set-dangerous-wing-coalition-gov-200421120813227.html> (дата обращения 06.05.2020).
- As Israel's Airlines Are Grounded, so Is Export. *Calcalist*. 11.03.2020. URL: <https://www.calcalistech.com/ctech/articles/0,7340,L-3800225,00.html> (дата обращения 16.05.2020).
- Bank of Israel Annual Report 2019. Table 1.1, p. 7. <https://www.boi.org.il/en/NewsAndPublications/RegularPublications/Pages/DochBankIsrael2019.aspx> (дата обращения 16.05.2020).
- BoI: Israeli Consumers Making up for Lost Time. *Globes Israel*. 20.05.2020. URL: <https://en.globes.co.il/en/article-boi-israeli-consumers-making-up-for-lost-time-1001329451> (дата обращения 16.05.2020).
- Diamond Exports by Country. *World's Top Exports*. 06.07.2020. URL: <http://www.worldstopexports.com/diamond-exports-country/> (дата обращения 23.07.2020).
- EU sees nearly 10% decline in its 2020 global trade due to COVID-19. *S&P Global*. URL: <https://www.spglobal.com/marketintelligence/en/news-insights/latest-news-headlines/eu-sees-nearly-10-decline-in-its-2020-global-trade-due-to-covid-19-58091876> (дата обращения 21.05.2020).

- Gas Prices Plummet by 17.4 %, but Lockdown Means People Can't Benefit. *The Times of Israel*. 01.04.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/gas-prices-plummet-by-17-4-but-lockdown-means-people-cant-enjoy-it/> (дата обращения 16.05.2020).
- Israel's Diamond Industry Grinds to Halt Amid Coronavirus. *Reuters*. 15.05.2020. URL: <https://ru.reuters.com/article/businessNews/idUKKBN22R1BW> (дата обращения 16.05.2020).
- Israel's High Court to Decide Whether Netanyahu Can Form Government. *NPR*. 03.05.2020. URL: <https://www.npr.org/2020/05/03/849826793/israels-high-court-to-decide-if-netanyahu-can-form-government?t=1588589107076> (дата обращения 06.05.2020).
- Israeli Coalition Deal Keeps Netanyahu in Power. *Al Jazeera*. 20.04.20. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/04/israel-netanyahu-gantz-sign-unity-government-agreement-200420162532262.html> (дата обращения 06.05.2020).
- Israeli Hotels and Tour Guides Hit Hard as Virus Ravages Tourism Industry. *The Times of Israel*. 09.03.2020. URL: <https://www.timesofisrael.com/israeli-hotels-and-tour-guides-hit-hard-as-virus-decimates-tourism-industry/> (дата обращения 16.05.2020).
- Israeli Tourism Is in Free Dive. *Calcalist*. 11.03.2020. URL: <https://www.calcalistech.com/ctech/articles/0,7340,L-3800295,00.html> (дата обращения 16.05.2020).
- Israel's Delek Sees 5 %–9 % Decline in Israeli Gas Demand Through 2021. *S&P Global*. 14.05.2020. URL: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/oil/051420-israels-delek-sees-5-9-decline-in-israeli-gas-demand-through-2021> (дата обращения 16.05.2020).
- The Opportunities Emerging in Our Post-Corona Economy. *Israel21c*. 04.05.2020. URL: <https://www.israel21c.org/prepare-for-recession-reinvention-and-opportunity-in-post-covid-economy/> (дата обращения 16.05.2020).
- Trade set to plunge as COVID-19 pandemic upends global economy. *World Trade Organization*. 08.04.2020. URL: https://www.wto.org/english/news_e/pres20_e/pr855_e.htm (дата обращения: 21.05.2020)

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-317-332

НИКОБАРСКИЕ ЯЗЫКИ И ДРЕВНЕКХМЕРСКИЙ: ФОРМЫ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ

© 2020

Т. Г. Погибенко*

Цель данной статьи показать, что в никобарских языках кар и нанкаури, современных разговорных языках автохтонного населения Никобарских островов, и в древнекхмерском — языке эпиграфических надписей Камбоджи VII–XV вв., существует обширный компонент грамматической системы, который совпадает во многих деталях. Это система форм зависимой предикации: синтетических с алломорфами губного и дентального инфиксов и аналитических с маркером *ta*. Данный факт представляет интерес, поскольку эти языки находятся в отдаленном родстве, типологически разные, несопоставимы по своему статусу и относятся к разным временным периодам. Анализ материала позволяет сделать вывод, что формы с маркером *ta* в сравниваемых языках выступают в зависимых предикациях одних и тех же структурных и семантических типов: определениях, выраженных глаголами, прилагательными, именами, местоимениями, числительными, в относительных придаточных предложениях и придаточных времени и причины, а также в предложениях со сдвигом ремы. Инфиксные формы в сравниваемых языках лексикализировались, но у них сохранилась реликтовая функция употребления в зависимых предикациях некоторых типов. В сравниваемых языках одинаково представлено варьирование и дублирование средств выражения зависимой предикации, последовательно сменявшихся в диахронии: синтетических инфиксных форм и аналитических форм с маркером *ta*, форм с *ta* и союзов. Совпадение функциональной сферы форм зависимой предикации в никобарских языках и древнекхмерском является уникальным на всем пространстве австроазиатских языков. В других языках эти формы либо исчезли, не оставив следов, либо выступают в виде лексикализованных рефлексов, либо сохранились их отдельные реликтовые функции, как, например, посессивный суффикс *ta* в сантали.

Ключевые слова: древнекхмерский язык, никобарские языки, формы зависимой предикации.

Для цитирования: Погибенко Т. Г. Никобарские языки и древнекхмерский: формы зависимой предикации. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 317–332. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-317-332

* Тамара Григорьевна ПОГИБЕНКО, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; t.pogibenko@mail.ru

Tamara G. POGIBENKO, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; t.pogibenko@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-6667-1929

NICOBARESE LANGUAGES AND OLD KHMER: FORMS OF DEPENDENT PREDICATION

T. G. Pogibenko

The aim of this article is to show that Nicobarese languages Car and Nancowry, which are modern vernacular idioms of the indigenous population of the Nicobar Islands, and Old Khmer — the language of epigraphic inscriptions of 7th–15th A.D., possess a considerable fragment of grammatical system, which coincides in almost every detail. That is the system of forms of dependent predication, i.e. synthetic forms with allomorphs of labial and dental infixes and analytical forms with the marker *ta*. This fact is somewhat challenging since Nicobarese and Khmer are distant relatives, typologically different, they have different status and temporal affiliation. Data analysis shows that forms with *ta* in Nicobarese and Old Khmer are used in the same types of dependent predications, i.e. in verb, adjective, noun, pronoun, numeral modifiers, in relative clauses and clauses of time and reason, as well as in sentences with rheme shift. Infixes in the languages under comparison underwent lexicalization. However, as a relic they are still used in dependent predications of some types. In the languages compared we find similar examples of variation and dubbing of means marking dependent predication which successively replaced one another on the diachronic scale, i. e. infixes and forms with *ta*, forms with *ta* and conjunctions. Coincidence of the functional domain of forms of dependent predication in Nicobarese and Old Khmer is unique and cannot be found anywhere else all over the Austroasiatic phylum. In other Austroasiatic languages those forms are either extinct, or preserved as lexicalized units, or else are found in odd relic functions, e.g. the possession suffix *ta* in Santali.

Keywords: Old Khmer language, Nicobarese languages, forms of dependent predication.

For citation: Pogibenko T. G. Nicobarese languages and Old Khmer: forms of dependent predication. *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN*. 2020. 3. Pp. 317–332. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-317-332

Древнекхмерский язык (ДКМ) и никобарские языки (Н) — это австроазиатские (АА) идиомы, которые могут показаться объектами, малоподходящими для поиска сходств и подобия грамматических систем. Их родство считается отдаленным, и их относят к разным ветвям АА семьи: мон-кхмерской (МК) и никобарской (Н) [Thomas, Headley, 1970, Diffloth, 1986, Пейрос, 2004]. Они принадлежат к разным языковым типам. ДКМ — изолирующий, слоговой язык, с преобладанием односложных и двусложных простых слов¹, с ограниченным использованием префиксов и инфиксов. Н языки агглютинирующие с элементами изоляции, не слоговые, полисиллабические, обладающие развитой морфологической системой с префиксацией, инфиксацией и суффиксацией. В ДКМ и Н языках разный порядок слов. У них разный статус: ДКМ — государственный язык, Н — бесписьменные разговорные языки автохтонного населения Никобарских островов. Между этими языками расстояние в несколько веков: ДКМ — язык эпиграфических надписей Камбоджи начала VII — середины XV вв., материалы по Н языкам, использованные в данной статье, относятся к языкам конца XIX — начала XX вв. Тем не менее, между ДКМ и Н языками обнаруживается сходство важного компонента грамматики — системы форм зависимой предикации (ЗП).

¹ Исключая заимствования.

В данной статье мы рассмотрим функции форм ЗП в ДКМ и Н языках: синтетических форм с носовыми лабиальным и дентальным инфиксами/префиксами и аналитических форм с маркерами *ta* (ДКМ), *ta*, *tə* (Н)². Мы покажем, что в сравниваемых языках аналитические формы употребляются в ЗП одних и тех же структурно-семантических типов, а синтетические формы, с одной стороны, лексикализировались, и функционируют как имена, прилагательные и наречия, с другой — продолжают функционировать как формы ЗП.

Система форм ЗП в других АА языках распалась. В одних она исчезла, не оставив никаких следов. В других есть только лексикализованные рефлексy. Есть языки, в которых остается более или менее представительный корпус рефлексy в виде непродуктивной или малопродуктивной аффиксации, как в современном кхмерском языке. Из всех АА языков только ДКМ и Н языки сохранили формы ЗП как целостную систему, причем на одном и том же этапе ее развития в диахронии и, возможно, в том виде, в каком она существовала в праязыке³.

Сведений по грамматике Н языков мало. Из шести Н языков есть описания только языков кар и нанкаури. В данной статье используются материалы из источников: [Whitehead, 1993 (1925), Whitehead, 1918, Man, 2005 (1889)].

Древнекхмерский — это язык надписей Камбоджи, выгравированных на камне в храмах и других культовых сооружениях. Тексты этих надписей собраны в корпусе [IC]. ДКМ язык отличается от современного кхмерского языка тем, что в нем формы ЗП еще функционируют, и сохранилась «падежная» функция маркера *ta*.

Степень родства ДКМ и Н языков в существующих классификациях значительно варьирует. По лексикостатистическим подсчетам И. Пейроса [Пейрос, 2004], Н ветвь отделилась от АА ствола в VII тыс. до н. э., на две тысячи лет раньше отделения мунда и мон-кхмерской ветвей. По классификации Ж. Дифлота 1986 г. [Diffloth, 1986] кхмерский и Н языки отнесены в разные ветви, а по классификации 2005 г. [Diffloth, 2005] — в одну ветвь, и их расхождение в составе кхмеро-вьетской и нико-монической ветвей произошло пять тысяч лет тому назад.

Недавно П. Сидуэл выдвинул гипотезу, по которой тринадцать АА ветвей отделились от прото-АА более или менее одновременно четыре тысячи лет тому назад. Это разделение произошло в районе среднего течения Меконга, и ему предшествовал этап контактов и процессов конвергенции [Sidwell, 2010]. Тем самым, взамен ветвящегося АА древа он предлагает АА «грабли» (rake). В контексте проблематики, обсуждаемой в данной статье, гипотеза П. Сидуэла позволяет говорить о системных совпадениях в грамматике ДКМ и Н языков в совершенно новом контексте.

ФОРМЫ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ В ДРЕВНЕКХМЕРСКОМ И НИКОБАРСКИХ ЯЗЫКАХ

Формы ЗП являются важным компонентом грамматики языка кхмерской эпиграфики VII–XV вв. Сравнение с другими АА языками показывает, что они восходят на прото-АА уровень. История развития и исчезновения АА форм ЗП

² ДКМ дается в транслитерации, среднекхмерский — в графике и фонологической транскрипции, примеры из Н языков — в фонологической транскрипции.

³ Истории австроазиатских форм зависимой предикации посвящены работы [Погибенко, 2012; 2008].

реконструируется в [Погибенко, 2012]. Там говорится, что уже на уровне праязыка начался процесс вытеснения синтетических форм с инфиксами аналитическими формами с маркером **ta* и процессы лексикализации синтетических и аналитических форм. Эти процессы продолжались в языках-потомках и завершились тем, что формы ЗП перестали использоваться в синтаксисе.

В ДКМ эта система уже находится на грани коллапса. Если в ДКМ текстах частота употребления маркера *ta* еще исключительно высокая, и в одном предложении он может выступать несколько раз, в том числе в разных функциях, то к началу среднекхмерского периода он практически выходит из употребления. Так, в более раннем тексте кхмерской Рамаяны — Риемке I⁴ ជំ /*db:*/ еще отмечается в относительных клаузах и в «падежной» функции. Например:

- (1) с.кхм. ជំឆោងហោមសមិទ្ធផ្គជំស្លឹកស្លោម អម្ពប្រតិសាយសាខា
<i>db:</i>	<i>chaon</i>	<i>haom</i>	<i>samutthea?</i>	<i>db:</i>	<i>slak</i>
DP	событие	жертвоприношение	сжигаемый	DP	лист
<i>slaom</i>	<i>ʔomluʔ</i>	<i>trmsa:j</i>	<i>sa:kba:</i>		
поникий	окружать+тень	развесистый	ветвь		
- ‘предназначенные для сжигания при жертвоприношении, с поницией листвою развесистые ветви окутывают тенью (алтарь)’ [RI, 3]⁵.

- (2) с.кхм. ឥសូរជំរាមប្បទា
<i>ʔeiso:</i>	<i>db:</i>	<i>riam</i>	<i>nuttthea?</i>
господин	GEN	Рама	отважный
- ‘господин отважного Рамы’ [RI, 9].

В более позднем тексте — Риемке II в этих функциях он уже не используется. Начиная с среднекхмерского периода *db:* используется как частица, выступающая при эмфатически выделенном определении.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ

В ДКМ и Н языках формы ЗП с *ta* (ДКМ), *ta* (*ta*) (Н) отмечаются во многих типах ЗП: определениях к имени и глаголу, придаточных предложениях, в конструкциях с предикатным актантом, сериальных конструкциях, они употребляются в сказуемом предложений со сдвигом ремы, а также в предложениях со сниженной утвердительностью — вопросительных и с косвенной модальностью. Кроме того, *ta* имеет «падежную» функцию, он употребляется как маркер объектных ИГ в Н и косвенно-объектных ИГ в ДКМ.

⁴ Считается, что начальная одна пятая часть Риемке I написана языком намного более раннего периода [Jacob, 1986, p. xii].

⁵ В ссылках на тексты Риемке арабскими цифрами указывается номер строфы.

Определительные конструкции

В ДКМ и Н языках *ta*, *tə* маркируют определения разных типов: выраженные глаголом, придаточным относительным, именем посессора, числительным, приложением, адverbиальные модификаторы. В одном предложении они могут выступать в трех разных функциях: маркера ЗП, «падежного» маркера и в субстантивированных формах. Примеры:

- (3) д. кхм. *amfāl* *gana* *pradāna* ... *adbina* *āy* ***ta***
 все PL дары находиться в ведении LOC LOC
ge *paṃnvās* *^acas* ***ta*** *tve* *pūjā*
 PL слуга старший DP совершать богослужение
vrah *kammraten* *añ*
 бог
 'Все эти дары ... находятся в ведении старших слуг, которые совершают богослужение' [K341N, 7–10]⁶.

- (4) кар *ke:k-ŋə* *nɪp* *tə-co:ic* *laen* *si*
 брат-прочь эти DP-неспокойный дело 1SG
 'Забери мои тревоги' [Whitehead, 1993, p. 297].

В следующем примере *ta* (*tə*) отмечается в трех разных функциях: как маркер ЗП в *ta-ɾəkəhəre* 'все', в субстантивированной форме *tə-vahavə* 'больные', а также в «падежной» функции с комитативной ИГ *tə-si:w* 'с бесами'.

- (5) кар *ke:k-tə* *jik* *ta-ɾəkəhəre* *tə-vahavə*
 брат-к (приносить) 3PL NOM PST DP-все DP-болеть
saɾa, *nə* *ɾin* *ɾə,* *jik* *tə-si:w*
 3PL NOM INV PTL DAT 3SG OBL 3PL NOM PST COM-бесы
ɾa-ɾin *ɾin-ɾə*
 быть-в в-себе
 '... они приносили к нему всех больных и бесноватых' Марк 1, 32
 [Whitehead, 1918, p. 3].

В нанкаури определения могут выступать как в постпозиции, так и в препозиции, последнее является инновацией. С маркером *tə* употребляются только определения в постпозиции, т.е. при исконном АА порядке слов.

- (6) нанк. *ɾa:* *ju:ɾəŋ* *kəliŋ* *tə-ləɾa:* // *ɾa:* *ju:ɾəŋ* *ləɾa:* *kəliŋ*
 два CLF иностранец DP-хороший
 '(эти) два хороших иностранца' [Man, 2005, p. xx].

В ДКМ в определительных ЗП вместо/вместе с *ta* может употребляться союз *tel*. Следующие два примера из надписи, которая представляет собой список даров, отданных храму. В начале перечисления используется *ta tel*, в итоговой части — *tel*.

⁶ Все инвентарные номера эпиграфических надписей Камбоджи в IC начинаются с буквы «K» (= khmèr), чтобы отличить их от инвентарных номеров надписей Чампы. В данной статье после номера надписи через запятую указываются строки, содержащие данный пример.

Кроме того, *ta* в этих примерах маркирует приложение в *va ta siy* ‘рабы-мужчины’ и выступает в падежной функции в *ta vrah kamratān añ* ‘богу’.

- (7а) д.кхм. *kantai kloñ ta tel oy kloñ amogha kon 1kñum ta siy vā amrah galu 1 ...*
 ‘женщина, которую (= *ta tel*) дали, – *kloñ Amogha* и один ребенок, рабы
 (*ta*) мужчины: *vā Amrah Galu* один, ...’ [K562, 2–3].
- (7б) ...*gana amras phoñ is tel oy ta vrah kamratān añ çrī bhimeçvara*
 ‘...все эти средства существования, которые (= *tel*) были даны (*ta*) богу
Çrī Bhimeçvara’ [K562, 22–23].

Посессивные определения

В ДКМ в посессивной конструкции *ta* может дублироваться предлогом *nai* (*ta nai, nai ta*).

- (8) д.кхм ... *dep syaṇ ta çapatba ni vrah çr̥y*
 затем COP INSTR клятва CONJ священный божественный
vneke nai ta kamrateñ jagat vaddhapratijñā roḥh neḥh ...
 глаз CONJ DP бог клясться так этот
 ‘... затем клятвой перед священными глазами бога, поклялись так: ...’
 [K207, 28–29].
- (9) д.кхм. *kāryya ta kula añ*
 дела DP семья 1SG
 ‘дела моих родственников’ [K843, 17–18].
- (10) нанк. *due tə cuə*
 каноэ DP 1SG
 ‘мое каноэ’ [Man, 2005, p. 203].

Определения, выраженные числительными

В ДКМ и кар *ta* маркирует числительное в позиции определения и в счетной конструкции с классификатором.

- (11) д.кхм. *stap vartamāna gi sruk ta 2*
 слушать сведения этот местность DP
 ‘получать сведения о том, что происходит в этих двух землях’ [K580, 23–24].
- (12) кар *tə-beṇ taka // beṇ taka*
 DP-ОДИН CLF
 ‘один человек’ [Whitehead, 1993, p. 296].

В следующем предложении *ta* маркирует числительное и выступает в падежной функции, в придаточном относительном используется ДКМ инновация — маркер *tī*, который употреблялся вместо *ta*, когда релятивизируемая ИГ объектная.

- (13) Д.КХМ. *neh vrah neh ti añ oy ta kvan añ*
 этот бог этот DP 1SG давать DAT ребенок 1SG
ta pi^a nak
 DP три CLF
 ‘Это те божества, которых я вверяю трем моим детям’ [K245, 23–24].

В ДКМ есть формы числительных с фоссилизованным префиксом *ta*, например, *thpar~tpar* ‘to occur in pairs’ (ДАК), ср. *vyar~byar~bir* ‘2’.

Приложения

Приложения являются распространенным типом конструкций в ДКМ эпиграфике, что связано с характером текстов, где указание на должности и титулы является исключительно важным.

- (14) Д.КХМ. *teñ pit ti oy ta kbloñ vala kamraten añ ta vrah^a ji vrah pāda kamraten añ ta stac dau iṣvaraloka ta jmañ loñ haradharma ta trvac pañcām*
 ‘Teñ Pit, которая была отдана (*ta* = DAT) начальнику над населением, владыке, (*ta*) предку его величества, (*ta*) короля, ушедшего в *Īṣvaraloka*, (*ta*) по имени *Loñ Haradharma*, (*ta*) инспектору служителей’ [K956, 9–10].

В кар приложении используется личное местоимение, например:

- (14) кар *siti ʔac sia ʔin Meh, Je:si, Meh^ẽ Kuən*
 что 1SG INTER 1SG DAT 2SG OBL PN 2SG INTER сын
ɲat Te:v latuləŋ
 этот Бог наверху
 ‘Что Тебе до меня, Иисус, Сын Бога Всевышнего?’ (букв. Что я Тебе, Иисус, ты Сын Бога наверху) Марк, 5, 7 [Whitehead, 1918, p. 13].

Адвербиальные модификаторы (обстоятельства)

В ДКМ и Н языках маркеры *ta*, *tə* отмечаются при адвербиальных модификаторах разных семантических типов: места, времени, образа действия, причины, цели, меры.

- (15) Д.КХМ. *^anak neh phoñ yuañ ta samayuga yok iss dravya noñ phoñ ta jā thlai bhūmi*
 ‘Все эти люди вместе (= *ta* объединяться) взяли эти ценные предметы как уплату (= *ta* быть плата) за землю’ [K207, 27–28].
- (16) кар *tə-kak:ək ʔalaba ʔən ɲəb tarik nə laʔeɣen*
 DP -сильный тело 3SG NOM этот человек PTL работать
 ‘Этот мужчина много работает’ ‘This is a hard-working man’ [Whitehead, 1993, p. 110].

В ДКМ и Н языках *ta*, *tə* маркируют адвербиальную функцию имен, обозначающих время совершения действия.

- (17) нанк. *wi: anʔɛ̃ tɔ linbɛ*
 делать 3SG DP сегодня
 ‘Сделай это сегодня’ [Man, 2005, p. xvi].
- (18) д.кхм. *sattra camren ta gi tñai vrah rañko je kanlah ge ta jā cam vrah kamratān añ*
çrikedāreçvara
 ‘Жертвоприношение в (= *ta*) святые дни: половина *je* очищенного риса
 для (= *ta*) служения богу *Çrikedāreçvara* (K451N, 10-11)

Придаточные предложения времени, причины

Следующие примеры из кар и ДКМ отражают разные этапы одного и того же процесса, протекавшего в диахронии этих языков: вытеснения маркеров ЗП союзами в придаточных времени и причины. В (19) маркер ЗП *ta* (*tə*) поднят в начало придаточного времени и, фактически, выполняет роль семантически недифференцированного подчинительного союза. В (20) маркер ЗП *ta* (*tə*), оставаясь “in situ”, выступает в тандеме с союзом *pə*. В ДКМ придаточные времени и причины вводятся новыми союзными средствами, заимствованными из других языков: *kāla* ‘время; когда’ (скр *kāla*), *man* ‘когда’, ‘потому что’ (древнеяванский *mon*), *betu* (*man*) ‘потому что’ (скр *betu*). Однако в примере (21) союз *man* выступает в тандеме с маркером *ta*, который поднят в начало клаузы.

- (19) кар *ʔakabalo:n cin tɔ ci min bæŋ cub-be:*
 знать 1SG NOM DP; CNJ 1SG OBL FUT только уходить-PRF
 Я знаю, когда я уйду⁷ ...’ [Whitehead, 1993, p. 79].
- (20) кар *rəʔə cin hā:ŋenlo:n tə ʔə pə ʔə*
 NEG 1SG хотеть ACC 3SG OBL потому что 3SG OBL
nə tə-taiŋ
 PTL DP-злой
 ‘Мне он не нравится, потому что он такой злой’ [Whitehead, 1993, p. 235].
- (21) д.кхм. *ta gi man kamvau kbmān ni ter*
 CNJ COP ID когда PN враг отправиться идти
çap viṣaya phoñ vrah neḥ
 захватывать территория различный статуя бога этот
ti tok
 место выдергивать
 ‘Когда же враг *Kamvau* пошел и захватил земли, это божество было
 снесено’ [K237, 6–7].

Предложения со сдвигом ремы

В ДКМ маркер *ta* регулярно отмечается в сказуемом предложений со сдвигом ремы. Они описаны в [Погибенко, 2012, с. 257–259]. Такие предложения имеют логико-семантическую структуру «X — это тот, который P». Это утверждение тождества, где

⁷ Предложение в источнике дано как не законченное, это часть предложения «For I know this, that after my departing shall grievous wolves enter in among you, not sparing the flock» Acts, 20, 29.

второй компонент содержит придаточное относительное. Поэтому в ДКМ в предложениях со сдвигом ремы с маркером ЗП *ta* может выступать связка тождества *gi*.

- (22) Д.кхм. *vvaṃ āc ti sraç ta kḥloṇ^a nak nau^a nak ta pradhāna ta noḥ deça noḥ noḥ gi ta paripālana*
 ‘(Эта постройка) не может подчиняться начальнику над персоналом, но знатные люди этой страны – вот кто хранит ее (букв. это (= *gi*) который (= *ta*) хранит)’ [K351, 11–13].

Следующее предложение со сдвигом ремы взято из надписи, в которой указом короля защищаются смотрители обители от притязаний разных духовных и светских чинов.

- (23) Д.кхм. *kḥloṇ vala spotta kanmyaṇ^a val^a nak saṇjak ta seva*
 ‘Все начальники над населением Спота, молодые люди, чиновники саньджак (вот кто может) отправлять (= *ta* отправлять) службу’ [K829, 21–22].

В языке кар сказуемое предложения со сдвигом ремы также выступает в форме ЗП с маркером *tə* (*ta*). В следующем предложении сдвиг ремы происходит на темпоральную составляющую:

- (24) кар *ʔət beŋ tak pəri tə-akabalo:n tə ʔe,*
 NEG один CLF но DP-знать ACC 3SG OBL INAN
ʔaŋuə saka:mə ʔe:tak ʔinre:
 3SG NOM INAN день время также
 ‘О дне же том, или часе, никто не знает’ (букв. ‘Никто не знает того, тот день и то время’) Марк, 13, 32 [Whitehead, 1918, p. 10].

Следующие два предложения, на наш взгляд, также являются предложениями со сдвигом ремы. В первом рема сдвигается на субъектную составляющую, во втором — на ассертивную составляющую предиката (не утверждение, а возражение). В обоих используются формы ЗП, в первом — форма с префиксным алломорфом губного инфикса, а во втором — с *tə* (*ta*).

- (25) кар *ma-ci:lə hi: jin*
 DP-обманывать 1PL INCL OBL 1PL NOM
 ‘(Это) они нас обманули’ [Whitehead, 1993, p. iv].

- (26) кар *tə-lə:k ʔən ɲəb tarik*
 DP-быть хорошим 3SG этот человек
 ‘Этот человек хороший’ [Whitehead, 1993, p. v].

Дж. Уайтхед рассматривает форму ЗП *ma-ci:lə* как отглагольное имя, а форму ЗП *tə-lə:k* как атрибутивную форму глагола и делает парадоксальный вывод, что в языке кар отглагольные имена и атрибутивные формы глаголов могут использоваться вместо глаголов в функции финитного сказуемого. Он считает, что это свидетельство того, что в языке кар не различаются части речи: “Indeed, it will be seen, the classification of words

as nouns, adjectives, pronouns, verbs etc., seems utterly foreign to the idiom of the Car-Nicobarese language” [Whitehead, 1993, p. v].

Предложения со сниженной утвердительностью

В языке кар есть примеры употребления форм ЗП в предложениях со сниженной утвердительностью — вопросительных и с косвенной модальностью. При этом в вопросительных предложениях используется особая форма личных местоимений, которую Уайтхед называет вопросительной формой.

- (27) кар *tə-kə:l* *nɪf* *ʔaniu*
tə-стоящий тот NOM/ INTER эти вещи
 ‘Это хорошие вещи?’ [Whitehead, 1993, p. 11].

- (28) кар *tə-ŋaɪc* *ʔam* *meḥē* *ʔibih*
 DP-заканчивать 2SG INTER 2SG NOM здесь
 ‘Ты бывал здесь раньше?’ [Whitehead, 1993, p. 296].

В следующем предложении сказуемые обеих клауз в форме ЗП, поскольку предложение выражает не реальность, а потенциальность, что хорошо видно и в русском, и в английском предложениях.

- (29) кар *ŋaɪc* *ʔaŋaʔā* *nə* *tə-ʔābā* *ʔalaba* *tə* *lo:n*
 PTL 3SG NOM PTL DP –распухший тело DP думать
sa
 3PL OBL
 ‘Они ожидали было, что у него будет воспаление’ (‘Howbeit they looked when he should have swollen’) Acts, 28, 6 [Whitehead, 1993, p. 11].

В ДКМ также есть примеры употребления формы ЗП в предложениях со сниженной утвердительностью. В следующем примере высказывается пожелание или наказ (*ta vñ*), исходящий от составителя надписи, поэтому Ж. Сёдес дает перевод в сослагательном наклонении.

- (30) д.кхм. *neh* *phoñ* *pratipakṣa* *syañ* *ta* *vñ*
 этот PL каждые две недели COP DP возвращаться
stāp *kāryya* *ta* *kula* *añ* *ta* *paṃnvās*
 слушать дела GEN семья 1SG DP монах
 ‘Тем, (которые служат) каждые две недели, (надлежит) возвращаться
 слушать дела моих родственников, которые постриглись в монахи’
 [K843, 17–18].
 ‘Que tous ceux qui sont (chargés de l’entretien) pendant chaque quinzaine
 reviennent écouter les affaires de ceux de mes parents, entrés en religion’
 [IC VII, p. 117].

СИНТЕТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ ЗАВИСИМОЙ ПРЕДИКАЦИИ

В ДКМ и Н языках употребление синтетических форм ЗП с алломорфами губного и дентального инфиксов отмечается редко. В этой функции их вытеснили

аналитические формы ЗП с маркером *ta*. И в ДКМ, и в Н языках инфиксные производные лексикализировались как имена или наречия.

В ДКМ инфиксные формы ЗП отмечаются в определениях и относительных придаточных предложениях.

- (31) Д.КХМ. *sre tñai ket travañ poñ bhāgayuñ **damnuñ** ta poñ bhadraviṣeṣa amruñ gui je 3*
 ‘поле, на востоке пруда господина *Bhāgayuñ*, купленное (= *damnuñ* от *duñ*
 ‘покупать’) у господина *Bhadraviṣeṣa*, его размер 3 *je*’ [K22, 32–33].

В следующем примере форма ЗП с инфиксом *cmer* от *cer* ‘нарушать’ и форма ЗП с *ta* выступают как варианты:

- (32) Д.КХМ. *ge **ta dap** gui ge **cmer** ajñā ge daṇḍa*
 ‘Те, кто препятствуют (= *ta* препятствовать) здесь, те, кто нарушает
 (= *cmer* от *cer* ‘нарушать’) указ короля, они будут наказаны’ [K940, 11].

В ДКМ инфиксные и аналитические формы используются как варианты в именах рабов, например: *vā ta ac* (K138) от *ac* ‘могущий’, *vā kaṇac* (K129) от *kaṇ* ‘злой’.

Рассмотрим предложение на языке кар, в котором пять производных с инфиксами и одно производное с *tə*. Из них два используются как формы ЗП: *v-am-ə:k*, образованное при помощи агентивного губного инфикса, и *mi-kahten*, образованное при помощи префиксального алломорфа того же инфикса. Остальные аффиксальные производные являются субстантивированными формами ЗП.

- (33) кар *jib* *ŋaic* *ʔaŋ* *Yə:ban,* *ʔək* *v-am-ə:k*
 приходит РТЛ 3SG Иоанн, тот *am*-окунять (крестьящий)
nə *ʔel-inco:n,* *ŋaic* ***mi-kahten*** *tə*
 РТЛ в-джунгли РТЛ *mi*-знать-TR (проповедующий) ACC
ŋam *v-in-ə:kə* *ʔ-in-və:tə*
 этот *in*-окунять (крещение) *in*-поворачивать (поворот) +
ʔel-lo:n *nə* *ʔ-in-ɽeʔel* *tə-kə:l*
 в-душе = покаяние РТЛ *in*-прощать (прощение) *tə*-грешный (грех)
 ‘Явился Иоанн, крестя в пустыне и проповедуя крещение покаяния для
 прощения грехов’ Марк, 1,4 [Whitehead, 1918, p. 1].

Дж. Уайтхед, который все инфиксные производные считает именами, переводит *vamə:k* как имя деятеля ‘тот, кто окунает, крестит’, а *mikahten* — как имя деятельности ‘проповедование’. Однако синтаксическая позиция этих производных свидетельствует о том, что они не могут быть именами, а являются формами ЗП. Выше мы отмечали, что Дж. Уайтхед также не учитывал того обстоятельства, что лексикализованные формы ЗП, как инфиксные, так и с маркером *tə*, в кар могут выступать в реликтовой функции форм ЗП в предложениях со сдвигом ремы (см. примеры (25) и (26)).

Непризнание наличия реликтовой функции зависимой предикации у производных с носовыми инфиксами может создавать серьезные проблемы при переводе. Сравним переводы следующего предложения, сделанные Лонг Сеамом и Ж. Сёдесом.

- (34) Д.КХМ. *poñ totil gui tañ ajñā vraḥ kamratāñ añ oy gui sruk ple drañ vnas nu poñ jon bhuti creṣṭhāçrama* [K44A, 13–14].

‘*Poñ Totil*, уполномоченный короля⁸, дал поселения, слуг и участки земли, затем он даровал средства обеспечения храму *Çreṣṭhāçrama*’ [Лонг Сеам, 2000, с. 541].

‘*Le Poñ Totil érige l’édit de Sa Majesté pour le pays Ple Drañ Vnas et le Poñ fait remise des biens au Çreṣṭhāçrama*’ (‘*Poñ Totil* установил указ короля для местности *Ple Drañ Vnas*, и он произвел возврат даров в *Çreṣṭhāçrama*’ [С II, p. 13].

Лонг Сеам переводит *ple drañ vnas*, букв. ‘слуга — участок земли — отмеренное’ как ‘слуги и участки земли’, а Ж. Сёдес — как имя собственное некоей неизвестной местности *Ple Drañ Vnas*, упомянув при этом в сноске, что он просто не знает, как это перевести. Такое разночтение возникает оттого, что *vnas*, образованное от *vas* (*vās*) ‘измерять длину окружности (участка земли)’ в ДКМ уже субстантивировалось и употребляется как имя со значениями ‘акт измерения (земли); размеры (земли); экспертиза’, ‘то, что было измерено, проинспектировано (ДРАК)’. Но в данном примере *vnas* употребляется как форма ЗП ‘измеренный’ или ‘отмеренный (т. е. для отделения)’. Это учел Лонг Сеам, но не учел Ж. Сёдес. В результате их переводы описывают совершенно разные положения дел.

В ДКМ, помимо инфиксной субстантивированной формы *vnas* существует субстантивированная форма ЗП с *ta* от того же глагола *vas* ‘измерять’: *tvās* (*tvah*, *tavah*) ‘1. *n.* title of an unidentified function (perhaps surgeon or executioner). 2. *v.st.* (Conjecturally) to be separated, cut off (from home and family)’ (ДРАК).

В современном кхмерском языке аналогичное реликтовое использование инфиксных форм в функции форм ЗП можно усмотреть в случаях немотивированного употребления инфиксного производного имени вместо глагола, от которого оно образовано. Такие случаи рассматриваются в [Погибенко, 2012, с. 95–97].

В МК языке семелай также есть случаи немотивированного употребления инфиксного производного имени в позиции вершинного сказуемого. Это отмечается в вопросительных предложениях [Kruspe, 2004, p. 330]. На наш взгляд, это также рудимент формы ЗП. Это хорошо согласуется с употреблением аналитических форм ЗП в вопросительных предложениях в языке кар (см. примеры (27) и (28)).

Дублирование и варьирование средств выражения зависимой предикации

В диахронии АА языков стратегии маркирования ЗП последовательно накладывались одна на другую. С этим связаны явления двойного маркирования и варьирования двух смежных на диахронической оси стратегий — инфиксов, *ta*, союзов.

Рассмотрим в качестве примера один из вариантов формулы, которая в ДКМ помещалась в конце дарственных и законодательных надписей и содержала предостережение в адрес потенциальных нарушителей — лиц, стремящихся к переделу храмовой собственности, грабителей, вандалов и т.д. В нем используются три стратегии

⁸ Лонг Сеам переводит *gui tañ*, букв. ‘определенный артикль — назначать’, как ‘уполномоченный короля’, в то время как Ж. Сёдес выбирает другое значение для слова *tañ* — ‘устанавливать, помещать’, оставляя *gui* без перевода.

оформления ЗП: маркер *ta* (*ta sak*), инфиксная форма, продублированная маркером *ta* (*ta camlak*), союз *tel*, предположительно, дублирующий инфиксную форму (*ta kamvon*). Производное *c-am-lak*, от *halk* ‘вырезать, высекать’ в [ДРАК] отмечается только как имя действия и объекта. Однако, нет сомнений, в данном предложении оно выступает как форма ЗП.

- (35) д.кхм. *ge ta sak gi ge ta camlak*
 3PL DP грабить здесь 3PL DP высекать
lan vrah avicinara... acitimukha gi
 препятствовать божеству PN PN COP ID
na ge tel kamvon don ge pitamata ge
 там 3PL который пребывать вместе PL предки 3PL
 ‘Те, кто грабит здесь, те, кто высекает и препятствует святыне – это те, кто попадет в ады *Avici* ... *Acitimukha* со своими предками’ [K728, 4].

Аналогично в следующих примерах инфиксные формы ЗП дублируются маркером ЗП *ta*.

- (36) кар *t-et ha-n-lanken vah*
 DP-NEG *n*-лечить рана
 ‘неизлечимая рана’ [Whitehead, 1993, p. 59].
- (37) кар *t-et j-am-ih*
 DP-NEG *am*-приходить
 ‘которые не пришли’ [Whitehead, 1993, p. 320].
- (38) нанк. *rai:u:b ta l-an-o:ja*
 человек DP *an*-бежать
 ‘быстрый человек’ [Man, 2005, p. 174].

В следующем предложении используются три стратегии маркирования зависимого статуса придаточного времени: маркер *ta*, инфиксная форма сказуемого и косвенная форма подлежащего (*cu*).

- (39) кар *cu jib ʔam ta k-in-bei:-ta rɔ:*
 идти где 2SG INTER DP *in*-заканчивать-*ta* говорить
cu ta meh
 1SG OBL COM 2SG OBL
 ‘Куда ты пошел после того как я говорил с тобой’ [Whitehead, 2003, p. 296].

В кар и нанкаури часто и инфикс, и префикс *ta* выступают вместе в субстантивировавшихся формах ЗП:

- (40) кар *ta kanaptarit*
ta- k-an-ap- ta- rit
 DP -*an*-кусать INSTR хвост
 ‘скорпион’ (букв. ‘кусающий хвостом’) [Whitehead, 1993, p. 298].

- (41) кар *təsumri:k*
tə- *su-m-ri:k*
 DP *-m*-ненавидеть
 ‘злоумышленник’ [Whitehead, 1993, p. 276].

В ДКМ есть аналогичные примеры дублирования в субстантивировавшихся формах. В следующем примере инфиксное производное *pamas* ‘растирательница’ от *pas* ‘растирать’ употребляется с *ta*.

- (42) д.кхм. *ta p-am-as jnai*
 DP *-m*-растирать
 ‘растирательница цветов *jnai*’ [K956, 2].

В ДКМ надписях представлена вся диахроническая линейка форм, обозначающих эту функцию: инфиксная форма *pamas* [K155, 15], *tpas* с маркером *ta* (один случай) [K18, 20], форма с *ta* и инфиксом *ta pamas* [K956, 2], формы с номинализатором *nakk* ‘человек’ *nakk pas* (K 46B, 10).

Выводы

Приведенные материалы позволяют говорить о том, что в древнекхмерском и никобарских языках сохранилась система форм зависимой предикации, которые занимали центральное место в грамматической системе прото-АА языка, поскольку их лексикализованные или фрагментарные рефлексy обнаруживаются в большинстве АА языков. Например, в языке сантали (мунда) рефлекс *ta* сохранился только как суффикс посессора. Ср. примеры (8), (9), (10) и примеры из сантали:

- (43) сантали *həpəntam*
həpən- ta- -m
 сын POSS 2SG
 ‘твой сын’ [Neukom, 2001, p. 32].
- (44) сантали *dalket'tijnae*
dal- ket'- t- iŋ- a- -e
 ударять PST POSS 1SG IND 3SG
 ‘Он ударил мое’ [Neukom, 2001, p. 117].

Для диахронического среза, представленного в ДКМ и Н языках характерно следующее. 1) Параллельное употребление синтетических и аналитических форм ЗП с преобладанием последних. 2) Наличие лексикализованных рефлексy синтетических и аналитических форм ЗП с преобладанием первых. 3) Использование двойного маркирования, когда *ta*, *tə* и инфиксная форма выступают вместе. И наконец, в этих языках совпадают даже такие лингвоспецифические функции маркеров *ta*, *tə*, как употребление в качестве «падежного» маркера и в предложениях со сдвигом ремы. Инновацией ДКМ языка является употребление наряду с *ta* маркера *ti*, который используется в придаточных относительных в тех случаях, когда релятивизируемая ИГ объектная.

Описанные сходства не являются свидетельством более близкого, нежели до сих пор считалось, родства. Тем более они не могут быть результатом контактов в какой-то исторический период, поскольку речь идет о совпадении целостных систем, а не атомарных явлений.

Возможно, что эти языки оказались одинаково архаичными по той причине, что они не подвергались влиянию доминирующих неродственных языков в той степени, в какой его испытало большинство АА языков.

Сокращения и условные обозначения

АА	австроазиатский	INCL	инклюзивный
д.кхм.	древнекхмерский	IND	индикатив
ДКМ	древнекхмерский	INTER	вопросительный
Н	никобарский	INV	невидимый
нанк.	нанкаури	LOC	локатив
скр	санскрит	NMZ	номинализатор
с.кхм.	среднекхмерский	NOM	номинатив
ACC	аккузатив	OBL	косвенный (падеж)
AFF	аффикс	PL	множественное число
CLF	классификатор	PN	имя собственное
COM	комитатив	POSS	посессивный
CONJ	союз	PREP	предлог
COP ID	связка тождества	PST	прошедший; ушедший
DAT	датель	PTL	частица
DP	маркер зависимой предикации	SG	единственное число
INAN	неодушевленный	TR	транзитив

Литература / References

- Пейрос И. И. *Генетическая классификация австроазиатских языков. Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора филологических наук*. М., 2004 [Peiros I. *Genetic Classification of Austroasiatic Languages. Dissertation in the Form of Report for Obtaining a PhD (Philology)*. Moscow, 2004 (in Russian)].
- Погибенко Т. Г. *Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции*. М., 2012 [*Austroasiatic Languages: Problems of Grammatical Reconstruction*. Moscow, 2012 (in Russian)].
- DAK — Jenner Ph. *A Dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.
- DPAK — Jenner Ph. *A Dictionary of Pre-Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.
- Diffloth G. Austroasiatic languages. *Encyclopedia Britannica* (16th edition), 1986.
- Diffloth G. The contribution of linguistic paleontology to the homeland of Austro-asiatic. Sagart L., Blench R., Sanchez-Mazas A. (eds.). *The Peopling of East Asia: Putting Together Archaeology, Linguistics and Genetics*. Routledge, Curzon, 2005. Pp. 79–82.
- Jacob, 1986 — Reamker (Ramakerti). *The Cambodian Version of the Rāmāyaṇa*. Translated by Judith M. Jacob. Routledge, London, New York, 1986.
- IC — *Inscriptions du Cambodge. Éditées et Traduites par G. Coedès*. Vol. I–VIII. Hanoi, Paris, 1937–1966.
- Kruspe N. *A Grammar of Semelai*. Cambridge, 2004.

- Long Seam. *Dictionnaire du Khmer Ancien (D'après les Inscriptions du Cambodge du VIe.–VIIIe. Siècles)*. Phnom Penh, 2000.
- Man E. *A Dictionary of the Central Nicobarese Language. (English-Nicobarese and Nicobarese-English)*. New Delhi, 2005. (Reprint from 1889 edition).
- Neukom L. *Santali*. München, 2001.
- RI — *Rāmakerti (XV–XVII siècles)*. *Texte Khmer Publié par Saveros Pou*. Paris, 1979.
- RII — *Rāmakerti II. (Deuxième Version du Rāmāyana Khmer)*. *Texte Khmer, Traduction et Annotations par Saveros Pou*. Paris, 1982.
- Sidwell P. The Austroasiatic central riverine hypothesis. *Journal of Language Relationship*. 2010. 4. Pp. 117–134.
- Thomas D., Headley P. K. More on Mon-Khmer subgroupings. *Lingua*. 1970. 25.4. Pp. 398–418.
- Whitehead H. *St. Mark*. In *Car-Nicobarese*. Rangoon, 1918.
- Whitehead H. *Dictionary of the Car-Nicobar Language*. New Delhi, 1993. (Reprint from 1925 edition).

КОМИКСЫ КАК ИСТОЧНИК ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ, НЕОБХОДИМОЙ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ФОНОВЫХ ЗНАНИЙ У РУССКОЯЗЫЧНЫХ СТУДЕНТОВ ПРИ ОБУЧЕНИИ ИХ КОРЕЙСКОМУ ЯЗЫКУ

© 2020

А. А. Воронина*

В статье рассмотрены корейские комиксы как аутентичный материал с точки зрения комбинированного (изобразительный код и текст) источника экстралингвистической информации, способствующей формированию фоновых знаний у обучающихся корейскому языку русскоязычных студентов. С помощью анализа соответствующих источников выяснено, что благодаря своей особой структурной организации и, следовательно, функциональности, комиксы обладают рядом преимуществ для эффективного усвоения обучающимися информации нелингвистического характера. Обнаружено, что специфическое, свойственное только комиксу как одному из видов креолизованного текста, эмоциональное воздействие на реципиента позволяет последнему быстрее проникать в экстралингвистическую информацию, способствующую осознанию условий конкретной ситуации общения и понимания сути происходящего. Прежде всего, такая информация содержится в вербальном компоненте, как то: слова автора в кадре, описывающие, например, место общения или настроение героев, или реплики персонажей в филактере, когда наглядно передается ситуативно и коммуникативно обусловленная речь. Ассоциация вербального компонента с конкретными условиями общения и параметрами коммуникативной ситуации на корейском языке осуществляется за счет изобразительного компонента. Картинка демонстрирует персонажа комикса, говорящего по-корейски участника общения, внешне соответствующего своей ситуативной роли: через язык тела передается эмоциональная форма коммуникации. Персонажи изображаются в определенном положении тела, с прорисованным выражением лица, свидетельствующем об определенном эмоциональном состоянии, что традиционно является важным моментом в понимании происходящего в корейском контексте. Отмечено, что для передачи эмоциональности в корейском комиксе используются также и другие паралингвистические средства: 1) форма филактера, 2) цветовое заполнение филактера, 3) графическое заполнение филактера, 4) звуковые эффекты, 5) фоновые эффекты, 6) тоновые эффекты, 7) скринтон.

Ключевые слова: манхва, экстралингвистическая информация, фоновые знания, обучение корейскому языку.

Для цитирования: Воронина А. А. Комиксы как источник экстралингвистической информации, необходимой для формирования фоновых знаний у русскоязычных студентов при обучении их корейскому языку. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 3. С. 333–344. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-333-344

* Людмила Александровна ВОРОНИНА, доцент, кандидат педагогических наук, доцент Восточного факультета Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН), Москва; lvoronina@gaugn.ru

Lyudmila A. VORONINA, PhD (Pedagogy), Docent, Associate Professor of the Oriental Department, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow; lvoronina@gaugn.ru

ORCID ID 0000-0003-0696-9288

MANHWA AS A SOURCE OF THE EXTRALINGUISTIC INFORMATION FOR BACKGROUND KNOWLEDGE FORMATION WHILE TEACHING KOREAN TO RUSSIAN-SPEAKING STUDENTS

Lyudmila A. Voronina

Manhwa as an authentic material is explored here as a source of extralinguistic information helping to form the background knowledge of Russian-speaking students while teaching the Korean language. At the same time, manhwa is a poly-code source consisting of text and visual components. Study of the relevant sources showed that due to their special structural organization and functionality, *manhwa* have a number of advantages for the effective assimilation of non-linguistic information by students. It is argued that students faster penetrate the extralinguistic information through the *manhwa* that promotes awareness of a specific situation of communication and understanding. It is shown that extralinguistic information is contained in a verbal component, such as the author's words in the frame, describing, for example, the place of communication or the mood of the characters. Also it may be contained in the characters' lines in the phylacter, when situationally and communicatively conditioned speech is clearly transmitted. It is stated that the association of the verbal component with specific communication conditions, that form the parameters of the communicative situation in Korean, is carried out at the expense of the visual component. At the same time, the image shows a *manhwa* character speaking Korean as a participant of communication, outwardly corresponding to his situational role, while emotional form of communication is transmitted through the body language. Characters are depicted in a certain body position, with a drawn facial expression indicating a certain emotional state, which is traditionally an important point in understanding what is happening in the Korean context. The author concludes that other paralinguistic means also convey emotionality in *manhwa*, namely: 1) caption, 2) phylacter form, 3) color and graphic phylacter filling, 4) sound effects, 5) background effects, 6) tone effects, 7) screen tone.

Keywords: manhwa, extralinguistic information, background knowledge, teaching the Korean language.

For citation: Voronina L. A. Manhwa as a Source of the Extralinguistic Information for Background Knowledge Formation while Teaching Korean to Russian-Speaking Students. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2020. 3. Pp. 333–344. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-333-344

Обучение корейскому языку русскоязычных студентов предполагает формирование у них большого объема фоновых знаний: овладение новым культурным кодом влечет за собой необходимость передачи самых разнообразных сведений о стране изучаемого языка, его носителях, их традициях и пр., без учета которых, как правило, возникают коммуникативные неудачи или даже межкультурные конфликты. В специализированной литературе информацию нелингвистического происхождения принято называть *экстралингвистической*; она «отражает культурно-исторические, социальные традиции общества, факты социально-культурной жизни и др. и может быть представлена предметно-изобразительным кодом, сочетанием аудиального и / или визуального кода с текстом и, наконец, текстом (в устной или письменной форме)» [Мошкина, 2012, с. 4]. Поскольку из-за существенной разницы культур изучающих корейский язык русскоязычных студентов и носителей этого языка объем экстралингвистической информации велик, представляется целесообразным использовать визуальные способы представления

информации благодаря их легкости в восприятии и быстрому доступу к сознанию человека [Тройникова, 2016b, с. 17].

Особенно актуально это звучит в последнее время, в век глобального информационного пространства: в научно-методической литературе все чаще пишут о необходимости развития визуальной компетенции не просто как тренда современности, в силу того, что «текстовая модель восприятия информации постепенно вытесняется визуальным мышлением» [Мартынова, 2017, с. 133], но и благодаря тому, что визуальная грамотность как результат сформированности визуальной компетенции способствует развитию ментальных ресурсов человека [Тройникова, 2016b, с. 18]. Так, А. Г. Мартынова обозначила целый ряд *преимуществ* использования методов визуализации учебной информации, проанализировав труды ведущих отечественных и зарубежных исследователей в этой области, и сделала акцент на следующих из них: 1) повышение активности обучающихся и их саморегуляции в обучении; 2) переход обучающихся на более высокие уровни познавательной деятельности; 3) стимулирование речемыслительной активности (с помощью изображений с проблемным контентом); 4) формирование критического мышления; 5) расширение речевого репертуара обучающихся; 6) создание речевых ситуаций с помощью анализа изображений; 7) поддержание мотивации неподготовленного высказывания [Мартынова, 2017, с. 134–137]. Все они имеют большое значение в контексте передачи корейских культурных ценностей, когда речь идет не просто о необходимости усвоения нового иностранного языка, но и о культурной сенсбилизации, чему способствует в том числе и юмор.

Юмористические средства в обучении иностранным языкам уже давно используются достаточно широко и успешно, а в научной литературе даже начало встречаться такое понятие как «инфотейнмент»¹ [Анищенко, 2009, с. 117], к которому относится также и использование комиксов. На комиксы (*от англ. comics*) принято опираться как на «функционально-адекватные культуроведчески-ориентированные визуальные аутентичные материалы» [Тройникова, 2016a, с. 117] в организации процесса развития визуальной культуры у студентов. Прежде всего, учитывают эффект восприятия обучающимися картинки комиксов, которая «доставляет удовольствие при минимуме интеллектуальных затрат со стороны принимающего» [Пранцова, Романичева, 2015, с. 89]. Этим нельзя не воспользоваться в обучении, например, при обучении правилам поведения за традиционным корейским столом, когда поглощение пиццы сопровождается ярким звуковым потоком (*илл. 1*) и необходимостью предварительного продумывания своего облика с точки зрения возможности сохранения его опрятного вида после совместной с носителями корейского языка и культуры трапезы: в таких ситуациях есть опасность формирования не очень положительного отношения ко всему, что связано с национальной корейской кухней, даже вопреки ее известной вкусовой изысканности. Подобных случаев, требующих формирования аффективной компетенции, в культуре изучаемого языка много, и использование комиксов в обучении может предотвратить отрицательное к ним отношение со стороны носителей других культур, у которых с детства прививается в этом смысле прямо противоположный взгляд на этикетные нормы.

¹ Понимается комбинирование информации (*information*) и развлечения (*entertainment*), проникающее во все сферы коммуникации и вызывающее изменения в способах и механизмах трансляции информации.

Илл. 1. Звуки за столом (по: [Чходын манхва матчхумппон, 2005])

С лингвистической точки зрения комикс исследован с разных сторон: проанализированы его структурные элементы и их взаимосвязь (см.: [Анисимова, 1992; Петрова, Степанова, 2005; Столярова, 2010; Пранцова, Романичева, 2015] и др.); его функциональность [Анисимова, 1992; Григорьева, 2010; Яковлева, 2019]; наличие разных типов информации в содержании текста [Силантьева, Топильский, 2001] и пр. Подавляющее большинство исследователей так или иначе относят комикс к одному из видов «креолизованного текста» (термин Ю. А. Сорокина и Е. Ф. Тарасова²), понимая под ним «паралингвистически активный» [Анисимова, 1992, с. 72] текст, совмещающий изобразительный код (для облегчения восприятия и понимания) с вербальным. Причем, такие тексты требуют двойного декодирования информации, заложенной как в вербальном, так и в невербальном компоненте, что ведет к созданию единого смысла. Таким образом все формы креолизованного текста увеличивают коммуникативный эффект на реципиента (за счет взаимодействия двух разнородных компонентов), что обеспечивает смысловое и графическое единство произведения [Иванова, Хоменко, 2019, с. 54], но только комикс имеет сюжет, а это удобно в обучении иноязычному общению, т. к. в процессе последнего происходит проигрывание учебных, но реальных картин из жизни.

На основе полученных результатов лингвистических исследований комиксы, как *средство*, используют в обучении иностранным языкам, причем, не только для формирования и развития компетенций в целом [Еремина, 2015; Цой, Гребенюк, 2018], но и отдельным видам речевой деятельности, например, устному монологическому высказыванию [Малышева, 2016], чтению [Мундриевский, 2018], письменной речи [Иванова, Хоменко, 2019]. Более того, комиксы успешно используют и для формирования навыка креативного высказывания [Иванова, 2019]. Есть также авторы, которые упоминают про культуроведческую ценность текста комиксов [Анищенко, 2009; Чернышкова, 2016; Яковлева, 2019], однако без конкретных методических рекомендаций. Несмотря на достаточное количество научно-методической литературы по использованию комикса в

² Для текстов такого типа существуют разные термины: *видеовербальные, поликодовые/ дикодовые, семантически осложненные, семантически обогащенные, синкретические, составные, полимодальные, бимедиальные/ полимедиальные / мультимедиаальные, гетерогенные, контаминированные, интерсемиотические, гибридные, кодово-негамогенные тексты; изовербальный, лингвовизуальный комплекс, изоверг, супертекст* и пр.

обучении иностранным языкам, существенным недостатком большинства исследований комиксов является их оторванность от специфики конкретного иностранного языка: именно она позволяет иногда принять кажущееся положительное его свойство за ложный ориентир, как, например, в случае с исконно-корейской лексикой, часто используемой в сугубо бытовых, семейных ситуациях устно-речевого общения, которую нельзя переносить в ситуации официального характера. Среди множества примеров можно упомянуть термины родства с точки зрения слов-обращений: для одних и тех же лиц в официальной и неофициальной ситуациях это будут совершенно разные лексемы. Бывают случаи, когда начинающие изучать корейский язык русскоязычные студенты, после того как встретили это слово в комиксах, могут с его помощью обращаться к вполне конкретному лицу по аналогии с одним из героев, что неадекватно с точки зрения конкретной ситуации устно-речевого общения. Поэтому есть все основания использовать комиксы как аутентичные материалы и в обучении корейскому языку, но только после всестороннего исследования их специфических особенностей, в том числе с точки зрения потенциального источника экстралингвистической информации, необходимой для формирования фоновых знаний у обучающихся корейскому языку русскоязычных студентов — вопрос в том, где она находится.

Корейские комиксы, *манхва* (만화), — слово имеет иероглифическое происхождение (от иер. 漫畫) и означает «карикатура; юмористический рисунок» — являются бесценным источником экстралингвистической информации. Вслед за Е. Е. Анисимовой считается, что информативную функцию имеет как вербальный компонент креолизованного текста, так и невербальный [Анисимова, 2003, с. 53–71]. Она содержится в сочетании «авербального (визуального) знака» (термин Н. Ю. Григорьевой³) в виде изображений **действующих лиц и событий**, а также вербального компонента, текста, что отражает «важную понятийно-мыслительную функцию» [Григорьева, 2010, с. 116], т. е. привязывает содержание общения к участникам и месту этого общения. Поэтому лингводидактический потенциал комикса, где доминирует невербальный компонент, заключается в том, что с помощью картинки делается акцент на значимой информации, которая в зависимости от критериев отбора для конкретного профиля и уровня обучения может стать экстралингвистической. Высокой культурной ценностью обладает экстралингвистическая информация, складывающаяся, прежде всего, *вокруг коммуникативной ситуации общения на корейском языке* (корейская культура относится к высококонтекстуальным со всеми вытекающими отсюда последствиями [Воронина, 2009, с. 48–49]). Все дело в том, что корейский язык — это «ситуационно-обусловленный и ситуационно-ориентированный язык, в котором порядок и гармония сохраняются посредством статусно-ориентированного вербального коммуникативного стиля» [Лебедева, 1999, с. 155]: для эффективного участия в ней важно видеть, **кто** (возраст, внешний вид и т. п.) и **как** (язык жестов, тела, мимика, эмоции) говорит, а также **как именно это соотносится с содержанием сообщения и местом общения**. Комикс как никакой другой вид креолизованного текста способствует проникновению в корейскую ситуацию общения, т. к. через

³ Для обозначения невербального кода креолизованного текста используется большое количество терминов: *визуальный, изобразительный, иконический* и пр.

последовательность кадров наглядно демонстрируется ситуативно и коммуникативно обусловленная речь героев [Чернышкова, 2016, с. 168]. Каждый кадр представляет собой смысловое единство, образованное из рисунка и текста. Визуализация материала уточняет ситуацию общения. Это важно, например, при обучении, этикетной речи, в том числе приветствию (илл. 2) или прощанию (илл. 3), когда определенные речевые формулы сопровождаются конкретным положением тела и выражением лица участников общения. Но не только: визуальное обучение направлено на развитие визуальной грамотности, предполагающей овладение способностями исследовать визуальные образы, интерпретировать изображения, визуализировать окружающий мир.

Илл. 2. Ситуация приветствия (по: [Чходын манхва матчхумпноп, 2005])

Илл. 3. Ситуация прощания (по: [Чходын манхва матчхумпноп, 2005])

Формирование фоновых знаний предполагает усвоение визуальных образов, передающих ценности той культуры, язык носителей которой изучается [Лазарева, 2019, с. 58, 63]: фоновые знания — это переработанная обучающимися информация о стране изучаемого языка, ее традициях и т. д., а информация превращается в знание через учебную деятельность и имеет *промежуточное состояние в виде образов*. Алгоритм их образования состоит в следующем: «комиксы создают зрительный образ, который вводит читателя в атмосферу действия» [Анищенко, 2009, с. 117], «переживание» сюжетов комиксов способствует формированию у обучающихся собственных визуальных образов, которые при перемещении в новый контекст обрывают новыми смыслами, следовательно, и накоплению фоновых знаний. Вопрос в том, какие именно образы могут создавать корейские комиксы. Как уже отмечалось, источником экстралингвистической информации в общении на корейском языке становится участник этого общения (или *кто*), какой-то персонаж комикса. Обучающийся, целенаправленно выполняя различные упражнения и задания при одновременном рассмотрении картинок комикса и чтении реплик героев, накапливает в долговременной памяти **образы участников** коммуникативной ситуации устного речевого общения на корейском языке. Количество таких образов велико, т. к., во-первых, *дифференциация потенциального собеседника* происходит по «трехчленной формуле: 1. “высший — равный — низший” по общественному положению; 2. “старший — равный — младший” по возрасту» [Скорбатько, 1980, с. 44], т. е. участник общения должен взять на себя определенную *роль*, где учитывается в том числе официальность / неофициальность самой ситуации общения. Во-вторых, вербальное поведение каждого участника общения, играющего определенную роль, сопровождается соответствующим, отличающимся в зависимости от того, кому направлена речь, *невербальным поведением*. Например, как на *илл. 1*, так и на *илл. 2* герой комикса сопровождает вербальную формулу приветствия / прощания поклоном, который, кстати, тоже бывает разным. Благодаря наличию рисунка мы видим, что этикетные фразы предназначены для старшего по возрасту, — этот образ («формула приветствия / прощания для старшего по возрасту») с помощью специальных упражнений и заданий представляется возможным закрепить в долговременной памяти обучающегося.

В установленный несколько столетий назад нормами корейского общества *язык тела* вложен иерархический порядок человеческих отношений, корни которого уходят в конфуцианство. Суть традиционных человеческих отношений в корейском обществе заключается в почтительности и преданности по отношению к вышестоящему лицу, требующему непреложного почтения и уважения. В семье это отец или старший брат в случае отсутствия первого, в организации — начальник, а в государстве — его глава. Особое внимание уделяется старшим, что выражается невербально: по отношению к ним принято скрывать свои истинные эмоции (например, на *илл. 2* мы видим безэмоциональное лицо друга главного героя, склонившегося в приветственном поклоне). Несмотря на известные случаи протеста против веками установленного порядка, в современном корейском обществе и сегодня речевой этикет предполагает соблюдение соответствующего невербального кода [Самсонов, 2013, с. 104–111], что хорошо известно всем, кто имеет какое-либо отношение к общению с носителями корейского языка и культуры и должно стать хорошо знакомым начинающим говорить

по-корейски студентам во избежание возможного межкультурного конфликта с носителями изучаемого ими языка.

Кроме определенного положения тела при произнесении вербальных формул общения комиксы также предоставляют возможность рассмотреть эмоциональное состояние героев. Для комиксов характерен кинематографический стиль повествования в виде драматических поз персонажей, где сюжет строится кадр за кадром, синхронно с диалогом героев или слов автора, что в целом позволяет проанализировать суть проблемы. Поскольку поведение носителя корейского языка и культуры оценивается по душевному вкладу в деятельность: «с социальной точки зрения для корейца более важными оказываются сердце и душа, чем поведение» [Квон, 2016, с. 111], а комиксы имеют свойство передавать через картинку легко узнаваемые эмоции, ассоциирующиеся с конкретной ситуацией общения [Еремина, 2015, с. 28], то с их помощью становится возможным считывание различных *эмоциональных образов героев*, причем *привязанных к конкретным коммуникативным ситуациям*. Эмоциональный мир личности во многом предопределен принятым в народе укладом бытия, национальными устоями, правилами и нормами, в которых формируется человек. Что касается носителей корейского языка и культуры, то вне зависимости от того, вступают ли они в вертикальные или горизонтальные отношения, они переживают эмоцию *чон* (), без изучения которой невозможно верное понимание социальных отношений в корейском обществе [Квон, 2016, с. 111]. Мимика — это индикатор эмоциональных переживаний, например, на *илл. 2* мы видим улыбающиеся лица дедушки и матери главного героя, их положительную реакцию на приветствие его друга, посетившего их дом. Из этого можно заключить, что вербальное и невербальное поведение гостя соответствуют конкретной ситуации этикетного общения, а обучаемому остается лишь только с помощью определенных упражнений помочь запечатлеть этот образ в долговременной памяти обучающихся.

Илл. 4. Корейская баня (по: [Чходын манхва матчхумшоп, 2005])

Здесь важно отметить, что *эмоции* в корейском комиксе передаются не только через различные выражения лица, что, как правило, отчетливо видно на рисунке, но и через: 1) *авторский текст* (*кхэбсён*; от англ. caption), вербально описывающий настроение персонажа (например, на *илл. 4* так описывается сомнение главного героя в том, что он, как и его дедушка, став взрослым, будет любить баню); 2) *форму филактера* (например, на *илл. 2* реплика главного героя помещена в зубчатый баллон / пузырь (*пхунгсон*; balloon), что передает его удивление); 3) *цветовое и графическое заполнение филактера* (например, на *илл. 2* ярость домашнего питомца выражается красным цветом и объемными звукоподражательными словами, написанными нестандартным шрифтом); 4) *звуковые эффекты* (*хёгваым*; sound effects) (например, на *илл. 4* через дублирование звукоподражательного слова [Чо Гюбин, 1995, с. 261] *чхонбонг*; «бултых» передается удовольствие одного из героев комикса); 5) *фоновые эффекты* (*пэёнхёгва*; background effects) (например, на *илл. 2* напряженное внутреннее состояние главного героя передается пустым филактером с игольчатым контуром); 6) *скринтон* (*сыкхыринтхон*; screentone); 7) *тоновые эффекты* (*хёгва тхон*, tone effects) (например, на *илл. 2* напряженное внутреннее состояние главного героя передается насыщенным тоном пустого филактера). Внутреннее состояние персонажа может также передаваться фоном: для объяснения ситуации и мыслей героя оставляют только картинку (*илл. 5*). Следовательно, имея в виду необходимость усвоения обучающимися экстралингвистической информации, способствующей формированию **образов участников устно-речевого общения на корейском языке**, представляется важным учитывать три компонента изображения: 1) роль конкретного героя как его позицию в трехчленной формуле дифференциации потенциального собеседника, относительно которой он выстраивает свое вербальное поведение; 2) положение тела персонажа, с помощью которого герой сопровождает вербальные формулы общения; 3) эмоциональное состояние персонажа.

Илл. 5. Пример кадра для передачи настроения персонажа (по: [Чходын манхва матчхумппоп, 2005])

Илл. 6. Семейный совет
(по: [Чходын манхва матчхумппоп, 2005])

Как уже упоминалось, для эффективного осуществления устно-речевого общения на корейском языке важной также представляется визуализация места общения, что возможно с помощью использования комикса в обучении. Для формирования **образа места действия героев ситуации общения** можно использовать «панорамный кадр» [Петрова, Степанова, 2005, с. 48], считающийся смысловым фрагментом комикса. Его целью является создание атмосферы места действия. Как правило, такой кадр представляет собой изображение места события. Помимо раскрытия условий общения (место, время и т. п.) для русскоязычных обучающихся подобные изображения характеризуются высокой экстралингвистической информативностью за счет передачи того, что происходит в “закрытых” для них местах. Например, инофонам становится понятно, чем отличается корейская баня () от русской (илл. 4) или как происходит семейное общение носителей корейского языка и культуры (илл. 6).

Таким образом, использование корейского комикса в обучении способствует формированию фоновых знаний: комикс, являясь одним из аутентичных источников экстралингвистической информации, складывающейся, прежде всего, вокруг коммуникативной ситуации общения, помогает формированию этикетных образов участников устно-речевого общения на корейском языке, включающих сочетание вербального, поведенческого и эмоционального компонентов, а также образов места действия участников устно-речевого общения на корейском языке.

Литература / References

- Анисимова Е. Е. *Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов)*. М., 2003 [Anisimova E. E. *Text Linguistics and Cross-Cultural Communication (Based on Creolized Texts)*. Moscow, 2003 (in Russian)].
- Анисимова Е. Е. Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов). *Вопросы языкознания*. 1992. № 1. С. 71–78 [Anisimova E. E. Paralinguistics and Text (To the Problem of Creolized and Hybrid Texts). *Voprosy yazykoznaniiya*. 1992. 1. Pp. 71–78 (in Russian)].
- Анищенко А. В. Комикс как тип видео-вербального дискурса. *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. 2009. № 559. С. 116–122 [Anishchenko A. V. Comics as a Type of Video-Verbal Discourse. *Vestnik Moskovskogo Gosudarstvennogo Lingvisticheskogo Universiteta*. 2009. 559. Pp. 116–122 (in Russian)].
- Воронина Л. А. Роль фоновых знаний в речевом общении (носителей русского и корейского языков). *Вестник СПбГУ. Серия 9*. 2009. Вып. 4. С. 48–56 [Voronina L. A. Role of Background Knowledge in Speech Communication (Native Speakers of Russian and Korean Languages). *Vestnik SPbSU. Series 9*. 2009. 4. Pp. 48–56 (in Russian)].
- Григорьева Н. Ю. Теория коммуникации и информации в комиксе. *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2010. С. 116–118 [Grigorieva N. Yu. Theory of Communication and Information in Comics. *Actual Problems of Modern Science, Technology and Education*. 2010. Pp. 116–118 (in Russian)].
- Еремина А. С. Комиксы как средства формирования коммуникативной компетенции при обучении иностранному языку на среднем этапе. *Ученые записки Национального общества прикладной лингвистики*. 2015. № 4 (12). С. 26–30 [Eremina A. S. Comics as a Means of

- Formation Communicative Competence at Teaching a Foreign Language at the Middle Stage. *Academic Notes of the National Society of Applied Linguistics*. 2015. 4 (12). Pp. 26–30 (in Russian)].
- Иванова Е. А. Формирование навыка креативного высказывания на основе креолизованного текста. *Педагогические науки*. 2019. № 8 (141). С. 69–74 [Ivanova E. A. Formation of the Skills of Creative Statements on the Basis of a Creolized Text. *Pedagogical Science*. 2019. 8 (141). Pp. 69–74 (in Russian)].
- Иванова Е. А., Хоменко А. Б. Обучение письменной речи на основе креолизованных текстов. *Поколение будущего: Взгляд молодых ученых–2019*. Т. 2. С. 54–59 [Ivanova E. A., Khomenko A. B. Teaching of Written Speech Based on Creolized Texts. *Generation of the Future: The View of Young Scientists–2019*. Vol. 2. Pp. 54–59 (in Russian)].
- Квон Джунтак. Мир корейской эмоциональности как психологический источник национальной театральной культуры. *Теория и история искусства*. 2016. № 2 (61). С. 109–114 [Kwon Juntack. The Universe of the Korean Emotionality as a Psychological Source of the National Theatrical Culture. *Theory and History of Art*. 2016. 2 (61). Pp. 109–114 (in Russian)].
- Лазарева О. В. Перспективы сближения визуальных исследований и культурологии. *Человек. Культура. Образование*. 2019. № 3 (33). С. 54–69 [Lazareva O. V. Perspectives of Convergence of Visual Research and Cultural Studies. *Man. Culture. Education*. 2019. 3 (33). Pp. 54–69 (in Russian)].
- Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросс-культурную психологию. М., 1999 [Lebedeva N. M. *Introduction to Ethnic and Cross-Cultural Psychology*. Moscow, 1999 (in Russian)].
- Малышева Т. С. Обучение студентов I курса монологической речи на основе иноязычных комиксов. *Вестник НГЛУ. Межкультурная коммуникация и обучение иностранным языкам. Актуальные проблемы образования*. 2015. № 30. С. 99–106 [Malysheva T. S. Teaching Students of the First Year Monologue Speech on the Basis of Foreign-language Comics. *Vestnik NGLU. Intercultural Communication and Foreign Language Teaching. Current Problems of Education*. 2015. 30. Pp. 99–106 (in Russian)].
- Мартынова А. Г. Формирование визуальной грамотности как компонента иноязычной коммуникативной компетенции. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*. 2017. 4 (30). С. 133–139 [Martynova A. G. Formation of Visual Literacy as a Component of Foreign Language Communicative Competence. *Science of Man: Humanitarian Research*. 2017. 4 (30). Pp. 133–139 (in Russian)].
- Мошкина М. А. Текстовая презентация экстралингвистической информации в сочинениях учащихся о родном крае. Автореф. дисс. ...канд. пед. наук. Екатеринбург, 2012 [Moshkina M. A. *Text Presentation of Extralinguistic Information in the Writings of Students about Their Native Land*. PhD Pedagogical Theses. Yekaterinburg, 2012 (in Russian)].
- Мундриевский Е. В. Использование комиксов в обучении чтению на уроках английского языка. *На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания*. 2018. № 3 (12). С. 109–113 [Mundrievsky E. V. Using of Comics at Reading Teaching in English. *At the Intersection of Languages and Cultures. Current Issues of Humanitarian Knowledge*. 2018. 3 (12). Pp. 109–113 (in Russian)].
- Петрова С. И., Степанова З. Б. Японский комикс как тип текста (категория информативности). *Вестник ЯГУ*. 2005. Т. 2. № 4. С. 47–51 [Petrova S. I., Stepanova Z. B. Japanese Comics as a Text Type (Category of Informativeness). *Vestnik YSU*. 2005. 2.4. Pp. 47–51 (in Russian)].
- Пранцова Г. В., Романичева Е. С. Современные стратегии чтения: теория и практика. *Смысловое чтение и работа с текстом*. М., 2015 [Prancova G. V., Romanycheva E. S. *Modern Reading Strategy: Theory and Practice. Semantic Reading and Working with Text*. Moscow, 2015 (in Russian)].
- Самсонов Д. А. *Корейский этикет: опыт этнографического исследования*. СПб., 2013 [Samsonov D. A. *Korean Etiquette: Experience of Ethnographic Research*. Saint Petersburg, 2013 (in Russian)].

- Силантьева В. А., Топильский Д. Н. Комикс как полисемический носитель информации. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2001. № 3.3 (23). С. 70 [Silantieva V. A., Topilsky D. N. Comics as a polysemic media. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Series: Humanitarian Sciences*. 2001. 3.3 (23). P. 70 (in Russian)].
- Скорбатюк И. Д. *Стилистика корейского языка*. М., 1980 [Skorbatyuk I. D. *Stylistics of the Korean Language*. Moscow, 1980 (in Russian)].
- Столярова Л. Г. Анализ структурных элементов комикса. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2010. № 1. С. 384–389 [Stolyarova L. G. Analysis of Structural Elements of the Comic Book. *Izvestija Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Humanities*. 2010. 1. Pp. 384–389 (in Russian)].
- Тройникова Е. В. Дидактические принципы развития визуальной культуры студентов при формировании межкультурной компетенции. *Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты*. 2016а. Вып. 34. С. 116–119 [Troynikova E. V. Didactic Principles of Development of the Students' Visual Culture in the Formation of Intercultural Competence. *Foreign Languages: Linguistic and Methodological Aspects*. 2016а. 34. Pp. 116–119 (in Russian)].
- Тройникова Е. В. Исследование визуальной компетенции в дидактике межкультурной коммуникации. *Многоязычие в образовательном пространстве*. 2016b. № 8. С. 16–23. [Troynikov E. V. The Study of Visual Competence in Didactics of Intercultural Communication. *Multilingualism in the Educational Space*. 2016b. 8. Pp. 16–23 (in Russian)].
- Цой А. И., Гребенюк Е. Ф. Обучение иностранному языку с использованием мультфильмов и комиксов на современном этапе. *Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса*. 2018. Февраль № 1 (42). С. 278–282 [Tsoi A. I., Grebenyuk E. F. Teaching a Foreign Language Using Cartoons and Comics at Present. *Business. Education. Right. Bulletin of the Volgograd Institute of business*. 2018. February. 1 (42). Pp. 278–282 (in Russian)].
- Чернышкова Н. В. Технология использования комиксов при обучении иностранному языку. *Теория и практика иностранного языка в высшей школе*. 2016. № 12. С. 167–174. [Chernyshkova N. V. Technology of Using Comics in Teaching a Foreign Language. *Theory and Practice of a Foreign Language in Higher Education*. 2016. 12. Pp. 167–174 (in Russian)].
- Чо Гюбин. *Когёмунбоп чхасеупseo* [.] (Самоучитель по грамматике для старшей школы). Сеул, 1995 [Cho Gyu-bin. *Kogyo munbop chauseupseo* [.] (Self-help grammar book for high school). Seoul, 1995 (in Korean)].
- Чходын манхва матххумппон (Гано пхён) [()] (Элементарная орфография в комиксах (Раздел слов)). Сеул, 2005 [Elementary Orthography in Manhwa. Seoul, 2005 (in Korean)].
- Яковлева В. В. О функциях комикса в образовательном дискурсе. *ГЕРМАНИСТИКА: NOVA ET NOVA. Материалы Второй международной научно-практической конференции*. 2019. С. 428–432 [Yakovleva V. V. About the Functions of Comics in Educational Discourse. *GERMANISTICS: NOVA ET NOVA Materials of the Second International Scientific and Practical Conference*. 2019. Pp. 428–432 (in Russian)].

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ПЕРЕДАЧИ ЭКСПЕРИЕНТИВНО-АВТОРЕФЕРЕНТНОГО СОСТОЯНИЯ В АРАБСКОМ ЯЗЫКЕ (НА КОРПУСНОМ МАТЕРИАЛЕ)

© 2020

В. В. Шеремет*

Семантическая категория «состояние» (далее — «состояние») является фундаментальной универсальной категорией языка. Один из вариантов ее реализации — экспериментивно-авторереферентный — обозначение своего состояния самим говорящим. Особенности его вербализации в арабском языке остаются до сих пор не исследованными. Их изучение в данной работе проводилось на материале 170 арабских выражений, отобранных по принципу эквивалентности русским выражениям с дативно-предикативными конструкциями (далее — ДПК) «мне стыдно» из параллельных корпусов. В контрасте и сравнении с ними в арабском языке было выявлено две основных конструкции, вербализирующих рассматриваемую семантику: 1) «ʃaʃara + bi + N» (38 % элементов выборки), где субъект имплицирован в аффиксе глагола, а его экспериментивное «состояние» передается при помощи косвенно-переходного глагола «ʃaʃara» — «чувствовать» в сочетании с различными именами «N», семантически эквивалентными лексеме «стыд» или схожими с ней: «alʔistija:ʔu», «alʔihra:zu», «alʃa:ru», «assu:ʔu», «alʔharazu», «alxazalu» и др.; 2) «PronОдуш + Part1/2И.п.» (29 % выборки), где субъект — личное местоимение «Pron» в первом лице (раздельное или слитное), выступающее в роли подлежащего в главной или придаточной (после частицы «ʔanna») клаузе. А экспериментивность его «состояния» передается причастием «Part1» или квазипричастием «Part2», которые выступают в роли именного сказуемого. Также наряду с ними наблюдаются различные минорные способы вербализации данной семантики типа метафорического переноса когнитивной схемы предлога «ʃala:» с импликацией «состояния» в подтексте, использования модели начальной формы глагола первой породы «ʃaʃila», безличной конструкции с лексемой, обозначающей эмоцию.

Ключевые слова: русский язык, арабский язык, дательный падеж, предикатив, параллельный корпус.

Для цитирования: Шеремет В. В. О некоторых особенностях передачи экспериментивно-авторереферентного состояния в арабском языке (на корпусном материале). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 3. С. 345–353. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-345-353

* Виталий Владимирович ШЕРЕМЕТ, преподаватель кафедры восточной филологии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Симферополь; sheremetvitaliy@gmail.com

Vitaliy V. SHEREMET, Professor of Arabic language and literature at the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol; sheremetvitaliy@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-8672-586X

ON SOME FEATURES OF TRANSMISSION OF EXPERIENTIVE SELF-REFERENCE STATE IN THE ARABIC LANGUAGE (ON THE BASE OF CORPORA MATERIAL)

Vitaliy V. Sheremet

The semantic category “state” (hereinafter referred to as “state”) is a fundamental universal category of language. One of the options for its implementation is an experientive-self-referential one — a designation of one’s condition by the speaker himself. The features of its verbalization in Arabic remain unexplored. Their study in this article was provided on the material of 170 Arabic expressions, sampled on the basis of equivalence to Russian expressions with dative-predicative constructions (hereinafter referred to as “DPC”) “мне стыдно” from the parallel corpora. In the contrast and comparison with them in Arabic language there were distinguished two main constructions, which verbalize semantics in question: 1) «faʿara + bi + N» (38 % elements of sample), where the subject is implicated in the affix of the verb, and its experientive “state” is transmitted by means of transitive verb with indirect object «faʿara» — «to feel» with different nominals «N», equal on the semantic level to the lexeme “стыд” or familiar to it: «alʔistija:ʔu», «alʔihra:ʔu», «alʕa:ru», «assu:ʔu», «alharazu», «alxazalu» etc.; 2) Pron^{Anim} + Part1/2” (29% of the sample), where the subject is personal pronoun “Pron” in the first face (fused or separate) in the role of subject in main or subordinate (after particle “ʔanna”) clause. And its experientive “state” is transmitted by participle “Part1” or quasi-participle “Part2”, which are represented in the role of nominal predicate. Also, along with them, various minor methods are observed, such as a metaphorical transfer of the cognitive scheme of the preposition “ʕala:” with the implication of “state” in the subtext, the use of a transfix of the initial form of the verb with the basic form “faʕila”, an impersonal construction with a lexeme, denoting emotion.

Keywords: Russian language, Arabic language, dative, predicative, parallel corpora.

For citation: Sheremet V. V. On Some Features of Transmission of Experientive Self-Reference State in the Arabic Language (On the Base of Corpora Material). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 3. Pp. 345–353. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-345-353

Внеязыковая ситуация эпистемической оценки своего состояния — важный элемент социального взаимодействия, но в случае арабского языка вопрос ее вербализации остается неизученным. Это предопределило в качестве цели исследования выявление особенностей передачи в арабском языке «состояния» (в настоящей статье — стыда) на примере одного из его выражений — экспериментивно-автореферентного.

Для достижения цели потребовалось решение следующих задач:

- 1) выявить статистически наиболее частотный способ вербализации экспериментивного, автореферентного состояния стыда в русском языке и найти изоморфные проявления в арабском языке;
- 2) провести компонентный, контрастивный и сопоставительный анализы полученных эквивалентных пар.

Инструментом исследования послужили «Национальный корпус русского языка» (НКРЯ), грамматически размеченный «Экспериментальный русско-турецко-арабский параллельный корпус» и мультязыковое корпусно представленное собрание двуязычных текстов (таких, как переводы субтитров, документы международных организаций), находящихся в открытом доступе, — “Glosbe.com”, в качестве

вспомогательных использовались собрание толковых словарей арабского языка и арабско-русский словарь Х. К. Баранова. В качестве материала работы было использовано 170 выражений на арабском языке, отобранных по принципу эквивалентности ДПК «мне стыдно» из параллельных корпусов. К полученной выборке применялись компонентный, контрастивный, сопоставительный анализ, метод лингвистического эксперимента.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ИССЛЕДОВАНИЯ

Когда носитель русского языка хочет описать свое состояние, он может использовать для его вербализации различные конструкции:

- **номинативно-глагольные:** 1) **трехкомпонентные с глаголом «чувствовать»:** «Pron^{И.п.} + V + N» — «я чувствую стыд»; 2) **двухкомпонентные с возвратным постфиксом:** «я стыжусь»; 3) **двухкомпонентные с сентенциальным актантом,** являющимся предикативом — гибридной грамматически сходной с наречием частью речи, формирующейся из особых лексических групп: «стыдно, что я...» [Летучий, 2011];
- **дативно-предикативные,** в которых функция сказуемого передается предикативу, а окончательная объективация семантически контролируемой автореферентности (квантификации ситуации только по субъекту [Циммерлинг, 2020]) и экспериментивности «состояния» субъекта достигается при помощи постановки подлежащего в дательный падеж [Апресян, 2010; Сердобольская, 2014; Циммерлинг, 2015; 2017].

Для отбора наиболее статистически релевантных для русского языка конструкций было решено обратиться к материалу НКРЯ. Ими стали автореферентные дативно-предикативные конструкции типа «Pron^{Д.п.} + предикатив с финалью “-о”», представленные выражением «мне стыдно» и «мне было стыдно», встречающиеся в 9 и более раз чаще по сравнению с другими способами выражения экспериментивного автореферентного «состояния» (699 точных вхождений по сравнению с 74 для «я стыжусь» и с 4-мя вхождениями для «стыдно, что я...», одним вхождением для «я чувствую стыд» и отсутствием вхождений с коррелятивным словом «это»). В выборке по данной конструкции также учитывались и выражения со вспомогательным глаголом типа «мне было стыдно» в связи с тем, что автореферентность понимается в работе как дейктичность высказывания не только текущему состоянию [Циммерлинг, 2020], но и прошлым состояниям индивидуума.

АНАЛИЗ АРАБСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ ВЫБОРКИ

Проследим семантико-синтаксическую специфику арабских аналогов дативно-предикативных конструкций.

1) Наиболее частотная из рассмотренных стратегий — передача моделью «ʃaʃara + bi + N», которая используется в 38 % элементов выборки, где «ʃaʃara» — глагол «чувствовать», «N» — это широкий ряд синонимичных или близких по смыслу средств передачи лексемы «стыд», наблюдаемых в выборке: «alʔistija:ʔu», «alʔihra:zu», «alʃa:ru», «assu:ʔu», «alħarazu», «alħazalu», например «ʃaʃartu bilħazali» (досл.: «Я чувствовал стыд»). В редких случаях глагол «ʃaʃara» заменяется на синоним с более широким семантическим значением «ħassa» — «ощущать» (два случая из 65) либо на масдар (отглагольное

существительное) «fuṣu:run» — «ощущение» (1 случай — «Я не люблю, когда мне стыдно» — «ʔana: la ʔuhibbuṣṣuṣu:ra biṣṣu:ʔi» [досл.: «Я не люблю ощущение огорчения»]).

Субъект испытываемых эмоций, в свою очередь, в этой конструкции имплицирован в аффиксной структуре глагола. При этом возможен переход субъекта и предиката из главной клаузы в придаточную, а в главной остается только имя-характеристика: «Но мне стыдно было, [что я потерял ее деньги, саблю отца и пистолеты...]» — «wa lakinalxaza: allazi: ʔaṣṣuru bihi [lixasarati: ma:laha wa saṣja wa:lidi: wa musaddasat]» (досл.: «но стыд, который я чувствовал...»).

Таким образом, эта структура соответствует наименее частотной русской номинативно-глагольной трехкомпонентной конструкции, в которой автореперентная экспериментивность достигается за счет постановки первого актанта в именительный падеж и наличия предиката — глагола, вторым актантом которого выступает имя-характеристика. Передача «состояния», соответственно, делегируется сочетанию «предикат (ментальный процесс) + актант² (характеристика)».

2) Вторая по частотности модель «Pron+Part1/2^{И.п.}» (29 % выборки) состоит из личного местоимения «Pron» в именительном падеже (в раздельной или в слитной форме в главной клаузе после частицы «ʔinna» или в придаточной клаузе после частицы «ʔanna») и сказуемого, выраженного причастием («Part1») или квазипричастием («Part2») в именительном падеже: «мне стыдно [говорить об этом]» — «ʔana: muḥriṣun [liqawli ḍalika]», «мне стыдно [за него]» — «ʔinni: muxzi: [minhu]» (досл.: «я стыдящийся [за него]»). Таким образом, эта модель на морфосинтаксическом уровне строится как простое именное предложение и не имеет точного соответствия в русском языке. Несмотря на то, что в арабской грамматике не рассматривается возможность экспериментивного значения именительного падежа [Гранде, 2001], контрастивный анализ показывает связь с его кодировкой. Однако в связи с большей, чем в русском языке, вовлеченностью арабских предикатов в «процесс» (как в случае с пресуппозитивной семантикой причастий и квазипричастий), семантической склонностью именительного падежа к агентивизации актанта и импликации субъектов в глаголе, кажется более точным описывать их семантику как агентивно-экспериментивную (в которой экспериментер имеет внутреннюю предрасположенность к действию) или говорить об экспериментивности арабского выражения в целом.

Каким же образом становится возможным подключение к этой модели семантики автореперентного экспериментивного «состояния»? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо проанализировать компоненты семантики русской дативно-предикативной структуры в сопоставлении со структурой полного предложения, выражающей то же значение. Так, можно наблюдать, что в полном предложении «состояние» выстраивается из компонентов: «ментальный процесс», выраженный глаголом, и «характеристика», выраженная именем. При отсутствии глагола за счет изменения частеречной принадлежности и смещения «характеристики» («свойство» + «постоянство») в функциональное поле сказуемого ее пресуппозитивный аспект — «постоянство» — заменяется на аспект «процесса», «временности», чего оказывается достаточно для формирования семантической категории «состояние» («свойство в процессе», «временное свойство»). Дополнительно к этому требуется нарушение корреляции «подлежащее — именительный падеж», т. к. иначе достижение

автореферентности ограничено определенным лексическим кругом и требует наличия глагольного antecedента.

В именительном падеже арабского языка нет экспериментивного значения (о чем свидетельствуют грамматические справочники), так же, как и нет его в синтаксической структуре простого предложения. Но в параллельных корпусах подобное предложение дается в качестве эквивалента дативно-предикативной конструкции, значит, экспериментивность субъекта «состояния», а также «состояние» имплицитно реализуются на другом языковом слое.

Вопрос с «состоянием» проясняется в разделе арабской грамматики, посвященном словообразованию. Арабский язык поддерживает трансфиксное словообразование, и трансфикс (фиксированная последовательность и качество гласных букв и количество согласных) причастия или квазипричастия рассматривается в арабском языкознании как «имя действующего», т. е. фактически эти трансфиксы выступают грамматической константой пресуппозитивного значения — «свойство в процессе» (или «нахождение в состоянии», «именование через действие»), в котором и кодируется экспериментивное состояние. Объективация автореферентности реализуется в личном местоимении (как в раздельном, так и слитном) в именительном падеже. Например, модель причастия «fa:ʕilun»: «даже мне стыдно ...» — «ʕatta: ʔana: ha:ʔiratu», модель квазипричастия «faʕlanun»: «мне стыдно [за то, что я сделала]» — «ʔana haʕla:nun [mimma: qultuhu]», модель квазипричастия «faʕilun»: «мне стыдно признать» — «ʔana haʕilun minalʔiʕtiraʕi».

3) Третьим по количеству реализаций в выборке является использование контекста, при передаче в котором экспериментивное «состояние», как правило, не сохраняется. Также здесь зачастую наблюдается гипонимический скачок в семантическое поле другой леммы, связанный с ошибкой или определенными интенциями переводчика, которые ввиду отсутствия доступа к широкому контексту выражения не могут быть точно определены: «Мне стыдно даже показать...» — «ʔinna ʔatazannabulʕa:ra fi: ʔidʕha:ri ʕala: ma:da:...» (досл.: «я сторонюсь позора в показывании, что...»), «Мне стыдно [за тебя]...» — «ʔuʕfiq ʕalajka» (досл.: «я соболезнаю тебе»).

Несмотря на то, что передача в контексте преимущественно не поддается систематизации, мы можем выделить ряд низкочастотных моделей и классификаций. Так, в ряде случаев наблюдается перевод антонимическими конструкциями (с частицей «не»), что ведет к утрате исходного лексического значения. Используется трансфикс квазипричастия: «[Слушай, я сделала то, за что] мне стыдно» — «ʔndʕur, laqad faʕaltu ʔaʕja:ʔa lastu fuxuratan [biha]» (досл.: «я не являюсь гордящейся»).

Один из минорных представителей контекстной передачи — достаточно любопытная модель с расщеплением референции «N + V + Pron^{Прит.} + N», в которой характеристика субъекта «Pron^{Прит.} + N» и ее предикация «N + V» принадлежат разным субъектам: «[Если она посмотрит на меня, она поймет, что] мне стыдно» — «[law naʕarat li:] sawfa taʕrifu ʕa:ri:]» (досл.: «...она узнает мой позор»).

В отдельную группу по лексическому признаку можно выделить стратегию со смещением предиката по смысловому полю в сторону семы «сожаления», передаваемой корнем «ʔsb», с которым встречается реализация различных моделей: 1. «faʕara+bi+N»: «Мне стыдно [что я так к вам относился]» — «ʔaʕuru bilʔasafi [ʕala: tʕʕari:qatillati: ʕa:maltuka biha:]»; 2. «Pron+Part1/2^{И.п.}»: «Послушай, мне стыдно за вчерашний вечер» —

«ʔismaʕi:, ʔna: a:sifun biʃaʔni lajlalilba:rihati»; 3. «V+Pron», в которой «V» содержит семантику каузатора и каузации, а «Pron» — семантику объекта: «мне и стыдно говорить это...» — «juʔsifuni ʔan ʔaqla ʔinni...»; 4. «Part1+ʔan+Pron» — синтаксическое смещение «состояния» в главную клаузу, а экспериментера — в придаточную: «Мне стыдно [но я ни разу не смог увидеть этого до краха]» — «muʔsifun ʔanni [lam ʔaraha qablalʔinhija:r]».

4) Четвертая по частотности стратегия представлена моделью «V+Pron», в которой «V» — это смысловой глагол, образованный от корня «хазила» по трансфиксной парадигме 4-й породы, выступающий в качестве сказуемого. «Pron» — слитное местоимение, выступающее в функции прямого дополнения, например: «И мне стыдно за это» — «wa ha:ða: juʔziluni» (досл.: «и это стыдит меня»). При этом «состояние» изменяется на «объект».

5) Следующая по частотности конструкция — «ka:na + Pron + Part1/2^{Б.п.}» — используется в случае передачи дейктивности автореферентности событиям в прошлом (так как нулевая связка и имена в арабском языке не могут объективировать события, произошедшие в прошлом, в предложение вводится вспомогательный глагол). Появление глагола влечет за собой морфологическое изменение управляемого имени: оно ставится в винительный падеж. Способ передачи экспериментивного состояния такой же, как и во второй стратегии (причастия и квазипричастия): «Мне было стыдно» — «kuntu muʔriʔan»; также в выборке встречается редкая (всего два экземпляра), но строящаяся по тому же принципу модель «laisa + Pron + Part1/2^{Б.п.}», используемая для отрицания в настоящем времени: «Но нет. Мне не стыдно» — «lakin kalla: lastu hazilan». Экспериментер имплицитно в аффиксе первого лица бытийных глаголов.

6) Ниже по частотности использования в выборке располагается модель «N^{неодуш.}/Pron^{указ.}+Part1/2^{И.п.}», в которой в отличие от второй модели лицо заменяется на указательное местоимение («ha:ða») или на неодушевленное существительное («alʔamru»): «Мне очень стыдно» — «ha:ða fiʃlan muʔriʔan» (досл.: «это действительно стыдно»). Способ передачи автореферентной экспериментивности и «состояния» остается таким же, как и во второй стратегии, однако утрачивается автореферентность.

7) Модель «N^{И.п.} + ʕalejja» представлена в выборке только двумя элементами, но в ней происходят любопытные процессы. В качестве примера рассмотрим выражение «как мне стыдно» — «ʕa:run ʕalejja» (досл.: «позор на мне»). Подлежащее в нем выражено лексемой из общей со «стыдом» гипонимической плоскости, т. к. обе могут быть возведены к общему гиперониму, но для замещения нулевой связки не наблюдается ни глагола, ни причастия, появляющихся в предыдущих моделях, — есть только предлог с основной семантикой «расположение на поверхности» и слитное личное местоимение «я». Соответственно, основная роль в передаче семантики «состояния» и автореферентной экспериментивности оказывается возложенной на предлог. Объяснить этот феномен с точки зрения лексического значения не удастся: наблюдаемые в словаре контексты описывают физическое местонахождение на какой-либо поверхности и не могут быть в этом случае соотнесены с эмоциональной сферой субъекта и его автореферентным обозначением ситуации. Равно как и не дают ответа о принципах построения данной конструкции и грамматические справочники. Найти выход позволяет когнитивная теория метафоры, в рамках которой предлоги рассматриваются в контексте их употребления в виде топологических схем, допускающих возможность их метафорического переноса. Построенная таким образом схема предлога «ʕala:» «X

находится на Y», используемая первоначально для описания физического процесса, может быть при помощи механизма метафоры перенесена в ментальную область и описывать экспериментивную автореферентность, в случае если X — лексема эмоции и Y — местоимение первого лица. При этом процессуальный аспект «состояния» не находит своего эксплицитного проявления и восстанавливается только из подтекста.

8) Интересной представляется модель «сентенциальный актант + ?an + V», где «minal?ihrazi ?an» — сентенциональный актант с союзом «?an» — «Мне стыдно находиться рядом с ним» — «minal?ihrazi ?an ?akuna biza:nibih» (досл.: «стыдно, что я есть рядом с ним»), в которой «состояние» передается безличным сентенциальным актантом, а экспериментер имплицитруется в глаголе и перемещается в придаточную клаузу.

9) Наименее распространена среди наблюдаемых стратегий модель, синтаксически состоящая из одного элемента, «V»: «мне стыдно» — «?axzalu» — «Мне стыдно за то, что я делал, когда жил там» — «?anni ?axzalu mimma: fafaltuhu findama: rahaltu min huna:». Попробуем проанализировать ее на предмет наличия скрытой семантики «состояния» и автореферентной экспериментивности. Прежде всего необходимо отметить, что любой арабский глагол содержит лицо, соответственно, личное местоимение «я» уже представлено в форме глагола «?axzala», имплицитировано в виде аффикса «?a» «أ». Однако можно сказать, что оно находится (что можно проверить лингвистическими трансформациями) в именительном падеже, соответственно, не может нести дополнительных, не свойственных именительному падежу пресуппозиций и только обозначает лицо субъекта. Каким же образом реализуется автореферентность и экспериментивность состояния данного лица? Данный глагол образован по трансфиксной модели первой породы. Ее семантика не дает однозначного ответа на вопрос, возможна ли в ней реализация экспериментивности. Обращение к лексическому значению, зафиксированному в арабско-русском словаре, показывает, что среди эквивалентов первой породы глагола «хазила» указывается лексема с возвратным постфиксом «-ся» «стыдиться», который в трактовке грамматики предполагает семантику «направленности действия на себя», «автокаузации», что, учитывая обязательное наличие в арабском глаголе лица, коррелирует с экспериментивностью и автореферентностью. Семантика «состояния», в свою очередь, раскрывается при первом взгляде на лексическом уровне. Однако при более глубоком анализе в арабском языке обнаруживается ее вторичность по отношению к пресуппозитивной семантике трансфикса исходного корня, уже на базе которого выстраивается потенциальная возможность появления автореферентной экспериментивности и семантики «состояния». Так, обращение к словарям показывает, что начальная форма арабского глагола «стыдиться» — «хазила» — основана на трансфиксной модели «fa?ila», а образованные по данной модели глаголы первой породы имеют в пресуппозиции значение процесса, свойства, постоянного качества, т. е. в совокупности с лексическими переменными могут подразумевать семантику различных «состояний».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из проведенного исследования следует два вывода.

Основной источник формирования автореферентного, экспериментивного «состояния» в арабском языке — это пресуппозитивная семантика причастных («fa:ʕilun»

и др.) и квазипричастных трансфиксов имен («faʃilun», «faʃlanun» и др.), обозначающих эмоции, либо лексическое значение слова «чувствовать» — «ʃaʃara» с лексическими переменными различных характеристик, раскрывающих, что именно чувствует говорящий. Субъект от них, как правило, графически сепарирован и находится в именительном падеже. Редкими способами кодирования рассматриваемой семантики являются метафорический перенос когнитивной схемы предлога «ʃala:» вместе с подтекстом выражения, трансфикс начальной формы глагола первой породы «faʃila», безличная конструкция с лексемой, обозначающей эмоцию.

При переводе ДПК на арабский язык, как правило, исходная семантика сохраняется (6 моделей из 9), в трех моделях, в которых она растворяется, это происходит, как правило, из-за гипонимических скачков предиката из поля лексико-семантической эквивалентности, антонимических смещений, использования трансфиксов с пресуппозицией, не коррелирующей с «состоянием», изменения порядка слов, выводящего экспериенсер в объектную позицию.

Продолжение данного исследования видится в проверке объяснительной силы выявленных моделей на других предикативах с финалью «-о», предикативах других классов с целью построения более полной картины особенностей передачи экспериментивно-автореферентного состояния в арабском языке, поиске коммуникативных стратегий выбора той или иной модели с целью дальнейшего использования их в предпрограммной обработке.

Литература / References

- Апресян Ю. Д. *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. М., 2010 [Aprésyan Yu. D. *Theoretical Problems of Russian Syntax: The Interaction of Grammar and Vocabulary*. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Баранов Х. К. *Арабско-русский словарь*. М., 1977 [Baranov Kh. K. *Arabian-Russian Dictionary*. М., 1977 (in Russian)].
- Гранде Б. М. *Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении*. М., 2001 [Grande B. M. *The course of Arabic grammar in comparative historical coverage*. Moscow, 2001 (in Russian)].
- Дегтярева М. В. Частеречный статус предикатива: дис. докт. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык». М., 2007 [Degtyareva M. V. *Part of speech status of predicative: dissertation of doctoral: 10.02.01 "Russian language"*. Moscow, 2007 (in Russian)].
- Макаров А. К. Дативные отношения в скрытой грамматике: дис. канд. филол. наук: 10.02.04 «Германские языки». Воронеж, 2008 [Makarov A. K. *Dative relations in cryptotype: dissertation of cand. sci: 10.02.04 "German languages"*. Voronezh, 2008 (in Russian)].
- Поспелов Н. С. В защиту категории состояния. *Вопросы языкознания*. 1955. № 2. С. 55–65 [Pospelov N. S. In defense of the status category. *Voprosy yazykoznanija*. 1955. 2. Pp. 55–65 (in Russian)].
- Сикк А. Сопоставительный анализ русского дательного и эстонского падежей в системе семантико-синтаксического описания. *Тезисы докладов конференции по гуманитарным и естественным наукам. Русская филология*. 1988. С. 67–70 [Sikk A. Comparative analysis of the Russian dative and Estonian cases in the system of semantic-syntactic description. *Abstracts of reports of the conference on the humanities and natural sciences. Russian philology*. 1988. Pp. 67–70 (in Russian)].
- Ташдемир И. *Беспредложный датив в современном русском языке: семантический и функциональный аспекты: дис. канд. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык*. Новосибирск, 2006 [Tashdemir I. *Dative without preposition in modern Russian language : semantic and functional aspects: dissertation of cand. sci: 10.02.01 "Russian language"*. Novosibirsk, 2006 (in Russian)].
- Циммерлинг А. В. Автореферентность и классы предикатных слов. *Проблемы функциональной грамматики: Отношение к говорящему в семантике грамматических категорий*. СПб, 2020. С. 16–36.

- [Timmerling A. V. Auto-reference and classes of predicate words. *Problems of functional grammar: Attitude to the speaker in the semantics of grammatical categories*. Saint Petersburg, 2020. Pp. 16–36 (in Russian)].
- Шведова И. В. Функционирование дательного падежа в немецком и русском языках: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». М., 2011 [Shvedova I. V. *The functioning of the dative in German and Russian: dissertation of cand. sci.: 10.02.20 "Comparative-historical, typological and comparative linguistics"*. Moscow, 2011 (in Russian)].
- Бонч-Осмоловская А. А. Квантитативные методы в диахронических корпусных исследованиях: конструкции с предикативами и дативным субъектом. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Dialogue*. 2015. Т. 1. С. 92–102.

Электронные ресурсы / Electronic sources

- Валгина А. С. Современный русский язык. *Институт открытого образования*. 2002. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook107/01/part-112.htm> (дата обращения 05.04.2020).
- Летучий А. Б. Сентенциальные актанты: актанты или нет? *Научная электронная библиотека «Киберленинка»*. Труды института лингвистических исследований. 2011. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sententsialnye-aktanty-aktanty-ili-net> (дата обращения 12.05.2020).
- Многоязычный онлайн словарь *Glosbe*. URL: <https://glosbe.com/> (дата обращения 05.04.2020).
- Национальный корпус русского языка. URL: <https://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 05.04.2020).
- Сай С. С. «Дативный субъект» в конструкциях с предикативами на -о: присловная зависимость или компонент конструкции. *Институт лингвистических исследований российской академии наук*. URL: <https://www.iling.spb.ru/conf/rusconstr2011/pdf/Say.pdf> (дата обращения 05.04.2020).
- Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката. *Институт лингвистических исследований российской академии наук*. URL: https://www.iling.spb.ru/pdf/alp/alp_X_2.pdf (дата обращения 05.04.2020).
- Толковый словарь современного русского языка. *Словари, энциклопедии и справочники*. URL: <https://www.slovar.cc/rus/ushakov/> (дата обращения 05.04.2020).
- Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Дативные и сентенциальные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям. *Rbema. Научная электронная библиотека «Киберленинка»*. 2015. № 4. URL: <https://www.cyberleninka.ru/article/n/dativnye-i-sententsialnye-podlezhaschie-v-russkom-yazyke-ot-vnutrennih-sostoyaniy-k-obshchim-suzhdeniyam> (дата обращения 04.06.2020).
- Циммерлинг А. В. «Категория состояния» и значение состояния в славянских языках. *Academia*. URL: http://www.iling-ran.academia.edu/Departments/Sector_of_Typology/Documents?page=9 (дата обращения 05.04.2020).
- Циммерлинг А. В. Предикативы параметрического признака в русском языке. *Научная электронная библиотека*. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29206377> (дата обращения 05.04.2020).
- Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2017»*. *Dialogue*. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/3964/zimmerlingav.pdf> (дата обращения 05.04.2020).
- Щерба Л. В. О частях речи в русском языке. *Русский филологический портал*. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/shcherba-74d.htm> (дата обращения 05.04.2020).
- Экспериментальный параллельный русско-турецко-арабский корпус URL: <http://www.параллельныйкорпус.рф> (Дата обращения 05.04.2020).
- معجم عربي عربي URL: <https://www.almaany.com> (дата обращения 05.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-354-356

**ВСПОМИНАЯ ЩЕДРОГО ЧЕЛОВЕКА. ПАМЯТИ
АНАТОЛИЯ АКИМОВИЧА КУЦЕНКОВА (14.01.1929–01.08.2020)**

© 2020

Л. Б. Алаев*

**REMEMBERING A GENEROUS MAN. IN MEMORIAM
ANATOLY A. KUTSENKOV (January 14, 1929 — August 01, 2020)**

Leonid B. Alaev

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAEV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3514-7622

Иногда на жизненном пути нам встречаются люди, оставляющие глубокий след в душе на долгие годы: и когда они живут рядом, и тогда, когда уходят. Мы с Анатолием Акимовичем Куценковым не были друзьями в обыденном значении этого слова: не ходили друг к другу в гости, не поздравляли с днями рождения. Но мы были коллегами — в узком значении этого слова: мы занимались близкими проблемами, имели возможность подпитываться идеями друг друга, обмениваться несогласиями, в процессе дружеской критики расти в профессионализме.

В центре нашего внимания была каста, кастовая система, уникальность индийского социального строя. Я пришел к пониманию, как мне кажется, этой системы через изучение сельской общины, пытаюсь разгадать секрет прославленного в историографии феномена. Он, напротив, шел от политической функции касты к ее социальной сущности, и отсюда — к сельской общине. Мы неминуемо должны были встретиться на перекрестке взаимообусловленности этих двух институтов.

Логично, что он пригласил меня быть ответственным редактором его книги [Куценков, 1983], которая, по меньшей мере, возродила это направление в нашей науке, после того как импульс социологических исследований, заложенный в свое время еще Г. Г. Котовским [Касты в Индии, 1965], стал иссякать.

Я, в свою очередь, пригласил быть его официальным оппонентом моей докторской диссертации. Подчеркну еще раз, что мы расходились по некоторым базисным постулатам и выводам в сфере кастоведения, но оба опирались на солидный материал и уважали позиции друг друга. Когда я пришел в журнал, на его страницах велась инициированная им дискуссия вокруг моей статьи о формациях на Востоке. Уже в качестве главного редактора мне выпало ее прекращать, поскольку вопрос о формациях стал неактуальным.

В последние свои годы Анатолий Акимович нацелил свои исследования на проблемы формирования гражданского общества в Индии. Сначала вышли несколько статей, наметивших пути дальнейшего изучения этого фундаментального для всех других аспектов модернизации процесса. Я увидел в них «луч света». В монографии «Историография истории Индии» я сетовал на то, что изучение политического процесса в Индии «не приобрело необходимой системности», вместе с тем отмечая: «Мне представляется, что началом такого синтеза исторического, политологического и культурологического подходов, который даст более объемное представление о том, что происходит в Индии, могут стать статьи А. А. Куценкова» [Алаев, 2013, с. 446; 2019, с. 380]. В своей последней монографии [Куценков, 2017] он успел отчасти выполнить этот «наказ» младшего друга и коллеги.

Наши особые отношения получили новое развитие, когда меня назначили главным редактором журнала «Народы Азии и Африки», сместив с этого поста А. А. Куценкова. Предлогом для смещения, выставленным тогдашним директором ИВ АН СССР М. С. Капицей, стало то, что мол, «журнал не всегда отражает мнение Института»; предлог смехотворный, хотя бы потому «мнение Института» было никому неизвестно.

Надо сказать, что намерение «отставить» Анатолия Акимовича вынашивалось еще Е. М. Примаковым, прежним директором ИВ АН. Дело было все в том же — «излишняя» самостоятельность главного редактора журнала. Он не бегал к начальству

«советоваться» по каждому поводу. Но увольнять человека со скандалом тоже никому не хотелось.

А тут началась Перестройка, «демократизация» во всем, включая правила выборов начальства и соблюдения сроков пребывания в должности — и Анатолий Акимович попал под раздачу. Он этого не хотел. Он говорил мне, что полюбил работу по руководству журналом, что уже решил для себя, что «умрет на журнале». Административная карьера его не прельщала.

Ситуация толкала к конфронтации между нами, но я не добивался этой должности, а он не вымещал на наших отношениях свое естественное недовольство. Впрочем, его недовольство ситуацией все же проявлялось: после «смены караула» он в журнале не появлялся — не приходил и не предлагал свои материалы.

Для меня началась новая жизнь, которая продлилась 10 лет [Алаев, 2018]. Никакого представления о журнальной работе у меня не было. Зато был у меня предшественник Анатолий Акимович Куценков, который, несмотря на «насилованный» уход, был готов помочь.

Когда все процедуры, связанные с моим назначением, были совершены, он пригласил меня к себе домой, напоил кофе и подробно рассказал о том, что такое ритм журнальной работы, что должен делать главный редактор, чем занимается и чего стоит каждый из работников редакции. Этот его поступок был продиктован не только доброжелательностью по отношению ко мне, но и отеческим отношением к журналу. Это было его детище. Подобно тому, как Ломоносов когда-то сказал, что его нельзя отставить от Академии, можно только Академию отставить от него, так и Куценков не мыслил, что его можно отставить от журнала.

Получил я также от Куценкова и работоспособный, спаянный, дружеский коллектив. Весь журнальный конвейер был налажен, и я мог думать главным образом не о рутине производства, а о содержании работы, о *контенте*, как мы бы сейчас сказали.

Не обойдусь без пафоса. Анатолий Акимович оставил глубокий след в востоковедной науке. Но его борозда зарастет бурьяном, если никто ее не продолжит. Нас становится все меньше и меньше, а Индия предлагает все больше и больше загадок.

Литература / References

- Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М., 2013 [Alaev L. B. *Historiography of the History of India*. Moscow, 2013 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М., 2019 [Alaev L. B. *Historiography of the History of India*. Moscow, 2019 (in Russian)].
- Алаев Л. Б. Моя десятилетка в журнале. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 36–41 [Alaev L. B. My Decade in the Journal. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2018. No. 3. Pp. 36–41 (in Russian)].
- Касты в Индии*. М., 1965 [*Castes in India*. Moscow, 1965 (in Russian)].
- Куценков А. А. *Очерки гражданского общества в Индии*. Ч. I–III. М., 2017–2018 [Kutsenkov A. A. *Essays on Civil Society in India*. Parts I–III. Moscow, 2017–2018 (in Russian)].
- Куценков А. А. *Эволюция индийской касты*. М., 1983 [Kutsenkov A. A. *Evolution of the Indian Caste*. Moscow, 1983 (in Russian)].
- Куценков А. А. Как это было. *Вестник института востоковедения РАН*. 2018. № 3. С. 27–35 [Kutsenkov A. A. The Way It Was. *Vestnik Instituta Vostokovedenija RAN*. 2018. No. 3. Pp. 27–35 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-3-357-360

ПАМЯТИ СТАНИСЛАВА ИОСИФОВИЧА (РОБЕРТА) КУЧЕРЫ

(05.05.1928–28.07.2020)

© 2020

М. Е. Кузнецова-Фетисова¹

TO THE MEMORY OF STANISLAV I. (ROBERT) KUCZERA

(May 05, 1928 — July 28, 2020)

Marina E. Kuznetsova-Fetisova

¹ Марина Евгеньевна КУЗНЕЦОВА-ФЕТИСОВА, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; marinakuznfet@gmail.com

Marina E. KUZNETSOVA-FETISOVA, Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; marinakuznfet@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-0092-4428

2020 год оказался во многом странным и пугающим: эпидемия коронавируса, резкое изменение жизни по всему миру, карантин, болезни и смерть многих выдающихся людей.

Уход из жизни Станислава Иосифовича Кучеры, выдающегося китаиста и энциклопедически образованного ученого, не был связан с этими глобальными пертурбациями, но стал большой потерей и для науки, и для всех, кто его знал.

Станислав Иосифович Кучера родился 5 мая 1928 г. в городе Львове в Польше. Это было крайне тяжелое время: с 1939 г. Львов находился в зоне, оккупированной Советским Союзом, затем с 1941 г. — фашистской Германией. Станислав Иосифович всегда с теплом и благодарностью вспоминал своих учителей: сначала из школы в Львове, потом лицея имени Словацкого в Варшаве, и, конечно, своего научного руководителя Витольда Яблоньски (Witold Jabłoński, 1901–1957) в Институте востоковедения Варшавского университета (Instytut Orientalistyczny Uniwersytetu Warszawskiego), где он учился с 1947 по 1952 гг.² Степень магистра философии в области востоковедных наук Станислав Иосифович получил в 1952 г. за работу «Основы даосской философии».

В начале 1953 г. он был направлен для обучения в Пекинский университет. В Китае Станислав Иосифович жил до конца 1960 г. Помимо обучения, с 1958 по 1959 гг. он работал сначала преподавателем, а затем и руководителем кафедры польского языка и культуры Пекинского института иностранных языков. В 1960 г. Станислав Иосифович защитил диссертацию на тему «Классовая структура древнекитайского общества на основе материалов “Чжоу ли”»; работа была написана на китайском языке и подготовлена под руководством члена-корреспондента Академии наук КНР Чжан Чжэн-лана (張政烺, 1912–2005). Интерес к трактату «Чжоу ли» (周禮, «Установления Чжоу») ученый сохранил на всю жизнь: он много лет занимался переводом на русский язык этого памятника древнекитайской литературы, написал ряд статей по его материалам, и уже в XXI в. издал два первых тома с комментариями [Установления династии Чжоу, 2010; 2017].

В конце 1960 г. исследователь вернулся в Польшу, и с 1961 по 1966 гг. работал в качестве адъюнкта в Польском институте международных отношений (Polski Instytut Spraw Międzynarodowych).

Для продолжения научной работы в 1966 г. Станислав Иосифович переехал в Москву и с 1967 г. начал работать в отделе Китая Института народов Азии АН СССР (позднее Институт востоковедения сначала АН СССР, затем РАН). В 1981 г. ему была присвоена степень доктора исторических наук на основании монографии «Китайская археология 1965–1974 гг.: палеолит — эпоха Инь. Находки и проблемы». С 1988 по 2002 гг. он преподавал на Историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова, где на кафедре истории древнего мира подготовил несколько десятков специалистов по истории Древнего Китая³. В 1993 г. Станислав Иосифович стал членом Народной Академии России; в 1998 г. — академиком РАЕН.

² Подробнее о жизни Станислава Иосифовича Кучеры можно прочитать в интервью С. В. Дмитриеву: [Дмитриев, 2014, с. 178–218].

³ Станислав Иосифович был научным руководителем у 15 аспирантов и соискателей, из которых 2 стали докторами наук, 6 — кандидатами наук; в настоящий момент они работают в академических учреждениях России, Франции, Германии и Японии.

За свою долгую и продуктивную научную карьеру Станислав Иосифович написал девять монографий (несколько из них в соавторстве), более 350 статей и рецензий на русском, польском, французском и других языках. Две монографии и две статьи полностью готовы к печати и будут изданы в ближайшее время. Сфера его научных интересов простиралась от литературы и истории культуры до археологии Древнего Китая. Прекрасные переводы древнекитайских трактатов⁴ и эпиграфики выходили из-под его пера вместе с энциклопедическими трудами по археологии [Кучера, 1977; 1996], охватывающими всю доступную на момент издания литературу. Библиотека Станислава Иосифовича по истории, археологии и литературе Древнего Китая была одной из лучших в России, и именно благодаря его помощи начинали формироваться личные собрания книг многих его учеников.

Его путь дает пример удивительного творческого долголетия: несмотря на более чем 90-летний возраст, до последнего дня он трудился над своими исследованиями. Всю жизнь Станислав Иосифович заботился о физическом здоровье и интеллектуальной насыщенности своей жизни, и эти усилия, несомненно, принесли свои плоды — еще один прекрасный урок для всех, кто его знал. Неловко говорить об этом — поскольку любая смерть внушает священный трепет — но уход из жизни не на одре болезни, а во время прогулки после утренних занятий наукой кажется существенно более приемлемым вариантом по сравнению с абсолютным большинством других. Сам Станислав Иосифович писал об уходе из жизни своего учителя Витольда Яблонски в интервью С. В. Дмитриеву: «Он умер прекрасной смертью... Его привезли домой в Бэй-да⁵, где он сел за письменный стол, чтобы еще поработать, и умер поздно ночью. Сердечный приступ. Я считаю, что это прекрасная смерть! ...И, к тому же, без страданий» [Дмитриев, 2014, с. 194].

Станислава Иосифовича можно было с полным правом назвать гражданином мира. Уроженец города Львова в Польше, большую часть своей жизни — с августа 1966 г. — он провел в Москве; при этом не будет большим преувеличением сказать, что его мысли с ранней юности были заняты Китаем, преимущественно древним периодом его истории. Он знал ряд европейских языков и считал знание японского необходимым для уважающего себя синоведа — мнение обоснованное, но приводящее в уныние многих его студентов. Казалось, что новые знания ему даются очень легко даже в почтенном возрасте; конечно, за этим в реальности стояли годы и десятилетия постоянных интеллектуальных усилий, но, несомненно, любознательность и интерес к новому Станислав Иосифович пронес сквозь всю свою жизнь.

Представляется, что с этой интеллектуальной юностью может быть связано и еще одно качество пана Кучеры — его демократичность. Ему был чужд снобизм и чувство превосходства по отношению к студентам и к молодым ученым вообще; на занятиях он часто говорил, что нестандартные ответы учеников дают ему новые идеи. Мне запомнилось, как при обсуждении какой-то заурядной монографии с многочисленными фактическими ошибками Станислав Иосифович сказал, что эта книга вызывает эмоциональный отклик у читателя и стимулирует научный поиск; что это, может быть, даже более ценно, чем строго выверенная скучная правильность. Такое

⁴ «Шан шу» 尚書, «Гуань-цзы» 管子, «Ле-цзы» 列子, полный перевод трактата «Сяо цзин» 孝經 «Канон сыновней почтительности».

⁵ Бэй-да (北大) — обиходное китайское название Пекинского университета (кит. *Бэйцзин дасюэ*; 北京大學).

мнение казалось весьма неожиданным; при крайне тщательной и детальной проработке Станиславом Иосифовичем его собственных работ было бы понятным стремление ставить такую же высокую планку и для других исследований.

Равным образом в нем удивляло и полное отсутствие пиетета перед вышестоящими, вне зависимости от должности или академических заслуг. Станислав Иосифович со всеми обращался как с равными, с интересом, уважением, но полным отсутствием субординации, столь привычной и в наших учебных, и научных заведениях.

Память об этом прекрасном учителе, исследователе и человеке останется с нами, как и любовь к Китаю, которую Станислав Иосифович пронес сквозь всю свою жизнь и смог передать столь многим.

Литература / References

- Дмитриев С. В. Кучера Станислав Иосифович. *Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами. XX—XXI вв.* М., 2014. С. 178–218 [Dmitriev S. V. Kuczera Stanislav. Russian Sinology — Oral History. *Collection of Interviews with Leading Russian Sinologists. 20th–21st Centuries.* Moscow, 2014. Pp. 178–218 (in Russian)].
- Установления династии Чжоу (Чжоу ли).* Перев. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. С. Кучеры. Т. 1. М., 2010 [*Establishment of the Zhou Dynasty (Zhou Li).* Tr. intr., comm., and adj. by S. Kuczera. Vol. 1. Moscow, 2010 (in Russian)].
- Установления династии Чжоу (Чжоу ли).* Перев. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. С. Кучеры. Т. 2. М., 2017 [*Establishment of the Zhou Dynasty (Zhou Li).* Tr. intr., comm., and adj. by S. Kuczera. Vol. 2. Moscow, 2017 (in Russian)].
- Кучера С. И. *Китайская археология: 1965–1974. Палеолит — эпоха Инь.* М., 1977 [Kuczera S. *Chinese Archeology: 1965–1974. Paleolithic — Yin Dynasty.* Moscow, 1977 (in Russian)].
- Кучера С. И. *Древнейшая и древняя история Китая.* М., 1996 [Kuczera S. *The Earliest and Ancient History of China.* Moscow, 1996 (in Russian)].

Подписано в печать 21.09.2020. Формат 60x84/8

Бумага офсетная 80 г/м². Печать цифровая

Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond

Усл. печ. л. 45. Уч.-изд. л. 30,8.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами

в АО «Т8 Издательские Технологии»

109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.

Тел: 8 (495) 322 38 31

www.t8print.ru